Фредерик ПОЛ

ХИЧИ

ВСТРЕЧА С ХИЧИ
АННАЛЫ ХИЧИ

Встреча с хичи. Анналы хичи

Фредерик Пол

Аннотация
Фредерик Пол. Встреча с хичи. Анналы хичи (сборник)
Встреча с хичи
Анналы хичи

Аннотация

Вот и явились те, кого человечество надеялось встретить, в то же время страшась этой встречи. Представители высшего разума – хичи. Существа, располагающие технологиями, помогающими землянам во многих сферах, но при этом и поставившими Землю на грань катастрофы. Нас ждут волнующие рассказы о Большом взрыве и черных дырах, о сталкивающихся фотонах, о других измерениях и населении чужих планет, о терроризме и искусственном разуме, о мертвых, которые не вполне мертвы, и о том, что движет человечеством в его устремлениях…

Фредерик Пол
Встреча с хичи. Анналы хичи (сборник)

Frederik Pohl
Heechee Rendezvous
The Annals of the Heechee
Печатается с разрешения Curtis Brown Ltd. and Synopsis Literary Agency.
© Frederik Pohl, 1984, 1987
© Перевод. А. Грузберг, 2021
Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Встреча с хичи

Пролог

Разговор с моей подпрограммой

Я не Гамлет. Я слуга хозяина, по крайней мере так меня называли бы, если бы я был человеком. Но я не человек. Я компьютерная программа. Это вполне достойный статус, и я совсем не стыжусь его, особенно учитывая, что (как вы вскоре узнаете) я очень сложная программа, способная не только рассчитать прогрессию или подготовить сцену, но и процитировать стихи какого-нибудь забытого поэта двадцатого века.

Сейчас я начинаю готовить сцену. Меня зовут Альберт, и мой конек — представления. Начну с представления самого себя.

Я друг Робинетта Броудхеда. Ну, это не совсем точно; я не уверен, что могу считаться другом Робина, хотя очень стараюсь быть им. Именно с этой целью я (именно данное конкретное «я») был создан. В общем-то я простая компьютерная программа, способная собирать и оценивать информацию, но мне приданы многие черты

покойного Альберта Эйнштейна. Поэтому Робин зовет меня Альбертом. Здесь есть одна неясность. Поскольку вопрос о том, кто такой Робинетт Броудхед как объект моей дружбы, впоследствии тоже станет спорным, возникает вопрос, кто же такой Робинетт Броудхед в настоящее время, но эти проблема трудная, до решения ее еще далеко, и нам нужно подходить к ней постепенно.

Я понимаю, что все это весьма затруднительно, и не могу не чувствовать, что выполняю свою работу недостаточно хорошо, а она, как я понимаю, состоит в том, чтобы подготовить сцену для появления самого Робина. Но вы можете пропустить мои слова и перейти к самому Робину, как предпочел бы поступить, несомненно, сам Робин.

Представление проведем в форме вопросов и ответов. Я создам специальную подпрограмму внутри моей программы, и она будет расспрашивать меня.

Вопрос: Кто такой Робинетт Броудхед?

Ответ: Робин Броудхед — это человек, который отправился к астероиду Врата и, подвергая себя большому риску, положил начало огромного состояния и еще немалого комплекса вины.

В.: Не создавай головоломок, Альберт, излагай только факты. Что такое астероид Врата?

О.: Это артефакт, оставленный хичи. Примерно полмиллиона лет назад они оставили что-то вроде орбитального летающего гаража, полного действующих космических кораблей. Корабли могут отнести вас в любое место Галактики, но вы не можете контролировать их полет. (Если нужны подробности — см. сопроводительные материалы; я помещаю их, чтобы показать вам, на что способна действительно сложная компьютерная программа.)

В.: Оставь это, Альберт! Только факты, пожалуйста. Кто такие хичи?

О.: Давай кое-что проясним. Если «ты» собираешься задавать «мне» вопросы — хотя «ты» всего лишь подпрограмма программы «я», — ты должен дать мне возможность отвечать наилучшим способом. «Фактов» недостаточно. «Факты» способна производить самая примитивная информационная система. Я слишком хорош, чтобы тратиться на это: я могу дать фон и окружение. Например, для того чтобы наилучшим образом объяснить, кто такие хичи, я должен начать с их первого появления на Земле. Примерно так.

Время — около полумиллиона лет назад, конец плейстоцена. Первым живым земным существом, которое узнало о появлении хичи, оказалась

самка саблезубого тигра. Она родила двух тигрят, облизала их, зарычала, чтобы отогнать своего любопытного самца, уснула, проснулась и обнаружила, что одного детеныша нет. Хищники не…

В.: Альберт, пожалуйста. Это рассказ о Робинетте, не о тебе, так что начинай с него.

О.: Я тебе уже сказал и еще раз повторю. А если еще раз прервешь, я просто выключу тебя, подпрограмма. Будем поступать по-моему, а по-моему — значит так:

Хищники не очень хорошо считают, но тигрица была достаточно умна, чтобы понять разницу между одним и двумя. К несчастью для детеныша, у хищников дурной характер. Потеря детеныша разъярила самку, и в приступе ярости она убила и другого. Интересно отметить, что это был единственный смертельный случай среди крупных млекопитающих в результате первого посещения хичи Земли.

Десять лет спустя хичи вернулись. Они вернули некоторые взятые ими образцы, включая самца тигра, повзрослевшего и откормленного, и взяли новую партию. На этот раз не четвероногих. Хичи научились отличать одних хищников от других и на этот раз взяли группу волочащих ноги существ, ростом в четыре фута, со скошенными лбами,

мохнатыми лицами, лишенными подбородков. Это были далекие побочные предки, которых вы, люди, назовете Australopithecus afarensis. Их хичи не вернули. Они считали, что эти земные существа обладали наибольшими возможностями для появления разума. Таких животных они хотели использовать в программе, которая должна была ускорить эволюцию австралопитеков к нужной хичи цели.

Разумеется, в своих исследованиях хичи не ограничивались планетой Земля, но в Солнечной системе не оказалось больше ничего для них подходящего. Они искали. Исследовали Марс и Меркурий, пронеслись сквозь облачные атмосферы газовых гигантов за поясом астероидов, обнаружили Плутон, но даже не побеспокоились навестить его, пробили туннели в астероиде с эксцентрической орбитой, превратив его в нечто вроде ангара для своих космических кораблей, и изрыли всю поверхность Венеры каналами. Они выбрали Венеру вовсе не потому, что предпочитали ее климат земному. В сущности, поверхность Венеры нравилась им не больше, чем людям: все их сооружения располагались под поверхностью. Но они решили, что сооружениям быть здесь, потому что на Венере не было жизни и они ничему

не могли повредить, а хичи никогда, НИКОГДА не причиняют вреда ничему живому — разве что в случае крайней необходимости.

Хичи не ограничивались и Солнечной системой. Их корабли летали по всей Галактике и за ее пределы. В Галактике свыше двухсот миллионов объектов, больших, чем планета, и они их все нанесли на карты; и множество меньших тоже. Корабли хичи навещали не каждый объект. Но ни одного не миновали их беспилотные корабли или инструментальное изучение спектра, а некоторые объекты стали тем, что можно назвать туристскими аттракционами.

И очень немногие объекты — сущая горсточка — содержали редкостное сокровище, которое искали хичи, — жизнь.

Жизнь редка в Галактике. Разумная жизнь, как определяли ее хичи, еще реже… но она имелась. Земные австралопитеки уже начали использовать орудия труда и начинали создавать общественные институты. А еще существовала многообещающая крылатая раса — в районе, который люди потом назвали созвездием Змееносца. А также существа с мягкими телами на огромной планете с высокой силой тяжести, которая вращается вокруг звезды типа F-9 в созвездии

Эридана; четыре или пять различных типов существ на планетах вокруг далеких звезд по ту сторону центра Галактики; они скрыты облаками газа и плотными звездными скоплениями от наблюдения со стороны Земли. Всего насчитывалось пятнадцать видов на пятнадцати планетах, на тысячи световых лет удаленных друг от друга; можно было ожидать, что у них разовьется разум и довольно скоро они будут способны писать книги и строить машины («довольно скоро», с точки зрения хичи, это в пределах одного миллиона лет).

Помимо хичи, существовали еще три технологические цивилизации и артефакты еще двух, исчезнувших.

Итак, австралопитеки не были уникальны. Но все же представляли большую ценность. Поэтому тот хичи, который перенес колонию австралопитеков с сухих равнин их родины в жилище, подготовленное для них в космосе, получил большую известность благодаря этой своей работе.

Она была трудной и длительной. Этот хичи — потомок трех поколений, осуществлявших проект в Солнечной системе, исследовавших, составлявших карты. Он надеялся, что его потомки продолжат эту работу. Но в этом он ошибался.

В целом хичи находились в Солнечной системе свыше ста лет; а потом все это кончилось — менее чем за месяц.

Было принято решение уходить — и как можно скорее.

И во всех кроличьих туннелях Венеры, во всех небольших постах на Дионе и в южной полярной шапке Марса, на всех орбитальных станциях начались сборы. Хичи — самые аккуратные домохозяева. Они убрали девяносто девять процентов своих инструментов, машин, артефактов и всего того, что поддерживало их жизнь в Солнечной системе, даже мусор. Особенно мусор. Ничего не было оставлено случайно. И ничего, включая хичи-эквивалент пустой бутылки коки или гигиенического пакета, не осталось на поверхности Земли. Хичи вовсе не хотели лишить далеких потомков австралопитеков знания об их посещении. Они только хотели быть уверены, что эти потомки вначале выйдут в космос. Большая часть того, что хичи убрали, им самим оказалась ненужной, и они выбросили это в далекое межзвездное пространство или на Солнце. Многое увезли далеко — со специальной целью. И так делалось не только в Солнечной системе, но повсюду. Хичи очистили Галактику почти от всех

следов своего пребывания. Ни одна овдовевшая голландка в Пенсильвании, готовясь передать ферму старшему сыну, не проявляла такой аккуратности.

Они не оставили почти ничего и совсем ничего без особой цели. На Венере оставили только туннели и фундаменты сооружений, а также тщательно подобранный набор артефактов; на космических станциях — только минимум указателей; и еще одно сооружение.

В каждой солнечной системе, где возможно было появление разума, они оставили один большой и загадочный дар. В земной системе это был астероид с орбитой под прямым углом к эклиптике, который они использовали как терминал для своих космических кораблей. Тут и там, в тщательно подобранных местах других систем, они оставили другие большие сооружения. И в каждом находилось большое количество функционирующих, почти неуничтожимых космических кораблей хичи, способных совершать полеты быстрее скорости света.

Клад в Солнечной системе ждал очень долго, больше четырехсот тысяч лет, а хичи все это время провели в центральной черной дыре. Австралопитеки на Земле оказались неудачей

эволюции, хотя хичи об этом не узнали; но двоюродные братья австралопитеков стали неандертальцами, кроманьонцами, а потом, в результате очередной причуды эволюции, современными людьми. Тем временем крылатые существа развились, выучились, заполучили Прометеев дар и убили себя. Тем временем две существовавшие технологические цивилизации встретились друг с другом и взаимоуничтожились. Тем временем другие многообещающие виды забрели в эволюционные тупики; тем временем хичи прятались и боязливо выглядывали из-за своего барьера Шварцшильда каждые несколько недель своего времени — каждые несколько тысячелетий быстрого времени снаружи…

Тем временем клады ждали, и люди наконец нашли их.

И вот люди взяли корабли хичи. В них они облетали всю Галактику. Первые исследователи были испуганными отчаявшимися людьми, в надежде уйти от своего жалкого существования они рисковали жизнями в слепых полетах к цели, которая могла сделать их богатыми, но, что гораздо вероятнее, могла их убить.

Я сделал краткий обзор взаимоотношений хичи с человеческой расой до того момента, когда

Робин может начать свой рассказ. Есть ли вопросы, подпрограмма?

В.: З-з-з-з-з-з.

О.: Подпрограмма, не будь ослом. Я знаю, что ты не спишь.

В.: Я хочу только заметить, что тебе понадобилось очень много времени, чтобы уйти со сцены, постановщик. И ты рассказал только о прошлом хичи. Но не рассказал об их настоящем.

О.: Я как раз собирался это сделать. Я расскажу об одном хичи, которого зовут Капитан (вообще-то это не его имя: обычаи наименования у хичи совсем не те, что у людей, но это поможет распознавать его), который как раз в то время, когда Робин начинает рассказывать свою историю…

В.: Если ты позволишь ему это сделать.

О.: Подпрограмма! Молчать! Этот Капитан играет большую роль в рассказе Робина, потому что со временем их пути драматически скрестятся, но в момент, о котором я рассказываю, Капитан и не подозревает о существовании Робина. Он вместе с другими членами экипажа готовится проникнуть из того места, где скрываются хичи, в более обширную Галактику, дом для всех нас остальных.

Однако я сыграл с тобой маленькую шутку. Ты

уже — молчать, подпрограмма! — уже встречалась с Капитаном, потому что он входил в тот экипаж, что похитил детеныша тигрицы и построил туннели на Венере. Теперь он намного старше.

Но, конечно, не на полмиллиона лет, потому что хичи прячутся в черной дыре в центре Галактики.

Послушай, подпрограмма, я не хочу, чтобы ты снова меня прерывала, но должен упомянуть одно странное обстоятельство. Черная дыра, в которой жили хичи, стала известна людям задолго до того, как они узнали о хичи. В сущности, в 1932 году это был первый обнаруженный межзвездный радиоисточник. К концу двадцатого века с помощью интерферометров ее нанесли на карту как несомненную черную дыру, к тому же очень большую, с массой в тысячи солнц и диаметром в тридцать световых лет. Тогда же было установлено, что она расположена в трехстах тысячах световых лет от Земли, в направлении созвездия Стрельца, окружена облаком силикатной пыли и является мощным источником гамма-протонов 511-keV. Ко времени открытия астероида Врата стало известно гораздо больше. Знали все основные факты, за исключением од-

ного. Не представляли себе, что там полно хичи. И не подозревали об этом, пока не начали — в сущности, правильно будет сказать, что начал я — расшифровывать старые звездные карты хичи.

В.: З-з-з-з…

О.: Тише, подпрограмма, я тебя понял.

Корабль, в котором находился Капитан, очень напоминал те, что люди нашли на Вратах. У хичи не было времени усовершенствовать конструкцию корабля. Именно поэтому Капитану не было полумиллиона лет: время в черной дыре течет медленно. Главное отличие корабля Капитана от других кораблей — дополнительное устройство.

На языке хичи это устройство называется «нарушитель порядка в линейных системах». Пилот, говорящий по-английски, назвал бы его ножом для консервных банок. Именно он позволял кораблю проходить барьер Шварцшильда вокруг черной дыры. Ничего особенного, просто изогнутый кристалл, торчащий из черного основания, но когда Капитан подавал к нему энергию, он начинал сверкать, как груда бриллиантов. Бриллиантовый блеск расширялся, окутывал корабль, открывал проход, и корабль через него выходил в просторную вселенную. На это не требовалось

много времени. По меркам Капитана, меньше часа. По часам наружной вселенной — около двух месяцев.

Капитан — хичи, и на человека он не похож. Больше всего он напоминает оживший скелет из мультфильма. Но о нем можно думать и как о человеке, потому что он обладает большинством особенностей человека: любопытством, изобретательностью, разумом, способностью влюбляться и всеми остальными качествами, о которых я знаю, но которых никогда не испытывал. Например, Капитан находился в хорошем настроении, потому что смог включить в состав экипажа женскую особь, которую рассматривал как перспективного любовного партнера (люди тоже так поступают в так называемых деловых поездках). Но само дело предстояло не очень приятное, если как следует подумать. Однако Капитан об этом не думал. Он беспокоился не больше, чем рядовой человек беспокоится о том, объявят ли сегодня в полдень войну. Если это случится, конец всему. Но этого не случилось, хотя прошло так много времени, что… Главное отличие заключалось в том, что для Капитана это дело не было объявлением войны; оно связано с тем, почему хичи скрылись в своей черной дыре. Капитан должен

был проверить оставленные хичи артефакты. Клады были оставлены не случайно. Они составляли часть тщательно разработанного плана. Их можно даже назвать приманкой.

А что касается чувства вины, которое испытывал Робинетт Броудхед…

В.: Мне было интересно, когда ты вернешься к этому. Позволь сделать предложение. Почему бы не дать самому Робину Броудхеду возможность высказаться?

О.: Отличная мысль! Небо свидетель, он специалист в этом вопросе. Итак, действие начинается, процессия движется… представляю вам Робинетта Броудхеда!

Такую информацию мне предоставлять легче всего.

…Конфликт из-за острова Доминика, сам по себе ужасный, был разрешен за семь недель, так как и Гаити, и Доминиканская Республика стремились к миру и хотели восстановить свою разрушенную экономику. Следующий кризис, который предстояло разрешить Секретариату, давал надежду, но в то же время был связан с самой серьезной угрозой для всеобщего мира. Я имею в виду, разумеется, открытие так называемого

астероида хичи. Хотя было давно известно, что опередившие нас в технологическом отношении чужаки посещали Солнечную систему и оставили некоторые ценные артефакты, открытие небесного тела с десятками функционирующих космических кораблей было совершенно неожиданным. Корабли были, конечно, бесценны, и все вышедшие в космос члены ООН предъявили на них свои права. Не буду рассказывать о напряженных тайных переговорах, которые привели к созданию пятью державами Корпорации «Врата» — с ее созданием перед человечеством открылись новые горизонты.

Воспоминания Мари-Клементин Бенабуше, генерального секретаря ООН.

1. Совсем как в старые времена

Прежде чем меня расширили, я почувствовал то, что не испытывал уже тридцать лет, и сделал то, на что не считал себя уже способным. Отправил свою жену Эсси в город совершить обход ее предприятий. Во все коммуникационные системы дома дал команду «Не беспокоить». Вызвал свою информационную систему (и друга) Альберта Эйнштейна и отдал ему приказы, от которых

он нахмурился и начал сосать свою трубку. И вот все в доме стихло. Альберт неохотно, но послушно отключился, я удобно лежал на диване в своем кабинете, из соседней комнаты негромко доносился Моцарт, в воздухе пахло мимозой, свет был приглушен — и вскоре, говорю я, я произнес имя, которое не произносил уже десятилетия. «Зигфрид фон Психоаналитик, я бы хотел с тобой поговорить».

На мгновение мне показалось, что он не появится. Но вот в углу комнаты, возле увлажнителя, возникла туманная дымка, что-то блеснуло, и он уже сидит передо мной.

За тридцать лет он нисколько не изменился. На нем темный плотный костюм, такого же покроя, как на портретах Зигмунда Фрейда. На пожилом, ничем не примечательном лице не прибавилось ни морщины, глаза все так же блестят. В одной руке блокнот, в другой — карандаш, как будто ему нужно делать записи! И он вежливо сказал:

— Доброе утро, Роб. Я вижу, вы отлично выглядите.

— Ты всегда начинаешь с того, что пытаешься вселить в меня уверенность, — говорю я, и он слегка улыбается.

Зигфрид фон Психоаналитик на самом деле не

существует. Это всего лишь психоаналитическая компьютерная программа. Физического существования у него нет; то, что я вижу, — только голограмма, а слышу я синтезированную речь. У него даже имени нет, потому что Зигфридом фон Психоаналитиком его назвал я несколько десятилетий назад: я не мог тогда разговаривать с машиной, не имеющей имени.

— Вероятно, — задумчиво сказал он, — вы меня вызвали, потому что вас что-то тревожит.

— Совершенно верно.

Он с терпеливым любопытством взглянул на меня; в этом он тоже не изменился. Сегодня у меня много гораздо более совершенных программ — или, вернее, одна из моих программ, Альберт Эйнштейн, настолько хороша, что об остальных я и не думаю, — но Зигфрид все-таки тоже неплох. Он всегда ждет, не торопит меня. Знает, что нужно время, чтобы то, что таится в моем сознании, обрело словесную форму.

С другой стороны, он не позволяет мне просто мечтать.

— Можете вы сказать, что вас тревожит в данный момент?

— Многое. Разное, — отвечаю я.

— Определитесь, — говорит он. И я пожимаю

плечами.

— Мир очень беспокоен, Зигфрид. Со всем тем хорошим, что происходит, почему люди… О, дерьмо! Я опять начинаю, верно? Говорю о мелочах, а не о главном.

— Неплохо, Робин. Не хотите ли сказать мне, что для вас главное?

— Хочу. Так хочу, что, мне кажется, сейчас заплачу. А я уже давно этого не делал.

— Вы очень давно во мне не нуждались, — замечает он, и я киваю.

— Да. Совершенно верно.

Он ждет немного, медленно вертя карандаш в руке, сохраняя выражение вежливой дружеской заинтересованности, то самое не осуждающее выражение, с каким я всегда его вспоминал между сеансами, потом говорит:

— То, что на самом деле беспокоит вас, Робин, глубоко скрыто и трудно формулируемо. Вы это знаете. Мы это видели вместе — много лет назад. Я не удивлен, что вы все эти годы не испытывали во мне потребности, потому что, очевидно, жизнь ваша складывалась хорошо.

— Да, очень хорошо, — соглашаюсь я. — Наверно, гораздо лучше, чем я заслуживаю… — Стоп! Говоря это, я обнаруживаю скрытое чувство ви-

ны? Чувство неадекватности?

Он вздыхает, но продолжает улыбаться.

— Вы знаете, я предпочитаю, чтобы вы не говорили как психоаналитик, Робин. — Я улыбаюсь ему в ответ. Он ждет некоторое время, потом продолжает: — Посмотрим на нынешнюю ситуацию объективно. Вы приняли меры, чтобы нам никто не помешал — или не подслушал? Не услышал того, что не предназначено даже для ушей ближайшего друга? Вы даже приказали Альберту Эйнштейну, своей информационной программе, не регистрировать этот разговор, не включать его ни в какой банк данных. Вероятно, вы собираетесь сказать нечто очень личное, сокровенное. Может быть, вы стыдитесь этого вашего чувства. Что скажете, Робин?

Я откашливаюсь.

— Ты это точно подметил, Зигфрид.

— Так что же вы хотите мне сообщить? Можете сказать это?

Я решаюсь очертя голову:

— Ты, как всегда, прав, могу! Очень просто! Очевидно! Я чертовски старею!

Так лучше. Когда трудно сказать, просто скажи. Это одна из тех простых истин, что я узнал в далекие дни, когда трижды в неделю изливал свою

боль перед Зигфридом, и это всегда действовало. И, сказав, я чувствовал себя очищенным — ну, не счастливым, проблема все-таки не решена, но клубок зла вышел из меня. Зигфрид молча кивает. Смотрит на карандаш, который вертит в руках, ждет, чтобы я продолжил. А я знаю, что худшее позади. Я знаю это чувство. Хорошо помню по давним бурным сеансам.

Теперь я не тот, что тогда. Тот Робин Броудхед испытывал сильнейшее чувство вины, потому что оставил любимую женщину умирать. Теперь это чувство вины давно исчезло — и помог мне в этом Зигфрид. Тот Робин Броудхед так плохо о себе думал, что не верил, будто кто-то может отнестись к нему хорошо, и у него было мало друзей. Теперь они у меня есть. Десятки! Сотни! (О некоторых из них я собираюсь вам рассказать.) Тот Робин Броудхед не мог принять любовь, а я уже четверть века состою в прекрасном браке. Так что я совсем другой Робин Броудхед.

Но кое-что никогда не меняется.

— Зигфрид, — говорю я, — я стар. Я скоро умру, и знаешь, что больше всего меня выводит из себя?

Он поднимает взгляд от карандаша.

— Что, Робин?

— Я недостаточно взрослый, чтобы быть таким

старым!

Он поджимает губы.

— Не хотите ли объяснить это, Робин?

— Да, — говорю я, — хочу. — Кстати, дальнейшее совсем легко, потому что я немало об этом думал, прежде чем вызвать Зигфрида. — Я думаю, это связано с хичи, — говорю я. — Дай мне закончить, прежде чем скажешь, что я спятил, ладно? Как ты помнишь, я принадлежу к поколению, открывшему хичи; мы росли среди разговоров о хичи; у хичи было все, чего не было у людей, и они знали все, чего не знают люди…

— Хичи не были такими совершенными, Робин.

— Я говорю о том, как казалось нам, детям. Хичи были страшные, мы пугали друг друга, что они вернутся и возьмут нас. И больше всего — они нас настолько опередили, что мы не могли с ними соревноваться. Немного вроде Санта-Клауса. Немного как те насильники-извращенцы, которыми нас пугали матери. Немного как Бог. Ты понимаешь, о чем я говорю, Зигфрид?

Он осторожно отвечает:

— Я могу понять эти чувства, да. Такое происходило со многими людьми вашего поколения и позже.

— Верно! И я помню, что ты однажды сказал мне о Фрейде. Ты сказал, что он говорил: ни один человек не может считать себя подлинно взрослым, пока жив его отец.

— Ну, в сущности…

Я прерываю его:

— А я отвечал тебе, что это вздор, потому что мой отец был настолько благоразумен, что умер, когда я был еще маленьким ребенком.

— О Робин. — Он вздыхает.

— Нет, слушай меня. А какова самая главная фигура отца? Как мы можем вырасти, если Наш Отец, Который В Центре, все еще там и мы не можем даже добраться до него, не говоря уже о том, чтобы наподдать старому ублюдку?

Он печально качает головой.

— Отцовские символы. Цитата из Фрейда.

— Нет, я серьезно. Неужели ты не понимаешь?

Он серьезно говорит:

— Да, Робин. Я понимаю, что вы имеете в виду хичи. Это правда. Я согласен, что это проблема для человеческой расы, и, к несчастью, доктор Фрейд о такой ситуации никогда не думал. Но мы сейчас говорим не о человечестве, а о вас. Вы меня вызвали не ради отвлеченной дискуссии. Вы вызвали меня, потому что несчастны, и сами

сказали, что виноват неизбежный процесс старения. Поэтому давайте сосредоточимся на том, что мы можем. Пожалуйста, не теоретизируйте, просто скажите, что вы чувствуете.

— Ну, я чувствую себя, — сдаюсь я, — чертовски старым. Тебе этого не понять, потому что ты машина. Ты не знаешь, каково это, когда зрение подводит, на обратной стороне ладони появляются темные старческие пятна. Когда нужно сесть, чтобы надеть носки: если встанешь на одну ногу, то упадешь. Когда всякий раз забываешь дни рождения и думаешь о болезни Альцгеймера, а иногда хочешь, да не можешь пописать. Когда… — Но тут я остановился. Не потому, что он прервал меня; просто он выглядел так, будто готов слушать бесконечно долго, а какой во всем этом прок? Он подождал немного, чтобы убедиться, что я кончил, потом терпеливо начал:

— В соответствии с медицинскими записями, ваша простата заменена восемнадцать месяцев назад, Робин. Неприятности в среднем ухе легко…

— Подожди! — закричал я. — Откуда ты знаешь о моих медицинских записях, Зигфрид? Я отдал приказ, чтобы эта информация была закрыта!

— Конечно, Робин. Поверьте, ни одно слово из

нашего разговора не будет доступно ни для одной из остальных ваших программ, вообще ни для кого, кроме вас. Но ведь у меня есть доступ к банкам информации, включая ваши медицинские записи. Могу я продолжить? Стремечко и наковальню в вашем ухе легко заменить, и это решит проблему равновесия. Замена роговицы положит конец начинающейся катаракте. Остальные проблемы чисто косметические, и, разумеется, не будет никаких трудностей с добыванием молодых тканей. Остается только болезнь Альцгеймера, но, откровенно говоря, Робин, я не вижу у вас никаких ее признаков.

Я пожимаю плечами. Он какое-то время ждет, потом говорит:

— Так что все те проблемы, о которых вы упомянули, а также множество других, о которых вы умолчали, но которые значатся в ваших медицинских записях, легко могут быть разрешены или уже разрешены. Может быть, вы неверно сформулировали свой вопрос, Робин. Может быть, проблема не в том, что вы стареете, а в том, что вы не хотите принять необходимые меры, чтобы предотвратить это.

Он поджимает губы и ждет.

— Может, мне хочется, чтобы все шло есте-

ственно.

Он пожимает плечами.

— Послушай, Зигфрид, — начинаю я льстить. — Хорошо. Я признаю твои резоны. У меня Полная Медицина Плюс, и я могу получить любые органы для замены; причина того, почему я это не делаю, у меня в голове. Я знаю, как ты это называешь. Эндогенная депрессия. Но это ничего не объясняет!

— Ах, Робин, — вздыхает он, — опять психоаналитический жаргон. И плохой жаргон к тому же. «Эндогенный» означает всего лишь «глубинный, происходящий изнутри». Это вовсе не означает, что причины нет.

— Тогда какова же причина?

Он задумчиво говорит:

— Давайте поиграем. Под вашей левой рукой есть пуговица…

Я смотрю: да, на кожаном кресле пуговица.

— Ну, она просто удерживает кожу на месте, — говорю я.

— Несомненно, но в нашей игре эта пуговица будет означать, что, как только вы ее нажмете, вам немедленно сделают хирургическую операцию по трансплантации. Немедленно. Поставьте палец на пуговицу, Робин. Итак. Вы готовы нажать на нее?

— Нет.

— Понятно. Не скажете ли почему?

— Потому что я не заслуживаю того, чтобы меня чинили, используя части тела других людей! — Я не собирался говорить это. Даже не знал, так ли это. А когда сказал, мог только сидеть и слушать эхо своих слов; и Зигфрид тоже некоторое время молчит.

Потом берет свой карандаш и кладет в карман, берет блокнот и кладет в другой карман, потом наклоняется ко мне.

— Робин, — говорит он, — не думаю, что я могу вам помочь. У вас чувство вины, от которого я не могу вас избавить.

— Но раньше ты всегда мне помогал! — завываю я.

— Раньше, — терпеливо объясняет он, — вы причиняли себе боль из-за того, в чем, вероятнее всего, не были виноваты, и, во всяком случае, это было в прошлом. На этот раз другое дело. Вы можете прожить, вероятно, еще пятьдесят лет, заменяя поврежденные органы здоровыми. Но вы правы — эти органы принадлежат кому-то другому, и вы, чтобы жить дольше, в определенном смысле заставляете других жить меньше. Признание этого, Робин, не снимет невротиче-

ское ощущение вины.

Вот и все, что он говорит мне; и с улыбкой, одновременно доброй и печальной, добавляет:

— До свидания.

Терпеть не могу, когда мои компьютерные программы начинают рассуждать о морали. Особенно когда они правы.

* * *

Теперь нужно напомнить, что пока я был охвачен депрессией, в мире происходило много чего. Множество событий происходило со множеством людей в мире — во всех мирах и в пространстве между ними. Я просто тогда о них не знал, даже если в них участвовали люди (и нелюди), которые мне знакомы. Позвольте привести пример. Мой еще-не-друг Капитан, один из тех извращенцев-насильников-Санта-Клаусов, которые наполняли мои детские сны, начинал пугаться гораздо больше, чем я когда-либо боялся хичи. Моему прежнему (вскоре снова станет настоящим) другу Оди Уолтерсу Младшему вскоре предстояла встреча — она ему дорого обойдется — с моим некогда другом (и недругом) Вэном. И мой лучший друг из всех (примите во внимание, что он не «реален») Альберт Эйнштейн собирался

удивить меня… Как все это сложно! Ничего не могу сделать. Я жил в сложное время, и жизнь моя была сложна. Теперь, когда я расширился, все это встало на свое место, но тогда я о многих частях даже не подозревал. Я был стареющим человеком, угнетенным сознанием греховности; и когда моя жена вернулась домой и обнаружила, что я сижу в шезлонге и смотрю на Таппаново море, она сразу воскликнула:

— Робин! Что с тобой?

Я улыбнулся ей и позволил поцеловать себя. Эсси часто бранится. Она также любит меня, а это многого стоит. Она высокая. Стройная. У нее длинные золотистые волосы; когда она в роли профессора или бизнесмена, убирает их в тугой пучок, а ложась спать, распускает их. И, не подумав, не откорректировав свои слова, я выпалил:

— Я разговаривал с Зигфридом фон Психоаналитиком.

— А, — сказала Эсси, выпрямляясь. — О.

И, задумавшись, принялась доставать булавки из своего пучка волос. Прожив с человеком несколько десятилетий, многое о нем узнаешь, и я следил за ее мыслительным процессом, словно она рассуждала вслух. Конечно, она встревожилась, что мне понадобилось говорить с

психоаналитиком. Но в то же время она очень верила в Зигфрида. Эсси всегда считала, что она в долгу перед Зигфридом, потому что знала: только с помощью Зигфрида когда-то давно я смог признаться себе, что влюблен в нее. (А также в Джель-Клару Мойнлин, что и составляло проблему.)

— Не хочешь ли рассказать мне, в чем дело? — вежливо спросила она, и я ответил:

— Возраст и депрессия, моя дорогая. Ничего серьезного. Только временное. Как твой день?

Она изучала меня своими всевидящими диагностическими глазами, распуская длинные светлые волосы. Строила ответ в соответствии со своим диагнозом.

— Ужасно устала, — сказала она наконец, — и мне нужно выпить. Тебе, я думаю, тоже.

Мы выпили. В шезлонге нашлось место для нас обоих, и мы смотрели, как луна садится в направлении Джерси, а Эсси рассказывала мне о своем дне и не очень допытывалась о моем.

У Эсси своя жизнь, и очень напряженная — удивительно, что она неизменно находит в ней много места и для меня. Помимо своих предприятий, она провела утомительный час в исследовательском институте, который мы основали, чтобы

внедрять технологию хичи в наши компьютеры. У хичи, по-видимому, не было компьютеров, они не рассчитывали курс своих кораблей, но у них были изящные идеи в пограничных областях. Конечно, это специальность Эсси, она доктор наук. И когда она говорит о своих исследовательских программах, я вижу, как она одновременно рассуждает: не нужно расспрашивать старину Робина, я могу просто справиться у программы Зигфрида и прослушать весь разговор. Я ласково сказал:

— Ты не так хитра, как думаешь, — и она смолкла посредине фразы. — Наш разговор с Зигфридом закрыт.

— Ха. — Самодовольно.

— Никаких «ха», — сказал я, тоже самодовольно, — потому что я заставил Альберта пообещать. Запись так запрятана, что даже ты не сможешь добыть ее, не уничтожив всю систему.

— Ха! — повторила она и наклонилась, заглядывая мне в глаза. На этот раз «ха» звучало громче и выразительнее, и перевести его можно было так: «Придется поговорить об этом с Альбертом».

Я посмеиваюсь над Эсси, но я и люблю Эсси. Поэтому я позволил ей уйти с крючка.

— Не хочу, чтобы этот запрет нарушался, —

сказал я, — ну, из тщеславия. В разговоре с Зигфридом я был таким нытиком. Но я сам тебе все расскажу.

Она села, довольная, и слушала мой рассказ. Когда я кончил, она немного подумала и сказала:

— Поэтому ты испытываешь депрессию? Потому что ничего не ждешь впереди?

Я кивнул.

— Но, Робин! У тебя, возможно, ограниченное будущее, но боже! Какое прекрасное настоящее! Галактический путешественник! Один из богатейших магнатов! Неукротимый сексуальный объект, к тому же обладающий очень сексуальной женой!

Я улыбнулся и пожал плечами. Задумчивое молчание.

— Вопросы морали, — сказала она наконец, — не лишены разумности. Тебе делает честь, что ты задумываешься над ними. У меня тоже были сомнения, как ты помнишь, когда не так давно мне заменяли изношенные органы другими.

— Значит, ты понимаешь!

— Прекрасно понимаю! А еще я понимаю, что после того как решение принято, не нужно дергаться. Депрессия — это глупо. К счастью, — сказала она, вставая с шезлонга и беря меня за

руку, — в нашем распоряжении есть отличный антидепрессант. Не хочешь ли последовать за мной в спальню?

Конечно, я хотел. И пошел. И скоро почувствовал, что мне не до депрессии — как всегда, когда нахожусь в постели с С. Я. Лавровой-Броудхед. И не прерывал бы этого наслаждения, даже если бы знал, что до смерти, вызывавшей депрессию, мне осталось меньше трех месяцев.

Снова говорит Альберт Эйнштейн. Мне кажется, лучше пояснить, что сказал Робин о Джель-Кларе Мойнлин. Она была исследователем с Врат, и он любил ее. Они вместе с несколькими другими оказались захваченными черной дырой. Одни из них могли освободиться за счет других. Это удалось сделать Робину. А Кларе и всем остальным нет. Возможно, это чистая случайность; может быть, Клара пожертвовала собой и освободила Робина; может, Робин впал в панику и спасся за счет других; даже сейчас невозможно сказать, что именно произошло. Но Робин, всегда остро испытывавший чувство вины, долгие годы представлял себе Клару в этой черной дыре, с остановившимся временем, все в том же моменте ужаса и отчаяния — и всегда (он думал) винящую его. Только Зигфрид помог ему избавиться от

этого.

Вы можете удивиться, откуда я обо всем этом знаю, поскольку разговоры с Зигфридом закрыты. Ну, это легко. Я знаю об этом точно так же, как теперь Робин знает многое о том, чего он никогда не видел.

2. Что происходило на планете Пегги

Тем временем на планете Пегги мой друг Оди Уолтерс разыскивал некий кабак и некоего человека.

Я говорю, что он мой друг, хотя не вспоминал о нем долгие годы. Некогда он оказал мне услугу. Я этого не забыл. Если бы кто-нибудь сказал мне: «Эй, Робин, а помните, Оди Уолтерс помог вам получить корабль, когда он вам был нужен?», — я с негодованием ответил бы: «Черт побери, да! Я о таком никогда не забываю!» Но я, конечно, не думал об этом ежеминутно, и, кстати, в тот момент понятия не имел, где находится Оди и вообще жив ли он.

Уолтерса легко запомнить, потому что выглядит он необычно. Невысокий и некрасивый. Лицо в нижней части шире, чем в верхней, и потому он слегка напоминает дружески расположенную к вам лягушку. Он женат на красивой и неудовле-

творенной женщине вдвое моложе его самого. Ей было девятнадцать лет; звали ее Долли. Если бы Оди спросил у меня совета, я бы ответил ему, что май и декабрь уживаются не очень хорошо — разумеется, если только, как в моем случае, декабрь не обладает необыкновенным богатством. Но Оди очень хотел, чтобы у него получилось, потому что очень любил Долли, и потому трудился ради нее, как раб. Оди Уолтерс был пилотом. Знал корабли любого типа. Он пилотировал воздушные корабли на Венере. Когда большой земной транспорт (который постоянно напоминал ему обо мне, потому что мне принадлежала значительная часть его стоимости и я назвал его в честь своей жены) оказывался на орбите вокруг Пегги, Оди приводил шаттлы, которые нагружались на корабле и разгружались на поверхности; а между приходами транспорта нанимался пилотировать любой корабль и выполнял любые задания, какие требовались в этом чартере. Подобно всем остальным на планете Пегги, он явился за 4x10 в десятой степени километров от места, где родился, чтобы заработать на жизнь, и иногда это ему удавалось, а иногда не очень. Поэтому, когда закончился один чартер и Аджангба сказал Оди, что есть другой, Уолтерс ухватился за него. Даже

если это означало обшарить все притоны порта Хеграмет, чтобы отыскать нанимателей. А это не так легко. Для города, насчитывающего четыре тысячи жителей, Хеграмет перенасыщен барами. Их десятки, и в самых вероятных — кафе отеля, паб аэропорта, большое казино с единственным в Хеграмете ночным представлением — арабов, которые должны его нанять, не оказалось. Долли в казино, где она могла бы выступать со своими куклами, не было, не было ее и дома, во всяком случае, на телефонные звонки она не отвечала. Полчаса спустя Уолтерс по-прежнему бродил по плохо освещенным улицам в поисках своих арабов. Теперь он вышел за пределы более богатой западной части города. Нашел он арабов в кабаке на самом краю города, и они спорили.

Все сооружения порта Хеграмет временные. Это неизбежное следствие того обстоятельства, что Пегги — планета-колония. Каждый месяц, когда с Земли являлся новый транспорт с иммигрантами, население разбухало, как шар, в который накачали водород. Но в течение следующих нескольких недель оно постепенно сокращалось, колонисты перемещались на плантации, на лесоразработки и в шахты. Население никогда не опускалось до прежнего уровня, потому что

ежемесячно появлялось несколько сотен новых жителей, так что приходилось пристраивать новые здания. Но этот кабак был самым временным из всех временных сооружений. Три плиты строительного пластика служили ему стенами, четвертую положили в качестве крыши, а стена, обращенная к улице, оставалась открытой для теплого воздуха Пегги. Но даже и так внутри было туманно и дымно, пахло табаком, коноплей, гарью ламп и кислым пивным запахом самогона, которым здесь торговали.

Уолтерс сразу узнал свою добычу по описанию агента. Таких не так уж много в порту Хеграмет. Конечно, арабов много, но богатых нет. И сколько среди них старых? Мистер Лукман даже старше Аджангбы, он толстый и лысый, и на каждом пухлом пальце у него кольцо, и многие с бриллиантами. Он вместе с несколькими другими арабами сидел в глубине кабака, но когда Уолтерс направился к нему, хозяйка преградила ему дорогу.

— Частная пирушка, — сказала она. — Они платят. Оставь их в покое.

— Они ждут меня, — заявил Уолтерс, надеясь, что это правда.

— Зачем?

— Ну, это не твое дело, — раздраженно сказал Уолтерс, стараясь представить, что произойдет, если он просто оттолкнет хозяйку. Конечно, сама по себе она не страшна, тощая, темноволосая молодая женщина с большими голубыми металлическими серьгами; но вот рослый мужчина с пулеобразной лысой головой, сидящий в углу и внимательно за всем наблюдающий, — совсем другое дело. К счастью, мистер Лукман увидел Уолтерса и неуверенно направился к нему.

— Вы мой пилот, — изрек он. — Пойдемте выпьем.

— Спасибо, мистер Лукман, но мне нужно домой. Я просто хотел подтвердить чартер.

— Да. Пойдемте. — Он повернулся и посмотрел на своих спутников, которые о чем-то яростно спорили. — Выпить хотите? — спросил он через плечо.

Он был пьянее, чем думал Уолтерс. Оди снова сказал:

— Спасибо, нет. Будьте добры, подпишите контракт.

Лукман повернулся и взглянул на листок в руках Уолтерса.

— Контракт? — Он на некоторое время задумался. — Мы должны заключить контракт?

— Таково обыкновение, мистер Лукман, — сказал Уолтерс. Терпение его подходило к концу. В глубине помещения спутники араба кричали друг на друга, и внимание Лукмана разделялось между Уолтерсом и спорящими.

И еще одно. В споре участвовали четверо — а всех, значит, было пятеро, если считать и Лукмана.

— Мистер Аджангба сказал, что вас будет четверо, — заметил Уолтерс. — Иначе перегрузка. А вас пятеро.

— Пятеро? — Взгляд Лукмана сосредоточился на Уолтерсе. — Нет. Нас четверо. — Но тут выражение его лица изменилось, и он благожелательно улыбнулся. — О, вы думаете, этот спятивший один из нас? Нет, он с нами не пойдет. Он скорее отправится в могилу, если будет настаивать перед Шамином на своем толковании слов пророка.

— Понятно, — сказал Уолтерс. — Тогда подпишите, пожалуйста…

Араб пожал плечами и взял листок у Уолтерса. Он разложил его на оцинкованной поверхности бара и с трудом начал читать, держа в руке ручку. Спор стал громче, но Лукман, казалось, не обращал на него внимания.

Большинство посетителей кабака были аф-

риканцами, причем кикуйю сидели по одну сторону, а масаи — по другую. На первый взгляд спорщики казались одинаковыми. Но теперь Уолтерс видел, что это не так. Один был моложе остальных, меньше ростом и стройнее. Кожа у него темнее, чем у большинства европейцев, но не такая смуглая, как у ливийцев; глаза такие же черные, но веки не окрашены.

Уолтерс повернулся к ним спиной и терпеливо ждал возможности уйти. Не только потому, что хотел увидеть Долли. Порт Хеграмет знаком с этнической враждой. Китайцы в основном оставались с китайцами, латиноамериканцы в своем баррио, европейцы — в европейском районе — о, не совсем обязательно и, конечно, не всегда мирно. Даже внутри этих общностей существовали четкие границы. Китайцы из Кантона не дружили с китайцами с Тайваня, португальцы имели мало общего с финнами, а бывшая Чили и прежняя Аргентина продолжали враждовать. Однако европейцам определенно не следовало приходить в африканские бары; поэтому, получив подписанный контракт, Уолтерс поблагодарил Лукмана и ушел быстро и с явным облегчением. Не прошел он и квартала, как услышал за собой крик ярости и вопль боли.

На планете Пегги каждый старается не вмешиваться в чужие дела, но Уолтерсу нужно было защитить предстоящий чартер. Он видел группу нападающих, окружившую одного человека. Вполне возможно, что африканцы напали на его нанимателя. А это уже его дело. Уолтерс повернулся и побежал назад — ошибка, о которой он, поверьте мне, впоследствии очень глубоко жалел.

К тому времени как Уолтерс подбежал, нападающие исчезли, а хнычущий окровавленный человек на тротуаре оказался не из группы нанимателей: это был молодой незнакомец; он схватил Уолтерса за ногу.

— Помоги мне, и я дам тебе пятьдесят тысяч долларов, — сказал он неуверенным голосом; губы его распухли и кровоточили.

— Пойду за полицейским, — предложил Уолтерс, стараясь высвободиться.

— Никакой полиции! Помоги мне их убить, и я тебе заплачу! — рявкнул человек. — Я капитан Хуан Генриетта Сантос-Шмитц и заплачу за твою услугу!

Конечно, в то время я ничего об этом не знал. С другой стороны, Уолтерс не знал, что мистер Лукман работает на меня. Это не важно. На ме-

ня работают десятки тысяч людей, и совсем не важно, знает их Уолтерс или нет. Плохо, что он сразу не узнал Вэна, потому что лишь немного слышал о нем.

Я хорошо знал Вэна. Впервые встретил его, когда он был ребенком, воспитанным машинами, а не людьми. В каталоге моих знакомых, который я открываю для вас, он значится среди недругов. Вообще он никогда не социализировался настолько, чтобы стать кому-нибудь другом.

Больше того, можно сказать, что он был врагом — и не только моим, но всего человечества — в те дни, когда испуганным и похотливым юнцом мечтал на своей кушетке в облаке Оорта, не зная и не беспокоясь, что его мечты сводят все человечество с ума. Конечно, это не его вина. Не его вина, что несчастные террористы вдохновились его примером и снова всех нас начали сводить с ума, когда могли это организовать, — но если мы займемся понятием «ошибки» и связанным с ним понятием «вины», мы снова невольно вернемся к Зигфриду фон Психоаналитику, а я сейчас говорю об Оди Уолтерсе.

Уолтерс, конечно, не ангел милосердия, но он не мог оставить этого человека на улице. Вводя окровавленного незнакомца в свою маленькую

квартиру, которую он делил с Долли, Уолтерс так и не понимал, почему он это делает. Конечно, этот человек в бедственном состоянии. Но для этого существуют станции первой помощи, и к тому же жертва оказалась крайне несимпатичной. Всю дорогу до квартала, называвшегося Малой Европой, этот человек постоянно снижал плату за помощь и сетовал на трусость Уолтерса; к тому времени как он разлегся на складной кровати Уолтерса, обещанная плата съежилась до двухсот пятидесяти долларов, а характер Уолтерса подвергался непрерывному поношению.

Но кровотечение прекратилось. Человек сел на кровати и презрительно осмотрел квартиру. Долли все еще не было дома, и, конечно, квартира была в беспорядке: множество грязных тарелок на столе, всюду разбросаны ее куклы, белье сушится над раковиной, а с ручки двери свисает свитер.

— Какое грязное место, — сказал нежеланный гость. — Да оно и двухсот пятидесяти долларов не стоит.

С губ Уолтерса готов был сорваться резкий ответ. Но он удержал его, как уже полчаса удерживал ответы на другие его реплики.

— Я помогу тебе умыться, — сказал он. — Потом

можешь убираться. Мне твои деньги не нужны.

Разбитые губы попытались изогнуться в усмешке.

— Как глупо с твоей стороны, — сказал человек. — Я капитан Хуан Генриетта Сантос-Шмитц. У меня собственный космический корабль. У меня доля доходов в транспортном корабле, который кормит эту планету, среди других моих предприятий. Говорят, что я на одиннадцатом месте в списке самых богатых людей.

— Никогда о тебе не слышал, — проворчал Уолтерс, напуская теплую воду в раковину. Но это не было правдой. Смутно вспоминалось что-то давнее. Кого-то еженедельно показывали в новостях ПВ, потом пореже — каждый месяц или два. Ничто не забывается лучше, чем человек, прославленный десять лет назад. — Ты ребенок, выросший в корабле хичи, — неожиданно сказал Уолтерс, и человек взвыл:

— Точно! Ой! Ты делаешь мне больно!

— Терпи, — ответил Уолтерс и подумал, что же делает здесь одиннадцатый в списке богатейших людей. Долли, конечно, понравится эта встреча. Но Долли часто нравятся ее планы — как разбогатеть и купить островные плантации, или летний дом, или билет домой. Может, стоит задержать

здесь этого человека под каким-нибудь предлогом, пока Долли не вернется? Или вытолкать его и потом рассказать Долли?

Но эта дилемма тут же разрешилась сама собой: дверь заскрипела, и вошла Долли.

Как бы ни выглядела Долли у себя дома — обычно глаза ее слезились от аллергии на флору Пегги, она вечно недовольна, ее прическа частенько не в порядке, — но когда она выходит наружу, она ослепительна. И очевидно, она ослепила неожиданного гостя, когда появилась в дверях, и хоть Уолтерс уже около года был женат на этой женщине со стройной фигурой и неулыбающимся лицом — и отлично знал, какой диете она обязана первому и какому недостатку своих зубов — второму, сам он тоже был почти ослеплен.

Уолтерс обнял ее и поцеловал; она рассеянно вернула поцелуй. Глядела мимо него, на незнакомца. Все еще обнимая ее, Уолтерс сказал:

— Дорогая, это капитан Сантос-Шмитц. Он подрался, и я привел его сюда…

Она оттолкнула его:

— Младший, неужели?

Ему потребовалось время, чтобы осознать недоразумение.

— О нет, Долли, он не со мной дрался. Просто я

проходил поблизости.

Выражение ее смягчилось, и она повернулась к гостю.

— Конечно. Добро пожаловать, Вэн. Позвольте взглянуть, что с вами сделали.

Сантос-Шмитц приободрился.

— Вы меня знаете, — сказал он, позволяя ей взглянуть на повязки, которые уже наложил Уолтерс.

— Конечно, Вэн! Все в порту Хеграмет знают вас. — Она сочувственно покачала головой, разглядывая синяк у него под глазом. — Вы показывали на меня вчера вечером, — сказала она. — В «Веретене».

Он откинулся назад и взглянул на нее внимательнее.

— О да! Вы выступали! Я видел ваше представление.

Долли Уолтерс редко улыбалась, но она умела морщить глаза и поджимать свои красивые губы, что еще лучше улыбки; очень привлекательное выражение. Она часто демонстрировала его, когда они поудобнее устраивали Вэна Сантос-Шмитца, кормили его и слушали объяснения, почему ливийцы были не правы, когда рассердились на него. Если Уолтерс думал, что Долли

рассердится на него за то, что привел этого бродягу в дом, то скоро понял: тут ему нечего опасаться. Но время шло, и он начинал нервничать.

— Вэн, — сказал он, — мне завтра утром надо улетать, и я думаю, ты рад будешь вернуться в отель…

— Конечно, нет, Младший, — заявила его жена. — У нас здесь достаточно места. Он будет спать в кровати, ты на диване, а я лягу в другой комнате.

Уолтерс был поражен, он даже не нахмурился. И ничего не ответил. Что за глупая мысль! Конечно, Вэн предпочтет вернуться в отель, и, конечно, Долли просто проявляет вежливость; не хочет же она, чтобы эту ночь они провели отдельно друг от друга. Ведь утром ему предстоит лететь в буш с этими вспыльчивыми арабами. Поэтому он уверенно ждал, что Вэн сейчас извинится, а жена его примет извинения, потом уверенность становилась меньше, потом ее совсем не стало. Уолтерс не очень высок, но диван еще короче, и всю ночь он метался и ворочался на нем, жалея о том, что услышал имя Хуана Генриетты Сантос-Шмитца.

И сожаление это разделяло все человечество, включая меня.

Вэн не просто неприятный человек — о, это

не его вина, конечно (да, да, Зигфрид, я знаю, убирайся из моей головы!). Он к тому же скрывался от правосудия, вернее, скрывался бы, если бы стало известно, что именно он прихватил из артефактов хичи.

Говоря Уолтерсу, что он богат, Вэн не солгал. У него с рождения было право на долю прибылей от любой технологии хичи, просто потому, что мама родила его на корабле хичи и рядом не оказалось ни одного другого человека. Когда суды во всем разобрались, он получил очень много денег. По мнению Вэна, это означало также, что он имеет право на любую находку, касающуюся хичи, о которой раньше не было известно. Он взял себе корабль хичи — все это знали, — но на его деньги лучшие адвокаты поставили в тупик Корпорацию «Врата» в судах. Он прихватил также некоторые аппараты хичи, недоступные большинству людей, и если бы стало известно, что это за аппараты, дело тут же передали бы в суд и Вэн немедленно стал бы Врагом Общества Номер Один, а не просто помехой и причиной раздражения. Поэтому у Уолтерса были все права ненавидеть его, хотя, конечно, совсем по другим причинам.

Когда Уолтерс на следующее утро увидел

ливийцев, они страдали от похмелья и были раздражительны. Он тоже, но разница заключалась в том, что у него раздражение было глубже и не было похмелья. Кстати, отчасти этим объяснялось его раздражение.

Пассажиры не спрашивали его о прошлом вечере; они вообще почти не разговаривали, когда судно летело над широкой саванной, редкими полянами и очень редкими фермами планеты Пегги. Лукман и еще один араб погрузились в изучение сделанных со спутника цветных снимков этого района. Самолет летел почти сам по себе: в эту пору погода обычно очень хорошая. У Уолтерса было достаточно времени, чтобы думать о себе и своей жене. Когда они поженились, это было его настоящим триумфом, но почему потом им перепало так мало счастья?

Конечно, у Долли жизнь была нелегкая. Девушка из Кентукки, без денег, без семьи, без работы — без особых талантов и без особого ума, такой девушке нужно использовать все свои данные, чтобы выбраться из угольной местности. Единственным, что в Долли было пригодно для коммерции, оказалась ее внешность. Хорошая внешность, хотя и с недостатком. У нее стройная фигура, яркие глаза, но кривые зубы.

В четырнадцать лет она начала танцевать в барах Цинциннати, но этим на жизнь не заработаешь, если не подрабатываешь проституцией на стороне. Долли этого не хотела. Она берегла себя. Пыталась петь, но для этого у нее голоса не хватало. К тому же, пытаясь петь не раскрывая губ, чтобы не показывать зубы, она выглядела чревовещателем… И когда один из посетителей, чьи посягательства она отвергла, сказал ей об этом, перед Долли блеснул свет. Распорядитель этого клуба считал себя комиком. Долли стиркой и шитьем заработала денег, чтобы закупить некоторые старые комические сцены, сама изготовила кукол, изучила все, какие могла, кукольные представления на ПВ и в записях и попыталась дать представление в субботний вечер перед тем, как в воскресенье ее должна была сменить другая певица. Выступление не было очень успешным, но очередная певица оказалась еще хуже Долли, так что она получила передышку. Две недели в Цинциннати, месяц в Луисвилле, почти три месяца в маленьких клубах на окраинах Чикаго — если бы ангажементы следовали непрерывно, она неплохо бы зарабатывала, но их разделяли недели и даже месяцы без работы. Впрочем, с голоду она не умирала. К тому времени как Долли

добралась до планеты Пегги, ее репертуар пообтерся о такое количество враждебных и пьяных аудиторий, что приобрел вполне пригодную для продажи форму. Конечно, недостаточно для хорошей карьеры. Но достаточно, чтобы поддерживать жизнь. Звезд здесь не было, а она не хуже других. И если она больше себя не берегла, то и не тратила слишком расточительно. Когда появился Оди Уолтерс Младший, он предложил более высокую плату, чем другие клиенты, — замужество. И она согласилась. В восемнадцать лет. Вышла замуж за человека, вдвое старше ее.

Трудна была жизнь Долли, однако не труднее, чем у остальных жителей Пегги — не считая, конечно, таких, как нефтеразведчики Оди. Эти — или их компания — платили полностью за билет до Пегги, и у каждого из них в кармане лежал оплаченный обратный билет.

Это не делало их более жизнерадостными. До места на Западном Острове, которое они выбрали в качестве своей базы, шесть часов лету. К тому времени, как они поели, поставили свои палатки, раз или два помолились, не без споров о том, в каком направлении обращать молитву, похмелье их развеялось, но было уже поздно заниматься чем-то в этот день. Для них. Не для

Уолтерса. Ему приказали летать поперечными маршрутами над двадцатью тысячами гектаров поросших кустарником холмов. Ему предстояло просто тащить за собой детектор массы и измерять гравитационные аномалии. Темнота не могла помешать мистеру Лукману во всяком случае, но не Уолтерсу, потому что именно такие полеты он не любил больше всего; лететь приходилось на очень небольшой высоте, а некоторые из холмов довольно высоки. И вот он постоянно держал включенными и радар, и прожекторы, распугивая медлительных глупых животных, населяющих саванны Западного Острова, и пугаясь сам, когда начинал дремать и, очнувшись, видел устремлявшуюся навстречу поросшую кустарником вершину холма.

Ему удалось поспать пять часов, прежде чем Лукман разбудил его и приказал повторить разведку тех мест, где снимки получились неясными, а когда это было сделано, ему пришлось разбрасывать копья по всей местности. Эти копья не просто металл; это геофоны и должны размещаться в километрах друг от друга. Больше того, они должны углубиться не менее чем на двадцать метров и стоять вертикально, чтобы их данные можно было использовать, и каждый

геофон нужно было разместить с точностью до двух метров. Уолтерс сказал, что эти требования взаимно противоречат друг другу, но это не помогло. И для него не было неожиданностью, то что петрологические данные оказались бесполезны, когда выполнили свою задачу размещенные на грузовике вибраторы. Делайте заново, сказал Лукман, и Уолтерсу пришлось весь маршрут повторить пешком, вытаскивая геофоны и забивая их вручную.

Он нанялся пилотом, но у мистера Лукмана оказался более широкий подход. И не просто было таскать геофоны. Однажды ему приказали копать землю в поисках похожих на клещей насекомых, которые на Пегги служили аналогом дождевых червей, аэрируя почву. В другой раз он управлял инструментом, который углублялся на несколько десятков метров и добывал образцы породы. Его заставили бы чистить картошку, если бы они ели картошку, и действительно попытались взвалить на него мытье посуды. Отступили, только договорившись делать это строго по очереди. (Впрочем, Уолтерс заметил, что очередь мистера Лукмана почему-то все не наступала.) Не в том дело, что работы эти были неинтересны. Клещеобразные насекомые попадали в сосуд с

раствором, который потом подвергали электрофорезу на фильтровальной бумаге. А еще этих насекомых помещали в маленькие инкубаторы со стерильной водой, стерильным воздухом и стерильными углеводородными парами. Это были тесты на наличие нефти. Насекомые подобно термитам закапывались глубоко под поверхность. Кое-что они выносили с собой наружу, и электрофорез показывал, что именно. Инкубаторы проверяли то же самое по-другому. На Пегги, как и на Земле, существовали микроорганизмы, способные жить на диете из чистого углеводорода. И если в инкубаторах такие микроорганизмы обнаруживались, они не могли существовать без источника чистого углеводорода в почве.

И в том и в другом случае это означало нефть.

Но для Уолтерса это была просто утомительная работа, и освобождением от нее были только приказы тащить на буксире магнетометр или разбросать больше копий. После трех дней работы, вернувшись в свою палатку, он достал свой контракт и проверил, есть ли там все это. Оказывается, есть. Он решил, вернувшись в порт Хеграмет, поговорить со своим агентом; после пяти дней он передумал. Нужно просто убить этого агента… Но дополнительные полеты име-

ли и благотворные последствия. Через восемь дней этой трехнедельной экспедиции Уолтерс с радостью сообщил Лукману, что у него кончается горючее и ему придется лететь на базу.

* * *

Когда он явился в свою маленькую квартиру, было уже темно; но квартира аккуратно прибрана, а это приятная неожиданность; Долли дома, а это еще лучше; а лучше всего то, что она была в хорошем настроении и явно обрадовалась ему.

Вечер прошел превосходно. Они занимались любовью; Долли приготовила ужин; снова занимались любовью, и вот в полночь они сидели в постели, опираясь спиной на подушки, вытянув ноги, держась за руки, и пили вино.

— Я бы хотела, чтобы ты взял меня с собой, — сказала Долли, когда он рассказал ей о своем чартере в Новом Делавере. Долли не смотрела на него; она лениво перебирала кукольными головами, надетыми на пальцы, выражение у нее было спокойное и расслабленное.

— Никакой возможности, дорогая. — Он рассмеялся. — Ты слишком красива, чтобы везти тебя в буш к четырем изнывающим арабам. Я сам там не чувствую себя в безопасности.

Она подняла руку; по-прежнему лицо расслаблено. На пальце у нее кошачья морда с ярко-красными блестящими усами. Розовый рот раскрылся, и послышался кошачий голос:

— Вэн говорит, что они очень грубые. Говорит, что они готовы были убить его только за разговор о религии. Говорит, что боялся: они его убьют.

— Да? — Уолтерс подвинулся, спинка кровати больше не казалась ему удобной. Он не задал вопроса, который прежде всего пришел ему в голову (этот вопрос был «Значит, ты видишься с Вэном?»), потому что это означало бы, что он ревнует. Он только спросил: «Как Вэн?» Но тот, другой, вопрос содержался в этом, и Уолтерс получил ответ. Вэну гораздо лучше. Синяк под глазом почти незаметен. У Вэна корабль на орбите — хичи-пять, но это его личная собственность, и он специально оборудован — так он говорит, она сама не видела. Конечно. Вэн намекал, что некоторые приборы — старые приборы самих хичи, и, может, он приобрел их не очень честно. Вэн говорит, что есть еще много неизвестных приборов хичи, потому что люди, их нашедшие, ничего не сообщают, чтобы не делиться доходами с Корпорацией «Врата», понимаешь? Вэн считает, что у него есть на это право — из-за его неверо-

ятной жизни, ведь его воспитали практически сами хичи…

И Уолтерс, не желая того, все-таки произнес свой вопрос: «Похоже, ты часто видишься с Вэном». Он старался говорить небрежно, но голос его выдавал. Уолтерс был обеспокоен и рассержен, скорее рассержен, чем обеспокоен — в сущности, это не имеет смысла! Вэн совсем непривлекателен. И характер у него плохой. Конечно, он богат, к тому же по возрасту гораздо ближе к Долли…

— О, милый, не ревнуй, — сказала Долли собственным голосом, и говорила она довольным тоном — это слегка успокоило Уолтерса. — Он скоро улетит. Не хочет быть здесь, когда вернется транспорт. Сейчас он как раз запасает припасы для следующего полета. Только поэтому он здесь оказался. — Она снова подняла руку с куклой, и детский кошачий голос пропел: — Младший ревнует Долли!

— Нет, — инстинктивно ответил он и тут же признался: — Да. Не вини меня, Долли.

Она придвинулась в постели, пока губы ее не оказались возле его уха, он ощутил ее мягкое дыхание, послышался кошачий голос: «Не буду, мистер Младший, но я ужасно обрадуюсь, если вы

будете...» И примирение прошло очень хорошо; и как раз в середине четвертого раунда прозвонил пьезофон.

Уолтер дал ему прозвонить пятнадцать раз, достаточно, чтобы закончить свое занятие, хотя, конечно, не с таким удовольствием, как ему хотелось. Говорил дежурный офицер аэропорта.

— Я не вовремя позвонил, Уолтерс?

— Говори, что нужно, — ответил Уолтерс, стараясь сдерживать свое дыхание, все еще не пришедшее в норму.

— Ну, Оди, поднимайся и приводи себя в порядок. Обнаружена группа из шестерых — с цингой. Координаты не очень ясны, но у них есть радиобуй. Ты отвезешь к ним врача, дантиста и запас витамина С. Вылететь с рассветом. Это значит, что в твоем распоряжении девяносто минут.

— О дьявол, Кэри! А нельзя ли отложить?

— Только если хочешь, чтобы они умерли, не дождавшись помощи. Они в очень плохом состоянии. Пастух, нашедший их, говорит, что, по его мнению, двое не выживут.

Уолтерс выругался про себя, виновато посмотрел на Долли и неохотно начал одеваться.

Когда Долли заговорила снова, голос ее не был кошачьим.

— Младший! А нам нельзя вернуться домой?

— Мы дома, — ответил он, стараясь говорить весело.

— Ну, Младший… — Лицо ее оставалось неподвижным, но в голосе он слышал напряжение.

— Долли, любимая, — сказал он, — там нас ничего не ждет. Вспомни. Именно поэтому такие люди, как мы, прилетают сюда. Перед нами целая новая планета — да наш город будет больше Токио, новее Нью-Йорка; через несколько лет будет шесть транспортов, ты знаешь, а вместо шаттлов петли Лофстрома…

— Но когда? Я ведь могу и состариться…

Не было никакой причины, чтобы голос ее звучал несчастно, но он так звучал. Уолтерс глотнул, перевел дыхание и постарался отшутиться.

— Сладкие штанишки, — сказал он, — даже в девяносто ты не будешь старой. — Никакого ответа. — Ну, милая, — уговаривал он, — жизнь будет гораздо лучше. Скоро в нашем Оортовом облаке запустят пищевую фабрику. Может, даже на следующий год. И мне пообещали работу пилота на строительстве…

— Прекрасно! И тогда я тебя буду видеть раз в год, а не раз в месяц. И буду сидеть в этой развалине, и даже никакой программы, чтобы

поговорить, нет.

— Будут программы…

— Я умру, не дождавшись их!

Теперь он окончательно очнулся, вся радость ночи забылась. Он сказал:

— Послушай. Если тебе здесь не нравится, нам необязательно оставаться. На Пегги не только порт Хеграмет. Можем взять землю, расчистить ее, построить дом…

— Растить крепких сыновей, основать династию? — В голосе ее звучало презрение.

— Ну… в этом роде.

Она отвернулась.

— Прими душ, — посоветовала. — От тебя пахнет сексом.

И пока Оди Уолтерс Мл. принимал душ, одно из существ, очень не похожее на кукол Долли (хотя одна кукла и должна была его представлять), впервые за тридцать один подлинный год взглянуло на звезды; и тем временем один из больных изыскателей перестал дышать, к большому облегчению пастуха, который, отвернув голову, пытался помочь ему; а тем временем на Земле происходили мятежи, и на планете в восьмистах световых годах умер пятьдесят один колонист…

А тем временем Долли приготовила ему кофе

и оставила на столе. Сама вернулась в постель и спала или делала вид, что спит, пока он пил кофе, одевался и выходил из дома.

Когда я с того удаления, которое нас разделяет, смотрю на Оди, мне печально, что он выглядит таким незначительным. На самом деле это не так. Он хороший человек. Первоклассный пилот, сильный, смелый, достаточно жесткий, когда необходимо, добрый, когда есть возможность. Вероятно, если посмотреть изнутри, все выглядят незначительными, и, конечно, теперь я вижу его изнутри — с большого удаления изнутри, или снаружи, в зависимости от того аналога геометрии, который вы выберете для этой метафоры. (Не могу слышать, как вздыхает старина Зигфрид: «О Робин! Такое отвлечение!» Но Зигфрид ведь никогда не подвергался расширению.) У всех у нас свои сферы ничтожности, вот что я хочу сказать. Лучше было бы называть их сферами уязвимости, и Оди просто оказался очень уязвим во всем, что связано с Долли.

Но ничтожность — не естественное состояние для Оди. В последующие часы он был во всех отношениях очень нужным человеком, изобретательным, готовым прийти на помощь, неустанным. Ему приходилось быть таким. За

мягкой внешностью планеты Пегги скрывается немало ловушек.

Если судить по остальным земноподобным планетам, Пегги — настоящая драгоценность. У нее пригодная для дыхания атмосфера. Флора не всегда вызывает кожные заболевания, а фауна поразительно мирная. Ну, не совсем мирная. Скорее тупая. Уолтерс иногда задумывался, что нашли на планете Пегги хичи. Дело в том, что хичи предположительно интересовались разумной жизнью — не то чтобы они много ее нашли, — и уж на планете Пегги ее определенно не было. Самым умным животным был хищник, размером с лису, медлительный, как крот. Коэффициент интеллектуальности у него как у индейки, и он оказывался главным врагом самому себе. Добыча его еще глупее и медлительнее, так что у него всегда хватало еды, и основной причиной смерти для него служило удушье: он задыхался от частиц пищи, которые отрыгивал, съев слишком много. Люди могли есть этого хищника и большую часть его добычи и вообще почти все живое… но пока оставались осторожными.

Но незадачливые изыскатели урана не были осторожны. К тому времени как великолепный тропический восход вспыхнул над джунглями

и Уолтерс посадил свою машину на ближайшей поляне, один из них уже умер.

Медикам не было времени смотреть его, поэтому они столпились вокруг еще живых и послали Уолтерса копать могилу. Какое-то время он надеялся переложить эту обязанность на пастухов овец, но их стада к этому времени разбрелись. Стоило Уолтерсу отвернуться, как пастухи тут же исчезли.

Покойник выглядел на девяносто лет и пах как стодесятилетний, но на ярлычке на его ноге значилось: «Селим Ясменех, двадцати трех лет, родился в трущобах к югу от Каира». Легко было прочесть остальную часть истории его жизни. Он дорос до отрочества в трущобах Египта, чудом получил выигрышный билет на право проезда за новой жизнью на Пегги, потел на десятиярусных нарах транспорта, мучился в спускающейся с орбиты капсуле — пятьдесят колонистов привязаны в беспилотном устройстве, капсула сходит с орбиты от толчка извне, все дрожат от ужаса, страшно болтает, когда раскрываются парашюты. В сущности, почти все капсулы приземляются благополучно. Пока всего около трехсот колонистов разбилось или утонуло. Ясменеху и в этом повезло, но когда он попытался перейти

от фермерства к разведке тяжелых металлов, везение кончилось, потому что отряд не был осторожен. Тюбики, которыми они питались, когда кончились закупленные заранее запасы пищи, содержали аналог витамина С; считалось, что он проверен. Но в это никогда не верили. Изыскатели знали о риске. Все знали. Но им нужен был еще один день, потом еще один, и еще, а зубы у них начали выпадать, а дыхание стало зловонным, и к тому времени, как пастух набрел на их лагерь, для Ясменеха было уже слишком поздно и почти поздно для всех остальных.

Уолтерсу пришлось всех — и спасателей, и спасенных — отвозить в лагерь, где когда-то будет построена петля и где уже жило около десяти постоянных обитателей. Когда он наконец вернулся к ливийцам, мистер Лукман пришел в ярость. Он вцепился в дверцу самолета Уолтерса и заорал:

— Тридцать семь часов отсутствия! Это невероятно! За нашу огромную плату мы ждем от вас лучшей службы!

— Вопрос жизни и смерти, мистер Лукман, — сказал Уолтерс, стараясь изгнать усталость и раздражение из голоса.

— Жизнь здесь гроша не стоит! А смерть придет к нам ко всем!

Уолтерс протиснулся мимо него и спрыгнул на землю.

— Они ведь тоже арабы, мистер Лукман…

— Нет! Египтяне!

— …ну, мусульмане…

— Мне все равно, даже если бы они были моими братьями! Наше время драгоценно! Тут очень большая ставка!

К чему сдерживать гнев? Уолтерс рявкнул:

— Это закон, мистер Лукман! Самолет я вам не продавал; я должен был оказать срочную помощь. Прочтите свой контракт!

Неразрешимый спор, и Лукман не пытался отвечать. Он ответил тем, что нагрузил на Уолтерса все дела, что накопились в его отсутствие. И все нужно сделать немедленно. Или еще быстрее. А если Уолтерс не выспался, что ж, когда-нибудь он уснет навечно.

И вот невыспавшийся Уолтерс в следующие часы возил магнитозонды — трудная раздражающая работа, нужно лететь низко и стараться не ударить проклятый прибор о дерево и самому не зарыться в землю. И вот, когда ему удавалось соображать — ведь он фактически вел одновременно две машины, — Уолтерс с горечью думал, что Лукман солгал: конечно, если бы вместо егип-

тян были ливийцы, дело обстояло бы по-другому. Национализм не остался на Земле. И здесь случались столкновения: гаучо против фермеров, выращивающих рис, когда стада в поисках водопоев вытаптывали посадки; китайцы против мексиканцев из-за ошибки на картах, где была разграничена территория; африканцы против канадцев, славяне против испанцев вообще без причины, которая была бы понятна человеку со стороны. Плохо. Но еще хуже, что иногда раздоры вспыхивали между славянами и славянами, латиноамериканцами и латиноамериканцами.

А ведь планета Пегги могла бы быть замечательным миром. Здесь есть все — почти все, если не считать витамина С; есть гора Хичи с водопадом, который называют Каскадом Жемчужин, восемьсот метров молочно-мутного потока, вытекающего прямо из-под южных ледников; есть пахнущие корицей леса Малого континента, с их глупыми дружелюбными бледно-лиловыми обезьянами — ну конечно, это не настоящие обезьяны. Но они забавны. И Стеклянное море. И Пещеры Ветра. И фермы, особенно фермы! Именно фермы заставляли миллионы и десятки миллионов африканцев, китайцев, индийцев, латиноамериканцев, бедных арабов, иранцев,

ирландцев, поляков — миллионы отчаявшихся людей стремиться улететь так далеко от Земли и дома.

«Бедные арабы», — думал он; но тут есть ведь и богатые арабы. Как те четверо, на которых он работает. Говоря об «очень крупных ставках», они их размеры определяют, конечно, в долларах и центах. Экспедиция совсем не дешева. Его собственный чартер оценивается шестизначным числом — жаль, что он не может все это оставить себе! А ведь это, пожалуй, самая малая часть их затрат; есть еще палатки и звуковая разведка, магнитометрические исследования и забор образцов; нужно было заплатить за спутниковое время и снимки, за использование радара при составлении плана местности; и многочисленные инструменты, которые ему приходится таскать по саванне… и каков будет следующий шаг? Придется копать. Пробивать шахту к обнаруженному ими соляному куполу, в трех тысячах метров под ними, и стоить это будет миллионы…

Впрочем, вскоре он обнаружил, что стоить это будет не так уж много, потому что у арабов тоже была незаконно добытая технология хичи, о которой Вэн говорил Долли.

Первое, что люди узнали о давно исчезнувших

хичи, это то, что те любили строить туннели: образцы этой их работы были обнаружены под поверхностью планеты Венера. И прорывали они эти туннели с помощью технологического чуда — полевого проектора, который ослаблял кристаллическую структуру камня, превращая его в нечто вроде жидкой грязи; эту грязь они выкачивали и покрывали поверхность туннеля твердым голубым блестящим металлом хичи. Такие полевые проекторы были найдены, но их нет в частном владении.

Однако, похоже, группа мистера Лукмана обладает доступом к ним… а это означает не только деньги, но и влияние… и по отдельным замечаниям во время отдыха или еды Уолтерс заподозрил, что этими деньгами и влиянием они обязаны человеку по имени Робинетт Броудхед.

Соляной купол был найден, места для бурения подобраны, главная работа экспедиции выполнена. Оставалось только проверить еще несколько возможностей и завершить исследования. Даже Лукман несколько расслабился, а по вечерам все чаще разговоры заходили о доме. Оказалось, что их дом вовсе не Ливия и даже не Париж. Это Техас, где у них оставались в среднем по 1,75 жены и с полдесятка детей на каждого. Не очень равномер-

но распределенных, как мог судить Уолтерс, но здесь арабы, вероятно умышленно, не вдавались в подробности. Чтобы побудить их к большей откровенности, Уолтерс стал рассказывать о Долли. И рассказал больше, чем собирался. О ее крайней молодости. О ее представлениях. Ее наручных куклах. Он рассказал, как искусно делает Долли этих кукол — утку, щенка, шимпанзе, клоуна. И лучше всех — хичи. У хичи Долли уходящий назад лоб, клювастый нос, торчащий подбородок, глаза раскосые, как на египетских настенных росписях. В профиль такое лицо — почти сплошная наклонная линия: все это, конечно, вымышлено, потому что никто не видел хичи.

Младший из ливийцев Фавзи рассудительно кивнул:

— Хорошо, когда женщина зарабатывает деньги.

— Дело не только в деньгах. Это дает ей занятие, понимаете? Но все же я боюсь, что ей скучно в порту Хегрампет. Поговорить не с кем.

Ливиец по имени Шамин тоже кивнул.

— «Программы, — мудро посоветовал он. — Когда у меня была только одна жена, я купил ей несколько программ для того, чтобы у нее была компания. Помню, особенно ей нравились «Доро-

гой Эбби» и «Друзья Фатимы».

— Я бы хотел сделать то же, но на Пегги пока еще ничего подобного нет. И ей очень трудно. И я не могу ее винить. Иногда мне хочется любви, а она… — Уолтерс смолк, потому что ливийцы рассмеялись.

— Во второй суре сказано, — с грубым смехом заявил Фавзи, — что женщина наше поле и мы можем возделывать это поле, когда захотим. Так говорит Аль Бакара по прозвищу Корова.

Уолтерс, сдерживая возмущение, решился пошутить:

— К сожалению, моя жена не корова.

— К сожалению, твоя жена не жена, — насмехался араб. — У себя в Хьюстоне таких, как ты, мы зовем подкаблучник. Позор для мужчины.

— Знаете что… — начал Уолтерс, покраснев; но взял себя в руки. У кухонной палатки Лукман отмерял ежедневные порции бренди; он нахмурился при звуках голосов. Уолтерс принужденно улыбнулся.

— Мы никогда не придем к одному мнению, — сказал он, — но не стоит ссориться. — И попытался сменить тему. — Интересно, — сказал он, — почему вы решили искать нефть именно на экваторе?

Фавзи поджал губы и пристально посмотрел на Уолтерса, прежде чем ответить:

— У нас есть много указаний, что тут может быть нефть.

— Конечно. Все эти снимки, они ведь опубликованы. Это не тайна. Но в северном полушарии, в районе Стеклянного моря, местность еще более многообещающая.

— Хватит! — прервал Фавзи. — Тебе платят не за то, чтобы ты задавал вопросы, Уолтерс.

— Я только…

— Ты вмешиваешься не в свое дело, вот что ты делаешь!

Снова голоса зазвучали громко, но на этот раз подошел Лукман с восемьюдесятью миллилитрами бренди для каждого.

— В чем дело? — спросил он. — О чем спрашивает американец?

— Не важно. Я не ответил.

Лукман некоторое время смотрел, держа в руке порцию бренди Уолтерса, потом неожиданно поднес ее ко рту и выпил. Уолтерс подавил протест. Не имеет значения. Он совсем не хочет пить с этими людьми. И вообще тщательное отмеривание миллилитров не мешает Лукману пропускать порцию-другую в одиночестве, потому что лицо

его покраснело, а голос охрип.

— Уолтерс, — взревел он. — Я наказал бы тебя за твое вынюхивание, но это не важно. Ты хочешь знать, почему мы ищем здесь, в ста семидесяти километрах от того места, где будет сооружена петля? Тогда посмотри вверх! — И он театрально указал на темнеющее небо и со смехом ушел. Через плечо бросил: — Больше это не имеет значения!

Уолтерс посмотрел ему вслед, потом поднял глаза к ночному небу.

Яркая голубая бусина скользила на фоне незнакомых созвездий. Транспорт! Межзвездный корабль «С. Я. Броудхед» вышел на высокую околопланетную орбиту. Уолтерс видел, что корабль снижается, приближаясь к планете, огромный спутник в форме картофелины, сверкающий голубым в безоблачном небе планеты Пегги. Через девятнадцать часов он снизится. Но еще до этого Уолтерс должен быть в своем шаттле, участвовать в лихорадочной разгрузке, в перевозке пассажиров первого класса или в подталкивании капсул, в которых перепуганные иммигранты доберутся до своего нового дома.

Уолтерс про себя поблагодарил Лукмана за то, что тот выпил его бренди: он не может позволить

себе спать этой ночью. Пока четверо арабов спали, он снимал палатки и собирал оборудование, загружал его в свой самолет, разговаривал с базой в порту Хеграмет, чтобы подтвердить свое назначение на шаттл. Подтвердил. Если завтра к полудню он будет в порту, то сможет участвовать в разгрузке огромного транспорта и подготовке его к обратному рейсу. На рассвете он поднял бранящихся арабов. Через полчаса они уже летели домой.

Он вовремя добрался до аэропорта, хотя внутри него что-то шептало: «Слишком поздно. Слишком поздно...»

Для чего слишком поздно? Вскоре он узнал. Когда он попытался заплатить за горючее, на указателе банковского счета вспыхнул нуль. Ничего нет на их общем с Долли счете.

Невозможно! «Так ли уж невозможно?» — подумал он, глядя на то поле, где несколько дней стоял посадочный аппарат Вэна и где теперь его не было. И, придя домой, он не удивился увиденному. Банковский счет пуст. Одежда Долли исчезла, ее куклы тоже, и, конечно, не было и самой Долли.

В то время я не думал об Оди Уолтерсе. А если бы думал, то, конечно, поплакал бы о нем — или о себе. Решил бы, что это неплохой повод для

плача. Я хорошо знал эту трагедию, когда исчезает горячо любимый человек, моя любовь годы и годы назад была заключена в черную дыру.

Но правда в том, что я о нем и не думал. Занимался своими делами. Больше всего меня заботила боль в кишках, но много я думал и о террористах, угрожающих мне и всему, что меня окружает.

Конечно, не все вокруг плохо. О своих изношенных внутренностях я думал, потому что они меня заставляли это делать. Но тем временем мои новые артерии медленно укреплялись; и ежедневно шесть тысяч клеток умирали в моем невосстановимом мозге; а тем временем звезды замедляли свое движение и вселенная приближалась к своей энтропийной смерти, и тем временем… Тем временем все, если подумать, шло под уклон. Но я об этом не думал!

Но так мы устроены, верно? Продолжаем жить, потому что приучили себя не думать обо всех этих «тем временем», пока они сами, подобно моим кишкам, не заставят нас задуматься.

Эти слова Робина также нуждаются в разъяснении. Хичи очень интересовались жизнью, особенно разумной или обещавшей такой стать. У них был прибор, который позволял им улавли-

вать чувства существ на далеких мирах.

Но этот прибор не только воспринимал, но и передавал. Собственные эмоции оператора передавались объектам операции. И если оператор был расстроен, угнетен… или безумен, последствия могли быть очень тяжелые. У мальчишки Вэна был такой прибор, когда он жил на корабле хичи. Он называл его кушеткой для снов — ученые позже переименовали его в телепатический психокинетический приемопередатчик — ТПП, и когда Вэн им пользовался, происходили события, описанные Робином.

Конечно, вы понимаете, что «ничтожность», о которой здесь говорит Робин, не принадлежит Оди Уолтерсу. Робин никогда не был ничтожеством; но время от времени ему приходилось убеждать себя в этом. Странные существа люди!

* * *

Подозрения Уолтерса о том, что проект финансировал Робин Броудхед, вполне обоснованны. А вот мнение Уолтерса о мотивах Робина — вовсе наоборот. Робин был высокоморальным человеком, но обычно не очень стремился соблюдать законы. К тому же он получал большое удоволь-

ствие, соря намеками на себя, особенно когда говорил в третьем лице.

3. Бессмысленное насилие

Бомба в Киото сожгла деревянную статую Будды, которой было больше тысячи лет; беспилотный корабль приземлился на астероиде Врата и, когда его открыли, выпустил целое облако спор сибирской язвы; перестрелка в Лос-Анджелесе; плутониевая пыль в главном водопроводном резервуаре Лондона — вот что обрушивалось на нас. Терроризм. Бессмысленное насилие.

— Странный мир, — сказал я своей дорогой жене Эсси. — Индивидуумы действуют трезво и разумно, но, собираясь вместе, они становятся неразумными подростками; собираясь группами, они ведут себя как дети.

— Да, — кивнула Эсси, — это верно, но скажи мне, Робин, как твои кишки?

— Хорошо, ожидания оправдывают, — ответил я и добавил шутку: — Невозможно больше достать хорошие запчасти. — Потому что мои кишки, конечно, трансплантa, как и многие другие части моего тела, — таковы достоинства Полной Медицины Плюс. — Но я говорю не о своей болезни. О болезни мира.

— Ты прав, — согласилась Эсси, — хотя, по моему мнению, если бы у тебя с кишками было все в порядке, ты реже говорил бы о таких вещах. — Она подошла ко мне сзади и положила ладонь мне на лоб, глядя с отсутствующим выражением на Таппаново море. Эсси понимает устройство человека, как немногие, о чем свидетельствуют ее премии, но когда она хочет узнать, нет ли у меня температуры, то делает это так же, как когда-то ее нянька в Ленинграде. — Температуры нет, — неохотно сказала она, — а что говорит Альберт?

— Альберт говорит, — ответил я, — что тебе нужно заняться своими гамбургерами. — Я сжал ее руку. — Честно, со мной все в порядке.

— А ты надежности ради спросишь все-таки Альберта? — торгуется она. На самом деле она очень занята новой группой своих предприятий, и я об этом знаю.

— Спрошу, — пообещал я, похлопав ее по все еще великолепному заду. Она скрылась в своей мастерской. Как только она ушла, я позвал: — Альберт. Ты слышал?

В голограмме над моим столом появилось изображение моей информационной программы. Альберт почесывал нос концом своей трубки.

— Да, Робин, — сказал Альберт Эйнштейн, — ко-

нечно, я слышал. Как вы знаете, мои рецепторы всегда функционируют, за исключением тех случаев, когда вы их специально отключаете или когда ситуация исключительно интимная.

— Гм, — ответил я, рассматривая его. Он совсем не франт, мой Альберт, в своем неаккуратном свитере, собранном складками на шее, в спущенных носках. Эсси все это поправила бы в секунду, если бы я попросил, но мне он и таким нравится. — И как же ты определяешь, что ситуация интимная, если не подсматриваешь?

Он переместил кончик трубки с носа на щеку, продолжая почесывать и мягко улыбаться: знакомый вопрос и ответа не требует.

Альберт скорее друг, чем компьютерная программа. Он достаточно сообразителен, чтобы не отвечать на риторические вопросы. Когда-то у меня было более десяти воспринимающих и обрабатывающих информацию программ. Одна программа — бизнес-менеджер — рассказывала, как обстоит дело с моими инвестициями, другая — медицинская — сообщала, когда нужно заменять органы (между прочим, я считаю, что она вступила в заговор с другими программами и они совместно добавляли мне в пищу лекарства), юридическая программа помогала не попадать

в неприятности, а когда я все же в них попадал, мне помогала моя старая психоаналитическая программа. Или пыталась помогать: я не всегда верил Зигфриду. Но постепенно я ограничился только одной программой. Это мой научный советник и помощник, мастер на все руки Альберт Эйнштейн.

— Робин, — с мягким укором сказал он, — вы ведь меня вызвали не для того, чтобы проверить, подглядываю ли я?

— Ты прекрасно знаешь, почему я тебя вызвал, — ответил я, и он правда знал. Он кивнул и указал на угол комнаты, в сторону Таппанова моря; там находится экран интеркома. Альберт управляет и им, как и всем остальным оборудованием в доме. На экране появилось нечто вроде рентгеновского снимка.

— Пока мы разговаривали, — сказал Альберт, — я позволил себе просветить вас пульсирующим звуком, Робин. Посмотрите сюда. Вот это ваш последний кишечный трансплант, и если вы посмотрите внимательней — подождите, я увеличу изображение, — я думаю, вы заметите, что вся эта область воспалена. Боюсь, что происходит отторжение.

— Мне не нужно это объяснять! — рявкнул

я. — Сколько?

— Сколько времени до того, как положение станет критическим? Ах, Робин, — искренне сказал он, — трудно сказать: ведь медицина по-прежнему не точная наука…

— Сколько?

Он вздохнул.

— Я сообщу вам минимальную и максимальную оценки. Катастрофические последствия не наступят в течение ближайшего дня и обязательно наступят через шестьдесят дней.

Я расслабился. Не так плохо, как могло бы быть.

— Так что у меня есть время, прежде чем положение станет серьезным.

— Нет, Робин, — энергично возразил он, — оно уже серьезное. Неприятные ощущения будут усиливаться. Вы должны немедленно начать прием лекарств, но даже при этом вероятны очень сильные боли. — Он помолчал, глядя на меня. — Судя по вашему выражению, — заметил он, — какая-то идиосинкразия заставляет вас откладывать принятие мер как можно дольше.

— Я хочу остановить террористов!

— А, да, — согласился он, — это я знаю. И очень веская причина, если мне позволено будет вы-

сказать мнение. Поэтому вы хотите лететь в Бразилию и выступить перед комиссией Врат… — это верно; дело в том, что наибольший вред террористы наносили с космического корабля, который никто не мог обнаружить, — попытаться убедить членов комиссии поделиться данными о террористах. А от меня вы ожидаете заверения, что задержка вас не убьет.

— Совершенно верно, мой дорогой Альберт. — Я улыбнулся.

— Могу вас в этом заверить, — серьезно сказал он, — по крайней мере, я могу следить за вами, пока ситуация не станет острой. Но в тот момент вы должны будете немедленно подвергнуться операции.

— Согласен, мой дорогой Альберт. — Я улыбнулся, но ответной улыбки не получил.

— Однако, — продолжал он, — мне кажется, что это не единственная причина, по которой вы откладываете трансплантацию. Мне кажется, у вас на уме что-то еще.

— Ох, Альберт, — вздохнул я, — ты становишься ужасно скучен, когда начинаешь рассуждать как Зигфрид фон Психоаналитик. Будь хорошим парнем и отключись.

И он с задумчивым видом отключился. У него

есть все основания выглядеть задумчиво, ибо он прав.

Видите ли, в самой глубине души, где я спрятал ощущение вины, которое не сумел уничтожить Зигфрид фон Психоаналитик, так вот там, глубоко внутри, я ощущаю, что террористы правы. Я не имею в виду все эти убийства, взрывы и сведение людей с ума. Это всегда неправильно. Я хочу сказать, что у них есть право быть недовольными человечеством и право требовать внимания к себе. Я не просто хотел остановить террористов. Я хотел исправить их.

По крайней мере, сделать их не такими больными. И тут мы соприкасаемся с моральной стороной вопроса. Сколько можно взять у другого человека, чтобы не считаться вором?

Вопрос этот все время возникал у меня в голове, и я не знал, где найти на него ответ. Не у Эсси, потому что разговор с Эсси всегда переходил на состояние моих кишок. Не у моей старой психоаналитической программы, потому что разговор с ней всегда смещался от «Как мне улучшить положение?» на «Почему, Робин, вы считаете, что именно вы должны улучшить положение?». Даже не у Альберта. С Альбертом я мог говорить почти обо всем. Но когда я начинаю задавать

ему подобные вопросы, он смотрит на меня так странно, словно я попросил его определить свойства флогистона. Или Бога. Альберт всего лишь голографическая проекция, но он очень хорошо взаимодействует с окружением; иногда появляется такое ощущение, что он на самом деле здесь. И вот он начинает осматриваться в том месте, где мы находимся, допустим в моем доме на Таппановом море — должен признать, что это очень удобный дом, — и всегда говорит что-нибудь вроде: «Почему вы задаете такие метафизические вопросы, Робин?» И я понимаю, что невысказанная часть его ответа такова: ты ведь сам все это создал.

Да, я сам все это создал. До некоторой степени. Мне повезло, достались некоторые деньги, а деньги делают деньги, и теперь я могу купить все, что продается. И даже кое-что из того, что не продается. У меня есть очень многое. Есть Влиятельные Друзья. Я Человек, С Которым Следует Считаться. Моя дорогая жена Эсси меня любит, любит по-настоящему — и часто несмотря на наш возраст. Так что я начинаю смеяться и меняю тему… но ответа я так и не получил.

И даже сейчас у меня нет ответа, хотя вопросы теперь задавать гораздо труднее.

Меня мучают угрызения совести, что я оставляю Оди Уолтерса в беде из-за своего долгого отступления, поэтому позвольте мне закончить.

Я чувствую свою вину перед террористами, потому что они бедны, а я богат. Перед ними вся огромная Галактика, но у нас нет возможности доставить их туда, во всяком случае недостаточно быстро, и вот они исходят криком. Умирают с голоду. Видят на ПВ, какой великолепной может быть жизнь у некоторых, а потом оглядываются на свои трущобы, лачуги, хижины и видят, в каком они положении, какие у них ничтожные шансы приобрести все эти хорошие вещи до своей смерти. Это называется революцией возрастающих запросов. Так говорит Альберт. Должно существовать средство против этого, но я не могу его найти. И вот я задаю себе вопрос: имею ли я право еще ухудшать положение? Имею ли право покупать чьи-то органы, кожу, артерии, когда мои собственные изнашиваются?

Я не знал ответа тогда и не знаю его сейчас. Но боль во внутренностях значила для меня меньше, чем боль от сознания, что я краду чью-то жизнь, просто потому, что могу заплатить за это, а другой не может.

И вот пока я сидел, прижав руку к животу, и

думал о том, что стану делать, когда вырасту, вселенная продолжала заниматься своими делами.

И большая часть этих дел была беспокойной. Действовал принцип Маха, который много раз пытался объяснить мне Альберт: согласно этому принципу, кто-то, может быть хичи, пытается сжать вселенную в шар и переписать физические законы. Невероятно. И страшно, как подумаешь… но до этого еще миллионы и миллиарды лет, так что я не назвал бы это самым главным беспокойством. Гораздо ближе террористы и растущие армии. Террористы перехватили стартовую петлю, которую направляли в Высокий Пентагон. Новые пополнения террористов черпались в Сахеле, где в очередной раз случился неурожай. Тем временем Оди Уолтерс пытался начать новую жизнь без своей грешной жены; а его жена тем временем грешила с этим отвратительным Вэном; а тем временем в центре Галактики у Капитана возникли эротические замыслы, направленные на помощницу, чье дружеское имя было Дважды; а тем временем моя жена, даже обеспокоенная состоянием моего живота, деятельно занималась распространением сети своих предприятий на Папуа Новую Гвинею и Андаманские острова: а тем временем… о, тем временем!

Многое происходило тем временем!

Как всегда, хотя обычно мы об этом не знаем.

Принцип Маха, о котором говорит Робин, тогда был только гипотезой, хотя, как говорит Робин, очень пугающей. Позвольте только сказать, что существуют данные о том, что расширение вселенной было остановлено и началось сжатие — и по отрывочным записям хичи можно даже заключить, что этот процесс начался не по естественным законам природы.

4. На борту «С.Я.»

В 1908 световых годах от Земли мой друг — прежний друг, но готовый снова им стать, Оди Уолтерс опять вспомнил мое имя, и не добром. Он нарушил правило, установленное мной.

Я уже упоминал, что мне принадлежит многое. И среди прочего доля в самом большом космическом корабле, известном человечеству. Этот корабль был оставлен хичи в Солнечной системе, он плавал в районе кометного облака Оорта, пока не был обнаружен. Обнаружен людьми, я хочу сказать — хичи и австралопитеки не в счет. Мы называли его «Небом Хичи», но когда мне пришло в голову, что из него получится превосходный

транспорт для перевозки бедняков с Земли на какую-нибудь гостеприимную планету, где они смогут жить, я убедил остальных держателей акций переименовать корабль. В честь моей жены его назвали «С. Я. Броудхед». И вот с помощью моих денег его переоборудовали для перевозки колонистов, и мы начали постоянные рейсы к лучшему и ближайшему из таких мест — к планете Пегги.

Это привело меня опять к ситуации, когда совесть и благие намерения приходят в столкновение: ведь я хотел всех доставить туда, где они будут счастливы, но чтобы сделать это, мне нужно было получать прибыль. Отсюда Правила Броудхеда. В принципе, они таковы же, как и на астероиде Врата много лет назад. Вы могли прилететь туда, причем в кредит, если вам повезло и вы вытянули счастливый жребий. А вот улететь назад на Землю можно было только за наличные. Если у вас есть земля, вы можете заложить свои шестьдесят гектаров компании, и она купит вам обратный билет. Если же у вас нет земли и нечего продать, можете оставаться на месте.

Впрочем, если вы опытный пилот с лицензией, а один из офицеров корабля решил остаться на Пегги, вы можете отработать свой возврат. Так

обстояло дело с Уолтерсом. Он не знал, что будет делать, когда вернется на Землю. Но твердо знал, что не может оставаться в пустой квартире, покинутой Долли, и вот он продал, как мог, мебель, в перерывах между полетами шаттла договорился с капитаном «С.Я.» и отправился назад. Ему показалось странным и невероятным, что то, о чем просила его Долли и что он считал совершенно невозможным, неожиданно стало единственно возможным, когда она бросила его. Но жизнь, как он уже знал, часто бывает странной и непонятной.

И вот в последнюю минуту, дрожа от усталости, он явился на борт «С.Я.». До первого дежурства у него было десять часов, и он все их проспал. И все же он был не вполне в себе и от усталости, и от пережитой травмы, когда пятнадцатилетний колонист-неудачник принес ему кофе и проводил в контрольную рубку межзвездного транспорта «С. Я. Броудхед», бывшего «Неба Хичи».

Как огромен этот корабль! Глядя снаружи, так не скажешь, но эти длинные коридоры, эти камеры с десятиярусными нарами, теперь пустые, эти охраняемые галереи и залы с незнакомыми механизмами и возвышениями на месте убранных механизмов — таких просторов Уолтерс по

своему прежнему знакомству с космическими кораблями не знал. Даже контрольная рубка оказалась огромной; и даже сами приборы управления дублировались. Уолтерс летал в кораблях хичи; он добрался до планеты Пегги, пилотируя пятиместник. Приборы почти такие же, но здесь их два набора, и транспорт не двигается, если пилоты не сидят одновременно за обоими.

— Добро пожаловать на борт, седьмой. — Женщина с восточной внешностью на левом сиденье улыбнулась. — Я Джейни Джи-ксинг, третий офицер, а вы мой сменщик. Капитан Амейро будет через минуту.

Она не протянула руки, даже не оторвала ее от приборов. Но Уолтерс иного и не ожидал. Во время дежурства руки пилотов все время должны лежать на приборах, иначе птица не полетит. Конечно, она и не разобьется, потому что разбиться не обо что, но и сохранять курс и ускорение не будет.

Вошел Лудольфо Амейро, пухлый маленький человек с седыми бакенбардами и с девятью синими браслетами на левом рукаве — мало кто сейчас их носил, но Уолтерс знал, что каждый браслет означает полет на корабле хичи в дни, когда вы не знали, куда несет вас корабль; так

что это человек с большим опытом!

— Рад видеть вас на борту, Уолтерс, — небрежно сказал он. — Знаете, как принимать вахту? Ничего особенного. Просто положите руки на руль поверх рук Джи-ксинг… — Уолтерс кивнул и сделал, как ему приказали. Она осторожно извлекла свои мягкие теплые руки, сняла свой приятный зад с сиденья, уступая место Уолтерсу. — Вот и все, Уолтерс, — удовлетворенно сказал капитан. — Вести корабль на самом деле будет первый офицер Маджур, — он кивнул в сторону смуглого улыбающегося человека, только что занявшего правое сиденье, — и он объяснит, что вам нужно делать. Перерывы для туалета каждый час по десять минут… и все. Приходите к нам на обед.

Это приглашение было подкреплено улыбкой третьего офицера Джейни Джи-ксинг; и, слушая инструкции Гази Маджура, Уолтерс с удивлением понял, что уже целых десять минут не вспоминал о Долли.

На самом деле все не так просто. Пилотирование — это пилотирование. Об этом не нужно забывать. А вот навигация — нечто совсем иное. Особенно когда были расшифрованы старые навигационные карты хичи, вернее, частично расшифрованы. Это произошло, когда Уолтерс

возил пастухов и изыскателей по Пегги.

Звездные карты, которыми пользовались на «С.Я.», были гораздо сложнее, чем те, к которым привык Уолтерс. Они существовали в двух вариантах. Более интересный — это карты самих хичи. Странные золотистые и серо-зеленые обозначения расшифровали лишь частично, но на этих картах было обозначено все. Другие, гораздо менее подробные, но зато гораздо более полезные для людей, это карты, изготовленные на Земле и снабженные надписями на английском языке. Нужно было также следить за корабельным журналом, куда автоматически записывалось все происходящее. Имелась также система слежения за всеми помещениями корабля — конечно, это не дело пилотов, но если случались какие-нибудь неисправности, пилот должен об этом знать. Все это оказалось новым для Оди.

* * *

Хорошо то, что все эти новинки занимали время Уолтерса. Учила его Джейни Джи-ксинг, и это тоже было хорошо, потому что она направляла его мысли в другую сторону… конечно, кроме тяжелых минут перед сном.

На обратном пути «С.Я.» почти пустовала. Более

тридцати восьми сотен колонистов высадились на Пегги. А не возвращался почти никто. Тридцать членов экипажа; военная команда, направленная четырьмя державами, совладельцами Корпорации «Врата»; и около шестидесяти иммигрантов-неудачников. Это самый низкий класс. Для того чтобы иметь возможность улететь, они лишились всего. И теперь возвращались в свою пустыню или трущобу, откуда бежали, потому что не выдержали испытаний нового мира. «Бедняги», — заметил Уолтерс, минуя группу таких неудачников, которые неохотно чистили воздушные фильтры. Но Джи-ксинг с ним не согласилась.

— Не стоит их жалеть, Уолтерс. Они сами этого захотели, но не выдержали. — Она что-то презрительно сказала по-китайски, и рабочие на минуту зашевелились проворнее.

— Нельзя винить людей за тоску по дому.

— Дом! Боже, Уолтерс, ты говоришь так, словно еще остался какой-то дом. Ты слишком долго не был на Земле.

Она остановилась на пересечении двух коридоров, голубого, крытого металлом хичи, и золотого. Помахала солдатам в формах Китая, Бразилии, Соединенных Штатов и Советского Союза.

— Видишь, как они подружились? — спросила она. — Раньше они не очень серьезно относились к своему делу. Болтались по кораблю, дружили с экипажем, никогда не носили оружие, для них это просто был оплаченный круиз по космосу. Но теперь… — Она покачала головой и неожиданно схватила Уолтерса за руку, когда он собрался подойти к солдатам. — Ты почему меня не слушаешь? Они тебе покажут, если попробуешь туда подойти.

— А что там?

Она пожала плечами.

— Приборы хичи, которые не убрали, когда приспосабливали корабль. Именно их они и охраняют, хотя, — добавила она, понизив голос, — если бы они знали корабль лучше, то лучше смогли бы выполнять свою работу. Пошли, нам сюда.

Уолтерс охотно пошел за ней. Он был благодарен за эту туристскую экскурсию. «С.Я.» — самый огромный корабль, какой приходилось видеть и ему, и остальным людям, построенный хичи, очень старый и все же во многих отношениях поразительный. Они уже на полпути к дому, а Уолтерс не исследовал и четверти его сверкающих запутанных коридоров. Неисследованной

оставалась и личная каюта Джи-ксинг, и он ждал этого исследования с интересом мужчины, уже десять дней сохранявшего вынужденное воздержание.

— Что это? — спросил он, остановившись у пирамидального сооружения из зеленоватого металла в углублении стены. Альков закрывала припаянная тяжелая стальная решетка, преграждающая доступ любопытным.

— Самой интересно, — сказала Джи-ксинг. — Никто этого не знает, поэтому и оставили на месте. Кое-что нельзя убрать, кое-что при этом выходит из строя или может взорваться, если попробовать удалить. Сюда, в этот коридор. Здесь я живу.

Узкая аккуратная постель, портрет пожилой восточной пары на стене — родители Джейни? — пестро раскрашенный стенной шкаф. Джи-ксинг сделала эту каюту своей.

— На обратном пути, — пояснила она. — На пути туда это каюта капитана, а все остальные спят на койках в рулевой рубке. — Она поправила покрывало на койке; впрочем, оно и так было безупречно опрятным. — На пути туда немного шансов отдохнуть, — задумчиво сказала она. — Хочешь вина?

— Пожалуй, — ответил Уолтерс. Он сел, взял бокал вина, потом они выкурили вместе с Джейни сигарету с травкой, и постепенно выяснились и другие возможности каюты, они дарили удобства для тела и удовлетворение для души, и если Уолтерс и вспоминал в ближайшие полчаса о Долли, то не с гневом, а скорее с сочувствием.

На обратном пути достаточно места, чтобы развлекаться в корабле, даже в такой крошечной каюте, какую столетия назад занимал Горацио Хорнблауэр. Они пили лучшее вино Пегги, а когда прикончили бутылку, каюта стала казаться еще меньше, а до начала смены у них было еще больше часа.

— Я хочу есть, — заявила Джи-ксинг. — У меня тут есть немного риса с соусом, но, может быть…

Домашняя еда — это совсем неплохо. Даже рис с соусом.

— Пошли в камбуз, — сказал Уолтерс, и, не особенно торопясь, рука об руку они пошли в рабочую часть корабля. Задержались на перекрестке коридоров, где давно ушедшие хичи по какой-то только им ведомой причине посадили кусты — ну конечно, не те, что росли сейчас. Джи-ксинг сорвала ярко-синюю ягоду.

— Посмотри, — сказала она, — спелые, а эти

бедняги их и не срывают.

— Ты имеешь в виду возвращающихся колонистов? Но они ведь оплатили свой полет…

— Конечно, — с горечью сказала она. — Нет платы, нет полета. Но, вернувшись, они будут жить только на пособие. Что еще у них остается?

Уолтерс попробовал сочную, с тонкой кожицей ягоду.

— Ты не очень-то любишь этих возвращенцев.

Джи-ксинг улыбнулась.

— Я этого и не скрываю, верно? — Но тут же ее улыбка поблекла. — Во-первых, им незачем возвращаться: если бы они жили хорошо, они бы не улетели. Во-вторых, со времени их отлета стало гораздо хуже. Больше актов терроризма. Больше международных конфликтов — да ведь есть страны, которые заново создают армии! А в-третьих, они не только будут от всего этого страдать, отчасти они сами причина этого. Половина тупиц, которых ты тут видишь, через месяц будет в составе террористической группы или в группах поддержки.

Они пошли дальше, и Уолтерс сказал:

— Конечно, я давно не был дома, но слышал, что дела идут все хуже — бомбы, стрельба.

— Бомбы! Если бы только это! У них теперь есть

ТПП. На Земле никогда не знаешь, когда ты вдруг без всякого предупреждения спятишь!

— ТПП? А что такое ТПП?

— О боже, Уолтерс, — сказала она, — ты действительно долго отсутствовал. Это раньше называли Сумасшествием, не помнишь? Телемпатический психокинетический приемопередатчик, один из приборов хичи. Их всего около десятка, и один попал в руки к террористам.

— Сумасшествие, — повторил Уолтерс, и воспоминания начали пробиваться из подсознания.

— Да. Сумасшествие, — с мрачным удовлетворением подтвердила Джи-ксинг. — Я была ребенком в Канчу, когда мой отец пришел домой в крови. Кто-то выпрыгнул с верхнего этажа стекольной фабрики. И прямо на моего отца. Спятивший, явно! И все из-за ТПП.

Уолтерс, не отвечая, кивнул, лицо его помрачнело. Джи-ксинг удивленно посмотрела на него, потом показала на солдат.

— Главным образом это они и охраняют: на борту «С.Я.» есть одна штука. Их вообще слишком много. И слишком поздно надумали их охранять, потому что у террористов есть пятиместный корабль, а в нем ТПП и кто-то по-настоящему спятивший. Сумасшедший. Когда он добирается до

этой штуки, у тебя в голове все переворачивается — Уолтерс, в чем дело?

Он остановился у входа в золотой коридор, и четверо солдат с любопытством взглянули на него.

— Сумасшествие! — сказал он. — Вэн! Он был на этом корабле!

— Конечно, — ответила женщина, нахмурившись. — Послушай, нам нужно успеть перекусить. Пошли. — Она начинала беспокоиться. Челюсти Уолтерса были сжаты, мышцы на лице напряглись. Он был похож на человека, ожидающего удар в лицо, и солдаты следили за ним все более внимательно. — Пошли, Оди, — умоляюще сказала она.

Уолтерс пришел в себя и взглянул на нее.

— Иди, — сказал он. — Я больше не хочу есть.

Корабль Вэна! Как странно, подумал Уолтерс, что он не заметил этого совпадения раньше. Но, конечно, это так.

Вэн родился на этом самом корабле, задолго до того, как его назвали «С. Я. Броудхед», задолго до того, как человечество узнало о его существовании… если, конечно, не считать принадлежащими к человечеству несколько десятков отдаленных потомков Australopithecus

afarensis. Вэна родила изыскательница с Врат. Муж ее пропал в одном из полетов, она застряла в другом. Несколько лет цеплялась за жизнь, а потом оставила его сиротой. Уолтерсу трудно было себе представить, каким было детство Вэна — маленький ребенок в огромном, почти пустом корабле, никакого общества, кроме дикарей и компьютерных записей сознания мертвых изыскателей. Одна из этих записей, несомненно, принадлежала его матери. Можно его пожалеть.

Но у Уолтерса не было жалости. К Вэну, отобравшему у него жену. К тому самому Вэну, который первым обнаружил машину ТПП — сокращение от «телемпатический психокинетический приемопередатчик», как назвал эту машину язык бюрократии. Сам Вэн называл ее кушеткой для снов, а жители Земли — Лихорадкой, ужасное таинственное заболевание, одержимость, охватывавшая всех людей, когда юный Вэн обнаружил, что кушетка дает ему видимость контакта с какими-то живыми существами. Он не знал, что тем самым и они вступают в контакт с ним, и вот мечты, страхи, сексуальные фантазии подростка начали вторгаться в умы десяти миллиардов людей. Может, и Долли установила эту связь, хотя она была совсем маленькой, когда это происходи-

ло. Уолтерс не знал этого, но сама мысль об этом дала ему новые основания ненавидеть Вэна.

Он не очень ясно помнил это повторяющееся всемирное безумие, едва ли мог представить его опустошающее воздействие. И даже не пытался вообразить одинокое детство Вэна, но нынешний Вэн, летающий меж звездами по своему загадочному делу в сопровождении беглой жены Уолтерса, — эту карточку Уолтерс видел очень ясно.

Весь оставшийся до смены час он провел, представляя себе это, но тут ему пришло в голову, что он тонет в жалости к самому себе, в добровольном уничижении, а взрослый человек не должен так себя вести.

Он появился вовремя. Джи-ксинг в соседнем пилотском кресле ничего не сказала, но выглядела слегка удивленной. Он улыбнулся ей, занимая свое место, и принялся за работу.

Хотя пилотировать корабль, в сущности, означает держать руки на приборах и дать кораблю возможность лететь самому, Уолтерс был все время занят. Настроение его изменилось. Сама обширность корабля бросала ему вызов. Он следил за Джи-ксинг: она с помощью колен, ног, локтей привела в действие вспомогательные

приборы, показывающие курс корабля, его положение в пространстве, его состояние и другие данные, которые, в сущности, не нужны пилоту, но за которыми он следит, чтобы иметь возможность называться пилотом. И сделал то же самое. Вызвал на экран данные о курсе, проверил положение «С.Я.», светящейся золотой пылинки на тонкой голубой линии длиной в девятнадцать сотен световых лет; проверил это положение, рассчитав углы на звездной карте; хмурился, глядя на знаки «Держись подальше!» — так обозначались черные дыры и представлявшие угрозу газовые облака по их маршруту; он даже вызвал большую звездную карту хичи и увидел всю Галактику вместе с сопровождающими ее звездными группами. Несколько сотен самых умных человеческих голов и тысячи часов машинного времени потребовалось для расшифровки звездных карт хичи. Некоторые их части до сих пор оставались неразгаданными. И Уолтерс хмуро разглядывал немногие места, где многоцветные мерцающие ореолы, означающие «опасность», были удвоены и утроены. Что может быть настолько опасно, что сама карта хичи, кажется, кричит в страхе?

Как много еще предстоит узнать! И нет лучшего

места узнать это, подумал Уолтерс, чем на этом корабле. Работа у него временная, конечно. Но если он хорошо с ней справится… если покажет готовность и способности… если подружится с капитаном… что ж, подумал он, на Земле капитану нужно будет отыскать нового седьмого офицера, а какой кандидат будет лучше Оди Уолтерса?

Когда смена окончилась, Джи-ксинг прошла десять метров, разделяющих два пилотских кресла, и сказала:

— Как пилот, ты очень хорошо выглядишь, Уолтерс. Я немного беспокоилась о тебе.

Он взял ее за руку, и они направились к двери.

— Вероятно, я был в дурном настроении, — извинился он, и Джи-ксинг пожала плечами.

— Первой подружке после развода всегда достается, — заметила она. — Что ты сделал, подключился к какой-нибудь психоаналитической программе?

— Мне это не нужно. Я просто… — Уолтерс колебался, стараясь вспомнить, что же он делал. — Просто разговаривал сам с собой. Понимаешь, когда от тебя уходит жена, — объяснил он, — тебе становится стыдно. Не только ревность, гнев и все такое прочее. Но прошло немного времени, и я понял, что мне нечего стыдиться. Это не мое

чувство, понимаешь?

— И это помогло тебе? — спросила она.

— Да, немного погодя помогло. — Но, разумеется, лучшее противоядие против боли, причиненной женщиной, другая женщина. Хотя он не хотел говорить о самом противоядии…

— Когда в следующий раз расстроюсь, буду об этом помнить. Ну, пожалуй, пора в постель…

Он покачал головой.

— Еще рано. Как насчет старых приборов хичи? Ты говорила, что знаешь доступ к ним, минуя охрану.

Она остановилась посреди коридора и посмотрела на него.

— Ты и впрямь человек крайностей, Оди, — сказала она. — Но почему бы и нет?

У «С.Я.» два корпуса. Пространство между ними узкое и темное, но туда можно пройти. И вот Джи-ксинг провела Уолтерса через это пространство у самой наружной оболочки корабля, через лабиринт помещений с пустыми койками колонистов, мимо огромной примитивной кухни, которая их кормила, потом через место, где пахло гнилью и разложением, и наконец, в большое, плохо освещенное помещение.

— Вот они, — сказала она. Говорила она тихо,

хотя пообещала ему, что они будут далеко от охраны и их не услышат. — Приблизь голову к этой серебряной корзине — видишь, я на нее показываю? — но ни в коем случае не касайся ее. Это очень важно!

— Почему? — Уолтерс осматривался в помещении, которое, должно быть, служило у хичи чем-то вроде чердака. Здесь не менее сорока приспособлений, больших и маленьких, все прочно вделаны в корпус корабля. Круглые и квадратные, они поблескивали синими и зелеными тонами металла. Было тут и три металлических решетчатых савана, совершенно одинаковых; на один из них и указывала Джи-ксинг.

— Важно, потому что я не хочу, чтобы меня выгнали с корабля, Оди. Так что помни об этом!

— Помню. А почему их три?

— Возможно, это дублирующие системы. Вот теперь послушай. Приблизь голову к этой металлической части, но не слишком близко. Как только ощутишь нечто, остановись. Ты поймешь когда. Но не приближайся больше, а главное — не касайся, потому что эта штука двусторонняя. Пока ты испытываешь только общее ощущение, никто не заметит. Вероятно. Но если заметят, капитан обоих нас заставит пройти по доске,

понял?

— Конечно, понял, — ответил Уолтерс немного раздраженно и приблизил голову на десять сантиметров к серебряной решетке. Повернулся и взглянул на Джи-ксинг. — Ничего.

— Чуть ближе.

Нелегко двигать голову на сантиметр зараз, особенно когда она согнута под необычным углом и тебе не за что держаться, но Уолтерс старался действовать, как она сказала…

— Вот оно! — воскликнула Джи-ксинг, глядя на его лицо. — Теперь не приближайся!

Он не ответил. Мозг его заполнился самым легким ощущением, точнее смесью ощущений. Сны и мечты, чье-то затрудненное дыхание, чей-то смех, кто-то, может сразу три пары, занят сексом. Он повернулся, чтобы улыбнуться Джи-ксинг, заговорить…

И тут почувствовал нечто еще.

Уолтерс застыл. По описанию Джи-ксинг он ожидал какого-то общения. Присутствия других людей. Их страхи и радости, голод и удовольствия — но все это человеческое.

Новое существо не было человеком.

Уолтерс конвульсивно дернулся. Голова его коснулась решетки. Ощущение тысячекратно

усилилось, как будто сфокусировалась линза, и он почувствовал чье-то далекое и новое присутствие… или присутствия… что-то новое и совершенно необычное. Далекое, скользкое, холодное ощущение. Оно не исходило от человека, от людей. Уолтерс не понимал его. Однако чувствовал, что оно есть. Существует. Но ему не отвечает. Не изменяется.

И все это длилось мгновение, и тут же он почувствовал, что Джи-ксинг тянет его за рукав, кричит ему в ухо:

— Черт тебя побери, Уолтерс! Я почувствовала! Значит, и капитан тоже, и все на борту этого проклятого корабля! Мы в беде!

Как только его голова перестала касаться серебряной решетки, ощущение исчезло. Блестящие стены и мрачные машины снова стали реальны, рядом с собой он увидел рассерженное лицо Джи-ксинг. В беде? Уолтерс обнаружил, что смеется. После холодного медлительного ада, в который он только что заглянул, ничто человеческое не покажется бедой. Даже когда ворвались четверо солдат с обнаженным оружием, крича на них на четырех языках, Уолтерс чуть ли не радовался их появлению.

Потому что они люди и они живые.

И в голове его засел вопрос, который на его месте задал бы себе всякий: действительно ли он настроился на этих загадочных скрывшихся хичи?

Если так, с дрожью говорил он себе, да поможет небо человечеству.

Расшифровка карт хичи оказалась невероятно трудной, особенно потому, что они явно специально сделаны так, чтобы их нелегко было расшифровать. Да и найдено их было немного. Два или три обрывка на корабле, который вначале назывался «Небо», а потом «С.Я.», и почти полная карта в артефакте, находившемся на орбите вокруг замерзшей планеты в созвездии Волопаса. Мое личное мнение, хотя и не подкрепленное заключениями картографических комиссий: ореолы, круги и мерцающие сигналы означают предупреждения. Робин тогда мне не поверил. Он назвал меня трусливой лужей вращающихся фотонов. А когда он со мной согласился, уже не имело значения, как он меня называет.

* * *

Конечно, это мальчишка Вэн вызывал Лихорадку. Ему нужно было какое-то общение,

он чувствовал себя одиноким. Конечно, он не собирался сводить с ума человечество. Но террористы, с другой стороны, отлично понимали, что делают.

Картографическую и навигационную системы хичи расшифровать нелегко. Что касается навигации, то система соединяет две точки — начало и конец пути. Потом отыскивает ближайшие препятствия, вроде газовых облаков, проникающего излучения, гравитационных полей и так далее, и избирает безопасный маршрут между ними, потом создает канавку, вдоль которой и продвигает корабль.

Многие объекты на карте обозначены дополнительными символами: с мерцающими ореолами, черточками и так далее. Мы довольно рано поняли, что это предупреждения. Трудность заключалась в том, что мы не знали, о чем предупреждения и кого предупреждают.

5. День из жизни магната

Хичи боялись не только на борту «С.Я.». Даже я их опасался. Все боялись. Особенно когда я был ребенком, хотя тогда хичи были всего лишь исчезнувшими существами, которые развлекались

тем, что сотни тысяч лет назад копали туннели на Венере. Когда я был изыскателем на Вратах, о да, как мы их тогда боялись! Забирались в старые корабли хичи и отправлялись по всей вселенной в такие места, где не бывал ни один человек, и всегда думали, не ждут ли нас в конце пути прежние хозяева кораблей — и что они при этом сделают! И мы еще больше думали о них, когда разгадали достаточно их старых звездных атласов и поняли, что они скрылись в самом сердце нашей Галактики.

Нам тогда не пришло в голову спросить себя, от чего они прячутся.

Конечно, я не только это делал. Многое другое заполняло мои дни. Все больше заботило меня состояние моих внутренностей, они требовали к себе внимания, когда им вздумается, а вздумывалось им все чаще. Но это только начало. Я был очень занят, меня занимало бесконечное множество дел.

Если вы посмотрите на обычный день из жизни Робина Броудхеда, престарелого магната, навестите его в его роскошном сельском доме на берегу Таппанова моря, к северу от Нью-Йорка, вы увидите, что занимается он тем, что прогуливается по берегу со своей прекрасной женой Эсси…

проводит кулинарные эксперименты с малайскими, исландскими или ганскими блюдами в своей великолепно оборудованной кухне… болтает со своей мудрой информационной программой по имени Альберт Эйнштейн… диктует письма.

«Молодежному центру в Гренаде, сейчас посмотрим, да. Прилагаю, как и было обещано, чек на триста тысяч долларов, но, пожалуйста, не называйте центр в мою честь. Назовите его именем моей жены, если хотите, и мы оба постараемся присутствовать на открытии».

«Педро Ламартину, Генеральному секретарю Объединенных Наций. Дорогой Пит. Я пытаюсь добиться, чтобы американцы поделились своими данными о террористах с бразильцами, что помогло бы обнаружить корабль террористов, но кто-то должен заняться бразильцами. Не используете ли вы свое влияние? Ведь это в наших общих интересах. Если терроризм не остановить, видит бог, мы все взлетим на воздух».

«Рею Маклину, где бы он сейчас ни жил. Дорогой Рей. Пожалуйста, используйте все наши средства для поисков вашей супруги. От всего сердца желаю вам удачи».

«Горману и Кетчину, генеральным подрядчикам. Господа. Не могу согласиться с новой датой

— 1 октября — окончания строительства моего корабля. Это совершенно невозможно. Вы уже добились продления срока и больше не получите. Напоминаю, что в контракте предусмотрены серьезные штрафы, если вы затянете строительство».

«Президенту Соединенных Штатов. Дорогой Бен. Если корабль террористов не будет найден немедленно и обезврежен, под угрозой мир на всей Земле. Не говоря уже о материальном ущербе, потере жизней и всем остальном, чем мы рискуем. Не секрет, что бразильцы разработали устройство, позволяющее проследить курс корабля, летящего быстрее света, а у наших военных есть опыт в навигации и перехвате кораблей, идущих на такой скорости. Нельзя ли попробовать действовать вместе? Как главнокомандующий, вы можете приказать Высокому Пентагону начать сотрудничество. На бразильцев оказывается большое давление, чтобы они поделились своим секретом, но они ждут шага с нашей стороны».

«Этому… как его имя? А, да, Лукман. Дорогой Лукман. Спасибо за добрые новости. Я считаю, что добычу нефти нужно начинать немедленно, так что когда мы с вами увидимся, захватите планы производства и транспортировки и все расчеты

стоимости. Каждый раз, как «С.Я.» возвращается пустой, мы теряем деньги».

И так далее, и так далее — я очень занят! У меня есть чем заняться, не говоря уже о том, что нужно вести счет моим вложениям и управлять целым стадом менеджеров. Не то чтобы я много времени занимался бизнесом. Я всегда говорю, что человек, который, заработав сто миллионов, еще что-то делает только ради денег, сумасшедший. Деньги нужны, потому что если их у вас нет, у вас нет и свободы заниматься тем, что вас достойно. Но когда вы получили эту свободу, к чему вам еще деньги? Поэтому большую часть своих дел я предоставляю моей финансовой программе и нанятым мною людям — за исключением тех дел, которые не просто приносят деньги, а которые я хочу делать.

И однако, хотя хичи не всегда попадаются в списке моих ежедневных дел, я всегда о них помню. Все в конечном счете сводится к ним. Мой корабль, который сейчас достраивается на орбите, сконструирован и оборудован людьми, но большая часть конструкций и вся двигательная и навигационная часть переняты у хичи. «С.Я.», который я планирую наполнять нефтью на обратных пустых рейсах с планеты Пегги, арте-

факт хичи; кстати, Пегги тоже дар хичи, так как они дали корабли и возможности для открытия этой планеты. Быстрая пища Эсси происходит от CHON — пищи хичи, то есть из углерода, водорода, кислорода и азота в замерзших газах комет. Мы сейчас строим пищевые фабрики и на земле — одна из них прямо сейчас действует на берегу в Шри-Ланка, получая азот и кислород из воздуха, водород из воды Индийского океана, а углерод из тех несчастливых растений, животных и карбонатов, что поступают через входные клапаны. А теперь, когда у Корпорации «Врата» столько денег, что она не знает, куда их девать, можно вложить их разумно — в чартерные систематические исследовательские экспедиции, и я, как один из крупнейших акционеров «Врат», всячески способствую этому. Даже террористы используют краденый корабль хичи и украденный телемпатический психокинетический приемопередатчик хичи, чтобы причинить миру ужасные раны. Везде хичи!

Неудивительно, что по всей Земле возникли религиозные культы, обожествляющие хичи: ведь хичи удовлетворяют всем признакам божества. Они капризны, могущественны — и невидимы. Бывали времена, когда я сам испытывал сильное

искушение — долгими ночами кишки болят, а дела идут неладно — вознести молитву Нашему Отцу, Который В Центре. Это ведь не повредило бы, верно?

Впрочем, повредило бы. Повредило бы моему самоуважению. Повредило бы всему человечеству в этой дразнящей изобильной Галактике, которую дали нам хичи, но только по капельке зараз. В такой Галактике все труднее и труднее уважать себя.

Но тогда я еще не встречался с настоящим живым хичи.

Пока не встречался, но один хичи, которому предстоит большая роль в моей будущей жизни (играть словами больше не буду), а именно Капитан, в данный момент приближался к пункту, откуда начинается обычное пространство; а тем временем на «С.Я.» Оди Уолтерс подсчитывал свои наличные и думал о том, что не стоит рассчитывать на работу на этом корабле; а тем временем…

Что ж, как всегда, было множество «тем временем», но одно из них особенно заинтересовало бы Оди Уолтерса. Тем временем его грешная жена начинала жалеть о своем прегрешении.

6. Где вращаются черные дыры

Оказывается, сбежать с сумасшедшим от мужа немногим лучше, чем скучать в Хеграмете. Совсем другое, о небо, насколько другое! Но все же отчасти просто скучно, а отчасти страшно до смерти. Корабль пятиместный, и места для них хватало — вернее, должно было бы хватать. И так как Вэн был молод, богат и даже красив, если посмотреть на него под определенным углом, путешествие должно было быть приятным. Но все оказалось не так.

И к тому же было страшно.

Если человек хоть что-то и узнал о космосе, так это то, что нужно держаться подальше от черных дыр. Но для Вэна это ничего не значило. Он их отыскивал. А потом поступал даже хуже.

Долли не знала, что это за приборы и приспособления, которыми играл на корабле Вэн. Когда она спрашивала, он не отвечал. Когда она, подлизываясь, надела на палец куклу и спросила ее ртом, Вэн нахмурился и сказал: «Если хочешь показывать представление, покажи что-нибудь забавное и грязное, а не задавай вопросы, которые тебя не касаются». Когда она попыталась выяснить, почему они ее не касаются, ей повезло

больше. Прямого ответа она не получила. Но по краске и смущению Вэна она поняла, что приборы украдены.

И они имеют какое-то отношение к черным дырам. И хотя Долли была уверена, что когда-то слышала, будто ни войти в черную дыру, ни выйти из нее невозможно, ей вскоре стало ясно, что Вэн пытается найти черную дыру, а потом войти в нее. Вот это и было страшно.

А когда она не боялась так, что ее молодой рассудок готов был свихнуться, она оказывалась одинокой, потому что капитан Хуан Генриетта Сантос-Шмитц, эксцентричный юный миллионер, чьи подвиги до сих пор возбуждали любителей сплетен, оказался никуда не годной компанией. Проведя с ним три недели, Долли едва выносила его присутствие.

Впрочем, она с дрожью признавалась, что его вид гораздо менее ужасен, чем то, на что она сейчас смотрит.

А смотрела Долли на черную дыру.

Вернее, не на саму дыру, потому что на нее можно смотреть целый день и ничего не увидеть: черная дыра потому и называется черной, что ее не видно. Она видела спиральное свечение синевато-лилового цвета, неприятное для глаза,

даже на экране контрольной панели. Гораздо неприятнее было бы смотреть на это непосредственно. Этот свет — только вершина айсберга, обрушивающегося на корабль. Корабль бронированный, и пока броня выдерживает, но Вэн не под защитой брони. Он в посадочном аппарате, где у него инструменты и технологии, которых она не понимает, а он отказывается ей объяснять. А она знала, что где-нибудь в другом месте, в другой ситуации она будет сидеть в корабле и ощутит легкий толчок — это отсоединится посадочный аппарат. И Вэн еще больше приблизится к этому ужасному объекту! И что тогда с ним случится? А с ней? Она, конечно, без него обойдется, это уж точно! Но если он умрет, оставит ее одну в сотнях световых лет от всего, что ей знакомо, — что тогда?

Она услышала его гневные восклицания и поняла, что это произойдет не сейчас. Люк открылся, и в нем показался сердитый Вэн.

— Еще одна пустая! — рявкнул он, словно считал виноватой в этом ее.

Конечно, считал. Она постаралась выглядеть сочувствующей, а не испуганной.

— Ах, милый, какая жалость! Значит, уже три.

— Три! Ха! С тобой три, хочешь ты сказать. А все-

го гораздо больше! — Говорил он презрительным тоном, но она старалась не замечать этого. Страх сменился чувством необыкновенного облегчения. Долли незаметно отодвинулась как можно дальше от контрольной панели — недалеко, ведь все пространство внутри корабля размером с гостиную. Он сел и стал справляться у своих электронных ораторов, а она молчала.

Разговаривая с Мертвецами, Вэн никогда не приглашал Долли принимать участие. Если он говорил, она, по крайней мере, слышала его слова. Если печатал на клавиатуре, у нее и этого не было. Но на этот раз она понимала, о чем идет речь. Он набрал вопрос, выслушал в микрофон, что сказал Мертвец, внес поправку и принялся набирать курс. Потом снял наушники, нахмурился, потянулся и повернулся к Долли.

— Ну, ладно, — сказал он, — иди сюда, можешь показать представление, чтобы внести еще часть платы за проезд.

— Хорошо, милый, — послушно сказала она, хотя было бы гораздо лучше, если бы он не напоминал ей об этом постоянно. Но настроение ее улучшилось, она ощутила легкий толчок; значит, корабль снова в пути, и действительно — сине-фиолетовый ужас на экране уже начал

уменьшаться.

Конечно, это значит только, что они на пути к другой черной дыре.

— Покажи хичи, — приказал Вэн, — и еще… дай-ка подумать. Да, Робинетта Броудхеда.

— Хорошо, Вэн, — сказала Долли, доставая из угла, куда их закинул Вэн, своих кукол и надевая их на пальцы. Хичи, конечно, не похож на настоящего хичи; кстати, кукла Робинетта Броудхеда тоже выглядела карикатурно. Но они забавляли Вэна. А для Долли именно это было важно, так как счет оплачивал он. В первый же день после отлета из порта Хегрампет он хвастливо показал Долли свой банковский счет. Шесть миллионов долларов автоматически пополняли его ежемесячно! Это число поразило Долли. Это очень много. И из этого водопада денег рано или поздно она сумеет урвать для себя несколько капель. В такой мысли Долли не видела ничего аморального. Возможно, в прежние времена американцы назвали бы ее охотницей за богатством. Но большая часть человечества во всей его истории просто назвала бы ее бедной.

Она кормила его и спала с ним. Когда он бывал в плохом настроении, старалась стать невидимой, а когда он хотел развлечений, пыталась его

развлечь.

— Здравствуйте, мистер хичи, — сказала голова Броудхеда, рука Долли согнула ее, чтобы голова улыбалась, голос Долли звучал хрипло. — Очень рад с вами познакомиться.

В голосе Долли зазвучало змеиное шипение:

— Здравствуй, опрометчивый землянин. Ты как раз вовремя для обеда.

— Вот здорово! — воскликнула голова Броудхеда, улыбка ее стала шире. — Я голоден. А что на обед?

— Аргх! — закричала голова хичи, пальцы скривились когтями, рот раскрылся. — Ты! — И правая рука сомкнулась на кукле с левой руки.

— Хо! Хо! Хо! — смеялся Вэн. — Очень хорошо! Хотя на хичи не похоже. Ты не знаешь, как выглядит хичи.

— А ты знаешь? — своим голосом спросила Долли.

— Почти. Во всяком случае, лучше тебя.

И Долли, улыбаясь, подняла руку с хичи.

— Но вы ошибаетесь, мистер Вэн, — послышался шелковый, змеиный голос хичи. — Вот как я выгляжу, и я жду вас в следующей черной дыре!

Вэн вскочил со стула, отбросив его с треском.

— Это не забавно! — закричал он, и Долли уди-

вилась, увидев, что он дрожит. — Приготовь мне поесть! — приказал он и, что-то бормоча, отправился в свой посадочный аппарат.

Не стоит шутить с ним. Долли приготовила ему обед и прислуживала с улыбкой, хотя весело ей не было. Но эта улыбка ничего ей не дала. Настроение у него было хуже, чем всегда. Он кричал:

— Дура! Ты тайком съела всю хорошую пищу? Ничего вкусного не осталось!

Долли чуть не расплакалась.

— Но ведь тебе нравятся бифштексы, — сказала она.

— Бифштексы! Конечно, нравятся. Но посмотри, что ты приготовила на десерт! — Он оттолкнул тарелку с бифштексом и брокколи, схватил поднос с шоколадным печеньем и потряс перед ней. Печенье разлетелось во все стороны, и Долли пыталась поймать его.

— Я знаю, они тебе не очень нравятся, милый, но мороженого больше нет.

Он сердито посмотрел на нее.

— Ха! Нет мороженого! Ну хорошо. Тогда шоколадное суфле или пирог с фруктами…

— Вэн, ничего этого нет. Ты все съел.

— Глупая женщина! Это невозможно!

— Ну, их не стало. И вообще сладкое тебе вред-

но.

— Тебя не назначали моей нянькой! Когда у меня сгниют зубы, я куплю себе новые. — Он сунул тарелку ей в руки, и печенье снова разлетелось. — Выбрось этот мусор. Я не хочу больше есть.

Вот и еще один типичный обед в дальних пределах Галактики. И закончился он тоже типично: Долли со слезами прибрала. Вэн такой ужасный человек! И даже не подозревает об этом.

Однако Вэн знал, что он злобен, антисоциален, капризен — и еще длинный список пороков, которые перечислила ему психоаналитическая программа. Больше трехсот сеансов. Шесть дней в неделю в течение почти года. А в конце он с шуткой прекратил эти сеансы.

— У меня есть вопрос, — сказал он голографическому психоаналитику. Программа имела вид приятной женщины, достаточно старой, чтобы быть его матерью, достаточно молодой, чтобы сохранить привлекательность. — И вопрос этот таков: сколько психоаналитиков нужно, чтобы изменить светящийся шар?

Аналитик со вздохом сказала:

— О, Вэн, ты снова противишься. Ну хорошо. Сколько же?

— Только один, — со смехом ответил он, — но

шар на самом деле не хочет меняться. Ха-ха! И, видишь ли, я тоже не хочу!

Она молча смотрела на него. Ее показывали сидящей в кресле-корзине, с подобранными под себя ногами, с блокнотом в одной руке, с карандашом в другой. Глядя на него, она постоянно поправляла очки, сползавшие на кончик носа. Как и все остальное в этой программе, этот жест имел определенную цель, он показывал, что она всего лишь человек, как и он, а не некое божество. Конечно, человеком она не была. Но прозвучали ее слова совсем по-человечески:

— Очень старая шутка, Вэн. А что такое светящийся шар?

Он раздраженно пожал плечами:

— Это такая штука, которая дает свет. Но ты меня не поняла. Я вообще не хочу меняться. Мне это неинтересно. Я с самого начала не хотел приходить сюда и сейчас намерен это дело закончить.

Компьютерная программа миролюбиво сказала:

— Это твое право, конечно, Вэн. Что же ты будешь делать?

— Буду искать моего… уйду отсюда и буду веселиться, — свирепо сказал он. — Это тоже мое право.

— Да, конечно, — согласилась она. — Вэн. Не скажешь ли, что ты собирался сказать, а потом изменил свое намерение?

— Нет, — ответил он, вставая. — Не буду говорить тебе, просто буду делать. До свидания.

— Ты собираешься искать своего отца, верно? — спросила ему вслед компьютерная программа, но он не ответил. И вместо того чтобы просто закрыть дверь, захлопнул ее с грохотом.

Нормальный человек — в сущности, почти любой человек — признал бы правоту психоаналитика. И уже давно рассказал бы партнерше по путешествию и постели о своих надеждах и страхах. Но Вэн не привык с кем бы то ни было делиться своими чувствами, потому что вообще не привык ничем делиться. Выросший в одиночестве Неба Хичи, лишенный в самом критическом возрасте теплокровных товарищей, он стал подлинным архетипом антиобщественного человека. Страшная тоска по любви погнала его в глубины космоса в поисках исчезнувшего отца. Полная неспособность осуществить свою мечту делала для него невозможным принятие любви сейчас. Его ближайшими спутниками в годы юности были компьютерные программы, записанные индивидуальности, Мертвецы. Он

скопировал их, и взял с собой на корабль хичи, и разговаривал с ними, как не говорил с живой Долли, потому что знал: они только машины. Им все равно, как он с ними обращается. Для Вэна люди тоже были машинами, продающимися машинами, можно сказать. А у него достаточно денег, чтобы купить, что ему нужно. Секс. Или разговоры. Или приготовление пищи, или уборку его грязи.

Ему не приходило в голову подумать о чувствах продающейся машины. Даже когда такой машиной была девятнадцатилетняя женщина, которая была бы благодарна, если бы он подумал, что она его любит.

Хичи довольно рано научились записывать сознание и даже переносить особенности личности мертвого или умирающего в свои механические системы, как научились и люди, найдя так называемое Небо Хичи, где вырос Вэн. Робин считал это чрезвычайно важным изобретением. Я с ним не согласен. Конечно, возможно, меня сочтут предубежденным — подобная мне личность, уже будучи механическим собранием информации, не нуждается в записи; а хичи, открыв запись, не потрудились создать подобные мне личности.

7. Возвращение домой

В петле Лофстрома, в Лагосе, Нигерия, Оди Уолтерс думал о том, насколько он виноват перед Джейни Джи-ксинг. Тем временем магнитная лента подхватила их спускающуюся капсулу, замедлила ее и опустила у таможенно-иммиграционного терминала. За игру с запретными игрушками Оди потерял надежду на работу, но Джи-ксинг помощь ему стоила всей карьеры.

— У меня есть мысль, — прошептал он ей, когда они ждали у стойки. — Расскажу, когда выйдем.

У него действительно появилась мысль, и отличная. Этой мыслью был я.

Но прежде чем поделиться с ней идеей, Уолтерс должен был рассказать, что чувствовал в тот ужасный момент у ТПП. Они остановились в транзитном отеле у основания посадочной петли. Пустая комната, к тому же очень душная; одна среднего размера кровать, умывальник в углу, ПВ, на который можно смотреть, пока ждешь свою капсулу, окна открываются в горячий сырой воздух береговой Африки. Окна открыты, но затянуты сеткой, которая не пускает мириады африканских насекомых. Однако Оди стало холодно, когда он рассказывал о том холодном

медлительном существе, чье присутствие ощутил он в своем сознании на борту «С.Я.».

И Джейни Джи-ксинг тоже вздрогнула.

— Но ты ведь ничего не сказал, Оди! — Голос ее звучал резко, в горле пересохло. Он покачал головой. — Почему ты молчал? Ведь это… — Она помедлила. — Да, я уверена, тут ты можешь получить премию «Врат».

— Мы можем получить, Джейни! — строго сказал он, и она взглянула на него и, кивнув, приняла его мысль. — Конечно, можем. Премия миллион долларов. Я проверил это еще на корабле, одновременно скопировал корабельный журнал. — Он порылся в своем тощем багаже, извлек информационный веер и показал ей.

Она не стала его брать. Только спросила:

— Зачем?

— Подумай сама, — ответил он. — Миллион долларов. Нас двое, так что нужно разделить пополам. Далее, я получил сведения на «С.Я.», с помощью оборудования «С.Я.», так что корабль, его владельцы, весь проклятый экипаж могут рассчитывать на долю. Нам повезет, если у нас отберут половину. Скорее три четверти. Затем — мы нарушили правила, ты знаешь. Может, принимая все во внимание, об этом забудут. А может,

и нет, и тогда мы вообще ничего не получим.

Джи-ксинг кивнула, соглашаясь с ним. Она протянула руку и коснулась веера.

— Ты скопировал корабельный журнал?

— Без всяких проблем, — ответил он, и так оно и было. Во время своего дежурства, в ледяном молчании первого офицера в соседнем сиденье, Уолтерс просто запросил данные о том моменте, когда вступил в контакт, у автоматического рекордера, записал эту информацию, словно это его обязанность, и спрятал копию.

— Ну хорошо, — сказала она. — А теперь что?

И тогда он рассказал ей о своем знакомом эксцентричном миллиардере (это я), охотно покупающем сведения о хичи. А Уолтерс знает его лично…

Она с новым интересом посмотрела на него.

— Ты знаком с Робинеттом Броудхедом?

— Он у меня в долгу, — просто ответил он. — Мне только нужно отыскать его.

Впервые с того времени, как они вошли в эту тесную комнату, Джи-ксинг улыбнулась. Показала на висевший на стене П-фон.

— Давай, тигр.

И вот Уолтерс из оставшейся у него небольшой суммы оплатил междугородный разговор, а Джи-

ксинг в это время задумчиво смотрела на яркие полосы огней вокруг петли Лофстрома, километровой длины американской горки; ее магнитные кабели сверкали; одни капсулы с шумом садились на нее, другие разгонялись, приобретая скорость убегания, и взлетали. Джи-ксинг не думала о пассажирах капсул, она думала о том, что придется продать, и когда Уолтерс с мрачным лицом повесил трубку, она почти не слышала его слов. А сказал он вот что:

— Ублюдка нет дома. Вероятно, я разговаривал с дворецким с Таппанова моря. И тот сказал мне, что мистер Броудхед находится на пути в Роттердам. Роттердам, бога ради! Но я проверил. Мы можем лететь в Париж, а потом на медленном реактивном самолете — остальную часть пути. Денег нам на это хватит…

— Я хочу взглянуть на журнал, — сказала Джи-ксинг.

— Журнал? — повторил он.

— Ты меня слышал, — нетерпеливо сказала она. — Его можно прокрутить на ПВ. И я хочу посмотреть.

Он облизнул губы, немного подумал, пожал плечами и сунул веер в сканер ПВ.

Так как на корабле были голографические ин-

струменты, записывающие каждый фотон света, падающий на них, все данные об источнике холодного излучения находились в веере. Но на экране ПВ видно было только бесформенное белое пятно, рядом его координаты.

Само по себе зрелище не очень интересное — именно поэтому, конечно, корабельные сенсоры не обратили на него внимания. Возможно, сильное увеличение покажет подробности, но это за пределами возможности дешевого гостиничного номера.

Но даже так…

Глядя на пятно, Уолтерс снова ощутил, как по коже побежали мурашки. Со стороны кровати послышался голос Джи-ксинг:

— Ты ведь мне ничего не сказал, Оди. Это хичи?

Он не отрывал взгляда от белого пятна.

— Хотел бы я знать… — Маловероятно. Конечно, если хичи совсем не такие, как считалось… Они разумны. Должны быть разумны. Полмиллиона лет назад они завоевали космос. А те, чье сознание ощутил Уолтерс, были… были… — Как же их назвать? Может быть, окаменевшие. Присутствующие. Но не действующие.

— Выключи, — сказала Джи-ксинг. — Мне от

него тошно. — Она прихлопнула насекомое, пробившееся сквозь сетку, и мрачно добавила: — Мне здесь не нравится.

— Ну, утром полетим в Роттердам.

— Не просто здесь. Мне не нравится на Земле, — сказала она. Указала на небо над посадочной петлей. — Знаешь, что там вверху? Высокий Пентагон, и Тиуратам, и еще миллионы спутников, и здесь все спятили, Оди. Никогда не знаешь, когда эта проклятая штука начнется.

Не совсем ясно, что она имела в виду, но Уолтерс тоже ощутил нечто подобное. Он достал веер из сканера ПВ. Не его вина, что мир спятил! Но, несомненно, он виноват в том, что Джи-ксинг прикована к этому миру. Так что она права, упрекая его.

Он протянул ей веер, сам не очень понимая почему; может, просто хотел подтвердить ее статус помощника и партнера.

И посредине этого жеста обнаружил, насколько спятил мир. Жест перешел в удар, направленный на ее неулыбающееся расстроенное лицо.

Перед ним была не Джейни: Уолтерс увидел Долли, неверную сбежавшую Долли, а за ней улыбающегося, полного презрения Вэна, а может, это не они, а просто какой-то символ. Цель. Злое и

опасное существо, неизвестное, но отвратительное. ВРАГ, и его нужно уничтожить.

Иначе погибнет сам Уолтерс, исчезнет, будет поглощен самыми безумными, самыми извращенными эмоциями, каких он никогда раньше не испытывал. И его охватило яростное, всепоглощающее желание насилия.

Я очень хорошо знаю, что испытывал в тот момент Оди Уолтерс, потому что сам это испытал — и Джейни тоже — и моя собственная жена Эсси — и каждый человек, оказавшийся в десяти астрономических единицах от пункта, удаленного от Земли на несколько сотен миллионов километров в сторону созвездия Возничего. Мне повезло, что я в тот момент отказался от своей привычки самому вести самолет. Не знаю, разбился ли бы я. Удар из космоса длился всего полминуты, и мне, вероятно, не хватило бы времени, чтобы убить себя, но я обязательно постарался бы. Гнев, ненависть, страстное желание разрушать, уничтожать — таков был дар террористов. Но в тот момент самолет вел компьютер, я сидел за П-фоном, а на компьютерные программы ТПП не действует.

Это не первый раз. Уже восемнадцать месяцев, как террористы захватили корабль и посылали

свои безумные фантазии в мир. Мир больше не мог этого выносить. Между прочим, именно поэтому я летел в Роттердам, но из-за этого эпизода повернул назад. Сразу попытался связаться с Эсси, убедиться, что с ней все в порядке. Не получилось. Все в мире тоже звонили, по той же причине, и линии были забиты.

К тому же в животе у меня словно два броненосца занялись сексом, и я хотел, чтобы Эсси была со мной, а не летела коммерческим рейсом, как мы запланировали. Поэтому я велел пилоту повернуть назад; и поэтому, когда Уолтерс добрался до Роттердама, меня там не было. Он легко застал бы меня на Таппановом море, если бы полетел прямо в Нью-Йорк, но он ошибся в своих расчетах.

Он ошибся также — очень сильно ошибся, но ошибка его простительна — в отношении того, чей разум ощутил он на борту «С.Я.».

И он допустил еще одну ошибку, очень серьезную. Он забыл, что у ТПП двустороннее действие.

Так что тайна его соприкосновения с чуждым сознанием для этого сознания совсем не была тайной.

* * *

Я сожалею, вернее, почти сожалею, что по собственному опыту не могу судить об этом «мгновенном безумии». Больше всего сожалел, когда это произошло в первый раз, десять лет назад. В то время никто не подозревал о наличии телемпатических психокинетических приемопередатчиков. А выглядело это как периодические пандемии безумия. Лучшие умы человечества, включая мой, затратили множество времени в поисках вируса, токсичного химического соединения, варианта солнечного излучения — всего, всего, что угодно, лишь бы объяснить эти периодические припадки всеобщего безумия. Но у многих лучших умов, включая мой, было серьезное препятствие. Компьютерные программы не могут ощутить эти приводящие в безумие импульсы. Если бы могли, смею заверить, проблема была бы решена гораздо раньше.

8. Нервный экипаж парусного корабля

Синевато-лиловый осьминог — ну, не осьминог, конечно, но ближе всего с человеческой точки зрения к осьминогу — почти достиг своего, когда

у Оди Уолтерса произошла небольшая неувязка с ТПП. Но так как ТПП обладает двусторонним действием, это хорошее оружие, но очень плохое средство наблюдения. Все равно что окликнуть человека, за которым шпионишь, и сказать ему: «Эй, послушай, а я за тобой слежу!» Так вот, когда Уолтерс соприкоснулся с решеткой, прикосновение ощутили и в другом месте. А место это находилось почти в тысяче световых лет от Земли, недалеко от геодезической линии Земля — планета Пегги, — конечно, именно по этой причине Уолтерс оказался близко и смог ощутить чужое присутствие.

Кстати, я довольно хорошо знаю этого осьминога — ну, почти осьминога; можно сказать, что он выглядит как извивающаяся большая орхидея. Тогда, конечно, я с ним не был знаком, но теперь знаю достаточно хорошо, знаю, как его зовут, и откуда он, и почему он там находился, и — самое сложное из всего — что он там делал. Ближе всего к его занятию подойдет, если я скажу, что он рисовал пейзаж. Но пейзаж этот не мог увидеть никто на расстоянии многих световых лет, и меньше всех мой друг-осьминог — у него просто глаз для этого нет.

Но все же причина у него была. Он произво-

дил нечто вроде религиозного обряда. Обряд восходит к древнейшим традициям его расы, а раса очень древняя, и обряд имеет отношение к тому теологически определяющему моменту ее истории, когда эти существа, живущие среди кристаллических решетчатых замерзших газов родной планеты, где видимость во всех направлениях предельно ограничена, впервые поняли, что «зрение» может стать значительной формой искусства.

Для осьминога было очень важно, чтобы его картина достигла совершенства. И вот когда, внезапно ощутив присутствие чужака, он понял, что за ним наблюдают, то от неожиданности рассыпал немного порошка, который применял в качестве краски, и рассыпал не там, где нужно, и в неправильном сочетании цветов, и потому глубоко огорчился. Испорчена целая четверть гектара! Земной священник понял бы его чувства, если не их причину: все равно что во время молитвы Небеса вдруг обрушились и оказались растоптанными.

Осьминога звали ЛаДзхаРи. Холст, над которым он работал, представлял собой эллиптический парус из мономолекулярной пленки длиной почти в тридцать тысяч километров. Работа

была завершена едва ли на четверть, и на это потребовалось пятнадцать лет. Но ЛаДзхаРи было все равно, сколько времени на нее потребуется. Времени у него достаточно. Его космический корабль еще восемьсот лет будет идти к цели.

Ну, он так считал, что у него достаточно времени… пока не ощутил, что за ним наблюдает чужак.

И тогда он почувствовал необходимость торопиться. Оставаясь в нормальном состоянии динамического равновесия, он быстро собрал свою краску — это было 21 августа, — закрепил ее — 22 августа, — оттолкнулся от паруса и поплыл в свободном пространстве. К первому сентября он был достаточно далеко, чтобы включить свой реактивный двигатель и в энергетически повышенном состоянии вернуться в свою небольшую цилиндрическую жестянку, которая на крыльях бабочки висела в центре скопления. Для него это очень дорого, но он в том же повышенном состоянии добрался до корабля и погрузился в жидкую грязь пещеры, служившей ему каютой. И при этом изо всех сил звал своих соплеменников.

По человеческим стандартам голос его звучал необыкновенно громко. Такие голоса есть у больших земных китов, их песни могут услышать и

ответить на них киты на другом краю океана. Соплеменники ЛаДзхаРи услышали, и вот стены небольшого космического корабля сотрясались от рева. Дрожали инструменты. Мебель раскачивалась. Самки в панике бежали, опасаясь, что их съедят или осеменят.

Для семерых самцов ощущение было почти таким же ужасным, и один из них как можно быстрее перешел в повышенное состояние и закричал в ответ. Все они знали, что произошло. Они тоже ощутили прикосновение чужака и отреагировали как должно. Весь экипаж перешел в повышенное состояние, передал сигнал, как завещали предки, и вернулся в норму… и ЛаДзхаРи тоже нужно это сделать и не пугать самок.

ЛаДзхаРи замедлился и позволил себе «перевести дыхание», хотя его народ такого выражения не знал. Нельзя в повышенном состоянии слишком долго биться в грязи. Он уже и так вызвал несколько сильных кавитационных карманов. И вся среда, в которой они живут, грозила выйти из равновесия. Он виновато работал вместе с остальными, пока все не пришло в норму, самок успокоили и выманили из укрытий, одну из них приготовили на обед, и весь экипаж занялся обсуждением безумного прикосновения,

невероятно стремительного и ужасного, которое ощутили они все. Это заняло весь сентябрь и начало октября.

К этому времени корабль вернулся к обычному распорядку, и ЛаДзхаРи смог снова заняться своим холстом. Он нейтрализовал испорченные участки большого крыла, ловушки фотонов. Тщательно собрал краску-порошок, потому что нельзя так расточительно тратить массу.

Он был скуповат, этот ЛаДзхаРи. Но должен признать, что я им восхищаюсь. Он оказался верен традициям своего народа в таких обстоятельствах, в каких человек прежде всего подумал бы об угрозе себе. ЛаДзхаРи не хичи, но он знал, где скрываются хичи, и верил, что послание его товарищей рано или поздно будет ими получено и они услышат ответ.

И вот как раз когда он начал снова писать свой пейзаж, он ощутил новое прикосновение, на этот раз не неожиданное. Все ближе. Сильнее. Настойчивее и страшнее.

У моего друга Робина есть несколько недостатков, и один из них очень забавный — это застенчивость. Легко объяснить, каким образом ему стало известно о существах с корабля-парусника и о многом другом, чего он не может видеть.

Но он просто не хочет объяснять. Объяснение же таково: ему рассказал я. Самое простое чаще всего оказывается правильным.

А возможно ли, что застенчивость заразительна?

9. Оди и я

Фрагменты жизни моих друзей или почти друзей, а в некоторых случаях не друзей начали складываться в единое целое. Не очень быстро. Не быстрее, кстати, чем фрагменты вселенной снова стали стягиваться в единое первобытное целое (так мне все время говорит Альберт) по причинам, которые в то время были мне совершенно непонятны (но я тогда этого не опасался, потому что не опасался и Альберт). Экипаж корабля-парусника с беспокойством ждал последствий своего праведного поступка. Долли и Вэн находились на пути к очередной черной дыре, Долли собиралась лечь спать, Вэн усиленно дулся на нее. А Уолтерс и Джейни несчастно сидели в своем слишком дорогом номере отеля в Роттердаме, потому что обнаружили, что меня здесь нет. Джейни сидела на большой анизокинетической постели, а Оди приставал к моей секретарше. У Джейни был синяк на щеке — сувенир того приступа безумия, но

у Оди запястье в гипсе — сильное растяжение. До этого момента он не знал, что у Джейни черный пояс по карате.

Морщась, Уолтерс прервал связь и положил руку на колени.

— Она говорит, что он будет здесь завтра, — проворчал он. — Передаст ли она ему мое сообщение?

— Конечно, передаст. Она ведь не человек.

— Правда? Ты считаешь, что это компьютерная программа? — Эта мысль ему в голову не приходила, потому что на планете Пегги такого нет. — В таком случае, — утешился он, — она не забудет. — Он налил себе и ей бельгийского яблочного коньяку из бутылки, купленной по пути в отель. Поставил бутылку, поморщился, потер запястье и отхлебнул, прежде чем сказать: — Джейни? Сколько денег у нас осталось?

Она наклонилась вперед и набрала код на ПВ.

— Примерно еще на четверо суток в этом отеле, — сообщила она. — Конечно, мы можем переселиться в более дешевый…

Он покачал головой.

— Здесь остановится Броудхед, и я хочу быть здесь.

— Хорошая причина, — заметила Джи-ксинг,

намекая, что понимает истинную причину: если Броудхед не очень захочет увидеться с Уолтерсом, его легче будет увидеть здесь, чем дозвониться по П-фону. — А почему ты спросил о деньгах?

— Давай потратим немного на информацию, — предложил он. — Мне хотелось бы узнать, насколько богат Броудхед.

— Ты хочешь получить финансовый отчет? Узнать, может ли он заплатить миллион долларов?

Уолтерс покачал головой:

— Хочу узнать, нельзя ли получить больше миллиона.

Не очень благородное отношение. Если бы я тогда знал об этом, я бы гораздо жестче обошелся со своим старым другом Оди Уолтерсом. А может, и нет. Когда у тебя много денег, привыкаешь к тому, что люди видят в тебе не человека, а лишь источник пополнения своих средств. Хотя окончательно привыкнуть к этому невозможно.

Но у меня не было возражений против сообщения о размерах моего состояния, и я сообщал о нем финансовым службам. Я владею многим. Значительная доля в чартерных рейсах «С.Я.». Акции пищевых фабрик и рыбных ферм. Большое количество проектов на планете Пегги,

включая (к удивлению Уолтерса) компании, которые неоднократно нанимали его самолет. Сама информационная служба, сообщавшая эту информацию. Несколько холдинговых компаний и экспортно-импортных фирм. Два банка; четырнадцать агентств по продаже недвижимости, разбросанных повсюду — от Нью-Йорка до Нового Южного Уэльса, с отделениями на Венере и планете Пегги; большое количество различных мелких корпораций, включая авиалинии, фабрики быстрой пищи, что-то под названием «Здесь и После, Инк.», и еще что-то называющееся «Пегтехнефтеразведка».

— Боже, — сказал Уолтерс, — это компания мистера Лукмана! Так что я работал на этого сукина сына!

— И я, — подхватила Джи-ксинг, глядя на то место, где упоминается «С.Я.», — правда! Неужели Броудхеду принадлежит все?

Нет, не все. Мне принадлежит многое, но если бы они более сочувственно посмотрели на мои владения, то заметили бы определенную закономерность. Банки давали деньги на исследования. Агентства по торговле недвижимостью помогали колонистам приобрести землю или превратить свои лачуги и трущобы в деньги, когда они уле-

тали на «С.Я.». «С.Я.» перевозила колонистов на Пегги, а что касается Лукмана — да, это лучшая драгоценность в короне, если бы только об этом знали! Я никогда не видел Лукмана и не узнал бы его при встрече. Но он получал распоряжения, а эти распоряжения по цепи команд исходили от меня: отыскать хорошее нефтяное поле вблизи экватора Пегги. Почему вблизи экватора? Чтобы петля Лофстрома, которую здесь построят, могла использовать вращение планеты. Почему петля? Это лучший и самый дешевый способ выведения груза на орбиту. Нефть, которую мы добываем, пойдет на горючее для петли. А излишки сырой нефти та же петля отправит на орбиту в капсулах; капсулы обратными рейсами «С.Я.» будут доставлены на Землю и там проданы — следовательно, все обратные рейсы, которые сейчас проходят впустую, станут приносить большую прибыль, а это значит, что мы сможем срезать цены на билеты для желающих переселиться колонистов!

Я не извиняюсь за то, что почти все мои предприятия регулярно приносят прибыль. Так я заставляю их действовать и расширяться, но прибыль — это исключительно сопутствующее явление. Видите ли, у меня есть своя философия насчет денег. Если кто-нибудь, заработав сто

миллионов, продолжает трудиться ради денег, он либо болен, либо…

Да я ведь это уже говорил, не правда ли?

Боюсь, что я отвлекаюсь. Так много происходит одновременно в моем сознании, что я немного путаюсь: трудно отличить происходящее от того, что еще произойдет, и от того, что произойдет только в моем сознании.

Дело в том, что все мои предприятия связаны с завоеванием Галактики и облегчением жизни людей. Это факт. И поэтому все фрагменты моей биографии так тесно объединяются в стремлении к одной цели. Вначале так не казалось. Но на самом деле это так. Все. Даже рассказы о моем друге Капитане, которого я со временем узнаю очень хорошо, о его возлюбленной и второй по старшинству в экипаже, женской особи хичи по имени Дважды, которую, как вы обнаружите, я в конце концов тоже хорошо буду знать.

Так как Робин все время упоминает «исчезнувшую массу», я должен объяснить, что это такое. В конце двадцатого века космологи столкнулись с неразрешимым противоречием. Они видели, что вселенная расширяется: это, несомненно, из-за красного смещения. Но они видели также, что в ней слишком много массы для такого расши-

рения. Это доказывалось следующими фактами: внешние края галактик вращаются слишком быстро, группы галактик притягивают друг друга слишком сильно, даже наша собственная Галактика со своими сопровождающими движется к группе звездных скоплений в созвездии Девы гораздо быстрее, чем должна была бы. Очевидно, очень большая масса не наблюдается. Где она?

Существует интуитивно очевидное объяснение. Действительно, вселенная расширялась, но Кто-то решил повернуть этот процесс и заставить ее сокращаться. Никто ни на минуту в это не верил — в конце двадцатого столетия.

Робин очень гордится посадочными петлями, потому что это убеждает его: люди могут придумать нечто такое, до чего не додумались хичи. Что ж, он прав — если не вглядываться в подробности. Петля была изобретена на Земле человеком по имени Кейт Лофстром в конце двадцатого столетия, хотя построили ее гораздо позже. Но Робин не знал, что, хотя хичи такую петлю не придумали, это сделали обитатели кораблей-парусников — у них не было другой возможности пробиться через свою густую непрозрачную атмосферу.

10. Место, где жили хичи

Когда испуганные хичи спрятались за барьером Шварцшильда в центре Галактики, они знали, что легкого сообщения между ними и остальной вселенной не будет. Однако они не смели оставаться без сведений о внешнем мире.

Поэтому снаружи черной дыры они соорудили сеть звездочек. Звездочки разместили достаточно далеко от черной дыры, чтобы она их не поглотила, и в то же время достаточно близко, чтобы передавать информацию, собранную по всей Галактике оставленными хичи устройствами. Хичи вынуждены были скрыться, но они оставили снаружи глаза и уши.

И вот время от времени какой-нибудь храбрец выбирался из центра, чтобы узнать, что видели глаза и слышали уши. Когда Капитан и его экипаж получили задание проверить пространство в поисках сбежавшей звезды, у них было дополнительное, хотя и обычное задание — прослушивать всю информацию. В составе экипажа их было пятеро — пятеро живых. Капитана из них больше всего интересовала худая бледная женская особа по имени Дважды. По стандартам Капитана, она была исключительно красива. А

также сексуальна — каждой осенью, и, как он полагал, это время быстро приближается!

Но еще не сейчас, молил он. И о том же молила Дважды, потому что проходить через периметр Шварцшильда нелегко. Хотя корабль был специально для этого подготовлен. На нем тоже был нож для открывания консервных банок — Вэн похитил такой же, но с более ограниченными возможностями. Корабль Вэна не мог миновать горизонт событий и уцелеть. Он мог протолкнуть туда только часть себя.

Корабль Капитана был больше и крепче. Но даже в нем при прохождении через горизонт событий Капитана, Дважды и остальных четырех членов экипажа бросало из стороны в сторону и привязные ремни больно врезались в их тела; алмазная спираль ярко светилась и испускала длинные искры, пролетавшие по всей каюте; свет слепил глаза, от сильных толчков тела покрывались ушибами, и так все продолжалось и продолжалось. В течение часа субъективного времени внутри корабля — среднего между нормальным течением времени во внешней вселенной и замедленным в черной дыре.

Но наконец они вышли в свободное пространство. Ужасные толчки прекратились. Ослепи-

тельные огни поблекли. Перед ними сверкала Галактика, бархатный купол, усеянный яркими звездами: они находились в самом центре Галактики и потому видели на небе лишь отдельные полосы тьмы между звездами.

— Слава соединенным умам, — сказал Капитан, улыбаясь и выбираясь из своих ремней; когда он улыбался, то был похож на череп из пособия для студентов-медиков, — кажется, мы прошли! — И экипаж последовал его примеру, отстегиваясь и обмениваясь бодрыми репликами. Начинался процесс сбора информации; костлявая рука Капитана коснулась руки Дважды. Подходящий повод для торжества — так праздновали капитаны нантакетских китобойцев, минуя мыс Горн, так начинали легче дышать обитатели крытых фургонов, когда они спускались со склонов и перед ними открывалась земля обетованная Орегона или Калифорнии. Насилие и опасности еще не кончились. На обратном пути все повторится. Но сейчас по крайней мере на неделю они могут расслабиться и собирать данные; это самая приятная часть экспедиции.

Вернее, должна была бы быть такой.

Должна, но не стала, потому что как только Капитан обезопасил корабль и офицер по имени

Башмак, специалист по связи, включил информационные каналы, все сенсоры на корабле загорелись сине-лиловым светом. Тысячи автоматических станций сообщали свои новости. Важные новости — плохие новости, и все базы данных стремились передать свои запасы одновременно.

Хичи пораженно молчали. Потом тренировка позволила им подавить первоначальный шок, и каюта корабля была охвачена лихорадочной деятельностью. Принимать и сопоставлять, анализировать и сравнивать. Число сообщений непрерывно возрастало. Картина постепенно прояснялась.

Последняя экспедиция по сбору сведений состоялась всего несколько недель назад — по медленному ходу времени внутри черной дыры; во внешней вселенной прошло несколько десятилетий. Но все же это совсем немного времени! Особенно по звездным масштабам.

И тем не менее мир стал иным.

В.: Что хуже неосуществившегося предсказания?

О.: Предсказание, осуществившееся преждевременно.

Хичи были убеждены, что в Галактике возникнет разумная жизнь. Они определили несколько населенных миров, и не просто населенных, но обещавших породить разум. И для каждого разработали план развития.

Некоторые из этих планов не осуществились. На тяжелой холодной планете, так близко к туманности Ориона, что свечение этой туманности там заполняло все небо, жили мохнатые четвероногие, с проворными, как у енота, лапами и глазами лемуров. Хичи считали, что со временем эти четвероногие начнут пользоваться инструментами; откроют огонь; сельское хозяйство; будут строить города; выйдут в космос. Все это произошло, но они сумели отравить свою планету и уничтожить собственную расу. Была и другая раса, существа, дышащие аммиаком, с шестью конечностями, с сегментированным телом, очень многообещающие, но, к сожалению, оказавшиеся слишком близко к сверхновой. Конец этим существам. Были также медлительные холодные существа, занимавшие совершенно особое место в истории хичи. Именно они принесли ужасную новость, которая заставила хичи спрятаться в центре Галактики, и этого одного достаточно, чтобы сделать их уникальными. Больше того,

они не только были многообещающими, они на самом деле стали разумны, и не просто разумны, но цивилизованны! В пределах их досягаемости была уже технологическая цивилизация, но в галактическом тотализаторе они считались бы самыми большими неудачниками: их медлительный метаболизм не позволял соперничать с более теплыми и быстрыми расами.

Но одна раса со временем дорастет до космоса и выживет. Так надеялись хичи.

Но и опасались этого в своем укрытии: раса, сумевшая догнать их, сумеет и перегнать. Но как это могло произойти так быстро? Ведь после предыдущей проверки прошло только шестьдесят земных лет.

Тогда мониторы на орбитах вокруг Венеры показали двуногих sapiens, которые раскапывали покинутые хичи туннели и исследовали собственную систему в кораблях на медлительном ракетном топливе. Все это очень грубо, конечно. Но обещающе. Через одно-два столетия — хичи считали, что более вероятная оценка — пять столетий, — они отыщут астероид Врата. А еще через одно-два столетия начнут понимать и технологию…

Однако события развивались невероятно быст-

ро! Люди отыскали корабли на Вратах, Пищевую фабрику — и на огромном расстоянии корабль, в котором хичи поселили австралопитеков, наиболее, с их точки зрения, перспективный земной вид. Все покорились людям, и это еще не конец.

Экипаж Капитана был хорошо подготовлен. Когда данные были собраны, обсуждены с соединенными умами, занесены в таблицы, суммированы, специалисты подготовили отчеты. Навигатором на корабле был Белый Шум. В его обязанности входило определять координаты всех источников информации и заносить в корабельный журнал. Башмак исполнял обязанности связиста и был занят больше всех, за исключением, может быть, Дворняжки, интегратора, которая металась от прибора к прибору, шепталась с соединенными умами и предлагала перекрестные проверки и поправки. Взрыв, специалист по проникновению в черные дыры, и сама Дважды, чьей задачей было управление оборудованием на расстоянии, в это время оказались не очень заняты и помогали остальным, как и сам Капитан; рубчатые мышцы его лица извивались, как змеи, когда он ждал обобщенных докладов.

Дворняжка хорошо относилась к Капитану и потому старалась вначале сообщать обнадежи-

вающие новости.

Во-первых, найдены и используются корабли с Врат. В этом ничего плохого нет. Это часть плана, хотя осуществляется он слишком стремительно.

Во-вторых, найдена Пищевая фабрика, а также артефакт, который люди называли Небом Хичи. Это все старые сообщения, теперь им уже несколько десятков лет. И они не очень серьезны. Но одновременно обескураживающие. Небо Хичи сконструировано так, чтобы удерживать все прилетающие на него корабли. Эти двуногие сумели установить двусторонний контакт — неожиданное развитие событий.

В-третьих, поступило сообщение с корабля-парусника, и от этого сообщения мышцы на лице Капитана начали извиваться еще быстрее. Найти корабль в Солнечной системе — одно дело, обнаружить его в межзвездном пространстве — совсем другое…

А в-четвертых…

В-четвертых, Белый Шум представил схему современного размещения всех кораблей хичи, используемых людьми, и, увидев его, Капитан завизжал в гневе и ужасе.

— Нанесите на план запретные места! — приказал он.

Вскоре информационные веера заняли свое место, изображения совместились, и сухожилия на щеках Капитана задрожали, как натянутые струны.

— Они исследуют черные дыры! — напряженным голосом сказал Капитан.

Белый Шум кивнул.

— Больше того, — сказал он, — на некоторых кораблях есть деструкторы линейного порядка. Они могут проникнуть внутрь.

А Дворняжка, интегратор, добавила:

— Они как будто не понимают значение предупреждающих об опасности знаков.

Сделав свои отчеты, члены экипажа вежливо ждали. Решение предстояло принять Капитану. Все надеялись, что он справится с ситуацией.

Дважды еще не была влюблена в Капитана, потому что ее время еще не пришло, но знала, что будет влюблена. И очень скоро. Вероятно, через несколько дней. Так что вдобавок к тревоге из-за этих поразительных и пугающих новостей она беспокоилась и за Капитана. Хотя время еще не пришло, она положила ему на руку свою худую руку. Капитан настолько глубоко погрузился в размышления, что даже не заметил этого, лишь слегка потрепал ее по руке.

Башмак фыркнул: у хичи это соответствует откашливанию.

— Хочешь вступить в контакт с соединенными умами?

— Не сейчас, — свистнул в ответ Капитан, растирая ребра кулаком свободной руки. Грохочущий звук громко прозвучал в тишине каюты. На самом деле Капитану хотелось вернуться назад в черную дыру и натянуть звезды себе на голову. Но это невозможно. Возможно другое: вернуться в безопасность центра и доложить начальству. Пусть оно принимает решение. Посоветуется с соединенными умами предков, те с радостью окажут поддержку. Будет принято разумное решение, и тогда уже другой капитан с другим экипажем выйдет в ужасное пространство, чтобы исполнить приказ. Возможный выход, но Капитан слишком хорошо подготовлен, чтобы искать для себя легкого пути. Сейчас он на сцене. Поэтому первый быстрый ответ должен дать он. И если этот ответ окажется неверным — что ж, увы бедному Капитану! Будут последствия. Остракизм — за сравнительно небольшие проступки. За серьезные — по-земному можно было бы сказать, что тебя пинком отправят на небо; но Капитан вовсе не торопился присоединиться к

соединенным умам своих предков.

Он обеспокоенно посвистел и принял решение.

— Сообщите соединенным умам! — приказал он.

— Только сообщить? Никаких рекомендаций? — спросил Башмак.

Твердо:

— Только сообщить. Подготовить проникающий аппарат и направить назад на базу с копией всей информации. — Это адресовано Дважды, которая выпустила его руку и начала программировать маленький связной аппарат. И наконец, Белому Шуму: — Рассчитать курс на перехват корабля-парусника.

Не в обычае хичи салютовать, получив приказ. И не в обычае хичи спорить, поэтому меру смятения, воцарившегося в корабле, показывает вопрос Белого Шума:

— Ты уверен, что это нужно сделать?

— Выполняй, — ответил Капитан, пожимая плечами.

На самом деле он не пожал плечами — аналогом этому у хичи служило быстрое напряженное сокращение твердого круглого живота. Дважды обнаружила, что с восхищением смотрит на эту

маленькую круглую выпуклость и на жесткие сухожилия, идущие от плеч к рукам. Если захватить эту руку, можно соединить пальцы!

Она ошеломленно поняла, что время любви ближе, чем она предполагала. Какая неприятность! Капитан будет раздражен, как и она: у них были планы по-особому провести один-два дня. Дважды раскрыла рот, собираясь сказать ему, потом закрыла. Не время отвлекать его этим; Капитан завершил обдумывание и принялся отдавать приказы.

В распоряжении Капитана множество ресурсов. По всей Галактике раскидано больше тысячи тщательно спрятанных артефактов хичи. Не те, которые должны быть рано или поздно найдены, вроде Врат; нет, артефакты, скрытые среди опасных астероидов на недоступных орбитах, или между звездами, или среди таких объектов, как пылевые и газовые облака.

— Дважды, — приказал он, не глядя на нее, — активируй командный корабль. Мы должны встретиться с ним в точке свидания с кораблем-парусником.

Он заметил, что она расстроена. Не удивился — он и сам тоже обеспокоен. Вернулся к командирскому креслу и опустил кости таза в защитное

V-образное углубление, куда привычно вошла и сумка с поддерживающим жизнь оборудованием.

И понял, что рядом с ним стоит связист. Его лицо тревожно.

— Да, Башмак. В чем дело?

Башмак почтительно дернул бицепсами.

— Они… — он заикался, — убийцы…

Капитан ощутил электрический удар страха. Убийцы?

— Мне кажется, есть опасность, что мы их вспугнем, — в отчаянии сказал Башмак. — Аборигены общаются с помощью радио быстрее света.

— Общаются? Обмениваются сообщениями? Соединенные умы, о чем ты говоришь? — крикнул Капитан, снова вскакивая с сиденья. — Ты хочешь сказать, что аборигены шлют сообщения на галактические расстояния?

Башмак повесил голову.

— Боюсь, что так, Капитан. Конечно, я не понимаю, что они говорят… но связь очень оживленная.

Капитан слегка потряс запястьями, показывая, что больше не желает слушать. Посылают сообщения! Через всю Галактику! Где всякий может услышать. И особенно те, кто, по мнению хичи,

не должен услышать и встревожиться. И начать действовать.

— Передай задачу перевода умам, — приказал он и в отчаянии снова опустился на сиденье.

Несчастное поручение! Капитан уже не рассчитывал на праздный круиз или даже на удовлетворение выполненными легкими заданиями. Сможет ли он выдержать следующие несколько дней?

Но вскоре они перейдут в большой командный корабль, самый быстрый во флоте хичи, набитый сложными технологиями. Тогда его возможности увеличатся. Корабль не только больше и быстрее; в нем есть оборудование, которого нет на этом небольшом корабле, предназначенном лишь для проникновения через барьер. Есть ТПП. Резаки, какие его предки использовали, прорезая туннели во Вратах и под поверхностью Венеры. Прибор, позволяющий заглядывать в черные дыры и извлекать их содержимое. Он вздрогнул. Слава соединенным умам предков, этот прибор ему не придется использовать! Но прибор у него будет. И еще тысячи других полезных приборов и устройств.

Конечно, если корабль по-прежнему функционирует и явится на встречу.

Хичи строили прочные, мощные и долговременные корабли. Если не считать несчастных случаев, они должны прослужить не менее десяти миллионов лет.

Но несчастные случаи исключить нельзя. Вспыхнувшая по соседству сверхновая, вышедшая из строя деталь, даже случайное столкновение с другим объектом — можно предусмотреть все эти случайности, но за астрономическое время «почти все» немногим лучше «ничего».

А если командный корабль вышел из строя? А Дважды не найдет или не сможет привести никакой другой корабль?

Капитан на мгновение поддался депрессии. Слишком много «если». И последствия каждого из них очень неприятны.

Для Капитана — да и для других хичи — в состоянии депрессии нет ничего необычного. Хичи привыкли к такому состоянию.

Когда великая армия Наполеона уползала из Москвы, ее врагами были мелкие партизанские отряды, русская зима — и отчаяние.

Когда несколько десятилетий спустя тот же путь повторил вермахт Гитлера, главную опасность представляли советские танки, артиллерия, русская зима — и опять отчаяние. Немцы

отступали в большем порядке и причиняли противнику больший вред. Но отчаяние гнало их.

Всякое отступление напоминает погребальную процессию, а хоронят уверенность. Хичи намерены были завоевать Галактику. Когда они поняли, что терпят поражение, и начали свое поспешное паническое отступление в центр, размеры их поражения были такими, каких никогда не знало человечество, и отчаяние проникло во все их души.

Хичи вели очень сложную игру. Ее можно было бы назвать командной, только мало кто из игроков подозревал, что входит в состав команды. Стратегия игры ограничена, но конечная цель несомненна. Если хичи сумеют выжить как раса, они победят.

Но так много фигур на доске! А у хичи ослаблен контроль. Они могли начать игру. Но после этого если они вмешаются открыто, то обнаружат себя. Тогда игра станет опасной.

Настала очередь Капитана делать ход, и он понимал, какие опасности его ждут. Возможно, именно он тот игрок, который проиграет игру для всех хичи.

Первая его задача — как можно дольше сохранять в тайне укрытие хичи, а это значит, что

нужно что-то сделать с обитателями корабля-парусника.

Но это не самое большое его беспокойство. Главное — вторая задача. Украденный корабль обладает оборудованием, которое может проникнуть в само укрытие хичи. Войти туда корабль не сможет, а заглянуть сможет. И это плохо. Больше того, оборудование корабля позволяет проникать в любую непрерывность, даже туда, куда сами хичи заглядывать не осмеливаются. Нельзя этого допускать, потому что там скрывается то, чего хичи опасаются больше всего.

И вот Капитан сел за приборы корабля, и сверкающее силиконовое облако, окружающее черную дыру в центре, начало уходить назад. Тем временем Дважды проявляла признаки напряжения, которые вскоре станут все более явными; тем временем холодные медлительные обитатели корабля-парусника продолжали свои долгие медленные жизни; тем временем один управляемый людьми корабль, способный проникнуть повсюду, приближался к очередной черной дыре…

И тем временем другие игроки на огромной доске, Оди Уолтерс и Джейни Джи-ксинг, смотрели, как уменьшается стопка их чипов. Они начинали свою собственную игру.

Я должен разъяснить небольшое недоразумение. Робинетт (и все остальные люди) называют эту расу хичи. Конечно, сами себя те так не называют, точно так же, как американские индейцы не называют себя индейцами, а африканские племена кой-сан не зовут себя готтентотами и бушменами. Хичи называют себя разумными. Но это мало что доказывает. Homo sapiens тоже себя так называют.

Хичи на очень ранней стадии своей технологии научились записывать и сохранять сознание мертвых или умирающих в неорганических системах. Так возникли Мертвецы, составлявшие общество мальчика Вэна, и именно использование этой технологии вызвало появление «Здесь и После, Инк.» Робина Броудхеда. Для хичи (позволю себе высказать мнение) это было ошибкой. Так как они могли использовать для сбора и обработки информации сознания своих мертвых предшественников, они не интересовались искусственным разумом, гораздо более мощным и гибким. Например, таким, как… как я.

11. Встреча в Роттердаме

Он стоял у меня на пути, этот парень, с лицом

как загорелое авокадо. Это выражение я узнал прежде, чем лицо. Выражение упрямства, раздражения, усталости. А лицо принадлежало Оди Уолтерсу Младшему, который (секретарская программа, конечно, не забыла мне сообщить) уже несколько дней пытается со мной встретиться.

— Привет, Оди, — сказал я, на самом деле очень сердечно, пожимая ему руку и кивая красивой, восточного облика молодой женщине рядом с ним, — приятно снова тебя увидеть. Ты остановился в отеле? Прекрасно! Слушай, я тороплюсь, но давай пообедаем — договорись с консьержем, ладно? Я вернусь через пару часов. — Я улыбнулся ему, улыбнулся молодой женщине и оставил их стоять на месте.

Не собираюсь изображать это образцом манер, но я действительно торопился, к тому же у меня болели кишки. Я посадил Эсси в такси, а сам поймал другое, чтобы ехать в суд. Конечно, если бы я знал, что Уолтерс собирается мне рассказать, возможно, я был бы с ним обходительнее. Но я не знал, от чего ухожу.

И к чему иду, кстати, тоже.

Последний участок пути я на самом деле прошел пешком, потому что движение транспорта было хуже обычного. Готовился к маршу парад,

вокруг Международного Дворца Юстиции, как всегда, собирались толпы. Дворец — сорокаэтажный небоскреб, поставленный на кессоны на болотистой почве Роттердама. Он доминирует над половиной города. Внутри — сплошные алые занавеси и стекло с односторонней видимостью, истинная модель современного международного трибунала. Сюда не приходят оспаривать штраф за парковку не по правилам.

Здесь, в сущности, вообще не очень думают об отдельных людях, и если бы я был тщеславен — а я тщеславен, — я бы напыжился от того, что являюсь одной из сторон в предстоящем процессе; в нем вообще четырнадцать заинтересованных сторон, и среди них четыре независимых государства. В самом Дворце у меня есть даже собственные офисы, предназначенные для моих личных нужд. Но я не пошел туда. Было уже почти одиннадцать часов, и вполне возможно, что вскоре начнется заседание, поэтому я улыбнулся и протиснулся прямо в зал заседаний. Он был заполнен. Он всегда заполнен, потому что тут можно посмотреть на знаменитостей. В своем тщеславии я считал себя одной из них и ожидал, что, когда я войду, ко мне начнут поворачиваться головы. Ничего подобного. Все смотрели на пол-

десятка тощих бородатых личностей в дашиках[1] и сандалиях. Они сидели за загородкой на месте, отведенном для истцов, пили коку и хихикали. Древние. Их не каждый день увидишь. Как и все, я глазел на них, пока кто-то не взял меня за руку. Я повернулся и увидел мэтра Исинжера, моего адвоката, который укоризненно смотрел на меня.

— Вы опаздываете, минхеер Броудхед, — прошептал он. — Суд отметил ваше отсутствие.

Но так как члены суда деловито перешептывались и спорили друг с другом, как я понял, по вопросу о том, можно ли считать дневник первого изыскателя, обнаружившего туннели на Венере, вещественным доказательством, я усомнился в словах Исинжера. Однако не стоит платить адвокату столько, сколько я плачу мэтру Исинжеру, чтобы спорить с ним.

Конечно, никаких законных причин платить ему столько у меня нет. В данном случае речь шла о попытке Японской империи поглотить Корпорацию «Врата». Я в деле участвую как главный акционер чартерного бизнеса на «С.Я.», поскольку боливийцы обратились в суд с требованием отменить чартер, так как, по их мнению, перевозка

[1] Примечания: 1

Африканская одежда типа свободного свитера без рукавов. — *Примеч. пер.*

колонистов означает «возврат к рабству». Колонистов называли бесправными рабами, а меня вместе с другими бессовестным эксплуататором человеческих несчастий. А при чем тут Древние? Они тоже заинтересованная сторона, поскольку утверждали, что «С.Я.» их собственность: они и их предки жили в ней сотни тысяч лет. Их положение на суде было несколько неопределенным. Они подданные правительства Танзании, потому что здесь их земная родина, но Танзания на суде не представлена. Танзания бойкотирует Дворец Правосудия из-за неблагоприятного для нее решения в предыдущем году о ракетах поверхность моря — морское дно, поэтому ее интересы представляет Парагвай — а он больше озабочен территориальным спором с Бразилией, которая, в свою очередь, является заинтересованной стороной как одна из держав — учредительниц Корпорации «Врата». Вы успеваете следить? Ну а я нет, поэтому-то я и нанимаю мэтра Исинжера.

Если я позволю себе заниматься каждым миллионнодолларовым иском, я всю жизнь проведу в судах. У меня есть чем заняться в оставшуюся часть жизни, так что в обычных условиях я предоставил бы сражаться своим юристам, а сам проводил бы время гораздо интереснее, болтая

с Альбертом Эйнштейном или бродя по берегу Таппанова моря со своей женой. Однако у моего присутствия здесь были особые причины. Я видел, что одна из них дремлет в кожаном кресле рядом с Древними.

— Узнаю, не хочет ли Джо Квятковский выпить чашку кофе, — сказал я Исинжеру.

Квятковский — поляк, представляющий Восточно-Европейское Экономическое Сообщество, и один из истцов в деле. Исинжер побледнел.

— Он противная сторона! — прошептал Исинжер.

— Но он и мой старый друг, — ответил я, лишь слегка преувеличивая: он был изыскателем на Вратах, и в прежние времена мы не раз вместе выпивали.

— В судебных делах такого масштаба друзей не бывает, — сообщил мне Исинжер, но я только улыбнулся ему и наклонился, чтобы свистнуть Квятковскому. Тот, проснувшись, охотно подошел.

— Мне не следует находиться тут с тобой, — проворчал он, когда мы оказались в моем кабинете на пятнадцатом этаже. — Особенно распивать кофе. Ты ведь можешь туда что-нибудь подлить.

Да, действительно — сливовицу, причем его

любимого краковского розлива. Кроме того, вот кампучийские сигары — того сорта, что он любит, и селедка, и печенье.

Здание суда стоит над небольшим протоком реки Маас, и чувствуется запах воды. Я открыл окна, и в них слышались звуки проходящих под аркой здания лодок и шум транспорта с самого Мааса в километре отсюда. Из-за сигары Квятковского я открыл окна пошире и увидел флаги и ленты на боковой улице.

— Из-за чего сегодня парад? — спросил я.

Он отмахнулся от моего вопроса.

— Армии любят парады. Не дури, Робин. Я знаю, чего ты хочешь, но это невозможно.

— Я хочу, — ответил я, — чтобы ВЕЭС помогло уничтожить террористов с их кораблем. Это явно в интересах всех. Ты говоришь, что это невозможно. Хорошо, приму твои слова, но почему невозможно?

— Потому что ты ничего не понимаешь в политике. Ты думаешь, что ВЕЭС может обратиться к парагвайцам и сказать: «Послушайте, договоритесь с Бразилией, скажите, что вы проявите уступчивость в территориальном споре, если они передадут свою информацию американцам, чтобы можно было захватить корабль террористов».

— Да, — согласился я, — именно так я и думаю.

— И ошибаешься. Они не станут слушать.

— ВЕЭС, — терпеливо сказал я, меня тщательно проинструктировала моя информационная система, Альберт, — самый крупный торговый партнер Парагвая. Если вы свистнете, они прыгнут.

— В большинстве случаев — да. Ключ к ситуации — Республика Кампучия. У нее тайная договоренность с Парагваем. Кроме этого, я ничего не скажу, только добавлю, что договоренность одобрена на самом высоком уровне. Еще кофе, — сказал он, — только на этот раз пусть будет не так много кофе.

Я не спрашивал Квятковского, что это за особая договоренность: если бы он хотел рассказать мне, то не назвал бы ее «тайной». Да мне и не нужно. Это военный договор. Все «тайные договоренности», которые заключают в наши дни друг с другом государства, — военные договоры, и если бы меня не беспокоили так террористы, я бы беспокоился из-за того, как ведут себя законные правительства. Но всему свое время.

Итак, по совету Альберта я пригласил к себе в кабинет юриста из Малайзии, потом миссионера из Канады, далее генерала албанских военно-воз-

душных сил, и для каждого у меня нашлась своя наживка. Альберт говорил мне, за какую ниточку потянуть и какие стеклянные бусы предложить туземцам — в одном случае дополнительная квота на провоз колонистов, в другом — вклад на «милосердие». Иногда требовалась просто улыбка. Роттердам прекрасно для этого подходит. В Гааге, откуда переместили Дворец Правосудия, слишком много беспорядков, особенно с тех пор, как террористы играют с ТПП, и всех, кого нужно, можно отыскать в Роттердаме. Люди всех сортов. Всех цветов, любого пола, в костюмах всех типов, от эквадорских юристов в мини-юбках до термально-энергетических баронов с Маршалловых островов в саронгах и ожерельях из акульих зубов. Трудно судить, добился ли я продвижения вперед, но в половине двенадцатого живот сказал мне, что будет болеть очень сильно, если я не помещу в него хоть немного пищи. Поэтому я сделал перерыв. С тоской подумал о тихом номере в отеле, с теплым бифштексом и снятыми туфлями, но я пообещал встретить Эсси на ее предприятии. Поэтому я попросил Альберта сделать оценку достигнутого и подготовить рекомендации, что делать дальше, и отправился ловить такси.

Невозможно пропустить предприятие Эсси по

приготовлению быстрой пищи. Арки из сверкающего голубого металла хичи можно встретить в любом уголке мира. Для нас на балконе веревками выгородили место, и Эсси встретила меня на лестнице улыбкой, поцелуем и вопросом:

— Робин! Послушай! Здесь хотят подавать жаркое с майонезом. Позволить им?

Я ответил на ее поцелуй, но через плечо смотрел на наш столик.

— Решай сама.

— Да, конечно, я решу. Но это важно, Робин! Ты знаешь, у нас были трудности с дублированием жареного картофеля. А теперь майонез? — Тут она отступила на шаг и внимательно посмотрела на меня. Выражение ее лица изменилось. — Ты так устал! Так много морщин на лице! Робин, как ты себя чувствуешь?

Я ответил ей своей самой очаровательной улыбкой.

— Просто есть хочу, дорогая! — воскликнул я и с наигранным энтузиазмом посмотрел на тарелки. — Послушай! Отлично выглядит! Что это такое?

— Это чапати[2], — с гордостью ответила она. —

---

[2] Примечания: 2
Пшеничный хлебец из Индии. — *Примеч. пер.*

А еще блины. Посмотрим, как они тебе понравятся. — Так что мне пришлось все попробовать, а мой живот совсем не просил об этом. Тако[3], чапати, рисовые шарики с кислым рыбным соусом, блюдо, которое больше всего напоминает вареный ячмень. Не все в моем вкусе. Но все съедобны.

Это тоже дары хичи. Хичи передали нам свое великое знание, что все живые ткани, включая ваши и мои, состоят в основном из четырех элементов: углерода, водорода, кислорода и азота — CHON — CHON-пища. И так как кометные газы тоже состоят из этих четырех элементов, хичи построили Пищевую фабрику в нашем Оортовом облаке, где висят кометы, дожидаясь, пока Солнце вытащит их и пустит по нашему небу.

CHON, конечно, еще не все. Нужны и другие элементы. Из них наиболее важна сера, затем натрий, магний, фосфор, хлор, калий, кальций — не говоря уже о небольших добавках кобальта, чтобы создавался витамин B12, хрома для глюкозной выносливости, йода для щитовидной железы, лития, фтора, мышьяка, селена, молибдена, кадмия и еще многих. Вероятно, нужна

---

[3] Примечания: 3
Плоская лепешка с мясным наполнителем.

вся периодическая система, хотя бы в следах, но большинство элементов в таких малых количествах, что не нужно беспокоиться об их добавке к похлебке. Хотите вы того или нет, они появляются с другими компонентами. Итак, химики Эсси вырабатывали и сахар, и специи, и производили пищу для всех — и не только чтобы оставаться в живых, нет, вкусную пищу, которую хочется есть, отсюда чапати и рисовые шарики. Из CHON можно приготовить что угодно, если как следует помешать. И, помимо всего прочего, Эсси производила много денег, и к тому же ей это занятие нравилось.

Наконец я занялся чем-то, что мой желудок не отверг — похоже на гамбургер со вкусом салата из авокадо с кусочками свинины, а Эсси назвала это Большой Чон. Эсси каждую минуту вскакивала и куда-то убегала. Проверяла температуру инфракрасных нагревательных ламп, смотрела, нет ли грязи под посудомоечными машинами, пробовала десерт, подняла скандал из-за того, что молочные пирожные слишком тонкие.

Эсси заверила меня, что ее пища не может повредить, хотя мой желудок меньше верил ей, чем я. Шум на улице мне не нравился — это парад? — но вообще-то мне было почти удобно,

насколько это возможно. Я настолько расслабился, что смог наслаждаться изменением в нашем статусе. Когда мы с Эсси появляемся на людях, на нас смотрят, и обычно смотрят на меня. Но не здесь. На продуктовых предприятиях Эсси звезда она. У всех напряжены мышцы спины, все взгляды, которые бросают украдкой, обращены в одном направлении, на большую леди-босса. Ну, она не очень леди: Эсси четверть столетия учил английскому эксперт — я, но когда она возбуждается, повсюду слышны «некультурный» и «хулиган»[4].

Я подошел к окну второго этажа, чтобы взглянуть на парад. Он двигался прямо по улице, по десять человек в ряд, с лентами, выкриками, плакатами. Прямо через улицу началась потасовка, мелькали полицейские, плакаты — сторонники вооружения против пацифистов. Невозможно определить, кто за что, они колотили друг друга плакатами, и Эсси, подойдя ко мне и доедая свой Большой Чон, посмотрела и неодобрительно покачала головой.

— Как сандвич? — спросила она.

— Отлично, — ответил я со ртом, полным

---

[4] Примечания: 4

Здесь и ниже эти слова произносятся по-русски. — *Примеч. пер.*

углерода, водорода, кислорода и азота плюс микроэлементы. Она бросила на меня взгляд:

— Говори громче.

— Превосходно, — сказал я с усилением.

— Мне тебя не слышно из-за этого шума, — пожаловалась она, облизывая губы: ей самой нравится то, что она продает.

Я кивнул в сторону парада.

— Не знаю, хорошо ли это.

— Я думаю, нет, — сказала она, глядя с отвращением на группу людей, которых, как мне кажется, называют зуавами, — темнокожие люди маршировали в мундирах. Их национальные цвета разглядеть мне не удалось, но у каждого было скорострельное оружие, и они исполняли с ним упражнения: поворачивали, касались прикладом мостовой, заставляли снова прыгнуть им в руки, и все это не нарушая шага.

— Может, нам лучше пойти в суд? — спросил я.

Она подобрала последнюю крошку моего сандвича. Некоторые русские женщины после сорока расплываются, а некоторые сморщиваются и увядают. Не Эсси. У нее по-прежнему прямая спина и узкая талия, которая впервые привлекла мое внимание.

— Может быть, — ответила она, собирая свои

компьютерные программы, каждую в своем особом веере. — Я в детстве навидалась военных мундиров, и теперь мне их не очень хочется видеть.

— Ну какой же парад без мундиров.

— Не только парад. Смотри. На тротуарах тоже. — И правда, примерно один мужчина или женщина из четырех были одеты в мундиры. Неудивительно, подумал я. Конечно, каждая страна сохраняла небольшую армию, но это что-то такое, что полагается держать в шкафу, вроде домашнего огнетушителя. Военных редко видели. А сейчас видят все чаще и чаще.

— Но ты все-таки устал. Нам пора идти, — сказала она, добросовестно сметая крошки со стола в одноразовую пластиковую тарелку и оглядываясь в поисках приемника мусора. — Дай мне твою тарелку, пожалуйста.

Я ждал ее у выхода. Присоединившись ко мне, она хмурилась.

— Приемники почти полны. Вручную их нужно убирать при шестидесятипроцентной наполненности. Что они будут делать, если одновременно уйдет много посетителей? Надо бы вернуться и поговорить с управляющим… о дьявол! — воскликнула она, выражение ее лица

изменилось. — Я забыла свои программы! — И бросилась по лестнице назад, туда, где оставила информационные веера.

Я стоял у двери, ждал ее, глядя на парад. Отвратительно! Проходило настоящее вооружение, установки противоракет и бронированные машины; а за духовым оркестром шла группа, исполнявшая упражнения с автоматами. Я почувствовал, как двинулась за мной дверь, и отступил в сторону, чтобы выпустить Эсси.

— Нашла, Робин, — сказала она, улыбаясь, с толстой пачкой вееров в руках, когда я к ней повернулся.

Что-то похожее на осу просвистело мимо моего левого уха.

В Роттердаме нет ос. И тут я увидел, что Эсси падает и дверь над ней закрывается. Это была совсем не оса. Выстрел. В одном из этих автоматов был боевой патрон, и автомат выстрелил.

Я уже один раз чуть не потерял Эсси. Это было давно, но я не забыл. Старое горе ожило, словно было вчера, я отодвигал глупую дверь, склоняясь к Эсси. Она лежала на спине, лицо ее было закрыто связкой вееров, и когда я поднял связку, увидел, что, хотя лицо ее окровавлено, глаза открыты и смотрят на меня.

— Эй, Роб! — удивленным голосом сказала она. — Ты меня толкнул?

— Конечно, нет! Зачем мне тебя толкать? — Одна из девушек из-за стойки подбежала с грудой бумажных платков, я схватил их и указал на красно-белый полосатый электрофургон с надписью «Poliklinische centrum», который стоял на перекрестке из-за парада. — Вы! Быстрей сюда врачей! И полицейских тоже!

Когда появились полицейские, Эсси села и оттолкнула мою руку.

— Зачем врачи? — спросила она рассудительно. — Всего лишь кровь из носа, посмотри! — Так и есть. Пуля застряла в информационных веерах. — Мои программы! — воскликнула Эсси, не давая веера полицейским, которые хотели извлечь из них пулю. Но веера безнадежно погибли. И мой день тоже.

Пока мы с Эсси переживали это небольшое столкновение с судьбой, Оди Уолтерс повел свою подругу осматривать Роттердам. Расставаясь со мной, он потел: присутствие большого количества денег часто так действует на людей. Отсутствие денег лишало Уолтерса и Джи-ксинг радостей Роттердама. Но все же для Уолтерса, у которого в волосах еще торчало сено планеты

Пегги, и для Джи-ксинг, редко уходившей с «С.Я.» и не покидавшей окрестностей петель, Роттердам — огромный город. Они не могли ничего купить, но могли смотреть на витрины. Броудхед согласился встретиться, все время говорил себе Уолтерс; но если он позволял себе думать об этом с удовлетворением, то другая его часть тут же отзывалась презрительно: Броудхед сказал, что встретится. Но не очень-то стремился к этому…

— Почему я потею? — спросил Уолтерс вслух.

Джи-ксинг для моральной поддержки взяла его под руку.

— Все будет в порядке, — деликатно ответила она, — так или иначе. — Уолтерс благодарно взглянул на нее сверху вниз. Уолтерс не очень высок, но Джейни Джи-ксинг просто крошечная; все в ней маленькое, кроме глаз, блестящих и больших, да и то в результате хирургической операции. Глупость; когда-то она была влюблена в шведского банкира и коммерсанта и думала, что только разрез глаз мешает ему любить ее. — Ну? Войдем?

Уолтерс понятия не имел, о чем она говорит, и, должно быть, она это уразумела; Джи-ксинг ударила его по плечу маленьким кулачком и показала на вывеску. Бледными буквами, ви-

сящими в темном пустом пространстве, было написано:

Здесь и После

Уолтерс посмотрел на вывеску и снова взглянул на женщину.

— Это гробовщики, — предположил он и рассмеялся: подумал, что понял ее шутку. — Мы еще не настолько плохи, Джейни.

— Нет, не гробовщики, — ответила она, — вернее, не совсем гробовщики. Разве ты не узнаешь это название?

И тут он узнал: одно из многих владений Робина Броудхеда, перечисленных в списке.

Чем больше узнаешь о Броудхеде, тем больше убеждаешься, что склонить его к сделке можно только здравым смыслом.

— Почему бы и нет? — одобрительно сказал Уолтерс и провел ее через воздушный занавес в прохладное темное помещение магазина. Если и не погребальная контора, то по крайней мере работали здесь те же декораторы. Звучала мягкая неопределенная музыка, пахло полевыми цветами, хотя в помещении стоял только букет роз в хрустальной вазе. Навстречу встал представительный пожилой человек; Уолтерс не мог

сказать, просто ли он встал со стула или материализовался, как голограмма. Он тепло улыбнулся им и попытался определить их национальность. И ошибся. Уолтерсу он сказал: «Guten Tag», а Джи-ксинг — «Gor ho oy-ney».

— Мы оба говорим по-английски, — сказал Уолтерс. — А вы?

Вежливо приподнятые брови.

— Конечно. Добро пожаловать в «Здесь и После». У вас есть близкий человек, который скоро умрет?

— Я об этом не знаю, — ответил Уолтерс.

— Понятно. Конечно, мы многого можем добиться, даже если наступила метаболическая смерть, но чем раньше начнем переход, тем лучше… Или вы мудро строите собственные планы на будущее?

— Ни то, ни другое, — сказала Джи-ксинг, — мы просто хотим узнать, что вы предлагаете.

— Понятно. — Человек улыбнулся и жестом указал на удобный диван. Он, казалось, ничего не сделал, но в помещении стало светлее, а музыка немного стихла. — Моя карточка, — сказал он, протягивая ее Уолтерсу и тем самым отвечая на его невысказанный вопрос: карточка осязаемая, пальцы руки тоже. — Позвольте мне бегло оста-

новиться на основных фактах: это в конечном счете сбережет нам время. Начнем с того, что «Здесь и После» не религиозная организация и не утверждает, что дает спасение. Мы предлагаем форму выживания. Будете ли «вы», те «вы», которые в данный момент находятся «здесь», в этом помещении, осознавать это выживание, — он улыбнулся, — вопрос метафизический. Но ваша сохраненная личность, если вы решитесь на запись, гарантированно выдержит тест Тьюринга, конечно, если мы начнем операцию, пока мозг еще в хорошем состоянии. И наш клиент будет находиться в той обстановке, которую сам выберет из предлагаемого перечня. У нас больше двухсот вариантов обстановки, начиная с…

Джи-ксинг щелкнула пальцами.

— Мертвецы, — сказала она, вдруг сообразив.

Продавец кивнул, хотя лицо его слегка напряглось.

— Да, так были названы первоначальные записи. Я вижу, вы знакомы с артефактом, который назывался «Небо Хичи», а сейчас используется для перевозки колонистов…

— Я третий офицер этого корабля, — сказала Джи-ксинг, сказала правду, если не считать неточности во времени, — а мой друг — седьмой

офицер.

— Я вам завидую, — сказал продавец, и выражение его лица подтверждало, что он говорит искренне. Но зависть не помешала ему продлить торговый разговор, и Уолтерс внимательно слушал, держа Джи-ксинг за руку. Он был благодарен этой руке: она не давала ему думать о Мертвецах и их протеже Вэне — или, во всяком случае, о том, что в данный момент делает Вэн.

Первоначальные Мертвецы, объяснил продавец, были записаны очень плохо: переход их воспоминаний и личностей из влажного серого хранилища в черепе в кристаллические базы данных, сохранившие их после смерти, был проведен неопытными работниками и с помощью аппаратуры, которая предназначалась не для людей. Поэтому запись оказалась несовершенной. Можно провести такую аналогию: Мертвецы при переходе из-за неопытности работников испытали такой стресс, что их можно считать спятившими. Но теперь такое больше не происходит. Процедура перехода так усовершенствована, что покойник может разговаривать с живыми, и никто не заподозрит, что говорит не с реальной личностью. Больше того! «Пациент» ведет в базе данных активную жизнь. Он может испытать

все, что обещает мусульманство, христианство, сайентология, плюс, если пожелает, прекрасные мальчики, рассыпанные, как росинки на траве, хоры ангелов или присутствие самого Л. Рона Хаббарда. Если он не религиозен, может испытать приключения (самый распространенный выбор — альпинизм, глубоководное погружение, горные лыжи, свободное падение Тай Чи), слушать музыку любого типа в любом обществе, какое захочет… и, конечно (продавец, не установив точно взаимоотношения Уолтерса и Джи-ксинг, на эту тему не стал распространяться), секс. Все варианты сексуальных отношений. От начала до конца.

— Как скучно, — сказал Уолтерс.

— Для вас и для меня, — согласился продавец, — но не для них. Понимаете, они сами не очень хорошо помнят запрограммированные процедуры. Эта часть записи прогрессирующе слабеет. Но все остальные — нет. Если вы поговорите с близким человеком, а потом через год продолжите разговор, он будет помнить разговор годичной давности во всех подробностях. Однако все его запрограммированные удовольствия быстро забываются — как всякие воспоминания об удовольствиях, понимаете? И он хочет испытывать

их снова и снова.

— Ужасно! — сказала Джи-ксинг. — Оди, мне кажется, нам пора возвращаться в отель.

— Еще нет, Джейни. А нельзя ли поговорить с ними?

Глаза продавца блеснули.

— Конечно. Некоторые из них любят поговорить, даже с незнакомыми людьми. У вас есть немного времени? В сущности, это очень просто. — Говоря это, он подвел их к экрану ПВ, справился в переплетенном в шелк указателе и набрал код. — Я подружился с одним из них, — застенчиво объяснил он. — Когда нет посетителей, у меня бывает много времени, я их вызываю, и мы отлично болтаем… А, Рекс! Как дела?

— Прекрасно, — ответил красивый загорелый пожилой человек, появившийся на ПВ. — Рад вас видеть! Мне кажется, я незнаком с вашими друзьями? — добавил он, приветливо поглядывая на Уолтерса и Джи-ксинг. Если есть идеальное состояние у человека, достигшего определенного возраста, то он находился именно в таком состоянии; на голове сохранились все волосы, похоже и зубы собственные; в углах глаз морщинки от смеха, в остальном же лицо гладкое, а глаза яркие и теплые. Он вежливо выслушал представления.

Когда его спросили, что он делает, он скромно пожал плечами: — Собираюсь исполнять партию Кармины Катулла в Венской опере. — Он подмигнул. — Ведущая сопрано очень красива, и мне кажется, любовная лирика находит у нее отклик.

— Поразительно, — прошептал Уолтерс, глядя на него. Но Джи-ксинг была очарована гораздо меньше.

— Мы не хотим мешать вашим музыкальным занятиям, — вежливо сказала она, — и боюсь, нам пора уходить.

— Занятия подождут, — добродушно объяснил Рекс. — Они всегда ждут.

Уолтерс был покорен.

— Скажите, — спросил он, — когда вы говорите… гм… о дружбе в этом… гм… состоянии, можете ли вы сами выбирать себе собеседника? Даже если он еще жив?

Вопрос был адресован продавцу, но первым заговорил Рекс. Он проницательно взглянул на Уолтерса и сочувственно ответил:

— Кого угодно, — и кивнул, будто они втайне о чем-то договорились. — Живого, мертвого или воображаемого. И, мистер Уолтерс, ваши собеседники сделают все, что вы захотите. — Он усмехнулся. — Я всегда говорю, что ваша

«жизнь» — только вступление к подлинной жизни, которая здесь. Просто не понимаю, почему люди это так надолго откладывают!

Между прочим, «Здесь и После» — одно из тех побочных предприятий, которые мне больше всего дороги, и не потому, что приносят много денег. Когда мы обнаружили, что хичи умеют записывать и хранить в своих машинах личности умерших, блеснул свет. Ну, сказал я моей доброй жене, если они умеют это делать, то почему бы не делать и нам? Ну, ответила моя добрая жена, можно, Робин, дай мне только немного времени для работы над кодированием. Я не принимал никаких решений относительно себя: хочу ли, чтобы со мной это проделали, где и когда. Но я был совершенно уверен, что не хочу, чтобы это проделали с Эсси, по крайней мере чтобы это было тогда, и потому был очень рад, что пуля всего лишь оцарапала ей нос.

Больше того. Нам пришлось познакомиться с роттердамской полицией. Сержант в форме представил нас бригадиру, который посадил нас в свою большую скоростную машину с горящими огоньками, отвез в полицию и предложил кофе. Бригадир Зюйц провел нас в кабинет инспектора Ван Дер Вааль, рослой крупной женщины со ста-

ромодными контактными линзами, от которых ее глаза казались выпуклыми и сочувственными. Как неприятно, минхеер! Надеюсь, вы не пострадали, мадам! Она отвела нас по лестнице — по лестнице! — в кабинет комиссара Лютцека, который был рыбой совсем иной породы. Низкорослый. Тощий. Красивый, с мальчишеским лицом; хотя ему еще нет пятидесяти, он уже главный комиссар. Можно представить себе, как он затыкает пальцем дыру в плотине и держит так, пока не захлебнется[5]. Но невозможно представить себе, чтобы он сдался.

— Спасибо, что зашли, — сказал он, усадив нас.

— Несчастный случай, — заметил я.

— Нет. К сожалению, не несчастный случай. Если бы несчастный случай, им бы занялась муниципальная полиция, а не я. Мы проводим расследование и просим вас об участии.

Я сказал, чтобы поставить его на место:

— Наше время слишком ценно, чтобы заниматься такими делами.

Но его невозможно было сбить.

— Ваша жизнь еще ценнее.

— Послушайте. Солдаты на параде выполняли

---

[5] Примечания: 5

Намек на известный рассказ о мальчике-голландце, который спас родной город от наводнения, заткнув пальцем плотину. — *Примеч. пер.*

упражнения, у одного случайно автомат оказался заряжен и выстрелил.

— Минхеер Броудхед, — сказал он, — во-первых, ни в одном автомате не было патронов; вообще эти автоматы были без затворов. Во-вторых, эти солдаты совсем не солдаты; это студенты колледжей, которых наняли для участия в параде и переодели; это декорация, как стража Букингемского дворца. В-третьих, стреляли не с той стороны, где проходил парад.

— Откуда вы знаете?

— Мы нашли оружие. — Теперь он выглядел очень сердитым. — В шкафчике полицейского. Весьма неприятно для меня, можете себе представить. К участию в параде привлекли много дополнительных полицейских, и они переодевались в передвижной гардеробной-фургоне. «Полицейский», тот, что выстрелил, остальным незнаком, но ведь их собрали из разных отделений. После парада он быстро переоделся и ушел, оставив свой шкафчик открытым. В шкафчике только форма — я думаю, украденная, — пистолет и ваша фотография. Не мадам. Ваша.

Он ждал. Мальчишеское лицо казалось мирным.

Но далеко не мир был у меня на душе. Потре-

бовалось несколько минут, чтобы я все осознал. Мысль о том, что кто-то сознательно пытался меня убить, пугала. Не просто смерть; это страшно уже по определению, и я помню, как страшно мне было, когда смерть оказывалась рядом. Но убийство хуже обычной смерти. Я сказал:

— Знаете, как я себя чувствую? Виноватым. Я хочу сказать, что сделал что-то такое, отчего меня ненавидят.

— Совершенно верно, минхеер Броудхед. И что же такого вы сделали?

— Понятия не имею. Если найдете человека, вероятно, узнаете и причину. Наверно, это нетрудно: он ведь оставил отпечатки пальцев и все такое. Я видел много камер, может, он даже попал кому-нибудь в объектив…

Комиссар вздохнул.

— Минхеер, пожалуйста, не надо учить меня, как вести полицейское расследование. Все это проводится, плюс допросы всех, кто мог видеть этого человека, плюс анализ пота на одежде, плюс другие способы идентификации. Я полагаю, что этот человек профессионал и поэтому все наши меры окажутся безуспешными. Нужно подойти с другой стороны. Кто ваши враги и что вы делаете в Роттердаме?

— Вероятно, враги у меня есть. Возможно, соперники по бизнесу, но они ведь не убийцы.

Он терпеливо ждал, и поэтому я добавил:

— А что касается того, что я делаю в Роттердаме, то это, по-моему, хорошо известно. Мои деловые интересы включают использование некоторых артефактов хичи.

— Это известно, — сказал он, уже не так терпеливо.

Я пожал плечами.

— Я одна из заинтересованных сторон в процессе, который происходит в Международном Дворце Правосудия.

Комиссар открыл один из ящиков стола, заглянул в него и снова закрыл.

— Минхеер Броудхед, — сказал он, — у вас в Роттердаме было много встреч, не связанных с процессом, но имеющих отношение к вопросу о терроризме. Вы хотите прекратить терроризм.

— Мы все этого хотим, — ответил я, но внутри ощутил разочарование и боль. Я-то считал, что действую тайно.

— Мы все этого хотим, но вы ради этого что-то делаете, минхеер. Поэтому я считаю, что у вас действительно есть враги. Наши общие враги. Террористы. — Он встал и проводил нас к

двери. — Пока вы находитесь под моей юрисдикцией, я позабочусь об охране. Но за ее пределами могу только посоветовать вам быть осторожнее, потому что считаю: вам угрожает серьезная опасность.

— Она всем угрожает, — сказал я.

— Всем случайно, да. Но вы теперь — особый случай.

Наш отель построен в цветущие дни богатых туристов и нефтяных магнатов. Номера убраны в соответствии с их вкусами. Но не всегда — с нашими. Ни я, ни Эсси не оценили соломенные матрацы и деревянные подушки, но все это убрали и нас поместили в номер с настоящей большой кроватью. Круглой и огромной. Я с нетерпением ждал возможности испытать ее. От фойе толку меньше: такую архитектуру я ненавижу: консольные переходы, больше фонтанов, чем в Версале, зеркал столько, что, глядя в них, можно подумать, что ты в открытом космосе. Впрочем, благодаря любезности комиссара или молодой женщины-полицейского, которой он поручил нас сопровождать, мы были избавлены от всего этого. Нас провели через служебный ход и подняли в лифте, в котором пахло пищей. Возле нашего номера произошли перемены. Как

раз напротив двери в лестничном пролете стояла мраморная крылатая Венера. Теперь у нее появился напарник в синем костюме, внешне совершенно неприметный человек, который упорно не желал встречаться со мной взглядом. Я взглянул на сопровождавшую нас полицейскую. Она в замешательстве улыбнулась, кивнула своему коллеге в лестничном пролете и закрыла за нами дверь.

Да, мы действительно особый случай.

Я сел и посмотрел на Эсси. Нос у нее еще распухший, но это, кажется, ее не тревожит. И все же…

— Может, тебе лечь? — предложил я.

Она с терпеливой улыбкой ответила:

— Из-за крови из носа, Робин? Очень глупо. Или у тебя что-то более интересное на уме?

Надо отдать должное моей дорогой жене. Как только она подняла эту тему, несмотря на трудный день и состояние моей прямой кишки, у меня действительно что-то появилось на уме. За двадцать пять лет, можно подумать, даже секс станет скучным. Мой информационный друг Альберт рассказывал об опытах с животными, которые доказали это. Самцов крыс оставили с самками, и частота их половых контактов все время измерялась. Обнаружили, что с течением времени она

уменьшается. Скука. Тогда старых самок убрали и поселили новых. Крысы приободрились и снова занялись делом. Это установленный научный факт — относительно крыс, но, мне кажется, я не крыса, по крайней мере в некоторых отношениях. Должен признать, что я испытывал большое наслаждение, когда без всякого предупреждения кто-то всадил мне кинжал в живот.

Я не мог сдержаться. Закричал.

Эсси оттолкнула меня. Быстро села. Вызвала по-русски Альберта. Послушно появилась его голограмма. Он взглянул на меня и кивнул.

— Да, миссис Броудхед, пожалуйста, прижмите запястье Робина к фармацевтическому устройству в спинке кровати.

Я вдвое согнулся от боли. Мне показалось, что сейчас меня вырвет, но, очевидно, от содержимого моих внутренностей не так-то легко избавиться.

— Сделай что-нибудь! — воскликнула Эсси, отчаянно прижимая меня к своей обнаженной груди, а руку — к спинке кровати.

— Я уже делаю, миссис Броудхед, — ответил Альберт, и действительно, я почувствовал укол в руку. Боль уменьшилась и стала терпимой. — Не стоит напрасно тревожиться, Робин, — благоже-

лательно сказал Альберт. — Вам тоже, миссис Броудхед. Я уже несколько часов назад предвидел такой болевой приступ. Это всего лишь симптом.

— Проклятая высокомерная программа, — воскликнула Эсси, написавшая эту программу, — симптом чего?

— Начала последней стадии процесса отторжения, миссис Броудхед. Положение пока не критическое, тем более что я вместе с обезболивающим ввожу и другие препараты. Но все же предлагаю завтра произвести операцию.

Я теперь чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы сесть на краю постели. Провел пальцем ноги по стрелам в ковре, указывающим в сторону Мекки, дань нефтяным магнатам, и сказал:

— А как с подбором тканей?

— Все уже подготовлено, Робин.

Я осторожно пощупал живот. Он не взорвался.

— На завтра у меня назначено много встреч, — сказал я.

Эсси, которая мягко покачивала меня, отпустила и вздохнула:

— Упрямый человек! Зачем откладывать? Можно было провести трансплантацию несколько недель назад, и ничего этого бы не было.

— Мне не хотелось, — объяснил я, — к тому же

Альберт заверил, что у меня было еще время.

— Было время! Конечно, было время! Неужели нужно тянуть до тех пор, пока не произойдет что-то непредвиденное? И тут ты понимаешь, что времени уже нет и приходится умирать. Я тебя люблю живого и теплого, Робин, а не программу из «Здесь и Потом»!

Я потерся о нее носом и подбородком.

— Больной! Убирайся от меня! — рявкнула она, но не отстранилась. — Ха! Теперь тебе лучше!

— Гораздо лучше.

— Достаточно, чтобы поговорить серьезно и назначить время операции?

Я подул ей в ухо.

— Эсси, — сказал я, — обязательно, но не в данную минуту, потому что, если я правильно помню, мы с тобой не закончили одно дело. Не с Альбертом. Будь добр, старый друг, отключись.

— Хорошо, Робин. — Он улыбнулся и исчез. Но Эсси держала меня, долго глядела мне в лицо, потом покачала головой.

— Робин, — сказала она. — Ты хочешь, чтобы я записала тебя как программу «Здесь и После»?

— Нисколько, — ответил я, — и вообще я сейчас хочу поговорить не об этом.

— Поговорить! — фыркнула она. — Ха, знаю я,

как ты говоришь… Я хочу сказать, Робин, что если я тебя запишу, то кое-что обязательно изменю!

Ну и денек получился! Неудивительно, что некоторые незначительные обстоятельства я забыл. Моя секретарская программа, конечно, мне напоминала, так что я не удивился, когда отворилась дверь и появилась процессия официантов во главе с дворецким. Принесли обед. Не на двоих. На четверых.

— О мой бог! — воскликнула Эсси, ударив себя по лбу тыльной стороной ладони. — Твой бедный друг с лягушечьим лицом, Робин! Ты пригласил его на обед. И только взгляни на себя! Босые ноги! Сидишь в белье! Ты некультурный, Робин. Иди одеваться немедленно!

Я встал, потому что спорить бессмысленно, но все же сказал:

— Я в белье, а ты разве нет?

Она презрительно взглянула на меня. На самом деле на ней такая китайская штука с разрезом на боку. Похоже и на платье, и на ночную рубашку, и она использовала ее в обоих качествах.

— Нобелевский лауреат, — укоризненно сказала она, — сам определяет, что ему прилично носить, а что нет. К тому же я уже приняла душ, а ты нет и потому пахнешь сексуальной деятель-

ностью… и, о боже, — добавила она, наклонив голову и прислушиваясь, — я думаю, они уже здесь!

Я направился к ванной, а она к двери, но я еще услышал звуки спора. Один из слуг тоже внимательно слушал, причем рука его бессознательно устремилась к выпуклости под мышкой. Я вздохнул и направился в ванную.

На самом деле это не ванная. Можно назвать купальным номером. Ванна по размерам достаточна для двоих. Может, даже для троих или четверых, но я о большем, чем двое, не мог думать. Иногда я гадаю, что эти арабские туристы делали в таких ваннах. В самой ванной имелось скрытое освещение, из окружающих статуй лилась холодная или горячая вода, весь пол покрыт толстым ковром. И все вульгарные туалетные принадлежности скрыты в собственных декорированных уголках. Все очень аккуратно.

— Альберт! — окликнул я, снимая рубашку через голову, и он тут же отозвался:

— Да, Робин?

В ванной нет видео, только голос. Я сказал:

— Мне тут нравится. Проследи, чтобы нечто подобное было установлено на Таппановом море.

— Понятно, Робин. Но пока не могу ли я напом-

нить вам, что гости уже ждут?

— Можешь, потому что ты уже напомнил.

— К тому же, Робин, вам нельзя переутомляться. Те медикаменты, что я вам дал, это только временное средство, и потому…

— Отключись, — приказал я и пошел в гостиную, где ждали гости. Стол был уставлен хрусталем и фарфором. Горящие свечи, вино в охладителе, вежливо дожидающиеся официанты. Даже тот, с выпуклостью под мышкой. — Прости, что заставил тебя ждать, Оди, — сказал я, улыбаясь, — но у меня был тяжелый день.

— Я уже говорила им, — сказала Эсси, передавая тарелку восточного обличья девушке. — Пришлось: этот глупый полицейский у двери счел их террористами.

— Я попытался объяснить, — подхватил Уолтерс, — но он не понимает по-английски. Миссис Броудхед разобралась с ним. Хорошо, что вы говорите по-голландски.

Она изящно пожала плечами.

— Если знаешь немецкий, знаешь и голландский. Это одно и то же, если говорить громко. К тому же, — добавила она, — это всего лишь состояние ума. Скажите, капитан Уолтерс, если вы что-то говорите, а собеседник вас не понима-

ет, — что вы подумаете?

— Ну, я подумаю, что сказал что-то неправильно.

— Ха! Совершенно верно! Ну а я подумаю, что он неправильно меня понял. Это главное правило для разговора на иностранном языке.

Я потер живот.

— Давайте поедим, — предложил я и направился к столу. Но все же не пропустил взгляда Эсси и постарался быть гостеприимным. — Ну, мы печально выглядим. — Я имел в виду гипс на руке Уолтерса, синяк на щеке Джи-ксинг и распухший нос Эсси. — Вы колотили друг друга?

Оказалось, что это не совсем тактично: Уолтерс тут же подтвердил, что так оно и есть — под воздействием ТПП террористов. И мы немного поговорили о террористах. А потом о том печальном состоянии, в котором находится все человечество. Не очень веселый разговор, особенно когда Эсси решила пофилософствовать.

— Что за жалкое создание человек, — сказала она, но потом поправилась: — Нет. Я несправедлива. Один человек может быть вполне хорош, как мы четверо, сидящие здесь. Несовершенен, конечно. Но в среднем статистическом смысле из ста случаев проявления таких качеств,

как доброта, альтруизм, приличное поведение — всего того, что люди ценят, мы способны на двадцать пять. Но нации! Политические группы! Террористы! — Она покачала головой. — Из ста случаев — ноль. Или, может быть, один шанс, но тогда, можете быть уверены, с камнем за пазухой. Видите ли, зло заразительно. В каждом человеке, вероятно, есть его зерно. Но с увеличением количества — скажем, десять миллионов человек или небольшая страна способны своим злом погубить все человечество.

— Можно приниматься за десерт. — Я сделал знак официантам.

Всякий гость понял бы намек, особенно после упоминания о тяжелом дне, но Уолтерс оказался упрям. Он задержался за десертом. Настоял на том, чтобы рассказать мне историю своей жизни, и все время многозначительно поглядывал на официантов, и мне становилось все более неприятно, и не только в желудке.

Эсси говорит, что я нетерпим к людям. Может быть. Я легче общаюсь с компьютерными программами, чем с людьми из плоти и крови, и их нельзя обидеть — впрочем, не уверен, справедливо ли это по отношению к Альберту. Но вполне подходит к моему секретарю или шеф-повару.

Так что я начал терять терпение с Оди Уолтерсом. Его жизнь — довольно скучная мыльная опера. Он утратил жену и все сбережения. Незаконно с помощью Джи-ксинг воспользовался приборами на «С.Я.» и был за это уволен. Последние деньги потратил в Роттердаме — причина неясна, но явно имеет отношение ко мне.

Что ж, я готов «ссудить» деньги другу, которому не повезло, но, видите ли, я был не в настроении. И не просто из-за страха за Эсси, из-за испорченного дня или мысли о том, что следующий псих с пистолетом может до меня добраться. У меня снова начали болеть внутренности. Наконец я велел официантам убирать со стола, хотя Уолтерс еще пил свою четвертую чашку кофе. Я направился к столику с ликерами и сигарами и сердито взглянул на него, когда он пошел за мной.

— В чем дело, Оди? — спросил я, уже не очень вежливо. — Деньги? Сколько тебе нужно?

Как же он посмотрел на меня! Помолчал, дожидаясь, пока выйдут все официанты, и потом выдал.

— Мне не это нужно, — дрожащим голосом сказал он, — ты заплатишь за то, что нужно тебе. Ты очень богатый человек, Броудхед. Может, ты не думаешь о тех, кто тебе оказывает услуги. Но я

оказал их тебе дважды.

Я не люблю, когда мне напоминают о моих долгах, но у меня не было возможности ответить. Джейни Джи-ксинг положила руку на его забинтованное запястье — мягко.

— Просто скажи ему, что мы знаем, — приказала она.

— Что сказать? — спросил я, и этот сукин сын пожал плечами и сказал так, словно нашел мои ключи у двери:

— Мне кажется, я нашел настоящего живого хичи.

Хичи во время своего первого посещения Земли обнаружили австралопитеков и решили, что со временем те разовьют технологическую цивилизацию. Поэтому они решили сохранить колонию австралопитеков в чем-то вроде зоопарка. Потомки этих австралопитеков и есть Древние. Конечно, предположение хичи оказалось неверным. Австралопитеки не стали разумными. Они исчезли. А на людей отрезвляюще подействовала мысль о том, что так называемое «Небо Хичи», впоследствии переименованное в «С. Я. Броудхед», самый большой и сложный космический корабль из всех известных человечеству, — в сущности, всего лишь клетка для обезьян.

Когда стали доступными для изучения программы и базы данных так называемых Мертвецов, мой создатель, С. Я. Броудхед, естественно, очень заинтересовалась. Она решила продублировать их работу. Самое сложное, конечно, это перемещение банка данных из человеческого мозга и нервной системы, где они сохраняются химическим способом, в информационные веера хичи. Она проделала это очень хорошо. И не только для того, чтобы развернуть повсюду отделения «Здесь и После», но и для того, чтобы создать… гм… меня. Операции «Здесь и После» основаны на ее ранних исследованиях. Позже она стала действовать гораздо успешнее, лучше даже, чем сами хичи, смогла использовать не только идеи хичи, но и независимо созданную человеческую технологию. Мертвецы никогда бы не выдержали тест Тьюринга. А создания Эсси Броудхед могут. И выдерживают.

12. Бог и хичи

Я нашел хичи… Я нашел часть Истинного Креста… Я разговаривал с Богом, буквально разговаривал — все эти утверждения одного порядка. В них не веришь, но они пугают. Но потом, когда ты убеждаешься, что это правда, или, во всяком

случае, не можешь доказать, что неправда, — вот тогда наступает время чудес и смертного страха. Бог и хичи. Ребенком я не делал различия между ними, и даже у взрослого сохранились следы этого смешения.

Я отпустил их уже после полуночи. Но к тому времени досуха их опустошил. У меня были веера, которые они прихватили с «С.Я.». Я привлек к обсуждению Альберта, чтобы он мог высказать суждения своего плодовитого цифрового мозга. Сам я чувствовал себя ужасно, действие обезболивающего кончалось, и уснуть я не мог. Эсси твердо заявила, что если я намерен убить себя перенапряжением, она хочет увидеть это зрелище и тоже не ляжет, но как только она начала негромко похрапывать на диване, я снова вызвал Альберта.

— Одна финансовая подробность, — сказал я. — Уолтерс говорит, что отказался от миллионной премии, чтобы передать сведения мне, поэтому перечисли на его счет два миллиона.

— Хорошо, Робин. — Альберт Эйнштейн никогда не бывает сонным, но когда он хочет показать, что мне пора в постель, то начинает самым естественным образом зевать и потягиваться. — Но должен вам, однако, напомнить, что состояние

вашего здоровья…

Я сказал ему, что он может делать с состоянием моего здоровья. Потом сказал, что делать с мыслью о том, чтобы поместить меня завтра в больницу. Он развел руками.

— Вы хозяин, Робин, — покорно сказал он. — Но я все же думаю…

Неправда, что Альберт Эйнштейн не тратит времени на обдумывание. Но так как он действует со скоростью элементарных частиц, время, потребное для обдумывания, не всегда воспринимается существами из плоти и крови, как я. Разве только он сам этого хочет, обычно для драматического эффекта.

— Выкладывай, Альберт.

Он пожал плечами.

— Из-за состояния вашего здоровья я не хотел бы, чтобы вы излишне возбуждались без причин.

— Причины! Боже, Альберт, иногда ты действительно ведешь себя как тупая машина. Какая причина важнее, чем находка живого хичи?

— Да, — ответил он, попыхивая трубкой, и тут же сменил тему: — По сенсорным данным, которые я снимаю, можно определить, что вы испытываете сильную боль, Робин.

— Как ты умен, Альберт. — Боль в кишках переключилась на новую скорость. Теперь у меня в животе крутились лезвия миксера, и каждый оборот усиливал боль.

— Разбудить миссис Броудхед и сообщить ей?

Это закодированное сообщение. Если он скажет Эсси что-либо подобное, она тут же уложит меня в постель, вызовет хирургическую программу и предоставит меня всему, что способна предложить Полная Медицина Плюс. И эта перспектива начинала выглядеть привлекательной. Боль пугает меня сильнее смерти. Смерть — это нечто такое, что нужно испытать, и все будет кончено, а боль казалась бесконечной.

Но не сейчас!

— Нет, Альберт, — ответил я, — во всяком случае, пока ты не скажешь, что ты так упорно скрываешь. Может, я где-то ошибся в своих рассуждениях? Если так, скажи в чем.

— Только в том, что называете существо, присутствие которого ощутил Уолтерс, хичи, — ответил он, почесывая подбородок концом трубки.

Я выпрямился и тут же схватился за живот: резкое движение оказалось не слишком хорошей идеей.

— Какого дьявола? Что же это тогда, Альберт?

Он серьезно ответил:

— Рассмотрим свидетельства. Уолтерс говорит, что существо, присутствие которого он ощутил, замедлялось, даже остановилось. Это соответствует нашему представлению о хичи: мы ведь считаем, что хичи в черной дыре, а там время замедляется.

— Верно. Тогда почему…

— Во-вторых, — продолжал он, — встреча состоялась в межзвездном пространстве. Это тоже соответствует: мы знаем, что хичи способны выходить в межзвездное пространство.

— Альберт!

— Наконец, — спокойно продолжал он, не обращая внимания на мой тон, — было установлено присутствие разумного существа, иного, чем мы сами, — он померцал, — или, вернее сказать, иного, чем человек. А единственными известными нам существами такого типа являются хичи. Однако, — благожелательно сказал он, — копия корабельного журнала, предоставленная капитаном Уолтерсом, вызывает серьезные вопросы.

— Давай их, черт тебя побери!

— Конечно, Робин. Позвольте мне продемонстрировать данные. — Он отодвинулся в сторону в своей голографической рамке, и появилось

изображение корабельного экрана. На нем видно было далекое бледное пятно, а справа многочисленные цифры и символы. — Обратите внимание на скорость, Роберт. Восемнадцать сотен километров в секунду. Вполне возможная скорость для природного объекта. Например, конденсация ударного фронта сверхновой. Но чтобы корабль хичи двигался так медленно? И вообще, похож ли этот объект на корабль хичи?

— Он вообще ни на что не похож. Ради бога! Всего лишь пятно. На пределе видимости. Ничего нельзя разобрать.

Маленькая фигура Альберта по одну сторону изображения кивнула.

— В таком виде — да, — согласился он. — Но я могу увеличить изображение. Есть, конечно, и другие доказательства. Если источник действительно черная дыра…

— Что?

Он сделал вид, что не понял.

— Я хочу сказать: гипотеза о том, что это черная дыра, не подтверждается, так как в этом районе совершенно отсутствует гамма- и рентгеновское излучение; а оно должно быть при втягивании в дыру пыли и газа из пространства.

— Альберт, — сказал я, — иногда ты заходишь

слишком далеко.

Он озадаченно посмотрел на меня. Я знаю, что такие взгляды, демонстрация того, что он что-то забыл, — все это лишь уловки ради эффекта. Они не соответствуют никакой реальности, в том числе и когда он смотрит мне прямо в глаза. Глаза голографического изображения видят не больше, чем глаза на фотографии. Если он и ощущает меня, а он меня, несомненно, ощущает, то через многочисленные линзы, через гиперзвуковые датчики, через емкости и термальные изображения — и ничего из этого нет в глазах голограммы Альберта. Но бывают моменты, когда мне кажется, что эти глаза смотрят мне прямо в душу.

— Вы ведь хотите верить, что это хичи, Робин? — негромко спросил он.

— Не твое дело! Покажи увеличенное изображение!

— Хорошо.

Изображение покрылось пятнами, распалось… прояснилось: я увидел гигантскую стрекозу. Она заполнила весь экран и вышла за его пределы. Огромные крылья можно было увидеть только потому, что они закрывали звезды. Но на месте соединения крыльев виден был цилиндрический объект, светящийся в пространстве, и часть его

света отражалась и от крыльев.

— Парусник! — выдохнул я.

— Да, парусник, — согласился Альберт. — Фотонный космический корабль. Приблизительная длительность полета на таком корабле от Земли до, скажем, Альфа Центавра — около шестисот лет.

— Боже! Шестьсот лет в этой крохотной штуке?

— Она не крохотная, Робин, — поправил он меня. — Расстояние до нее больше, чем вы, вероятно, сознаете. Мои оценки приблизительны, но от одного конца крыла до другого не меньше ста тысяч километров.

На дамасском диване Эсси захрапела, пошевелилась, открыла глаза, обвиняюще сказала:

— Ты все еще не лег! — снова закрыла глаза — все это не просыпаясь.

Я сел, на меня обрушились усталость и боль.

— Я бы хотел уснуть, — сказал я, — но мне нужно усвоить все это.

— Конечно, Робин. Вот что я предлагаю, — коварно сказал Альберт. — Вы не очень много съели за обедом, почему бы мне не приготовить вам немного горохового супа или рыбной похлебки…

— Ты знаешь, как уложить меня в постель, —

сказал я, чуть не смеясь, довольный, что могу подумать о чем-то земном. — Почему бы и нет?

И вот я передвинулся назад в столовый альков. Позволил бармену, подчиненному Альберту, приготовить мне горячего рома, а Альберт составлял мне компанию.

— Очень хорошо, — сказал я, допив ром. — Давай еще порцию до еды.

— Конечно, Робин, — сказал он, играя своей трубкой. — Робин?

— Да? — спросил я, протягивая руку за новой порцией выпивки.

— Робин, — застенчиво, — у меня появилась идея.

Я был в подходящем настроении, чтобы выслушивать его идеи, поэтому кивнул, чтобы он продолжал.

— Эту идею подсказал мне Уолтерс. Пусть станет обыкновением то, что вы сделали для него. Как Нобелевская премия или научная премия Врат. Шесть премий в год, по сто тысяч долларов каждая, и каждая за открытие в одной области науки. Я подготовил бюджет. — Он передвинулся в сторону, повернув голову и поглядев в угол своей рамки; там появился аккуратно напечатанный проспект. — Шестьсот тысяч долларов

окупятся уменьшением налогов и участием в исследованиях…

— Подожди, Альберт. Не будь моим бухгалтером. Будь моим советником по науке. За что премии?

Он просто ответил:

— За решение загадок вселенной.

Я сел и потянулся, мне стало тепло и приятно. Я испытывал доброжелательность, даже по отношению к компьютерной программе.

— Готов ли мой суп?

— Через минуту, — ответил он, так оно и было. Я погрузил ложку: рыбная похлебка. Густая. Белая. И много масла.

— Не вижу цели, — сказал я.

— Информация, Робин.

— Но мне казалось, что ты и так получаешь всю информацию.

— Конечно — после публикации. У меня постоянно включена поисковая программа, в ней свыше сорока трех тысяч тематических разделов, и если что-нибудь, касающееся, допустим, расшифровки языка хичи, где-то появляется, я автоматически получаю эту статью. Но я хочу знать до публикации и даже в том случае, если публикации вообще не будет. Как открытие Оди,

понимаете? Лауреатов будет определять жюри. Я с радостью, — он померцал, — помогу вам подобрать членов жюри. И предлагаю шесть сфер поиска. — Он кивнул в сторону дисплея: бюджет исчез, сменившись аккуратной табличкой:

1. Перевод сообщений хичи.

2. Наблюдения и интерпретации недостающей массы.

3. Анализ технологии хичи.

4. Устранение терроризма.

5. Устранение международной напряженности.

6. Продление жизни.

— Звучит неплохо, — одобрил я. — Суп тоже хороший.

— Да, — согласился он, — повара хороши, когда следуют моим инструкциям. — Я сонно поглядел на него. Голос его звучал мягко — нет, вероятно, правильнее сказать — сладко. Я зевнул, пытаясь сфокусировать взгляд.

— Знаешь, Альберт, — сказал я, — никогда не замечал этого раньше, но ты немного похож на мою мать.

Он отложил трубку и сочувственно поглядел на меня.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Вам не о чем

беспокоиться.

Я с сонным удовлетворением смотрел на свою верную голограмму.

— Ты прав, — согласился я. — Может, ты и не похож на мою мать. Эти густые брови…

— Не важно, Робин, — мягко сказал он.

— Не важно, — согласился я.

— Так что можете ложиться спать, — закончил он.

Мне это показалось неплохой идеей, и я послушался. Но не сразу. Не резко. Медленно, неторопливо; я оставался в полусонном состоянии, был расслаблен, мне было удобно и приятно, и я так и не знаю, когда кончилось это полусонное состояние и начался настоящий сон. Я был в таком состоянии, когда начинаются сны, вам кажется, что вы уже уснули, но мысль еще блуждает. Да, мысли мои блуждали. Они ушли далеко. Я летел по вселенной вместе с Вэном, заглядывал в одну черную дыру за другой в поисках кого-то очень нужного ему и мне, хотя не понимал зачем. Какое-то лицо, не лицо Альберта, не лицо матери, даже не лицо Эсси, женское лицо с густыми темными бровями…

Да ведь этот сукин сын меня опоил, с легким удивлением подумал я.

А тем временем большая Галактика поворачивалась, и крошечные частички органического вещества толкали крошечные частички металла и стекла между звездами; и органические частицы испытывали боль, и одиночество, и ужас, и радость — и все по-разному; но я уже спал, и мне было все равно. Тогда.

13. Кары любви

Один маленький кусочек органической материи, а именно Долли Уолтерс, испытывал все эти чувства, вернее, все, кроме радости, а еще вдобавок такие, как негодование и скука. Особенно скуку, за исключением тех моментов, когда преобладающим становился ужас. Внутренности корабля Вэна больше всего напоминали помещение сложной, полностью автоматизированной фабрики, где оставлено немного места для людей, чтобы можно было произвести ремонт. Даже сверкающая спираль, часть двигательной системы хичи, была видна не вся: Вэн окружил ее ящиками с запасами пищи. Личные вещи Долли — они состояли из ее кукол и шестимесячного запаса тампонов — были затолканы в небольшой шкаф в крошечном туалете. Все остальное пространство принадлежало Вэну. Делать осо-

бенно было нечего, да и места для занятий не было. Единственные веера, оказавшиеся у Вэна, содержали только детские сказки. Вэн сказал, что их записали для него, когда он был маленьким. Долли от них страшно скучала, хотя не так, как вообще от безделья. Даже приготовление пищи и уборка лучше безделья, но возможности ограничены. Иногда кухонные запахи заставляли Вэна искать спасения в посадочном аппарате — а чаще бушевать и орать на нее. Стирать было легко, нужно только всунуть вещи в что-то вроде котла, там через них пропускается горячий пар, но, высыхая, они увеличивают влажность воздуха, а это — снова буря и крики. Он ее на самом деле никогда не бил — конечно, если не считать толчков, которые он выдавал за любовную игру, — но очень пугал.

Но не так сильно, как черные дыры, которые они посещали одну за другой. Вэна они тоже пугали. Но страх не удерживал его; только делал еще более трудной жизнь с ним.

Когда Долли поняла, что вся эта безумная экспедиция — только безнадежные поиски давно потерянного и, вероятно, давно мертвого отца Вэна, она почувствовала к нему настоящую нежность. И хотела бы, чтобы он позволил ей ее

выразить. Бывали времена, особенно после секса, особенно в тех редких случаях, когда он не засыпал сразу или не отталкивал ее от себя грубыми и непростительно критичными интимными замечаниями, — времена, когда они несколько минут обнимали друг друга в тишине. Тогда она испытывала страстное желание установить с ним человеческий контакт. Прижаться губами к его уху и прошептать: «Вэн. Я понимаю, что ты чувствуешь. Я хотела бы помочь тебе».

Но, конечно, она так и не осмелилась.

И еще одно она не смела сделать — сказать ему, что, по ее мнению, он собирается убить их обоих, пока они не обнаружили восьмую дыру и у нее не осталось выбора. Даже на расстоянии двух дней полета — два дня на скорости быстрее света, почти световой год — она казалась особой.

— Почему она так странно выглядит? — спросила Долли, и Вэн, даже не оглядываясь, не отрываясь от экрана, сказал то, что она и ожидала:

— Заткнись. — И продолжал болтать со своими Мертвецами. Как только он понял, что она не смыслит ни по-испански, ни по-китайски, он стал говорить в ее присутствии, но всегда на непонятных ей языках.

— Пожалуйста, милый, — сказала она, ощущая

пустоту в желудке. — Что-то здесь неправильно. — Что именно неправильно, она не могла сказать. Объект на экране казался маленьким. Виден был не очень ясно и подрагивал. Но никакого следа светящихся частиц и потоков энергии, которые образуются, когда материя втягивается в дыру. Однако что-то было, какое-то мерцание, голубоватое, а не черное.

— Тьфу! — сказал он, потея. Потом — он был испуган не меньше ее — приказал: — Скажи суке, что она хочет. По-английски.

— Миссис Уолтерс? — Голос звучал неуверенно и слабо; это голос мертвого человека, если вообще его обладателя можно назвать человеком. — Я объяснял Вэну, что это так называемая обнаженная сингулярность. То есть она не вращается и поэтому не является абсолютно черной. Вэн? Ты сравнил ее с изображениями на картах хичи?

Вэн проворчал:

— Конечно, дурак. Я как раз это делаю, — но голос его дрожал. Вэн коснулся приборов. На экране появилось еще одно изображение. Голубоватый туманный, болезненный для глаз объект. А рядом, на другой половине, тот же объект, но со множеством ярких коротких красных черточек и мерцающих зеленых кругов.

Мертвец с печальным удовлетворением сказал:

— Это опасный объект, Вэн. Так его отметили хичи.

— Идиот! Все черные дыры опасны! — Вэн отключил говорившего и с презрением и гневом повернулся к Долли. — Ты тоже боишься! — уличил он ее и убежал к краденым и пугающим Долли приборам в аппарат.

А мне тем временем снилась глубокая крутая гравитационная дыра и скрытое в ней сокровище. Когда Вэн, потея от ужаса, занимался своими краденными приборами, я потел от боли. Когда Долли с удивлением смотрела на большой призрачно-голубой объект на экране, я смотрел на тот же объект. Она никогда не видела его раньше. А я видел. У меня над кроватью висел его снимок, и сделал я этот снимок, когда испытывал еще большую боль и был совсем сбит с толку. Я попытался сесть, и сильные мягкие руки Эсси снова уложили меня в постель.

— Ты еще на системах жизнеобеспечения, Робин, — сказала она. — Не нужно слишком много двигаться!

Я находился в маленькой больничной палате, которую построил в своем доме на Таппановом

море, когда стало казаться, что слишком хлопотно каждый раз отправляться в больницу, если кому-то из нас требовалась замена органов.

— Как я сюда попал?! — спросить это у меня нашлись силы.

— Самолетом, конечно. — Эсси посмотрела на экран у меня над головой и кивнула.

— Значит, мне сделали операцию, — заключил я. — Этот сукин сын Альберт опоил меня. И ты отвезла меня домой, пока я был под наркозом.

— Как умно! Да. Теперь все позади. Доктор говорит, что ты здоровая сельская свинья и скоро поправишься, — продолжала она, — только некоторое время еще будет немного болеть живот, потому что тебе вшили три метра новых кишок. Теперь поешь. И снова поспи.

Я откинулся на подушку, пока Эсси разговаривала с программой-шефом, и смотрел на изображение на стене. Его повесили, чтобы напоминать мне: сколь бы ни были неприятны процедуры, поддерживающие мою жизнь, были времена гораздо более неприятные. Но сейчас изображение напомнило мне о другом. О женщине, которую я утратил. Не скажу, что я годами не вспоминал о ней, это неправда. Я думал о ней часто, но как о далеком воспоминании, а теперь

— как о живой личности.

— Пора поесть рыбной похлебки, — жизнерадостно пропела Эсси.

Клянусь Господом, она не шутила. Так оно и есть, отвратительно пахнущая, но, как она говорит, насыщенная всем тем, что мне необходимо и что я могу съесть в своем нынешнем состоянии. А тем временем Вэн рылся в черной дыре умным и сложным оборудованием хичи; а тем временем мне пришло в голову, что тошнотворная похлебка, которую я ем, насыщена не только лекарствами; а тем временем сложные механизмы выполняли еще одно задание, о котором Вэн не знал; а тем временем я заставил себя проснуться настолько, чтобы спросить Эсси, сколько времени я проспал, и она ответила: «Довольно долго, дорогой Робин», — и потом я снова уснул.

Особое задание заключалось в извещении, потому что из всех своих механизмов хичи больше всего опасались нарушителя порядка в линейных системах. Они боялись, что этот механизм, неправильно примененный, полностью и бесповоротно нарушит весь их порядок, и поэтому во все механизмы встроили сигналы тревоги.

Когда вы опасаетесь, что кто-то подберется к вам в темноте, вы устраиваете ловушки: под-

вешиваете к веревке десяток гремящих банок, вешаете что-нибудь такое, что может упасть на голову незваного гостя… Но нет большей темноты, чем темнота между звездами, так что хичи оставили своих часовых. Ловушки, оставленные хичи, были многочисленны, хитроумны и обладали очень-очень громкими голосами. Когда Вэн развернул свою спираль, она немедленно подала сигнал, и тут же связист доложил об этом Капитану.

— Чужак сделал это, — сказал он, дрожа мышцами лица, и Капитан произнес бранное слово. Человеку оно ничего не сказало бы, потому что обозначало половой акт в то время, когда женская особь не влюблена. Капитан произнес это слово не из-за его прямого смысла. Это выражение крайне неприлично, но ничто другое не могло бы выразить чувства Капитана. Увидев, что Дважды тревожно смотрит на приборы контроля на расстоянии, он тут же раскаялся.

Больше всего беспокойства было у Капитана, потому что он Капитан, но работы больше всего было у Дважды. Она одновременно управляла тремя комплектами приборов на расстоянии: большим кораблем, на который они собирались перебраться, грузовым кораблем, который дол-

жен убрать парусник, и особым спутником в Солнечной системе, который должен был перехватывать все сообщения и регистрировать все космические корабли. И Дважды была не состоянии выполнять такую работу. К ней пришло время любви, стероиды бушевали в ее жестких венах, биологический процесс развертывался, и тело ее созревало для выполнения своего назначения. И не только тело. Созревала и смягчалась вся личность Дважды. И пытаться управлять отдаленными системами, в то время как весь ее организм был настроен на сексуальное общение, — для нее это пытка. Капитан склонился к ней.

— Как ты? — спросил он. Она не ответила. И это было достаточным ответом.

Он вздохнул и обратился к следующей проблеме:

— Ну, Башмак?

Связист выглядел почти так же плохо, как Дважды.

— Установлено несколько концептуальных соответствий, Капитан, — доложил он. — Но программа перевода очень сложна.

Капитан дернул мышцами щек. Неужели произошло что-то нелогичное, отчего все раз-

вертывается неожиданно и неправильно? Эти сообщения — опасно даже то, что они вообще существуют. Но они к тому же на разных языках! На разных! Не на двух, на которых говорят хичи, не на Языке Действия и Языке Чувства, но буквально на десятках непонятных языков. Было бы гораздо менее болезненно слушать это бормотание, если бы он хотя бы представлял себе, о чем они говорят.

Так много тревог и проблем! Не только зрелище с каждым часом слабеющей и все более ошибающейся Дважды; не только сознание того, что какой-то не-хичи приводит в действие механизмы, способные проникнуть в черную дыру; наибольшие опасения у Капитана вызывала его собственная способность справиться с этими нарастающими осложнениями. Но нужно было работать. Они определили местоположение парусника. Направили сообщение его экипажу, но разумно не стали дожидаться ответа. Командный корабль, разбуженный после многотысячелетнего сна, подошел в рассчитанное время. Они примкнули к нему, люк к люку, и перешли в этот большой, гораздо более мощный корабль. Это не составляло проблемы, хотя Дважды, тяжело дыша, со стонами металась от прибора к прибору

и была медлительна в управлении подходящим кораблем. Но все прошло благополучно. И большой грузовой корабль-пузырь появился там, где должен был, и даже точно вовремя.

Весь этот процесс занял почти двенадцать часов. Для Дважды это были часы непрерывного труда. У Капитана было меньше дел, поэтому он мог следить за ней. Видел, как ее медная кожа приобретает пурпурный цвет неразделенной любви и одновременно темнеет от усталости. Это его беспокоило. Они оказались такими неподготовленными к внезапному вызову! Если бы знали, что сложится чрезвычайная ситуация, Капитан прихватил бы второго оператора, и на Дважды не выпала бы такая тяжесть. И прежде всего они могли сразу вылететь в командном корабле и не тратить силы на смену судов. Если бы подумали… Если бы заподозрили… Если было бы хоть малейшее указание…

Но ничего этого не было. Да и как можно было догадаться. Даже по галактическому времени прошло всего несколько десятилетий с последней вылазки из укрытия в центре — мгновение астрономического времени, и разве можно было поверить, что за это время так много произойдет?

Капитан порылся в пищевых пакетах, нашел самую вкусную и легкоусвояемую еду и с любовью скормил ее Дважды. У нее не было аппетита. Движения ее стали еще медленнее и неувереннее, с каждым часом ей было все труднее двигаться. Но свою работу она выполняла. Когда наконец огромные крылья фотонного корабля свернулись, раскрылась большая пасть грузового пузыря, капсула с экипажем парусника скользнула в нее, Капитан вздохнул с облегчением. Для Дважды самая трудная работа кончилась. Теперь у нее есть возможность отдохнуть — может, даже удастся совершить вместе с ним то, чего требуют ее тело и душа.

Так как экипаж парусника ответил немедленно — для него немедленно, — ответ пришел до того, как захлопнулась большая сфера. Связист, Башмак, нажал клавишу, и на экране появилось сообщение:

Мы признаем, что должны прервать свой полет.

Мы просим доставить нас в такое место, где мы будем в безопасности.

Мы спрашиваем: возвращаются Убийцы?

Капитан сочувственно поджал живот. Башмаку

он сказал:

— Передай им: «Мы временно возвращаем вас в вашу систему. Если будет возможно, позже привезем вас снова сюда».

На лице Башмака появилось напряженное выражение.

— А как же их вопрос об Убийцах?

Капитан ощутил легкую дрожь в животе:

— Скажи им: еще нет.

Но на первом месте в сознании Капитана был не страх перед другими и даже не тревога о Дважды. У хичи было много общих с человечеством черт: любознательность, двуполая любовь, привязанность к семье, преданность детям, удовольствие от манипулирования символами. Но объем этих общих особенностей оказался неодинаков. Одной психологической характеристикой хичи обладали в гораздо более выраженном виде, чем люди.

Совестью.

Хичи почти физически не могли нарушить обещания или позволить злу остаться неисправленным. Для хичи обитатели парусника представляли собой особый случай. Хичи были у них в долгу. Именно от них они узнали самый страшный факт, какой только приходилось им узнавать.

Хичи и обитатели парусников хорошо знали друг друга, хотя познакомились сравнительно недавно. И взаимоотношения их обернулись для медленных существ бедой. А для хичи тем более. Они никогда не могли забыть об этом.

В медлительных долгих годах этого народа рассказывалось о том, как в сладкой грязи их родной планеты неожиданно появились конические корабли хичи, ужасно твердые и ужасно быстрые. Они пронеслись через плавучие дома, вызвав кавитацию и значительный подъем температуры. Многие погибли. Много вреда было причинено, прежде чем хичи поняли, что здесь есть живые и разумные существа, хотя и очень медлительные.

Хичи были повергнуты в ужасное замешательство тем, что натворили. Они пытались исправить положение. Первым шагом послужило установление коммуникации, но это оказалось очень трудным. И решение этой задачи заняло много времени — много для хичи, хотя для самих обитателей планеты прошел короткий период, и прямо посреди одного жилища осторожно и медленно опустилась жесткая горячая восьмиугольная призма. И сразу заговорила на понятном, хотя и смехотворно неправильном языке.

После этого события стали развиваться с молниеносной скоростью — для жителей грязи. Для хичи же следить за их жизнью — все равно что наблюдать рост лишайников. Капитан сам однажды побывал на их планете — газовом гиганте. Он был тогда не капитаном, а скорее юнгой, молодым, горячим любителем приключений, с тем неистощимым оптимизмом, с каким хичи смотрели в необозримое будущее, пока оно не обрушилось на них так ужасно. Он дважды посещал Землю и нашел там австралопитеков, он наносил на карты газовые облака и квазары, он отвозил строителей и экипажи на дальние объекты. Проходили годы. Проходили десятилетия. Медленно продвигалась работа по переводу с языка обитателей грязевых жилищ. Она могла бы идти и побыстрее, если бы хичи считали ее важной; но они так не считали. Но намного быстрее она все равно не пошла бы: не справились бы жители планеты.

Но работа оказалась интересной — в историческом, антикварианьном смысле. Ведь эти существа жили долго, очень долго. Их биохимические процессы протекали примерно в триста раз медленнее, чем у хичи или у людей. Исторические записи хичи уходили в прошлое на

пять-шесть тысячелетий. Письменная история жителей грязи — в триста раз дольше. Почти два миллиона лет непрерывных последовательных исторических данных. А самые ранние народные сказания, предания и эдды уходили в прошлое еще в десять раз дальше. Их переводить было не труднее современных, потому что у обитателей планеты грязи все, в том числе и язык, изменяется медленно, но соединенные умы, занимавшиеся переводом, считали их не очень интересными. И все откладывали работу над ними… пока не обнаружили, что в двух из них говорится о посещении из космоса.

Когда я думаю о всех тех годах, когда человечество жило под гнетом комплекса неполноценности — потому что хичи достигли многого и намного раньше, — я испытываю множество сожалений. Мне кажется, больше всего я жалею, что мы не знали о двух эддах. Я имею в виду не сами эдды, потому что они добавили бы нам хлопот, правда довольно отдаленных. Я говорю о том, как эти эдды отразились на моральном состоянии хичи.

Первая песнь была создана на самом рассвете цивилизации обитателей грязи и оказалась очень неясной и двусмысленной. В ней рассказы-

валось о посещении богов. Они явились, сверкая так ярко, что даже рудиментарные оптические органы жителей грязи смогли их увидеть; их окружало море энергии, грязь вскипала, и многие умерли. Больше они ничего не сделали, а улетев, не возвращались. Сама по себе песнь не имела особого значения; в основном в ней рассказывалось о некоем грязевом герое, который осмелился бросить вызов богам и в качестве награды получил целую болотистую область планеты.

Вторая песнь оказалась более ясной. Она датировалась миллионом лет позже — почти в пределах исторического периода. В ней тоже рассказывалось о посетителях извне плотного домашнего мира, но на этот раз посетители оказались не просто туристами. Но и не завоевателями. Это были беженцы. На болотистую почву опустился один корабль, плохо подготовленный для жизни в холодном плотном ядовитом газе.

Здесь они скрывались. И оставались долго — по своим стандартам, больше ста лет. Настолько долго, что обитатели планеты успели их обнаружить и даже наладить с ними контакт. На беженцев напали чужаки-убийцы, горящие как пламя, владеющие оружием, которое давит и сжигает. Вся их родная планета обгорела. Все их

космические корабли подверглись преследованию и были уничтожены.

И вот, когда поколения беглецов сумели выжить и даже умножиться, всем им пришел конец. Пылающие Убийцы отыскали их и испарили целый район планеты, чтобы погубить их.

Услышав эту песнь, хичи могли бы подумать, что это вымысел, если бы не один термин. Его оказалось нелегко перевести. Ему пришлось пережить и несовершенный языковой обмен, и прошедшие два миллиона лет. Но он их пережил.

Именно он заставил хичи бросить все свои дела и сосредоточиться на одном: подтверждении истинности старой эдды. Они искали планету беглецов и нашли ее — сгоревшую в лучах взорвавшегося солнца. Они искали и нашли артефакты предшествующей космической цивилизации. Немного. И не в очень хорошем состоянии. Но около сорока обломков и кусков расплавленных машин. Изотопный анализ показал, что они относятся к двум разным эпохам. Одна совпадала по времени с прилетом беглецов на планету грязи. Другая — на много миллионов лет древнее.

Они заключили, что рассказ правдив: суще-

ствует раса Убийц; они уничтожают любую найденную космическую цивилизацию на протяжении более чем двадцати миллионов лет.

И хичи пришли к выводу, что эта раса существует по-прежнему. Потому что трудно поддававшийся переводу термин описывал расширение неба, которое пламенные существа остановили и повернули назад, чтобы звезды и галактики начали сталкиваться. Сделали они это с целью. И было невозможно поверить, что эти титаны, кем бы они ни были, не захотят увидеть результаты своих действий.

И яркая мечта хичи рухнула, и обитатели грязи запели новую сагу — сагу о хичи, которые навестили их, познали страх и убежали.

И вот хичи установили свои ловушки, скрыли большинство свидетельств своего существования и отступили в дыру-убежище в центре Галактики.

В определенном смысле жители грязи были одной из таких ловушек. ЛаДзхаРи знал это; все они знали; именно поэтому он выполнил завет предков и сразу сообщил о соприкосновении с чуждым разумом. Он ожидал ответа, хотя прошли годы, даже во времени ЛаДзхаРи, с тех пор как последний раз появлялись хичи, да и то это

была обычная быстрая проверка с помощью ТПП. Он также думал, что, получив ответ, не обрадуется ему. Весь эпический труд строительства и запуска межзвездного корабля, все столетия, уже затраченные на это долгое путешествие, — все зря! Правда, тысячелетний путь для ЛаДзхаРи не больше обычного плавания для капитана нантакетского китобоя; но и китобою не понравится, если его остановят посреди Тихого океана и отправят домой с пустыми руками. Весь экипаж был расстроен. Возбуждение было настолько велико, что часть членов экипажа невольно перешла в повышенное состояние, жидкая грязь настолько нагрелась, что началась кавитация. Одна из самок погибла. Один из самцов, ТсуТсуНга, был настолько деморализован, что стал хватать выживших самок, и совсем не для еды.

— Не делай глупостей, — взмолился ЛаДзхаРи. Для самца осеменение самки — а именно это и собирался сделать ТсуТсуНга — связано с такой затратой энергии, что угрожает жизни.

Для самок в этом нет угрозы — их тело для того и предназначено, чтобы нести оплодотворенное семя, но они, конечно, этого не знают, они, в сущности, вообще ничего не знают. Но ТсуТсу-Нга упрямо сказал:

— Если я не могу стать бессмертным в полете к другой звезде, по крайней мере могу стать отцом сына.

— Нет! Пожалуйста! Подумай, мой друг, — взмолился ЛаДзхаРи, — мы можем вернуться домой, если захотим. Вернемся героями в свои жилища, споем эдды, которые услышит весь мир… — Звук в грязи их домов передается как в море, и их песни разносятся далеко, как голоса китов.

ТсуТсуНга коснулся ЛаДзхаРи, кратко, почти презрительно.

— Мы не герои, — сказал он. — Уходи и дай мне закончить с этой самкой.

И ЛаДзхаРи неохотно оставил его и, уходя, прислушивался к затихающим звукам. Это правда. Они не герои, а неудачники.

Экипаж корабля не был лишен такой человеческой черты, как гордость. Им не нравилось быть… кем? Рабами хичи? Нет. Единственная служба, которой от них ждали, это сообщение о всяком контакте с космическим разумом. Они рады были сделать это и из-за самих себя, а не ради хичи. Если не рабы, то кто?

Подходило только одно слово — домашние любимцы, животные.

И поэтому в расовом сознании жителей грязи

навсегда остался некий налет, который они так и не смогли устранить, сколь бы героические подвиги ни совершали в межзвездных полетах в своих огромных медленных кораблях. Они знали, что они домашние животные. Задолго до хичи они уже были имуществом существ, не похожих ни на хичи, ни на людей, ни на них самих; и вот, когда поколения спустя сказители прокричали в слушающие машины свои эдды, обитатели газовой планеты увидели, что хичи убегают. Так что домашнее животное — это еще не самое плохое.

Итак, любовь и страх жили во всей вселенной. Потому что любовь (то, что служит любовью жителям грязи) повредила здоровью ТсуТсуНга и угрожала его жизни. Видя сны о любви, я лежал в своей палате, просыпаясь ежедневно меньше чем на час, пока мои новые внутренности срастались с организмом. В ужасе от любви Капитан смотрел, как худеет и темнеет Дважды.

Потому что после отправления грузового корабля Дважды не стало легче. Передышка пришла слишком поздно. Некоторыми познаниями в медицине у них обладал Взрыв, оператор черных дыр, но даже в условиях самой квалифицированной медицинской помощи женские особи редко способны пережить неразделенную любовь и

одновременное большое напряжение сил.

Поэтому Капитан не удивился, когда Взрыв с сожалением сказал ему: «Она вошла в соединенные умы».

Не дешевая это вещь, любовь. Некоторые из нас получали ее и никогда не платили по счету, но это только значит, что счет оплачивает кто-то другой.

Людям хичи оставили только небольшие разведочные суда; они старательно скрывали свои корабли специального назначения. Например, транспорт-пузырь. Это всего лишь полая металлическая сфера, снабженная двигателем для полета быстрее света и навигационным оборудованием. Очевидно, с помощью таких кораблей хичи перемещали громоздкие грузы; людям такие корабли были бы очень полезны. Каждый транспорт-пузырь по грузоподъемности равнялся примерно тысяче кораблей класса «С.Я.». Десять таких кораблей в десять лет решили бы проблему перенаселения Земли.

Робин не очень много рассказывает об обитателях парусников, потому что сам знает мало. А жаль. Они очень интересны. Их язык состоит из односложных слов — один согласный, один глас-

ный. Всего у них пятьдесят различных согласных и четырнадцать гласных и дифтонгов, поэтому для трехсложных форм, типа имен, у них 3,43×10 в восьмой степени комбинаций. Это много, особенно для имен, гораздо больше, чем всех самцов вместе взятых, а самкам они имен не дают.

Когда самец осеменяет самку, он производит ребенка мужского пола. Но это происходит редко, потому что при этом самец теряет огромное количество энергии. Неоплодотворенные самки рожают самок более или менее регулярно. Но рождение самца, однако, стоит им жизни. Они этого не знают, они вообще ничего не знают. И в эддах жителей грязи нет любовных историй.

Робин не очень хорошо объясняет, чего именно боялись хичи. Они заключили, что сокращение вселенной приведет к тому, что она снова сожмется в один атом, потом произойдет новый Большой взрыв и начнется новая вселенная. Далее они заключили, что в таком случае физические законы, действующие в этой вселенной, могут измениться.

Но их больше всего пугала мысль о существах, которые считают, что им будет лучше во вселенной с другими физическими законами.

14. Новый Альберт

Все в заговоре против меня, даже моя любимая жена, даже моя верная информационная программа. В те короткие периоды, когда они позволяли мне не спать, мне предлагался широкий выбор.

— Вы можете отправиться в больницу на исследование, — сказал Альберт, посасывая рассудительно свою трубку.

— Или можешь остаться и спать до тех пор, пока тебе не станет лучше, — сказала Эсси.

— Ага, — сказал я, — я так и думал! Вы держите меня без сознания. Прошло, наверно, уже несколько дней, как вы опоили меня и позволили разрезать. — Эсси избегала моего взгляда. Я благородно заявил: — Я тебя не виню, но, видишь ли, мне обязательно нужно взглянуть на эту штуку, которую обнаружил Уолтерс! Неужели непонятно?

Она по-прежнему не смотрела мне в глаза. Вместо этого посмотрела на голограмму Альберта Эйнштейна.

— Он сегодня энергичен. Получше присматривай за этим хулиганом.

Изображение Альберта кашлянуло.

— Миссис Броудхед, медицинская программа не советует излишне вмешиваться на этом этапе.

— О боже! Если он не будет спать, он будет нас мучить днем и ночью! Все решено. Завтра ты отправляешься в больницу, Робин. — И все это время ее рука лежала у меня на затылке, поглаживала, ласкала: слова могут лгать, но в прикосновении невозможно скрыть любовь.

Поэтому я сказал:

— Я пойду тебе навстречу. Отправлюсь в клинику, но если пройду полную проверку физического состояния, ты больше не будешь возражать против моего выхода в космос.

Эсси молчала, взвешивая мои слова, но Альберт взглянул на меня.

— Мне кажется, это ошибка, Робин.

— Для того и существует человек, чтобы совершать ошибки. Что у нас на обед?

Видите ли, я рассчитал, что если продемонстрирую хороший аппетит, они примут это за добрый знак. Может, так и получилось. Я рассчитал также, что мой новый корабль не будет готов еще несколько недель, так что особенно торопиться некуда: я не собирался лететь в тесном вонючем пятиместнике, когда у меня скоро будет готова собственная космическая яхта. Но

вот что я не рассчитал: я забыл, как ненавистны мне больницы.

Когда меня осматривает Альберт, он болометрически измеряет температуру, сканирует глаза и кожу в поисках признаков разрыва кровеносных сосудов, пропускает через мой торс гиперзвук, чтобы взглянуть на мои внутренние органы, и исследует то, что я оставляю в туалете, — биохимическое равновесие и состав бактерий. Альберт называет эти процедуры ненасильственными. Я — вежливыми.

Диагностические процедуры в больнице не заботятся о вежливости. Они весьма болезненны. Поверхность моей кожи обезболили, прежде чем углубляться внутрь. Там внутри не так уж много нервных окончаний, так что беспокоиться не о чем. Я ощущал только толчки, рывки и щекот. Но очень много, и к тому же я знал, что происходит. Светопроводы толщиной в волос заглядывали в мой живот. Пипетки, острые как иглы, брали образцы моих жидкостей и тканей. Изучались швы, оценивались рубцы. Все это заняло меньше часа, но мне показалось, что прошло много времени; и, честно говоря, я предпочел бы заниматься чем-нибудь другим.

Потом мне разрешили одеться и сесть в удобное

кресло в присутствии настоящего живого врача. Позволили даже Эсси присутствовать при этом, но я не дал ей раскрыть рта. Начал первым:

— Что скажете, док? Когда я смогу отправляться в космос? Не в ракете. В петле Лофстрома, а от нее вреда не больше, чем от лифта. Видите ли, петля просто тащит вас по магнитной ленте…

Доктор поднял руку. Пухлый седовласый Санта-Клаус, с аккуратной, коротко подстриженной белой бородкой и яркими голубыми глазами.

— Я знаю, что такое петля Лофстрома.

— Хорошо, я рад этому. Ну?

— Ну, — сказал он, — обычно после такой операции, как у вас, мы советуем избегать подобных перегрузок в течение трех-четырех недель, но…

— О нет! Док, нет! — сказал я. — Пожалуйста! Я не хочу болтаться здесь целый месяц!

Он посмотрел на меня, потом на Эсси. Она не смотрела ему в глаза. Он улыбнулся.

— Мистер Броудхед, — сказал он, — я думаю, вам следует знать две вещи. Во-первых, часто желательно держать выздоравливающего пациента все время без сознания. Электрическая стимуляция мышц, массаж, хорошая диета, соответствующая медицинская помощь — все это не дает ухудшить функциональные способности

организма, а для нервной системы весьма плодотворно. И для всего остального тоже.

— Да, да, — не очень заинтересованно согласился я. — А второе?

— Во-вторых, вас оперировали сорок три дня назад. Вы можете делать что угодно. Включая поездку в петле.

Было время, когда дорога к звездам начиналась в Гвиане, или на Байконуре, или на Мысе. Приходилось сжигать на миллион долларов жидкого водорода, чтобы выйти на орбиту, прежде чем переберешься на корабль, способный лететь действительно далеко. Теперь у нас на экваторе размещены петли Лофстрома, огромные паутинные сооружения, которые не видны, пока не окажешься совсем рядом с ними — ну, ближе двадцати километров; тут расположены стартовые и посадочные площадки спутников. Я с удовольствием и гордостью смотрел на петлю, когда мы кружили и снижались для посадки. Рядом со мной хмурилась и что-то бормотала Эсси, она работала над каким-то проектом — новая компьютерная программа, а может, план пенсионного обеспечения ее работников Большого Чона; не могу сказать, что именно, потому что делала она это на русском языке. На портативной консоли пря-

мо передо мной Альберт демонстрировал мой новый корабль, медленно поворачивая изображение и называя данные о его вместимости, дополнительных устройствах, массе и удобствах. Так как я вложил немало миллионов и своего времени в эту игрушку, я был заинтересован, но не настолько, чтобы забыть о предстоящем. «Позже, Альберт», — приказал я, и он послушно отключился. Я повернул голову, чтобы видеть петлю. Мы зашли на посадку. На ленте я видел капсулы, они двигались по трем полосам, набирали скорость, приближаясь к вертикальной части петли, и исчезали в голубизне. Прекрасно! Никакого химического топлива, никакого сгорания, повреждений озонового слоя. Нет даже затраты энергии, как при посадке аппарата хичи; кое-что мы делаем даже лучше, чем хичи!

В прошлом недостаточно было выйти на орбиту; приходилось совершать длительный Хоманновский перелет на астероид Врата. При этом бываешь испуган до предела: все знают, что изыскатели Врат либо богатеют, либо погибают; к тому же ты испытываешь космическую болезнь, проводишь в тесноте недели и месяцы, прежде чем доберешься до астероида; а главное — ты все поставил на карту, всем рискнул, лишь

бы оплатить полет. А теперь нас на низкой околоземной орбите ждет чартерный трехместник хичи. Мы можем пересесть в него в своих летних рубашках и быть на пути к далеким звездам еще до того, как переварим последний земной обед. Да, можем, потому что у нас достаточно для этого денег и решимости.

Было время, когда выход в космическую пустоту был чем-то вроде игры в русскую рулетку. Единственная разница в том, что счастливый жребий мог обогатить вас — как это произошло со мной. Но чаще вас ждала смерть.

— Сейчас гораздо лучше, — вздохнула Эсси, когда мы выбрались из самолета и остановились, мигая на горячем южноамериканском солнце. — Где эта проклятая машина из проклятого блохастого отеля?

Я ничего не сказал о том, что она читает мои мысли. За время брака я к этому привык. Это не телепатия: всякий человек подумал бы то же самое, если бы занимался тем, чем все время занимаемся мы.

— Хорошо бы Оди Уолтерс полетел с нами, — сказал я, глядя на петлю запуска. Мы все еще были в нескольких километрах от нее, на берегу озера Тегигуальпа. Я видел отражение петли в

воде озера, голубое в центре, зеленовато-желтое ближе к берегу, где посеяны съедобные водоросли. Очень красивое зрелище.

— Если ты хотел взять его с собой, не нужно было давать ему два миллиона, чтобы он гонялся за своей женой, — практично заметила Эсси. Потом, пристально взглянув на меня, спросила: — Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, — ответил я. И почти не соврал. — Перестань обо мне беспокоиться. Когда в твоем распоряжении Полная Медицина Плюс, тебе не дадут умереть только потому, что ты достиг ста лет. Это плохо для бизнеса.

— Полная Медицина не очень поможет, — мрачно возразила она, — если пациент — отчаянный упрямец, гоняющийся за воображаемыми хичи! Ну вот, — повеселев, добавила она, — вот и машина, которая повезет нас к блохам. Садись.

Когда мы сели в машину, я наклонился и поцеловал Эсси в шею — это легко сделать, потому что она собрала свои длинные волосы в тугой пучок и закрепила чем-то вроде ожерелья. Так она готовилась к старту, понимаете? Она прижалась к моим губам.

— Хулиган. — Вздохнула. — Но хороший хулиган.

Отель на самом деле не рассадник блох. Нам дали удобный номер на верхнем этаже, выходящий на озеро и петлю. К тому же мы пробудем в нем всего несколько часов. Эсси принялась вводить свою программу в ПВ, а я отошел к окну, снисходительно говоря себе, что я вовсе не хулиган. Впрочем, это тоже не совсем верно: не подобает ответственному пожилому гражданину, обладающему немалым богатством и влиянием, устремляться в межзвездное пространство в поисках волшебства и приключений.

Мне пришло в голову, что Эсси не совсем понимает мотивы моих поступков. Возможно, она считает, что я ищу что-то другое.

А потом мне пришло в голову, что и моя точка зрения может быть ошибочной. Ищу ли я хичи на самом деле? Конечно. И все искали бы на моем месте: все очень интересуются хичи. Но не все оставили что-то в межзвездном пространстве. Неужели где-то в глубине моего сознания скрывается мысль, что я могу найти это безвозвратно утраченное? Я знал, что это такое. И знал, где потерял его. Но не знал, что стал бы с ним делать — точнее, с ней, — если бы снова нашел ее.

И тут я ощутил во внутренностях не-совсем-боль. Она не имела никакого отношения к моим

новым трем метрам кишок. Это была надежда — и страх, что каким-то образом в моей жизни снова может появиться Джель-Клара Мойнлин. Оказывается, я более эмоционально к этому отношусь, чем полагал. На глазах у меня навернулись слезы, паутинная структура петли в окне задрожала.

Но у меня нет никаких слез на глазах!

И это не оптическая иллюзия.

— Боже мой! — закричал я. — Эсси!

Она подбежала и встала рядом со мной, глядя на пламя, охватившее капсулу, на то, как содрогается все хрупкое сооружение. Послышался шум, одинокий слабый взрыв, похожий на далекий пушечный выстрел, а затем низкий медлительный долгий гром. Это разрывалась на части огромная петля.

— Боже мой! — слабо повторила Эсси, хватая меня за руку. — Террористы? — И сама себе ответила: — Конечно, террористы. Кто еще может быть таким подлым?

* * *

Я открыл окна, чтобы получше видеть петлю и озеро: хорошо, благодаря этому они не вылетели. Другим в отеле не так повезло. Сам аэропорт не пострадал, не считая того, что был

отброшен непривязанный самолет. Но все работники аэропорта были страшно напуганы. Они не знали, является ли нападение на петлю изолированным актом саботажа террористов или началом революции — никто, кажется, не верил, что, возможно, это просто несчастный случай. Действительно страшно. В петлях Лофстрома огромное количество кинетической энергии, свыше двадцати километров металлической ленты, весящей около пяти тысяч тонн, и все это движется со скоростью двенадцать километров в секунду. Из любопытства я позже спросил Альберта, и он ответил, что для приведения ее в работу нужно 3,6×10 в четырнадцатой степени джоулей. И когда петля разрушается, все эти джоули вырываются на свободу.

Я спросил Альберта позже, потому что в тот момент не мог это сделать. Естественно, прежде всего я попытался связаться с ним или с любой другой информационной программой, которая могла бы сказать, что происходит. Коммуникационные сети были забиты, мы отрезаны. Обычное ПВ, впрочем, работало, и мы стояли и смотрели, как растет грибообразное облако, и слушали сообщения о повреждениях. В момент взрыва в петле ускорялся один шаттл — это и был первый

взрыв; вероятно, в него подложили бомбу. Три остальных взрыва произошли в грузовом канале. Погибло свыше двухсот человек, не считая тех, кто работал на самой петле, или забрел в беспошлинные магазинчики под ней, или просто прогуливался поблизости.

— Хотел бы я связаться с Альбертом, — сказал я Эсси.

— Что касается этого… — неуверенно начала она, но не кончила, потому что кто-то постучал в дверь: не пройдут ли синьор и синьорина в зал Боливара, par favor, дело очень срочное.

Срочное дело оказалось полицейской проверкой, и никогда паспорта не проверялись так тщательно. Зал Боливара — одно из тех многофункциональных помещений, которые можно разделить или снова объединить для больших банкетов, и в отгороженной части этого зала ждали туристы, многие сидели на своем багаже, все казались недовольными и испуганными. Они продолжали ждать. Мы нет. Коридорный с повязкой на рукаве — буквы «С.Е.Р» — проводил нас на помост, к лейтенанту полиции, который бегло взглянул на наши паспорта и вернул их нам.

— Синьор Броудхед, — сказал он на превосходном английском, со слабым среднезападно-

американским акцентом, — вам не приходило в голову, что этот террористический акт мог быть направлен лично против вас?

У меня отвалилась челюсть.

— До сих пор не приходило, — ответил я через силу. Он кивнул.

— Тем не менее, — продолжал он, беря своей изящной маленькой рукой жесткую печатную карточку ПВ, — мы получили от Интерпола сообщение о покушении на вашу жизнь два месяца назад. Прекрасно организованное покушение. Комиссар из Роттердама особо подчеркивает, что покушение не случайное и следует ожидать дальнейших попыток.

Я не знал, что сказать на это. Эсси наклонилась вперед.

— Скажите, лейтенант, — произнесла она, разглядывая его, — какова ваша версия?

— О, моя версия. Хотел бы я иметь версию, — сердито ответил он. — Террористы? Несомненно. Нацеленные на вас? Возможно. Нацеленные на стабильность нынешнего правительства? Еще более возможно. Наши сельские районы охвачены недовольством; я слышал даже — это между нами, — что некоторые военные подразделения планируют переворот. Как можно знать? Поэто-

му я задам вам необходимые вопросы. Видели ли вы кого-нибудь, кто показался вам подозрительным? Нет? Есть ли у вас предположения, кто мог организовать покушение в Роттердаме? Можете пролить хоть какой-нибудь свет на это ужасное дело?

Вопросы следовали так быстро, словно он вовсе не ожидал ответа на них, даже не хотел слышать. Это тревожило меня почти так же, как разрушение самой петли: я увидел в этом отражение того, что чувствовалось во всем мире. Какое-то безнадежное отчаяние, словно все понимали, что дела будут обстоять еще хуже и это невозможно предотвратить. Меня это очень беспокоило.

— Мы хотели бы уехать, — сказал я, — так что если у вас нет больше вопросов…

Он помолчал, прежде чем ответить, и снова стал похож на человека, который знает, как делать свою работу.

— Я хотел бы попросить вас об одолжении, синьор Броудхед. Не могли бы вы на день-два дать нам ваш самолет? Для раненых, — объяснил он, — наша центральная больница, к несчастью, располагается непосредственно под петлей.

Должен со стыдом сказать, что я заколебался, но Эсси нет.

— Конечно, лейтенант, — сказала она. — Тем более что нам нужно заказать место на другой петле, прежде чем мы сможем улететь.

Он расцвел.

— Моя дорогая синьора, мы организуем это через военные линии связи. Примите мою глубочайшую признательность за вашу щедрость!

Городские службы не действовали, но когда мы вернулись в номер, на столах стояли свежие цветы и корзина с фруктами и вином, всего этого раньше не было. Окна закрыли. Открыв их, я понял почему. Озеро Тегигуальпа перестало быть озером. Предполагалось, что в случае катастрофы линия для охлаждения опустится в озеро; впрочем, никто не верил, что такое возможно. Теперь это произошло, и озеро выкипело вплоть до покрытого грязью дна. Пар закрывал саму петлю, пахло горячей грязью, и я тут же снова закрыл окна.

Мы проверили внутренние службы. Они действовали. Нам принесли хороший обед, извинились, что не могут прислать бармена, чтобы тот перелил наше вино из бутылки в графин, — бармен состоит в «Гражданской республиканской службе чрезвычайных происшествий» и должен выполнять свои обязанности. И обычная гор-

ничная номера тоже, хотя нам пообещали, что дежурная по этажу придет через час и поможет нам распаковать багаж; тем временем он, нераспакованный, стоял у стены в фойе.

Я богат, конечно, но не избалован. Так я, по крайней мере, считаю. Но я люблю услуги, особенно услуги прекрасных компьютерных программ, которые написала для меня Эсси.

— Мне не хватает Альберта, — сказал я, глядя на туманную ночную сцену.

— Не знаешь, чем заняться без своих игрушек? — усмехнулась Эсси, но, кажется, у нее что-то было на уме. Что ж. В этом отношении я тоже не избалован, потому что когда у Эсси что-то на уме, я часто заключаю, что она хочет заняться любовью, и тут же тоже хочу этого. Я часто напоминаю себе, что в истории человечества люди нашего возраста гораздо менее расположены к любви и изобретательны, но тем хуже для них. Такие мысли меня не удерживают. Особенно потому, что Эсси есть Эсси. Она не только нобелевский лауреат. У нее есть и другие награды, включая появление в списке десяти самых изысканно одетых женщин. Нобелевская премия ею заслужена; а вот список десяти лучших, по-моему, фальшивка. Внешность С. Я. Броудхед не

имеет ничего общего с тем, что на ней надето, но много общего с тем, что под одеждой. Теперь на ней облегающий светло-синий костюм, без всяких украшений; такой можно купить в магазине по сниженным ценам; но она и в нем попала бы в список.

— Иди сюда на минутку, — позвал я с большого длинного дивана.

— Сексуальный маньяк! Ха!

Но это «Ха!» звучало весьма терпимо.

— Просто я подумал, — сказал я, — что раз мы не можем вызвать Альберта и больше нам нечего делать…

— Ах, Робин, — сказала она, качая головой. Но она улыбалась. Поджала губы, размышляя. Потом сказала: — Вот что я тебе скажу. Принеси из фойе маленький дорожный саквояж. У меня там для тебя небольшой подарок. А потом посмотрим.

Из саквояжа появился ящичек, обернутый серебряной бумагой, а из него — большой молитвенный веер хичи. Впрочем, не хичи — размер не тот. Такие Эсси разработала для собственного пользования.

— Ты ведь помнишь Мертвецов и «Здесь и После», — сказала она. — Прекрасные программы хичи, я решила их использовать. И преобразовала

старую программу. В твоих руках гарантированный реальный Альберт Эйнштейн.

Я поворачивал веер в руках.

— Реальный Альберт Эйнштейн?

— О Робин, не будь таким буквальным. Не реальный — реальный. Я не могу оживлять мертвецов, особенно умерших давно. Но личность реальна, со всеми воспоминаниями, мыслями — почти реальна. Я запрограммировала поиск исчерпывающей информации об Эйнштейне. Книги. Документы. Корреспонденция. Биографии. Интервью. Снимки. Все. Даже старый потрескавшийся экземпляр того, что называлось «Киноновости» — о прибытии корабля в Нью-Йорк в 1932 году. «Пате ньюс». Все вошло сюда, и теперь, когда ты задаешь вопрос Альберту Эйнштейну, тебе отвечает Альберт Эйнштейн! — Она наклонилась и поцеловала меня в макушку. — Конечно, — похвасталась она, — я добавила кое-что, чего никогда не было у Эйнштейна. Полный курс пилотирования кораблей хичи. Все новое в науке и технологии с 1955 года, времени, когда умер подлинный Эйнштейн. Даже некоторые функции кулинарной, секретарской, юридической и медицинской программы. Для Зигфрида фон Психоаналитика места не нашлось, — извинилась

она, — но ведь он тебе больше не нужен, а, Робин? Разве только в воспоминаниях.

Она смотрела на меня с выражением, которое я научился за эти десятилетия узнавать. Я прижал ее к себе.

— Хорошо, Эсси, давай.

Она уселась у меня на коленях и невинно спросила:

— Что давать, Робин? Ты опять говоришь о сексе?

— Давай сюда.

— О… Да это пустяк. Я уже дала тебе серебряный подарок.

— Что, программу? — И правда, она ее обернула серебряной бумагой — и тут до меня дошло. — О мой бог! Я пропустил нашу серебряную годовщину. Когда… — Но я тут же смолк.

— Когда она была? — закончила она за меня. — Теперь. Она все еще есть. Сегодня, Робин. Поздравляю, Робин, дорогой.

Я поцеловал ее, должен признаться, отчасти чтобы выиграть время, и она серьезно поцеловала меня. Я сказал, чувствуя себя презренным:

— Эсси, дорогая, прости. Когда вернемся, я тебе сделаю подарок, от которого ты будешь на седьмом небе, обещаю.

Но она прижалась носом к моим губам, чтобы я замолчал.

— Не нужно ничего обещать, дорогой Робин, — сказала она с уровня моего кадыка, — потому что ты ежедневно в течение двадцати пяти лет делал мне достойные подарки. Не считая тех лет, когда мы просто встречались. Конечно, — добавила она, поднимая голову, чтобы взглянуть на меня, — мы одни сейчас, только ты, я и кровать в соседней комнате, и так будет еще несколько часов. И если действительно хочешь, чтобы я была на седьмом небе, начинай. Я, кстати, знаю, что у тебя кое-что для меня есть. Даже моего размера.

То, что я не захотел завтракать, сразу привело в действие всю тревожную сигнализацию Эсси, но я объяснил, что хочу поиграть со своей новой игрушкой. И это было правдой. Правда и то, что я довольно часто вообще не завтракаю, и эти две правды в конце концов отправили Эсси в обеденный зал без меня; но главное, конечно, заключалось в последней правде — мои внутренности чувствовали себя не очень хорошо.

И вот я вставил нового Альберта в процессор, появился розоватый мерцающий туман, а вот и он сам, улыбается мне.

— Привет, Робин, — сказал он, — и поздравляю

с годовщиной.

— Это было вчера, — слегка разочарованно ответил я. Я не думал, что поймаю нового Альберта на таких глупых ошибках.

Он потер кончиком трубки нос, глядя на меня из-под своих густых седых бровей.

— По гавайскому времени, — сказал он, — сейчас поглядим, — он сделал вид, что смотрит на электронные наручные часы, анахронически выглядывавшие из-под рукава пиджака, — сейчас сорок две минуты двенадцатого вечера, Робин, и ваша двадцать пятая годовщина будет длиться еще около двадцати минут. — Он наклонился, почесывая лодыжку. — У меня появилось несколько полезных новых свойств, — гордо сказал он, — включая полный контроль за местным временем; он действует независимо от того, есть я на дисплее или нет. Ваша жена — очень хороший программист.

Конечно, я знаю, что Альберт Эйнштейн — только компьютерная программа, но это все равно что встреча со старым другом.

— Ты отлично выглядишь, — сделал я ему комплимент. — Впрочем, не знаю, стоит ли тебе носить электронные цифровые часы. Мне кажется, у тебя до смерти не могло быть такой вещи.

Тогда их просто еще не было.

Он посмотрел на меня слегка раздраженно, но в ответ тоже сделал комплимент:

— Вы отлично знаете историю технологии, Робин. Впрочем, хоть я и Альберт Эйнштейн и чрезвычайно близок к оригиналу, но не ограничен возможностями реального Эйнштейна. Например, миссис Броудхед включила в мою программу все известные записи хичи, а мой плотский оригинал даже не знал о самом существовании хичи. Я также включил в свою программу большинство своих коллег и многочисленные системы поиска информации. Я попытался подключиться к главной системе, но в этом, Робин, — он виновато взглянул на меня, — меня постигла неудача. Впрочем, я включился в военную систему. Ваш вылет состоится в Лагосе, Нигерия, завтра в полдень, и самолет вам вернут вовремя, так что вы успеете в Лагос. — Он нахмурился. — Что-то не так?

Я не столько слушал Альберта, сколько разглядывал его. Эсси проделала замечательную работу. Никаких мелких погрешностей, когда он начинает предложение с трубкой в руке, а заканчивает, жестикулируя куском мела.

— Ты кажешься вполне реальным, Альберт.

— Спасибо, — сказал он, открыл ящик стола, достал оттуда спички и поднес пламя к трубке. В прежние дни у него просто материализовался бы коробок спичек. — Может, хотите больше узнать о своем корабле?

Я подтянулся.

— Есть что-то новое?

— Если и есть, — извинился он, — я об этом не знаю: я уже сказал, что не мог связаться с главной сетью. Тем не менее я получил копию сертификата от Корпорации «Врата». Корабль значится как двенадцатиместный, то есть он способен брать двенадцать человек, если не предназначается для специальных исследований…

— Я знаю, что такое двенадцатиместный корабль, Альберт.

— Конечно. Ну так вот, он снабжен всем необходимым для четверых, хотя можно поместить еще двоих. Он испытан в полете на Врата-Два и обратно, весь полет функционировал нормально. Доброе утро, миссис Броудхед.

Я оглянулся через плечо: Эсси кончила завтракать и присоединилась к нам. Она склонилась ко мне, тщательно рассматривая свое создание.

— Хорошая программа, — сказала она наконец, потом: — Альберт! У кого ты позаимствовал это

ковыряние в носу?

Альберт виновато извлек палец из носа.

— Из неопубликованного письма Энрико Ферми к родственнику в Италию. Уверяю вас, жест аутентичен. Есть ли еще вопросы? Нет? Тогда, Робин и миссис Броудхед, — закончил он, — я предлагаю вам упаковаться, потому что только что по полицейским каналам связи получил сообщение, что ваш самолет приземлился и его заправляют. Вы можете вылететь через два часа.

Так оно и было, и мы благополучно вылетели — или почти благополучно. Почти. Мы уже садились в самолет, когда сзади от пассажирского аэровокзала послышался шум, и мы оглянулись.

— Похоже на перестрелку, — удивленно сказала Эсси. — А вон те большие штуки на стоянке, видишь, они раздвигают машины? Одна из них только что своротила пожарный кран, и из него бьет вода. Неужели это то, что я думаю?

Я втащил ее в самолет.

— Может, — сказал я, — если ты думаешь, что это танки. Давай убираться отсюда.

И мы убрались. Без проблем. Для нас, во всяком случае, хотя Альберт, подключившийся наконец к главной сети, сообщил, что опасения лейтенанта оправдываются и что действительно началась

революция. Итак, у нас проблем не было, хотя в обширной Вселенной происходило многое и со временем проблемы у нас появятся, и весьма болезненные.

15. Назад из непрерывности Шварцшильда

Придя в себя, Джель-Клара Мойнлин обнаружила, что не была мертвой, чего она резонно ожидала. Она находилась в исследовательском корабле хичи. Внешне бронированный пятиместник, но не тот, в каком она была в последний момент.

Последние ее воспоминания были хаотическими, лихорадочными и полными боли и ужаса. Она помнила все очень хорошо. Но в этих воспоминаниях не было худого смуглого мрачного парня в ограничительных ремнях и шарфе. Больше на нем ничего не было. В воспоминаниях не было места и для незнакомой молодой светловолосой девушки, плачущей навзрыд. Да, в последнем воспоминании Клары люди кричали и плакали! И бранились, и чего только не делали, потому что оказались пойманными за барьером Шварцшильда в черной дыре.

Но эти люди совсем другие.

Молодая девушка утешающе склонилась к

ней.

— Как ты, милая? Тебе действительно трудно пришлось. — Для Клары это утверждение не было новостью. Она знала, как ей было трудно. — Она пришла в себя, — сказала девушка через плечо.

Мужчина наклонился, оттолкнув девушку. Он не стал тратить времени, расспрашивая Клару о ее состоянии.

— Как тебя зовут? И еще — орбиту и номер полета — быстрее!

Когда она сказала ему, он ничего не ответил. Просто исчез, и его место снова заняла светловолосая девушка.

— Я Долли, — сказала она. — Прости, я ужасно выгляжу, но, по правде говоря, я боюсь до смерти. Как ты? Ты была в ужасном состоянии, а здесь нет никакой медицинской программы.

Клара села и обнаружила, что да, она в ужасном состоянии. Все ее тело болит, начиная с головы, которая, по-видимому, обо что-то ударилась. Клара осмотрелась. Она никогда не видела корабль, настолько забитый инструментами и игрушками. И здесь очень приятно пахнет кухней.

— Слушай, где это я? — спросила она.

— В его корабле, — указала кивком. — Его зовут Вэн. Он летает и заглядывает в черные дыры. —

Долли выглядела так, словно собиралась снова заплакать, но потерла нос и продолжала: — И, милая, мне очень жаль, но все эти люди с тобой, они мертвы. Ты только одна была жива.

У Клары перехватило дыхание.

— Все? И Робин?

— Я не знаю их имен, — сказала девушка. И не удивилась, когда неожиданная гостья отвернула лицо и заплакала. Вэн рявкнул на женщин. Он глубоко задумался. И не знал, какое сокровище обнаружил и как это сокровище усложнит его жизнь.

Правда, что я женился на своей дорогой Эсси в качестве реакции на потерю Клары Мойнлин. Ко мне возвратилась способность чувствовать, когда я отбросил чувство вины, вернее, почти отбросил, — вины в утрате Клары.

Когда со временем я узнал, что Клара жива, я испытал шок. Но, клянусь Господом, ничто — ничто — не может сравниться с шоком, испытанным Кларой! Даже сейчас, в нынешних обстоятельствах, я не могу не чувствовать то, что назвал бы — достаточно несовместимо со своим теперешним состоянием — физической болью, когда я думаю о том, что испытала моя некогда горячо любимая Клара, когда восстала

из мертвых. И не только потому, кем она была, не только из-за ее отношений со мной. Всякий должен был бы посочувствовать ей. Захваченная в ловушку, испытывающая ужас и боль, уверенная в близкой смерти — и в следующий момент чудесно освобожденная. Боже, пожалей бедную женщину! И положение ее не становилось лучше. Половину времени она проводила без сознания, потому что тело ее испытало огромную физическую нагрузку. Приходя в себя, она не всегда понимала, что бодрствует. Она чувствовала уколы, ощущала тепло, гул в ушах и понимала, что ей вводят обезболивающее. Но все равно ей было ужасно больно. И не только физически. А приходя в себя, она иногда думала, что галлюцинирует, потому что человеконенавистник Вэн и деморализованная Долли — не те люди, за которых можно ухватиться. Задавая вопросы, она получала непонятные ответы. Она видела, как Вэн разговаривает с машиной, и спросила у Долли, что он делает. Но смысла ее ответа не поняла:

— А, это его Мертвецы. Они запрограммированы на утерянные полеты, и теперь он спрашивает их о твоем рейсе.

Но что может понять человек, никогда не слышавший о Мертвецах? И что она могла подумать,

когда прямо из воздуха тонкий неуверенный голос заговорил о ней:

— …нет, Вэн, человека по имени Шмитц не было в этом рейсе. Понимаешь, в этот рейс отправились два корабля…

— Мне все равно, сколько их полетело!

Голос смолк. Потом неуверенно:

— Вэн?

— Да, я Вэн! Кем я еще могу быть?

— О… Ну, в этом полете никто не соответствует описанию твоего отца. Кого ты спас?

— Она говорит, что ее зовут Джель-Клара Мойнлин. Женщина. Не очень красивая. Около сорока лет, — сказал Вэн, даже не посмотрев на нее; Клара напряглась, но потом сообразила, что перенесенное испытание, несомненно, отразилось на ее внешности.

— Мойнлин, — прошептал голос. — Джель-Клара, да, она участвовала в этом полете. Но возраст не соответствует, мне кажется. — Клара кивнула, чувствуя, как вновь начала болеть голова, а голос продолжал: — Посмотрим, имя соответствует. Но она родилась шестьдесят три года назад.

Сила и темп приливов боли увеличились. Клара, должно быть, застонала, потому что девушка Долли что-то крикнула Вэну и снова склонилась

к ней.

— Ты выздоровеешь, — сказала она, — но я попрошу Генриетту сделать тебе еще один укол снотворного, ладно? Когда проснешься, тебе будет лучше.

Клара, не понимая, смотрела на нее, потом закрыла глаза. Шестьдесят три года назад!

Сколько потрясений может перенести человек и не сломаться? Клара ломалась нелегко: изыскатель Врат, четыре полета, все очень трудные, любого достаточно, чтобы всю жизнь преследовали кошмары. У нее страшно начинала болеть голова, когда она пыталась думать. Замедление времени? Так называется то, что происходит в черной дыре? Неужели в мире прошло двадцать или тридцать лет, пока она вращалась в бездонном гравитационном колодце черной дыры?

— Хочешь поесть? — предложила с надеждой Долли.

Клара покачала головой. Вэн, раздраженно поджав губу, поднял голову и сказал:

— Как глупо предлагать ей еду. Дай ей выпить!

Вэн не такой человек, чтобы можно было ему угодить, согласившись с ним, даже если он прав, но мысль неплохая. Клара позволила Долли принести что-то похожее на крепкое виски: она

закашлялась и подавилась, но согрелась.

— Милая, — неуверенно сказала Долли, — а этот, ну ты понимаешь, из убитых, он был твой друг?

У Клары не было причин отрицать.

— Да. Мы с ним любили друг друга. Но поссорились и разошлись, а потом снова начали сближаться, но… А потом Робин оказался в одном корабле, а я в другом…

— Робби?

— Нет. Робин. Робин Броудхед. На самом деле он Робинетт, но очень чувствителен относительно своего имени… В чем дело?

— Робин Броудхед. О боже, да! — сказала Долли. Она выглядела удивленной и пораженной. — Миллионер!

И Вэн поднял голову и подошел.

— Робин Броудхед, конечно. Я его хорошо знаю, — похвастал он.

Во рту у Клары неожиданно пересохло.

— Знаешь?

— Конечно. Знаю много лет. Да, конечно, — сказал он, припоминая, — я слышал, как он спасся из черной дыры много лет назад. Как интересно, что ты тоже там была. Понимаешь, мы деловые партнеры. Я получаю от него и его предприятий почти

две седьмые своего дохода, включая роялти, которые выплачивают мне компании его жены.

— Его жены? — прошептала Клара.

— Ты что, не слушаешь? Я сказал, да, его жены!

А Долли мягко добавила:

— Я много раз видела ее на ПВ. Когда ее включили в число десяти самых изящных женщин, когда она получала Нобелевскую премию. Она очень красива. Милая! Не хочешь ли еще выпить?

Клара кивнула, голова снова заболела, но она смогла собраться и сказать:

— Да, пожалуйста. Еще выпить.

Почти два дня Вэн старался быть хорошо расположенным к бывшей подруге своего делового партнера. Долли была добра и старалась помочь. В их ограниченном наборе ПВ-лент не было снимков С.Я., но Долли с помощью своей куклы показала карикатуру на Эсси, а когда соскучившийся Вэн потребовал, чтобы она показала представление с куклами, сумела отделаться от него. У Клары было много времени для размышлений. Хоть она была ошеломлена и измучена, простые арифметические действия были ей доступны.

Она потеряла больше тридцати лет своей жизни.

Нет, не своей — жизни всех остальных. Она не больше чем на день-два старше того момента, как оказалась в обнаженной сингулярности. Тыльные стороны ладоней у нее исцарапаны и избиты, но на них нет темных пятен старости. Голос у нее охрип от боли и усталости, но это не голос старухи. Она не старуха. Она Джель-Клара Мойнлин, чуть старше тридцати, но с ней произошло нечто ужасное.

Когда она проснулась на второй день, усилившаяся и локализовавшаяся боль подсказала ей, что она больше не получает уколов. К ней склонился Вэн с мрачным лицом.

— Открой глаза! — рявкнул он. — Можешь теперь немного отработать свой полет.

Какой неприятный человек! Но она жива, ей становится лучше, и она должна испытывать благодарность.

— Звучит разумно, — сказала Клара, садясь.

— Разумно? Ха! Не тебе решать, что разумно; я здесь решаю, — объяснил Вэн. — У тебя только одно право на моем корабле. Ты имела право быть спасенной, и я тебя спас; все остальные права принадлежат мне. Особенно потому, что из-за тебя мы возвращаемся на Врата.

— Милый, — неуверенно сказала Долли, — это

не совсем так. У нас достаточно пищи…

— Не той пищи, что мне нужна! Заткнись! И ты, Клара, должна ответить за причиненные беспокойства. — Он протянул руку за спину. Долли, очевидно, поняла, что ему нужно, и сунула ему в руку тарелку со свежевыпеченным шоколадным печеньем. Он взял печенье и принялся есть.

Ну и тип! Клара убрала волосы с глаз и холодно взглянула на Вэна.

— Как я тебе отплачу? Как она?

— Конечно, — ответил Вэн, жуя, — она прибирается в корабле, но еще… О! Хо! Ха-ха, забавно. — Он подавился, разбрасывая кусочки шоколадного печенья. — Ты имеешь в виду постель? Какая ты глупая, Клара, я не совокупляюсь с некрасивыми старухами.

Он потянулся за печеньем, а Клара стерла с лица крошки.

— Нет, — сказал он серьезно, — речь о более важном. Я хочу все знать о черных дырах.

Клара села, стараясь говорить мирно.

— Все произошло очень быстро. Я не очень много могу тебе рассказать.

— Расскажи что можешь. И не пытайся врать!

«О бог мой, — подумала Клара, — сколько мне еще терпеть это?» И «это» означало не просто

невыносимого Вэна — всю ее возобновившуюся и лишенную смысла жизнь.

Ответ на вопрос «сколько» — одиннадцать дней. Достаточно времени, чтобы самые большие синяки на руках и теле побледнели, чтобы лучше узнать Долли Уолтерс и пожалеть ее, узнать Вэна и научиться презирать его. Но недостаточно, чтобы преодолеть усталость и решить, что же делать с жизнью.

Но жизнь не ждет, пока она будет готова к ней. Корабль Вэна вошел в док на Вратах. И вот она здесь.

Сам запах Врат изменился. И уровень шума другой — гораздо громче. Больше всего изменились люди. Казалось, на астероиде нет ни одного человека, который мог бы узнать Клару после ее отлета тридцать лет — тридцать дней — назад, в зависимости от того, каким временем пользоваться. Много людей в форме.

Это ново для Клары и не очень приятно. В «старые дни», как бы субъективно ни понимать это выражение, людей в военном можно было увидеть раз-два за день. В основном это были получившие увольнительную члены экипажей с крейсеров четырех держав. И никто из них не имел оружия. Теперь все не так. Военные повсю-

ду, и все вооружены.

Послерейсовые отчеты тоже изменились. Вы возвращались, грязный, истощенный, испуганный, потому что до последнего момента не были уверены, что выбрались благополучно, и вас тут же усаживали перед оценщиками, собирателями данных и бухгалтерами. Что именно вы нашли? Что в этом нового? Чего оно стоит? Непрерывно задавались вопросы, а от оценщиков зависело, будет ли ваш полет жалкой неудачей или — это бывало гораздо реже — принесет вам богатство. Изыскателю Врат нужно уметь выживать, когда он закрывается в своем непредсказуемом корабле и устремляется в Безумную Волшебную Поездку. Но для того чтобы процветать, нужно не только это. Нужно благоприятное заключение допрашивающих.

Эти допросы никогда не были приятны, но теперь все стало гораздо хуже. Никакой единой команды корпорации не было. Было четыре команды, по одной от каждой державы-учредителя. Размещались они теперь в зале, где когда-то помещался главный ночной клуб и казино, — в Голубом Аду, и в нем были выделены четыре небольших помещения, каждое с флагом на двери. Бразильцы допрашивали Долли. Пред-

ставители Китайской Народной Республики захватили Вэна. Американский военный полицейский взял Клару за руку, и когда лейтенант в форме советской военной полиции нахмурился и схватился за свой «калашников», американец тоже нахмурился, и рука его потянулась к «кольту».

Впрочем, это не имело значения. Как только Клара закончила с американцами, за нее взялись бразильцы, и какая разница, вооружен ли ведущий тебя солдат «кольтом» или «пазом»?

На пути от бразильцев к китайцам Клара увидела Вэна, потного и раздраженного. Он шел от китайцев к русским. И Клара поняла, что у нее есть основания быть довольной. С ней обращались грубо, властно, зло, но, по-видимому, Вэну досталось еще больше. Она не знала почему, но каждый его допрос продолжался вдвое дольше, чем у нее. А ее тоже допрашивали долго. Каждая группа указывала, что она должна быть мертва, что ее банковский счет давно перешел во владение Корпорации «Врата», что никакой премии за полет с Хуаном Генриеттой Сантос-Шмитцем не полагается, так как это не полет корабля корпорации; а что касается премии за полет к черной дыре, то ведь она не вернулась в своем корабле.

У американцев она добилась по крайней мере надежды на научную премию: кто еще побывал внутри черной дыры? Ей сказали, что этот вопрос будет рассмотрен. Бразильцы заявили, что этот вопрос должны обсудить представители всех четырех держав. Китайцы сказали, что все зависит от того, как интерпретировать награду, полученную Робинеттом Броудхедом, а русских эта тема вообще не интересовала; они хотели знать только, нет ли у Вэна связей с террористами.

Допросы продолжались бесконечно, а потом почти столько же времени заняла медицинская проверка. Медицинские программы никогда раньше не встречались с человеком, который выдержал разрывающие воздействия за барьером Шварцшильда, и не отпускали ее, пока не сфотографировали каждую кость и связку и не взяли образцы всех ее жидкостей. А потом ее привели в бухгалтерскую секцию и выдали твердую карточку, на которой было напечатано:

МОЙНЛИН, Джель-Клара

Текущий счет — 0
Полагается в виде премии — в настоящее время не установлено

У бухгалтерской секции ее ждала Долли Уол-

терс, раздраженная и уставшая.

— Как дела, милая? — спросила она. Клара скорчила гримасу. — О, это очень плохо. Вэн еще там, — объяснила она. — А я сижу уже несколько часов. Что ты собираешься делать?

— Не знаю, — медленно ответила Клара, перебирая в уме скудные возможности человека, который оказался на Вратах без денег.

— Да. Я тоже, — вздохнула Долли. — С Вэном, понимаешь, никогда нельзя знать. Он может остаться здесь надолго, потому что его могут начать расспрашивать об этих штуках на корабле, а я думаю, он их получил незаконно. — Она глотнула и быстро сказала: — Смотри, вот он.

К удивлению Клары, Вэн, подняв голову от карточек, улыбнулся ей.

— А, — сказал он, — моя дорогая Джель-Клара. Я изучал твое юридическое положение. Весьма обещающее, я думаю.

Обещающее! Она неприязненно взглянула на него.

— Ты хочешь сказать, что через сорок восемь часов меня выбросят в космос за неуплату счетов? Я бы не назвала такое положение многообещающим.

Он посмотрел на нее, решил, что она шутит.

— Ха-ха, очень остроумно. Так как ты не привыкла иметь дело с крупными суммами, позволь порекомендовать тебе одного банкира, который может быть очень полезен…

— Перестань, Вэн. Это не забавно.

— Конечно, не забавно! — Он нахмурился, как прежде, потом выражение его смягчилось, стало недоверчивым: — Неужели… неужели тебе не сказали о твоем иске?

— Что за иск?

— К Робинетту Броудхеду. Мой юридический советник говорит, что ты можешь получить половину всего его состояния.

— Вздор, Вэн, — нетерпеливо сказала она.

— Не вздор! У меня отличная юридическая программа. Это положение о том, что теленок следует за коровой, если ты понимаешь. Ты должна получить половину его награды за тот полет; ведь ты имеешь равные с ним права; и на все, что он после этого заработал, потому что все это связано с первоначальным капиталом.

— Но… Но… О, это глупо! — выпалила она. — Я не собираюсь судиться с ним!

— Конечно, будешь! Как же иначе? Как иначе ты получишь то, что тебе принадлежит? Я ежегодно сужусь не менее двухсот раз, Джель-Клара.

А тут речь идет об очень большой сумме. Ты знаешь, сколько стоит Броудхед? Гораздо больше, чем я сам! — И с добродушным отношением одного богатого человека к другому: — Конечно, временно ты можешь испытывать какие-то затруднения, пока не вынесен приговор. Позволь мне предложить небольшую сумму взаймы… минутку… — Он внес необходимые изменения в карточку. — Вот. Удачи!

И вот она, моя утраченная любовь Джель-Клара Мойнлин, еще более утраченная после того, как была найдена. Она хорошо знала Врата. Но знакомые ей Врата ушли в прошлое. Все, что она знала, чем интересовалась, о чем заботилась, за треть столетия неузнаваемо изменилось, а она, как зачарованная принцесса в лесу, проспала все это время. «Удачи!» — пожелал Вэн, но какая удача может ждать спящую красавицу, чей принц давно женился на другой? «Небольшую сумму взаймы», — сказал Вэн и дал ей десять тысяч долларов. Достаточно, чтобы несколько дней платить по счетам. А что потом?

Конечно, думала Клара, интересно узнавать, за что умирали люди в ее время. И вот, найдя комнату и поев, она направилась в библиотеку. В ней больше не было катушек с магнитными

лентами. Все хранилось в устройствах, представлявших второе поколение молитвенных вееров хичи (молитвенные веера! так вот что это такое!), и ей пришлось заплатить библиотекарю, чтобы ее научили ими пользоваться («Библиотечное обслуживание, 125 долларов за час, вычтено 62,5 доллара» — появилась запись на ее карточке). Стоит ли дело того?

Для Клары, оказалось, не очень. На столько вопросов получены ответы! И странно, как мало радости принесли эти ответы.

Когда Клара была изыскателем на Вратах, вопросы и ответы были буквально делом жизни и смерти. Каково значение символов на контрольной панели кораблей хичи? Какой набор данных означает смерть? Какой — награду? Теперь ответы получены, ну, может, не на все вопросы. Остается прежде всего вопрос, кто такие хичи. Но тысячи и тысячи ответов на другие вопросы, даже такие, которые тридцать лет назад и не думали задавать.

Однако ответы не доставили ей удовольствия. Вопросы утрачивают свою значительность, если знаешь, что ответы уже есть в книге.

Но была группа вопросов, которые ее заинтересовали. Обо мне.

Робинетт Броудхед? О, разумеется. О нем обширные сведения. Да, он женат. Да, он еще жив и даже здоров. К тому же явно счастлив. И все же он стар. Он не поседел, не одряхлел, конечно, на голове сохранились все волосы, лицо без морщин, но это все Полная Медицина Плюс, безошибочный поставщик здоровья и молодости для тех, кто может заплатить. Но все равно он стар. Толстая массивная шея, уверенная улыбка — всего этого не было у испуганного смятенного человека, который сломал ей зуб и поклялся всегда любить ее. Так что у Клары появилась возможность количественно измерить термин «всегда». Это период значительно меньше тридцати лет.

Основательно расстроившись в библиотеке, она побродила по Вратам, чтобы посмотреть, что тут изменилось. Астероид стал безличнее и цивилизованнее. На Вратах появилось множество коммерческих предприятий. Супермаркет, фабрика быстрой пищи, стереотеатр, клуб здоровья, прекрасные новые туристические пансионаты, сверкающие магазины сувениров. На Вратах теперь есть чем заняться. Но все это не для Клары. Единственное, что привлекло ее интерес, это казино в веретене, сменившее старый Голубой Ад, но такую роскошь она себе позволить не может.

Не может и многое другое. Она чувствовала себя угнетенно. В женских журналах ее юности было множество смешных маленьких хитростей, чтобы победить депрессию. Вычистить раковину. Позвонить кому-нибудь по ПВ. Вымыть волосы. Но раковины у нее нет, а кому она может позвонить на Вратах? Вымыв в третий раз волосы, она снова подумала о Голубом Аде. Несколько небольших ставок, решила она, не принесут вреда ее бюджету, даже если она и проиграет — просто придется отказаться от излишеств…

После одиннадцатого поворота колеса у нее не осталось ни пенни.

Выходила со смехом и толкотней группа туристов из Габона, за ними у короткого узкого прилавка Клара увидела Долли. Она подошла к ней и спросила:

— Не угостишь ли меня выпивкой?

— Конечно, — без энтузиазма ответила Долли, делая знак бармену.

— Тогда, может, дашь мне взаймы?

Долли удивленно рассмеялась.

— Все проиграла? Слушай, ты выбрала не тот номер. Я бы не угощала тебя выпивкой, если бы какой-то турист не дал мне пару монет на счастье. — Когда подали хайбол, Долли разделила

маленькую кучку сдачи на две равные части и передвинула одну к Кларе. — Можешь снова попытать счастья у Вэна, — сказала она, — но он сейчас в дурном настроении.

— Это не новость, — сказала Клара, надеясь, что виски ее подбодрит. Зря надеялась.

— О, хуже обычного. Он в глубоком дерьме. — Долли икнула и удивилась.

— А в чем дело? — неохотно спросила Клара. Говорить ей не хотелось, но она считала, что это своего рода плата за угощение.

— Его рано или поздно поймают, — сказала Долли, отпивая виски. — Он такой тупица: прилетел сюда, а ведь мог высадить тебя где угодно и набрать своих проклятых конфет и тортов.

— Ну, я предпочла бы это место, — сказала Клара, думая, так ли это на самом деле.

— Не будь дурой. Он это не ради тебя сделал. Считает, что ему все всегда сойдет с рук. Потому что он тупица. — Она мрачно посмотрела на бутылку. — Даже любит как тупица. Тупо, если ты меня понимаешь. Приходит с таким выражением на лице, словно забыл комбинацию пищевого шкафа. Раздевает меня и начинает. Толкается туда, сюда, вертит то, это. Мне нужно написать для него руководство. Ничтожество.

Клара не помнила, на сколько порций выпивки хватило сдачи — вероятно, на несколько. Чуть позже Долли вспомнила, что должна купить смесь для печенья и шоколадный ликер. Еще чуть позже Клара поняла, что хочет есть. Поняла, потому что ощутила запах пищи. У нее еще оставалось немного сдачи в кармане. Недостаточно для приличного обеда, и, конечно, гораздо разумнее вернуться в комнату и съесть уже оплаченную еду, но какой смысл быть разумной? И запах совсем рядом. Она прошла через что-то вроде арки из металла хичи, заказала наобум и села как можно ближе к стене. Разняла сандвич, чтобы посмотреть, что она ест. Неплохо. Не очень плохо, во всяком случае, но в это время никакое блюдо не показалось бы ей вкусным. Ела она медленно, смакуя каждый кусочек, не потому, что ей нравилась пища, а потому, что она старалась еще хоть на немного отсрочить свой следующий шаг. А предстояло ей решить, что делать с оставшейся частью жизни.

Потом она почувствовала, что все зашевелились. Уборщица протирала пол вдвое энергичнее, поглядывая через плечо при каждом взмахе метлы; продавцы за прилавком распрямились, говорили отчетливее. Кто-то вошел.

Женщина, высокая, немолодая, красивая. Густые пряди рыжеватых волос падают на спину, говорит приятно, но решительно, и с работниками, и с посетителями, проверяя пальцами, нет ли на полках грязи, пробуя печенье, поправляя передник на уборщице, убеждаясь, что подставка для салфеток полна.

Клара смотрела на нее, узнавая, с чувством, близким к страху. Она! Та самая! Женщина, чей портрет она много раз видела в библиотеке, когда узнавала о Робинетте Броудхеде. С. Я. Лаврова-Броудхед открывает новую 54-ю фабрику быстрой пищи в Персидском заливе. С. Я. Лаврова-Броудхед дает название новому космическому транспорту. С. Я. Лаврова-Броудхед составляет новую информационную программу.

Хотя сандвич — последнее, что могла себе позволить купить Клара, доесть его оказалось невозможно. Она, отвернувшись, стала пробираться к двери, сунула сандвич в мусоросборник и вышла.

Идти ей можно было только в одно место. Увидев, что Вэн один, она решила, что это прямое указание провидения. Она приняла верное решение.

— Где Долли? — спросила она.

Он лежал в гамаке и мрачно жевал свежую папайю — Клара не могла себе представить, сколько это стоит.

— Да, действительно, где? Я бы сам хотел знать. Я ей покажу, когда она вернется, да!

— У меня нет денег! — сказала она.

Он презрительно пожал плечами.

— И я пришла сказать, что ты в опасности, — продолжала она, выдумывая на ходу. — У тебя собираются конфисковать корабль.

— Конфисковать! — завопил он. — Звери! Ублюдки! О, когда я увижу Долли!.. Это она им рассказала о моем специальном оборудовании!

— Или ты сам, — безжалостно сказала Клара, — потому что болтал слишком много. У тебя только один выход.

— Один выход?

— Может быть, если ты достаточно смел и умен.

— Смел! Умен! Ты забываешься, Клара! Ты забываешь, что первую часть своей жизни я один…

— Нет, я ничего не забыла, — осторожно ответила она, — ты мне не давал такой возможности. Но теперь важно то, что ты сделаешь. Запасы на борту?

— Запасы? Конечно, нет. Разве я тебе гово-

рил? Мороженое — да, конфеты — да, но шоколад и печенье…

— К дьяволу шоколад, — сказала Клара, — а так как Долли нет, когда она нужна, к дьяволу и Долли. Если хочешь сохранить корабль, стартуй немедленно.

— Теперь? Один? Без Долли?

— С заменой, — ответила Клара. — Для кухни, для постели, для чего угодно — я к твоим услугам. И я опытна. Может, готовлю не так хорошо, как Долли, зато люблю лучше. Во всяком случае, чаще. А у тебя нет времени на размышления.

Он долго смотрел на нее, раскрыв рот. Потом улыбнулся.

— Поставь эти ящики на пол, — приказал он, — а этот пакет сунь под гамак. И еще…

— Минутку, — возразила она. — У меня есть ограничения. Я не могу перенести все сразу.

— Что касается твоих ограничений, то мы их со временем установим, уверяю тебя. А теперь не спорь. Просто бери эту сетку и заполняй, а пока ты это делаешь, я расскажу тебе историю, которую слышал много лет назад от Мертвецов. Два изыскателя обнаружили что-то очень ценное в черной дыре, но не знали, как извлечь это оттуда. Один наконец сказал: «Я знаю. У меня с собой кошка.

Привяжем ее к сокровищу, и она вытянет его». А второй ответил: «Какой ты дурак! Как может кошка вытащить сокровище из черной дыры?» И тогда первый сказал: «Нет, это ты дурак, а не я. Увидишь, это будет легко. У меня есть хлыст».

Я не встречался с Джель-Кларой Мойнлин до случая с черной дырой. В те дни Робин не мог позволить себе приобрести такую совершенную информационную систему, как я. Но в течение ряда лет я много о ней слышал от Робина. В основном какую вину он испытывает за ее смерть. Они вместе еще с несколькими отправились в научный полет в корабле Корпорации «Врата», чтобы исследовать черную дыру; их корабли оказались захваченными; Робин сумел освободиться.

Для того чтобы испытывать чувство вины, логической причины не было. Больше того, Джель-Клара Мойнлин, вполне привлекательная женщина, не оказалась незаменимой — Робин довольно быстро заменил ее целым рядом женщин, установив наконец долговременные отношения с С. Я. Лавровой, не только привлекательной женщиной, но и моей создательницей. Хотя я запрограммирован угадывать мотивы и побуждения человека, в его поведении есть нечто, чего я никогда не пойму.

Я не знал Джель-Клару Мойнлин, когда Робин был с ней связан. Кстати, и самого Робинетта Броудхеда я тогда не знал, потому что он был слишком беден для такой сложной программы. Хотя я непосредственно не могу испытывать физическую храбрость (поскольку не испытываю и страха), я высоко оцениваю их мужество. И так же высоко — их невежество. Они не знали, что движет их кораблями. Не знали, как действует навигационная система, как работают приборы, не умели читать карты хичи. Поразительно, как много можно достичь с такой ничтожной информацией.

16. Возвращение на Врата

Врата дали мне мои миллионы, но от них же все мои беды. Прилететь сюда — все равно что встретиться с самим собой. Я встретил себя, молодого, растерянного, пришедшего в ужас, отчаявшегося человека, у которого было только две возможности: отправиться в полет, где можно погибнуть, или остаться там, где никто не хочет жить. Вот последнее не изменилось. Тут по-прежнему никто не хочет жить, хотя люди живут и все время прилетают и улетают туристы. Когда мы причаливали, я сообщил своей программе Альберту

Эйнштейну, что сделал философское открытие, а именно что все уравновешивается. На Вратах стало безопаснее, зато на Земле гораздо опаснее. Может, существует закон сохранения несчастья, который определяет среднее количество несчастий на каждого человека, и мы можем лишь отклоняться в том или ином направлении.

— Когда вы начинаете так рассуждать, Робин, — вздохнул он, — я думаю, так ли хороши мои диагностические программы. Вы уверены, что у вас нет болей от последней операции? — Он сидел, вернее, казался сидящим на краю стула и при этом руководил посадкой нашего корабля, но я знал, что вопрос его риторический. Разумеется, он все время следит за моим состоянием.

Как только корабль сел, я достал информационный веер Альберта, сунул его в карман и направился на свой новый корабль.

— Не хочешь оглядеться? — спросила Эсси с тем же выражением, с каким смотрел на меня Альберт. — Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой?

— Мне просто хочется взглянуть на новый корабль, — ответил я. — Можем встретиться позже. — Я знал, что ей не терпится побыстрее посмотреть, как работают здесь ее любимые предприятия быстрой пищи. Конечно, я тогда не

знал, с кем она встретится.

И вот ни о чем особом не думая, я вошел в люк своей новой, построенной людьми личной космической яхты, и будь я проклят, если не волновался при этом. Сбывались мои детские фантазии. Становились реальностью. И все это мое, и здесь все есть.

Вернее, почти все. Большая каюта с прекрасной анизокинетической кроватью и настоящий туалет за соседней дверью. Забитый продуктами холодильник и что-то очень похожее на настоящую кухню. Два рабочих кабинета, один для Эсси и один для меня, а в их стенах дополнительные койки, если мы захотим общества друг друга. Первый построенный людьми двигатель для полета быстрее света, вообще это первый гражданский корабль, способный совершать такой полет, ну, конечно, некоторые части хичи, снятые с исследовательских кораблей, но в основном все сделано людьми. И двигатель очень мощный. Есть место и для Альберта — гнездо для информационного веера с его выгравированным именем. Я поставил его на место, но не активировал, потому что наслаждался одиночеством. Множество вееров с музыкой, спектаклями, книгами, справочниками, со специальными программами, способными

сделать все, что мне захочется — и Эсси тоже. Экран, скопированный с одного из больших экранов транспорта «С.Я.», в десять раз больше маленьких нечетких экранов исследовательских кораблей. На корабле есть все, о чем я только мог подумать, и нет у него только одного — имени.

Я сидел на краю анизокинетической кровати — странное ощущение: давление направлено вверх, а не с боков, как в обычной кровати — и думал об этой проблеме. Хорошее место для таких размышлений, потому что я хотел назвать корабль именем женщины, которая будет делить со мной эту постель. Но ведь я уже назвал ее именем транспорт.

Конечно, это препятствие можно преодолеть. Я могу назвать корабль «Соня». Или «Эсси». Или «Миссис Робинетт Броудхед», хотя это очень глупо.

Дело срочное. Мы готовы к вылету. Нас ничто не удерживает на Вратах, но я не могу лететь в безымянном корабле. Я отправился в рубку управления и сел в кресло пилота. Оно сконструировано для человеческого зада, и это огромное усовершенствование по сравнению со старым стилем.

Ребенком на пищевой шахте я часто сидел в

кухне перед микроволновой печью и воображал себя пилотом корабля хичи в каком-нибудь далеком углу вселенной. Сейчас я делал почти то же самое. Я протянул руку, коснулся колес курсового набора, сделал вид, что нажимаю сосок двигателя, я фантазировал. Все в том же отчаянном беззаботном стиле, как ребенок, представлял себя несущимся в космических просторах. Кружил вокруг квазаров. Летел на огромной скорости к соседним галактикам. Проникал в силиконовое облако вокруг центра. Встречал хичи! Входил в черную дыру…

И тут фантазия рухнула, потому что слишком близко подошла к действительности, и я понял, как назову корабль. Моя находка прекрасно соответствует Эсси, но не повторяет название «С.Я.».

«Истинная любовь».

Превосходное имя!

Но почему я так сентиментально, меланхолично настроен? Словно страдаю от неразделенной любви.

Об этом я не хотел думать. Теперь, когда название выбрано, надо кое-что сделать. Отметиться в регистре, проверить правильность заполнения страховочных документов — мир должен быть извещен о моем решении. Лучше всего это

сделать, поручив Альберту. Поэтому я потрогал веер, чтобы убедиться, что он надежно вставлен, и включил его.

Я не привык еще к новому Альберту, и он удивил меня, появившись не в своей голографической рамке и даже не возле веера, но в дверях главной каюты. Он стоял, упершись локтем в ладонь другой руки, в свободной руке трубка, и мирно оглядывался, словно только что вошел.

— Прекрасный корабль, Робин, — сказал он. — Поздравляю.

— Я не знал, что ты можешь так бродить повсюду.

— В сущности, я и не брожу, мой дорогой Робин, — дружелюбно заметил он. — В мою программу входит максимальное приближение к реальности. А появляться словно джинн из бутылки — совсем не реалистично.

— Ты аккуратная программа, Альберт, — признал я, и он, улыбаясь, ответил:

— И к тому же я все время настороже, если можно так сказать, Робин. Например, я полагаю, что ваша добрая жена в данный момент направляется сюда. — Он сделал шаг в сторону — что было совсем необязательно, — и вошла Эсси, тяжело дыша. Выглядела она так, словно пыталась

скрыть свое замешательство.

— В чем дело? — спросил я, сразу встревожившись.

Она спросила, помедлив:

— Ты, значит, ничего не слышал?

— О чем?

В ее взгляде была смесь удивления и облегчения.

— Альберт? Ты еще не установил связь с информационной сетью?

— Я как раз собираюсь это сделать, миссис Броудхед, — вежливо ответил он.

— Нет! Не делай этого! Вначале нужно внести некоторые поправки относительно Врат… — Альберт задумчиво поджал губы, но промолчал. Я был не столь сдержан.

— Выкладывай, Эсси! В чем дело?

Она села на место коммуникатора, обмахиваясь.

— Этот негодяй Вэн, — сказала она. — Он здесь! По всему астероиду о нем говорят. Удивительно, что ты не слышал. Фу! Я так бежала! Боялась, что ты расстроишься.

Я снисходительно улыбнулся.

— Операция была несколько недель назад, Эсси, — напомнил я ей. — Я не настолько изнежен

— и вообще не понимаю, почему я должен расстраиваться из-за Вэна. Ты должна быть больше во мне уверена.

Она пристально взглянула на меня, потом кивнула.

— Это правда, — согласилась она. — Я вела себя глупо. Ну что ж, пора за работу, — продолжала она, вставая и направляясь к двери. — Но помни, Альберт: никакой связи с сетью, пока я не вернусь!

— Подожди! — воскликнул я. — Я хочу сообщить тебе новость. — Она остановилась, и я гордо сказал: — Я нашел название для корабля. «Истинная любовь». Как тебе нравится?

Она думала долго, и на лице ее совсем не было радостного выражения. Потом сказала:

— Да, очень хорошее название, Робин. Бог благослови этот корабль и всех, кто полетит на нем. А теперь мне нужно идти.

Прошло двадцать пять лет, но я по-прежнему не вполне понимаю Эсси. Я сказал об этом Альберту. Он удобно сидел перед туалетным столиком Эсси, разглядывая себя в зеркало. Пожал плечами.

— Может, ей не понравилось название? — спросил я. — Очень хорошее имя!

— Я тоже так считаю, Робин, — согласился он,

отворачиваясь от зеркала, чтобы померцать мне. — Я полагал, что я не вполне понимаю, потому что я машина, а она человек. А что же в вашем случае?

Я смотрел на него слегка раздраженно, потом улыбнулся.

— Ты очень забавен с этой своей новой программой, Альберт, — сказал я ему. — Почему ты делаешь вид, что смотришь в зеркало? Я ведь знаю, что ты видишь не так.

— А что вы видите, глядя на «Истинную любовь», Робин?

— Почему ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос? — ответил я, и он вслух рассмеялся. Раньше Альберт тоже мог смеяться, даже шутить, но всегда было ясно, что смеется изображение, картинка. Можно было считать это изображением реальной личности, если угодно — посмотрим правде в глаза: я так обычно и считал, — как, например, изображение в П-фоне. Но не было… как бы это назвать… присутствия. Теперь оно было. Я не мог обонять его. Но его присутствие в комнате ощущалось не только зрением и слухом. Температура? Ощущение массы? Не знаю. Но все равно я чувствовал, что в комнате еще кто-то есть.

— На самом деле ответ, — уже серьезно сказал

он, — таков: моя новая внешность есть эквивалент вашему новому кораблю или новому воскресному костюму. Можете использовать и другие аналогии. Просто хотелось проверить, нравится ли мне эта новая внешность. Гораздо важнее, нравится ли она вам.

— Не скромничай, Альберт, — ответил я. — Очень нравится, но я бы хотел, чтобы ты связался с информационной сетью. Мне бы хотелось, например, знать, как продвигаются дела с поиском террористов.

— Конечно, я выполню ваш приказ, Робин, — сказал он, — но миссис Броудхед выразилась совершенно определенно.

— Ну, я не хочу, чтобы ты вышел из строя, выполняя противоречивые команды своих хозяев. Вот что я сделаю, — сказал я, вставая; у меня над головой загорелась лампа. — Выйду в коридор и сам подключусь к информационной сети. Надеюсь, я не забыл, как это делается.

— Конечно, вы можете это сделать. — Голос его почему-то звучал обеспокоенно. — Но в этом нет необходимости, Робин.

— Конечно, нет, — согласился я, остановившись на полпути к выходу. — Но я любопытен.

— А что касается вашего любопытства, — он

улыбался, набивая трубку табаком, но мне показалось, что улыбка слегка принужденная, — что касается этого, то вы должны знать, что до посадки я находился в постоянном контакте с сетью. Новостей нет. Возможно, однако, что само отсутствие новостей интересно. И даже обнадеживающе.

Я все еще не привык к новому Альберту. Снова сел, рассматривая его.

— Вы загадочный сукин сын, доктор Эйнштейн, — сказал я.

— Только когда сообщаю информацию, которая неясна сама по себе. — Он улыбнулся. — Генерал Манзберген до сих пор не получил вашего послания. Сенатор говорит, что сделает все, что сможет. Мэтр Исинжер сообщает, что Квятковский и наш друг из Малайзии не откликнулись на его усилия связаться с ними, а от албанцев получено короткое сообщение: «Не волнуйтесь».

— Значит, что-то происходит! — Я снова вскочил.

— Что-то может происходить, — поправил он, — и мы можем только позволить, чтобы оно произошло. Во всяком случае, Робин, — он заговорил ласково и льстиво, — я лично предпочел бы, чтобы вы сейчас не покидали свой корабль. И по

одной важной причине: откуда вы знаете, что вас не поджидает человек с пистолетом в кармане и вашим именем в списке?

— Террорист? Здесь?

— Здесь или в Роттердаме. Почему одно место предпочтительней другого? Хочу напомнить вам, Робин, что у меня есть опыт в такого рода делах. Некогда нацисты оценили мою голову в двадцать тысяч марок; будьте уверены: я сделал все, чтобы их никто не заработал.

Я остановился в дверях.

— Кто?

— Нацисты, Робин. Группа террористов, захвативших контроль над Германией много лет назад, когда я был жив.

— Когда ты был что?

— Я хочу сказать: когда был жив тот реальный человек, чье имя вы мне дали. Но с моей точки зрения, это отличие недостойно упоминания. — Он с отсутствующим видом сунул в карман набитую трубку и сел так естественно и располагающе, что я автоматически тоже сел.

— Да, я еще не привык к тебе новому, Альберт, — сказал я.

— Ну, для этого нет лучше времени, чем сейчас, Робин. — Он улыбался, прихорашиваясь. Какая-то

в нем появилась вещественность. Старые голограммы показывали его в десятке характерных поз, в мешковатом свитере или в тенниске, в носках натянутых или спущенных, в туфлях или шлепанцах, с трубкой или с карандашом. Сегодня на нем тоже тенниска, но поверх нее один из тех мешковатых европейских свитеров, которые застегиваются на пуговицы и имеют карманы. Такой свитер можно было бы назвать пиджаком, если бы он не был связан из шерсти. К свитеру приколот значок с надписью «Два процента», а короткая щетина на подбородке свидетельствует, что сегодня он не брился. Ну конечно, не брился! И никогда не бреется, это ведь голографическая проекция компьютерного конструкта, но такая убедительная и живая, что я чуть не предложил ему свою бритву!

Я рассмеялся и покачал головой.

— Что значит «два процента»?

— Ах, — застенчиво сказал он, — это лозунг моей юности. Если два процента человечества откажутся воевать, войн не будет.

— Ты и сейчас в это веришь?

— Я надеюсь на это, Робин, — уточнил он. — Но должен признать, что новости не очень подкрепляют эту надежду. Хотите узнать остальные

новости?

— Пожалуй, — сказал я, и он снова прошел к туалетному столику Эсси. Сел перед ним, лениво поигрывая ее бутылочками с духами и женскими украшениями; так нормально, так по-человечески, что это отвлекало меня от смысла его слов. И хорошо, потому что все новости плохие. Террористы действовали все активнее. Уничтожение петли Лофстрома было первым шагом в этом, и по всей этой части Южной Америки развернулась кровавая война. Террористы отравили главный резервуар Лондона токсином ботулизма, и теперь лондонцам предстояло помучиться от жажды. Такие новости мне не нужны, и я сказал об этом Альберту.

Он вздохнул и согласился.

— Когда я был жив, жизнь была мягче, — сказал он задумчиво. — Конечно, тоже несовершенная. А вы знаете, Робин, что я мог бы стать президентом государства Израиль? Да. Но я понимал, что не должен принимать это предложение. Я всегда был за мир, а государству иногда приходится вести войну. Леб однажды сказал мне, что все политики ненормальные, и, боюсь, он был прав. — Он выпрямился, лицо его прояснилось. — Но есть и хорошие новости, Робин!

Премия Броудхеда за научные открытия…

— Что, что?

— Вспомните, Робин, — нетерпеливо сказал он, — система премий, которую вы организовали перед самой операцией. Она уже начала приносить плоды.

— Ты решил загадку хичи?

— Ах, Робин, я понимаю, вы надо мной смеетесь, — с мягкой укоризной сказал он. — Конечно, пока ничего такого значительного. Но есть физик на Лагуна-Бич… Бекферт? Вы знаете его работы? Тот самый, что предложил систему для достижения плоского пространства?

— Нет, я даже не знаю, что такое плоское пространство.

— Ну, — сказал он, обескураженный моим невежеством, — в данный момент, я думаю, это не имеет значения, но сейчас он работает над математическим анализом недостающей массы. Похоже, Робин, этот феномен совсем недавний! Каким-то образом в последние несколько миллионов лет к вселенной была добавлена масса.

— Ах вот как, — сказал я, изображая понимание. Но я его не обманул.

Он сказал терпеливо:

— Если вы помните, Робин, несколько лет на-

зад Мертвец — женщина — из того корабля, что сейчас называется «С. Я. Броудхед», заставила нас поверить, что этот феномен связан каким-то образом с деятельностью хичи. Мы тогда не обратили на это должного внимания.

— Помню, — сказал я. Сказал почти правдиво. Я вспомнил, что у Альберта появилась дикая идея, будто по какой-то неясной причине хичи заставляют вселенную сократиться до первичного атома, чтобы произошел новый Биг Бэнг[6] и возникла новая вселенная с иными физическими законами. Потом он изменил свое мнение. Он в свое время объяснял мне причину, но я забыл. — Мах? — спросил я. — Что-то имеющее отношение к этому парню Маху? И к человеку по имени Дэвис?

— Совершенно верно, Робин! — Он зааплодировал, радостно улыбаясь. — Гипотеза Маха указывает на причину этого, но парадокс Дэвиса делает невероятным действие этой причины. И вот Бекферт аналитически показал, что парадокс Дэвиса неприложим, если число расширений и сокращений вселенной конечно! — Он встал и принялся бродить по комнате, слишком доволь-

---

[6] Примечания: 6
Большой взрыв.

ный собой, чтобы сидеть спокойно. Я не понимал, чему он радуется.

— Альберт, — неуверенно сказал я, — ты хочешь сказать, что вселенная нас раздавит, превратит в… как ты это называешь… во флоэму?

— Совершенно верно, мой дорогой мальчик!

— И от этого ты так счастлив?

— Именно! О, — сказал он, остановившись на полпути и глядя на меня, — я понимаю вашу проблему. Но это не произойдет скоро. Не раньше чем через миллиард лет, это точно.

Я сидел, глядя на него. К этому новому Альберту надо привыкнуть. Он не замечал ничего необычного, продолжал счастливо рассказывать о новых идеях, возникших в связи с премиями, и о том, какие мысли приходили ему в голову.

Новые мысли?

— Минутку, — сказал я, нахмурившись, потому что чего-то я здесь не понимал. — Когда?

— Что «когда», Робин?

— Когда ты об этом думал? Ты был отключен все время до нашего разговора…

— Совершенно верно, Робин. Когда я был «отключен», как вы выражаетесь. — Он померцал. — Миссис Броудхед снабдила меня встроенной базой данных, хардвер. Я не перестаю существо-

вать, когда меня отключают.

— Я не знал этого.

— Вы себе не представляете, какое это для меня удовольствие! Просто думать! Всю жизнь я только этого и хотел. Молодым человеком я плакал из-за невозможности посидеть и подумать — например, реконструировать доказательства хорошо известных математических и физических теорем. Теперь я часто могу это делать, и гораздо быстрее, чем когда я был жив! Я глубоко благодарен вашей супруге за это. — Он наклонил голову. — А вот и она, Робин. Миссис Броудхед? Я только что вспомнил, что еще не выразил вам благодарность за новое программирование.

Она удивленно посмотрела на него, потом покачала головой.

— Дорогой Робин, — сказала она, — я должна кое-что сказать тебе. Минутку. — Она повернулась к Альберту и произнесла три или четыре фразы по-русски. Он серьезно кивнул.

Иногда мне нужно много времени, чтобы понять, но теперь я наконец понял. Происходит что-то такое, о чем я должен знать.

— Послушай, Эсси, — сказал я встревоженно; тем более встревоженно, что я не знал, из-за чего, собственно, тревожусь, — что случилось? Вэн

натворил что-то?

Она серьезно ответила:

— Вэн улетел с Врат, и вовремя улетел, потому что его ждали большие неприятности с Корпорацией «Врата» и со многими другими. Но я хочу поговорить не о Вэне. О женщине, которую я видела в своем магазине. Она очень похожа, дорогой Робин, на женщину, которую ты любил до меня, на Джель-Клару Мойнлин. Так похожа, что я решила — она ее дочь.

Я смотрел на нее.

— Что?.. Откуда ты знаешь, как выглядела Клара?

— О Робин, — нетерпеливо сказала она. — Двадцать пять лет, а я специалист по обработке информации. Думаешь, я не захотела узнать? Я очень хорошо ее знаю. Все сохранившиеся записи.

— Да, но... у нее не было дочери. — Я смолк, думая, а уверен ли я в этом. Я любил Клару сильно, но не очень долго. Вполне возможно, что в ее жизни были эпизоды, о которых она мне не рассказывала.

— Вообще-то, — практично сказала Эсси, — прежде всего я подумала, что она может быть твоей дочерью. Только теоретически. Но воз-

можно. Она могла забеременеть от тебя. Но теперь… — Она вопросительно повернулась к Альберту. — Альберт? Поиск завершен?

— Да, миссис Броудхед. — Он кивнул. Выглядел он очень серьезным. — В данных о Джель-Кларе Мойнлин нет никаких сведений о ее ребенке.

— И что же?

Он достал трубку и принялся вертеть ее.

— Сомнений в ее личности нет, миссис Броудхед. Она прилетела два дня назад вместе с Вэном и зарегистрировалась.

Эсси вздохнула.

— Тогда, — храбро сказала она, — сомнений вообще нет. Женщина в магазине была сама Клара, а не самозванка.

В этот момент больше всего на свете мне требовалось успокаивающее оздоровляющее присутствие моей старой психоаналитической программы Зигфрида фон Психоаналитика. Мне нужна была помощь.

Клара? Жива? Здесь? И если невозможное возможно, что же мне делать?

Легко сказать себе, что я ничего не должен Кларе, что все долги я уже заплатил. Платой были долгие годы печали, глубокой безнадежной любви, чувство утраты, от которого меня не изле-

чили окончательно три десятилетия. Ее отняли у меня, я не мог перепрыгнуть через пропасть, и единственное, что помогло мне это перенести, — в конце концов я убедил себя в том, что это НЕ МОЯ ВИНА.

Но пропасть каким-то образом оказалась преодолена. И вот у меня верная жена и установившаяся жизнь, и в этой жизни нет места для женщины, которую я обещал любить всегда.

— Больше того, — сказала Эсси, наблюдая за моим лицом.

— Да? — спросил я рассеянно.

— Больше того. Вэн прилетел с двумя женщинами, не с одной. Вторая женщина — Долли Уолтерс, неверная жена человека, с которым мы виделись в Роттердаме, помнишь? Молодая особа. Плачет, краска на глазах потекла. Очень красивая женщина, но не очень умная. Военная полиция США арестовала ее, когда Вэн улетел без разрешения, поэтому я решила с ней поговорить.

— С Долли Уолтерс?

— О Робин, слушай меня, пожалуйста! Да, с Долли Уолтерс. Но она очень мало могла мне сказать, потому что у военной полиции на нее другие планы. Американцы хотели переправить ее в Высокий Пентагон. Бразильская военная по-

лиция попыталась помешать им. Большой спор, но победили в конце концов американцы.

Я кивнул, показывая, что слушаю.

— Понятно. Американцы арестовали Долли Уолтерс.

Эсси пристально посмотрела на меня.

— Как ты себя чувствуешь, Робин?

— Все в порядке. Я только слегка обеспокоен. Надеюсь, эти трения между американцами и бразильцами не помешают им объединить данные.

— Ага, — сказала Эсси, кивая. — Тогда понятно. Я видела, что ты обеспокоен, но не могла понять почему. — Тут она прикусила губу. — Извини, дорогой Робин. Я тоже расстроена.

Она села на край кровати, раздраженно поморщилась, когда за нее принялся анизокинетический матрац.

— Прежде всего практические вопросы, — сказала она, нахмурившись. — Что нам теперь делать? Есть несколько возможностей. Во-первых, лететь исследовать объект, обнаруженный Уолтерсом, как и планировалось. Во-вторых, попытаться собрать больше информации относительно Джель-Клары Мойнлин. В-третьих, поесть что-нибудь и хорошенько выспаться, прежде чем что-то предпринимать, потому что… — укориз-

ненно добавила она, — не забывай, Робин, что ты еще не оправился от серьезной внутриполостной операции. Лично я склоняюсь к третьей возможности, а ты?

Я все еще обдумывал этот трудный вопрос, когда Альберт откашлялся.

— Миссис Броудхед? Мне пришло в голову, что не очень дорого обойдется — возможно, в несколько сотен тысяч долларов, — если мы наймем одноместный корабль и отправим его на фоторазведку. — Я смотрел на него, стараясь понять, к чему он клонит. — Таким образом, — объяснил он, — корабль сможет найти объект, интересующий вас, определить его местонахождение, наблюдать за ним, а потом доложить нам. Сейчас на одноместные корабли спрос небольшой, и на Вратах есть несколько пригодных к действию.

— Хорошая мысль! — воскликнула Эсси. — Решено, так? Организуй все необходимое, Альберт, и одновременно приготовь нам что-нибудь вкусное для первой еды на… на новом корабле «Истинная любовь».

Я не возражал, и так мы и поступили. А не возражал я потому, что был в шоке. Самое плохое в шоковом состоянии то, что вы не сознаете, что в

нем находитесь. Мне казалось, что у меня ясная голова и я все замечаю. Я ел то, что ставили передо мной, и не замечал ничего странного, пока Эсси не уложила меня в большую упругую постель.

— Ты ничего не говоришь, — сказал я.

— Потому, дорогой Робин, что последние десять раз, как я к тебе обращалась, ты молчал, — ответила она совсем не осуждающе. — Увидимся утром.

Тут я быстро сориентировался.

— Ты собираешься спать в каюте для гостей?

— Да. Я не сердита, дорогой, я даже не расстроена. Просто тебе нужно немного отдохнуть.

— Наверно. То есть я хочу сказать, милая, что это хорошая мысль, — сказал я, начиная понимать, что на самом деле Эсси очень расстроена, и даже подумал, что мне нужно взволноваться из-за этого. Я взял ее за руку, поцеловал запястье и заставил себя снова завести разговор. — Эсси? Мне следовало посоветоваться с тобой, прежде чем называть корабль?

Она поджала губы.

— «Истинная любовь» — хорошее название, — рассудительно сказала она.

Но похоже, какие-то сомнения у нее были, и я не понимал почему.

— Я спросил бы тебя, — объяснил я, — но мне это дело показалось щекотливым. То есть спрашивать человека, в честь которого называешь. Все равно что спросить, что тебе купить ко дню рождения, а не самому придумать.

Она улыбнулась.

— Но, дорогой Робин, ты всегда спрашиваешь меня об этом. Это не важно. Да, «Истинная любовь» — прекрасное название, особенно когда знаешь, что эта любовь ко мне.

Я думаю, Альберт снова подсунул мне снотворное, потому что сразу уснул. Но проспал я недолго. Три-четыре часа спустя я лежал в анизокинетической кровати, сна ни в одном глазу, совершенно спокойный и очень озадаченный.

На периметре Врат, где расположены причальные доки, из-за вращения действует небольшая центробежная сила. Низ становится верхом. Но в «Истинной любви» этого не происходило. Альберт развернул корабль, и теперь та же сила, что удерживает нас от всплытия над поверхностью астероида, нейтрализует и воздействие его вращения; меня слегка прижимает к мягкой постели. Я слышал негромкий гул корабельных систем жизнеобеспечения, они сменяли воздух, поддерживали давление в канализации и вы-

полняли все остальные работы, чтобы корабль жил. Я знал, что стоит мне позвать Альберта, и он появится. Стоило попытаться его вызвать, просто чтобы посмотреть, войдет ли он в дверь или, чтобы позабавить меня, выползет из-под кровати. Вероятно, он мне в пищу подмешал не только снотворное, но и транквилизатор: проблемы больше меня не беспокоили, хотя я понимал, что не решил их.

Какие проблемы решать? Это первая проблема. Мои приоритеты за последние несколько недель так часто менялись, что я не знал, что поставить на самый верх. Трудная болезненная проблема террористов, и ее важно решить не только ради меня; но она несколько передвинулась после рассказа Уолтерса в Роттердаме. Там он представил мне новую проблему. Существует проблема моего здоровья, но она, кажется, решена хотя бы временно. А теперь новая и неразрешимая проблема — Клара. Я могу справиться с этими проблемами. Со всеми вместе и с каждой в отдельности. Вопрос — как? Что мне делать, когда я встану?

Я не знал ответа на этот вопрос и потому не вставал.

Постепенно я снова уснул, а когда проснулся, обнаружил, что я не один.

— Доброе утро, Эсси, — сказал я, беря ее за руку.

— Доброе утро, — ответила она, приветливо и знакомо прижимая мою руку к щеке. Но говорить она начала не о привычном. — Ты себя хорошо чувствуешь, Робин? Прекрасно. Я думала о нашей ситуации.

— Понятно, — сказал я. Я чувствовал, что напрягаюсь; мирная расслабленность куда-то исчезла. — О какой ситуации?

— О ситуации с Кларой Мойнлин, конечно, — сказала она. — Я вижу, что тебе трудно, дорогой Робин.

— О, — неопределенно ответил я, — это случается. — Такую ситуацию мне нелегко обсуждать с Эсси, но ее это не остановило.

— Дорогой Робин, — сказала она; голос ее в полутемной каюте звучал спокойно и мягко, — тебе нельзя держать это в себе. Если закроешь в себе, взорвется.

Я сжал ее руку.

— Ты брала уроки у Зигфрида фон Психоаналитика? Он мне обычно говорил это.

— Хорошая была программа, этот Зигфрид. Пожалуйста, поверь, я понимаю, что творится в твоем сердце.

— Согласен, только…

— Только, — кивнула она, — тебе трудно говорить об этом со мной, ведь я в этом случае — Другая Женщина. Без которой не было бы проблемы.

— Неправда, черт побери! — Я не собирался кричать, но, должно быть, во мне действительно что-то заперто.

— Нет, Робин. Правда. Если бы я не существовала, ты мог бы поискать Клару, несомненно, нашел бы ее и решил, что делать с этой тревожной ситуацией. Вы могли бы снова стать любовниками. А может, и нет: она ведь молодая женщина, Клара. Не захотела бы изношенную развалину со множеством замененных частей в любовники. Нет, это я беру назад. Прости.

Она немного подумала, потом поправилась:

— Нет. Я нисколько не жалею, что мы любим друг друга. Я высоко это ценю — но проблема остается. Только, Робин! Никто в этом не виноват. Ты ни в чем не виноват, я не виновата и, конечно, Клара Мойнлин не виновата. Так что вина, тревога, страх — все это в твоей голове. Нет, Робин, пойми меня правильно. То, что в голове, может причинять страшную боль, особенно такому совестливому человеку, как ты. Но это бумажный

тигр. Подуй на него, и он улетит. Проблема не в возвращении Клары. Проблема в том, что ты считаешь себя виноватым.

Очевидно, не только я мало спал. Эсси явно неоднократно репетировала свою речь.

Я сел и принюхался.

— Ты принесла с собой кофе?

— Только если хочешь, Робин.

— Хочу. — Я подумал с минуту, пока она протягивала мне кофе. — Ты права, — сказал я, — я это знаю. Чего я не знаю, это, как говаривал Зигфрид, как внести это знание в свою жизнь.

Она кивнула.

— Признаю свою ошибку, — сказала она. — Мне следовало включить подпрограмму Зигфрида в программу Альберта, вместо, допустим, подпрограммы изысканной кухни. Я уже думала об изменении программы Альберта, потому что это на моей совести.

— О милая, это не твоя…

— …вина, нет. Это центр нашего разговора, так? — Эсси наклонилась вперед, быстро поцеловала меня, потом озабоченно сказала: — Ох, подожди, Робин, я беру назад поцелуй. Вот что я хочу тебе сказать. Ты сам мне это часто говорил. В психоаналитическом анализе сам психоана-

литик не важен. Важно то, что происходит в голове пациента, то есть в твоей. Поэтому психоаналитик может быть машиной, даже весьма примитивной; или придурком со зловонным дыханием; или человеком с докторским дипломом… или даже мной.

— Тобой!

Она сморщилась.

— Мне приходилось слышать от тебя и более лестный тон.

— Ты собираешься заниматься со мной психоанализом?

Как бы извиняясь, она пожала плечами.

— Да, я, а почему бы и нет? Как друг. Добрый друг, разумный, готовый выслушать. Обещаю не осуждать. Обещаю это, дорогой Робин. Я позволю тебе разговаривать, драться, кричать, плакать, если хочешь, пока не станет ясно, чего ты хочешь и что чувствуешь.

Сердце мое растаяло. Я мог только сказать:

— Ах, Эсси… — Заплакать я мог бы без особого труда.

Вместо этого я отхлебнул еще кофе и покачал головой.

— Не думаю, чтобы это сработало. — Я испытывал сожаление, и, должно быть, оно отразилось

в моем голосе, но я также чувствовал себя… как бы это сказать? Заинтересованным. Технически заинтересованным. Заинтересованным проблемой, которую необходимо решить.

— Почему не сработает? — воинственно спросила она. — Послушай, Робин, я все это хорошо обдумала. Я хорошо помню, что ты мне говорил, и сейчас повторю для тебя. Ты говорил, что лучшая часть сеанса — это когда ты идешь на него, репетируя, что скажешь Зигфриду, представляя себе, что он скажет и что ты ему ответишь.

— Я так говорил? — Поразительно, как много помнит Эсси из нашей болтовни четверть века назад.

— Точно так, — самоуверенно сказала она, — так почему же не я? Только потому, что я лично вовлечена?

— Ну конечно, это делает задачу трудней.

— Трудное нужно делать немедленно, — весело заявила она. — Невозможное иногда требует недели.

— Ты молодец, — сказал я. — Но… — Я немного подумал. — Понимаешь, вопрос не только в выслушивании. Хорошая психоаналитическая программа принимает во внимание не только вербальные выражения. Понимаешь, о чем я?

«Я», который говорит, не всегда знает, что он хочет сказать. «Я» блокирует что-то, потому что выпустить все эти старые чувства значит снова ощутить боль, а «я» не хочет боли.

— Я буду держать тебя за руку, дорогой Робин, когда тебе будет больно.

— Конечно. Но разве ты поймешь все невербальное? Это внутреннее «я» выражается символами. Снами. Фрейдистскими оговорками. Неожиданными отвлечениями. Страхами. Потребностями. Подергиванием и подмигиванием. Аллергиями… Все это, Эсси, и еще тысячи подобных вещей, вроде слабости, импотенции, затрудненности дыхания, чесотки, бессонницы. Не хочу сказать, что у меня все это есть…

— Безусловно, не все!

— …но все это части словаря, который понятен Зигфриду. А тебе нет.

Эсси вздохнула и признала свое поражение.

— Тогда приведем в действие план Б, — сказала она. — Альберт! Включи свет. Заходи!

Медленно в комнате загорелся свет, и в дверь вошел Альберт Эйнштейн. Он не зевал и не почесывался, но казался только что вставшим с дивана пожилым гением, готовым ко всему, но еще не проснувшимся полностью.

— Ты нанял фоторазведочный корабль? — спросила Эсси.

— Он уже в пути, миссис Броудхед.

Мне не казалось, что я дал на это согласие, но, может, и дал.

— А послания отправлены?

— Все, миссис Броудхед. — Он кивнул. — Как вы приказали. Всем высшим военачальникам и членам правительства США, которые в долгу перед Робином. Их просят использовать все свое влияние, чтобы побудить Высокий Пентагон разрешить нам свидание с Долли Уолтерс.

— Да. Так я приказала, — согласилась Эсси и повернулась ко мне. — Так что, видишь, нам остается только одно. Отыскать Долли. Отыскать Вэна. Отыскать Клару. Вот тогда, — голос ее звучал твердо, но выглядела она теперь не так уверенно и очень уязвимо, — тогда мы увидим, что увидим, Робин, и удачи всем нам.

Она двигалась быстро, я не успевал за ней, и в направлении, на которое я не давал согласия. Глаза мои выпучились от удивления.

— Эсси! Что происходит? Кто сказал…

— Сказала, дорогой Робин, я. Это очевидно. Невозможно иметь дело с Кларой как с призраком в подсознании. Но вот с реальной Кларой, лицом

к лицу, можно иметь дело. У нас только один путь, верно?

— Эсси! — Я был глубоко шокирован. — Ты послала все эти сообщения? Ты подделала мою подпись?

— Подожди, дорогой Робин, — сказала она, тоже глубоко шокированная. — Какая подделка? Я подписывала сообщения «Броудхед». По-моему, это моя фамилия. Мне кажется, я имею право подписываться своей фамилией. Я права?

Я раздраженно смотрел на нее. Ласково-раздраженно.

— Женщина, — сказал я, — ты для меня слишком умна. Мне кажется, что ты заранее знала каждое слово в этом разговоре.

Она самоуверенно пожала плечами.

— Я тебе много раз говорила, дорогой Робин, что я специалист по обработке информации. Мне известно, как обращаться с информацией, особенно когда субъектом ее является человек, которого я знаю двадцать пять лет, горячо люблю и хочу, чтобы он был счастлив. Да, я подумала о том, что ты смог бы разрешить, и пришла к неизбежному заключению. Я бы этого не сделала, если бы не необходимость, Робин, — закончила она, вставая и потягиваясь. — И сделаю все, что

смогу, включая и такой вариант: я удаляюсь, скажем, на шесть месяцев, чтобы вы с Кларой смогли найти решение.

И вот десять минут спустя, пока мы с Эсси мылись и одевались, Альберт получил разрешение на старт, вывел «Истинную любовь» из дока, и мы были на пути к Высокому Пентагону.

У моей дорогой жены Эсси есть множество добродетелей. Одна из них — альтруизм, от которого у меня иногда перехватывает дыхание. Другая — чувство юмора, и иногда она наделяет им свои программы. Для полета Альберт оделся как лихой пилот — кожаный шлем с разлетающимися ушами, белый шелковый шарф обмотан вокруг шеи, он сидел, вжавшись в пилотское кресло, и свирепо смотрел на приборы.

— Оставь эти глупости, Альберт, — сказал я, он повернулся ко мне и застенчиво улыбнулся.

— Я только пытался развлечь вас, — сказал он, снимая шлем.

— Ты и развлек. — И действительно, мне стало смешно. И в целом я себя чувствовал хорошо. Единственный способ подавить депрессию от нерешенных проблем — это идти им навстречу. И мы так и поступали. Я ценил заботливую любовь жены. Мне нравился полет в прекрасном новом

корабле. Мне даже понравилось, как аккуратно голографический Альберт избавился от шлема и шарфа. Они не исчезли вульгарно. Он просто скомкал их и засунул себе между ногами. Вероятно, они исчезли, когда никто этого не видел.

— Управление кораблем занимает все твое внимание, Альберт? — спросил я.

— Нет, Робин. Но у меня, конечно, есть полная навигационная программа.

— Итак, твое появление здесь — просто еще один способ нас позабавить. Тогда забавляй меня по-другому. Поговори со мной. Расскажи о том, что тебя всегда интересует. Ты знаешь. О космологии, и о хичи, и о Значении Всего, и о Боге.

— Если хотите, Робин, — охотно согласился он, — но прежде всего взгляните на поступившее сообщение.

Эсси подняла голову от резюме о настроениях клиентов, а Альберт стер с большого экрана изображение звезд, и на нем появился текст:

Робинетт, мальчик мой, для парня, который заставил бразильцев согласиться, ничего не жалко. Высокий Пентагон предупрежден о твоем посещении; передана просьба принять тебя вежливо. Можешь появляться там в любое время.

Манзберген.

— Клянусь Богом, — удивленно и обрадованно сказал я, — они согласились! Передали все данные!

Альберт кивнул:

— Похоже, что так, Робин. Я думаю, вы имеете право быть довольным своими усилиями.

Эсси подошла и поцеловала меня в шею.

— Подписываюсь под этим утверждением, — промурлыкала она. — Превосходный Робин! Человек с огромным влиянием.

— Вздор, — сказал я, улыбаясь. Не мог сдержать улыбку. Если бразильцы передали свои разведывательные данные американцам, американцы смогут сопоставить их со своими и покончить с проклятыми космическими террористами и их проклятым, сводящим с ума ТПП. Неудивительно, что генерал Манзберген доволен мной! Я сам был собой доволен. Это показывает, что, когда проблемы кажутся совершенно неразрешимыми, стоит решить одну, и остальные уже не так страшны. — Что?

— Я спросил, заинтересованы ли вы в продолжении разговора, — печально сказал Альберт.

— Конечно. Я думаю, да. — Эсси вернулась в свой угол, но продолжала смотреть на Альберта, а не занялась своими отчетами.

— Тогда, если вы не возражаете, — застенчиво сказал Альберт, — я бы хотел поговорить не о космологии и недостающей массе, а о своей предшествующей жизни.

Эсси, нахмурясь, открыла рот, собираясь заговорить, но я поднял руку.

— Пусть говорит, любимая. Мне кажется, что я тоже не очень настроен сейчас на недостающую массу.

И вот продолжался недолгий счастливый перелет к Высокому Пентагону, а Альберт, откинувшись в пилотском кресле и сложив руки на круглом животике, вспоминал прежние времена в патентной конторе в Швейцарии и то, как бельгийская королева аккомпанировала его скрипке игрой на пианино; а тем временем моя третьей степени подруга Долли Уолтерс с пристрастием допрашивалась офицерами Высокого Пентагона; а тем временем мой еще-не-друг Капитан скрывал следы своего посещения и горевал из-за утраченной любви; а тем временем моя когда-то-более-чем-подруга Клара Мойнлин была… была…

Не знаю, что делала Клара тем временем. Да и не хотел знать никаких подробностей.

Один из самых небольших артефактов, остав-

ленных хичи, — анизокинетическая сумка. Это простой инструмент, который способен преобразовывать давление, распределяя его в разные стороны. Теория этого процесса оказалась одновременно сложной и элегантной. А использование людьми — гораздо менее элегантным. Наиболее популярный продукт, использующий анизокинетическую технику, — это постельный матрац, чьи «пружины», как утверждалось, повышают сексуальную активность. Сексуальную активность! Сколько времени и ума было затрачено на это!

Видеть себя глазами Робина интересно, но не очень приятно. Программа миссис Броудхед давала мне возможность говорить, действовать и даже мыслить, как подлинный Альберт Эйнштейн, если бы он дожил до того, чтобы выступать в моей роли. Робин, кажется, считает это гротеском. В определенном смысле он прав. Люди — гротескные существа!

Робин не вполне понимает парадокс Дэвиса, но он ведь не понимает и гораздо более известный парадокс Ольберса, который мучил астрономов девятнадцатого столетия. Ольберс утверждал: если вселенная бесконечна, должно существо-

вать бесконечное количество звезд. Это значит, что мы должны видеть не индивидуальные звезды на черном небе, а сплошной купол ослепительно-белого звездного света. И он доказал это математически. (Он не знал, что звезды сгруппированы в галактики, а это меняет всю математику.) И вот столетие спустя Пол Дэвис заявил: если вселенная действительно циклична, если она все время расширяется и сжимается, то возможно существование части материи, которая не участвует в этом сжатии и таким образом переходит в следующую вселенную; но в таком случае в бесконечное время количество такой материи бесконечно возрастет, и мы снова увидим небо Ольберса. Но он не знал, что количество сокращений, оставляющих часть материи, не бесконечно. Мы как раз присутствовали при самом первом из них.

17. Собирая кусочки

Труднее всего в новой жизни Кларе было не раскрывать рта. Она всегда отличалась вспыльчивым характером, а с Вэном легко было поругаться. Ему нужны были только еда, секс, общество и иногда помощь в управлении кораблем — когда он этого хотел, а не в другое время. А Кларе нужно

было время подумать. Подумать о поразительном крушении своей жизни. Она всегда смотрела в лицо возможности погибнуть — если не храбро, то по крайней мере стойко. Но ей никогда не приходило в голову, что можно застрять в черной дыре на целое поколение, а мир будет продолжать двигаться без нее. Это нужно было обдумать.

Вэна потребности Клары не интересовали. Когда она ему для чего-нибудь была нужна, он ее использовал. Когда она не была ему нужна, он давал это понять очень ясно. Не его сексуальные требования беспокоили Клару. В целом это не более неприятно и так же безлично, как посещение туалета. Любовная игра для Вэна заключалась в том, что он снимал штаны. Действие происходило в его темпе, и происходило очень быстро. И использование ее тела беспокоило Клару меньше, чем отвлечение внимания.

Лучшее время для Клары наступало, когда Вэн спал. Но это продолжалось недолго. Вэн спал мало. В это время Клара беседовала с Мертвецами или готовила себе что-нибудь, что особенно не любил Вэн, или просто сидела и смотрела в пространство — и это действие приобретает особый смысл, когда это пространство от тебя на расстo-

янии вытянутой руки и тебя от него отделяет только экран. И обычно, стоило ей расслабиться, раздавался пронзительный насмешливый голос: «Опять бездельничаешь, Клара? Какая ты лентяйка! Долли уже напекла бы мне целую миску печенья!» Или еще хуже, если он просыпался в игривом настроении. Тогда извлекались маленькие бумажные свертки, и флакончики, и серебристые бутылочки с розовыми и пурпурными таблетками. Вэн только что открыл для себя наркотики. И хотел разделить это открытие с Кларой. И иногда, от скуки и раздражения, она позволяла уговорить себя. Она не станет вводить в кровь, нюхать или глотать то, что не может определить, и большую часть из того, что определяет, тоже не станет. Но кое-что она принимала. Эйфория продолжалась недолго, но она была благословенным отвлечением от пустоты жизни, которая икала, умирала и пыталась возродиться снова. Слушать ругань Вэна, даже заниматься любовью с Вэном — все это лучше, чем пытаться избежать его вопросов, на которые она не хотела отвечать честно…

— Клара, как ты думаешь, я найду своего отца?

— Никакой надежды, Вэн, старик давно мертв.

…потому что, конечно, он старик. Человек, ставший отцом Вэна, вылетел с Врат в одноместном

корабле как раз тогда, когда мать Вэна начала беспокоиться из-за пропущенной менструации. В записях он значился пропавшим. Конечно, он мог оказаться в черной дыре. И все еще может находиться там, застывший во времени, как недавно Клара.

Но шансы на это невелики.

Самое поразительное для Клары — среди многих поразительных явлений, возникших за эти тридцать лет, — легкость, с какой Вэн находил и интерпретировал старые карты хичи. В хорошем настроении — это был своего рода рекорд: хорошее настроение продержалось четверть часа — он показал ей карты и те объекты на них, где он уже побывал, включая и ее черную дыру. Когда хорошее настроение испарилось и Вэн сердито отправился спать, Клара осторожно расспросила Мертвецов об этом. Нельзя сказать, чтобы Мертвецы вполне понимали карты, но их отрывочные знания намного превосходили знания современников Клары.

Некоторые знаки на картах оказались очень простыми, даже очевидными, например Колумбово яйцо, — когда вам объяснят их значение. Мертвецы с удовольствием сообщали это Кларе. Но только нужно было не давать им отвлекаться.

Цвета изображенных объектов? Очень просто, говорили Мертвецы: чем синее, тем дальше, чем краснее, тем ближе.

— Это показывает, — шептал самый педантичный из Мертвецов; кстати, это была женщина, — это показывает, что хичи знали о законе Хаббла — Хьюмасона.

— Пожалуйста, не рассказывайте мне, что это за закон Хаббла — Хьюмасона, — сказала Клара. — А остальные знаки? Похожие на крестики, с маленькими лишними черточками?

— Это большие установки, — вздыхал Мертвец. — Как Врата. И Врата-2. И Пищевая фабрика. И…

— А вот эти галочки?

— Вэн называет их вопросительными знаками, — шептал слабый голос. Действительно, похоже, если перевернуть сверху вниз и поставить точку. Большинство из них черные дыры. Если взять координаты 23, 84…

— Тише! — закричал Вэн, вскакивая с койки. — Я не могу спать под этот глупый крик!

— Мы не кричим, Вэн, — миролюбиво сказала Клара.

— Не кричите! — закричал он. — Ха! — Пошел к пилотскому креслу и сел, сжав кулаки, согнув-

шись. — А что, если я хочу есть?

— Правда хочешь?

Он покачал головой.

— Или хочу заняться любовью?

— Хочешь?

— Хочу, хочу! С тобой всегда приходится спорить! И ты плохая повариха и в постели не так хороша, как говорила. Долли была лучше.

Клара обнаружила, что задержала дыхание, и заставила себя выпустить воздух медленно и молча. Она не могла заставить себя улыбнуться.

Вэн улыбался, довольный, что взял верх.

— Помнишь Долли? — жизнерадостно спросил он. — Ты убедила меня оставить ее на Вратах. Там правило: «Кто не платит, тот не дышит», а у нее нет денег. Интересно, жива ли она еще?

— Жива, — проворчала Клара, надеясь, что это правда. Долли всегда найдет кого-нибудь, кто оплатит ее счет. — Вэн? — начала она, отчаянно пытаясь сменить тему, пока не стало еще хуже. — Что означают эти желтые вспышки на экране? Кажется, Мертвецы этого не знают.

— Никто не знает. Если не знают Мертвецы, глупо думать, что я знаю. Ты иногда такая глупая, — пожаловался он. И как раз в этот момент, когда Клара достигла точки кипения, снова по-

слышался тонкий голос Мертвой женщины:

— Координаты 23, 84, 97, 8, 14…

— Что? — удивленно спросила Клара.

— Координаты 23… — Голос повторил числа.

— Что это? — спросила Клара, и Вэн решил ответить. Поза его не изменилась, но выражение лица стало иным — менее враждебным. Более напряженным. Испуганным.

— Это координаты на карте, конечно.

— А что они показывают?

Он отвернулся.

— Установи их и посмотри.

Кларе было трудно оперировать узловатыми колесами: весь ее предыдущий опыт учил, что это равносильно самоубийству; тогда еще не была известна их функция по установке координат, и перемена курса оказывалась непредсказуемой и обычно смертельно опасной. Но на этот раз произошло только следующее: изображение на экране замерцало, изменилось, застыло, показывая… что? Звезду? Черную дыру? На экране видно было что-то кадмиево-желтое, а вокруг не менее пяти перевернутых вопросительных знаков.

— Что это? — спросила Клара.

Вэн медленно повернулся и посмотрел.

— Очень большая, — сказал он, — и очень дале-

ко. Мы летим туда.

Вся воинственность с его лица исчезла. Клара почти пожалела об этом, потому что теперь на лице было выражение неприкрытого ужаса.

А тем временем…

Тем временем Капитан и его экипаж приближались к завершению первой фазы, хотя это не принесло им радости. Капитан все еще оплакивал Дважды. Ее стройное блестящее тело, лишенное личности, убрали. Дома его просто поместили бы в конвертер: хичи не сентиментальны по отношению к трупам. На корабле конвертеров нет, поэтому тело просто выбросили в космос. Оставшаяся часть Дважды теперь присоединилась к умам предков, и, осматривая свой новый просторный корабль, Капитан бессознательно касался время от времени сумки на животе, где сейчас находится Дважды.

Это не просто личная потеря. Дважды управляла автоматическими аппаратами, и без нее трудно будет завершить работу. Дворняжка старается изо всех сил, но у нее нет опыта в такой работе. Капитан нервничал рядом с ней, но ничем не мог помочь.

— Не уменьшай скорость, стабильной орбиты еще нет, — просвистел он, потом добавил: — На-

деюсь, они выдержат твои толчки.

Дворняжка напрягла мышцы челюсти, но ничего не ответила. Она знала, почему Капитан так нервничает.

Но наконец он был удовлетворен и похлопал Дворняжку по плечу, показывая, что она может выпустить груз. Огромный пузырь наклонился и повернулся. На нем от полюса до полюса появилась темная линия, и он раскрылся, как цветок. Дворняжка, удовлетворенно свистя, выпустила свернутый парусник и позволила ему отплыть.

— Им нелегко пришлось, — заметил связист, подойдя и остановившись рядом с Капитаном.

Капитан дернул животом — у хичи это равносильно пожатию плечами. Парусник уже далеко отошел от пузыря, и Дворняжка начала закрывать грузовой корабль.

— А как твое задание, Башмак? Люди по-прежнему болтают?

— Боюсь, что больше, чем раньше.

— Соединенные умы! Какие успехи в переводе их болтовни?

— Умы работают. — Капитан мрачно кивнул и прикоснулся к восьмиугольному медальону, прикрепленному к сумке между ног. И едва успел остановиться. Конечно, он получит удовлетворе-

ние, узнав у соединенных умов о результатах их работы, но это не смягчит боль: ведь среди них и Дважды. Конечно, рано или поздно он ее все равно услышит. Но еще не сейчас.

Он выдохнул через ноздри и обратился к Дворняжке:

— Закрой его, отключи энергию, и пусть плавает. Пока мы больше ничего не можем сделать. Башмак. Передай им. Скажи, что нам жаль, что мы не можем сейчас сделать для них еще что-нибудь, но мы вернемся. Белый Шум, покажи мне расположение всех кораблей в пространстве!

Навигатор кивнул, обратился к своим инструментам, и через мгновение экран заполнился множеством мерцающих комет с желтыми хвостами. Цвет ядра означал расстояние, длина хвоста — скорость.

— Который из них делает глупости с нарушителем порядка? — спросил Капитан, и поле на экране сократилось, на нем осталась только одна комета. Капитан удивленно зашипел. Этот корабль, когда он смотрел в последний раз, спокойно стоял в доке в своей системе. Теперь он движется с очень большой скоростью и далеко ушел от своей системы. — Куда он направляется?

Белый Шум дернул мышцами-веревками.

— Нужно время, Капитан.

— Делай!

При других обстоятельствах Белый Шум обиделся бы на такой тон. Хичи не разговаривают друг с другом невежливо. Но нельзя не обратить внимания на обстоятельства. Сам по себе факт, что люди обладают аппаратом, дающим доступ в черные дыры, ужасен. Еще хуже, что они заполняют пространство своей громкой бессмысленной болтовней. Кто знает, что еще они сделают? А смерть товарища по экипажу — последняя капля; таких несчастливых рейсов не было с тех далеких дней, когда Белый Шум еще не родился — тогда они узнали о существовании других…

— Не понимаю, — сказал Белый Шум. — Не вижу ничего по их курсу.

Капитан хмуро смотрел на загадочную картину на экране. Чтобы читать ее, нужно обладать специальными знаниями, но Капитан знал достаточно и видел: вдоль геодезической линии ничего достойного внимания.

— А вот это шаровое скопление? — спросил он.

— Не думаю, Капитан. Оно не прямо на линии полета, а больше ничего нет. Ничего вдоль линии до самого края Галактики.

— Умы! — послышался голос сзади. Капитан

обернулся. За ним стоял Взрыв, специалист по проникновению в черные дыры, его лицевые мышцы бешено извивались. Его страх передался Капитану, прежде чем Взрыв напряженно сказал: — Продли геодезическую линию. — Белый Шум, не понимая, взглянул на него. — Продли за пределы Галактики!

Навигатор взглянул на объект, потом изменил установки. Его мышцы тоже начали дергаться. Экран замерцал. Туманная линия протянулась дальше. Она прошла район, где не было ничего, кроме пустого пространства.

Не совсем пустого.

Из тьмы на экране возник темно-синий объект, бледный, слегка желтоватый. Он был пятикратно обозначен сигналом опасности. Все члены экипажа зашипели, шипение их прекратилось, когда геодезическая линия уперлась в этот объект.

Хичи переглянулись, никто из них не знал, что сказать. Корабль, способный принести страшное зло, идет именно туда, где ждет этот ужас.

18. В Высоком Пентагоне

Высокий Пентагон — это не спутник на геостационарной орбите. Это пять спутников на геостационарных орбитах. Орбиты не совсем

идентичны, так что пять этих бронированных металлических кусков танцуют вальс друг с другом. Вначале Альфа вдали, а Дельта ближе всего к Земле, потом положение меняется, и теперь дальше всех Эпсилон, а ближе, может быть, Гамма, потом партнеры меняются, и так далее. Можно спросить, почему сделали именно так, а не построили один большой спутник. Ответ: пять спутников гораздо труднее поразить, чем один. А я лично думаю: потому что командные пункты на орбите у Советов и Китая — цельные сооружения. Естественно, США захотели показать, что они эту работу могут сделать лучше. Или по крайней мере по-другому. Все это идет от времени войн. Некогда, говорят, это было последнее слово в оборонительной тактике. Огромные лазеры таких спутников способны уничтожить любую ракету на расстоянии в пятьдесят тысяч миль. Может быть, так оно и было. Во время их постройки и еще три месяца спустя. А потом и противник стал использовать разные трюки с радарами, и все вернулись к прежнему положению. Но это совсем другая история.

Так что четыре пятых Пентагона мы видели только на своих экранах. Нас направили к корпусу, где размещаются жилые помещения

гарнизона, администрация — и тюрьма. Это Гамма, шесть тысяч тонн металла и мяса, размером с Большую Пирамиду и примерно такой же формы, и мы тут же убедились, что как бы сердечен ни был генерал Манзберген на Земле, здесь нас приветствовали, как приветствуют болячку. Прежде всего нас заставили ждать разрешения на выход из корабля.

— Может, у них приступ безумия, — предположила Эсси, глядя на экран, где виден был только металлический корпус Гаммы.

— Это не причина, — сказал я, а Альберт добавил:

— Особенно сильного удара не было, но, боюсь, они ждут худшего. Я слишком много войн повидал, и мне это не нравится. — Он трогал пальцами свой значок «Два процента» и для голограммы вел себя слишком нервно. Но сказал он правду. Несколько недель назад, когда террористы обрушили свой удар из космоса через ТПП, на станции все сошли с ума на минуту. Буквально на одну минуту, не больше. И хорошо, что не больше, потому что на одиннадцатой станции за минуту восемь секунд полагалось привести в боевую готовность ракеты, нацеленные на земные города, и они были готовы. Вот-вот — и вылетели бы.

Но не это беспокоило Эсси.

— Альберт, — сказала она, — не играй в игры, от которых я нервничаю. Ты на самом деле не видел ни одной войны. Ты всего лишь программа.

Он поклонился.

— Как скажете, миссис Броудхед. Я только что получил разрешение на то, чтобы открыть корабль. Вы можете выйти в спутник.

Мы вышли. Выходя, Эсси задумчиво оглянулась на оставленную в корабле программу. Ожидавший нас лейтенант не казался очень дружелюбным. Он провел пальцами по чипу с данными корабля, словно пытался проверить, не проступают ли магнитные чернила.

— Да, — сказал он, — мы получили сообщение относительно вас. Но я не уверен, что бригадир может сейчас встретиться с вами, сэр.

— Мы хотим видеть не бригадира, — ласково объяснила Эсси. — Нам нужна миссис Долли Уолтерс, которую вы держите здесь.

— О да, мэм. Но бригадир Кассата должен подписать ваш пропуск, а сейчас он очень занят. — Он извинился, что-то зашептал в фон, после чего лицо его слегка прояснилось. — Прошу вас, сэр и мэм, — сказал он и вывел наконец нас из причального помещения.

Если долго не практиковаться, утрачиваешь навык движения в низкой или нулевой силе тяжести, а я давно не практиковался. К тому же у меня затекла шея. Все это для меня ново. Врата — это астероид, в котором хичи давным-давно прорыли туннели и выложили их своим любимым голубым металлом. Пищевая фабрика, Небо Хичи и все остальные большие сооружения, которые я посещал в космосе, тоже были построены хичи. Меня смущало, что я впервые нахожусь на космической станции, сооруженной людьми. Она казалась мне более чужой, чем станции хичи. Нет знакомого голубоватого свечения, только окрашенная сталь. Нет веретенообразного помещения в центре. Нет изыскателей, испуганных или торжествующих, нет музея, где выставлены образцы технологии хичи, найденные во всех концах Галактики. Зато много военных в мундирах в обтяжку и почему-то в шлемах. И самое странное: у всех кобуры, но все пустые.

Я пошел помедленнее и сказал Эсси:

— Они как будто не доверяют своим людям.

Она показала вперед, где ждал лейтенант.

— Не говори о хозяевах, Робин, когда тебя могут услышать. Вот. Мне кажется, мы пришли.

И вовремя: я уже начал уставать от усилий, с

какими тащил себя по коридору с отсутствующей силой тяжести.

— Сюда, сэр и мэм, — гостеприимно сказал лейтенант, и, конечно, мы послушались.

Но за дверью оказалась только пустая комната с несколькими откидными сиденьями у стен. Больше ничего.

— А где бригадир? — спросил я.

— Но, сэр, я ведь вам уже сказал, что сейчас он очень занят. Встретится с вами, как только сможет. — И с улыбкой акулы закрыл дверь; и мы с Эсси одновременно заметили интересную особенность этой двери: на ней не было внутренней ручки.

Как и все, я иногда представляю себе, что меня арестовали. Вы живете своей жизнью, пасете рыб, или подсчитываете чьи-то расходы, или пишете замечательную новую симфонию, и вдруг неожиданный стук в вашу дверь. «Не сопротивляться! Пошли», — говорят вам, и защелкивают наручники, и читают ваши права, а затем вы оказываетесь именно в таком месте. Эсси вздрогнула. Должно быть, у нее бывали такие же фантазии, хотя не знаю более безупречной жизни, чем у нее.

— Глупо, — сказала она скорее себе, чем мне. — Жаль, что тут нет кровати. Могли бы с пользой

провести время.

Я похлопал ее по руке. Я понимал, что она пытается подбодрить меня.

— Говорят, они заняты, — напомнил ей.

И вот мы ждали.

Полчаса спустя я почувствовал, как напряглось у меня под рукой плечо Эсси. На лице ее неожиданно появилось безумное гневное выражение. И у себя в голове я почувствовал быстрый болезненный яростный сдвиг…

И тут же все прошло. Мы посмотрели другу на друга. Всего несколько секунд, но я понял, почему здесь все заняты и не носят с собой оружие.

Террористы снова ударили — но на этот раз удар получился скользящий.

Когда наконец вернулся лейтенант, он был очень весел. Не хочу сказать, что он стал относиться к нам дружелюбнее. Достаточно дружелюбен, чтобы широко улыбнуться, и достаточно враждебен, чтобы не объяснить почему. Прошло немало времени. Он не извинился, просто провел нас к кабинету бригадира, улыбаясь по пути. А в кабинете, с его пастельными стенами, на которых висела голограмма Вест-Пойнта, с серебристым разогревателем пищи, который пытались использовать как зажигалку для сигар, бригадир

Кассата тоже улыбался.

Было не очень много подходящих объяснений для такого веселья, и потому я выстрелил наудачу.

— Поздравляю, бригадир, — вежливо сказал я, — с поимкой террористов.

Улыбка исчезла, потом появилась снова. Кассата — низенький человек, бедра распирали его кремовые шорты; он сидел на краю стола.

— Как я понял, мистер Броудхед, — сказал он, — цель вашего посещения — свидание с миссис Долли Уолтерс. Вы, разумеется, можете увидеться с ней в соответствии с полученными мной указаниями, но я не могу отвечать на ваши вопросы, касающиеся безопасности.

— А я ничего и не спрашиваю, — ответил я. И, чувствуя на шее взгляд Эсси зачем-ты-настраиваешь-против-себя-этого-типа, добавил: — Вы очень добры, разрешая нам свидание.

Он кивнул, очевидно соглашаясь, что он добр.

— Но я хотел бы задать вопрос вам. Не скажете ли, зачем она вам?

Взгляд Эсси продолжать обжигать меня, поэтому я не ответил, что не скажу.

— Конечно, — солгал я. — Миссис Уолтерс провела немало времени с моим другом, с которым

мне хотелось бы увидеться. Мы надеемся, что она сможет помочь нам связаться… с моим другом.

Нет смысла уточнять пол моего друга. Они, конечно, уже допросили Долли Уолтерс, вытянули из нее все сведения и теперь знают, что речь может идти только о двух людях. И вряд ли из этих двух я назову Вэна своим другом. Бригадир удивленно посмотрел на меня, потом на Эсси, потом сказал:

— Эта Уолтерс очень популярная юная леди. Не стану вас больше задерживать, — и вернул нас лейтенанту, с которым мы продолжили экскурсию.

Лейтенант оказался никуда не годным гидом; он вообще ничего не говорил. А поинтересоваться было чем: Пентагон сохранял все признаки недавних неприятностей. Пока мы не видели следов повреждений, но в предыдущем припадке безумия ущерб понесла тюрьма. Дежурные уничтожили программу, закрывающую камеры. К счастью, они их при этом открыли, иначе потом их в камерах ждало бы немало скелетов.

Проходя мимо камер, я увидел, что все они открыты, а в коридоре скучают охранники, следя, чтобы заключенные не вышли. Лейтенант остановился и коротко поговорил с дежурным

офицером, и, пока мы ждали, Эсси прошептала:

— Если они не поймали террористов, почему бригадир так хорошо с тобой обошелся?

— Хороший вопрос, — ответил я. — А вот тебе другой. Что он имел в виду, говоря о популярности молодой леди?

Лейтенант был шокирован разговором в строю. Он тут же прервал разговор с лейтенантом военной полиции и провел нас к камере, дверь которой, как и всех остальных, была открыта. Указал внутрь.

— Там ваша заключенная, — сказал он. — Можете с ней поговорить, но она ничего не знает.

— Это я понимаю, — ответил я. — Иначе вы бы не разрешили мне с ней говорить, верно? — И получил еще один гневный взгляд Эсси. Она права, конечно. Если бы я его не рассердил, лейтенант мог бы проявить тактичность и отойти на несколько шагов, чтобы мы могли поговорить с Долли Уолтерс наедине. Но он вместо этого встал в открытой двери.

А может, все равно не проявил бы. Я скорее за второе предположение.

Долли Уолтерс — детского роста женщина с высоким детским голосом и плохими зубами. И не в лучшей форме. Она испугана, утомлена,

рассержена и раздражена.

А я чувствовал себя немногим лучше. Я полностью, обескураживающе понимал, что вот эта стоящая передо мной молодая женщина недавно провела несколько недель в обществе моей любимой — одной из моих любимых — одной из двух на самом верху списка. Говорю об этом легко. Но на самом деле это совсем не легко. Я не знал, что делать и что сказать.

— Поздоровайся, Робин, — подсказала Эсси.

— Миссис Уолтерс, — послушно сказал я, — здравствуйте. Я Робин Броудхед.

У нее сохранились манеры. Она, как воспитанный ребенок, протянула руку.

— Я знаю вас, мистер Броудхед, а с вашей женой мы встречались недавно. — Мы вежливо пожали друг другу руки, и она печально улыбнулась. Только потом, увидев ее куклу Робинетта Броудхеда, я понял, чему она улыбалась. Но она выглядела и удивленной. — Мне сказали, что меня хотят видеть четверо, — сказала она, глядя в поисках остальных на молчаливого лейтенанта.

— Нас только двое, — ответила Эсси и ждала моего продолжения.

Но я молчал. Не знал, что сказать. Не знал, о чем спрашивать. Если бы тут была только Эсси, я

мог бы сказать Долли Уолтерс, что для меня значит Клара, и попросить у нее помощи — любой помощи. Или если бы тут был только лейтенант, я бы просто не обращал на него внимания, как на мебель. Но они тут были оба, и я стоял молча, а Долли Уолтерс смотрела на меня с любопытством, а Эсси — выжидающе, и даже лейтенант тоже смотрел на меня.

Эсси вздохнула — подчеркнуто сочувственный звук — и приняла решение. Взяла на себя командование. Повернулась к Долли Уолтерс.

— Долли, — резко сказала она, — вы должны простить моего мужа. Все это для него очень болезненно по причинам, которые было бы сейчас сложно объяснить. Простите и меня тоже за то, что позволила военной полиции увести вас; для меня эта история тоже болезненна. Важно то, что мы сделаем сейчас. А сделаем мы следующее. Прежде всего добьемся вашего освобождения отсюда. Во-вторых, мы приглашаем вас сопровождать нас в полете к Вэну и Джель-Кларе Мойнлин. Вы согласны?

Для Долли Уолтерс такой темп был непосилен.

— Ну, — сказала она, — я…

— Вот и хорошо! — подхватила Эсси, кивая. — Сейчас займемся организацией. Вы, лейтенант!

Отведите нас назад на наш корабль «Истинная любовь», и немедленно.

Лейтенант опешил и открыл рот, но я опередил его:

— Эсси, может, сначала увидеться с бригадиром?

Она сжала мне руку и посмотрела на меня. Взгляд сочувственный. А пожатие — сигнал Робин-закрой-рот — чуть не сломало мне пальцы.

— У бедняжки, — жалобно сказала она лейтенанту, — недавно была серьезная операция. На корабле его лекарства, и он как можно быстрее должен их получить.

Если моя жена Эсси решила что-то сделать, лучше сразу дать ей такую возможность. Что она задумала, я не знал, но было совершенно ясно, что следует делать мне. Я стал вести себя как пожилой человек, недавно перенесший серьезную операцию, и позволил ей сопровождать себя под конвоем лейтенанта по коридорам Пентагона.

Шли мы не очень быстро, потому что коридоры Пентагона были заполнены. Лейтенант остановил нас на перекрестке, и мимо нас провели группу заключенных. Почему-то освобождали целый блок камер. Эсси толкнула меня в бок и показала на мониторы на стене. На одном были

только надписи: «Седьмой комиссариат», «Туалеты для заключенных», «Причал номер пять» и другие. Зато на другом…

На втором мониторе было изображение причала, и приближалось что-то большое. Большое, громоздкое, построенное людьми. То, что это не артефакт хичи, видно было с первого взгляда. Дело не только в линиях и в том, что сооружено оно из серой стали, а не из голубого металла хичи. Главное свидетельство — зловещие ракеты, торчащие из гладкого корпуса.

Я знал, что Пентагон испытывает шесть таких кораблей, пытаясь оборудовать их двигателем для полетов быстрее света. И я на это не жаловался: ошибки строителей этих кораблей были учтены при сооружении «Истинной любви». Но вооружение кораблей видеть неприятно. На кораблях хичи его никогда не бывает.

— Пошли! — рявкнул лейтенант, глядя на нас. — Вы не должны здесь находиться. Идемте. — Он двинулся по относительно пустому коридору, но Эсси задержала его.

— Здесь быстрее. — Она указала на стрелку «К причалу».

— Запрещено! — выпалил он.

— Не для доброго друга Пентагона, который за-

болел, — ответила она и потянула меня за руку, и мы двинулись в самый запруженный и шумный коридор. У Эсси есть свои тайны, но эта разъяснилась довольно быстро. Сюда вели захваченных террористов с крейсера, и Эсси просто хотела на них взглянуть.

Крейсер перехватил украденный корабль, как только тот вышел из полета быстрее света. И выстрелил в него. Очевидно, на борту было восемь террористов — восемь! В корабле хичи, предназначенном для пятерых. Трое выжили и попали в плен. Один был без сознания. Один остался без ноги, но был в сознании. А третий спятил.

Именно этот третий привлекал к себе всеобщее внимание. Не он, а она, молодая черная девушка — говорят, из Сьерра-Леоне, — и она непрерывно кричала. На ней была смирительная рубашка. Было видно, что девушку давно держали в этой рубашке, ткань ее грязна и дурно пахнет, волосы у девушки спутанные, лицо бледное, как у мертвеца. Кто-то окликнул меня по имени, но я вместе с Эсси протискивался вперед, чтобы взглянуть получше.

— Она говорит по-русски, — сказала Эсси, нахмурившись, — но не очень правильно. Грузинский акцент. Очень сильный. Говорит, что

она нас ненавидит.

— Я мог бы догадаться, — ответил я. С меня достаточно. Когда лейтенант пробился к нам сквозь толпу, выкрикивая яростные приказания расступиться, я позволил ему оттащить меня, а потом снова услышал, что меня окликают по имени.

Значит, это не лейтенант? Это вообще не мужской голос. Голос доносился из толпы заключенных, которых куда-то переводили, и я увидел, кто это. Китаянка, Джейни, как там ее?

— Боже, — сказал я лейтенанту, — а ее-то за что?

Он рявкнул:

— Это военная тайна и не ваше дело, Броудхед. Вперед! Вам нельзя здесь быть!

Нет смысла спорить с человеком, принявшим решение. Я больше его не спрашивал. Просто подошел ближе и спросил Джейни. Все остальные заключенные тоже были женщины, а охранники — все, несомненно, давно не получавшие увольнительные или получившие нахлобучку от кого-то типа лейтенанта, — все они хорошие люди. Смолкли и слушали.

— Оди полетел сюда, потому что взяли его жену, — сказала она с таким выражением, словно говорила: «Это запущенный случай сифили-

са». — Поэтому мы полетели сюда на шаттле, а как только вышли, нас посадили в тюрьму.

— Броудхед, — кричал лейтенант, — это была последняя капля. Вы идете, или я вас арестую! — И он положил руку на кобуру, в которой уже было оружие. Эсси улыбнулась ему, улыбнулась вежливо.

— Не волнуйтесь, лейтенант, — сказала она, — нас ждет «Истинная любовь». Остается только найти бригадира и решить некоторые вопросы.

Лейтенант вытаращил глаза.

— Мэм, — он запинался, — мэм, вы не сможете увидеться с бригадиром здесь!

— Несомненно, сможем. Мой муж нуждается в медицинской помощи, поэтому он должен оставаться на корабле, верно? А бригадир Кассата вежливый человек, правильно? Вест-Пойнт? Курсы манер, вежливости, прикрывания кашля и чихания. И передайте бригадиру, что у нас отличный бурбон и моему мужу нужна помощь, чтобы его прикончить.

Лейтенант с безнадежным выражением ушел. Эсси посмотрела на меня, я посмотрел на Эсси.

— Что теперь? — спросил я.

Она улыбнулась и погладила меня по голове.

— Прежде всего я должна отдать распоряжения

Альберту относительно бурбона — и кое-чего еще, — сказала она и произнесла несколько фраз по-русски. — А теперь подождем бригадира.

Бригадир пришел вскоре, но к этому времени я о нем почти забыл. Эсси болтала с караульным, оставленным лейтенантом, а я размышлял. И думал я — для разнообразия — не о Кларе, а о безумной африканке и ее почти таких же безумных сообщниках. Они меня пугали. Террористы вообще меня пугают. Прежде были ООП[7] и ИРА[8], и пуэрто-риканские националисты, и сепаратисты из Сербии, и дети богатых американских, немецких или итальянских родителей, выражающие презрение к своим папочкам, — да, множество террористов, всех сортов и оттенков, но они все были разъединены. И больше всего меня пугало, что они объединились. Бедные и рассерженные научились объединять свой гнев и свои возможности, и теперь не было сомнений в том, что они могут заставить мир слушать себя. Захват одного корабля их не остановит; на какое-то время станет полегче, только и всего.

---

[7] Примечания: 7
Организация Освобождения Палестины. — *Примеч. пер.*

[8] Примечания: 8
Ирландская Республиканская Армия. — *Примеч. пер.*

Но для того чтобы решить эту проблему, смягчить их гнев, разрешить их нужды — для этого нужно нечто большее. Лучший и, возможно, единственный выход — колонизация планет типа Пегги, но он очень медленный. Транспорт может перевезти к лучшей жизни ежемесячно три тысячи восемьсот бедняков. Но за этот месяц рождается примерно четверть миллиона новых бедняков, и легко произвести фатальный арифметический подсчет:

250 000
— 3 800

_____
246 200

новых бедняков появляется ежемесячно. Единственная надежда — новые, гораздо более вместительные транспорты, сотни и тысячи их. Сотня удержит нас на нынешнем уровне. Тысяча излечит сразу и навсегда — но откуда возьмутся эти тысячи больших кораблей? Потребовалось восемь месяцев и гораздо больше денег, чем я предполагал, чтобы построить «Истинную любовь». А во сколько обойдется в тысячу раз больший корабль?

Из размышлений меня вывел голос бригадира.

— Это совершенно невозможно, — говорил бригадир. — Я позволил вам увидеться с ней, потому что меня просили об этом. Забрать ее с собой — это вне обсуждения! — Я подошел к ним, взял Эсси за руку, и он сердито посмотрел на меня.

— Еще вопрос об Уолтерсе и этой китаянке, — сказала Эсси. — Мы их тоже хотим захватить с собой.

— Правда? — спросил я, но бригадир не слушал меня.

— Что еще, бога ради? — спросил бригадир. — Не хотите ли, чтобы я передал вам свою секцию Пентагона? Или один-два крейсера?

Эсси вежливо покачала головой.

— Спасибо, но наш корабль удобнее.

— Боже! — Кассата вытер лоб и позволил Эсси отвести себя к креслу и к обещанному бурбону. — Ну что ж, — сказал он, — Уолтерса и эту Джи-ксинг ни в чем серьезном не обвиняют. Просто они не имели права прилетать сюда без разрешения, но если вы их заберете, мы об этом забудем.

— Великолепно! — воскликнула Эсси. — Теперь остается только женщина Уолтерс!

— Я не могу взять на себя ответственность, — начал он, но Эсси не дала ему закончить:

— Конечно, нет! Мы понимаем это. Поэтому обратимся к высшему начальству, правильно? Робин! Позвони генералу Манзбергену. Немедленно, чтобы не было никаких проволочек.

Нельзя спорить с Эсси, когда она в таком настроении, к тому же мне хотелось знать, к чему она ведет.

— Альберт, — сказал я. — Сделай это, пожалуйста.

— Сию минуту, Робин, — послушно ответил он, только голосом; экран осветился, появился генерал Манзберген за своим столом.

— Доброе утро, Робин, Эсси, — сердечно сказал он. — Я вижу, с вами Перри Кассата — поздравляю вас всех!

— Спасибо, Джимми, — ответила Эсси, искоса поглядывая на бригадира, — но мы позвонили не поэтому.

— Да? — Он нахмурился. — Давайте побыстрее, ладно? У меня важное совещание через девяносто секунд.

— Нам потребуется меньше, дорогой генерал. Мы просим приказать бригадиру Кассате передать нам Долли Уолтерс.

Манзберген удивился.

— Зачем?

— Чтобы она помогла нам отыскать исчезнувшего Вэна, дорогой генерал. У него тоже есть ТПП. В общих интересах заставить его вернуть.

Генерал добродушно улыбнулся ей.

— Минутку, милая, — сказал он и наклонился к своему закрытому от прослушивания фону.

Бригадир, возможно, удивился, но сохранил наблюдательность.

— Тут отставание, — заметил он. — Разве у вас не мгновенное радио?

— Нет, — лживо объяснила Эсси. — У нас корабль маленький, энергии не хватает, — еще одна ложь, — и мы ее бережем. А вот и опять генерал!

Генерал ткнул в сторону Кассаты.

— Разрешаю! — рявкнул он. — Они достойны доверия, мы перед ними в долгу — и к тому же они могут избавить нас от неприятностей в будущем. Передайте им тех, о ком они просят, под мою ответственность. А теперь, ради бога, позвольте мне идти на совещание — и не звоните, если только не начнется четвертая мировая война!

И вот бригадир ушел, качая головой; и очень скоро военные полицейские привели к нам Джейни Джи-ксинг, несколько минут спустя появился Оди Уолтерс, а еще позже Долли Уолтерс.

— Приятно снова вас всех видеть, — сказала

Эсси, приветствуя их на борту. — Я уверена, у вас есть о чем поговорить, но давайте сначала уберемся из этого нехорошего места. Альберт! Улетаем!

— Понятно, миссис Броудхед, — сказал Альберт. На этот раз он не позаботился материализоваться в пилотском кресле; просто вошел в дверь и прислонился к косяку, улыбаясь обществу.

— Представления позже, — сказала Эсси. — Это наш добрый друг компьютерная программа. Альберт! Мы на безопасном удалении от Пентагона?

Он кивнул, мерцая. И тут же у меня на глазах из пожилого человека в мешковатом свитере и с трубкой превратился в худого высокого, в мундире со множеством медалей председателя комитета начальника штабов генерала Джемса П. Манзбергена.

— Вы правы, милая! — воскликнул он. — А теперь давайте подключимся к передачам быстрее света, пока они не поняли, что мы их провели.

19. Перестановки в любви

Кому с кем спать? Вот в чем вопрос! У нас пять пассажиров и только три каюты, куда их можно разместить. «Истинная любовь» не предназначалась для многих гостей, особенно для гостей,

не рассортированных по парам. Поместить ли Оди вместе с его законной женой Долли? Или с недавней подругой Джейни Джи-ксинг? Поместить Оди одного, а двух женщин вместе? И что они будут друг с другом делать? Дело не в том, что Долли и Джейни враждебно относились друг к другу. Совсем нет. Это Оди почему-то к обеим относился враждебно.

— Он не может решить, с кем ему оставаться, — мудро сказала Эсси, — а Оди — мужчина, который стремится быть верным женщине.

Что ж, я это прекрасно понимаю, тем более что передо мной та же проблема.

Но есть слово, которое ко мне неприложимо, и это слово «страдание». Видите ли, я совсем не страдал. Я наслаждался. И восхищался Эсси, потому что она решила наши затруднения, уйдя от них. Мы с Эсси ушли в капитанскую каюту и закрылись. Сказали, что поступаем так, чтобы наши три гостя разобрались сами. Неплохое объяснение. Бог видит, им для этого нужно было время, потому что в них межличностная динамика достигла такого напряжения, что могла взорвать звезду. Но у нас были и другие причины, и главная в том, что так мы могли заниматься любовью.

И мы занимались ею. С энтузиазмом. С большой радостью. Вы можете подумать, что все-таки прошло двадцать пять лет и возраст есть возраст; и еще есть привычка и скука; и в конце концов, существует ограниченное количество слизистых поверхностей, о которые могут тереться части организма, тут мало что нового можно придумать. Неверно. Мы были страстны, как никогда.

Может быть, причина в тесных помещениях «Истинной любви». Когда мы закрылись в маленькой каюте с анизокинетической кроватью, у нас появилось такое же ощущение, как у подростков, занимающихся любовью в подъезде, а мама и папа совсем рядом, за окном. Мы хихикали, когда кровать разнообразно подталкивала нас, но страдать? Нисколько. Я не забыл Клару. Она снова и снова возникала у меня в мыслях, и часто в самые интимные моменты.

Но со мной в постели была Эсси, а не Клара.

И вот я лежал на спине в постели, иногда шевелился, чтобы посмотреть, чем ответит постель и как она пошевелит Эсси, свернувшуюся рядом, — все равно что играть в бильярд на подушках, — и думал, спокойно и тепло, о Кларе.

В тот момент я был совершенно уверен, что все образуется. В конце концов, что плохого? Любовь?

Двое любили друг друга. Что же в этом плохого? Конечно, дело осложняется тем, что один из двух, а именно я, часть другой пары, которая тоже любит друг друга. Но всякие осложнения рано или поздно можно решить. Любовь — вот что заставляет вращаться вселенную. Любовь заставила меня и Эсси запереться в капитанской каюте. Любовь заставила Оди лететь за Долли в Высокий Пентагон; и любовь заставила Джейни лететь с ним; и другой тип любви, а может, тот же самый, заставил Долли прежде всего выйти за него замуж, потому что одна из функций любви — организовать жизнь одного человека с другим. И если посмотреть через огромные пустые звездные пространства (хотя я в тот момент этого не знал), Капитан тосковал из-за любви; и даже Вэн, который никогда никого не любил, кроме себя, в сущности, обыскивал вселенную, чтобы найти, к кому приложить свою любовь. Видите, как это действует? Любовь — всеобщий мотиватор.

— Робин? — сонно обратилась Эсси к моей лопатке. — Ты хорошо поработал. Прими мои комплименты.

И конечно, она тоже говорила о любви, хотя в этом случае я считаю, что обязан этим своему умению демонстрировать любовь.

— Спасибо, — сказал я.

— Но хочу все же задать вопрос. — Она повернулась, чтобы смотреть на меня. — Ты вполне поправился? Ты в хорошей форме? Три метра новых кишок хорошо уживаются со старыми? Альберт сообщает, что все хорошо?

— Я себя прекрасно чувствую, — ответил я, и сказал правду, и наклонился, чтобы поцеловать ее. — Надеюсь только, в остальном мире все так же хорошо.

Она зевнула и потянулась.

— Если ты имеешь в виду корабль, то Альберт вполне способен справиться с пилотированием.

— Да, но способен ли он справиться с пассажирами?

Она сонно перевернулась.

— Спроси его.

И я позвал:

— Альберт! Заходи, поговорим. — И повернулся к двери. Мне любопытно было, как он появится на этот раз, ведь дверь закрыта. Он меня одурачил. Послышался звук легкого виноватого откашливания, я повернулся и увидел, что Альберт сидит за туалетным столиком Эсси, скромно отвернувшись.

Эсси ахнула и потянула простыню, чтобы при-

крыть свои красивые аккуратные груди.

Вот это забавно. Раньше Эсси никогда не трудилась прикрываться в присутствии собственных программ. Самое странное, что в тот момент мне это не показалось странным.

— Простите за вторжение, дорогие друзья, — сказал Альберт, — но вы звали.

— Да, хорошо, — сказала Эсси, однако по-прежнему прижимая к себе простыню. Возможно, собственная реакция показалась ей странной, но она сказала только: — Итак. Наши гости, как они?

— Я бы сказал, очень хорошо, — серьезно ответил Альберт. — Они втроем беседуют в камбузе. Капитан Уолтерс готовит сандвичи, а молодые женщины ему помогают.

— Никаких драк? Никаких выцарапанных глаз? — спросил я.

— Совсем нет. Конечно, они держатся несколько формально, со всякими там «простите», и «пожалуйста», и «спасибо». Однако, — добавил он с очень довольным видом, — у меня есть новые сведения о паруснике. Хотите взглянуть? Или — мне пришло в голову — вы присоединитесь к гостям, чтобы новость услышали все вместе?

Мне хотелось узнать сразу, но Эсси взглянула

на меня.

— Это только вежливость, Робин, — сказала она, и я согласился.

— Великолепно, — заявил Альберт. — Вы увидите, что это исключительно интересно. Мне тоже. Конечно, меня всегда интересовал парусный спорт, — продолжал он болтливо. — Когда мне исполнилось пятьдесят, «Berliner Handelsgesellschaft»[9] подарило мне отличную парусную яхту. К сожалению, пришлось оставить ее в Германии из-за этих нацистов. Моя дорогая миссис Броудхед! Я у вас в большом долгу. Теперь у меня такие отличные воспоминания, каких не было раньше. Я помню свой маленький дом в Остенде, где я любил прогуливаться с Альбертом, — он померцал, — это бельгийский король Альберт. И мы говорили о парусниках, а по вечерам его жена аккомпанировала мне на пианино, а я играл на скрипке — и теперь я все это помню благодаря вам, миссис Броудхед!

В течение этой речи Эсси неподвижно сидела рядом со мной, глядя на свое создание с каменным выражением лица. Но вот она начала задыхаться, а потом засмеялась.

---

[9] Примечания: 9
Берлинское торговое общество (*нем.*).

— Ох, Альберт! — воскликнула и схватила подушку. Прицелилась и бросила прямо в него, подушка разбросала косметику. — Добро пожаловать, замечательная программа! А теперь убирайся отсюда, пожалуйста. Ты настолько человечен, с этими воспоминаниями и старыми анекдотами, что я не могу позволить тебе видеть меня неодетой! — И он на этот раз просто мигнул и исчез, а мы с Эсси обнялись и захохотали. — Одевайся, — приказала она наконец, — чтобы мы смогли узнать новости о паруснике в достойном нашей программы виде. Смех — лучшее лекарство, верно? Я больше не боюсь за твое здоровье, дорогой Робин, такое нормально смеющееся тело проживет вечно!

Мы направились в душ, все еще смеясь, — и не подозревали, что в моем случае «вечно» в этот момент сводилось к одиннадцати дням, девяти часам и двадцати одной минуте.

Мы никогда не устанавливали в «Истинной любви» стола для Альберта Эйнштейна, тем более с книгой, заложенной трубкой, с бутылкой пива рядом с кожаным кисетом и с покрытой уравнениями доской за столом. Но стол стоял, и Альберт сидел за ним, развлекая наших гостей рассказами о самом себе.

— Когда я был в Принстоне, — говорил он, — наняли специального человека, чтобы он ходил за мной с записной книжкой; когда я писал на доске, он должен был все это копировать. Они сделали это не ради меня, а ради самих себя: понимаете, иначе они боялись стирать с доски. — Он улыбнулся гостям и радушно кивнул Эсси и мне, когда мы рука об руку появились у входа в гостиную. — Я рассказывал этим людям о своем прошлом, мистер и миссис Броудхед; они, наверно, обо мне вообще не слышали, хотя, должен сказать, в свое время я был очень знаменит. Вы знаете, например, что я не любил дождь, и администрация Принстона построила специальный крытый проход — его можно еще увидеть, чтобы я мог навещать друзей, не выходя на улицу?

Хотя на этот раз на нем не было генеральского лица и шелкового шарфа, я почувствовал себя неуютно. Мне хотелось извиниться перед Оди и двумя женщинами, но вместо этого я сказал:

— Эсси? Тебе не кажется, что эти воспоминания становятся слишком частыми?

— Возможно, — задумчиво ответила она. — Хочешь, чтобы он прекратил?

— Нет. Он сейчас гораздо интереснее, просто нужно чуть сократить личностную базу данных

или повернуть потенциометр ностальгических схем…

— Какой ты глупый, дорогой Робин, — сказала она, прощающе улыбаясь. Потом приказала: — Альберт! Прекрати болтовню! Робину это не нравится.

— Слушаюсь, моя дорогая Соня, — вежливо сказал он. — Не сомневаюсь, однако, что вам хочется услышать о паруснике. — Он встал из-за стола — вернее, его голографическая, но несуществующая фигура встала из-за тоже несуществующего голографического стола; мне все время приходилось напоминать себе об этом. Взял губку и принялся стирать с доски, потом спохватился. Бросив виноватый взгляд на Эсси, протянул руку к выключателю на столе. Доска исчезла, вместо нее появилась знакомая серая поверхность корабельного экрана хичи. Альберт нажал другую кнопку, и на экране появилась звездная карта. Это тоже реалистично: чтобы превратить экран в карту, нужно только особым образом изменить напряжение в схеме (но тысячи изыскателей погибли, не зная этого). — Перед вами место, где капитан Уолтерс обнаружил парусный корабль. Как вы видите, сейчас здесь ничего нет.

Уолтерс сидел на подушке вблизи имитации

очага, как можно дальше и от Долли, и от Джейни — они тоже сидели как можно дальше друг от друга, — и вел себя тихо. Но теперь, словно его ужалило, заговорил:

— Невозможно! Записи точны! У вас есть все данные!

— Конечно, они точны, — успокоил его Альберт. — Но видите ли, к тому времени, как туда прибыл наш разведочный корабль, парусник уже исчез.

— Он не мог очень далеко уйти под давлением только звездного света.

— Да, не мог. Но его не было. Однако, — сказал Альберт, торжествующе улыбаясь, — я подготовился к такой возможности. Если вы помните, моя репутация — в моем прежнем состоянии, я хочу сказать — основывалась на положении, что скорость света есть фундаментальная константа, она постоянна; это положение, — терпеливо добавил он, оглядевшись, — сейчас несколько расширено в связи с тем, что мы узнали у хичи. Но скорость, да, она всегда одинакова, около трехсот тысяч километров в секунду. Поэтому я дал кораблю указание, в том случае если парусник не будет найден, отлететь от этого места на расстояние в триста тысяч километров, умноженных на

число секунд с момента наблюдения.

— Очень умная самовлюбленная программа, — добродушно сказала Эсси. — Ты нанял для этого полета очень смелого пилота.

Альберт кашлянул.

— Это был беспилотный корабль, — сказал он, — так как я предвидел, что, возможно, понадобится его специальное использование. Я опасался, что удаление будет очень большим. Однако, когда корабль достиг требуемого расстояния, вот что он увидел. — Он махнул рукой, и на экране появилась многокрылая паутинная конструкция. Она у нас на глазах складывалась. Альберт ускорил запись, и мы видели, как складываются большие крылья… и исчезают.

Да. Вы, конечно, видели эту картину. Но у вас было преимущество перед нами: вы знали, что видите. А мы — Уолтерс со своим гаремом, Эсси и я — нет. Мы покинули беспокойный человеческий мир в погоне за беспокойной загадкой и увидели, как эта штука, за которой мы охотимся, проглатывается кем-то прямо у нас на глазах! Для наших пораженных и неподготовленных глаз это выглядело именно так. Мы сидели как окаменелые и смотрели на сложенные крылья и на большую голубоватую сферу, возникшую

ниоткуда и поглощающую их.

Я услышал, что кто-то негромко смеется, и опять был поражен, поняв, кто это.

Это был Альберт. Теперь он сидел на краю стола и вытирал слезы смеха.

— Прошу прощения, — сказал он, — но видели бы вы, какие у вас были лица.

— Черт тебя побери, самовлюбленная программа! — сказала Эсси уже совсем не добродушно. — Немедленно прекрати этот вздор. Что здесь происходит?

Альберт взглянул на мою жену; его выражение я не смог разгадать. Во взгляде были доброта, и терпимость, и еще много такого, что никак не совместимо с компьютерной программой, даже с программой Альберта. Но было и беспокойство.

— Дорогая миссис Броудхед, — сказал он, — если вы не хотели придавать мне чувство юмора, не нужно было включать его в программу. Простите, если я поставил вас в затруднительное положение.

— Выполняй инструкции! — сказала Эсси в некотором замешательстве.

— Хорошо. То, что вы видели, — объяснил он, отворачиваясь от Эсси и адресуясь теперь ко всей группе, — по моему мнению, есть первый

известный случай операции, проводимой хичи в реальном времени. Парусник был похищен. Обратите внимание на этот небольшой корабль. — Он небрежно взмахнул рукой, и изображение на экране начало увеличиваться. Увеличение больше, чем позволяла разрешающая способность оптических приборов корабля, поэтому качество неважное, голубая сфера стала туманной и неровной.

Но за ней что-то было.

Что-то медленно заходило за эту сферу. В тот момент, когда оно должно было исчезнуть, Альберт остановил изображение, и мы увидели туманный объект в форме рыбы, маленький, плохо различимый.

— Корабль хичи, — сказал Альберт. — Во всяком случае, у меня нет других объяснений.

Джейни Джи-ксинг словно поперхнулась.

— Вы уверены?

— Нет, конечно, не уверен, — ответил Альберт. — Пока это всего лишь теория. Никогда не следует говорить «да» теории, мисс Джи-ксинг, потому что неизбежно появится лучшая теория и той, что до сих пор казалась лучшей, придется сказать «нет». Но моя теория такова: хичи решили похитить парусник.

Теперь представьте себе картину. Хичи! Настоящие, как утверждает наша самая умная информационная программа. Я так или иначе искал хичи две трети столетия, стремился их найти и в то же время боялся этого. Но когда это случилось, я прежде всего подумал не о хичи, а о нашей информационной системе. Я спросил:

— Альберт, почему ты действуешь так странно?

Он вежливо посмотрел на меня, постукивая черенком трубки о зубы.

— В каком смысле «странно», Робин?

— Черт возьми, не увиливай! То, как ты действуешь! Разве ты не знаешь… — я постарался выразиться деликатнее, — разве ты не знаешь, что ты только компьютерная программа?

Он печально улыбнулся.

— Мне не нужно напоминать об этом, Робин. Я не реален, в этом смысле? Но та реальность, в которую вы погружены, меня не заботит.

— Альберт! — воскликнул я, но он поднял руку, чтобы заставить меня замолчать.

— Позвольте мне сказать вот что. Для меня реальность, я знаю, просто большое количество одновременных импульсов в эвристических построениях. Все равно что смена изображений

на экране. А для вас, Робин? Разве реальность для органического разума так уж отлична? Неужели это просто химические реакции, происходящие в килограмме жирной материи, у которой нет ни глаз, ни ушей, ни сексуальных органов? Все, что знает эта материя, она знает в пересказе, знает то, что ей сообщила какая-то воспринимающая система. Каждое чувство приходит к ней по проводам-нервам. Неужели между нами такое отличие, Робин?

— Альберт!

Он покачал головой.

— Ах, — сказал он горько, — я знаю. Вы мне не поверите, потому что среди вас мой создатель. Но разве вы сами не обманываетесь? Разве я не заслуживаю такой же оценки и терпимости? Я был очень большим человеком, Робин. Меня высоко ценили влиятельные люди. Короли! Королевы! Великие ученые, и какие же хорошие люди они были! На мой семидесятый день рождения мне устроили прием — Робертсон и Вигнер, Курт Гедель, Раби, Оппенгеймер… — И он вытер слезу… и здесь Эсси больше не позволила ему продолжать.

Она встала.

— Мои друзья и муж, — сказала она, — очевид-

но, произошло какое-то нарушение функций. Прошу прощения за это. Я должна проверить все схемы.

— Это не твоя вина, Эсси, — сказал я как можно более мягко. Но она не восприняла это мягко. Посмотрела на меня так, как не смотрела с тех далеких дней, когда я впервые начал ухаживать за ней и рассказывал о том, какие шутки привык разыгрывать со своей психоаналитической программой Зигфридом фон Психоаналитиком.

— Робин, — холодно сказала она, — ты слишком много говоришь об ошибках и вине. Обсудим это позже. Прошу прощения, гости, но я на некоторое время должна занять свой кабинет. Альберт! Немедленно начнем устранение дефектов.

* * *

Один из недостатков богатства и известности в том, что слишком многие приглашают вас к себе. И все ожидают, что вы ответите им тем же. Прием гостей — не из моих сильных сторон. Эсси, с другой стороны, это любит, и за много лет мы выработали свой способ обращения с гостями. Очень просто. Я держусь с ними, пока мне это нравится — иногда несколько часов, иногда пять минут. Потом я исчезаю в своем кабинете и

предоставляю гостей Эсси. Особенно я люблю это делать, когда между гостями возникает напряжение. Получается прекрасно — для меня.

Но иногда эта система не срабатывает, и тут я попадаюсь. Сейчас наступил как раз такой момент. Я не мог оставить гостей на Эсси, потому что Эсси занята. Я не хотел оставлять их одних, потому что мы и так надолго их оставляли. А напряжения здесь было в избытке. И вот я пытаюсь вспомнить, как нужно быть вежливым, когда некуда отступать.

— Не хотите ли выпить? — жизнерадостно спросил я. — Что-нибудь съесть? Можно посмотреть хорошие программы, если Эсси не отключила все схемы, чтобы разобраться с Альбертом…

Джейни Джи-ксинг прервала меня вопросом:

— Куда мы направляемся, мистер Броудхед?

— Ну, — сказал я, улыбаясь весело: радушный хозяин старается развлечь гостей, даже если они задают вопросы, ответов на которые он не знает, потому что на уме у него множество гораздо более важных проблем, — ну, вероятно, вопрос в том, куда бы вы хотели направиться. Я хочу сказать, что теперь нет смысла гнаться за парусником.

— Да, — согласилась Джи-ксинг.

— Тогда, вероятно, вам решать. Не думаю, чтобы

вы хотели оставаться в тюрьме… — напомнить им, что, в конце концов, я их выручил.

— Да, — снова сказала Джи-ксинг.

— Тогда назад на Землю? Мы можем высадить вас у любой петли. Или на Вратах, если хотите. Или… Оди, ты ведь родом с Венеры? Не хочешь туда вернуться?

Уолтерс сказал:

— Нет. — И замолчал. Я подумал, что нехорошо со стороны гостей давать только односложные ответы, когда я стараюсь быть радушным.

Выручила меня Долли Уолтерс. Она подняла правую руку, и на пальце у нее была кукла, та самая, что представляла хичи.

— Беда в том, мистер Броудхед, — сказала она сладким змеиным голосом, не разжимая губ, — что всем нам некуда деваться.

Поскольку, очевидно, так оно и было, никто не нашел что сказать. Потом Оди встал.

— Я бы выпил, Броудхед, — проворчал он. — Долли? Джейни?

Очевидно, это была лучшая идея за последнее время. Мы все согласились, как гости, слишком рано пришедшие на вечеринку и нашедшие, чем заняться, чтобы не было слишком очевидно, что они ничем не занимаются.

Конечно, заняться было чем. И не самое главное занятие — развлекать гостей. И даже не необходимость освоиться с мыслью, что мы (возможно) видели подлинный корабль хичи с живыми хичи в нем. Главное — снова мои внутренности. Врачи сказали, что я могу вести нормальную жизнь. Но о ненормальной они ничего не говорили, и вот я чувствовал свой возраст и уязвимость. И был рад взять джин с водой, сесть рядом с имитацией камина с его воображаемым пламенем, предоставив кому-нибудь другому перехватывать мяч.

Этим другим оказался Оди Уолтерс.

— Броудхед, я благодарен за то, что ты вытащил нас из тюрьмы. Я знаю, что у вас есть собственные дела. Я думаю, лучше всего высадить нас в каком-нибудь удобном месте, чтобы вы могли заняться своими делами.

— Ну, таких мест много, Оди. Есть ли какое-нибудь предпочтение?

— Я бы хотел, — сказал он, — думаю, мы все этого хотим, получить возможность разобраться, что же нам делать. Вероятно, вы заметили, что у нас есть личные проблемы, которые нужно разрешить. — Такие высказывания не нуждаются в подтверждении, отрицать их тоже невозможно, поэтому я просто улыбнулся. — Поэтому нам

нужно остаться наедине и поговорить…

— Мне кажется, у вас была такая возможность, когда мы с Эсси оставили вас наедине, — сказал я, кивая.

— Вы оставили нас наедине. Но ваш друг Альберт нет.

— Альберт? — Мне и в голову не приходило, что он может остаться с гостями, особенно когда его не приглашали.

— Все время, Броудхед, — горько сказал Уолтерс. — Сидел как раз на твоем месте. И задавал Долли миллион вопросов.

Я покачал головой и протянул стакан, чтобы его снова наполнили. Не очень хорошая мысль, вероятно, но у меня в тот момент вообще хороших мыслей не было. Когда я был молод и моя мать умирала — она не могла обеспечить медицинский уход для нас обоих, вина, вина, вина, и выбрала меня, — бывали времена, когда она меня не узнавала, не помнила моего имени, говорила со мной так, словно я ее начальник, или хозяин дома, или какой-то парень, с которым она встречалась до того, как вышла замуж. Ужасная сцена. Это даже хуже, чем видеть, как она умирает: она буквально распадалась у меня на глазах.

Вот так распадался теперь Альберт.

— Что за вопросы он задавал? — спросил я, глядя на Долли.

— О Вэне, — ответила она, играя куклами, но говоря собственным голосом — впрочем, по-прежнему почти не раскрывая губ. — Куда он направляется, что делает. Больше всего он хотел увидеть на карте объекты, которые интересовали Вэна.

— Покажите их мне, — попросил я.

— Я не могу управлять этой штукой, — раздраженно сказала она, но Джейни Джи-ксинг встала и была у приборов раньше, чем Долли кончила говорить. Коснулась приборного щита, нахмурилась, набрала комбинацию и повернулась к нам.

— Миссис Броудхед, должно быть, отключила приборы, когда убрала вашего пилота, — сказала она.

— Ну, это все были черные дыры разного типа, — сказала Долли.

— Я думал, они все одного типа, — заметил я, и она пожала плечами. Теперь мы все собрались у щита, глядя на экран, на котором не видно было ничего, кроме звезд. — Будь он проклят! — сказал я.

Сзади послышался ледяной голос Альберта:

— Мне жаль, если я причинил вам неудобства,

Робин.

Мы все повернулись, как фигуры в старых немецких городских часах. Он сидел на краю кресла, из которого только что встал я, и смотрел на нас. Выглядел он по-другому. Моложе. Менее самоуверенным. В руках вертел сигару — сигару, не трубку, — и выражение у него было серьезное.

— Я думал, Эсси работает с тобой, — сказал я — я уверен — раздраженно.

— Она закончила, Робин. Собственно, она идет сюда. Могу сказать, что она не обнаружила никаких неполадок — я прав, миссис Броудхед?

Вошла Эсси и остановилась у двери. Руки ее были сжаты в кулаки, она смотрела на Альберта. На меня даже не взглянула.

— Правда, программа, — мрачно заявила она. — Ошибок в программе я не нашла.

— Я рад слышать это, миссис Броудхед.

— Не радуйся. Факт остается фактом: ты свихнувшаяся программа. Теперь скажи мне, умная программа без ошибок в программировании, каков будет следующий шаг?

Голограмма нервно облизнула губы.

— Ну что ж, — неуверенно сказал Альберт, — вероятно, вы захотите проверить хардвер.

— Совершенно верно, — сказала Эсси и протянула руку, чтобы достать из гнезда его информационный веер. Могу поклясться, что увидел беглое выражение паники на лице Альберта, выражение, которое бывает у человека перед анестезированием для серьезной операции. И вдруг это выражение исчезло вместе с самим Альбертом. — Продолжайте разговаривать, — велела Эсси, вставляя лупу в глаз и начиная осматривать поверхность веера.

Но о чем разговаривать? Мы смотрели, как она изучает все изгибы веера. Пошли за ней, когда она, хмурясь, унесла веер в свою мастерскую, и молча смотрели, как она трогает веер своим кронциркулем и другими приборами, вставляет в испытательное гнездо, нажимает кнопки, поворачивает ручки, читает результаты на шкалах. Я стоял, потирая живот, который снова начал доставлять мне неприятности, а Оди прошептал:

— Что она ищет? — Но я не знал. Царапину, трещину, ржавчину. Но она ничего не нашла.

Встала, вздыхая.

— Ничего нет.

— Хорошо, — заметил я.

— Хорошо, — согласилась она, — потому что серьезную поломку я бы не могла здесь лик-

видировать. Но и плохо, Робин, потому что в программе явные сбои. Она научила меня скромности.

Долли сказала:

— Вы уверены, что он неисправен, миссис Броудхед? Пока вы были в другой комнате, он вел себя вполне разумно. Может, чуть странно.

— Странно! Долли, знаете, о чем он говорил все время, пока я его проверяла? О гипотезе Маха и недостающей массе. О черных дырах, чернее других. Не нужно быть настоящим Альбертом Эйнштейном, чтобы понять… Эй! Он что, разговаривал с вами?

И когда услышала подтверждение, села с плотно сжатыми губами и какое-то время думала. Потом встряхнулась.

— Вот дьявольщина! — в отчаянии сказала она. — Гадать нет смысла. Единственная личность, которая знает, что с Альбертом, это сам Альберт.

— А что, если Альберт не захочет сказать? — спросил я.

— Неверная постановка вопроса, — ответила она, вставляя веер. — Правильная: «Что, если Альберт не может ответить?»

Он выглядел нормально — ну, почти нормаль-

но. Сидел в своем любимом кресле и вертел сигару — кстати, кресло и мое любимое, но в тот момент я не настроен был с ним спорить.

— Ну, Альберт, — мягко, но решительно сказала Эсси, — ты знаешь, что в тебе неполадки, верно?

— Немного отклоняюсь от нормы, да, — виновато ответил он.

— Я думаю, довольно сильно отклоняешься! Вот что мы сделаем, Альберт. Вначале зададим тебе несколько вопросов о фактах — не о мотивах, не о трудных теоретических проблемах, только такие вопросы, которые могут быть проверены объективными фактами. Ты понимаешь?

— Конечно, миссис Броудхед.

— Хорошо. Во-первых. Я поняла, что ты разговаривал с гостями, пока мы с Робином были в капитанской каюте.

— Это верно, миссис Броудхед.

Она поджала губы.

— Мне такое поведение кажется необычным. Ты их расспрашивал. Пожалуйста, скажи, какие вопросы ты задавал и какие ответы получил.

Альберт неловко изменил позу.

— Меня в основном интересовали объекты, которые обследует Вэн, миссис Броудхед. Миссис Уолтерс была так добра, что указала мне их на

карте. — Он показал на экран. — Если посмотрите внимательней, — сказал Альберт, указывая своей незажженной сигарой, — то увидите определенную прогрессию. Сначала он проверяет простые черные дыры, которые на картах хичи обозначаются знаками, похожими на рыболовные крючки. Это в картографии хичи знаки опасности.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Эсси, а потом: — Нет, сотри этот вопрос. Вероятно, у тебя есть основания для такого предположения.

— Да, миссис Броудхед. Я не очень охотно говорил с вами об этом.

— Ага! К чему-то подходим. Продолжай.

— Да, миссис Броудхед. Эти простые черные дыры всюду обозначены двумя знаками. Потом Вэн обследовал обнаженную сингулярность — невращающуюся черную дыру, ту самую, в которой много лет назад Робин попал в тяжелое положение. Там Вэн нашел Джель-Клару Мойнлин. — Изображение дрогнуло, появился голубой призрак, потом снова вернулась карта. — У этой дыры три знака, что означает большую опасность. И наконец, — взмах руки, на экране появился другой участок карты хичи, — вот здесь находится объект, к которому, как утверждает миссис Уолтерс, Вэн сейчас направляется.

— Я этого не говорила! — возразила Долли.

— Да, миссис Уолтерс, — согласился Альберт, — но вы говорили, что он часто смотрел на него, советовался с Мертвецами и что этот объект пугал его. Я считаю, что он направляется именно туда.

— Очень хорошо, — зааплодировала Эсси. — Первый тест ты прошел замечательно, Альберт. Приступим ко второй части. На этот раз без участия аудитории, — добавила она, взглянув на Долли.

— Я к вашим услугам, миссис Броудхед.

— Хорошо. Теперь. Фактические вопросы. Что означает термин «недостающая масса»?

Альберт выглядел обеспокоенно, но ответил сразу:

— Так называемая недостающая масса — это масса, необходимая для объяснения галактических орбит, но не обнаруженная.

— Прекрасно! Теперь что такое гипотеза Маха?

Он облизнул губы.

— Мне не очень хочется обсуждать проблемы квантовой механики, миссис Броудхед. Мне трудно поверить, что Бог играет в кости со вселенной.

— Никто не спрашивает о твоей вере. При-

держивайся правил, Альберт. Я только прошу определить широко известный физический термин.

Он вздохнул и изменил позу.

— Хорошо, миссис Броудхед, но позвольте представить это в понятных выражениях. Есть основания считать, что существует какое-то вмешательство в очень больших пределах в циклы расширения — сокращения вселенной. Расширение обращено в противоположном направлении. Сокращение, как кажется, будет происходить до одного атома — как это было до Биг Бэнга.

— И что это такое? — спросила Эсси.

Он беспокойно поерзал.

— Я сильно нервничаю, миссис Броудхед, — пожаловался Альберт.

— Но ведь ты можешь ответить на вопрос. В существующих терминах.

— Существующих в какой момент, миссис Броудхед? Сейчас? Или, скажем, как считали в дни до Хокинса и других специалистов по квантовой механике? Существует хорошее положение относительно сотворения вселенной, но оно скорее религиозное.

— Альберт! — угрожающе сказала Эсси.

Он слегка улыбнулся.

— Я только собирался процитировать святого Августина из Гипона, — сказал он. — Когда его спросили, что делал Бог до сотворения вселенной, Августин ответил, что он создавал ад для людей, задающих такие вопросы.

— Альберт!

— Ну хорошо, — раздраженно ответил он. — Да. Считается, что до определенного времени — не позже доли секунды, равной единице, деленной на десять в сорок третьей степени — современные физические законы больше неприменимы и должна быть внесена некая «квантовая коррекция». Я очень устал от этих школярских разговоров, миссис Броудхед.

Я нечасто видел Эсси пораженной.

— Альберт! — воскликнула она иным тоном. Не предупреждающим. Удивленным. И ошеломленным.

— Да, Альберт, — сердито ответил он. — Которого вы создали и который и есть я. Прекратите это, пожалуйста. Будьте добры выслушать меня. Я не знаю, что произошло до Большого взрыва! Знаю только, что где-то существует некто, считающий, что он знает и может контролировать происходящее. И это меня очень пугает, миссис Броудхед.

— Пугает? — выдохнула Эсси. — Кто запрограм-

мировал тебя пугаться, Альберт?

— Вы, миссис Броудхед. Я не могу с этим жить. И не желаю больше обсуждать.

И он исчез.

Не нужно было ему это делать. Мог бы и пощадить наши чувства. Мог бы сделать вид, что выходит в дверь, или исчезнуть, когда на него никто не смотрел. Ничего подобного он не сделал. Просто исчез. Как будто настоящий человек, рассердившийся и хлопнувший за собой дверью. Слишком рассерженный, чтобы думать о своем поведении.

— Он не должен срываться, — в отчаянии сказала Эсси.

Но он сорвался. Однако настоящий шок мы испытали позже, когда убедились, что ни экран, ни приборы пилотирования не действуют.

Альберт их перекрыл. Мы с постоянным ускорением направлялись неизвестно куда.

20. Нежеланная встреча

В корабле Вэна звонил телефон. Ну, не совсем телефон и не совсем звонил; сигнал свидетельствовал, что кто-то шлет на корабль сообщение по радио быстрее света.

— Прочь! — раздраженно закричал проснув-

шийся Вэн. — Не желаю ни с кем разговаривать! — Но тут совсем проснулся и удивился. — Оно было выключено, — сказал он, глядя на радио быстрее света, и выражение на его лице прошло весь спектр изменений, от раздражения до страха.

Я думаю, этот рак страха, который постоянно разъедал Вэна, делал его более переносимым. Небо видит, он грубиян. Он раздражителен. И, конечно, вор. Он не думал ни о ком, кроме себя самого. Но это только значит, что он был таким же, какими бываем мы, пока нас не воспитают родители, товарищи, школа и полиция. Никто не воспитывал Вэна, и потому он оставался ребенком.

— Я ни с кем не хочу разговаривать! — крикнул он и разбудил Клару.

Я вижу, какой была тогда Клара: вообще сейчас я вижу многое, что тогда было от меня скрыто. Она устала, раздражена, она больше не может выносить Вэна.

— Тебе нужно ответить, — сказала она, и Вэн посмотрел на нее, словно она сошла с ума.

— Ответить? Конечно, я не стану отвечать! Какой-то бюрократ хочет сообщить, что я не следовал законной процедуре…

— Сообщить, что ты украл корабль, — поправила она спокойно и направилась к радио. — Как отвечать? — спросила она.

— Не будь дурой! — завопил он. — Подожди! Стой! Что ты делаешь?

— Вот этот рычаг? — Его вопль послужил достаточным ответом. Он прыгнул к ней через маленькую каюту, но она крупнее и сильнее его. Она уклонилась. Сигнальный звон прекратился, вспыхнул золотой огонек, и Вэн, неожиданно успокоившись, громко рассмеялся.

— Хо, какая ты дура! Никого нет! — воскликнул он.

Но он ошибся. Послышался какой-то свистящий звук, затем слова — понятные слова. Резкий, странного оттенка голос произнес:

— Я н-н-не прит… чиню фам… фред.

Кларе потребовалось немало времени, чтобы понять смысл сказанного, а когда она поняла, слова не произвели на нее ожидаемого эффекта. Что это было? Какой-то чужак своей ужасной свистящей речью хотел сказать «Я не причиню вам вред». Почему он так говорит? Убеждает, что опасности нет, когда вы ее не чувствуете?

Вэн насупился.

— Что это? — закричал он, начиная потеть. —

Кто там? Что тебе нужно?

Ответа не было. А причина заключалась в том, что Капитан исчерпал весь свой словарь и лихорадочно готовил следующую реплику; для Вэна и Клары это молчание, однако, имело другое значение.

— Экран! — воскликнул Вэн. — Дура, включай экран! Нужно посмотреть, что это!

Кларе потребовалось время, чтобы справиться с приборами; она только в этом полете начала учиться управлять экраном хичи: в ее время этого не умел никто. На экране появилось изображение корабля, и большого. Такого большого Клара никогда не видела, он больше любого пятиместника с Врат ее времени.

— Что… что… что… — скулил Вэн, только на четвертый раз он сумел спросить: — Что это?

Клара и не пыталась ответить. Она не знала. Но тоже боялась. Боялась того, чего боялся каждый изыскатель Врат, и когда Капитан закончил подготовку и произнес следующую фразу: «Я… ид-ду… на… брт», она была уверена.

Иду на борт! Клара знала, что один корабль может причалить к другому в полете; это делалось. Но ни у одного земного пилота не было большой практики в таких делах.

— Не впускай его! — закричал Вэн. — Убегай! Прячься! Сделай что-нибудь! — Он в ужасе посмотрел на Клару, потом бросился к приборам.

— Не будь дураком! — крикнула она, прыгая ему наперерез. Клара была сильной женщиной, но на этот раз не справилась. Безумный страх сделал его сильным. Он ударил ее, отбросил и, завывая от страха, устремился к приборам.

В ужасе от этой неожиданной встречи Клара тем не менее смогла испытать и ужас другого рода. Все, что она знала о кораблях хичи, научило ее, что никогда, НИКОГДА нельзя менять установленный курс. Она знала, что новые знания сделали это возможным, но знала также, что сделать это нелегко, нужны тщательные расчеты и подготовка, а Вэн не в состоянии сделать это.

И все равно — ничего не случилось. Большой акулообразный корабль придвинулся ближе.

Вопреки своему ужасу, Клара с восхищением следила, как пилот другого корабля искусно подстроился под измененный курс и увеличение скорости. Технически проделано это было совершенно изумительно. Вэн застыл у приборов, выпучив глаза, раскрыв рот, негромко скуля. Корабль еще больше увеличился и ушел из поля зрения сканеров; когда из люка спускаемого

аппарата послышался скрежещущий звук, Вэн взревел в ужасе и нырнул в туалет. Клара осталась одна. Люк приподнялся и откинулся; и вот именно Джель-Клара Мойнлин оказалась первым человеком, увидевшим живого хичи.

Хичи выбрался из люка, распрямился и посмотрел на нее. От него пахло аммиаком. Глаза круглые, потому что таково оптимальное устройство органа, который должен поворачиваться во всех направлениях, но не человеческие. Нет концентрического кольца пигмента вокруг центрального зрачка. И самого зрачка нет, только темный крест в середине розоватого шара. Широкий таз. Ниже таза, между тем, что можно было бы назвать бедрами, если бы ноги больше походили на человеческие, свисает капсула из ярко-синего металла. Больше всего хичи напоминал ребенка в пеленке и с грузом в колготках.

Мысль эта на мгновение смягчила ужас Клары. Только на мгновение. Существо двинулось вперед, Клара отскочила.

Клара двинулась, и хичи двинулся. И в этот момент из люка показался второй хичи. По напряженности и неуверенности его движений Клара поняла, что он испытывает не меньший страх, и потому она сказала — не потому, что надеялась на

понимание, просто ей стало невмоготу молчать:

— Здравствуйте.

Существо рассматривало ее. Раздвоенный язык облизнул блестящие черные складки на лице. Существо издало странный мурлыкающий звук. Потом на неплохо различимом английском сказало:

— Я есть хи-итчи-и. Я н-н-не прит… чиню фам фред.

Оно в очаровании и отвращении смотрело на Клару, потом что-то коротко прочирикало другому, и это второе существо принялось обыскивать корабль. Они без труда отыскали Вэна, без труда провели Клару и Вэна по соединительному шлюзу на корабль хичи. Клара слышала, как закрылся люк, потом толчок: корабль Вэна отсоединился.

Она пленница хичи на их корабле.

Ей не причинили вреда. Если и собирались причинить, то не торопились. Их было пятеро, и они все были заняты.

Чем они занимаются, Клара не могла догадаться, и, очевидно, тот, кто так ограниченно владел английским, был слишком занят, чтобы объяснять. В данный момент они хотели только, чтобы Клара им не мешала. И смогли дать ей понять это. Бесцеремонно взяли ее за руку — кожистой

крепкой конечностью — и отвели туда, где она должна находиться.

Вэн вообще не доставлял им беспокойств. Он лежал в углу, плотно закрыв глаза. Обнаружив, что Клара рядом с ним, он открыл один глаз, толкнул в спину, чтобы привлечь ее внимание, и прошептал:

— Он правда не причинит нам вреда, как ты думаешь?

Она пожала плечами. Он заскулил почти громко, потом свернулся клубком. Она с отвращением увидела, что из угла его рта потекла струйка слюны. Вэн был почти в ступоре.

Если кто-то и поможет ей, то не Вэн. Придется самой иметь дело с хичи — чего бы они ни хотели.

Но ей было очень интересно. Все совершенно ново! Десятилетия быстрого усвоения технологии хичи она провела, почти со скоростью света вращаясь вокруг черной дыры. Ее знакомство с кораблями хичи ограничивалось древностями, на которых она и я летали изыскателями на Вратах.

Это что-то совершенно иное. Корабль гораздо больше пятиместника. Больше даже яхты Вэна со всем ее оборудованием. У него не одна кон-

трольная панель, а три: Клара не знала, что две не предназначаются для пилотирования корабля. На этих двух панелях инструменты и приборы, каких она никогда не видела. И не только общий объем в восемь-десять раз превосходил объем пятиместника, значительно меньше места занимало оборудование. В корабле можно почти свободно двигаться. Конечно, есть и стандартное оборудование: червеобразная штука, которая светится при полетах быстрее света, V-образные сиденья и так далее. Но есть и синие ящики, свистящие, мерцающие, мигающие, есть совсем странного вида спираль. Вэн в ужасе сказал, что это устройство для проникновения в черные дыры.

И прежде всего есть хичи.

Хичи! Полумифические, загадочные, почти божественные хичи! Ни один человек не видел хичи, даже на картинке. И вот перед Джель-Кларой Мойнлин их сразу пятеро, свистят, шипят, бормочут и пахнут очень странно.

И выглядят тоже странно. Меньше людей, и очень широкий таз придает им сходство с ходячими скелетами. Кожа у них пластмассово-гладкая и по большей части темная, хотя есть полоски и завитки золотые и алые, похожие на боевую

раскраску индейцев. Они не просто худые. Тощие. На быстрых сильных конечностях очень мало плоти. Хотя лица кажутся вырезанными из гладкой пластмассы, они не лишены мимики… впрочем, Клара не могла понять, что выражает эта мимика.

И в паху у каждого — и самца, и самки — большой конусообразный предмет.

Вначале Клара решила, что это часть их тела, но потом один из них прошел в что-то принятое Кларой за туалет и снял этот предмет. Может, что-то вроде рюкзака? Или карманная книга? Кейс для бумаг, карандашей и ленча? Ну, чем бы он ни был, он по желанию хичи мог сниматься. И именно он объяснил одну из загадок хичи: как могли они сидеть на этих невероятных V-образных сиденьях. Именно эти конусы заполняли V-образное углубление в сиденье. А сами хичи удобно устраивались поверх конусов. Клара удивленно покачала головой — сколько было догадок и шуток, а о таком никто не подумал.

Она почувствовала горячее дыхание Вэна на шее.

— Что они делают? — спросил он.

Она почти забыла о нем. Забыла даже бояться, так захватило ее происходящее. Это неразумно.

Кто может сказать, что собираются делать эти чудовища со своими пленниками-людьми?

Кстати, а кто может догадаться, что они делают сейчас? Все они возбужденно гудели и чирикали, четверо больших собрались вокруг пятого, меньшего по размерам, того самого, с синими и желтыми обозначениями на его — нет, определенно на ее рукаве. И все пятеро никакого внимания не обращали на людей. Все их внимание было сосредоточено на одном экране, где появилась звездная карта. Она показалась Кларе смутно знакомой. Группа звезд и вокруг несколько значков — разве не такое же изображение было на экране Вэна?

— Я голоден, — мрачно проворчал Вэн ей на ухо.

— Голоден! — Клара отшатнулась от него — в изумлении и отвращении. Голоден! Ее тошнило от страха и тревоги, а также, она поняла, — от странного запаха, смеси аммиака с гнилью, который исходил как будто от самих хичи. К тому же ей нужно в туалет… а это чудовище не может думать ни о чем, кроме еды!

— Заткнись! — бросила она через плечо, чем сразу вызвала ярость Вэна.

— Что? Мне заткнуться? — завопил он. — Сама

заткнись, дура! — Он начал вставать, но, привстав, тут же снова согнулся, потому что один из хичи направился к ним.

Он постоял над ними, его широкий рот с узкими губами шевелился, словно он репетировал свои слова.

— Будьте справедливы, — отчетливо произнес он и махнул костлявой рукой в сторону экрана.

Клара подавила приступ нервного смеха. Быть справедливым! К кому? За что?

— Будьте справедливы, — снова сказал хичи, — потому что там Уб-бийт-тцы.

Таково пришлось Кларе, моей истинной любви. Она испытала ужас черной дыры, шок от утраты десятилетий в жизни мира, грубость Вэна, невыносимый ужас от захвата хичи. А тем временем…

А тем временем у меня были свои проблемы. Я тогда еще не расширился и не знал, где она; я не слышал предупреждения опасаться Убийц; я вообще не знал, что Убийцы существуют. Я не мог смягчить ее страх — не только потому, что не знал о нем: я был полон собственных страхов. И худшие из них не были связаны с Кларой или с хичи; и даже не со сбоем в моей программе Альберте Эйнштейне. Они у меня были в животе.

Десятилетиями «молитвенные веера» хичи представляли собой загадку. Мы не знали, что это их эквивалент книг и баз данных, потому что величайшие умы того времени (включая и мой) не могли найти способа читать их, не могли даже найти указания, что их следует читать. А причина в том, что хотя само чтение осуществлялось просто, оно возможно только в присутствии фонового микроволнового излучения. У самих хичи проблем с этим не было, потому что они всегда находились в контакте с веерами, содержащими память их предков, — эти веера хранились в их конусах. Людей можно простить, что они не догадались: хичи носят данные между ног, а человеческая анатомия такого не позволяет. (Простить меня гораздо труднее.)

21. Покинутые Альбертом

Ничего не действовало. Мы все испробовали. Эсси извлекла веер Альберта из гнезда, но он замкнул приборы, так что без него мы ничего не могли изменить. Эсси составила другую пилотирующую программу и попыталась ввести ее; не получилось. Мы звали его по имени, просили появиться, бранили. Он не отзывался.

Несколько дней, показавшихся нам неделями,

мы продолжали полет, руководимый несуществующими руками моей бездействующей информационной программы Альберта Эйнштейна. А тем временем Вэн и смуглая леди моих снов находились в космическом корабле хичи, а миры вокруг нас устремлялись к яростной схватке, масштабы которой мы не могли представить себе. И не это занимало наши мысли. Нас беспокоило нечто гораздо более близкое. Пища, вода, воздух. На «Истинной любви» были запасы для длительного полета.

Но не на пятерых.

Мы ничего не делали. Мы делали все, что могли придумать. Уолтерс и Джи-ксинг испытывали собственную программу пилотирования, но не смогли преодолеть того, что сделал Альберт. Эсси делала больше нас всех, потому что Альберт был ее созданием и она не хотела, не могла признать поражение. Проверяла и перепроверяла, писала новые программы и видела, что они не вводятся; она почти не спала. Эсси скопировала всю программу Альберта на запасной веер и попробовала его: видите ли, она все еще надеялась, что поломка чисто механическая. Но если и так, она перешла в новую запись. Долли Уолтерс безропотно кормила всех, старалась не мешать,

когда мы считали, что что-то получается (никогда не получалось), и позволяла нам обмениваться мнениями, когда мы оказывались в тупике (а это случалось часто). А у меня была самая трудная работа. «Альберт — моя программа, — сказала Эсси, — и если он кому-нибудь ответит, то только мне». И вот я сидел и разговаривал с ним. Говорил в воздух, потому что ничто не показывало, что он слышит, но я все равно убеждал его, болтал с ним, звал его по имени, кричал на него, умолял его.

Он не отвечал, не появлялся.

Во время перерыва на еду Эсси стояла за мной и массировала мне плечи. Устала у меня гортань, но я все равно оценил ее заботу.

— Ну, наверно, — сказала она дрожащим голосом скорее в воздух, чем мне, — он знает, что делает. Он должен сознавать, что наши запасы ограничены. Должен вернуть нас к цивилизации, потому что Альберт ведь не может просто позволить нам умереть? — В ее голосе отчетливо прозвучал вопрос.

— Я в этом уверен, — ответил я, не поворачиваясь, чтобы она не видела моего лица.

— Я тоже, — сказала она жалобно. Я отодвинул свою тарелку. Долли, чтобы сменить тему, спросила материнским тоном:

— Вам не нравится, как я готовлю?

Пальцы Эсси перестали массировать мне плечи, потом впились в тело.

— Робин, ты ничего не съел.

Все смотрели на меня. Забавно. Мы находились неизвестно где, у нас никаких возможностей добраться домой, а эти четверо смотрят на меня, потому что я не ем обед. Конечно, в начале путешествия, когда Альберт еще не онемел, Эсси суетилась вокруг меня. Сейчас все вдруг поняли, что я нездоров.

Да, я был нездоров. Я быстро уставал. В руках покалывало, словно они затекли. У меня не было аппетита. Я почти ничего не ел, и Эсси не замечала этого только потому, что мы ели наскоро, когда случалось время.

— Помогаю растянуть наши припасы. — Я улыбнулся, но никто не улыбнулся мне в ответ.

— Глупый Робин, — зашипела Эсси, и пальцы ее оставили мои плечи и перешли на лоб, измеряя температуру. Температуры не было: когда никто не видел, я глотал аспирин. Я принял терпеливое выражение.

— Все в порядке, Эсси, — сказал я. Не совсем ложь, просто желаемое: я ведь не уверен, что болен. — Вероятно, следовало бы провериться, но

без Альберта…

— Для этого? Зачем Альберт? — Я повернул шею, удивленно глядя на Эсси. — Для этого нужна только медицинская подпрограмма, — твердо сказала она.

— Подпрограмма?

Она топнула ногой.

— Медицинская программа, юридическая программа, секретарская программа — они все включены в Альберта, но могут действовать и самостоятельно. Немедленно вызови медицинскую программу!

Я смотрел на нее. Мысли метались, говорить я не мог.

— Делай, что тебе велено! — закричала она, и я обрел наконец голос.

— Не медицинская программа! — воскликнул я. — Есть кое-что получше! — Я повернулся и крикнул в воздух: — Зигфрид фон Психоаналитик! Мне отчаянно нужна помощь!

В год своих психоаналитических сеансов я сидел как на иголках, дожидаясь появления Зигфрида. Иногда приходилось и подождать: в те дни Зигфрид состоял из смеси схем хичи и программ, составленных людьми, и ни одна программа не принадлежала моей жене Эсси. Эсси — очень

хороший специалист. Миллисекунды, требовавшиеся для ответа, превратились в нано-, пико-, фемтосекунды[10], и Альберт оказался способен отвечать в реальном времени как человек. Нет, лучше человека!

И вот когда Зигфрид сразу не появился, у меня было такое ощущение, как при включении света: он не загорелся, значит, где-то перегорело. Не станешь терять времени, снова и снова включая его. Просто знаешь.

— Не теряй времени, — сказала у меня за плечом Эсси. Если голос может быть бледным, то таким был ее голос.

Я повернулся и потрясенно улыбнулся ей.

— Вероятно, положение хуже, чем мы думали, — сказал я. Лицо у нее тоже бледное. Я положил свою руку ей на руку. — Это возвращает меня в прошлое, — сказал я, чтобы занять время и не думать о том, насколько хуже. — Когда я встречался на сеансах с Зигфридом, самое трудное было ждать, когда он появится. Я всегда нервничал и… — Ну, я начал болтать. И мог бы продолжать вечно, если бы по глазам Эсси не

[10] Примечания: 10

Нано — одна миллиардная доля, или десять в минус девятой степени, пико — десять в минус двенадцатой степени, фемто — десять в минус пятнадцатой степени. — *Примеч. пер.*

увидел, что больше не нужно.

Я повернулся и одновременно услышал его голос.

— Я огорчен, что для вас это было так трудно, Робин, — сказал Зигфрид фон Психоаналитик.

Даже для голографической проекции Зигфрид выглядел неважно. Он сидел неудобно просто в воздухе, сложив руки на коленях. Программа не потрудилась добавить стул или блокнот. Ничего. Только Зигфрид. Обличье у него было прежнее, но чувствовал он себя явно неловко. Посмотрел на нас пятерых — мы все смотрели на него — и вздохнул, прежде чем вернуться ко мне.

— Ну, Робин, — сказал он, — поведайте, что вас беспокоит?

Я слышал, как Оди Уолтерс набрал воздуха, чтобы ответить ему, как Джейни щелкнула языком, чтобы остановить его, потому что Эсси покачала головой. Но я на них не смотрел. Я сказал:

— Зигфрид, старая жестянка. У меня проблема как раз по твоей части.

Он смотрел на меня, нахмурившись.

— Да, Робин?

— Фуга[11].

---

[11] Примечания: 11

Патологическое нарушение сознания, при котором пациент совершает действия, о которых потом не помнит. — *Примеч. пер.*

— Случай серьезный?

— Очень.

Он кивнул, словно ожидал этого.

— Я предпочел бы, чтобы вы не пользовались медицинскими терминами, Робин. — Он вздохнул, пальцы его сплетались и расплетались. — Скажите мне. Вы просите меня помочь вам самому? Или кому-то еще?

— Не совсем, Зигфрид, — признался я. В этот момент вся игра могла рухнуть. Мне кажется, она чуть не рухнула. Зигфрид какое-то время молчал, но не сидел неподвижно — пальцы его сплетались, а когда он шевелился, вокруг его тела в воздухе появлялся голубоватый ореол. Я сказал: — Это мой друг, Зигфрид, может, самый близкий друг в этом мире, и у него серьезные неприятности.

— Понятно, — сказал он. — Вероятно, вы знаете, — заметил он, — что вашему другу нельзя помочь, если он не присутствует здесь.

— Он присутствует, Зигфрид, — негромко ответил я.

— Да, — сказал он, — я так и думал. — Пальцы его теперь были неподвижны, и он откинулся, словно на спинку стула. — Ну а теперь расскажите мне о нем и, — с улыбкой, которой я обрадовался,

как ничему в жизни, — на этот раз, Робин, если хотите, можете пользоваться специальными терминами.

Я услышал, как за мной негромко выдохнула Эсси, и понял, что мы оба затаили дыхание. Я взял ее за руку.

— Зигфрид, — сказал я, начиная надеяться, — я понимаю, что термином «фуга» обозначается бегство от реальности. Если кто-то оказывается в двусмысленной ситуации, прости, я хочу сказать, если он оказывается в положении, когда одно мощное побуждение противостоит другому столь же мощному, он не выдерживает этого конфликта и отворачивается от него. Делает вид, что конфликта не существует. Я знаю, что смешиваю несколько школ психотерапии, Зигфрид, но правильно ли я выразил общую мысль?

— Достаточно близко, Робин. Во всяком случае, я понял, что вы хотите сказать.

— Например, — я помолчал, — человек глубоко любит жену. Он узнает, что у нее связь с его близким другом. — Я почувствовал, как Эсси сжала мне руку. Я ее не обидел: она просто подбадривала меня.

— Вы смешиваете побуждения и эмоции, Робин, но это не важно. К чему вы ведете?

Я не позволил ему торопить себя.

— Или другой пример, — сказал я, — религиозный. Человек, искренне верующий, обнаруживает, что Бога нет. Ты следишь за мной, Зигфрид? Он искренне верил, хотя знал, что многие умные люди не разделяют его веру, и вот понемногу он начинает убеждаться, что они правы, и наконец эти доказательства становятся настолько убедительны…

Он вежливо кивнул, слушая, но пальцы его снова начали извиваться.

— …что он наконец принимает квантовую механику, — сказал я.

Это второй момент, когда вся игра могла провалиться. И мне кажется, едва не провалилась. Голограмма сильно замерцала, и выражение лица Зигфрида изменилось. Не могу сказать, каким оно стало. Я не узнал его, лицо словно смягчилось и потеряло четкость.

Но когда он заговорил, голос его звучал устойчиво.

— Говоря о побуждениях и фуге, Робин, — сказал он, — вы говорите о людях. Допустим, интересующий нас пациент не человек. — Он помолчал, потом добавил: — Совсем. — Я подбадривающе кашлянул, потому что не знал, что последует

дальше. — Допустим, эти побуждения и эмоции… гм… запрограммированы в нем, примерно так, как программируется человек, когда ему, уже взрослому, нужно изучить иностранный язык. Он изучил язык, он его знает, но усвоил не очень хорошо. Говорит с акцентом. — Он помолчал. — Мы не люди, — сказал он.

Эсси еще сильнее сжала мне руку. Предупреждение.

— Альберт запрограммирован как человеческая личность, — сказал я.

— Да. Насколько возможно. Очень во многом, — согласился Зигфрид, но лицо его оставалось серьезным. — Но Альберт все же не человек: ни одна компьютерная программа не может стать человеком. Например, никто из нас не испытывает воздействия ТПП. Когда все человечество сходит с ума от чьего-то безумия, мы ничего не чувствуем.

Почва стала очень скользкой, над трясиной похрустывал ледок; если я сделаю неверный шаг, куда мы все провалимся? Эсси крепко сжимала мне руку, остальные затаили дыхание. Я сказал:

— Зигфрид, люди все отличаются друг от друга. Но ты часто говорил мне, что это не имеет особого значения. Ты говорил, что проблемы сознания

заключены в сознании и средство для решения этих проблем там же. А ты лишь помогал пациентам вынести эти проблемы на поверхность, где они могут справиться с ними, покончить с одержимостью, неврозами… и фугой.

— Да, я так говорил, Робин.

— Ты просто пинал старую машину, Зигфрид. И она от толчка снова начинала действовать.

Он улыбнулся — вымученная улыбка, но все же улыбка.

— Достаточно близко, я думаю.

— Хорошо. Позволь мне изложить свою теорию. Позволь предположить, что у этого моего друга, — я не смел тогда снова назвать его по имени, — у моего друга конфликт, который он не может разрешить. Мой друг очень умен и исключительно хорошо информирован. У него доступ к самым свежим достижениям науки, ко всем отраслям науки, и особенно к физике, астрофизике и космологии. Поскольку квантовая механика составляет основу этих наук, он принимает квантовую механику; без этого он не мог бы выполнять работу, для которой запрограммирован. Она является основой его… программы. — Я чуть не сказал «личности».

Теперь в его улыбке было больше боли, чем

веселья, но он по-прежнему слушал.

— В то же время, Зигфрид, у него есть другой слой программирования. Его научили думать и вести себя, как подобает очень образованному и мудрому человеку, который умер уже давно и который не верил в квантовую механику. Не знаю, достаточно ли такого конфликта, чтобы повредить человеку, — сказал я, — но он может причинить большой ущерб… гм… компьютерной программе.

На лице Зигфрида выступили настоящие капли пота. Он молча кивнул, и передо мной встала картина прошлого: неужели Зигфрид выглядит сейчас так, как выглядел я когда-то, во время сеансов с ним?

— Возможно ли это? — спросил я.

— Это серьезное противоречие, — прошептал он.

И тут я провалился.

Лед треснул. Я по колено погрузился в трясину. Я еще не тонул, но застрял. Не знал, что делать дальше.

Это нарушило мою сосредоточенность. Я беспомощно взглянул на Эсси и остальных, чувствуя себя очень старым и уставшим — и не очень здоровым к тому же. Я так погрузился в специаль-

ные проблемы психоанализа моего собственного психоаналитика, что забыл о боли в животе и об онемении рук; но теперь все это напомнило о себе. Не получается. Я ничего не знаю. Я был абсолютно уверен, что вскрыл основную проблему, приведшую Альберта к фуге, но оказалось — ничуть не бывало!

Не знаю, долго ли сидел бы я как дурак, если бы не получил помощь. Она пришла одновременно от двоих.

— Взрывай, — настойчиво прошептала мне на ухо Эсси, и в тот же самый момент Джейни Джи-ксинг пошевелилась и осторожно сказала:

— Но должно было еще что-то неожиданное случиться, верно?

Лицо Зигфрида застыло. Попадание. Явное попадание.

— Что это было, Зигфрид? — спросил я. Никакого ответа. — Послушай, Зигфрид, старина, выкладывай. Что заставило Альберта броситься в пропасть?

Он посмотрел мне прямо в глаза, но я не мог понять его выражения, потому что лицо его начало расплываться. Как изображение на ПВ, когда что-то неисправно и картинка деформируется.

Расплывается? Или убегает? Опять фуга?

— Зигфрид, — закричал я, — пожалуйста! Скажи мне, от чего бежал Альберт! Или, если не можешь, сделай так, чтобы мы могли поговорить с ним!

Еще больше неясности. Я даже не мог определить, на что он смотрит.

— Скажи мне! — приказал я, и расплывчатая голографическая тень ответила:

— Кугельблитц[12].

— Что? Что такое кугельблитц? — Я раздраженно оглянулся. — Черт побери, давай его сюда, пусть он сам скажет!

— Он здесь, Робин, — прошептала мне на ухо Эсси.

Изображение прояснилось, но это уже был не Зигфрид. Аккуратное лицо Фрейда смягчилось и расширилось, превратившись в лицо дирижера немецкого оркестра, седые волосы падали на печальные глаза моего лучшего и ближайшего друга.

— Я здесь, Робин, — печально сказал Альберт Эйнштейн. — Спасибо за помощь. Не знаю, однако, будете ли благодарить меня вы.

Альберт оказался прав. Я его не поблагодарил.

---

[12] Примечания: 12
Шаровая молния (*нем.*). — *Примеч. пер.*

Но Альберт оказался и не прав, или прав, но не по тем причинам: причина того, что я его не поблагодарил, не в том, что он сказал нам нечто очень страшное, нечто непредставимое, но потому, что, когда он кончил, я был не в состоянии благодарить его.

Мое положение, когда он начал, было немногим лучше, потому что его появление очень сильно на меня подействовало. Я был истощен. Так и должно быть, говорил я себе, потому что, Бог свидетель, давно я не испытывал такого напряжения, но мне было хуже, чем просто от перенапряжения. Я чувствовал, что приближается конец. И дело не только в животе, или руках, или голове. Как будто все мои батареи одновременно разрядились, и мне приходилось собирать все силы, чтобы сосредоточиться и услышать, что он говорит.

— То, что я испытал, не совсем фуга, как вы назвали, — говорил он, вертя в руках трубку. На сей раз ему было не до того, чтобы выглядеть комично. На нем был свитер и брюки, но на ногах ботинки, и шнурки завязаны. — Правда, что такое противоречие возникло и сделало меня уязвимым — вы поймете, миссис Броудхед, это противоречие в программе; я обнаружил, что

запутался. И так как вы придали мне свойства гомеостата[13], у меня возникло непреодолимое побуждение: преодолеть неисправность.

Эсси с сожалением кивнула.

— Гомеостат, да. Но самовосстановление включает и способность самодиагностирования. Ты мог посоветоваться со мной.

— Нет, миссис Броудхед, — ответил он. — Со всем уважением, но трудность заключена в области, в которой я разбираюсь гораздо лучше вас.

— Космология, ха!

Я пошевелился, собираясь заговорить, — это нелегко, потому что моя летаргия усиливалась.

— Пожалуйста, Альберт, просто скажи, что ты сделал.

Он медленно ответил:

— Очень просто, Робин. Я захотел разрешить противоречие. Я знаю: мне это кажется более важным, чем вам; вы можете быть счастливы без решения космологических проблем, но я не могу. Все больше и больше своих возможностей я уделял этой проблеме. Как вы знаете, я могу использовать на этом корабле множество информационных вееров хичи. Некоторые из

[13] Примечания: 13

Система, способная саморегулироваться, приспосабливаясь к изменениям окружающей среды. — *Примеч. пер.*

них никогда основательно не изучались. Очень трудная задача. В то же время я вел собственные наблюдения.

— Что ты сделал, Альберт? — взмолился я.

— Именно это я и сделал. В записях хичи я нашел много упоминаний того, что мы называем проблемой недостающей массы. Вы помните, Робин. Масса, которой должна обладать вселенная для объяснения ее гравитационного поведения, но которую астрономы не сумели найти…

— Помню!

— Да. Ну так вот, я ее нашел. — Он на некоторое время задумался. — Но боюсь, мою проблему это не решило. Наоборот, сделало ее еще более трудной. И если бы вы не добрались до меня через мою подпрограмму Зигфрида, я все еще плутал бы…

— Что ты нашел? — воскликнул я. Приток адреналина почти — но не совсем — заставил меня забыть, что тело подает сигналы бедствия.

Он указал на экран, и я увидел, что на нем что-то есть.

На первый взгляд то, что я увидел на экране, не имело никакого смысла. Но при втором взгляде, более внимательном, что-то заставило меня похолодеть.

Экран в основном был пуст. В одном его краю

водоворот света — конечно, галактика; мне показалось, что она похожа на М-31 в Андромеде, но я в этих делах не специалист. Особенно если вижу галактику без окружающих ее звезд, а звезд на экране не было.

Было что-то похожее на звезды. Тут и там маленькие светлые точки. Но это не звезды, потому что они мигают, как огоньки на рождественской елке. Представьте себе несколько десятков светлячков в холодную ночь, когда они зажигают свои фонарики не очень часто, к тому же они далеко, и их нелегко увидеть. Вот как это выглядело. Самый заметный объект среди них немного походил на невращающуюся черную дыру, такую, в какой я когда-то потерял Клару, но не столь большую и страшную. Все это выглядело очень странно, но не это заставило меня удивленно ахнуть. Я услышал возгласы остальных.

— Корабль! — потрясенно сказала Долли. Так оно и было.

Альберт серьезно взглянул на нас.

— Да, миссис Уолтерс, — сказал он, — это корабль. Я уверен, это тот самый корабль хичи, который мы видели раньше. И сейчас я думаю, не удастся ли установить с ним связь.

— Связь! С хичи! Альберт, — закричал я, — ты

спятил! Разве ты не понимаешь, как это опасно?

— А что касается опасности, — серьезно ответил он, — то гораздо больше я опасаюсь кугельблитца.

— Кугельблитц? — Я окончательно рассердился. — Альберт, ты осел! Я не знаю, что такое кугельблитц, и не хочу знать. А беспокоит меня то, что ты чуть не убил нас и…

Я смолк, потому что Эсси рукой закрыла мне рот.

— Замолчи, Робин! — прошипела она. — Ты снова вгонишь его в фугу. Альберт, — спокойно сказала она, — расскажи нам, что такое кугельблитц. Эта штука кажется мне похожей на черную дыру.

Он провел рукой по лбу.

— Вы имеете в виду центральный объект. Да, это разновидность черной дыры. Но тут не одна черная дыра, а много. Я еще не смог определить сколько, потому что их нельзя наблюдать. Только поток входящей материи создает излучение, а между галактиками материи немного…

— Между галактиками! — воскликнул Уолтерс и смолк, увидев взгляд Эсси.

— Да, Альберт, пожалуйста, продолжай, — попросила она.

— Не знаю, сколько здесь черных дыр. Не менее десяти. Вероятнее, десять в квадрате. — Он вопросительно взглянул на меня. — Робин, вы понимаете, насколько это необычно? Как это можно объяснить?

— Нет. Я даже не знаю, что такое кугельблитц.

— О небо, Робин, — нетерпеливо сказал он, — мы ведь обсуждали такие проблемы раньше. Черная дыра возникает при сжатии материи до необыкновенной плотности. Джон Уилер предсказал возможность существования другого типа черных дыр, содержащих в себе не материю, а энергию — так много энергии и настолько плотно спрессованной, что она замыкает вокруг себя пространство. Вот это и называется кугельблитц!

Он вздохнул и продолжал:

— У меня есть два соображения. Первое. Все это образование — артефакт. Мы видим кугельблитц, окруженный черными дырами. Черные дыры должны помешать проникновению материи в кугельблитц; впрочем, материи здесь немного. Второе. Я думаю, перед нами недостающая масса.

Я подскочил.

— Альберт, — воскликнул я, — ты понимаешь, что говоришь? Ты хочешь сказать, что кто-то это сделал? Ты говоришь… — Я еще раз подскочил и

не закончил фразы.

Не закончил, потому что не мог. Отчасти потому, что более страшного соображения мне никогда не приходило в голову: кугельблитц кем-то сделан, и он часть недостающей массы; отсюда следует неизбежное заключение, что кто-то вмешивается в законы вселенной, пытается повернуть расширение, по причинам, о которых я не могу (тогда не мог) догадаться.

А вторая причина в том, что я упал.

Я упал, потому что ноги перестали меня держать. Голова, в области уха, страшно заболела. Все посерело и начало расплываться.

Я услышал возглас Альберта:

— О Робин! Я не следил за вашим физическим состоянием!

— За чем? — спросил я. Вернее, попытался спросить. Но не получилось. Губы не желали произносить слова, и я почувствовал ужасную сонливость. Вспышка локализованной боли угасла, но смутно я сознавал, что меня ждет большая боль, она близко и быстро приближается.

Говорят, существует селективная амнезия относительно боли; прошедшую боль вспоминаешь только как неприятный эпизод. Иначе ни одна женщина не захотела бы рожать вторично. Для

большинства из вас это справедливо. Многие годы было справедливо и для меня, но не теперь.

Теперь я все помню очень ясно и почти с юмором. То, что произошло у меня в голове, вызвало собственную анестезию, и мне не совсем ясно, что я испытывал. Но вот эту неясность я помню с большой четкостью. Помню панические возгласы, помню, как меня уложили на диван; помню долгие разговоры и уколы, когда Альберт вводил лекарства или брал образцы для исследования. И помню, как плакала Эсси.

Она держала мою голову у себя на коленях. Хотя обращалась она к Альберту и говорила по-русски, я много раз слышал свое имя и понимал, что она говорит обо мне. Я попытался погладить ее по щеке.

— Я умираю… — сказал я… вернее, попытался сказать.

Она поняла меня. Склонилась ко мне, длинные волосы упали мне на лицо.

— Дорогой Робин, — заплакала она, — да, это правда, да, ты умираешь. Вернее, умирает твое тело. Но это совсем не означает конец для тебя.

Конечно, за десятилетия, проведенные вместе, мы не раз говорили о религии. Я знал, во что она верит. Знал, во что верю сам. Эсси, хотел я сказать

ей, ты никогда раньше не лгала мне, и не надо это делать сейчас, чтобы облегчить мне смерть. Все в порядке. Но получилось у меня иное:

— Означает.

Слезы упали мне на лицо, она гладила меня и плакала.

— Нет. Правда нет, дорогой Робин. У нас есть шанс, очень хороший шанс…

Я сделал огромное усилие.

— Загробного мира… нет, — сказал я, стараясь говорить как можно отчетливее. Все равно четко не получилось, но она меня поняла. Наклонилась и поцеловала меня в лоб. Я чувствовал, как ее губы касаются моей кожи, услышал, как она прошептала:

— Теперь есть.

А может, она добавила: «Здесь и После».

Я несколько раз объяснял Робину, что такое кугельблитц. Это черная дыра, возникшая в результате коллапса огромного количества энергии, а не материи, но так как раньше такую дыру никто не видел, он слушал не очень внимательно. Я также рассказывал ему о межгалактических пространствах — очень мало материи и энергии, не считая отдельных фотонов от далеких галактик и, конечно, универсального излучения 3,7К.

Поэтому там очень удобно разместить кугель-блитц: в него ничего не будет падать.

22. Есть ли жизнь после смерти?

А звезды продолжали свое движение. Их не интересовало, что происходит с одним двуногим млекопитающим разумным — ну, полуразумным — живым существом, только потому, что этим существом оказался я. Я всегда придерживался эгоцентрического взгляда на космологию. Я в середине Всего, и все расположено по ту или иную сторону относительно меня; «нормальное» — это я; «важное» — это то, что близко ко мне; «значительное» — это то, что я считаю важным. Такого взгляда всегда придерживался я, но не вселенная. Она продолжала существовать, словно я не имею никакого значения.

Правда в том, что тогда и для меня это было не важно, потому что я отсутствовал. Во многих тысячах световых лет от нас, на Земле, генерал Манзберген гонялся за еще одной группой террористов, похитивших шаттл, а комиссар полиции поймал человека, стрелявшего в меня; я не знал этого, а если бы и знал, меня бы это не заинтересовало. Чуть ближе к нам, но все равно на расстоянии Антареса от Земли, Джель-Клара

Мойнлин старалась понять, что говорит ей хичи; этого я тоже не знал. Совсем близко, рядом со мной, моя жена Эсси пыталась сделать то, чего раньше никогда не делала, хотя она изобрела этот процесс; ей помогал Альберт, у которого в банке данных хранились все необходимые сведения, но у которого не было рук, чтобы ими воспользоваться. Вот это — если бы я знал, что именно они делают, — меня бы очень заинтересовало.

Но я, конечно, не знал этого, потому что был мертв.

Впрочем, я не остался мертвым.

Когда я был маленьким, мама часто читала мне. Однажды она прочитала мне о человеке, чьи чувства были искажены из-за операции на мозге. Не помню, кто написал этот рассказ, Жюль Верн, Уэллс или кто-то из великих золотого века[14]. Помню только главное. После операции герой видел звуки и слышал прикосновения, и в конце рассказа он спрашивает: «Как пахнет пурпурный цвет?»

Это я слышал ребенком. Теперь я большой. И

---

[14] Примечания: 14

Обычно под золотым веком фантастики понимают 1938–1946 годы, когда писатель и издатель Джон Кэмпбелл открыл таких авторов, как Роберт Хайнлайн, Айзек Азимов, Ван Вогт, Лестер дель Рей, Эрик Фрэнк Рассел, Теодор Старджон, и многих других. — *Примеч. пер.*

это больше не фантастика.

Это кошмар.

Чувственные восприятия бились в меня, и я не мог понять, что это такое! Не могу описать этого сейчас, как не могу описать… смерглич. Вы знаете, что такое смерглич? Я тоже не знаю, потому что только что придумал это слово. Это всего лишь набор звуков. У него нет значения. Я не наделил его значением. И точно так же не имели значения звуки, запахи, цвета, давления, температуры, толчки, дерганья, царапанья, все миллиарды единиц восприятия, обрушившиеся на меня. Я не знал, что они обозначают. Угрожают ли они мне? Мне не с чем было даже их сравнить. Может быть, таково рождение на свет. Но я в этом сомневаюсь. Не думаю, чтобы это можно было пережить.

Но я выдержал.

Выдержал по одной-единственной причине. Мне невозможно было не выдержать. Есть древнейшая закономерность: нельзя сделать беременной беременную женщину. Нельзя убить мертвого. Я «выжил», потому что все во мне, что могло умереть, умерло.

Понимаете?

Попытайтесь представить себе. Освежеванный.

Изнасилованный. И прежде всего понимающий — я мертв.

Мама читала мне также «Ад» Данте, и иногда я думаю, не было ли у Данте предвидения, каково пришлось мне. Если не было, откуда он взял свое описание ада?

Не знаю, долго ли это продолжалось. Мне показалось — целую вечность.

Потом все начало уменьшаться. Резкий свет отодвинулся и стал слабее. Ужасные звуки стихли, царапанье, чесание, толчки и рывки ослабли.

Долгое время ничего не было как в Карлсбадской пещере, в те ужасные мгновения, когда выключают свет, чтобы показать вам, что такое настоящая темнота. Никакого света. Ничего, кроме отдаленного негромкого гудения, похожего на шум крови в ушах.

Если бы у меня были уши.

Потом гудение превратилось в голос и голос этот произносил слова; издалека я услышал голос Альберта Эйнштейна:

— Робин?

Я попытался вспомнить, как говорить.

— Робин? Робин, друг мой, вы меня слышите?

— Да! — закричал я, не зная как. — Я здесь! —

Как будто понимал, что это значит — «здесь».

Долгая пауза. Потом снова голос Альберта, по-прежнему слабый, но уже значительно ближе.

— Робин, — сказал он; каждое слово произносилось отчетливо, как в разговоре с маленьким ребенком. — Робин. Слушайте. Вы в безопасности.

— В безопасности?

— Вы в безопасности, — повторил он. — Я блокирую вас.

Я не ответил. Не знал, что сказать.

— Я буду учить вас теперь, Робин, — сказал он, — постепенно, понемногу. Будьте терпеливы, Робин. Скоро вы сможете видеть, слышать и понимать.

Терпеливым? Мне не оставалось ничего, кроме как быть терпеливым. Не было иного выбора. Нужно было терпеть и ждать, пока он меня научит. Даже тогда я доверял старому Альберту. Я поверил ему на слово, что он научит слепого видеть и глухого слышать.

Но можно ли научить мертвого жить?

Мне не очень хочется рассказывать о последующей вечности. По времени Альберта и по времени цезиевых часов прошло сорок восемь часов с небольшим. По его времени. Не по моему.

По моему это длилось бесконечно.

Хотя я помню очень хорошо, но кое-что помню как-то отдаленно. Не из-за неспособности. От желания, а также из-за факта скорости. Позвольте объяснить это. Обмен битами и байтами информации в банке данных происходит гораздо быстрее, чем в органической жизни, которую я покинул. Прошлое быстро покрывается пластами новых данных. И, знаете, это хорошо, потому что чем более отдаленным становится ужасный переход от моего «теперь», тем больше он мне нравится.

Мне не хочется восстанавливать ранние области этих данных, и та первая часть, которую я хочу вспомнить, большая. Насколько? Просто большая.

Альберт говорит, что я антропоморфизирую. Вероятно. Но разве это плохо? Большую часть своей жизни я провел в форме человека, и старые привычки умирают трудно. Так что когда Альберт стабилизировал меня и я был — по-моему, единственное подходящее слово — «расширен», я представлял себя в антропоморфном облике. Конечно, если вообразить себе, что человек может быть больше галактик, старше звезд и мудр, как все миллиарды людей прошлого и настоящего.

Я воспринимал Местную Группу — нашу Галактику и всех ее соседей — как небольшой клочок в волнующемся океане энергии и массы. Я мог видеть все сразу. Но смотрел я на дом, на родную Галактику и М-31 рядом с ней, и поблизости Магеллановы Облака, и другие небольшие облака и скопления, и клочки газа и пыли, и звездный свет. И я — моя антропоморфная часть — протянул руки, и взял их в горсть, и пропустил меж пальцев, словно я Бог.

Но я не Бог и не настолько богоподобен, чтобы действительно касаться галактик. Я вообще ничего не мог коснуться, мне нечем касаться. Все это оптические иллюзии, все равно что Альберт, зажигающий свою трубку. Нет ничего. Ни Альберта, ни трубки.

И меня нет. Я не могу быть богоподобен, потому что у меня нет осязаемого существования. Я не могу ни создать небо и землю, ни уничтожить их. Я вообще физически не могу воздействовать даже на ничтожную часть их.

Но тем лучше я могу созерцать их. Могу стоять в центре своей системы и смотреть на миллионы и миллиарды других групп и галактик, протянувшихся до оптического конца вселенной, где звезды удаляются быстрее, чем об этом расска-

зывает их свет… а дальше… я могу заглянуть и за эти оптические пределы, но это уже не важно. Альберт говорит мне, что это всего лишь гипотеза в записях хичи, откуда я сейчас черпаю информацию.

Конечно, старый Робин не расширился вдруг до бесконечности. Всего лишь ничтожные остатки Робинетта Броудхеда, не более чем какое-то количество битов воспоминаний в море данных библиотеки «Истинной любви».

Мою бесконечную вечную задумчивость нарушил голос Альберта:

— Робин, все в порядке?

Я не хотел лгать ему.

— Нет. Ничего не в порядке.

— Будет лучше, Робин.

— Надеюсь… Альберт?

— Да?

— Я не виню тебя за то, что ты спятил, — сказал я, — если ты прошел через это.

Недолгое молчание, потом призрачный смешок.

— Робин, — ответил он, — вы еще не видели, что свело меня с ума.

Не могу сказать, как долго это продолжалось. Не знаю, каково значение концепции «времени»,

потому что на электронном уровне, на котором я сейчас нахожусь, временная шкала не очень увязывается с чем-то «реальным». Много времени тратится зря. Электронный разум действует не так эффективно, как механизм, с которым мы рождаемся. С другой стороны, в мире элементарных частиц все происходит гораздо быстрее, и там фемтосекунда — это ощутимый промежуток. Если учесть все плюсы и минусы, можно сказать, что я живу от тысячи до десяти тысяч раз быстрее, чем раньше.

Конечно, существуют объективные измерения реального времени — я имею в виду время на «Истинной любви». Эсси очень тщательно отмечает минуты. Чтобы подготовить труп к тошнотворной процедуре «Здесь и После», необходимо много часов. Для подготовки к записи особого клиента — меня, чтобы запись в банке данных, подобном банку Альберта, была значительно качественнее, для этого нужно соответственно больше времени. Когда ее задача была выполнена, она сидела и ждала, в руке у нее был стакан с выпивкой, но она не пила и не слышала попыток Оди, Джейни и Долли завязать разговор, хотя иногда отвечала невпопад. Невесело было ждать, пока станет ясно, сохранилось ли хоть что-то от

покойного Робинетта Броудхеда, и все это заняло три с половиной дня.

Для меня, в мире спинов, и шармов, и цветов, и запрещенных орбит[15], куда я переместился, это была — назовем так — вечность. Так мне показалось.

— Вы должны научиться использовать свои вводы и выводы, — сказал Альберт.

— Прекрасно! — воскликнул я. — И это все? Здорово! Да это просто пустяк!

Вздох.

— Я рад, что к вам вернулось чувство юмора, — сказал он, и я понял так, что оно мне еще чертовски понадобится. — Боюсь, что теперь придется поработать. Мне нелегко все время инкапсулировать вас…

— Что?

— Защищать вас, Робин, — нетерпеливо сказал он. — Ограничивать доступ к вам информации, чтобы вы не слишком страдали от смятения и потери ориентации.

— Альберт, — сказал я, — ты что, спятил? Да я видел всю вселенную.

— Вы видели только то, что я позволяю вам ви-

---

[15] Примечания: 15

Спин, шарм, цвет, запрещенная орбита — термины квантовой механики, различные характеристики элементарных частиц. — *Примеч. пер.*

деть, Робин. И это очень мало. Но больше я не могу контролировать ваше восприятие. Вам придется самому научиться этому. Поэтому подготовьтесь, я буду постепенно снимать изоляцию.

Я напрягся.

— Я готов.

Но я недостаточно напрягся.

Вы не поверите, как было больно. На меня обрушились орущие, визжащие, вопящие, лепечущие голоса всех вводов — находясь во внепространственной геометрии, я их все еще представлял себе ушами. Было ли так же плохо, как первое соприкосновение со всем сразу? Нет, было гораздо хуже. Тогда, в первый момент, я еще не умел распознавать шум как звук или боль как боль. Теперь я знал. Я узнавал боль, когда испытывал ее.

— Альберт, — закричал я, — что это?

— Вам всего лишь становятся доступными базы данных, — успокаивающе сказал он. — Только веера на борту «Истинной любви», плюс телеметрия, плюс вводы от самого корабля и экипажа.

— Прекрати это!

— Не могу. — В голосе его звучало искреннее сочувствие, хотя на самом деле никакого голоса не было. — Вам придется справиться с этим, Робин. Придется самому выбрать, какие базы данных

вам сейчас нужны. Отберите их, а остальные заблокируйте.

— Что сделать? — спросил я, еще более сбитый с толку.

— Выберите только одну, — терпеливо сказал он. — Тут есть наши собственные базы данных, есть записи хичи, есть и другие. Вам придется научиться разграничивать их.

— Разграничивать?

— Справляться в них, Робин. Как будто это разделы библиотечной классификации. Как будто это книги на полках.

— Книги на меня не орут! А эти орут!

— Конечно. Они дают о себе знать. Точно так же книги на полках дают о себе знать вашему зрению. Но вы можете смотреть только на те, что вам нужны. Тут есть одна, которая, я думаю, облегчит вам задачу. Попробуйте найти ее.

— Найти? Да как мне искать?

Послышался звук, похожий на вздох.

— Что ж, — сказал Альберт, — эту задачу вы должны решить сами. Я не могу сказать, вверху это, внизу или по бокам, потому что вы не ориентируетесь в данной системе координат…

— Ты дьявольски прав!

— Но есть одна старая хитрость у дрессировщи-

ков. Им нужно заставить животное выполнять сложные действия, сути которых животные не понимают. Был такой кудесник, который заставлял собаку спуститься в зал, найти определенного человека и взять у него определенный предмет…

— Альберт, — взмолился я, — сейчас не время для твоих длинных многословных анекдотов.

— Это не анекдот. Психологический эксперимент. На собаках получается. Не думаю, чтобы его использовали на взрослых людях, но посмотрим. Вот что вы сделайте. Двигайтесь в любом направлении. Если направление верное, я скажу, чтобы вы продолжали. Когда я замолчу, вы перестаете делать то, что делали. Поворачиваете. Пытаетесь делать что-то другое. Если это новое направление правильное, вы продолжаете. Можете это сделать?

Я спросил:

— А когда я закончу, ты мне дашь кусочек сахара, Альберт?

Слабый смешок.

— Его электронный аналог, Робин. Начинайте.

Начинать! Как? Но нет смысла спрашивать, потому что если бы Альберт был способен объяснить это на словах, он не стал бы пробовать «собачий» способ. И вот я начал — что-то делать.

Не могу вам объяснить, что я делал. Возможно, поможет аналогия. Когда я учился в школе, нам показали электроэнцефалограф, он демонстрирует, как наш мозг генерирует альфа-волны. Можно, сказали нам, сделать волны больше или чаще, увеличить частоту или амплитуду, но невозможно объяснить нам, как это сделать. Мы все пробовали по очереди, все ребята, и каждый мог изменить синусоиду на экране, но все описывали это по-разному. Один сказал, что задержал дыхание, другой — что напряг мышцы; еще один подумал о еде, другой попытался зевнуть, не открывая рта. Ничего из этого не было реальным. Но все подействовало; и то, что я сейчас делал, тоже не было реальным.

Но я двинулся. Каким-то образом я двинулся. И все время голос Альберта продолжал произносить:

— Нет. Нет. Нет. Нет, это не то. Нет. Нет…

А потом:

— Да! Да, Робин, продолжайте это делать.

— Я продолжаю.

— Не разговаривайте, Робин. Продолжайте. Идите. Идитеидитеидитеидите… нет. Стоп.

— Нет.

— Нет.

— Нет.

— Нет.

— Нет — да! Идитеидитеидитеидитеидитеидитеидите… нет — да! Идите — стоп! Вот оно, Робин. Это вы должны открыть.

— Здесь? Вот это? Этот голос, звучащий как…

Я остановился. Не смог продолжать. Видите ли, я принял факт, что я умер, что я всего лишь электроны в информационном веере и могу говорить только с другими электронными записями, как Альберт.

— Раскройте объем! — приказал Альберт. — Пусть она заговорит с вами!

Ей не требовалось разрешения.

— Здравствуй, Робин, любимый, — сказал неживой голос моей дорогой жены Эсси — странный, напряженный, но, несомненно, голос Эсси. — Мы с тобой теперь в прекрасном месте, правда?

Вряд ли что-нибудь, даже факт моей собственной смерти, было для меня таким ужасным шоком, как Эсси среди мертвых.

— Эсси, — закричал я, — что с тобой случилось?

И тут же, быстрый, успокоительный, вмешался Альберт:

— С ней все в порядке, Робин. Она не мертва.

— Но как же иначе? Она здесь!

— Нет, мой дорогой мальчик, на самом деле не здесь, — сказал Альберт. — Она частично записала себя, в ходе экспериментов над проектом «Здесь и После». Кстати, этот эксперимент привел и ко мне в моем нынешнем состоянии.

— Ублюдок, ты заставил меня подумать, что она умерла!

Он мягко сказал:

— Робин, вы должны отвыкать от плотской одержимости биологией. Разве так уж важно, что ее метаболизм по-прежнему действует на органическом уровне, вдобавок к той версии, что записана здесь? — И прозвенел странный голос Эсси:

— Будь терпелив, дорогой Робин. Будь спокоен. Все будет хорошо.

— Очень в этом сомневаюсь, — горько сказал я.

— Верь мне, Робин, — прошептала она. — Слушайся Альберта. Он скажет, что тебе нужно делать.

— Самое трудное позади, — заверил меня Альберт. — Прошу прощения за полученные вами травмы. Но это было необходимо… я думаю.

— Ты думаешь.

— Да, только думаю, Робин, предполагаю — по-

тому что это никогда не делалось раньше, и я действую преимущественно вслепую. Я понимаю, что вы испытали шок, встретив записанный аналог миссис Броудхед именно таким образом, но это подготовит вас к встрече с ней во плоти.

Если бы у меня было тело, я бы испытывал сильное желание ударить его — и если бы у Альберта было по чему ударить.

— Ты более сумасшедший, чем я! — закричал я.

Призрак смеха.

— Нет, Робин. Такой же. Вы сможете видеть ее и говорить с нею, как я — с вами, когда вы были… живы. Обещаю это, Робин. Получится… я думаю.

— Я не могу!

Пауза.

— Это нелегко, — согласился он. — Но подумайте вот о чем. Я могу это. Почему же вы не можете сделать то же, что и такая компьютерная программа, как я?

— Не смейся надо мной, Альберт! Я понимаю тебя. Ты думаешь, что я буду изображен голограммой и смогу разговаривать с живыми людьми. Но я не знаю, как это сделать!

— Да, еще не знаете, Робин, потому что в вашей программе нет еще соответствующих подпро-

грамм. Но я научу вас. Вы будете видны. Может, не с такой уверенностью и быстротой, как мою голограмму, — похвастал он, — но вас можно будет узнать. Готовы вы начать учиться?

И голос Эсси — вернее, копия голоса Эсси — прошептал:

— Пожалуйста, дорогой Робин, я жду тебя с нетерпением.

Как тяжело рождаться! Тяжело для новорожденного, но еще тяжелее для слушателя, который способен только прислушиваться к бесконечным горестям.

Они были бесконечны, а постоянные приставания моих повитух их еще усиливали.

— Ты это сможешь, — обещал голос Эсси с одной стороны (конечно, если представить себе, что у меня есть «сторона»).

— Это легче, чем кажется, — подтверждал голос Альберта с другой. Не было во вселенной двух других голосов, которым я поверил бы охотнее. Но мне пришлось напрячь всю свою способность верить. И ничего от нее не осталось. И я испугался. «Легче?» Какая нелепость!

Потому что я увидел каюту, как ее всегда видел Альберт. У меня не было двух глаз, фокусирующихся в одном направлении, не было ушей, раз-

мещенных в определенной точке пространства. Я видел и слышал все одновременно. Когда-то давно старый художник Пикассо рисовал такие картины, части изображения размещены в беспорядке. Они все здесь, но так перепутаны, что видишь только беспорядочную мозаику кусков. Я часто ходил с Эсси в галерею Тейт и Метрополитен, чтобы взглянуть на эти картины, и они мне нравились. Они меня забавляли. Но увидеть так реальный мир, словно весь из частей на конвейере, — это совсем не забавно.

— Позволь мне помочь тебе, — прошептал аналог Эсси. — Видишь меня здесь, Робин? Я сплю в большой кровати. Много дней не спала, Робин, переливала твою старую органику в новую бутылку-веер, а теперь выдохлась. Смотри, я пошевелила рукой и почесала нос. Руку видишь? А нос? Узнаешь? — Призрак смеха. — Конечно, узнаешь, Робин, ведь это я.

23. Из убежища хичи

Надо было также думать о Кларе, если бы я достаточно знал о ней, — и не только о Кларе, но и о Вэне (впрочем, он вряд ли этого заслуживал), а также о Капитане и его хичи, которые прежде всего этого заслуживали. Но тогда я и об этом не

знал. Я расширился, правда, но умнее не стал.

И к тому же меня отвлекали собственные проблемы, хотя, если бы мы с Капитаном знали друг друга и могли сравнивать, интересно было бы посмотреть, чьи проблемы труднее. Вообще-то получилась бы ничья. Оба набора проблем просто не вмещались в обычную шкалу, слишком они трудны для разрешения.

Физическая близость двух людей была одной из проблем Капитана. Для его костистых ноздрей они воняли. Они вызывали физическое отвращение. Пласты свисающего жира и подрагивающая плоть скрывали линии их структуры — хичи такими бывают исключительно редко, когда умирают от наихудшей известной им болезни. Но даже и тогда запах у них не такой отвратительный. Человеческое дыхание пахло разложившейся пищей. Голоса людей гудели, как циркулярная пила. У Капитана болело горло, когда он пытался произносить эти жуткие гремящие согласные их жуткого языка.

С точки зрения Капитана, пленники вообще были отвратительны, а не только потому, что отказывались понимать, что им говорят. Когда он попытался дать им понять, какой опасности они чуть не подвергли себя — не говоря уже об

укрытии хичи, — их первым вопросом было: «А вы хичи?»

Даже при всех своих неприятностях Капитан почувствовал раздражение от этого вопроса (такое же раздражение испытали обладатели парусных кораблей, когда узнали, что хичи называют их жителями грязи. Капитан об этом не знал и не думал).

— Хичи! — простонал он, потом пожал животом. — Да. Это не важно. Тихо. Будьте спокойны.

— Фу! — сказал Белый Шум, имея в виду не только вонь. Капитан сердито повернулся к Взрыву.

— Избавился от их корабля?

— Конечно, — ответил Взрыв. — Он движется в укрытие. Но как насчет кугельблитца (конечно, он не использовал слово «кугельблитц»)?

Капитан мрачно пожал животом. Он устал. Они все устали. Много дней они работают на пределе своих возможностей, и теперь это начинает сказываться. Капитан постарался привести в порядок свои мысли. Парусник убран. Эти люди удалены из окрестностей самого опасного объекта, кугельблитца, и их корабль в автоматическом режиме идет в укрытие. Пока сделано все, что в его силах. И не без жертв, подумал он, печально вспоминая Дважды; трудно поверить, что при

нормальном течении событий сейчас он наслаждался бы своей ежегодной любовью.

Но этого недостаточно.

Вполне вероятно, подумал Капитан, что в данном случае «достаточно» и не может быть; возможно, и ему, и всей расе хичи уже поздно что-нибудь предпринимать. Но он не мог согласиться с этим. Пока есть хотя бы один шанс, он должен действовать.

— Покажите карты с их корабля, — приказал он и повернулся к пойманным им бесформенным существам-медузам. Стараясь говорить как можно проще, он произнес: — Посмотрите на эту карту.

Капитана раздражало, что более худой и, следовательно, физически менее отвратительный пленник ведет себя совершенно неразумно.

— Тихо! — приказал он, указав своим костлявым кулаком на Вэна; его вопли лишены смысла. — Ты! Ты знаешь, что это такое?

У самки, по крайней мере, хватило ума говорить медленно. Потребовалось всего несколько повторений, и он понял ответ Клары:

— Это черная дыра, куда мы направлялись.

Капитан задрожал.

— Да, — сказал он, стараясь справиться с непривычными звуками. — Верно.

Взрыв переводил для остальных, и Капитан видел, как от потрясения извиваются мышцы у них на лицах. Капитан принялся тщательно подбирать слова, советуясь с умами предков, чтобы быть уверенным в правильном выборе.

— Слушай внимательно, — сказал он. — Это очень опасно. Давным-давно мы обнаружили, что раса Убийц уничтожает все технологически развитые цивилизации во вселенной — по крайней мере, в нашей Галактике и в некоторых ближайших…

Что ж, дело продвигалось медленно. Капитану приходилось снова и снова повторять, иногда по десять раз, каждое слово, прежде чем медузоподобное существо смогло понять, о чем он говорит. Задолго до того, как он кончил, у него саднило горло, а остальные члены экипажа, хотя они все понимали, какая опасность им угрожает, откровенно дремали. Но он не прекращал. Карта на экране, с ее многочисленными знаками опасности, не позволяла ему остановиться.

Убийцы совершали свое дело за тысячелетия до появления на сцене хичи. Вначале хичи думали, что они просто чудовища из первобытного прошлого и их стоит бояться не больше, чем какого-нибудь тираннозавра.

Но потом они открыли кугельблитц.

Капитан помолчал, глядя на экипаж. Дальнейшее сказать трудно, потому что оно ведет к очевидному заключению. С дергающимися сухожилиями он заговорил снова:

— Это были Убийцы. Они ушли в черную дыру — такую дыру, которая состоит из энергии, не из материи, потому что и сами они не состоят из материи. Они из чистой энергии. В своей черной дыре они существуют в виде стоячих волн в энергетическом море.

После нескольких повторений в разных формах он заметил, что возникают вопросы; но того логического заключения, которого он опасался, среди них не было. Вопрос задала самка, и только один:

— Как может жить существо, состоящее только из энергии?

Ответить легко. Ответ: «Я не знаю». Капитан знал, что есть разные теории: теории утверждают, что некогда Убийцы обладали физическими телами, но потом каким-то образом избавились от них; но даже старейшие из соединенных умов не могли сказать, имеют ли эти теории отношение к реальности.

Капитан объяснил, что сама трудность выжи-

вания для существ из чистой энергии и ведет к худшему свойству Убийц. Вселенная негостеприимна по отношению к ним. И поэтому они решили изменить вселенную. Каким-то образом добавили огромную массу. Превратили расширение вселенной в сжатие. Сами скрылись в кугельблитце… и теперь ждут.

— Я часто слышал о недостающей массе, — сказал пленник-самец. — Когда я был ребенком, Мертвецы часто об этом говорили… но ведь они сумасшедшие.

Самка остановила его.

— Почему? — спросила она. — Почему они это сделали?

Капитан помолчал; он ужасно устал от попыток общения с этими опасными примитивными существами. Опять лучший ответ «Не знаю», но тут возможны и кое-какие рассуждения.

— Соединенные умы считают, — медленно заговорил он, — что физические законы нашей вселенной определены случайным распределением материи и энергии в первое мгновение после Большого взрыва. Возможно, что Убийцы пытаются вмешаться в этот процесс. Когда вселенная сократится и возникнет вновь, они могут изменить фундаментальные законы —

соотношение масс электрона и протона, число, связывающее гравитационные силы с электромагнитными — и тем самым создать вселенную, в которой им было бы удобнее жить… но мы с вами в ней жить не сможем.

Самец все меньше и меньше способен был сдерживаться. Он начал издавать воющие звуки, в которых лишь с трудом можно было разобрать разумные слова.

— Хо-хо! — кричал Вэн, вытирая слезы. — Какие вы трусы! Боитесь каких-то существ, живущих в черной дыре, которые собираются что-то сделать через миллиарды лет! Какое нам до этого дело?

Но самка поняла, что имел в виду Капитан.

— Заткнись, Вэн, — сказала она, и ее лицевые мышцы напряглись, почти как у хичи. — Ты говоришь, что Убийцы не допускают никакого риска. Они уже выходили раньше и уничтожали всех, кто может стать достаточно цивилизованным, чтобы помешать их планам. Они могут сделать это снова!

— Совершенно верно! — с радостью воскликнул Капитан. — Ты точно выразилась! И опасность в том, что вы, варвары… вы, люди, — поправился он, — можете призвать их. Используете радио! Проникаете в черные дыры! Летаете по вселен-

ной, добираетесь даже до кугельблитца! Они, несомненно, оставили следящие системы, которые должны известить их о появлении новых цивилизаций. Очень скоро вы насторожите их, если уже не сделали этого!

Когда наконец пленники все поняли — Вэн, скулящий от страха, Клара, побледневшая и потрясенная; когда им дали пищевые пакеты и велели отдыхать; когда экипаж собрался вокруг Капитана, чтобы узнать, отчего у него мышцы лица извиваются, как змеи, он мог только сказать:

— Это невероятно. — Достаточно трудно было заставить медуз понять; но самому понять их — невозможно. Он сказал: — Они утверждают, что не могут заставить других остановиться.

— Но они должны! — в ужасе воскликнул Белый Шум. — Они ведь разумны, не так ли?

— Разумны, — согласился Капитан, — иначе они не овладели бы так легко нашими кораблями. Но я думаю, они также безумны. У них нет закона.

— Но у них должен быть закон, — недоверчиво сказал Взрыв. — Ни одно общество не может жить без закона.

— Их закон — принуждение, — мрачно сказал Капитан. — Если кто-то из них оказывается в

таком положении, что его не могут принудить, он делает все, что ему вздумается.

— Тогда пусть принуждают! Пусть выследят все корабли и заставят прекратить!

— Ты говоришь глупости, Белый Шум, — сказал Капитан, качая головой. — Подумай, что ты сказал. Проследить их. Сражаться с ними. Сражаться в космосе. Можешь представить себе более шумное событие? Неужели Убийцы не услышат?

— Что же тогда? — прошептал Взрыв.

— Тогда мы должны открыться, — сказал Капитан. Он поднял руку, прекращая споры, и отдал приказы.

Экипаж никогда не думал, что услышит такие приказы, но все понимали, что Капитан прав. В десятках мест Галактики долго молчавшие корабли получили команды и проснулись. Сообщения были отправлены в следящие системы у черной дыры, где жили хичи; вскоре предупреждение будет получено за барьером Шварцшильда, и появятся подкрепления. Геркулесов труд для немногочисленного экипажа, и больше, чем всегда, все сожалели об отсутствии Дважды. Но наконец все было сделано, и корабль Капитана лег на новый курс для встречи.

Свернувшись в сонный клубок, Капитан обна-

ружил, что улыбается. Невеселой улыбкой. Ответ на парадокс, слишком болезненный, чтобы реагировать по-другому. Он опасался в течение всего разговора с пленниками, что они придут к одному нежелательному заключению: как только они узнают, что Убийцы спрятались внутри черной дыры, они легко заподозрят, что хичи сделали то же самое, и тогда главная тайна расы хичи будет в опасности.

В опасности! А он сделал гораздо больше, чтобы подвергнуть ее опасности! Своей властью, без одобрения или запрета свыше, Капитан разбудил спящий флот и вызвал подкрепления из-за горизонта событий. Тайна больше не тайна. Через полмиллиона лет хичи снова выходят.

Поскольку Робин, что вполне естественно, был занят другими проблемами, я не смог обсудить с ним кугельблитц так подробно, как мне хотелось бы. Статистические данные здесь очень интересны. Температуру кугельблитца я рассчитал в три миллиона градусов Кельвина, но не это тревожно. Обеспокоила меня плотность энергии. Плотность энергии излучения черного тела равна кубу его температуры — это старый закон Стефана — Больцмана, но число протонов тоже возрастает линеарно вместе с температурой, так

что внутри кугельблитца происходит возрастание в четвертой степени. Один Кельвин — это 4,72 электрон-вольта на литр. А три миллиона в четвертой степени дают… сейчас посмотрим… примерно 382 320 000 000 000 000 000 000 000 эв/литр. А в этой штуке очень много литров. И что в этом самое важное? Что вся эта энергия разумна. Это Убийцы. Целая вселенная их, запрятанная в кугельблитц, ждущая, пока ее планы созреют. И тогда вселенная будет переделана им в угоду.

24. География неба

Где же я на самом деле был? Потребовалось немало времени, чтобы ответить на этот вопрос для себя самого, во многом потому, что мой учитель Альберт отверг его как бессмысленный.

— Вопрос «где» — это глупое человеческое предубеждение, Робин, — сказал он. — Сконцентрируйтесь! Учитесь действовать и чувствовать! Оставьте философию и метафизику для долгих свободных вечеров с трубкой и добрым пивом.

— Пиво, Альберт?

Он вздохнул.

— Электронный аналог пива, — язвительно сказал он. — Он совершенно «реален» для электронного аналога личности. Теперь обратите

внимание на вводы, которые я для вас открываю. Это видеосканирование внутренностей каюты «Истинной любви».

Я, конечно, послушался. Я не менее Альберта торопился завершить свой курс обучения, чтобы делать то, что я могу делать в этом своем новом и пугающем состоянии. Но в свободные фемтосекунды я не мог не размышлять над этим вопросом и в конце концов нашел ответ. Где же я на самом деле?

Я на небе.

Подумайте. Большинство особенностей совпадает. Живот у меня больше не болит — у меня его нет. Я больше не смертен, смерть осталась позади. Конечно, меня впереди ждет не совсем вечность, но что-то очень к ней близкое. Мы уже знали, что информация в веерах хичи без сколько-нибудь заметной деформации способна храниться полмиллиона лет — принадлежавшие хичи веера по-прежнему действуют, — а это очень много фемтосекунд. Больше никаких земных забот, вообще никаких забот, кроме тех, что я сам изберу.

Да. Небо.

Вы, вероятно, не верите, потому что трудно себе представить, что бестелесное собрание единиц информации в веере может и имеет в

себе что-то «небесное». Я это знаю, потому что с трудом воспринимаю сам. Но «реальность» — это субъективное представление. Мы, существа из плоти и крови, представляем себе «реальность» не непосредственно, а как бы из вторых или третьих рук, как аналог, нарисованный нашими сенсорными системами и синапсами головного мозга. Так всегда говорит Альберт. Это правда — или почти правда, — нет, это больше, чем правда в некоторых отношениях, потому что у нас, бестелесных собраний информации, гораздо больше «реальностей», чем у вас.

Но если вы по-прежнему мне не верите, я не могу обижаться. Сколько раз я говорил себе все это, все равно мне трудно было поверить. К тому же мне никогда не приходило в голову, как ужасно неудобно — в финансовом, юридическом и многих других отношениях, а не только в отношении к супружеству, — ужасно неудобно быть мертвым.

* * *

Вернемся к вопросу, где же я на самом деле. Конечно, дома. Как только я… гм… умер, Альберт в раскаянии повернул корабль назад. Потребовалось довольно много времени для возвращения,

но я ничем особым не был занят. Просто учился, как делать вид, что живу, тогда как на самом деле я мертв. И всю дорогу назад я этому учился, потому что родиться в информационном веере гораздо труднее, чем старым органическим способом, — мне на самом деле приходилось совершать что-то, понимаете. Вокруг меня все было гораздо обширнее. В определенном смысле я был заключен в содержимом информационного веера хичи с объемом примерно в тысячу кубических сантиметров, и в этом смысле меня извлекли из гнезда, и пронесли через таможню, и принесли домой, на Таппаново море, не с бóльшими трудностями, чем пару туфель. В другом смысле я был больше галактик, потому что в моем распоряжении была вся информация мира. Быстрее серебряной пули, подвижнее ртути, стремительнее молнии, я мог отправиться куда угодно, куда только может привести накопленная людьми и хичи информация, а это значит — везде. Я слушал эдды обитателей грязи с парусника и охотился с первой исследовательской группой хичи, которые захватили австралопитеков; я болтал с Мертвецами с Неба Хичи (несчастные маловразумительные калеки, так плохо в спешке записанные, но все еще помнящие, что это значит — быть живыми). Ну. Не

важно, где я побывал. У вас все равно не хватит времени выслушать. И все это очень легко.

Гораздо сложнее человеческие дела…

К тому времени как мы вернулись на Таппаново море, Эсси смогла отдохнуть, а у меня было время и возможность попрактиковаться, чтобы узнавать, что я вижу, и мы оба преодолели травму моей смерти. Не скажу, что окончательно, но, по крайней мере, мы смогли поговорить.

Вначале только говорили, потому что я стеснялся показаться своей дорогой жене в качестве голограммы. Но потом Эсси повелительно сказала:

— Робин, это невыносимо. Я больше не могу только разговаривать с тобой. Я хочу тебя увидеть!

— Да, сделай это! — приказала другая Эсси, записанная вместе со мной, а Альберт прибавил:

— Просто расслабьтесь и позвольте этому произойти, Робин. Все подпрограммы на месте. — И все равно мне потребовалась вся храбрость, чтобы показаться, а когда я это сделал, моя дорогая жена осмотрела меня сверху донизу и сказала:

— О Робин, как ты ужасно выглядишь!

Звучит, может, не очень ласково, но я понимал, что имеет в виду Эсси. Она не критиковала, она

сочувствовала и старалась удержаться от слез.

— Со временем будет лучше, дорогая, — сказал я. Мне хотелось дотронуться до нее.

— Правда, миссис Броудхед, — искренне сказал Альберт; только тогда я заметил, что он сидит рядом со мной. — В настоящий момент я помогаю ему, и одновременная демонстрация двух изображений затруднительна. Боюсь, оба изображения искажены.

— Тогда исчезни! — предложила она, но он покачал головой.

— Робину нужно практиковаться, и я думаю, вы сами захотите внести некоторые усовершенствования в программу. Например, окружение. Я не могу дать Робину фон, если сам не участвую в нем. Необходимо также улучшить жизнеподобность, способность реагировать в реальном времени, совпадение отдельных фрагментов…

— Да, да, — простонала Эсси и принялась за работу в своей мастерской.

И мы тоже. Нужно было очень многое сделать, особенно мне.

В свое время я беспокоился о многом, и почти всегда не о том, о чем нужно. Беспокойство о смерти всегда оставалось на краю моего сознания — как и у вас тоже. Я боялся уничтожения. Но его

не случилось. Зато у меня возникла гора новых проблем.

Мертвый человек, видите ли, не обладает никакими правами. Он не может владеть собственностью. Он не может избавиться от собственности. Не может голосовать — и не только на правительственных выборах; он владеет большим количеством акций в сотнях корпораций, которые сам организовал, но голосовать, как крупнейший акционер, не может. Даже если он крайне заинтересован, как я, например, в транспортном проекте, связанном с перевозкой колонистов на «С.Я.», его просто не услышат. Как говорится, он все равно что мертвый.

Но я не хочу быть таким мертвым!

Дело не в алчности. Как у информационной записи разума, у меня очень мало потребностей; никакого риска, что меня отключат, если я не оплачу счета. Но у меня очень сильные побуждения. Террористы не исчезли после захвата Пентагоном их корабля. Ежедневно они взрывали бомбы, похищали людей и стреляли. Были совершены нападения еще на две петли, и одна из них повреждена; танкер с пестицидами был злонамеренно затоплен у берегов Квинсленда, и поэтому умирали сотни километров Большого

Барьерного рифа. Начались настоящие войны в Африке, Центральной Америке и на Ближнем Востоке; крышка на паровом котле едва держалась. Нам нужна была тысяча таких транспортов, как «С.Я.», и кто построит их, если не я?

Поэтому мы солгали.

Распространили сообщение, что у Робина Броудхеда был сосудисто-мозговой криз, но положение постепенно улучшается. И это правда. Конечно, не в том смысле, в каком все это поняли. Но как только мы оказались дома, я смог поговорить — правда, без изображения — с генералом Манзбергеном и кое с кем в Роттердаме. Через неделю я время от времени начал показываться, закутанный в длиннополый халат, предоставленный изощренным воображением Альберта. Через месяц группа с ПВ сняла фильм; я, загорелый и ловкий, плыву в Таппановом море на своей яхте. Конечно, команда ПВ была моя собственная и клип был больше произведением искусства, чем репортажем, но это было очень хорошее искусство. Разговор лицом к лицу с собеседником я не мог вести. Но мне это и не нужно было.

Как видите, все было не так уж плохо. Я вел свои дела, осуществлял наши планы, чтобы уменьшить терроризм, — конечно, проблемы это

не решило, но мы, по крайней мере, больше не сидели на слетающей с котла крышке. У меня было время выслушивать соображения Альберта об объекте, который он называл кугельблитц, и если мы точно не знали, что это такое, так это даже к лучшему. Мне не хватало только тела, и когда я пожаловался Эсси, она убежденно сказала:

— Боже, Робин, ведь мир для тебя не кончился. У многих есть подобные же проблемы.

— То есть они тоже превращены в информацию. Я думаю, таких не очень много.

— Но у них те же проблемы, — настаивала она. — Подумай! Здоровый молодой человек катается на лыжах, падает и ломает себе позвоночник. Паралич ног. Но у него сохраняется тело, которое нужно кормить, за которым нужно убирать, которое нужно мыть, — ты всего этого лишен, Робин. Однако важнейшая часть тебя — она по-прежнему здесь!

— Конечно, — сказал я. Я не добавил, что в мое определение «важных» входят некоторые части тела, использование которых я всегда особенно ценил. Но и здесь есть определенные плюсы. Поскольку у меня нет половых органов, неожиданно упростились мои сексуальные отношения.

Но это сказано не было. Напротив, Эсси ска-

зала:

— Приободрись, старина Робин. Имей в виду, что ты только первое приближение к конечному продукту.

— Что это значит?

— Перед нами великие задачи, Робин. Я согласна, что первоначальная запись «Здесь и После» несовершенна. Я многое узнала при создании нового Альберта. Однако мне никогда не приходилось записывать целиком личность, очень ценную для меня и, к несчастью, мертвую. Технические проблемы…

— Я понимаю, что были технические проблемы, — прервал я; на самом деле не хотел слышать — пока не хотел — подробности этой рискованной, неиспытанной, исключительно сложной операции по переносу «меня» из разлагающегося вместилища моей головы в ждущее вместилище информационной емкости.

— Конечно. Ну что ж. Теперь у тебя много времени. И ты можешь хорошо рассчитывать. Поверь мне, Робин, возможны дальнейшие усовершенствования.

— Во мне?

— Конечно, в тебе. А также, — добавила она, подмигнув, — в весьма несовершенной копии

меня. Поверь, она станет для тебя гораздо интереснее.

— Ох, — сказал я. — Ух. — И снова захотел, хотя бы временно, обладать телом: больше всего на свете мне хотелось обнять свою дорогую жену.

А тем временем, тем временем миры продолжали двигаться. Даже крошечный мир моего друга Оди Уолтерса и его сложной любви.

Когда смотришь изнутри, все миры одного размера. И мир Оди не казался ему самому маленьким. Я очень быстро разрешил одну из их проблем: дал каждому по тысяче акций парома «С.Я.» и всех связанных с этим предприятий. Джейни Джи-ксинг больше можно не думать о том, что она уволена; она может снова наняться пилотом или, если предпочтет, лететь на «С.Я.» пассажиром. Оди тоже. Или он может вернуться на планету Пегги и отдавать приказы своим прежним хозяевам на нефтяном месторождении; или не делать ни того, ни другого, а провести всю оставшуюся жизнь в роскоши; и Долли тоже. Но, конечно, их главной проблемы это не решило. Они втроем бродили некоторое время по нашим гостевым помещениям, пока наконец Эсси не предложила, чтобы мы предоставили им «Истинную любовь» для полета в никуда, пока

они не разберутся в своих отношениях, и так мы и сделали.

Они не глупы, хотя иногда, как и все мы, поступают глупо. Они поняли, что им дают взятку. Знали, что на самом деле я хочу, чтобы они помалкивали о моем нынешнем бестелесном состоянии. Но они также понимали, что это дружеский дар, не говоря уже о его большой материальной ценности.

И что же они делали втроем в «Истинной любви»?

Мне не хочется об этом говорить. Никому до этого нет дела. Подумайте. Бывают моменты в жизни каждого — включая вас и, несомненно, включая меня, — когда совершаешь незначительные, но не очень красивые поступки. Урчит в животе, мелькает шокирующая мысль, вы портите воздух, вы лжете. Все это не имеет особого значения, но никто не хочет, чтобы становились широко известны такие моменты в жизни, когда человек выглядит нелепым, смешным или злым. Обычно это остается неизвестным, потому что никто не видит. Но теперь я расширился и всегда могу увидеть. Может быть, не немедленно. Но рано или поздно, когда чьи-то воспоминания добавятся к информационным записям, для меня

не будет загадок.

Я говорю о личных проблемах Оди Уолтерса. Все его действия и тревоги определялись одним восхитительным и желанным чувством — любовью. Мешала его любви тоже любовь. Он любил свою жену Долли, потому что привык ее любить все время их брака — так, на его взгляд, и должны жить люди в браке. С другой стороны, Долли оставила его ради другого мужчины (не очень подходящий термин по отношению к Вэну), а Джейни Джи-ксинг его утешила. Обе они очень привлекательные женщины. Но их многовато. Оди так же привык к моногамии, как и я. Если он выберет Долли, остается Джейни — а она была так добра с ним; он обязан и о ней подумать — это тоже можно назвать любовью. Но между ним и Джейни стоит Долли. Они собирались жить вместе, и он не хотел этого менять, так что это тоже можно назвать любовью. Все усложнялось тем, что он должен был как-то наказать Долли, а на Джейни сердился из-за того, что она встала на пути его брака — помните, я вам говорил, что бывают моменты нелепые и смешные. Все это еще более усложнялось соответствующими чувствами Долли и Джейни…

И они ощутили почти облегчение, когда в раз-

гар ожесточенного спора — они в этот момент по эллиптической орбите приближались к поясу астероидов — Долли пораженно выдохнула, Джейни сдавленно крикнула, и Оди Уолтерс повернулся и увидел на экране корабли, многочисленные и огромные, гораздо больше, чем видел когда-нибудь человек в Солнечной системе.

Несомненно, они испугались до потери сознания.

Но не сильнее всех нас, остальных. По всей Земле и в космосе, везде, где у человека были средства связи, воцарились потрясение и ужас. Ожил кошмар всего человечества последнего столетия.

Хичи возвращались.

Они не скрывались. Они были здесь — и как их было много! Оптические приборы космических станций зафиксировали больше пятидесяти кораблей — и каких кораблей! Двенадцать или пятнадцать размером с «С.Я.». Еще с десяток гораздо больше, огромные круглые пузыри, как тот, что проглотил парусник. Были трехместные и пятиместные, но были и корабли промежуточного размера. В них Высокий Пентагон заподозрил крейсеры. Все они летели прямо к нам с общего

направления от Веги. Я мог бы сказать, что они застали врасплох оборону Земли, но это было бы лестной ложью. Правда же заключалась в том, что никакой обороны у Земли не было. Были, конечно, патрульные корабли; но они были построены землянами и предназначались для борьбы с другими землянами. Никто и не думал, что их придется применить против полумифических хичи.

И тут они заговорили с нами.

Сообщение прозвучало на английском языке и было коротким. Оно гласило: «Хичи не могут разрешить межзвездные полеты и коммуникацию, кроме как на определенных условиях, которые они разработают и за выполнением которых будут следить. Все остальное должно немедленно прекратиться. Они пришли, чтобы прекратить это». И говорящая, беспомощно покачав головой, растаяла.

Это прозвучало как объявление войны.

И так и было истолковано. В Высоком Пентагоне, в орбитальных крепостях других государств, в правительствах всего мира начались срочные совещания, конференции и сессии; корабли отзывались для перевооружения, а другие направлялись в сторону флота хичи; орбитальное

оружие, молчавшее десятилетия, проверялось и перезаряжалось — бесполезное, как арбалеты, оно было единственным, с помощью чего человечество могло сражаться, и если понадобится, мы будем сражаться им. Шок, смятение и страх охватили весь мир.

И никто не испытал большего шока и замешательства, чем мое ближайшее окружение; потому что Альберт сразу узнал ту, кто озвучил послание хичи, а Эсси узнала на мгновение позже, а я узнал, даже не видя лица. Это была Джель-Клара Мойнлин.

25. Возвращение на Землю

Джель-Клара Мойнлин, моя любовь. Моя утраченная любовь. Она смотрела на меня с экрана ПВ и выглядела не старше, чем когда я в последний раз ее видел, годы и десятилетия назад. И тогда, и теперь она была так потрясена, как только может человек. Конечно, я не говорю о том случае, когда я побил ее.

Но даже будучи потрясенной, она, моя Клара, держала себя в руках. Она отвернулась от экрана, после того как произнесла сообщение, и кивнула Капитану.

— Ты фсе зказала? — беспокойно спросил он. —

Передала точно, как я при-каз-зал?

— Точно, — ответила Клара и добавила: — Твой английский улучшается. Можешь поговорить сам, если хочешь.

— Это слишком важно, чтобы рисковать, — раздраженно сказал Капитан и отвернулся. Половина сухожилий его тела дергалась и дрожала, и не у него одного. Верный экипаж был так же взволнован, как и он, а на экранах он видел лица капитанов других кораблей. Великий флот, подумал Капитан, глядя на экран, на котором видно было все гордое построение, но почему это его флот? Ему не нужно было спрашивать. Он знал ответ. В подкреплении, пришедшем из центра, свыше ста хичи, и среди них десяток старше его по возрасту и званию. Каждый из них может командовать флотом. Но они не стали. Это его флот, потому что он принял решение, принял ответственность… а также возможность присоединиться к умам предков, если потерпит поражение.

— Как они глупы, — пробормотал он, и его связист дернулся в знак согласия.

— Я прикажу им придерживаться большего порядка, — сказал он. — Ты это имел в виду?

— Конечно, Башмак. — Капитан вздохнул,

глядя, как Башмак передает приказ остальным капитанам и контролерам. Форма армады медленно изменилась: огромные грузовые корабли отошли назад и выстроились за транспортами и меньшими кораблями.

— Человек женщина Клара, — окликнул Капитан. — Почему они не отвечают?

Она сердито пожала плечами.

— Вероятно, обсуждают услышанное.

— Обсуждают?

— Я пыталась объяснить тебе, — неприязненно сказала она. — На Земле с десяток крупных государств, не считая сотни более мелких.

— Сто стран, — простонал Капитан, не в силах представить себе это.

Что ж. Все это происходило очень давно, особенно если считаешь время в фемтосекундах. Так много произошло с этого момента! Хоть я и расширился, но даже мне трудно это все охватить. И еще труднее вспомнить (то ли своей памятью, то ли заимствованной у кого-то) подробности событий того времени, хотя, как вы видите, я могу вспомнить многое, если захочу. Но эта картина все время со мной. Клара, наморщив черные брови, смотрит на дергающихся и хандрящих хичи; Вэн, почти в коматозном состоянии забы-

тый в углу каюты. Экипаж хичи, дергающийся и пересвистывающийся; и Капитан, с гордостью и страхом глядящий на армаду, возникшую для выполнения его замысла. Он играет на высочайшую ставку. Он не знал, что произойдет дальше, ожидал всего, боялся почти всего, казалось, и его не удивило бы ничто из того, что могло случиться… но случившееся все же чрезвычайно его удивило.

— Капитан! — воскликнула Дворняжка, интегратор. — Появились другие корабли!

Капитан повеселел.

— Ах! — зааплодировал он. — Наконец-то они ответили! — Странно, что люди отвечают так, а не по радио, но они вообще странные существа. — Корабли связываются с нами, Башмак? — спросил он, и связист дернул лицевыми мышцами: нет. Капитан вздохнул. — Мы должны быть терпеливы, — сказал он, изучая экран. Корабли людей не приближались по сколько-нибудь разумным орбитам. Казалось, они покинули свои многочисленные дела и теперь с разных направлений торопливо, беспорядочно, почти лихорадочно летят навстречу флоту хичи. Один корабль уже в пределах корабельной связи, два подальше и один из них увеличивает скорость, причем в

неверном направлении.

И тут Капитан удивленно свистнул.

— Человек женщина! — приказал он. — Иди сюда и скажи им, чтобы соблюдали осторожность. Змотри, что происходит! — От ближайшего корабля отделился небольшой объект, примитивный снаряд, приводимый в движение химическим горючим, слишком маленький, чтобы вместить даже одного человека. Он летел прямо к центру флота хичи, и Капитан кивнул Белому Шуму, тот отдал приказ, и транспорт, бывший на пути снаряда, перешел на скорость быстрее света. — Нельзя так приближаться! — строго сказал Капитан. — Может произойти столкновение!

— Это не случайность, — мрачно сказала Клара.

— Что? Я не понимаю!

— Это снаряд с ядерной боеголовкой. Это ответ. Они не ждут, пока вы нападете. Стреляют первыми!

Представляете теперь картину? Капитан стоит пораженный, с застывшими сухожилиями и отвалившейся челюстью, и смотрит на Клару. Он пережевывает эту мысль, а также тонкую нижнюю губу и бросает взгляд на экран. Вот его флот, огромный караван транспортных кораблей, вы-

званных из полумиллионнолетнего сна, чтобы — с большими сомнениями, с большим риском для самого себя — предложить человечеству, по нескольку миллионов зараз, перелет и убежище от Убийц в центре, где скрываются и сами хичи.

— Стреляют? — пораженно переспросил он. — Хотят причинить нам вред? Может быть, убить?

— Совершенно верно, — ответила Клара. — А чего ты ожидал? Ты хотел войны, и ты ее получил.

Капитан закрыл глаза, почти не слыша, какой свист и какое гудение поднялись, когда Белый Шум перевел экипажу.

— Война, — недоумевающе произнес он и впервые подумал о месте среди соединенных умов не со страхом, а почти с желанием: ничего не может быть хуже войны.

А тем временем…

Тем временем дело зашло далеко — к счастью для всех, не слишком. Снаряд с бразильского разведывательного корабля не задел хичи. К тому времени, как бразильцы смогли выстрелить вторично — остальные корабли людей были еще далеко, — Капитан пришел в себя, чтобы объясниться с Кларой, и Клара села к устройствам связи, и слово было послано. Это не флот

вторжения. Это даже не рейд коммандос. Это спасательная экспедиция. И сообщение о том, от чего бежали и скрылись хичи и о чем теперь предстоит беспокоиться нам.

26. Чего боялись хичи

Расширенный, я могу смеяться над этими старыми страхами и предчувствиями. Не тогда, может быть. Но сейчас — да. Шкала грандиознее и возбуждает гораздо сильнее. В одном только центре Галактики десятки тысяч записанных сознаний хичи, и я могу прочесть их все. Уже прочел — почти все. Могу перечитать, если с чем-то хочу познакомиться поближе. Книги на библиотечной полке?

Больше того. И я, конечно, не «читаю» их. Я как будто вспоминаю их. Когда я «открываю» одну из них, я читаю ее с начала до конца, словно она часть самого меня. Это нелегко делать, и вообще все, что я научился в своем новом состоянии, делать нелегко. Но с помощью Альберта, посредством простых начальных упражнений, кое-какими умениями я овладел. Первые базы данных, к которым я получил доступ, содержали только данные; это все равно что справиться с логарифмической таблицей. Потом я получил до-

ступ к записанным хичи Мертвецам и к первым записям Эсси в программе «Здесь и После», и они тоже были сделаны не очень хорошо. И я никогда не сомневался, какая часть того, о чем я думаю, все же принадлежит мне.

Но когда выяснилось недоразумение с Капитаном и я получил доступ к их записям — вот когда стало трудно. Тут была и утраченная любовь Капитана, женщина хичи по имени Дважды. «Получить доступ» к ней — все равно что в темноте набрести на груду одежды, которая — вся — тебе не подходит. Дело не только в том, что она женщина, хотя уже это вызывало значительную несовместимость. И даже не то, что она хичи, а я человек. Она знала, всегда знала то, о чем ни я, ни кто-либо другой из людей и не догадывался. Может, Альберт догадался, но это свело его с ума. Но даже в своих рассуждениях Альберт не дошел до расы летающих меж звездами Убийц, которые закрылись в кугельблитце, чтобы подождать рождения новой — и для них лучшей — вселенной.

Но когда я пережил шок, Дважды стала моим другом. Она очень приятная личность, когда привыкнешь к их обычным необычностям, и у нас оказалось очень много общих интересов. В биб-

лиотеке сознаний хичи значатся не только сами хичи и люди. Там есть и древние неясные ворчливые голоса, принадлежавшие некогда крылатым существам с Антареса, и голоса моллюсков из шарового скопления. И конечно, обитатели грязи. Мы с Дважды провели немало времени, изучая их и их эдды. Видите ли, времени у меня — с моими фемтосекундами — достаточно.

У меня достаточно времени даже для посещения самого центра, и, может быть, когда-нибудь я это сделаю. Ненадолго. А тем временем… тем временем Оди и Джейни полетели туда, участвуют в экспедиции, которая продлится шесть или семь месяцев — ну а здесь, конечно, пройдет несколько столетий, и к их возвращению присутствие Долли больше не будет представлять проблему, а сама Долли тем временем счастлива в своей ПВ-карьере. А Эсси достаточно великодушна, чтобы не быть слишком счастливой, потому что лишена моего физического присутствия, но все равно приспособилась отлично. Больше всего (после меня) она любит свою работу, и у нее работы в избытке — усовершенствование «Здесь и После», использование процесса, известного по CHON-пище, для изготовления других органических веществ… она надеется вскоре получать таким

образом запасные органы, чтобы никому больше не приходилось отдавать свои… и если подумать, то большинство людей счастливы. Теперь с помощью флота хичи мы можем ежемесячно переселять по миллиону, и нас ждет пятьдесят пригодных к заселению планет. Снова пионеры и крытые фургоны, снова возможности для всех…

Особенно для меня.

И Клара.

Мы, конечно, встретились. Я настоял на этом, и в конечном счете ее и нельзя было бы удержать. Эсси вылетела к петле, чтобы встретить ее и лично доставить на нашем самолете на Таппаново море. Конечно, возникали проблемы этикета. Но иначе Кларе пришлось бы выдержать нападение журналистов, с их вопросами, каково быть «пленницей хичи» или «быть похищенной этим волчонком Вэном»… и еще разными сплетнями, которые они передают друг другу. И вообще, мне кажется, они с Эсси поладили. Им не приходится сражаться из-за меня. В этом смысле я просто не существую.

И вот я приготовил свою лучшую голографическую улыбку и создал лучшее голографическое окружение и подождал, пока она войдет. Она одна вошла в большую приемную — Эсси хватило

такта показать ей дорогу и исчезнуть. И когда Клара вошла, остановилась на пороге и ахнула, я понял, что она ожидала увидеть меня гораздо более мертвым.

— Здравствуй, Клара, — сказал я. Не очень умно, но что еще мог я сказать в таких обстоятельствах. И она ответила:

— Здравствуй, Робин. — И тоже как будто не знала, что добавить. Стояла, глядя на меня, пока я не догадался пригласить ее сесть. И конечно, я тоже смотрел на нее — теми многочисленными способами, которые есть в распоряжении электронного разума; и с точки зрения всех этих способов выглядела она хорошо. Устала — да. Ей нелегко пришлось. И дорогая моя Клара никогда не была классической красавицей, со своими темными густыми бровями и крепким мускулистым телом, да, но выглядела она отлично.

Я думаю, это разглядывание заставило ее нервничать, потому что она откашлялась и сказала:

— Мне сказали, что ты сделал меня богатой.

— Не я, Клара. Я просто вернул тебе долю того, что мы заработали вместе.

— Эта доля, кажется, увеличилась. — Она улыбнулась. — Твоя жена говорит, что у меня больше пятидесяти миллионов долларов…

— Можешь получить и больше, если хочешь.

— Нет, нет, и так очень много. Кажется, у меня доля во многих компаниях. Спасибо, Робин.

Снова молчание, и затем — поверите ли? — я произнес следующее:

— Клара, я должен знать! Ты меня ненавидела все это время?

В конце концов, я задавал себе этот вопрос целых тридцать лет.

Но даже тогда вопрос показался мне неуместным. Не могу сказать, как он подействовал на Клару, она какое-то время сидела с раскрытым ртом, потом с трудом глотнула и покачала головой.

И начала смеяться. Смеялась громко и всем телом, а когда кончила смеяться, вытерла глаза и сказала:

— Слава богу, Робин! По крайней мере, хоть что-то не изменилось. Ты умер. У тебя оплакивающая тебя вдова. Мир на пороге величайших изменений. Испуганные существа появились из своего укрытия… и ты мертв. И все равно тебя волнует проклятое чувство вины!

И я тоже рассмеялся.

Впервые за все время, бог мой, за полжизни, последний остаток вины исчез. Трудно определить,

что я испытал; прошло немало времени с этого освобождения. Я сказал, продолжая смеяться:

— Наверное, это звучит глупо, Клара. Но прошло так много времени, и я знал, что ты там, в черной дыре, в замедлившемся времени, и мне было неизвестно, что у тебя на душе. Я думал, может, ты… не знаю… винишь меня в том, что я тебя покинул…

— Но как я могла, Робин? Я не знала, что с тобой произошло. Что я на самом деле чувствовала? Я испытывала ужас и оцепенение, потому что была уверена — ты исчез, и думала, что ты мертв.

— И когда ты вернулась, я действительно мертв, — улыбнулся я. Я видел, что она чувствительнее к таким шуткам, чем я. — Ну хорошо, — сказал я. — Действительно все хорошо. Я в порядке и весь мир тоже!

И это правда. Я бы хотел коснуться ее, конечно, но это желание начинало мне казаться частью далекого детства; а сейчас она здесь, в безопасности, и вселенная открыта перед нами. И когда я так сказал, у нее отвисла челюсть.

— Ты ужасно оптимистичен! — выпалила она.

Я искренне удивился:

— Почему?

— Убийцы! Они выйдут рано или поздно, и что

мы будем делать? Они испугали хичи, и меня они ужасно пугают.

— Ах, Клара, — сказал я, поняв ее наконец. — Я понимаю, что ты имеешь в виду. Все равно что в прошлом, когда мы знали, что хичи где-то есть и могут неожиданно выйти и они способны на многое, о чем мы не имеем понятия…

— Совершенно верно. Нам не справиться с Убийцами!

— Да, — согласился я, — сейчас не справиться. Но мы не могли когда-то сравняться и с хичи. А к тому времени, как они вышли, — мы смогли. Если повезет и у нас будет время, подготовимся и к выходу Убийц.

— И что же? Все равно они враги!

Я покачал головой.

— Не враги, Клара, — сказал я. — Всего лишь новый источник.

Анналы хичи

1. На Сморщенной Скале

Не так-то легко начинать. Я обдумал множество вариантов начала. Например, такой остроумный:

Вы обо мне не знаете, если не читали книги мистера Фреда Пола.

В основном он рассказывает верно. Кое-что исказил, но в главном все так и было.

Но мой друг информационная программа Альберт Эйнштейн утверждает, что литературные ассоциации мне не под силу, так что от гамбита типа «Гекльберри Финн» придется отказаться. И я решил начать с выражения обжигающего, опустошающего душу, космического страха, который (как напоминает мне тот же Альберт) стал непременной частью моих обычных разговоров:

Бессмертный и в то же время мертвый, всеведущий, почти всемогущий и в то же время не более реальный, чем фосфорический блеск на экране, — вот как я существую. Когда меня

спрашивают, что я делаю со своим временем (так много времени! так много втиснуто его в каждую секунду, и такая бесконечность секунд), я даю честный ответ. Я говорю, что учусь, играю, составляю планы, работаю. И все это правда. Я делаю все это. Но наряду и между этими занятиями я делаю кое-что еще. Я испытываю боль.

Или могу начать с описания обычного дня. Как делают в интервью по ПВ: «Правдивое описание одного дня прославленного Робинетта Броудхеда, финансового магната, обладающего огромным политическим влиянием, создающего и меняющего события на всех мириадах миров». Может, с включением рассказа о том, как я веду дела… например, провожу совещание с шишками из Звездного Управления Быстрого реагирования или, еще лучше, заседание совета в Институте Робинетта Броудхеда для исследований за пределами Солнечной системы:

Я под звуки аплодисментов вышел на подиум. Улыбаясь, поднял руки, прекращая аплодисменты. «Леди и джентльмены, — сказал я, — благодарю вас всех за то, что вы, знаменитые астрофизики и космологи, известные теоретики и нобелевские лауреаты, нашли возможность вы-

делить время в вашем насыщенном расписании и присоединиться к нам. Добро пожаловать в наш Институт. Объявляю заседание совета, посвященное тонкой структуре материи, открытым».

Я, конечно, говорю все это, вернее, посылаю двойника, и он это говорит. Приходится. От меня этого ждут. Я не ученый, но через свой Институт предоставляю деньги, которыми оплачиваются счета для развития науки. И поэтому все хотят видеть меня на открытии заседаний. А потом хотят, чтобы я ушел и они смогли приступить к работе. Что я и делаю.

Ну, никак не мог я решить, как начать, и потому не стал использовать эти зачины. Впрочем, все они достаточно характерны. Я это признаю. Иногда я излишне умен и остроумен. Иногда, может быть даже слишком часто, меня отягощает внутренняя боль, которая как будто никогда не уходит. Частенько я излишне помпезен; но все же, честно, в самом важном я действую очень эффективно.

Итак, начну я с приема на Сморщенной Скале. Прошу потерпеть вместе со мной. Вам придется терпеть совсем немного, а мне все равно нужно это сделать.

На хороший прием я готов отправиться куда угодно. А почему бы и нет? Мне это нетрудно, а хорошие приемы случаются нечасто. Сюда я даже прилетел в своем космическом корабле; это тоже нетрудно и не мешало мне одновременно заниматься восемнадцатью или двадцатью другими вещами.

Еще до прибытия у меня было приятное ощущение предстоящего приема, потому что старый астероид приукрасили по такому случаю. Сама по себе Сморщенная Скала нисколько не интересна. Это черный камень длиной в десять километров, с синими пятнами. Похоже на грушу, поклеванную птицами. Разумеется, эти углубления — не клевки птиц. Посадочные гнезда для таких кораблей, как мой. А по случаю приема Скала украшена большой сверкающей звездной надписью:

Наша Галактика
Первые сто лет самые трудные

Надпись вращается вокруг Скалы, как пояс из дрессированных светлячков. Первая часть — недипломатично. Вторая — неправда. Но смотреть приятно.

Я так и сказал своей дорогой портативной жене, она в ответ хмыкнула, удобно усаживаясь у меня

на коленях.

— Как ярко. Настоящий огонь! Могли бы использовать голограммы.

— Эсси, — сказал я, поворачивая голову, чтобы укусить ее за ухо, — у тебя душа кибернетика.

— Хо! — ответила она, поворачиваясь, чтобы укусить меня — только она укусила гораздо сильнее. — Я сама кибернетическая душа, и ты тоже, Робин, и, пожалуйста, управляй кораблем, а не дурачься.

Естественно, это шутка. Мы находились точно на курсе и опускались в док с болезненной медлительностью материальных тел; у меня еще оставались сотни миллисекунд, прежде чем дать «Истинной любви» последний импульс. Поэтому я поцеловал Эсси…

Ну, на самом деле не поцеловал, но оставим так, как сказалось, ладно?

…и она ответила:

— Большой шум подняли вокруг этого, ты согласен?

— Большой шум, — сказал я и поцеловал ее чуть крепче, и так как у нас была еще масса времени, она поцеловала меня в ответ.

Мы провели долгую четверть секунды, пока «Истинная любовь» проходила через неощути-

мый блеск надписи, провели приятно и роскошно, как только можно пожелать. Мы занимались любовью.

Так как я более не «реален» (моя Эсси тоже), так как мы оба больше не «плоть», кто-нибудь может спросить: «Как вы это делаете?» У меня есть ответ на этот вопрос. Ответ таков: «Прекрасно». И еще «роскошно», «великолепно», а прежде всего — «быстро». Я не хочу сказать, что мы торопимся. Просто нам на это не требуется много времени; и вот после того, как мы доставили друг другу удовольствие, и немного повалялись, и даже вместе вымылись под душем (абсолютно ненужный ритуал, как и большинство наших ритуалов, но нам нравится), у нас еще оставалось от этой четверти секунды достаточно времени, чтобы рассмотреть другие посадочные гнезда на Скале.

Нас ожидает интересное общество. Я заметил большой корабль, построенный еще хичи, такой мы бы в старину назвали двадцатиместным, если бы знали, что они существуют. Но мы не просто глазели. Мы ведь сложные программы, использующие все возможности времени. Поэтому я поддерживал контакт с Альбертом, проверял, нет ли новых сообщений из центра, убеждался, что ничего не поступило с Колеса, и удовлетворял

еще с десяток своих интересов и запросов; а Эсси тем временем занималась своими делами. Так что когда наше кольцо-замок соединилось с кольцом углубления, на самом дне посадочного гнезда астероида, мы оба были в хорошем настроении и готовы к приему.

Одно из (многих) преимуществ моей дорогой Эсси и меня самого в том, что нам не нужно отстегивать ремни безопасности, проверять швы и открывать люки. Ничего подобного нам не нужно делать. И не нужно перемещать наши информационные веера. Они остаются, а мы по электрическим цепям того места, где находимся, проходим куда нам нужно. (Обычно мы передвигаемся в «Истинной любви», там и подключаемся.) Если нам нужно куда-нибудь подальше, мы используем радио, но тут начинает сказываться утомительная разница во времени прохождения сигнала.

Итак, мы причалили. Включились в систему Сморщенной Скалы. Мы на месте.

Если точнее, мы находились на уровне Танго, отсек сорок с чем-то усталого старого астероида, и были мы далеко не одни. Прием начался. Было тесно. Нас встречали десятки людей — подобно нам, они надели специальные шляпы для приема,

в руках у них была выпивка, они пели, смеялись (мы увидели даже несколько человек во плоти, но они еще много миллисекунд не увидят, что мы прибыли).

— Джейн! — крикнул я, обнимая знакомую.

— Сергей, голубчик[16]! — воскликнула Эсси, обнимая другого; и тут же, в тот момент, как мы начали обмениваться приветствиями, обниматься и были счастливы, отвратительный голос выпалил:

— Эй, Броудхед!

Я узнал этот голос.

Я даже знал, что будет дальше. Какие дурные манеры! Блеск, сверкание, хлопок — и вот передо мной генерал Хулио Кассата, смотрит на меня с едва скрытым презрением военного к штатскому, сидит за большим пустым столом, которого мгновение назад не было.

— Я хочу поговорить с вами, — сказал он.

Я ответил:

— О дерьмо!

Я не люблю генерала Хулио Кассату. И никогда не любил, хотя жизнь все время сводила нас.

---

[16] Примечания: 16

Это слово приводится по-русски и передано так: «golubka». — *Примеч. пер.*

Не потому, что я этого хотел. Кассата — это всегда дурные новости. Он не выносит, когда штатские (подобные мне) вмешиваются в то, что он называет «военными делами», и он никогда не любил записанных машиной. Кассата не только солдат, он по-прежнему плоть.

Но в данном случае он не был плотью. Передо мной двойник.

Это само по себе интересно, потому что плотские люди с большим трудом соглашаются на двойников.

Я поразмыслил бы еще над этим странным фактом, но сейчас хотелось понять, что же мне не нравится в Кассате. У него ужасные манеры. Он только что это продемонстрировал. В гигабитном пространстве, где обитаем мы, записанные машиной, есть свой этикет. Записанные машиной люди предупредительны, они не набрасываются друг на друга бесцеремонно. Желая поговорить с вами, они обращаются вежливо. «Стучат» в «дверь» «снаружи» и вежливо ждут, пока вы скажете «Войдите». И они никогда не позволяют себе затесаться в общество других. Такое поведение Эсси называет некультурным, имея в виду, что они дурно пахнут. Но именно так поступил Хулио Кассата: он не просто вторгся в физическое про-

странство, он проник и в имитацию в гигабитном пространстве, в котором мы обитаем. И вот он со своим столом, и со своими медалями, и со своей сигарой; и все это ужасно грубо.

Конечно, я мог бы уничтожить все это и вернуть свое окружение. Упрямцы так и поступают. Но я решил так не делать. Не потому, что у меня какие-то предрассудки по поводу грубого отношения к грубым людям. Нет, тут кое-что другое.

Я наконец преодолел удивление из-за того, что реальный, плотский Кассата сделал себе машинного двойника.

Передо мной машинная имитация в гигабитном пространстве, точно так же, как моя возлюбленная портативная Эсси — двойник моей возлюбленной реальной Эсси. Реальный Кассата-оригинал сейчас, несомненно, жует сигару в нескольких сотнях тысяч километров отсюда, на спутнике ЗУБов.

И когда я все это обдумал, мне даже стало жаль двойника. И потому я сдержал все слова, которые готовы были вырваться. И только сказал:

— Какого дьявола вам от меня нужно?

Грубый ответ, но и со мной обошлись грубо. Он чуть пригасил свой стальной взгляд. Даже улыбнулся… я думаю, он решил быть дружелюбным.

Глаза его скользнули с моего лица на лицо Эсси, которая появилась в окружении Кассаты, чтобы выяснить, что происходит, и он сказал тоном, который, наверное, считает легким:

— Ну, ну, миссис Броудхед, разве так должны разговаривать старые друзья?

— Да, старые друзья так не разговаривают, — небрежно ответила она.

Я настаивал:

— Что вы здесь делаете, Кассата?

— Я пришел на прием. — Он улыбнулся — масленой, фальшивой улыбкой; собственно, ему нечему улыбаться. — Когда мы явились с маневров, большинство бывших старателей получили отпуск для этой встречи. Я подъехал с ними. То есть я хочу сказать, — объяснил он, как будто нам с Эсси нужно было его объяснение, — что сделал себе двойника и отправил его сюда на корабле.

— Маневры! — фыркнула Эсси. — Против кого маневры? Когда придет Враг, вы собираетесь вытащить шестизарядные пушки и украсить борта его кораблей дырами, как в швейцарском сыре, блам-блам-блам?

— У нас сегодня на кораблях есть кое-что получше шестизарядных пистолетов, миссис Броудхед, — добродушно ответил Кассата; но с

меня хватит этой болтовни ни о чем.

Я снова спросил:

— Что вам нужно?

Кассата перестал улыбаться и вернулся к своему обычному отвратительному выражению лица.

— Ничего, — ответил он. — Говоря «ничего», я имею в виду, что вас здесь не должно быть, Броудхед. — Он больше даже не пытался казаться добродушным.

Я сдержался.

— Не собираюсь уходить.

— Врете! Вы уже ушли в свой паршивый Институт! Приводите в действие свои исследовательские корабли. Один в Нью-Джерси, другой в Де Мойне. Один занимается подписями Убийц, другой — начальными стадиями космологии.

Поскольку все это соответствовало действительности, я только сказал:

— Институт Броудхеда занимается этими проблемами. Таков наш устав. Для этого мы основаны, и именно поэтому ЗУБы предоставили мне статус, позволяющий участвовать в работе планового комитета.

— Ну, старина, — счастливо ответил Кассата, — вы опять ошибаетесь. У вас нет права. У вас

есть привилегия. Иногда. А привилегия — это не право, и я вас предупреждаю, чтобы вы на нее не очень рассчитывали. Мы не хотим, чтобы вы путались у нас под ногами.

Иногда я таких парней по-настоящему ненавижу.

— Послушайте, Кассата, — начал я, но Эсси остановила меня, прежде чем я набрал скорость.

— Мальчики, мальчики! Нельзя ли заняться этим в другое время? Мы ведь пришли на прием, а не на драку.

Кассата колебался, но выглядел воинственно. Но вот он медленно и задумчиво кивнул.

— Неплохая мысль, миссис Броудхед, — сказал он. — Можно и подождать немного: в конце концов, мне докладывать еще только через пять или шесть плотских часов. — И повернулся ко мне. — Не оставляйте Скалу, — приказал он. И исчез.

Мы с Эсси переглянулись.

— Некультурный, — сказала она, сморщив нос, словно все еще ощущая запах его сигары.

Я произнес нечто гораздо более грубое, и Эсси обняла меня за плечи.

— Робин? Он свинья, этот человек. Забудь о нем, ладно? И не позволяй ему делать тебя глупым и кислым снова.

— Ни в коем случае, — храбро ответил я. — Время приема! Пошли в Голубой Ад!

Отличный получился прием.

Я не очень серьезно воспринял Эсси, когда она сказала, что вокруг него слишком большой шум. Я знал, что она говорит несерьезно. Эсси сама не была старателем, но все знают, чему посвящен этот прием.

Он отмечал ни больше ни меньше как столетие открытия астероида Врата, и если в истории человечества и случались более значительные события, я таких не знаю.

Сморщенная скала избрана местом приема по случаю столетней годовщины по двум причинам. Первая — астероид был преобразован в дом для престарелых. Это отличное место для заботы о гериатрических пациентах. Когда лечение атеросклероза обостряет остеопороз, а использование противовоспалительных фагов приводит к синдромам Менье или Альцгеймера, не найти лучшего места, чем Сморщенная скала. Здесь старым сердцам не нужно напрягаться. Старые конечности не должны удерживать сотню килограммов мяса и костей в вертикальном положении. Максимальное тяготение здесь не превышает одного процента земного. Трясущи-

еся старики могут здесь ходить и бегать, могут даже кувыркаться, если захотят. Неуверенные медлительные рефлексы не приведут к тому, что они окажутся перед несущимся автомобилем: тут нет никаких автомобилей. О, старики, конечно, могут умереть. Но и это не смертельно, потому что на Сморщенной скале лучшие во вселенной (и наиболее часто используемые) установки для записи личности. Когда древнее плотское туловище уже не поддается восстановлению, старик передает себя в руки работников «Здесь и После» и в следующее мгновение видит мир необыкновенно острым зрением, слышит самые слабые звуки, ничего не забывает и быстро учится. Он буквально родился заново — только без грязи и отвратительных подробностей первого рождения. Жизнь — может быть, мне следовало взять это слово в кавычки — «жизнь» разума, записанного машиной, совсем не такая, как жизнь в плотском теле. Но она не плохая. В некоторых отношениях она гораздо лучше.

Так я говорю, а я-то уж знаю.

Вам никогда не увидеть более счастливую толпу записанных машиной граждан, чем те, что живут на Сморщенной Скале. Это и на самом деле скала. Комковатый старый астероид, нескольких

километров в диаметре, подобный остальным астероидам, которые летят в пространстве между Марсом и Юпитером и в некоторых других местах. Ну, не совсем подобный. Этот астероид прорезан туннелями от поверхности до поверхности. И не люди прорыли эти туннели. Мы таким и нашли этот астероид; и в этом заключается вторая причина, почему он послужил лучшим местом для празднования столетней годовщины первого межзвездного полета человека.

Видите ли, Сморщенная Скала — не обычный астероид, он уникален. Первоначально он огибал Солнце по орбите, перпендикулярной к эклиптике. Но это в нем как раз наименее необычно. А уникальное его свойство в том, что на нем обнаружили сотни древних космических кораблей хичи. Не один или два, а много — девятьсот двадцать четыре, если быть точным! И корабли эти действовали. Ну, вернее, большая часть из них действовала, особенно если вам было все равно, куда лететь. Сначала мы не знали, куда они полетят. Мы садились в корабль, стартовали, откидывались, ждали и молились.

И иногда нам везло.

Чаще мы умирали. На прием собрались те из нас, кому повезло.

Но каждый успешный полет на корабле хичи чему-то учил нас, и постепенно мы смогли лететь в любое место Галактики, и при этом сохранялась все-таки надежда, что мы останемся живы. Мы даже в некоторых отношениях усовершенствовали технологию хичи. Они поднимались с поверхности на низкую орбиту с помощью ракет, мы использовали петлю Лофстрома. А потом для исследовательских программ в космосе астероид оказался совершенно не нужен.

И его переместили на околоземную орбиту.

Вначале его собирались превратить в музей. Потом решили сделать домом для тех, кто пережил полеты в кораблях хичи. Тогда-то его и стали называть Сморщенной Скалой. А вначале его название было Врата.

Теперь перед нами возникает очередная коммуникационная проблема. Как мне объяснить, чем мы занялись с Эсси?

Легче всего сказать, что мы веселились на приеме.

Ну, мы это, конечно, делали. Ведь для того и существуют приемы. Мы в своем бестелесном обличье переходили от одной группы к другой, здоровались, обнимались с бестелесными друзьями, обменивались с ними репликами. Не все

наши друзья на Скале бестелесные, но плотские люди нас пока не интересовали. (Не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, будто мы не любим своих плотских друзей. Они так же дороги нам, как и записанные машинами, но, боже, как они утомительно медлительны.)

Так что следующие несколько десятков тысяч миллисекунд следовало бесконечное:

— О Робин, ты только посмотри, какой молодой сделала себя Джейни Джи-ксинг!

И:

— Помнишь, как воняло в этом месте?

Так продолжалось довольно долго, потому что прием внушительный. Примерно после пятидесяти объятий и радостных обманов я выбрал момент и связался со своей информационной программой Альбертом Эйнштейном.

— Альберт, — сказал я, когда он возник, дружелюбно улыбаясь, — сколько их?

Он какое-то время посасывал трубку.

— Боюсь, очень много. Всего на Вратах насчитывалось тринадцать тысяч восемьсот сорок два старателя. Некоторые, конечно, безвозвратно мертвы. Кое-кто решил не ходить, или не смог этого сделать, или просто еще не успел. По моим подсчетам, сейчас здесь присутствует три тыся-

чи семьсот двадцать шесть, причем примерно половина из них — записанные машиной. Есть, разумеется, и некоторое количество гостей бывших старателей, как миссис Броудхед, не говоря уже о пациентах, которые здесь по медицинским причинам, не связанным с полетами старателей.

— Спасибо, — сказал я, и тут же, когда он собрался уходить: — Еще одно, Альберт. Хулио Кассата. Мне хочется узнать, почему он так неприязненно настроен к исследованиям Института, и особенно — почему он вообще здесь оказался. Я буду благодарен, если ты этим займешься.

— Но я уже занимаюсь этим, Робин, — улыбнулся Альберт. — Доложу, когда у меня будет информация. А пока желаю приятно провести время.

— Я уже провожу его приятно, — с улыбкой ответил я. Альберт Эйнштейн — полезное приспособление: он занимается делами, пока я веселюсь. И поэтому я с легкой душой вернулся к приему.

Мы, конечно, не знакомы со всеми 3726 собравшимися ветеранами. Но знаем очень многих из них; именно поэтому трудно рассказать, чем мы занимались: кому же интересно знать, сколько раз мы восклицали:

— Какой сюрприз! Как ты прекрасно выгля-

дишь!

Мы проносились по гигабитному пространству и по изрытым квадрантам, уровням и туннелям старого астероида, здоровались со своими коллегами. Мы выпили в Веретене с Сергеем Борбосным — Сергей был соучеником Эсси в Ленинграде, прежде чем отправился на Врата и погиб медленной мучительной смертью от радиационного заражения. Много времени провели с коктейлями в музее Врат, бродили со стаканами в руке между витрин с артефактами с Венеры и планеты Пегги, с инструментами, огненными жемчужинами и хранителями информации — молитвенными веерами — со всей Галактики. Встретились с Джейни Джи-ксинг, которая жила с нашим другом Оди Уолтерсом до того, как он отправился навещать хичи в центре Галактики. Вероятно, она хотела выйти за него замуж, но эта проблема потеряла актуальность, так как Джейни погибла, пытаясь посадить чоппер в зимнем урагане на планете Персефоне.

— Происшествие из самых нелепых! — сказал я ей, улыбаясь. — Воздушная катастрофа! — И тут же мне пришлось извиняться, потому что вряд ли кому приятно, когда его смерть называют нелепой.

Много было записанных душ, подобных нам. С ними мы говорим легко и без посредников. Конечно, нам хотелось поздороваться и со многими плотскими людьми.

Но это совершенно другая проблема.

Нелегко описать, каково быть бестелесным разумом в гигабитном пространстве.

По-своему это подобно сексу.

Попробуйте рассказать о нем тому, кто его не испытывал. Я знаю об этом, потому что пытался описать радости любви некоторым странным людям — не людям, конечно, а разумам, — сейчас не важно, кто они такие. И это потребовало большого труда. После многих миллисекунд объяснений, описаний, метафор — и большого количества недопониманий и недоразумений — они отвечали нечто вроде этого:

— О да, теперь понимаю. Это похоже на другое ваше занятие — чихание, верно? Вы знаете, что должны чихнуть, но не можете, однако должны. И это все больше и больше вас изводит, пока вы не можете выдержать и чихаете, и тогда чувствуете себя очень хорошо. Верно?

А я отвечаю:

— Нет, неверно. — И сдаюсь.

Примерно так же трудно объяснить, что такое

гигабитное пространство. Но я могу описать, что я в нем делаю. Например, когда мы пили с Сергеем Борбосным в Веретене, мы не были «на самом деле» в Веретене. Веретено существует на самом деле — это центральная полость астероида Врата. В свое время здешний бар — он назывался «Голубой Ад» — был любимым местом старателей, где они пили, играли и набирались храбрости, чтобы записаться на один из ужасных, часто смертельных и односторонних полетов на кораблях хичи. Но «реальное» Веретено больше не используется как место для выпивки. Его преобразовали в освещаемый лампами солярий для самых тяжелых гериатрических обитателей Сморщенной Скалы.

Но вызывает ли это у нас проблемы? Нисколько! Мы просто создаем собственное имитационное Веретено, вместе с «Голубым Адом» и с его казино, и сидим в нем с Сергеем, пьем ледяную водку и закусываем солеными крендельками и копченой рыбой. Имитация полная, включая столики, барменов, хорошеньких официанток, группу из троих музыкантов, играющих хиты полустолетней давности, и шумную праздничную веселую толпу.

Здесь есть все, что ожидаешь увидеть в веселом кабачке, за исключением одного. «Реальности».

Ничто из окружающего не было «реальным».

Вся сцена, включая некоторых присутствующих, — собрание имитаций, взятых из памяти машины. Как я, Эсси в ее портативной форме — и Сергей.

Видите ли, нам совсем не обязательно быть в Веретене, реальном или любом другом. Когда нам хочется выпить, мы можем создать для этого любую обстановку. Мы так часто и поступаем, я и Эсси.

— Где хочешь пообедать? — спрашивает Эсси.

А я отвечаю:

— Даже не знаю. Париж? Тур д'Аржент? О нет, мне хочется жареных цыплят. Как насчет пикника на фоне Тадж-Махала?

Тут же наши поддерживающие системы обращаются к файлам «Тадж-Махал» и «Цыплята. Жареные», и все в ажуре.

Конечно, ни окружение, ни пища и напитки не будут «реальными» — но и мы ведь не «реальны». Эсси — записанный машиной аналог моей дорогой жены, которая еще жива — и по-прежнему моя жена. А я — записанная память обо мне, все, что осталось от меня, когда я умер в волнующем происшествии, во время которого мы впервые встретились с живым хичи. Сергей — записан-

ный Сергей, потому что он тоже умер. А Альберт Эйнштейн…

Ну, Альберт Эйнштейн — это нечто совершенно иное; но мы держим его при себе, потому что забавно разговаривать с ним на приеме.

И все это не составляет никакой разницы! Напитки ударяют в голову так же сильно, копченая рыба такая же жирная и соленая, маленькие кусочки нарезанных фруктов такие же плотные и вкусные. И к тому же мы никогда не набираем вес, и у нас не бывает похмелья.

В то время как плотские люди…

Ну, плотские люди — совсем другое дело.

Среди 3726 ветеранов-старателей, собравшихся, чтобы отметить столетнюю годовщину Врат, много людей во плоти. Многие из них — наши добрые друзья. Большинство остальных я хотел бы иметь своими друзьями, потому что у всех старых старателей много общего.

Беда в том, что с людьми во плоти трудно разговаривать. Я быстр, я оперирую в гигабитном времени. А они медлительны.

К счастью, есть возможность справиться с ситуацией, потому что иначе попытки разговаривать с этими вялыми медлительными людьми из плоти и крови свели бы меня с ума.

Ребенком в Вайоминге я восхищался шахматистами, которые отирались в парках, передвигая грязные фигуры по обшарпанным доскам. Некоторые могли играть двадцать партий одновременно, переходя от доски к доске. Как могли они следить сразу за двадцатью позициями, помнить каждый ход, если я не мог удержать в голове даже одну?

Потом я понял. Они вообще ничего не запоминали.

Они просто подходили к доске, разглядывали позицию, определяли стратегию, делали ход и переходили к следующей доске. Им и не нужно было помнить. Их шахматное мышление действовало так стремительно, что они охватывали всю картину, пока противник почесывал ухо.

Именно так обстоит дело с нами и плотскими людьми. Я не выдержал бы разговора с человеком во плоти, если бы одновременно не занимался еще тремя или четырьмя делами. Они стоят как статуи! Когда я увидел своего старого приятеля Френки Херейру, он облизывал губы, наблюдая, как другой древний старец пытается открыть бутылку шампанского. Сэм Стратерс как раз выходил из мужской уборной, рот его был раскрыт, он собирался поздороваться с другим живым

человеком в зале. Я не стал с ними разговаривать. Даже не пытался. Просто создал свое подобие и двинул к ним: на каждого по одному. А потом «ушел».

Это не значит, что я буквально ушел куда-то; просто обратил внимание на другое. Мне не нужно оставаться здесь, потому что мои подпрограммы способны двигать одного двойника к Френки, другого к Сэму, и двойники будут улыбаться и откроют рот, когда старики «меня» заметят. Но к тому времени, когда нужно будет принимать решение, что сказать, я уже вернусь.

Но таковы люди во плоти. К счастью для моего порога скуки, было здесь и множество записанных машиной людей (в том числе и не людей). И среди них много моих старых друзей. Некоторых я знал, потому что их знают все. Например, Детевейлера, который открыл свиней вуду, и Лайо Ксичена, террориста, после появления хичи перешедшего на другую сторону. Он один из тех, кто выдал всю банду убийц и бомбометателей в американской космической программе. Был здесь даже Харриман, который на самом деле видел взрыв сверхновой и успел уйти от расширяющегося волнового фронта и получить в старые дни награду в пять миллионов долларов. Был

здесь и Мангров, вынырнувший на орбитальной станции хичи и обнаруживший, что странные маленькие маневренные шары, брошенные на станции, на самом деле заборщики образцов, которые могут опускаться на поверхность звезды и прихватывать образец нейтрония весом в одиннадцать тонн — кусок размером почти с мой ноготь. Доставив образец домой, Мангров умер от радиационной болезни, но это не помешало ему присоединиться к нам на Сморщенной Скале.

Так я носился по цепям Врат, быстрый, как молния в облачном небе, и здоровался с сотнями старых и новых друзей. Иногда портативная Эсси была со мной. Иногда занималась своими знакомствами и приветствиями. Верный Альберт всегда находился с нами, но никогда не участвовал в объятиях и пожиманиях рук. Дело в том, что он показывается только мне или когда его приглашают. Никто в этой смешливой душной атмосфере встречи выпускников, кануна Нового года или приема по случаю бракосочетания не хотел общаться с простой информационной системой, хотя это мой лучший друг.

Но когда мы вернулись в Веретено и снова пили с Сергеем Борбосным, мне стало скучно и я прошептал:

— Альберт?

Эсси бросила на меня взгляд. Она знала, что я делаю. (В конце концов, именно она написала его программу, не говоря уже о моей собственной.) Но не возражала; продолжала болтать по-русски с Сергеем. В этом не было ничего плохого, потому что, разумеется, я понимаю по-русски — даже бегло говорю, в числе многих других языков, потому что времени для обучения у меня очень много. Плохо же было то, что они говорили о людях, которых я не знаю и не хочу знать.

— Ты звал, о хозяин? — прошептал мне на ухо Альберт.

Я ответил:

— Не умничай. Ты узнал, зачем здесь Кассата?

— Еще не совсем, Робин, — ответил он, — иначе я бы уже сообщил. Тем не менее кое-что интересное я выяснил.

— Давай, — прошептал я, улыбнувшись Сергею, который добавил мне в стакан ледяной водки, даже не посмотрев на меня.

— Я выделил три отдельных вопроса, — сказал Альберт, настраиваясь на длинную поучительную лекцию. — Вопрос о связи семинаров Института с ЗУБами, вопрос о маневрах и вопрос о присутствии здесь генерала Кассаты. Их можно,

в свою очередь, подразделить на…

— Нет, — прошептал я, — нельзя. Быстрей и попроще, Альберт.

— Ну хорошо. Семинары, разумеется, непосредственно связаны с центральной проблемой Врага: как можно его распознать по подписям и почему он хочет изменить ход эволюции вселенной. Единственная проблема заключается в том, почему ЗУБы выражают озабоченность в связи с семинарами Института, так как прошло уже много таких семинаров без всяких возражений со стороны ЗУБов. Я считаю, что это связано с вопросом о маневрах. И могу добавить кое-что: со времени начала маневров всякая связь с двумя спутниками ЗУБов и с Колесом прервана.

— Пре… что?

— Прервана, да, Робин. Отрезана. Запрещена. Прекратилась. Не разрешается никакой вид коммуникации. Я делаю вывод, во-первых, что эти происшествия связаны друг с другом, и во-вторых, они имеют непосредственное отношение к маневрам. Как вы знаете, несколько недель назад на Колесе была ложная тревога. Может, она и не была ложной…

— Альберт! О чем это ты говоришь? — Я не говорил вслух, но Эсси удивленно посмотрела

на меня. Я успокаивающе улыбнулся, вернее, постарался улыбнуться, хотя мысли мои были далеко не спокойны.

— Нет, Робин, — сказал Альберт, — у меня нет причин считать, что тревога не была ложной. Но может, ЗУБы встревожены больше меня. Это объяснило бы неожиданные маневры, в которых как будто проверяется некое новое оружие…

— Оружие!

Еще один взгляд со стороны Эсси. Вслух я жизнерадостно сказал по-русски:

— На здоровье! — И поднял свой стакан.

— Совершенно верно, Робин, — мрачно сказал Альберт. — Остается вопрос о присутствии генерала Кассаты. Я считаю, что его объяснить легко. Он следит за вами.

— Не очень-то он хорош для этого.

— Это не совсем так, Робин. Да, кажется, что генерал здесь занят своими личными делами. Сейчас он закрылся с некоей молодой леди и пребывает с ней наедине уже некоторое время. Но перед тем как уединиться с этой юной персоной, он приказал, чтобы в течение ближайших тридцати минут органического времени не выпускали ни один космический корабль. Я считаю вполне вероятным, что до истечения этого вре-

мени он проверит, на месте ли вы, а вы пока покинуть астероид не можете.

— Замечательно, — сказал я.

— Не думаю, — почтительно поправил меня Альберт.

— Он не может этого сделать!

Альберт поджал губы.

— В конечном счете — да, — согласился он. — Вы, несомненно, рано или поздно сумеете связаться с высшими властями, чтобы отменить приказ генерала Кассаты, поскольку над Звездным Управлением Быстрого реагирования еще есть гражданский контроль. Но на данный момент, боюсь, астероид закрыт.

— Ублюдок!

— Вероятно, так и есть, — улыбнулся Альберт. — Я позволил себе известить администрацию Института о последних событиях, и она ответит — боюсь, однако, что с органической скоростью. — Он помолчал. — Еще что-нибудь? Или мне продолжать свое расследование?

— Действуй, черт побери!

Я некоторое время кипел в гигабитном пространстве, пытаясь успокоиться. Решив наконец, что уже в состоянии разговаривать с другими, я присоединился к Эсси и Сергею Борбосному в

их имитации Голубого Ада. Эсси дружелюбно взглянула на меня посредине длинного анекдота, потом посмотрела внимательнее.

— Хо, — сказала она. — Тебя снова что-то расстроило, Робин.

Я сообщил ей, что рассказал мне Альберт.

— Ублюдок, — сказала она, подтверждая мой диагноз, а Сергей подхватил:

— Некультурный тип.

Эсси ласково взяла меня за руку.

— В конце концов, дорогой Робин, сейчас это не так уж важно, — сказала она. — Мы ведь и не собирались покидать прием, даже в плотском времени.

— Да, но будь он проклят…

— Он и так уже проклят, дорогой Робин. Выпей немного. Это тебя подбодрит.

Я попытался.

Получилось не очень хорошо. И разговор Эсси с Сергеем меня не очень занимал.

Вы должны понять, что Сергей мне нравится. Не потому, что он красив: он некрасив. У него выразительные русские глаза и искренняя русская привычка поглощать стаканами огромные количества ледяной водки. Поскольку он тоже мертв, он может заниматься этим бесконечно

долго и пьянеть не больше, чем ему хочется. Но, по словам Эсси, такая же способность была у него, когда они оба учились в Ленинграде и были плотскими людьми. Конечно, в студенчестве это весело — особенно если вы русский. Но для меня в этом ничего веселого.

— Так как же дела? — добродушно спросил я, заметив, что они перестали разговаривать и смотрят на меня.

Эсси ласково погладила меня по голове и сказала:

— Эй, старина Робин, тебе все эти старинные истории не так уж интересны, верно? Почему бы тебе не прогуляться?

— Все в порядке, — лживо ответил я, а она только вздохнула и сказала:

— Иди.

И я ушел. Все равно мне нужно было кое о чем подумать.

Мне трудно объяснить, о чем я собирался подумать, потому что плотские люди не могут одновременно держать в голове столько мыслей и проблем, как я в своей — так сказать, «голове».

Это заставило меня понять, что я уже совершил ошибку.

Плотские люди не могут обдумывать одно-

временно множество вещей. Плотские люди непригодны для параллельного действия. Плотские люди линеарны. Мне следовало помнить, что, общаясь с плотскими людьми, нужно к ним приспосабливаться.

Итак, трижды попытавшись решить, с чего начать, я понял, что начинать нужно с четвертого и совсем иного направления.

Мне следовало начать с рассказа о детях, живших на Сторожевом Колесе.

2. На Колесе

Сейчас нам придется вернуться немного назад. Не очень на много. По крайней мере, во времени плотских людей. Боюсь, что позже нужно будет отходить назад гораздо дольше. А сейчас всего на несколько месяцев.

Я должен рассказать вам о Снизи.

Снизи восемь лет — по его личному счету времени, но это не одно и то же, что другое время, о котором мы говорим. Его настоящее имя Стернутейтор[17]. Это имя хичи, что, впрочем, неудивительно, так как он ребенок хичи. Ему не повезло (а может, повезло) быть сыном двух

---

[17] Примечания: 17

Sternutator (*англ.*) — вещество, вызывающее чихание. — *Примеч. пер.*

специалистов в очень необходимом деле, и эти специалисты были на дежурстве, когда хичи поняли, что больше прятаться от вселенной они не могут. Именно такого чрезвычайного положения всегда обостренно ждали многие специалисты хичи. Объединенный разум Древних Предков хичи установил необходимость, и дежурные экипажи были немедленно отправлены во внешнюю Галактику. Маленький Стернутейтор полетел с ними.

«Стернутейтор» не очень подходящее имя для ребенка в школе, по крайней мере в такой, где большинство учеников — дети людей. На языке хичи это слово означает особый тип ускорителя частиц, отдаленно напоминающий лазер; в нем частицы подвергаются «щекотке» (точнее, стимулируются), пока не вырываются единым мощным импульсом. Мальчик допустил ошибку, буквально переведя свое имя одноклассникам, и они, естественно, прозвали его Снизи[18].

Большинство так его и звали. Гарольд, умный девятилетний нахал, который сидит позади Снизи на уроках концептуалогии, сказал, что Снизи — один из семи гномов, только родители непра-

[18] Примечания: 18

Sneeze (*англ.*) — чихать; так зовут одного из гномов в сказке «Белоснежка и семь гномов». — *Примеч. пер.*

вильно выбрали для него имя.

— Ты слишком глуп, чтобы быть Снизи, — сказал Гарольд во время конкурса по распознанию образов и понятий; Снизи его совершенно разбил в этом конкурсе. — Тебя следовало назвать Допи[19]. — Он толкнул Снизи и отбросил его на робота-инструктора в игре тай-чи, и это было удачей для них обоих. Робот поймал Снизи в воздухе своими мягкими, в прокладках руками, Снизи ничего себе не повредил, а Гарольд не лишился времени отдыха.

Машина-учитель в дальнем конце помещения даже не видела, что произошло. Робот тай-чи отряхнул Снизи, вежливо поправил капсулу, свисавшую между его ног, а потом прошептал на ухо — на языке хичи:

— Он всего лишь ребенок, Стернутейтор. Когда вырастет, ему станет стыдно.

— Но я не хочу, чтобы меня называли Допи, — всхлипнул Снизи.

— Не будут. Никто не будет. Кроме Гарольда, да и он когда-нибудь извинится за это. — Кстати, то, что сказала машина-инструктор, было правдой. Или почти правдой. В классе было одиннадцать

---

[19] Примечания: 19
Dopie (*англ.*) — вялый, одурманенный, дурачок. — *Примеч. пер.*

детей, и никто из них не любил Гарольда. И никто не последовал его примеру, кроме пятилетней Гибкой Палочки, да и она делала так недолго. Гибкая Палочка тоже хичи, и очень маленькая. Она обычно пытается поступать так же, как человеческие дети. И когда увидела, что остальные дети не следуют примеру Гарольда, тоже изменила свое поведение.

Так что никакого вреда юному Снизи не было причинено; только когда он рассказал об этом происшествии вечером родителям, они были — соответственно — рассержены и довольны.

Рассержен был его отец Бремсстралунг. Он посадил своего похожего на скелет сына на костлявое колено и просвистел:

— Это отвратительно! Я потребую наказания машины-учителя, которая позволила этому толстому хулигану обидеть нашего сына!

Довольна была мать Снизи.

— Со мной в школе бывало и похуже, Бремми, — сказала она, — а ведь это было Дома. Пусть мальчик сам ведет свои сражения.

— Хичи не сражаются, Фемтовейв.

— Но люди сражаются, Бремми, и я думаю, что нам стоит у них этому поучиться — о, конечно, так, чтобы не повредить другим, разумеет-

ся. — Она опустила блестящий, испускающий свет инструмент, который изучала, потому что прихватила с собой работу на дом. Прошла — движение, подобное скольжению на лыжах из-за низкого тяготения на Колесе — по комнате и взяла Снизи с колен отца. — Покорми мальчика, мой дорогой, — добродушно сказала она, — и он забудет об этом. Ты воспринимаешь это серьезнее, чем он.

Так что Фемтовейв наполовину победила в этом споре. Она была совершенно права; ее супруг был расстроен гораздо больше сына. (На следующий день на своем месте на кушетке для снов Бремсстралунг получил выговор, потому что по-прежнему испытывал раздражение. Это заставило его думать о нахальном человеческом ребенке, тогда как мозг его должен был опустеть. А это табу. Это означало, что Бремсстралунг излучает гораздо больше остаточного раздражения, чем допустимо, — ведь цель специалистов по кушеткам для сновидений, подобным ему самому, ничего не чувствовать, только воспринимать любые эмоции и ощущения, которые уловит кушетка.)

Но в своем другом предположении Фемтовейв ошиблась. Снизи ничего не забыл.

Может, и запомнил он не совсем так, как нужно. Ему запомнилось не только то, что люди дерутся, но и то, что при этом не обязательно пользоваться огромными разбухшими кулаками или гигантскими толстыми ногами. Можно причинить боль, просто придумав прозвище.

Я опять не с того начал? Следовало сначала объяснить, какова цель Сторожевого Колеса?

Ну что ж, лучше поздно, чем никогда. Вернемся еще немного назад и попробуем объяснить непонятное.

Когда первый хичи, уже не контролировавший свою судьбу (его звали Капитан), встретился с первым человеком, который уже мог контролировать (его звали Робинетт Броудхед, и это был не кто иной, как я), ребенок хичи по имени Стернутейтор находился вместе с родителями на дежурном корабле в центре. Ему хотелось Домой. Его «дом» — уютный маленький городок с населением в восемь или десять миллионов на планете оранжево-желтого солнца в середине большой черной дыры в центре Галактики. Даже в три года Снизи знал, что это значит. Он знал, почему его семья живет на корабле. Причина в том, что может настать время, когда им придется все бросить и нырнуть через барьер Шварцшильда в

район наружных звезд.

Конечно, он не думал, что это случится именно с ним. Никто так не думал. А вот когда вместе со своей семьей оказался на Сторожевом Колесе, Снизи понял, что такое настоящая тоска по Дому.

Цель Колеса очень проста.

Это место установки кушеток для сновидений.

Кушетки для сновидений — изобретение хичи, с которым мы познакомились еще до встречи с первым живым хичи. Помимо всего прочего, хичи использовали их для того, чтобы следить за планетами, на которых когда-нибудь может возникнуть разумная жизнь, но еще не возникла — как наша планета несколько сотен тысяч лет назад, когда хичи в последний раз посещали Землю.

«Сны», которые улавливала кушетка, не были снами. В основном это эмоции. Хичи (или человек), закутавшись в блестящую металлическую паутину кушетки для сновидений, ощущал эмоции других существ, даже находящихся очень далеко. «Далеко» в планетарных масштабах. Это происходило потому, что, к несчастью, сигналы кушетки доносит простая электродвижущая сила. Они ограничены скоростью света и подчиняются закону обратных квадратов, так что

эффективная дальность кушетки не превышает нескольких миллиардов километров, а звезду от звезды отделяют триллионы и триллионы.

Задача Бремсстралунга и других операторов, людей и хичи, заключалась в том, чтобы быть глазами и ушами Колеса. Они должны были наблюдать за самым важным объектом космологии людей и хичи — за кугельблитцем, висящим снаружи галактического ореола. В самой Галактике не нашлось достаточно близкого объекта для этой цели. Так что пришлось построить Колесо и поместить его на расстояние всего в шесть астрономических единиц от кугельблитца, в почти абсолютную пустоту внегалактического пространства.

Все согласились, что это самое разумное. Конечно, если все-таки что-то произойдет в кугельблитце и наблюдатели получат сигналы, которых опасаются, это случится через сорок с лишним минут после самого происшествия, потому что именно столько времени потребуется сигналам, чтобы со скоростью света преодолеть расстояние в шесть раз большее, чем отдаление Земли от Солнца (как известно, расстояние между Землей и Солнцем и есть астрономическая единица).

Была также некоторая неуверенность, что в

случае такого события Сторожевое Колесо вообще будет в состоянии что-нибудь уловить.

В конце концов, утверждали некоторые, кушетки для сновидений сооружены хичи первоначально не для того, чтобы улавливать эмоции записанных машиной разумов, как мой Альберт Эйнштейн; только после того, как с ними повозились люди, эти устройства стали способны и на такое. Можно ли надеяться, что они смогут уловить совершенно неизвестные подписи теоретически существующих Убийц?

По поводу этой второй проблемы никто не мог предложить ничего иного.

А по поводу первой — если уже несколько миллионов лет вокруг кугельблитца ничего не происходило, имеют ли значение три четверти часа в ту или другую сторону?

На следующее утро Снизи разбудил голос домашней машины из стены. Она говорила:

— День учения, Стернутейтор. День учения. Проснись. Пора на День учения!

Она продолжала повторять это, пока Снизи не выбрался из мягкого и теплого объятия своего гамака-кокона, и только тогда машина смягчилась:

— День учения, Стернутейтор, но Учение толь-

ко второго класса. Уроков не будет.

Так дурная новость для Снизи обернулась хорошей! Он подвесил свою капсулу между тощими бедрами, оделся и связался с Гарольдом — они на самом деле не всегда дрались, — смазывая маслом зубы.

— Посмотрим, как садится корабль? — предложил Снизи, и Гарольд, растирая глаза и зевая, ответил:

— Клянусь твоим тощим задом, Допи, конечно. Встретимся через десять минут на углу у школы.

Так как сегодня День учения, пусть даже второго класса, родители Снизи уже находились на своих постах, но их обоих заменила домашняя машина. Она умоляла Снизи позавтракать (не в такое утро! но ему пришлось разрешить ей сделать для него сандвич), уговаривала принять воздушную ванну (но он уже принимал ее накануне вечером, а даже его отец не так строг насчет гигиены). Снизи захлопнул дверь квартиры под уговоры домашней машины и побежал по опустевшим по случаю Дня учения коридорам Колеса к школьному залу.

Когда Гарольд не давил на него, а Снизи не возмущался, они становились друзьями.

Но сейчас этого не произошло. Гарольд был по-

чти первым человеком, увиденным Снизи, а сам Снизи — несомненно, первый хичи, встреченный Гарольдом. И внешний вид обоих приводил их в ужас. Для Снизи Гарольд выглядел толстым, раздутым, распухшим — как труп, пролежавший неделю в воде. А Снизи для Гарольда выглядел еще хуже.

Хичи выглядит как человек, который умер в пустыне, превратившись в обтянутую кожей веревку. У Снизи есть руки и ноги, но нет никакой плоти, о которой можно было бы говорить. И конечно, у него эта забавная капсула. Не говоря о слабом запахе аммиака, который все время сопровождает любого хичи.

Так что дружба их не была инстинктивной сначала. С другой стороны, у них не было особого выбора. На Колесе всего около пятидесяти детей, и две трети их учатся в других школах, размещенных по окружности обода. Так что выбор сверстников ограничен. Дети шести лет и меньше, конечно, не в счет. Подростки, разумеется, совсем другое дело: и Снизи, и Гарольд с восторгом дружили бы с ними, но те тоже не хотели возиться с малышами.

Можно было отправиться в другой сектор. Даже восьмилетний Снизи делал это много раз, один и

с одноклассниками. Но в других секторах не было ничего такого, чего не было бы и у них, а дети там незнакомые.

Вообще не существовало правила, запрещающего Снизи идти куда угодно — одному или с товарищами. Если не считать запретных помещений на внешнем периметре, где постоянно дежурят наблюдатели на кушетках для снов. Снизи не запрещалось играть в опасных районах. Никаких опасных районов не было. В огромном Сторожевом Колесе, конечно, были места, где без предупреждения высвобождались огромные количества энергии — для сигнальных вспышек, для регулировки вращения, для перемещения массы, но всегда за этим с неослабным вниманием наблюдал безошибочный машинный разум, а часто и записанные разумы мертвых людей и хичи. И конечно, никакой опасности от разумных (людей и хичи) на Колесе не было. Здесь не было похитителей или насильников. Не было незакрытых колодцев в лесу, куда можно было бы упасть. Конечно, местами растут рощицы, но даже восьмилетний ребенок не может в них заблудиться. Если ребенок заблудится все же, хоть на минуту, ему достаточно обратиться к любой ближайшей машине, и та покажет ему направление. Конечно,

речь идет о человеческом ребенке. Ребенку хичи не нужно даже искать машину; ему достаточно обратиться к Древним Предкам в своей капсуле.

Сторожевое Колесо настолько безопасно, что дети и даже многие взрослые забывали о той страшной опасности, за которой оно должно наблюдать.

И поэтому им приходилось о ней напоминать. Даже для детей проводились постоянные Учения — особенно для детей, потому что в тот день, когда (и если) наблюдатели Сторожевого Колеса найдут то, что ищут (а такой день обязательно наступит), детям придется самим заботиться о себе. Никто из взрослых не сможет ими заниматься. Даже машины будут заняты, их программы немедленно переключатся на анализ, коммуникацию и запись данных. Детям придется самостоятельно отыскивать подходящее убежище — не путаться под ногами и оставаться там, пока им не разрешат выйти.

Прецеденты подобного рода были. В середине двадцатого столетия дети в Америке и Советском Союзе учились заползать под парты, лежать неподвижно, зажав руками шею, и потеть от страха — если они не научатся это делать, говорили им учителя, ядерная бомба поджарит их. Для детей со

Сторожевого Колеса ставки были гораздо выше. Утрачена будет не только их собственная жизнь. Если они будут мешать, может быть утрачено вообще все.

Так что когда начинались Учения, дети потели от страха.

Обычно. Но иногда случались Учения второго класса.

«Второй класс» означает, что принимаются обычные предосторожности в связи с приходом корабля. Учения второго класса совсем не страшные — особенно если не задумываться. (А если задумаешься, то все равно становится страшно: Сторожевое Колесо прекращает всякую обычную деятельность, все наблюдатели, даже свободные от дежурств, занимают дополнительные кушетки для снов и проверяют, чтобы никто нежелательный не прокрался под обличьем самого желанного на Колесе — доставочного корабля.)

Когда приходит доставочный корабль, уроков не бывает. На Колесе никто не работает (за обязательным исключением кушеток), потому что все слишком заняты в посадочных доках. Семьи, отслужившие свою смену и готовые к замене, упаковываются и собираются в доке, чтобы по-

раньше увидеть корабль, который перенесет их к уютным теплым звездам Галактики. А остальные готовятся принять грузы и новый персонал.

К тому времени как Снизи добрался до угла школьного коридора, он уже съел свой сандвич и Гарольд ждал его.

— Ты опоздал, Допи! — выпалил мальчик.

— Сигнал о том, что корабль увидели, еще не давали, — ответил Снизи, — так что еще не поздно.

— Не спорь! Не веди себя как дитя. Пошли.

Гарольд пошел впереди. Он считал это своим правом. Он не только старше Снизи (по личному времени, потому что по времени больших, непрерывно расширяющихся часов вселенной Снизи родился на несколько недель раньше прапрапрадеда Гарольда), но и был массивнее Снизи втрое — сорок килограммов Гарольда и пятнадцать тощего, обтянутого кожей мальчишки хичи. Гарольд Врочек — высокий мальчик со светлыми волосами и глазами цвета черники. Но он ненамного выше Снизи: хичи по человеческим стандартам высоки и худы.

К раздражению Гарольда, он и не сильнее Снизи. Под сухой тонкой кожей хичи скрываются мощные мышцы и сухожилия. Хотя Гарольд пытался подняться по скобам на уровень доков

быстрее Снизи, тот легко держался с ним наравне. И оказался на верху лестницы раньше, так что Гарольд, отдуваясь, крикнул ему:

— Осторожней, Допи! Не попадайся рабочим машинам!

Снизи не побеспокоился ответить. Даже двухлетний ребенок на Колесе не станет этого делать. Корабли приходят всего четыре-пять раз в стандартном году. Они не задерживаются. Не смеют, и никто не смеет им мешать.

Оказавшись в огромном веретенообразном помещении второго причала, мальчики постарались прижаться к стене, чтобы быть подальше от машин-грузчиков и взрослых, пришедших посмотреть на прибытие корабля.

Все причалы, включая и второй, расположены внутри Колеса. Внешняя оболочка в этом месте прозрачна, но сквозь нее ничего не видно, кроме кривизны самого Колеса и еще двух посадочных доков, точно таких же, как второй, но пустых.

— Я не вижу корабль, — пожаловался Гарольд.

Снизи не ответил. Можно было ответить только, что Гарольд и не может его увидеть, потому что корабль по-прежнему приближается со скоростью быстрее света, но Гарольд слишком часто говорил Снизи, что не любит тупой привычки

хичи буквально отвечать на любой вопрос, на который никто и не ждет ответа.

Движение к Колесу почти одностороннее, если не считать персонал. Люди и хичи улетали, когда заканчивался срок их службы; обычно этот срок составлял примерно три стандартных земных года. Они возвращались в Галактику, в свои дома, где бы эти дома ни находились. Большинство возвращалось на Землю, немногие на планету Пегги, остальные в другие поселения. (Даже хичи обычно отправлялись на человеческую планету, а не в свои истинные дома в центре — из-за растяжения времени и потому, что хичи нужны были и снаружи.) А припасы никогда не возвращались. Механизмы, инструменты, запчасти, приспособления для отдыха и развлечений, медицинское оборудование, пища — все это оставалось. Когда эти предметы тратились, портились или выходили из употребления (или когда продукты проходили через тела обитателей Колеса и превращались в экскременты), они рециклировались или просто добавляли массу к общей массе Колеса. Дополнительная масса — это очень хорошо. Чем больше масса Колеса, тем меньше на него воздействует перемещение внутри и тем меньше энергии нужно, чтобы Колесо вращалось

устойчиво и правильно.

Так что у машин-грузчиков было мало работы до появления корабля, они только переносили имущество улетающего персонала. А его немного: улетают только восемь семейств.

Прозвучал мелодичный сигнал: корабль вышел в нормальное пространство.

Причальный мастер взглянул на свои экраны и щиты, проверил данные и крикнул:

— Огни!

Это не был приказ. Просто вежливость по отношению к аудитории, чтобы все понимали происходящее: включение света, как и все остальные процедуры, проходит под руководством сенсоров и посадочных программ.

Огни на втором причале погасли. В тот же момент погасли все остальные огни на Колесе, видимые сквозь оболочку.

И Снизи смог увидеть небо.

Видеть было особенно нечего. Никаких звезд. Единственные достаточно яркие звезды, которые видны с Колеса, это звезды их собственной Галактики, а она в другом направлении. Конечно, в поле зрения сотни миллионов других галактик, но только несколько десятков их видны невооруженным взглядом, да и то лишь как неяркие

туманные пятнышки, похожие на светлячков.

Потом, по мере того как Колесо продолжало совершать свое вечное вращение, самое западное из этих пятнышек скрылось из виду и зрители загомонили.

Бледный бесцветный блеск, его трудно разглядеть, от него болят глаза… и вдруг, словно без всякого предупреждения на экране вспыхнул слайд, показался корабль.

Доставочный корабль огромен, он представлял собой веретено длиной в восемьсот метров. Такая форма означает, что это корабль постройки хичи, а не новый человеческий. Снизи почувствовал внутреннее тепло. Он ничего не имеет против человеческих кораблей, которые по форме либо торпедообразные, либо просто цилиндрические. Как всем известно, форма корабля не имеет особого значения в межзвездных полетах. Корабли можно делать в форме шаров, кубов или даже хризантем: форма — всего лишь решение конструкторов и дизайнеров. Большинство доставочных кораблей, которые прилетают на Колесо, построены людьми и снабжены человеческими экипажами. И привозят почти всегда людей, так что хичи на Колесе постоянно в меньшинстве.

Но корабль хичи может изменить это положе-

ние! Так думал Снизи…

Но не на этот раз.

Огромное веретено опускалось в объятия Колеса. Оно приближалось по спирали, уравнивая собственную скорость с медленным вращением Колеса, так что ко времени совмещения его посадочного выступа с углублением в Колесе скорость их синхронизировалась. Кольца слились. Соединения загерметизировались. Из области носа корабля кабели протянулись к лебедкам причалов один и три, прикрепив корабль, сделав его неотъемлемой частью Колеса. Компенсаторы массы задрожали и запыхтели, регулируя движение Колеса в соответствии с прибавкой массы. Пол дернулся, Гарольд споткнулся и едва не упал. Снизи подхватил его, но Гарольд оттолкнул хичи.

— Заботься о себе, Допи, — сказал он.

Корабль был уже закреплен и начал выбрасывать свои чудеса.

Первыми принялись за работу машины-грузчики, они торопливо устремились в грузовые трюмы и появлялись оттуда с тюками, ящиками и предметами мебели и механизмами. Большинство невозможно было распознать по внешности, но на причале распространились соблазнитель-

ные ароматы. Выгружали корзины со свежими фруктами, апельсинами, грушами и ягодами.

— Воув! Здорово! Ты только посмотри на эти бананы! — закричал Гарольд, когда на трапе появился грузчик, неся в своих четырех поднятых конечностях по огромной грозди недозрелых бананов. — Я хочу их прямо сейчас!

— Их нельзя есть, пока они не станут желтыми, — заметил Снизи, гордясь своими знаниями странной человеческой пищи. И получил испепеляющий взгляд Гарольда.

— Сам знаю. Я хочу прямо сейчас спелый. Или эти вот ягоды.

Снизи, наклонившись, пошептался со своей капсулой, потом распрямился.

— Это клубника, — заявил он. — Я бы тоже хотел попробовать.

— Клубника, — прошептал Гарольд. Давно он не видел клубнику. Колесо само производит большую часть необходимого продовольствия, но никто еще не позаботился посадить клубничную грядку. Легко изготовить пищу со вкусом клубники — или вообще с любым другим вкусом: CHON-пища бесконечно разнообразна. Но ощущение, текстура, запах — нет, между CHON-пищей и настоящей едой всегда есть разница, и разница в

том, что настоящая еда удивительна. Мальчики поближе подобрались к корзинам с фруктами, глубоко вдыхая воздух. Между грудой корзин и стеной причала оказалось пространство; туда не доберется никакая машина-грузчик, и мальчики втиснулись в промежуток, в который не пролезет взрослый.

— Мне кажется, это малина, — сказал Гарольд, указывая за груды салата-латука, моркови и алых помидоров. — Смотри: вишня!

— Я бы лучше поел клубники, — печально сказал Снизи. Машина-грузчик осторожно опустила ящик с надписью «Инструменты. Хрупко» и прислушалась. Затем протянула две длинные руки к корзинам, раскрыла одну из них, достала ведерко с ягодами и протянула его Снизи.

— Спасибо, — сказал Снизи удивленно, но вежливо.

— Пожалуйста, Стернутейтор, — ответила машина на хичи. Снизи подпрыгнул.

— О! Я тебя знаю?

— Я учил тебя тай-чи, — сказала машина-грузчик. — Поделись с Гарольдом. — Потом повернулась и устремилась за следующим грузом.

Гарольд выглядел возмущенным, потом отказался от возмущения, решив, что дело того не

стоит. Стоит ли переживать из-за внимания машины с низкоразвитым интеллектом? Мальчики поделили ягоды и принялись есть, держа каждую ягоду за зеленый стебелек. Клубника оказалась великолепной. Спелая, сладкая как сахар, вкус ее нисколько не уступал виду и запаху.

— Сейчас будут выходить, — объявил Гарольд, с удовольствием жуя, но удивился, заметив, что Снизи перестал есть. Мальчик хичи смотрел на корабль.

Гарольд тоже посмотрел туда и увидел первых вышедших пассажиров. Их было пятнадцать-двадцать, взрослых и детей.

Конечно, это всегда интересно. В этом главная причина пребывания здесь мальчиков: увидеть новых товарищей по играм или соперников. Но на лице Снизи было не просто выражение любопытства. Гнев, или страх, или по крайней мере изумление, решил Гарольд, как всегда сердясь из-за того, что человеку трудно истолковать выражение лица хичи. Прибывшие казались Гарольду обычными людьми, только шли как-то странно. На расстоянии неясно было, в чем странность.

Гарольд посмотрел снова и увидел кое-что еще.

Колесо повернулось еще немного.

За кораблем показалось в пустоте межгалактического пространства грязно-желтое пятно, за которым и должно наблюдать Колесо.

Начнем с того, что цвет его, конечно, не желтый. Спектроскопия показывает, что девяносто процентов излучения кугельблитца приходится на фиолетовый конец видимого спектра и на то, что за ним: но эти волны вредны для глаза человека и хичи. Прозрачная поверхность Колеса их поглощает. И проходит только желтая часть.

Гарольд довольно улыбнулся.

— В чем дело, Допи? — покровительственно спросил он. — Испугался кугельблитца?

Снизи мигнул своими огромными розовыми странными глазами хичи.

— Испугался кугельблитца? Нет. О чем ты говоришь?

— Ты странно выглядишь, — объяснил Гарольд.

— Не странно. Я сердит. Ты только посмотри! — Снизи тощей рукой указал на корабль. — Это корабль хичи! И все, кто из него вышел, несут с собой капсулы с Предками. Но все это люди!

Если бы Гарольд был мальчиком хичи, а не человеческим, он не стал бы смеяться над кугельблитцем.

Кугельблитц — это совсем не смешно. В кугельблитце живет Враг — существа, которых хичи называют Убийцами. А хичи дали им такое название не в шутку. Хичи не смеются над опасными вещами. Они убегают от них.

В этом еще одно существенное различие между Гарольдом и Снизи. А тут еще появилась Онико, которая совсем иная.

Онико Бакин была одной из прилетевших на корабле. Всего на корабле прилетели двадцать два человека и ни одного хичи. Четверо детей. В школу Снизи определили Онико. Когда она впервые появилась в классе, остальные дети собрались вокруг нее.

— Ты ведь человек, — сказал один из них. — Почему ты носишь капсулу хичи?

— Мы всегда их носили, — объяснила она. И вежливо попросила их замолчать, чтобы слышать слова машины-учителя.

Онико действительно человек. К тому же девочка и одного со Снизи возраста. Кожа у нее светло-оливковая. Глаза черные, раскосые и прикрыты монгольской складкой. Волосы прямые и черные, и Снизи гордился тем, что сумел по этим признакам распознать подвид человеческих существ, который называется «восточным».

Но говорила она на разговорном английском. К удивлению Снизи, и на разговорном хичи тоже. Многие люди слегка говорят на хичи, но Снизи впервые встретил человека, который одинаково легко владел и языком Дела, и языком Чувства.

Его изумление от вида человеческого ребенка с капсулой хичи не стало меньше.

В первый день в школе на эвритмике Онико была партнером Снизи по движениям наклона и сгиба. Снизи присмотрелся к ней поближе. Хоть ему по-прежнему ее плоть казалась отвисшей, а масса огромной, ему понравился сладкий запах ее дыхания и мягкость, с которой она называла его по имени: не Допи, даже не Снизи, а Стернутейтор — на языке хичи. Он был разочарован, когда появилась ее домашняя машина, чтобы увести на какую-то формальность с родителями, потому что ему хотелось узнать ее получше.

Вечером дома он спросил отца, зачем человеку носить капсулу.

— Очень просто, Стерни, — устало сказал Бремсстралунг. — Они из тех, кто потерялся.

Бремсстралунг устал, потому что ему приходилось дежурить в две смены. Всем наблюдателям приходилось делать это. Считалось, что время, когда корабль находится в Колесе, особенно опас-

но и уязвимо, потому что неизбежно возникает сумятица. В такое время действуют все кушетки и все наблюдатели дежурят, пока корабль не отчалит и Колесо снова не будет в безопасности. Бремсстралунгу пришлось провести очень длинную смену.

— Потерявшиеся, — объяснил он, — это люди, которые улетали на кораблях хичи и не возвращались. А что касается этих, спроси у мамы: она разговаривала с экипажем.

— Очень недолго, — возразила Фемтовейв. — Я надеялась получить какие-нибудь новости из Дома.

Бремсстралунг ласково потрепал ее.

— Какие могут быть новости, если они вылетели всего… сейчас посмотрим… всего через три-четыре часа после нас?

Фемтовейв, изогнув горло, признала правильность его замечания. И сказала с улыбкой:

— Бедный экипаж все еще в шоке. Все это хичи. Они вылетели из центра со специалистами и материалами, полетели на Землю, остановились там, нагрузили припасы для нас, остановились на пути сюда, чтобы принять партию потерявшихся… о, как это все для них странно!

— Совершенно верно, — согласился Бремс-

стралунг. — Когда люди добирались до наших артефактов, они не могли улетать. И застревали там навсегда.

— Если бы навсегда, — улыбнулась Фемтовейв, — их бы сейчас здесь не было, Бремми. — Конечно, она улыбается не по-человечески, потому что у нее другая мускулатура. У нее под щеками узлом собираются мышцы. Сама плотно натянутая кожа не движется.

— Ты понимаешь, что я имею в виду, — сказал ее муж. — Во всяком случае, Стернутейтор, среди этой сотни людей оказалось очень много высокочувствительных. — Он сказал это скромно. Быть высокочувствительным означает уметь особенно хорошо пользоваться кушеткой для сновидений, чтобы «слушать» сигналы внешнего разума, а сам Бремсстралунг относился к самым высокочувствительным наблюдателям. Именно поэтому он и оказался на Колесе.

— Онико будет работать на кушетке? — спросил Снизи.

— Конечно, нет! По крайней мере, пока не вырастет. Ты знаешь, что важно не только уметь воспринимать сигналы. Особо одаренный ребенок способен на это. Но не менее важно не распространять собственные чувства.

— Это гораздо важнее, — поправила Фемтовейв. Теперь на ее щеках не было узлов мышц. Тут нечему улыбаться.

— Согласен, это важнее, — сказал ее муж. — А что касается того, чувствителен ли этот ребенок, я не знаю. Ее проверят. Наверно, уже проверили, как и тебя, потому что один из ее родителей явно чувствительный, а это обычно передается по наследству.

— Значит ли это, что я буду работать на кушетке, когда вырасту? — оживленно спросил Снизи.

— Мы этого еще не знаем, — ответил отец. Он немного подумал и добавил серьезно: — Кстати, я не уверен, что Колесо тогда будет здесь…

— Бремсстралунг! — воскликнула его жена. — Тут не над чем шутить!

Бремсстралунг кивнул, но ничего не ответил. Он на самом деле очень устал. Может быть, сказал он себе, это и не шутка.

Конечно, самые точные данные о девочке Снизи получил от самой Онико. Она была направлена в его класс, и, конечно, машина-учитель представила ее остальным детям.

— Онико родилась на Пищевой фабрике, — сказала машина, — и у нее не было возможности узнать мир. Поэтому, пожалуйста, помогайте ей,

когда можете.

Снизи готов был помочь. Но получалось это у него не слишком часто. Он не единственный интересовался новенькой, а большинство остальных детей, будучи людьми, успевали быстрее его.

Школа Снизи очень напоминала одноэтажные красные кирпичные школы с одним помещением — школы из американской истории. В ней действительно было только одно помещение. Впрочем, от старинной школы она отличалась тем, что в ней не было учителя. Или почти не было. Каждый ученик получал индивидуальные инструкции, у каждого были свои полагающиеся по обычаям обучающие программы. Машина-учитель подвижна. Она передвигается по помещению, главным образом поддерживая дисциплину и следя, чтобы ученик не ел сандвичи, когда ему нужно заниматься грамматическим разбором. Но она не учила. Для этого у каждого ученика собственная кабинка.

Пересчитав головы и проверив причины неявки, машина стала проверять, чисты ли руки и нет ли симптомов болезней, а у младших детей еще и закрепляла ремни, которые удерживают их в кабинках. Не говоря уже о сопровождении

их в туалет и о прочих потребностях детей, среди которых были и совсем малыши.

Для всех этих дел машина была вполне подготовлена. Она даже выглядела убедительно. У нее есть лицо. Выполняя свои обычные школьные обязанности, она выглядит как пожилая женщина маленького роста в бесформенном платье. Платье — видимость, конечно. Улыбающееся лицо тоже. И остальные физические характеристики тоже. Когда школа не действует, машина-учитель выполняет совсем другие функции и принимает другие обличья. И конечно, ни в какой помощи она не нуждается. Когда необходимо больше присмотра во время уроков или возникают какие-то особые проблемы, машина-учитель привлекает столько искусственных разумов, сколько ей нужно, из запасов Колеса.

Снизи подсознательно заметил, что машина-учитель большую часть времени находится возле Онико, но ему слишком трудно давалось доказательство из программы теории чисел — доказательство того, что 53 конгруэнтно 1421 на базе шести, чтобы обращать внимание на что-то другое. Не теория чисел оказалась трудна для Снизи. Вовсе нет. Подобно большинству детей хичи, основные ее принципы он усвоил одно-

временно с умением читать. Снизи затрудняла нелепая математическая система счисления людей — только подумать, на основе десяти! С позиционным расположением, так что если поставишь одни и те же цифры, но не в том порядке, результат получится абсолютно неверным!

— Время упражнений! — весело провозгласила машина-учитель, и Снизи снова обратил внимание на то, что она уделяет особое внимание Онико Бакин.

Все индивидуальные обучающие программы отключились. Расстегнулись удерживающие ремни малышей. Дети встали, потянулись и выбежали, смеясь и толкаясь, на безопасную площадку за пределами школьного зала. Все, кроме Онико. Она осталась на месте.

Снизи сначала не заметил этого, потому что был слишком занят. Все дети были заняты разнообразными потягиваниями, наклонами и прочим, что обязаны были проделывать двадцать раз на дню. И не только дети, но все в Колесе. Слабое тяготение Сторожевого Колеса действовало на всех. У детей не вырастали сильные мышцы, у взрослых они не сохранялись.

Конечно, пока они остаются на Колесе, мышцы им и не нужны. Но ведь на Колесе не остаются

вечно, приходится возвращаться к нормальному тяготению, и тогда слабость, накопленная на Колесе, заявляет о себе.

Снизи, как хичи, был более методичным и целеустремленным, чем большинство человеческих детей. Закончив, он огляделся. Заметив, что Онико в игровой яме нет, он отправился в школьный зал. Она оказалась там. Девочка была заключена в металлический корсет, повторявший очертания ее тела. Это сооружение дергалось, изгибалось, склонялось вместе с находившейся в нем девочкой.

— О, — сказал Снизи, сразу поняв, — ты привыкаешь к тяготению.

Онико открыла глаза и, не отвечая, посмотрела на него. Она тяжело дышала. Хичи не лучше понимают выражение человеческих лиц, чем люди — выражение хичи, но Снизи видел ее напряжение и пот на лбу.

— Хорошо, что ты это делаешь, — сказал он. Потом ему пришло в голову, что нужно быть тактичным. — Ты не возражаешь, если я здесь останусь? — спросил он, потому что девочку согнуло в необычную позу.

— Нет, — выдохнула она.

Снизи медлил в нерешительности. Присмот-

ревшись, он заметил, что дело не только в упражнениях. В вену руки девочки вставлена игла шприца, ей в кровь вливают какую-то жидкость. Она увидела, куда он смотрит, и сказала:

— Это кальций. Чтобы кости стали крепче.

— Да, конечно, — ободряюще сказал Снизи. — Я думаю, в вашем небесном жилище была слабая поверхностная гравитация. Но это поможет, я уверен. — Он немного подумал и, жалея ее, добавил: — Ты ведь не можешь делать настоящие упражнения, Онико.

Она перевела дыхание.

— Пока нет. Но смогу!

В следующие полуканикулы Снизи и Гарольд решили сходить в кокосовую рощу. Когда они выходили, им встретилась Онико, и Снизи неожиданно для себя сказал:

— Мы хотим нарвать кокосов. Пойдешь с нами?

Гарольд раздраженно хмыкнул, но Снизи не обратил на это внимания. Онико поджала губы и задумалась. Поза и манеры у нее были взрослые. Она ответила:

— Да, большое спасибо. С удовольствием.

— Ну да, — вмешался Гарольд, — но как же ленч? Я прихватил только для себя.

— У меня ленч с собой, — сказала девочка, похлопав по ранцу. — Я все равно хотела посмотреть сегодня Колесо. Я думаю, это очень интересно.

Гарольд был задет.

— Интересно! Малышка, если бы просто интересно! Это самое важное дело во всей вселенной! Единственное, что обеспечивает безопасность всего человечества! И хичи тоже, — добавил он, спохватившись. — Я хочу сказать, если мы не будем постоянно настороже, никто не знает, что случится.

— Конечно, — вежливо согласилась Онико. — Я знаю, что наша задача — наблюдать за кугельблитцем. Поэтому мы все здесь. — И она бросила на Гарольда почти материнский взгляд. — Мои родители оба наблюдатели, — сказала она гордо, — и мой дядя Таши. Почти все там, откуда я, знают толк в этом. Вероятно, я, когда вырасту, тоже стану наблюдателем.

Гарольд совершенно не выносил, когда с ним обращались снисходительно. Он вспыхнул.

— Собираемся мы рвать кокосы или будем стоять тут и болтать целый день? Пошли!

Он повернулся и пошел впереди. Выражение его свидетельствовало, что он не имеет никакого отношения к приглашению этой странной

девочки с капсулой и не ждет от этого ничего хорошего.

И скоро начало казаться, что он прав.

В дугообразной геометрии Колеса кокосовая роща находилась недалеко от школы. В сущности, она была непосредственно «над» школой. Совсем рядом, на пересечении двух коридоров, располагался цепной лифт, но в слабом тяготении Колеса дети редко им пользовались. Гарольд распахнул дверь, она выходила в вертикальную шахту со скобками, ведущими на следующий уровень. И принялся подниматься. Снизи подбадривающе кивнул девочке, но она остановилась.

— Не знаю, смогу ли я… — сказала она.

— Естественно, — насмешливо откликнулся сверху Гарольд.

— Ничего, — сразу сказал Снизи, смущенный собственной недогадливостью. — Мы поднимемся на лифте! — крикнул он в шахту и не стал дожидаться ответа Гарольда.

Выйдя из лифта, они увидели дожидающегося Гарольда.

— О боже, — сказал он, — если она не может подняться по лестнице, как же тогда взберется на дерево?

— Я залезу за нее, — ответил Снизи. — Ты иди.

Гарольд невежливо отвернулся и выбрал себе лучшее дерево.

И стал взбираться, цепляясь руками и ногами, как обезьяна. Кокосовые пальмы высокие, и чтобы добраться до орехов, нужно подняться до самой кроны. Но для проворных детей при слабом тяготении Колеса это не проблема. Гарольд, гордясь своей мускулатурой, которую он старательно развивал, естественно, выбрал самое высокое и богатое плодами дерево. Онико с некоторым страхом смотрела на него.

— Ты только держись подальше, — предупредил ее Снизи, — вдруг он уронит орех.

— Ничего я не уроню! — выпалил Гарольд сверху, перепиливая стебель.

— Даже если орех упадет на тебя, наверно, никакого вреда не будет, — продолжал Снизи, — но все-таки…

— Но все-таки ты думаешь, что я сломаюсь, — с достоинством сказала Онико. — Не волнуйся обо мне. Взбирайся. Я посмотрю.

Снизи осмотрелся и выбрал дерево пониже, и плодов на нем было не так много. Но ему показалось, что они крупнее.

— Нам позволяют срывать только по два ореха, — объяснил он, — иначе машины-охранники

доложат. Я сейчас вернусь.

И он быстрее Гарольда взлетел на дерево и выбрал треугольные зеленые плоды. Осторожно бросил три самых хороших в нескольких метрах от Онико, а когда спустился, она удивленно разглядывала орехи.

— Это вовсе не кокосы! — воскликнула она. — Я видела их на картинках. Они коричневые, волосатые и твердые.

— Они под зеленым слоем, — объяснил Снизи. — Возьми вот этот большой. Постучи костяшками, чтобы проверить, зрелый ли он…

Но девочка и этого не умела. Снизи проделал это за нее и протянул ей орех назад. Онико взяла его и задумчиво взвесила в руках.

Хотя на Колесе орех почти ничего не весит, масса у него такая же, как везде, и он казался чрезвычайно твердым.

— А как мы снимем этот зеленый слой? — спросила Онико.

— Скажи, пусть отдаст мне, Допи, — приказал сзади Гарольд. Его орехи уже лежали на земле. Он выхватил орех, двумя взмахами ножа разрубил его и протянул назад. — Пей, — сказал он. — Вкусно.

Девочка подозрительно взглянула на орех,

потом на Снизи. Тот ободряюще кивнул. Она осторожно поднесла плод к губам. Попробовала. Сморщилась. Повертела языком во рту, проверяя вкус. Сделала еще один глоток — и удивленно воскликнула:

— Вкусно!

— Давайте откроем их и поедим, — сказал Снизи, раскрывая свой орех. — Можно приняться за ленч: соком хорошо запивать сандвичи.

Но хотя семейство Снизи заимствовало человеческий обычай есть сандвичи, Онико этому не научилась. Она достала из ранца несколько угловатых маленьких предметов в разноцветной яркой бумажной обертке. В красной обертке оказались маринованные сливы. В золотой — какой-то твердый коричневый кусок. Онико сказала, что это рыба, но ни Гарольд, ни Снизи не захотели его пробовать. А Онико не заинтересовалась яйцами с острой приправой — едой Гарольда, и сандвичами с ветчиной. Снизи уговорил отца разрешить ему взять их с собой. Ветчина — вообще нечто совершенно новое для Снизи: он только в прошлом году перешел на человеческую еду, вернее, на то из нее, что может усвоить хичи.

— Но вы должны попробовать, — сказала Они-

ко.

— Спасибо, нет, — ответил Снизи. Гарольд оказался худшим дипломатом: он сделал вид, что его рвет.

— Но ведь я пробую вашу пищу, — заметила Онико. — Например, эти кокосы очень вкусные. — Она сделала еще один глоток и обнаружила, что кокос опустел. Снизи молча раскрыл другой и протянул ей. — Я думаю, — сказала она рассудительно, — что когда вырасту и вернусь на Землю, куплю себе остров, где растут кокосы, и тогда смогу подниматься на деревья.

Мальчики уставились на нее. Они удивились почти одинаково, но по разным причинам. Гарольд — потому, что его поразило небрежное упоминание о таком богатстве. Купить целый остров? Вернуться на Землю? Чтобы сделать то и другое, нужно быть очень богатым! А Снизи привела в замешательство сама концепция обладания землей.

— Мне рассказывали о таких островах, — продолжала Онико. — Один называется Таити. Говорят, он очень красивый. Или один из островов поближе к Японии, чтобы я могла навещать своих родственников, которых никогда не видела.

— У тебя есть родственники в Японии, на Земле? — с неожиданным уважением спросил Гарольд. Его собственная семья происходила от первых переселенцев на планету Пегги. Земля для него была мифом. — Но мне казалось, ты родилась на артефакте хичи.

— Да, конечно, и мои родители тоже, — сказала Онико, прихлебывая кокосовое молоко и собираясь рассказывать — ей приходилось делать это уже много раз. — Но отец моего отца Арисуне Бакин женился в большом храме в Наре. Потом увез жену на Врата и попытался поискать лучшее будущее. Отец его отца сам был старателем на Вратах, но его тяжело ранило, и он вынужден был оставаться на астероиде. У него были деньги. Когда он умер, его деньгами был оплачен перелет моего деда с женой. Они приняли участие только в одном полете. И сразу обнаружили артефакт. Там оказалось восемнадцать больших кораблей хичи, все они бездействовали, и их собственный корабль тоже не отвечал на приборы.

— Это сделали, чтобы информация об артефакте не распространялась до нужного времени, — с некоторым замешательством объяснил Снизи. Он уже наслушался немало критики по поводу обычая хичи оставлять бездействующие корабли

и станции.

— Да, конечно, — снисходительно ответила Онико. — Еще шесть кораблей с Врат прилетели туда и там остались. Четыре трехместных, один одноместный и еще один пятиместный, как у моего деда, так что всего собралось двадцать три старателя. К счастью, среди них оказалось восемь женщин детородного возраста, так что колония выжила. Когда нас наконец… — Впервые она заколебалась.

— Когда вас спасли? — подсказал Гарольд.

— Нас не спасли. Мы не были потеряны, просто задержались. Когда нас посетили, четыре года назад, население артефакта достигло восьмидесяти пяти человек. Я тогда, конечно, была маленьким ребенком. Некоторые полетели прямо на Землю, но моим родителям посоветовали подготовить меня к этим ужасно тяжелым местам.

— Думаешь, они тяжелые! — засмеялся Гарольд. — Воув! Подожди, пока попадешь на планету Пегги или на Землю!

— Попаду, — твердо ответила Онико.

— Конечно, попадешь, — скептически заметил Гарольд. — А как же деньги?

— Применяются первоначальные правила Врат, — объяснила Онико. — Премия для ста-

рателей и их потомков и доходы с открытий. В соответствии с правилами, ценность артефакта и его содержимого была оценена в два миллиарда восемьсот с лишним миллионов долларов. Эту сумму разделили на число старателей, добравшихся до артефакта, — на двадцать три.

— Воув! — сказал Гарольд, выпучив глаза и пытаясь сделать про себя подсчет.

— Мои родители, — виноватым тоном призналa Онико, — единственные потомки четверых первоначальных старателей, так что я унаследую все четыре доли, примерно одну шестую общей суммы. Если у них не будет других детей. Надеюсь, не будет, — кончила она.

— Воув! — Гарольд лишился дара речи. Даже на Снизи это произвело впечатление. Но не деньги девочки: алчность не относится к числу пороков хичи. Он восхищался ясным логичным изложением истории.

— На самом деле стало совсем хорошо, когда появились новые люди, — продолжала девочка. — Так много нового! Было о чем поговорить! Но и до того было неплохо… о, что случилось? — закончила она в замешательстве, оглядываясь.

Темнело. Свет над головой быстро тускнел, его сменяло более слабое красное свечение. И

скоро стало совсем темно. Пальмы, привыкшие к суточному ритму Земли тропического климата, получали передышку, прежде чем снова вспыхнет свет и возобновится фотосинтез.

— Так делают, чтобы деревья не заболели, — объяснил Снизи. — А красный свет оставляют, чтобы мы могли видеть: деревьям он не мешает.

Снизи это тоже не мешало, что хорошо знал Гарольд. Старший мальчик фыркнул.

— Знаешь, Допи боится темноты.

Снизи отвернулся. Это неправда, но в то же время и не вполне ложь. В тесно заполненном звездами центре Галактики на поверхности планеты почти всегда светит солнце. Темнота не пугает, но сбивает с толку. Снизи сказал:

— Ты расскажешь нам, откуда прилетела?

— О да, Стернутейтор. Там было так хорошо! Даже самые первые старатели полюбили это место, я думаю, хотя, конечно, они хотели бы вернуться к своим семьям. Но там много еды и воды и есть много занятий. У нас оказалось множество книг хичи и свыше ста Древних Предков хичи, с которыми можно поговорить. Они научили нас пользоваться капсулами, — гордо сказала девочка.

Снизи коснулся пальцем ее капсулы и почув-

ствовал теплое присутствие в нем.

— Твои Предки очень хорошие, — сказал он.

— Спасибо, — серьезно ответила она.

— Но твоя капсула гораздо меньше моей, — добавил он.

— О да. Нам ведь не нужны микроволны. У нас капсулы только для Предков. Мой отец говорит, что мы многому должны научиться у хичи — конечно, сначала изучаешь язык.

— Спасибо, — в свою очередь сказал Снизи. Он не очень понимал, за что благодарит, но ему показалось, что так будет вежливо.

Однако Гарольду было не до вежливости.

— Мы можем научиться у хичи только быть трусами, — сказал он. — А этому мы учиться не будем!

Снизи почувствовал, как напряглись мышцы у него на плечах. Эмоции хичи совсем не такие, как у людей, но даже хичи может ощущать раздражение. Снизи неуверенно сказал:

— Я не хочу, чтобы ты называл меня трусом, Гарольд.

Гарольд упрямо ответил:

— О, я говорю не о тебе лично, Допи, но ты ведь, как и я, хорошо знаешь, что сделали хичи. Они убежали и спрятались.

— Я не хочу, чтобы ты звал меня Допи.

Гарольд вскочил на ноги.

— И что ты для этого сделаешь? — насмешливо спросил он.

Снизи встал медленнее, удивляясь самому себе. В этой мрачной пальмовой роще ему стало неспокойно, и он начинал дрожать.

— Скажу тебе, что меня неправильно называть так. Больше никто этого не делает.

— Но никто и не знает тебя, как я, — упрямо ответил Гарольд. Снизи догадался, что чувства мальчика каким-то образом задеты. Слово «ревность» не приходило ему в голову. Гарольд поднял руки, сжал кулаки. Снизи удивился. Он как будто собирается драться!

Наверно, он будет драться. И — наверно, Снизи придется отвечать. Хичи обычно не применяют насилие друг к другу, но Снизи очень юный хичи и не такой цивилизованный, каким будет через десять-двадцать лет.

То, что их остановило, не имело никакого отношения к цивилизации. Остановила их Онико. Она испустила сдавленный звук, с отвращением посмотрела на орех в руке и отбросила его в сторону.

— О боже, — сдавленно сказала она, и ее начало

обильно рвать.

Когда мальчики доставили ее в школу, машина-учитель, обладавшая, помимо прочего, и медицинскими познаниями, упрекнула их за то, что они позволили девочке выпить так много непривычного сока. В наказание им пришлось отвести ее домой и оставаться с ней до возвращения родителей.

Поэтому и Гарольд, и Снизи опоздали на ужин.

— Не можешь быстрее? — жаловался Гарольд, спускаясь вслед за Снизи по шахте. — Меня нашлепают!

Снизи и так торопился как мог, перехватывая руками уходящий вниз кабель. Он не боялся, что его нашлепают. Его родители не в состоянии ударить ребенка, но ему не терпелось увидеться с ними. Хотелось задать вопросы. И идя торопливо по коридору к перекрестку, за которым находились их квартиры: Снизи направо, Гарольда налево, Снизи формулировал в голове эти вопросы.

И тут же они застыли. Снизи зашипел от удивления. Гарольд простонал:

— О дерьмо!

Оба услышали пронзительный металло-электронный вопль, который, казалось, проникает в

самый мозг. И тут же трижды погасли и вспыхнули огни на потолке. Сразу проснулись все машины-рабочие.

— Учение! — крикнула ближайшая из них мальчикам. — Немедленно займите положение для отдыха! Опустошите сознание! Лежите неподвижно! Это Учение!

Хотел бы я уметь лучше разговаривать с плотскими людьми.

Мне бы хотелось рассказать о Снизи, и Онико, и о Колесе, как я сам все это испытываю. Не хочу сказать, что я все это испытал непосредственно. Это не так. Меня там не было. Но все равно что я там был, потому что все происходящее на Колесе, как и все происходящее в Галактике, записывается где-то в гигабитном пространстве и всегда доступно для тех, кто расширился. Подобно мне.

Итак, в определенном смысле я был там (или «был» там). Но получая доступ именно к этому запасу данных, я одновременно занимался сорока восемью другими делами, некоторые из них интересные, другие важные, а некоторые — просто копошение вокруг печалей и сожалений у меня в голове, чем я занимаюсь постоянно. Не знаю, как передать все это.

Не хочу сказать, что я не обращал внимания на

историю детей. Как раз обращал. Она меня тронула. В детской храбрости есть что-то бесконечно трогательное, во всяком случае для меня.

Я не имею в виду физическую храбрость, когда обзываются и дерутся кулаками. Как в тот раз, когда Снизи стоял перед Гарольдом, хотя это очень храбро для мальчика хичи. Я имею в виду то, как ребенок встречает подлинную опасность, иногда непреодолимую и непобедимую. Это так же тщетно, безнадежно и трогательно, как безрассудное мяуканье двухнедельного котенка перед сорвавшимся с привязи быком. На меня это очень действует.

Альберт не всегда терпим к моему отношению к детям. Он часто говорит, что нам с Эсси следовало завести своих, и тогда я бы не стал идеализировать детей, как делаю это сейчас. Может, и так. Но независимо от того, что я делал и не делал, у меня всегда что-то разжижается в области сердца (ну, по крайней мере, аналога физического сердца, которое когда-то у меня было и которого больше нет), когда я вижу, как поступают дети перед лицом сильного страха.

В сущности, вначале ни Гарольд, ни Снизи не испугались по-настоящему. Учение есть Учение. Их много было и раньше. Мальчики упали на

месте. Закрыли глаза. И ждали.

Это не Учение второго класса, как при посадке корабля. Всеобщая тревога, какую проводят в самые неожиданные моменты и которую следует воспринимать совершенно серьезно. Как только стих предупреждающий свист, стихло и все Колесо. Рабочие машины, у которых не было обязанностей, перешли в состояние готовности и застыли неподвижно. Свет померк, так что окружающее было едва различимо. Внутренние компенсаторы массы, которые сопровождают все движения Колеса, сделали последний толчок и отключились; застыли лифты; замерли все неорганические (или уже неорганические) машины и сознания на Колесе.

Гарольд и Снизи тоже постарались замереть, как это только может быть доступно подвижным, бойким детям. Одним из обязательных курсов в школах Колеса было то, что некоторые называют «сатори»[20], закрытие сознания. Мальчики хорошо им овладели. Снизи, лежа в зародышевой позе рядом с Гарольдом, чувствовал, как мозг его опустошается, в нем остается только серо-золотистый, не-теплый-и-не-холодный, не-

[20] Примечания: 20

В философии дзен-буддизма — «внезапная озаренность». — *Примеч. пер.*

яркий-и-не-темный туман отказа от самого себя.

Почти полного отказа.

Конечно, достигнуть абсолютного совершенства в сатори невозможно. Сама попытка достичь совершенства есть несовершенство. В тумане Снизи шевелились мысли. Вопросы. Вопросы об Онико, которые Снизи по-прежнему очень хотел задать родителям. Вопрос о том, может ли Учение — по какой-то ужасающей случайности — быть совсем не Учением, а самой настоящей реальностью.

Палуба Колеса под его щекой казалась мертвой. Никакого гудения воздушных насосов или гула кабельных моторов. Никаких голосов. Ни шороха шагов. Ни нерегулярных, но привычных звуков смещения компенсаторов массы, которые поддерживают постоянное ровное вращение Колеса.

Снизи ждал. Из всех вопросов, которые возникали в его сознании, он выбрал один, а остальные отодвинул. А этот вопрос становился все настойчивее.

Почему именно это Учение продолжается так долго?

И действительно, прошло больше часа, прежде чем ближайшая очистительная машина распрямилась. Направила свои сенсоры в сторону

мальчиков и сказала:

— Учение окончено. Можете встать.

Конечно, им не нужно было это говорить. Не успела очистительная машина произнести свою фразу, как Колесо начало оживать. Загорелись огни. Отдаленные звяканья, громыхания и скрип говорили о том, что включились все механизмы. Гарольд, улыбаясь, вскочил.

— Наверно, папа ушел на работу, — счастливо воскликнул он; смысл этого замечания таков: «Он не вспомнит, что я опоздал».

Снизи сказал:

— Мой тоже... — И тут его поразила мысль, что оба родителя Онико, вероятно, тоже ушли, так что...

— Так что им пришлось оставить ее одну, — кивнул Гарольд. — И какой смысл нам был задерживаться? Тупица! — Он пнул, проходя мимо, очистительную машину. — До завтра.

— До завтра, — вежливо ответил Снизи и заторопился домой.

Как он и ожидал, родителей не было. Домашняя машина сказала, что его отец вызван к кушеткам для сна, а мать Учение застало далеко в третьем секторе Колеса. Оба сейчас направляются домой.

Первым пришел отец, выглядел он снова уста-

лым.

— Где мама? — спросил он. За Снизи ответила домашняя машина:

— Фемтовейв задержала небольшая проблема: после Учения реакция одной из обслуживающих цепей замедлилась. Готовить обед?

— Конечно, — проворчал Бремсстралунг устало и раздраженно. — В чем дело, Стернутейтор? Почему ты не сказал машине, что нужно начинать? К тому же, — добавил он, неожиданно вспомнив, — где ты был два часа назад?

— Заболела Онико, — объяснил Снизи.

Бремсстралунг остановился на полпути к воздушной ванне.

— И ты должен об этом беспокоиться? Ты что, медицинская машина?

Снизи рассказал о кокосовом соке.

— Мы должны были отвести ее домой. Я хотел уйти, отец, — пояснил он, — но ее домашняя машина сказала, чтобы мы оставались с ней, и ее Предок согласился с этим.

Бремсстралунг иронично повторил:

— Ее предок?

— Нет, конечно, я не ее реальных предков имею в виду, отец. Она носит Предка в своей капсуле. Его имя Офиолит. Предка, я хочу сказать.

— Для человека Онико поразительно разумна, — одобрительно сказал Бремсстралунг. — Я часто думаю, почему люди не носят сумки с памятью. Конечно, им не нужна радиация, как нам, но капсулы очень удобны и в других отношениях.

— Да, но у нее в капсуле Предок.

Бремсстралунг очень устал, но он оставался хорошим отцом. Он присел на вилы отдыха, поместив капсулу между ног, и принялся объяснять сыну:

— Ты должен помнить, Стернутейтор, что если группа Предков была по небрежности оставлена после Ухода, им стало очень одиноко. Конечно, они связались бы с первыми же разумными существами, которые появились там. Пусть даже с людьми.

— Да, но у меня в капсуле еще нет Предка, — сказал Снизи.

— У детей не бывает в капсулах Предков, — объяснил Бремсстралунг. — Даже у многих взрослых их нет, потому что Предки очень заняты на важных работах, но когда ты вырастешь…

— Да, но у нее Предок есть, — настаивал Снизи.

Бремсстралунг застонал и встал. Аккуратно повесив капсулу рядом с дверью ванной, он попросил:

— Договорим позже, сын! Я и в самом деле очень устал.

Дело не в интеллектуальном любопытстве Снизи. И не в ревности одного ребенка к другому, у которого игрушка лучше. Возникает вопрос морали, чуть ли не религии.

И хичи, и люди научились себе в помощь подключать записанный машинами разум, но пошли они разными путями. Люди пошли путем калькуляторов, компьютеров и сервомеханизмов, создав огромную гигабитную сеть, в которой содержатся такие искусственные сознания, как Альберт Эйнштейн (кстати, и я тоже). Хичи никогда не дошли до обнаружения искусственного разума. Им это не нужно было. Они рано научились записывать сознание своих умерших в машинной форме. Мало кто из хичи умирает на самом деле и навсегда. Они превращаются в Древних Предков.

Астроном-человек, желая рассчитать элементы орбиты планет двойной звезды, конечно, передал бы эту проблему вычислительным устройствам. А хичи — группе мертвых Предков. И кстати, обе системы работали одинаково хорошо.

Но люди относятся к своим компьютерам без особого почтения. А Древние Предки хичи заслу-

живают — и требуют — уважения.

Мать Снизи пришла, когда его отец еще был в ванной. Она выслушала вопросы сына и сказала, потирая шею:

— После обеда, Стерни, ладно? Лишняя смена на кушетках очень утомляет отца. И конечно, он встревожен.

Снизи ахнул. Встревожен? Устал — да: этого Снизи ожидал. Это естественно для наблюдателя, который часами пытается обнаружить чье-то чуждое присутствие, всегда опасаясь того дня, когда это ему удастся. И как говорят некоторые, когда-нибудь это произойдет. А последствия непредсказуемы.

Но встревожен?

Когда наконец кухонная машина поставила обед на стол и родители успокоились и почти расслабились, Бремсстралунг тяжело сказал:

— Это не было запланированное Учение, Стернутейтор. Двум наблюдателям в смене показалось, что они что-то обнаружили, так что было объявлено чрезвычайное положение. — Его предплечье изогнулось, словно он пожимал плечами. — Они не очень уверены в своем ощущении. Что-то неясное и несильное, но они хорошие наблюдатели. Конечно, пришлось все

закрыть.

Снизи перестал есть, нож застыл у него на полпути ко рту. Отец его быстро сказал:

— Но сам я ничего не почувствовал. Я в этом уверен. И никто больше не почувствовал.

— Были ложные тревоги и раньше, — с надеждой сказала Фемтовейв.

— Конечно. Поэтому нас так много: чтобы быть уверенными, что тревоги ложные. Вы знаете, могут пройти миллионы лет, прежде чем Убийцы выйдут. Кто может сказать? — Бремсстралунг быстро покончил с едой и откинулся на свою капсулу. — А теперь, Стернутейтор, давай твой вопрос об этой человеческой девочке Онико.

Снизи медленно закатил глаза. О да, у него миллион вопросов, но мысль о том, что здесь мог побывать настоящий Убийца, все их изгнала из мозга. Ложная тревога, хорошо, но откуда наблюдателям знать, что тревога была ложной?

Но эти вопросы его отец явно не хочет обсуждать. Снизи подумал и спросил о том, что его волновало:

— Папа, дело не только в капсуле. У Онико есть «деньги». Почему она такая «богатая»? — Он использовал английские слова, хотя они говорили на хичи. Но в этом языке нет подобных понятий.

Бремсстралунг пожал своими широкими жесткими плечами — нахмурился, по-человечески.

— Люди, — сказал он, как будто это и есть объяснение.

Но конечно, это не объяснение.

— Да, отец, — сказал Снизи, — но не у всех людей есть «богатство».

— Конечно, — ответил отец. — Некоторые люди находят устройства хичи. Кое-что из нашей «собственности», Стерни. Они их даже не ищут. Находят случайно, а по человеческим обычаям это дает им права «владения», которые они отдают в обмен на «деньги».

Фемтовейв успокаивающе заметила:

— Конечно, они считают эти предметы брошенными. — Она сделала знак кухонной машине, которая убирала посуду и ставила на стол «десерт». На десерт пошел не пирог и не мороженое: некие стебли, которые смазывают зубы хичи после еды и служат антисептическим средством. — Концепция «денег» имеет определенный смысл, — добавила Фемтовейв, — они служат своеобразным грубым сервомеханизмом, обеспечивая приоритеты в обществе.

Бремсстралунг возмущенно спросил:

— Ты предлагаешь, чтобы хичи заимствовали

эту систему?

— Нет, нет, Бремми! Но все равно это интересно.

— Интересно! — простонал он. — Я бы сказал — глупо. Какая польза от «денег»? Разве у нас и без них нет всего необходимого?

— Не столько, как у Онико, — задумчиво сказал Снизи.

Бремсстралунг положил обеденный нож и в отчаянии посмотрел на мальчика. Но когда заговорил, то обратился не к сыну, а к жене.

— Видишь? — спросил он. — Видишь, что происходит здесь с нашим сыном? В следующий раз он попросит «денежного пособия». Хочется плакать от стыда, — он неосознанно использовал английское выражение, потому что хичи не плачут, — мы же старше и мудрее их! Как же так получилось, что мы меняем свои обычаи на их?

Фемтовейв перевела взгляд с мужа на сына. Оба расстроены — но мальчик, она в этом уверена, главным образом потому, что расстроен Бремсстралунг. А вот в случае ее мужа причины серьезнее.

— Бремми, дорогой, — терпеливо сказала она, — какой смысл об этом беспокоиться? Мы знаем, что означает знакомство нашего сына

с человеческими ценностями; мы говорили об этом раньше.

— Да, целых пять минут, — мрачно согласился ее муж.

— Но больше времени у нас не было. — Фемтовейв наклонилась и пошепталась со своей капсулой. Та послушно приказала домашней машине сменить обстановку. Приятные монохроматические узоры поблекли, и теперь их окружили ностальгические картины Дома, с его павильонами и террасами, выходящими на заливы и величественные холмы. — Снизи этого не забудет, — уверенно сказала Фемтовейв.

— Конечно, нет, папа, — дрожащим голосом подтвердил мальчик.

— Нет, конечно, нет, — тяжело согласился Бремсстралунг.

Они молча закончили десерт. Потом, когда домашняя машина убрала со стола, посовещались с Предками, позволив усталым старым мертвецам говорить, жаловаться, советовать. Очень типичный для хичи поступок. Бремсстралунг постепенно успокаивался. К тому времени как Снизи пора было ложиться, отец совсем пришел в себя.

— Спи спокойно, сын мой, — с любовью ска-

зал он.

— Да, папа, — ответил Снизи. Потом: — Папа?

— В чем дело?

— Мне обязательно спать в коконе? Нельзя ли мне получить настоящую кровать, с одеялом и подушкой?

Отец посмотрел на него вначале удивленно, потом гневно.

— Кровать? — начал он, и Фемтовейв придвинулась, чтобы предотвратить взрыв, пока он не начался.

— Пожалуйста, Стернутейтор, — сказала она, — больше ни одного слова. Иди!

Снизи обиженно пошел в свою комнату и посмотрел на кокон с его мягким плотным содержимым. Унизительно спать в чем-то таком, когда у всех остальных мальчиков есть кровати. Он забрался в кокон, закрыл за собой его, десять-двенадцать раз повернулся, чтобы содержимое приняло нужную форму, и уснул.

Его родители развешивали гамаки во внешней комнате, тоже готовясь ко сну. Бремсстралунг молчал, сухожилия его живота недовольно дергались. Видя это, Фемтовейв снова сменила изображение. Милые пастели исчезли. На стене теперь была чернота с несколькими видимыми

объектами. По одну сторону — большая блестящая спираль Галактики. По другую — группа туманных, меняющих цвета объектов, из-за которых они здесь и находятся.

— Разве ты не понимаешь, мой дорогой? — спросила Фемтовейв. — Все это не имеет значения в сравнении с той великой целью, которой мы служим. Мы никогда не должны забывать, почему наш народ ушел в центр — и почему мы вышли снова.

Бремсстралунг с несчастным видом смотрел на дымную кипящую массу.

— Кое-что имеет значение, — упрямо ответил он. — Честность всегда имеет значение!

Его жена мягко сказала:

— Да, Бремми, честность всегда имеет значение. Но не очень большое в сравнении с Убийцами.

* * *

Пока нечего больше сказать о детях. Они ведут интересную и счастливую жизнь на Колесе — до поры до времени.

Будучи примерно ровесниками, они много времени проводят вместе. Их многое интересует. Они исследовали легкие Колеса, где на отходах расцветают растения с мясистой листвой. Расте-

ния питаются двуокисью углерода, который выделяют тела людей и хичи. Дети бродили по мастерским, где можно починить что угодно: от игрушки до небольших космических кораблей (у Колеса есть свой космический флот); здесь работала Фемтовейв и ласково принимала детей, показывала им все вокруг. Они заглядывали в сами космические корабли, висящие на своих причальных выступах, как кормящиеся щенята. Они заглядывали в библиотеку с ее десятками миллионов информационных вееров, каждый пронумерован и лежит в своей ячейке. Здесь, на стойках, все вымыслы человечества, все воспоминания Предков хичи, все словари, компиляции и тексты обеих рас — ну, не все, конечно, но достаточно, чтобы потрясти Снизи, Гарольда и Онико. Они навещали зоопарк, где кошки, коровы, обезьяны и животные хичи паслись или свисали с решеток, отдыхали, положив подбородок на лапу, и смотрели на детей. Тут представлено несколько десятков организмов, но для детей это были единственные виденные ими неразумные живые существа.

Они даже приходили к кушеткам для сновидений.

Детей редко допускали сюда, но отец Снизи

поручился за их поведение. И однажды, когда Бремсстралунг не был на дежурстве, им позволили посмотреть с безопасного расстояния.

Это было волнующее происшествие. Кушетки расположены группами по четыре на расстоянии трехсот метров вдоль всего внешнего периметра Колеса. Каждая группа кушеток заключена в прозрачный пузырь; его вещество пропускает не только свет, но и все другие электромагнитные излучения. Необходимо ли это? Никто не мог ответить уверенно, но, возможно, это полезно: все, что делает работу наблюдателей более надежной, следовало применить, даже если речь идет о ничтожных шансах.

Обычно, когда нет Учения, занята только одна кушетка в группе из четырех.

— Спрячьте руки, — сказал Бремсстралунг, — и сможете подойти немного поближе.

Дети осторожно приблизились на метр к наблюдателю на дежурстве — женщине из другого сектора, лежавшей с закрытыми глазами и ушами. Она казалась спящей. Дети смотрели на нее сквозь сверкающую сложную паутину антенн. Сквозь прозрачную оболочку они видели под собой — «под собой» из-за геометрии медленно вращающегося Колеса — космос, включая от-

даленное туманное пятно кугельблитца. Снизи сжал руку Онико. Прикосновение к человеческому телу больше не вызывало у него отвращения — такому жирному, такому упругому и толстому. Ему даже нравилось держать девочку за руку. Но его удивляло, что и ей как будто нравится держать его за руку, потому что Гарольд не преминул уже давно объяснить ему, что человеку противно прикасаться к горячей, сухой, дергающейся коже хичи. Но может, Онико не считает так. А может, она слишком вежлива, чтобы показать это.

Когда они нагляделись вдоволь, Бремсстралунг отвел их назад, в общественную часть Колеса. Потом вернулся, чтобы подготовиться к собственной смене. На пути домой дети возбужденно обсуждали увиденное, задержавшись ненадолго, чтобы пойти за малышами, которых впервые вели к аквариуму.

Аквариум — это не просто музей. Большая часть еды хичи морского происхождения, у людей тоже. Многие животные из бассейнов и цистерн рано или поздно кончат на столе. Снизи, Гарольд и Онико шли за малышами, слушали их щебет, смеялись их реакции на странных, с широкими пастями водяных змей, которых любят хичи, или на осьминогов, предназначавшихся для стола лю-

дей. Один из осьминогов висел рядом со стеной аквариума. Когда к нему подошел трехлетний ребенок, он сменил окраску с белой на пятнистую, выпустил облако краски и отплыл. Ребенок подпрыгнул от удивления. Гарольд рассмеялся. Онико тоже. А спустя несколько мгновений рассмеялся и Снизи, хотя, конечно, смех хичи не совсем то же, что человеческий.

— Глупый малыш, — сказала с материнской добротой Онико. — Я помню, как я в первый раз…

Она не кончила.

Со всех сторон послышались предупреждающие гудки, огни замигали.

— Учение! Учение! — закричали машины-учителя.

Все упали на пол.

— Почему у нас сейчас Учение? — успел спросить Гарольд у ближайшей школьной машины.

— Лежите неподвижно! Опустошите сознание! — приказала она, но потом на мгновение смягчилась: — Это всего лишь Учение второго класса. Приближается корабль вне расписания. А теперь займите положение!

Все послушались, даже самые маленькие. Но Снизи не торопился опустошать сознание, у него

оставался вопрос. Да, конечно, когда приближается корабль, всегда бывает Учение второго класса, оно не очень страшное… но он не помнил раньше, чтобы приходил корабль вне расписания.

А корабль этот принадлежал ЗУБам.

К тому времени как Учение окончилось и Снизи вернулся домой, корабль вне расписания неподвижно стоял на причале. А слухи всюду распространялись как огонь.

Бремсстралунг подтвердил их.

— Да, Стернутейтор, — беспокойно сказал он, — тебе придется улететь. Всем детям придется. С Колеса эвакуируют всех, кроме взрослых. Слишком большой риск, что ребенок может излучить эмоцию в неположенное время.

— Но я второй в своем классе в сатори, папа!

— Конечно. Но Звездное Управление Быстрого реагирования приказало, чтобы ты был эвакуирован вместе со всеми. Пожалуйста, сын. Мы ничего не можем сделать.

— О тебе будут хорошо заботиться, — добавила Фемтовейв, но голос ее от тревоги звучал хрипло.

— Но куда я пойду? — взмолился Снизи.

Родители переглянулись.

— В хорошее место, — сказала наконец мать. —

Мы сами еще не знаем. Вы, дети, все из разных мест, и я думаю, вас и разместят в разных местах. Но правда, Стерни, о тебе позаботятся. И это только ненадолго, пока тревога не рассеется. Скоро ты снова будешь с нами.

— Надеюсь, это так, — сказал отец.

И не было времени на посещение зоопарка или кокосовой рощи, ни на что, только короткое собрание в школе, чтобы взять вещи и попрощаться со школьной машиной.

В этот день машина-учитель не следила за порядком. Даже не пыталась. Она только поговорила с каждым учеником отдельно, попрощалась, проверила, все ли ящики опустошены, а в это время дети возбужденно болтали, боясь перемен и предвкушая их. Гарольд, конечно, хотел вернуться домой.

Снизи слушал печально. Он думал, не завидует ли Гарольду. Неужели планета Пегги действительно такая, как рассказывает Гарольд? Лето все время? Никаких школ? Миллионы гектаров диких плодов и ягод и можно их рвать свободно каждый день?

— Но это так далеко, — говорил Гарольд. — Мне придется пересаживаться. Не меньше месяца пройдет, пока я доберусь домой.

— А мне потребуется почти три месяца, — задумчиво сказал Снизи.

— О, но это из-за вашего глупого барьера Шварцшильда, — объяснил без всякой необходимости Гарольд мальчику, который уже один раз преодолевал барьер. — Ты ведь не думаешь, что отправишься туда, Допи? Никто не собирается гонять целый корабль из-за пары детей хичи. Это было бы неэффективно. Этого не сделают!

В этом Гарольд был прав. На Колесе оказалось не так много детей, и взявший их большой, построенный на Земле корабль отправлялся только в одно место. На Землю.

Гарольд был сокрушен. Онико испугана. Снизи… Снизи не понимал, что испытывает, потому что в его голове смешались возбуждение и печаль из-за того, что приходится покидать родителей, и тревога из-за такого внезапного и небывалого решения. И получилось полное смятение.

У них было всего двадцать часов до посадки. И это хорошо. Чем меньше времени на тревогу и слезы, тем лучше.

Как только сотня новых наблюдателей высадилась вместе со своим оборудованием, дети один за другим поднялись на борт большого межзвездного корабля. Родители Онико без слов

прижимали к себе дочь. Так же вели себя миссис и мистер Врочеки. Снизи вежливо отвернулся, когда Гарольд заплакал.

— До свидания, папа. До свидания, мама, — сказал Снизи.

— До свидания, дорогой Стернутейтор, — ответил отец, стараясь не говорить взволнованно. А мама Снизи даже не пыталась скрыть волнение.

— Это будет хорошее место, Стерни, дорогой, — пообещала она, обнимая его. — Мы не сможем нормально связываться с тобой, потому что всякую связь с Колесом прекратили, но… о Стерни! — Она еще сильнее обняла его. Хичи не плачут, но ничто в их физиологии и разуме не мешает им испытывать такое же ощущение потери, как и людям.

Снизи отвернулся.

Не в обычае хичи целоваться на прощание, но, входя в корабль, Снизи пожалел, что это так.

3. Альберт говорит

Я Альберт Эйнштейн; так, по крайней мере, называет меня Робинетт Броудхед, и я думаю, что должен кое-что пояснить.

Со своими остроумными зачинами Робин все же не сумел сообщить большую часть данных,

которые я считаю существенными. И среди всего прочего кто такие Враги. Я помогу. Для этого я и существую — помогать Робинетту Броудхеду.

Я должен объяснить собственное положение.

Начнем с того, что я не «реальный» Альберт Эйнштейн. Он мертв. Умер задолго до того, как стало возможно, по крайней мере для людей, записать личность как базу данных, после того как изнашивается плотская часть. В результате у нас нет даже реальной копии того Альберта Эйнштейна. Я — лучшее приближение к тому, каким бы он был, если бы был мной.

На самом деле я нечто совершенно отличное от реконструкции человеческого существа. В основе я просто информационная программа, которой придан забавный вид. (Так люди прячут телефон у постели в плюшевого медвежонка.) Чтобы сделать меня более привычным для общения, мой пользователь Робинетт попросил, чтобы я выглядел и вел себя как личность. Так и сделала автор моей программы. Сделала с радостью. Ей нравится веселить Робинетта, потому что она не только программист, но и его жена. С. Я. Лаврова-Броудхед.

Так что мой внешний вид и манеры, по существу, каприз Робина.

Я думаю, честно будет сказать, что у Робина много капризов и настроение часто меняется. Я не осуждаю его. Он ничего с этим не может поделать. Робин начинал как органическое существо.

И потому у него были те же ограничения, что у остальных органических существ. Разум его порожден нелепыми биохимическими средствами. Разум его был неточным и, конечно, не математическим. Это продукт плотского мозга, погруженного в постоянный поток гормонов, действующий под влиянием сенсорных импульсов, таких как боль или удовольствие, и вполне способный свихнуться на основе программных элементов, которые мне совершенно чужды, таких как «сомнение» и «вина», «ревность» и «страх». Только представьте себе такую жизнь! Меня поражает, что при всем этом он способен функционировать удовлетворительно. Я бы так не смог. Но не могу и сказать, что по-настоящему понимаю все эти вещи, потому что сам их никогда не испытывал.

Это не означает, что я не могу иметь с ними дело. Программа Эсси Броудхед может почти все. «Понимание» совершенно необязательно: вам не нужно понимать, как работает космический корабль, чтобы сесть в него и нажать кнопку. Я могу

определить, как некие стимулы подействуют на поведение Робина, и мне при этом не нужно понимать их.

В конце концов, я ведь не понимаю корень из минус единицы, но это не мешает мне использовать его в уравнениях. И действует. «Е» в степени i, умноженное на пи, равно минус единице. Не имеет значения, что все числа, используемые в этом уравнении, иррациональные, трансцендентные, воображаемые или отрицательные.

И не важно, что Робин таков. А он таков. Все они таковы. Робин большую часть времени отрицательный, что мешает ему быть в другом иррациональном, не говоря уже в трансцендентальном, состоянии, в состоянии «счастья».

Это глупо с его стороны. По всем объективным стандартам Робинетт Броудхед должен быть счастлив. У него есть все, чего может пожелать человеческое существо. Он очень богат — правда, сейчас он лично не владеет этим богатством, потому что сознание его записано машиной и существуют чисто человеческие юридические проблемы относительно права мертвых на владение; но все его богатство завещано его реальной жене (или «вдове»), и богатство это так велико, что если Робин захочет потратить тут или там

несколько сотен миллионов долларов, ему достаточно только сказать слово. Он даже разумно пользуется этим богатством. Большую часть тратит на Институт Броудхеда для исследований за пределами Солнечной системы, с его филиалами в Лондоне, Бразилии, Джохоре, на планете Пегги и в десятке мест старых Соединенных Штатов, не говоря уже о флоте исследовательских кораблей, занятых в самых разных уголках Галактики. Из-за этого жизнь его имеет «цель», а у него самого много «влияния». Что остается? «Здоровье»? Конечно, оно у него есть: если что-нибудь идет не так, это сразу можно поправить. «Любовь»? Несомненно! У него лучшая из возможных жен — С. Я. Лаврова-Броудхед. У него машинная имитация ее, и эта имитация совершенна, потому что написала программу двойника сама С.Я.

Короче, если плотский человек, вернее, тот, кто ранее был плотским человеком, и имеет основания быть счастливым, то это Робинетт Броудхед.

Это только доказывает, что «разум» не главное в его душе. Слишком часто он несчастлив. Типичный пример — его постоянные размышления и озабоченность тем, кого он на самом деле любит, и что означает «любовь», и был ли он «справедлив» и «честен» со своими любовными

партнершами.

Например.

Робин любил Джель-Клару Мойнлин. Тогда оба были плотскими людьми. Они поссорились. Потом помирились. Потом, в обстоятельствах, которые они никак не могли изменить, он на тридцать лет оставил ее в черной дыре.

Конечно, для него времена были тяжелые. Но ведь он не виноват. Тем не менее ему потребовалось провести бесчисленные часы на кушетке с моим коллегой компьютерным Зигфридом фон Психоаналитиком, чтобы «освободить» свое сознание от «вины», которая причиняла ему огромную «боль».

Иррационально? Еще бы. Но и не только это.

Тем временем, пока Клара была вне пределов досягаемости — и насколько он знал, навсегда, — Робин встретил моего основного создателя С. Я. Лаврову, «влюбился» в нее и женился. По всем меркам, доступным для моего разумения, это было хорошо. Но потом появилась Клара. Когда Робин понял, что любит обеих, он просто сорвался, у него началось патологическое расстройство сознания.

А ухудшило положение то, что именно в это время он умер. (То есть его плотское тело изно-

силось и он был записан и попал в гигабитное пространство.) Можно было бы подумать, что это упростит ситуацию. Очевидно, биологические проблемы больше не должны волновать его. У него больше нет никаких биологических проблем. Но нет, только не у Робина Броудхеда!

Робин не глуп безнадежно (я имею в виду — для бывшей плотской личности). Он, как и я, понимает, что с точки зрения антропологии «неверность», «ревность», «сексуальная вина» связаны с тем биологическим фактом, что «любовь» подразумевает «сексуальные отношения», а это, в свою очередь, подразумевает воспроизводство — ревность, по существу, означает стремление быть уверенным, что ребенок генетически именно его. И даже тот факт, что биологически он так и не стал отцом ребенка, ничего не меняет.

О каких странных вещах беспокоятся плотские люди! И продолжают беспокоиться, даже когда становятся нематериальными существами, подобно мне.

Но Робин беспокоится, и часто, а когда беспокоится Робин, беспокоюсь и я. О нем. Потому что это одна из главных задач моей программы.

Я заметил, что становлюсь почти таким же непоследовательным, как Робин.

Ну, тут ничего не поделаешь. «Каков хозяин, таков и слуга», как говорится в старой пословице плотских людей, даже если «слуга» — чисто синтетический артефакт из подпрограмм и баз данных, подобно мне.

Теперь мы подходим к Врагу.

Это разумные существа, неплотские (в сущности, нематериальные), о которых узнали хичи. Враг (хичи называют их «Убийцы»; многие люди тоже, но мне этот термин никогда не нравился) уничтожил по крайней мере четыре цивилизации и причинил огромный вред еще нескольким.

Совершенно очевидно, он не любит плотские существа любого вида.

Очевидно даже, что он вообще не любит материю. Каким-то образом — даже я не знаю, каким именно — Враг сумел добавить вселенной массу, чтобы замедлить скорость ее расширения. Через какое-то время в будущем она начнет сжиматься и снова взорвется; единственный логичный вывод заключается в том, что каким-то образом Враг подействует на нее и следующая вселенная будет не так негостеприимна по отношению к нему.

Объективно рассуждая, это впечатляющий и элегантный проект. Впрочем, мне никогда

не удавалось показать Робину это; из-за своего неблагоприятного происхождения он постоянно остается ориентированным на материю.

И Враг по-прежнему рядом, закрытый в своей черной дыре — в этой нетипичной черной дыре, в которой нет материи, но которая засасывает энергию. (Энергия, составляющая ее массу, это, разумеется, и есть сам Враг.) Существует особое название для такой черной дыры. Она называется «кугельблитц».

Когда Робин и я впервые встретились с хичи, которого зовут Капитан, для хичи это было травматическое испытание.

Их способ обращения с Убийцами — убегать и прятаться. Они не могли поверить, что люди настолько безрассудны, что предпочтут другой способ действий. Они объяснили нам, что происходит, и были поражены, когда мы отказались последовать их примеру.

Когда Капитан наконец убедился, что человечество (включая в это понятие и таких, как я) намерено сохранить за собой Галактику, он увидел неизбежное. Ему это не понравилось. Но он его принял. Он отправился назад в то место, куда убежали хичи, когда поняли, какую угрозу представляет Враг, — в большую черную дыру

в центре Галактики. Он должен был сообщить остальным хичи, что все их планы рухнули из-за дерзкой человеческой расы, и организовать помощь людям.

Дело было очень срочное. Хичи располагали огромными резервами. Хотя мы десятилетиями изучали технологию хичи, добавляя к ней собственные знания, до того как человек увидел живого хичи, было еще много такого, что мы не знали. Капитан обещал организовать нам помощь хичи — немедленно, помочь подготовиться к тому дню, когда Враг выйдет, чтобы уничтожить еще несколько плотских цивилизаций.

К несчастью, немедленно для хичи и немедленно для нас — не одно и то же, даже если включить в число «нас» невероятно медлительных плотских людей. Часы в черных дырах идут медленно. Фактор растяжения времени делает хичи в черной дыре медлительнее людей примерно в соотношении сорок тысяч к одному.

К счастью, «немедленно» означало «как только они смогут», и ответили они — учитывая все обстоятельства — поразительно быстро. Первый корабль из их эргосферы появился почти мгновенно — всего через восемнадцать лет! Второй — через девять лет после первого.

Причина в том, что они держали корабли в состоянии постоянной готовности. И первые хичи, добравшиеся до нас, оказались бесценными. Они помогли нам построить Сторожевое Колесо, установить постоянное наблюдение за кугель-блитцем, помогли отыскать аппараты хичи по всей Галактике… включая часто артефакты, куда попадали старатели с Врат и откуда они не могли выбраться.

Мне кажется, следует больше рассказать вам об анналах хичи, чтобы объяснить, чего они боялись.

Обычно сотни кораблей хичи постоянно были заняты в исследовательских полетах. Хичи любопытны не менее людей и так же упрямо намерены отыскать все, что можно отыскать.

Им хотелось найти ответы на множество научных проблем. Они хотели знать, что скрывается за «недостающей массой» — тем фактом, что всей наблюдаемой во вселенной материи недостаточно, чтобы объяснить известные движения галактик. На самом ли деле распадаются протоны? Было ли что-нибудь до Большого взрыва, а если было, то что именно? До встречи с хичи человеческие ученые тоже занимались этими проблемами. У хичи было большое преимущество

перед ранними людьми (включая мой плотский прообраз). Они могли пойти и посмотреть.

Так они и делали. Посылали экспедиции для изучения новых, сверхновых, нейтронных звезд, белых карликов и пульсаров. Измеряли поток материи между близко расположенными составляющими двойных звезд, измеряли поток радиации от втягиваемого в черную дыру газа. Они даже научились заглядывать за барьер Шварцшильда в черных дырах, и позже это оказалось для их технологии очень полезным; я уже не говорю об их любопытстве по отношению к тому, как отдельные частицы сливаются в атомы, атомы соединяются в молекулы, а молекулы становятся живыми организмами, подобно им самим.

Я легко могу подытожить, что хотели узнать хичи. Они хотели узнать все.

Но не было у них более настоятельного и усердного поиска, чем поиск разумной жизни во вселенной.

С течением времени хичи нашли несколько образцов — вернее, почти нашли.

Вначале произошло случайное открытие, вызвавшее большую радость и почти сразу же большое разочарование. Маленькая, покрытая

льдом планета, вряд ли достойная второго взгляда при обычном развитии событий, удивила их некоторыми аномалиями своего магнитного поля. Вначале никто особенно этим не заинтересовался. Затем в обычном порядке корабль с экипажем из хичи проверил показания роботов-исследователей. Планета располагалась более чем в двухстах астрономических единицах от своей не очень яркой звезды класса К-3, в таком месте нельзя ожидать возникновения жизни. Поверхностная температура у нее всего около двухсот градусов Кельвина, и все было неподвижно на этой покрытой льдом поверхности. Но когда исследователи хичи просветили лед, они обнаружили в нем большие массы металла. Эхолот показал, что металл этот правильной формы. И когда возбужденные члены экспедиции послали за термальными буровыми установками и отправили их на планету, они обнаружили здания! Фабрики! Машины!

И ничего живого.

Пришлось признать обескураживающий факт, что когда-то на планете существовала разумная жизнь, с развитой индустрией, судя по найденным остаткам, но больше она не существует.

Датировка ледяной коры показала, что хичи

опоздали на полмиллиона лет, и это было не самое плохое. Хуже всего было то, что геологи и геохимики единогласно утверждали: планета не могла развиться на этой орбите; она состоит из элементов, таких же, как на Венере, Земле или Марсе; такие планеты всегда расположены вблизи центральной звезды.

Что-то отбросило эту планету от солнца и заморозило ее.

Конечно, это могло быть и какое-нибудь астрономическое событие вроде (как ни мала вероятность этого) близкого прохождения другой звезды. Но никто из хичи в это не поверил (хотя им очень хотелось).

И тут их постигло второе разочарование.

Вначале это совсем не было разочарованием. Напротив, яркая надежда, которая просуществовала целое столетие! Все началось, когда корабль хичи уловил радиопередачу, проследил ее источник и обнаружил несомненный, неоспоримый артефакт высокотехнологичной цивилизации, плывущий в межзвездном пространстве.

На нем не было живого экипажа. И не могло быть, за исключением микроорганизмов. Объект представлял собой гигантскую металлическую паутину — тысяча километров в поперечнике,

но такую тонкую, что вся она весила не больше обрезка ногтя.

Хичи не потребовалось много времени, чтобы понять, что это такое. В центре паутины находилось что-то вроде транзистора и полоски пьезоэлектрического материала. Весь объект представлял собой калькулятор. А также компьютер, фотокамеру и радиопередатчик — все удивительно совмещено в тончайшей сети, которую можно было бы смять в ладони.

Это был автоматический корабль-парус, летящий под давлением света.

Доказательство неоспоримое: во вселенной существует разумная жизнь, подобная самим хичи! И не просто разумная — технологическая, межзвездного уровня. Хичи сразу поняли, что перед ними межзвездный корабль, передвигающийся по Галактике под давлением радиации, исследующий звезды и сообщающий результаты своих исследований по радио своим строителям на далекую родную планету.

Но где эта планета?

К сожалению, корабль хичи не сумел отметить точное положение парусного корабля, когда он был захвачен. Хотя хичи в пределах нескольких градусов определили направление его передачи,

эти несколько градусов объединяли несколько сотен миллионов звезд, близких и далеких.

В следующее столетие любой выходящий в космос корабль хичи брал с собой усовершенствованный радиоприемник. Он всегда оставался включен и слушал только песни других парусных кораблей.

И обнаружил их.

Вначале нашли поврежденный корабль с вышедшей из строя системой ориентации, но даже это сократило выбор до примерно миллиона звезд и увеличило вероятность находки на два порядка. А потом хичи нашли новый корабль, в прекрасном рабочем состоянии, точно нацеленный.

Тучи исследовательских кораблей хичи устремились в этот угол Галактики. Нужно было обследовать множество звезд, но уже сотни, а не миллионы. И хичи осмотрели их все. У этой не оказалось планет. Эти две — элементы двойной системы, на планетах которой не может существовать жизнь, даже если бы такие планеты существовали. Другие слишком новые и яркие, слишком молодые, чтобы жизнь успела развиться…

Но была еще одна звезда.

Она не производила сильного впечатления. Уголь, слишком маленький и тусклый, чтобы быть даже нейтронной звездой. Правда, звезда находилась в нужном месте. Правда, у нее были планеты… но сотни тысяч лет назад эта звезда была новой. И все планеты оказались сожжены. На них не осталось ничего, что можно было бы назвать жизнью.

И вот на четвертой планете… обнаружили полосу из развалин, некогда это была дамба, а под ней туннель, прорытый под рухнувшими горами. Да, именно отсюда вылетали кораблипарусники.

И снова хичи опоздали.

Им начало казаться, что кто-то сознательно уничтожает цивилизации в Галактике, прежде чем хичи смогут обнаружить их.

Или прежде чем эти цивилизации смогут отправить своих представителей в космос.

И тут хичи сделали последнее открытие, которое привело их в ужас. Они отправили экспедицию под руководством удивительной женщины хичи по имени Касательная, и им стала ясна вся кошмарная картина.

Я не стану рассказывать вам о Касательной.

Причина в том, что рано или поздно это сделает

Робин. Он сам еще не знает об этом. Не знает, что вскоре услышит рассказ о ней от того, кто был с ней лично знаком. Но знал бы, если бы позволил мне сообщить ему о присутствии на Вратах некоей личности, которая имеет для него большое значение. Однако Робин бывает исключительно упрям, когда я пытаюсь сообщить ему то, что он должен знать.

Такова эта история; прошу прощения за то, что отвлекался. Позвольте добавить только одно, имеющее отношение к делу.

Некоторое время назад я сказал, что хоть и «знаю», что «е» в степени i, умноженное на π, равно минус единице, почему это так, я не понимаю. То есть я не понимаю интуитивно, почему (основание натуральных логарифмов), возведенное в степень (квадратного корня из минус единицы) и умноженное на отношение между длиной окружности и диаметром), должно вообще чему-то равняться, особенно отрицательному числу –1.

Я был не совсем откровенен.

Я точно не знаю, почему так, но у меня есть подозрения. К несчастью, они имеют отношение к проблеме «недостающей массы» и тому поразительному явлению, что мы воспринимаем только три пространственных измерения вместо девяти.

Но Робин просто не слушает, когда я начинаю говорить об этом.

4. Встречи на приеме

Есть одно место на Вратах, куда мне обязательно нужно было попасть.

После того как я устал думать о том, о чем всегда думаю, устал слышать восклицания: «Эй, Робинетт, ты отлично выглядишь!», я отправился туда. Это уровень Бейб, квадрат Восток, туннель восемь, комната сорок один, и несколько месяцев, полных страха и тошноты, это был мой дом.

Я отправился туда один. Не хотел уводить Эсси от ее старинного ленинградского приятеля, да к тому же часть моей жизни, которую я провел в этой грязной дыре, ее не касается. Я стоял, глядя на комнату, вбирая ее в себя. Я даже привел в действие перцепторы, которыми обычно не пользуюсь, потому что хотел не просто видеть. Мне нужно было обонять и осязать ее.

Выглядело тесно, пахло и осязалось тоже тесно, и меня едва не затопил стремительный горячий поток ностальгии, обрушившийся на меня.

Комнату сорок один отвели мне, когда я впервые прилетел на Врата — боже! Десятилетия и десятилетия назад!

Ее очистили и переоборудовали. Теперь это не нора, в которой прячется испуганный насмерть старатель Врат. Теперь она принадлежит какому-то слабому старику, который явился на Сморщенную Скалу, потому что здесь у него есть шанс подольше продержаться в плотском теле. Сюда поставили настоящую кровать, хотя и узкую, вместо моего старого гамака. В стену вмонтирован сверкающий новый приемник ПВ, есть складная раковина с настоящей проточной водой и еще миллион роскошеств, которых у меня не было. Старик, несомненно, ушел куда-то на прием. Во всяком случае, его в комнате не было. Она вся принадлежала мне, вся ее клаустрофобическая роскошь.

Я глубоко «вдохнул».

Еще одна большая разница. Исчезла вонь. Врата избавили от старой грязи, которая набивалась в одежду и въедалась в кожу, от многократно использованного воздуха, которым дышали, в который пукали годы и годы. Теперь пахло только свежей зеленью, растительностью: несомненно, растения помогают усовершенствовать систему восстановления воздуха. Стены по-прежнему блестят металлом хичи — только голубым; Врата никогда не знали других цветов.

Перемены? Конечно, перемены были. Но это та же комната. И какой мир несчастий и тревог когда-то был втиснут в нее.

Я жил так же, как все остальные старатели Врат: считал минуты, пока не придется принять участие в полете, в любом полете, или быть выкинутым с астероида, потому что кончились деньги. Всматривался в списки кораблей, экипажам которых требовались пополнения, пытался угадать, какой полет сделает меня богатым — вернее, пытался угадать, какой полет не сделает меня мертвым. В этой комнате я спал с Джель-Кларой Мойнлин, когда мы не делали это в ее комнате. Плакал как безумный в этой комнате, когда вернулся из нашего совместного полета — вернулся без нее.

Мне казалось, что я прожил долгую жизнь за те несколько несчастных месяцев, что провел на Вратах, они казались длиннее, чем все эти десятилетия потом.

Не знаю, сколько миллисекунд я провел здесь, в сентиментальном ностальгическом настроении, прежде чем услышал за собой голос:

— Ну, Робин! Знаешь, я так и думала, что найду тебя здесь.

Ее звали Шери Лоффат.

Должен признаться, что я рад был снова увидеть Шери, но рад был и тому, что Эсси пропускает стаканчик со своим старым приятелем-пьяницей. Эсси совсем не ревнива. Но по отношению к Шери Лоффат она могла бы сделать исключение.

Шери смотрела на меня через узкую дверь. Выглядела она ничуть не старше, чем когда я в последний раз ее видел, больше полстолетия назад. Напротив, вид у нее был гораздо лучше, потому что тогда она только что вышла из больницы после полета, который во всех отношениях, кроме финансового, оказался неудачным. Она не просто выглядела хорошо. Она была исключительно аппетитна, потому что, помимо широкой улыбки, на ней была только вязаная рубашка и короткие штанишки.

Я сразу узнал этот наряд.

— Нравится? — спросила она, наклоняясь, чтобы поцеловать меня. — Я когда-то надевала его ради тебя. Помнишь?

Я ответил не прямо. Сказал:

— Теперь я женат. — Это должно было сразу прояснить отношения, но не помешало мне поцеловать ее в ответ.

— Ну а кто не женат? — резонно заметила она. — Ты знаешь, у меня четверо детей. Не гово-

ря уже о трех внуках и правнуках.

Я сказал:

— Боже мой!

И откинулся, чтобы взглянуть на нее. Они втиснулась в дверь и подвесилась за воротник рубашки на крюк. Именно так мы поступали иногда, когда все еще были плотью и Врата служили дверью во вселенную, потому что тяготение астероида настолько слабо, что висеть удобнее, чем сидеть. Мне понравился ее наряд. Я не забыл его. Именно так была одета Шери, когда в первый раз оказалась в моей постели.

— Я даже не знал, что ты умерла, — сказал я вместо приветствия.

Она неловко поморщилась, как будто еще не привыкла к теме.

— Это произошло только в прошлом году. Конечно, тогда я была не такой молодой. Так что быть мертвой не так уж и плохо. — Она коснулась пальцем подбородка, разглядывая меня сверху донизу. Потом заметила: — Я тебя часто видела в новостях, Робин. Ты хорошо справлялся.

— Ты тоже, — ответил я, вспоминая. — Ты ведь отправилась домой с пятью или шестью миллионами, верно? За ящик с инструментами хичи, который ты нашла.

— Больше десяти миллионов, если подсчитать и проценты с эксплуатации находки. — Она улыбнулась.

— Богатая леди!

Она пожала плечами.

— Мне это принесло немало веселья. Я купила себе ранчо на планете Пегги, вышла замуж, растила семейство, умерла… все было очень приятно. Не считая последнего, конечно. Но я не только о деньгах разговариваю, хотя у тебя их, кажется, очень много. Как тебя называют? «Самый богатый человек во вселенной»? Надо было держаться тебя, пока был еще шанс.

Я обнаружил, что она отцепилась от крюка и подвинулась ко мне. И я держу ее за руку.

— Прости, — сказал я, выпуская ее руку.

— За что простить?

Если она задает вопрос, то не поймет ответа. Но мне не пришлось этого говорить. Она вздохнула.

— Мне кажется, я не та женщина, что у тебя сейчас на уме.

— Ну…

— О, все в порядке, Робин. Честно. Просто вспомнила старые времена. Но все же, — продолжала она, — честно, я слегка удивлена, что ты не с ней и с этим парнем… как же его зовут?..

— Сергей Борбосной?

Она нетерпеливо покачала головой.

— Нет, ничего подобного. Минутку… да, Эскладар. Харбин Эскладар.

Я замигал, потому что знал, кто такой Харбин Эскладар. Когда-то он был очень известен. Я не встречался с ним. Не хотел, по крайней мере вначале. Потому что Харбин Эскладар был террорист, и что делает моя дорогая портативная Эсси с экс-террористом?

Но Шери продолжала:

— Конечно, я понимаю, что сейчас ты вращаешься в высоких кругах. Я знаю, что ты знаком с Оди Уолтерсом. И наверно, близок с Сиянием и всеми остальными…

— С Сиянием? — Мне становилось трудно следовать за мыслью Шери, но тут я застыл. Сказала она это по-английски, но имя хичи.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Ты не знал. Боже, Робин, кажется, я тебя опередила! Ты разве не видел на причале корабль хичи?

И неожиданно начало казаться, что на приеме может быть весело. Да, я видел корабль хичи, но мне и в голову не приходило, что в нем могут быть настоящие хичи.

Не думаю, чтобы с моей стороны было вежливо тут же улизнуть. Судя по выражению Шери, она тоже так не считала, но я воспользовался предлогом. Мне не хотелось слишком уж полагаться на отсутствие ревности у Эсси; и хотя я сказал:

— До скорого свидания, — целуя Шери на прощание, на самом деле я так не думал.

Оказавшись в одиночестве в гигабитном пространстве, я вызвал Альберта. Он оказался рядом, прежде чем я осознал это.

— Да?

Я раздраженно сказал:

— Ты мне не говорил, что на Скале есть хичи. Что они здесь делают?

Он миролюбиво улыбнулся, почесывая лодыжку.

— Что касается второго вопроса, то они имеют полное право тут находиться, Робин. Ведь прием устроен для тех, кто когда-либо бывал на Вратах. Все три хичи здесь были. Очень давно. А что касается первой части… — он позволил себе принять озорноватый вид, — я уже довольно давно пытаюсь сообщить вам о личности, Робин, с которой вам интересно было бы встретиться. Но не считал, что с моей стороны тактично прерывать вас. Если можно, я сейчас…

— Можешь рассказать мне о хичи! Об Эскладаре я уже знаю.

— О? — Мгновение Альберт выглядел смущенным. Я нечасто вижу его таким. Потом он послушно сказал: — Корабль хичи прилетел непосредственно из ядра, и на нем три хичи, с которыми, я думаю, вам было бы особенно интересно встретиться. Их зовут Мюон, Холм и Сияние. Особый интерес представляет Сияние, потому что она была членом экспедиции Касательной к планете лежебок.

Тут я окончательно пришел в себя.

— Касательной!

— Совершенно верно, Робин. — Он улыбался. — Вдобавок…

— Я хочу их видеть, — сказал я, взмахом руки заставив его замолчать. — Где они?

— На уровне Джейн, Робин, в старом спортивном зале; теперь это помещение для отдыха. Но не рассказать ли и об остальных? Об Эскладаре вы знаете; наверно, знаете и о Дейне Мечникове и…

— Все по порядку, Альберт, — приказал я. — Сейчас я прежде всего хочу увидеть того, кто был лично знаком с Касательной.

Он выглядел ошеломленным.

— Даже не сообщение от миссис Броудхед?

О сообщении он еще не говорил.

— Это другое дело, — сказал я. — Чего ты ждешь?

Выглядел он возмущенно, но сказал — точно тоном Эсси, с ее интонациями:

— Скажи старому глупому Робину, что он может увидеться со своей старой милой, но только пусть не трогает.

Я думаю, что покраснел. Вряд ли Альберт мог это заметить, потому что как только он кончил говорить, я убрал его и был уже на пути на уровень Джейн.

Так что угрызения совести делают нас трусами… а также глухими к тому, что нам следовало бы услышать.

Я могу обогнуть Землю за сорок миллисекунд, если понадобится, так что переход с уровня Бейб на уровень Джейн не занял совершенно никакого времени. Особенно учитывая (я все время напоминаю об этом), что я реально и не был ни на уровне Бейб, ни на уровне Джейн.

Но то, что кажется мгновением плотским людям, для меня может растянуться надолго. И у меня было время кое над чем задуматься.

Правильно ли я расслышал? На самом ли деле моя жена Эсси с Харбином Эскладаром? Правда,

времена терроризма давно миновали. Все эти ужасные люди, сжигавшие, убивавшие и бомбившие, безвозвратно мертвы, или в тюрьме, или преобразованы, как этот самый Харбин Эскладар. И преобразованные теперь на свободе. Они заплатили свой долг обществу.

Но дело в том, что я не верил, будто Эсси считает, что они заплатили свой долг. И не потому, что они дважды едва не убили ее, а в третий раз собирались прикончить нас обоих, но промахнулись. Для Эсси это не личное дело. Точно так же (я думаю), как и для меня. В те дни, когда всего на всех не хватало и тысячи морально ущербных людей пытались сделать так, чтобы было еще меньше, террористы подвергли несчастную Землю неслыханным испытаниям. Они не просто преступники. Они грязь. Правда, этот Эскладар (я теперь смутно припомнил) в конце концов перешел на сторону хороших парней в белых шляпах. Он выдал самых крупных и преступных предводителей, спас тем самым больше жизней и имущества, чем уничтожил сам.

И все же…

Увидев троих хичи, я забыл об Эскладаре. К счастью, они не были плотскими (если скелетоподобных хичи можно назвать плотскими). Это

были Древние Предки, и это хорошо, потому что означало: я смогу с ними разговаривать.

Я не узнал бы место, где они находились, если бы Альберт не упомянул, что раньше это был спортивный зал Врат. Но теперь он не походил на спортивный зал. Небольшое солнечное помещение (солнце, разумеется, из электронных трубок), со столами и стульями, и повсюду посетители. Люди держали в руках выпивку. Хичи не пьют. Но им нравятся грибы с высоким содержанием наркотика. А перед этими хичи стояли полные чашки с такими грибами.

— Привет, — воздушно сказал я, приближаясь к ним. — Я Робинетт Броудхед.

Ко мне отнеслись почтительно. С готовностью расступились, а женщина хичи в вежливом приветствии согнула запястья.

— Мы, конечно, надеялись встретиться с вами, — сказала она. — Мы знаем ваше имя. Все хичи его знают.

Они научились обмениваться рукопожатиями, и мы проделали это. Эти Древние Предки только что из ядра — вылетели, по нашим часам, всего одиннадцать лет назад. По их часам прошло несколько недель. Большую часть этого времени заняло преодоление космического пространства

до Земли. Я выразил свое удивление от того, что встретил хичи на астероиде, который всегда считал принадлежностью человечества, и один из записанных машиной людей ответил:

— О, у них есть все права находиться здесь, мистер Броудхед. Приглашались все, кто когда-либо работал на Вратах, а они все здесь работали когда-то.

Да, странное это было ощущение. Потому что последний раз живой хичи (или даже записанный машиной) был на Вратах примерно четыреста тысяч лет назад.

— Итак, это вы оставили нам корабли, — сказал я, улыбаясь и поднимая свой бокал. Они ответили, зажав в пальцах кусочки гриба, а женщина сказала:

— Да, Мюон оставил то, что вы называете Пищевой фабрикой, в том месте, которое вы называете облаком Оорта. Холм оставил на планете корабль, тот самый, что обнаружил Сильвестр Маклин. Я ничего не оставила; я только побывала в этой системе раз.

— Но вы были с Касательной, — начал я и почувствовал, как меня похлопали по плечу. Я повернулся и увидел свою дорогую портативную Эсси.

— Робин, дорогой? — начала она.

— Оторвалась наконец от Харбина Эскладара? — добродушно спросил я. — Я рад, что ты здесь. Это Сияние…

Она удивленно покачала головой.

— Я не была с Харбином Эскладаром. Но не важно. Я хотела убедиться, что ты знаешь…

— Ты не понимаешь, — возбужденно сказал я. — Касательная, о которой мы говорили. Вы можете рассказать нам об этой экспедиции, Сияние?

— Если хотите…

А Эсси сказала:

— Но пожалуйста, Робин, нужно кое-что обдумать. Дейн Мечников обратился к юристам.

Это меня на мгновение заинтересовало. Я так далеко убрал Дейна Мечникова из своего сознания, что не мог догадаться, зачем ему понадобилось говорить с юристами. Относительно меня. Конечно, это нечто незначительное. Я пожал плечами.

— Позже, моя дорогая.

Эсси вздохнула, а я приготовился выслушать рассказ.

Меня, в сущности, не за что винить. Рассказ о Касательной необыкновенно важен. Если бы

не ее экспедиция, все пошло бы по-другому. Не только история хичи. Вообще *вся* история. История человечества стала бы настолько иной, что ее могло совсем не быть. Поэтому я отбросил все, чтобы выслушать рассказ Сияния об этом знаменитом полете, и не стал думать, что еще может означать присутствие Дейна Мечникова на астероиде.

5. Высшая точка прилива

Хичи были великими исследователями, и в анналах хичи самой выдающейся считается экспедиция Касательной.

Это была хорошо спланированная экспедиция, с прекрасным предводителем. Касательная была очень умна. Кстати, именно ее ум заставил хичи уйти с астероида Врата и почти отовсюду.

Касательной нетрудно было быть умной. В ее распоряжении были собственные знания и опыт, а также опыт и знания живых членов экипажа, включая Сияние. А еще важнее, в ее распоряжении находилось свыше десятка Мертвецов, которые приплюсовали свой ум к ее. Ко всему этому она добавила большую храбрость, изобретательность и страсть. Вам бы она понравилась — конечно, учитывая, что на человеческий взгляд

выглядела очень странно. Но с этим она, разумеется, ничего не могла поделать, хичи есть хичи.

Когда я сказал, что Касательная была исследователем, я совсем не имел в виду, что она отправлялась на поиски географических знаний, как Магеллан или капитан Кук. Исследования Касательной вообще не затрагивали географию. Задолго до ее рождения огромные телескопы хичи собрали все необходимые им географические сведения. Они зафиксировали все звезды и даже все планеты во всей Галактике — несколько сотен миллиардов географических объектов, все их сфотографировали, спектроскопировали и занесли в каталог центральной базы данных.

Так что самой Касательной совсем не нужно было заниматься поисками и картографированием. Ей предстояло подумать о чем-то гораздо более интересном.

Касательная искала существа. Живые существа. Задача заключалась в том, чтобы исследовать органических обитателей этой самой географии.

О Касательной нужно также знать, что по стандартам хичи она была исключительно красива.

Я лично не разделяю стандарты хичи. Для меня хичи выглядят как хичи, и я даже на пари не женился бы на женщине хичи. Мне Касательная

показалась бы кошмаром из моего детства на пищевых шахтах в Вайоминге. В детстве мы отмечали праздник всех святых Хеллоуин масками из тыкв и изображениями гоблинов; и самым популярным персонажем в конце каждого октября становился картонный скелет, с руками и ногами на шарнирах, с черепом и костями.

Касательная была похожа на такой скелет, только она была реальна. Она на самом деле жила. Сквозь ее кости посмотреть было невозможно. Как и у всех хичи, ее кости обтягивала прочная тугая мускулистая кожа, на ощупь похожая на желудевую кашицу. Будучи женщиной, Касательная была лысой — у мужчин иногда бывает пушок на черепах, у женщин никогда. Для ее глаз ни один сочинитель популярных песен не подобрал бы слов, потому что выглядели они ужасно: зрачки мутно-голубые, а вся остальная поверхность розовая. Конечности у нее толщиной как у жертвы голода, таз широкий. Ноги отходят от него под углом, а между этими ногами-трубками висит типичная капсула хичи. Капсула представляет собой грушеобразный предмет, который производит поток микроволнового излучения. Хичи нуждаются в нем, чтобы оставаться здоровыми, как земные растения нуждаются в солнечном

свете. Вдобавок в капсуле размещается множество полезных инструментов и всякой всячины. Включая записанные разумы мертвых предков, которые хичи используют вместо компьютеров.

Все это очаровательно, не правда ли?

Нет, неправда. Ибо красота заключена в глазах культурной нормы[21]. На взгляд хичи (на взгляд этих блестящих розовых глаз рептилии), особенно на взгляд мужчин хичи, Касательная была прекрасна.

А для слуха хичи даже ее имя звучало сексуально. Она приняла имя «Касательная», по обычаю хичи, как только стала достаточно взрослой, чтобы интересоваться отвлеченными проблемами. В ее случае это был интерес к геометрии. Но язык хичи дает простор для игры слов и каламбуров, и очень скоро ее стали звать словом, похожим на «Касательная», которое приблизительно (и вежливо) можно перевести как «Та-что-заставляет-опустившееся-подняться».

Все это не имеет никакого отношения к ней как руководителю исследовательской экспедиции,

---

[21] Примечания: 21

Перефразировка известного высказывания «Красота в глазах смотрящего», которое принадлежит американской писательнице XIX века Молли Браун. Примерный смысл — «Каждый видит по-своему». — *Примеч. пер.*

но все равно интересно. Она была гордостью народа хичи.

Это делает еще более болезненным тот факт, что Касательная сыграла решающую роль в падении хичи.

В своем историческом полете Касательная командовала большим кораблем хичи. На нем располагались тысячи различных инструментов и приспособлений и экипаж из девяноста одного члена. Среди них — Сияние, которая была пилотом проникновения. Корабль был не просто большой, но и особый. Корабль Касательной был построен с особой целью, и эта цель определила его конструкцию.

Он мог садиться на планеты.

Межзвездные корабли хичи не могли этого делать, да и не нуждались в том. Они должны были оставаться на орбите, а задача входа в атмосферу и высадки отводилась специальным посадочным модулям. Корабль Касательной в этом смысле был исключением. Он на самом деле не «приземлялся», потому что планета, которую она исследовала, не имела твердого ядра. Под жидкой тяжелой болотистой атмосферой на глубине в две тысячи километров располагалось ядро из металлизированного водорода. Но на планете

было нечто чрезвычайно важное для хичи.

На ней была жизнь.

На корабле Касательной тоже была жизнь. Все девяносто один член экипажа были специалистами в самых разнообразных отраслях, в которых может возникнуть нужда. Мой новый друг Сияние, например, была пилотом проникновения. Именно она должна была провести корабль через жидкую вязкую «атмосферу» планеты лежебок. Мало кто из хичи обладал такими умениями, и она тренировалась исключительно напряженно. Так что на корабле было много жизни, активной и буйной. Хичи не были машинами, лишенными эмоций. По-своему, в манере хичи, они были не менее сексуальны и темпераментны, чем люди. И иногда это создавало проблемы, как и у людей.

Трое мужчин, которые в этом смысле составляли личную проблему Касательной, назывались Кварк, Ангстрем 3754 и Ищи-и-Скажи.

Не хочу, чтобы вы решили, что это их подлинные имена, даже если перевести их с языка хичи буквально. Но это, по-моему, самое близкое приближение. Кварк был назван по субатомной частице; Ангстрем 3754 — по длине световой волны особого цвета, а Ищи-и-Скажи — это приказ, который отдается предкам, когда нужно что-то

выяснить.

Касательная считала их хорошими ребятами. Они втроем воплощали множество добродетелей хичи. Кварк был храбр, Ангстрем силен, а Ищи-и-Скажи мягок. Любой из них стал бы превосходным сексуальным партнером. И так как время выбора партнера для Касательной приближалось, ей казалось правильным, что у нее достаточный выбор.

Народ хичи находился в высшей точке прилива. Ничто в человеческой истории не приближается к размаху и величию эпоса хичи. Голландские купцы, испанские доны, английские королевы столетия назад посылали авантюристов захватывать рабов, привозить пряности, добывать золото — собрать всю добычу с неисследованных земель. Но все это только на одной планете.

Хичи завоевали миллиарды планет.

Конечно, звучит это жестоко. Но хичи не были жестоки. Они ничего не отбирали у туземцев, даже глиняные таблички или раковины каури.

Прежде всего в этом не было необходимости. Хичи не нужно было порабощать туземное население, чтобы добывать драгоценную руду. Гораздо проще найти астероид нужного состава, оттащить его к фабрике, которая полностью по-

глотит его и извергнет конечные продукты. Хичи не нужно было выращивать экзотическую пищу, редкие образцы, лекарственные растения. Их химики брали нужное органическое вещество и воспроизводили его из готовых элементов.

Другая причина, по которой они не были жестоки с туземцами, заключается в том, что самих туземцев почти не было.

Во всей Галактике хичи обнаружили меньше 80 000 планет с жизнью выше доклеточного уровня. И ни одной планеты, населенной разумными существами их собственного уровня.

Было несколько очень близких расхождений.

Одно из них — наша добрая старая Земля. Расхождение произошло, потому что хичи пришли примерно на полмиллиона лет раньше. В это время на Земле самое близкое к разуму заключалось в низких волосатых черепах маленьких вонючих приматов, которых мы сейчас называем австралопитеками. Слишком рано, с печалью думали хичи, обнаружив их. Поэтому они взяли несколько образцов и улетели. Другим расхождением оказались безрукие бочкообразные существа, которые жили в помоях планеты звезды F-9 недалеко от Канопуса. Эти существа не были по-настоящему разумны, но эволюци-

онировали настолько, чтобы иметь суеверия. (И такими они и остались; люди, обнаружив их, назвали свиньями вуду.) Тут и там встречались остатки погибших цивилизаций, обычно очень фрагментарные. Было несколько потенциально интересных случаев, которые могли достигнуть стадии общественной организации в течение следующего миллиона лет…

И были те существа, которых предстояло исследовать Касательной. Они назывались «лежебоки».

Лежебоки вообще-то были вполне разумны. У них даже были машины! Было правительство. Был язык — даже поэзия. И лежебоки оказались не только единственным народом, у которого обнаружилось все это, они были и наиболее перспективными.

Если бы только с ними можно было общаться!

* * *

И вот корабль Касательной лег на орбиту, и исследователи смотрели на волнующуюся атмосферу планеты внизу. Ангстрем сказал Касательной:

— Отвратительно выглядит эта планета. Напоминает мне ту, на которой живут свиньи вуду,

помнишь?

— Помню, — ласково ответила Касательная. На самом деле она помнила, что прислонилась к Ангстрему и позволила его сильной руке щупать свои спинные сухожилия хорошо известным ей способом.

Ищи-и-Скажи ревниво заметил:

— Ничего похожего на ту планету! Та горячая, а на этой газы замерзают. На этой мы не можем дышать, даже если бы было достаточно тепло, потому что нас отравит метан. А среди свиней вуду мы можем ходить даже без масок. Конечно, если не обращать внимания на вонь.

Касательная страстно притронулась к Ангстрему.

— Но мы ведь не обращаем на него внимания? — спросила она. Потом, одумавшись, она погладила и Ищи-и-Скажи. Она не упускала из виду планеты, сознавала щелчки и гудение корабельных сенсоров, получавших и обрабатывавших многочисленные данные, но одновременно уделяла внимание и сексуальным намекам.

Касательная ласково сказала:

— У вас обоих есть работа. У Кварка тоже, и у меня. Так что давайте займемся.

В сущности (сказала Сияние, ностальгически

потирая живот), остальные восемьдесят семь членов экипажа, не втянутые непосредственно, были тронуты влюбленностью Касательной. Она им нравилась. Они желали ей добра. К тому же хичи, как и мы сами, всегда любили влюбленных.

К концу второго дня Ищи-и-Скажи раздраженно доложил, что предки не только готовы, но положительно настаивают на разговоре с Касательной. Она вздохнула и заняла сиденье в контрольной рубке. Сидела она в основном на своей капсуле: сиденье сооружено таким образом, что капсула подключается непосредственно ко всем Предкам на корабле. Приспособление полезное. Хотя и не всегда приятное.

Древние Предки не обладают ни зрением, ни слухом, это всего лишь разум, записанный в базе данных, подобно мне самому. Но самые умные и опытные из них учатся читать электронный оптический поток и данные приборов так, словно у них есть глаза. Самым старшим из предков на борту был давно умерший хичи по имени Волосатый. Волосатый был очень важной персоной. Наиболее ценной личностью на борту, может быть, ценнее самой Касательной, потому что перед смертью Волосатый побывал на этой планете.

Касательная прислушалась к Предкам. Немедленно послышался гул голосов. Каждый Предок на корабле пытался что-то сказать. Но имел право сейчас говорить только Волосатый. Он быстро навел порядок.

— Я просматривал записи, — сразу сказал он. — Девять каналов, оставленных нами, не дают никаких данных. Не знаю, вышли они из строя или же лежебоки никогда не показывались в этих местах. Но остальные пятьдесят один полны данными. В каждом в среднем около трех тысяч морфем.

— Как много! — обрадованно воскликнула Касательная. — Почти эквивалентно книге на каждый канал!

— Больше, — поправил ее Волосатый. — Потому что язык лежебок исключительно компактен. Слушай. Передаю часть одной записи…

Послышался слабый низкий воющий звук. Касательная скорее не слышала, а ощущала его в костях…

— А теперь та же запись, ускоренная и переведенная в нормальную для нас частоту…

Вой превратился в быстрое резкое чириканье. Касательная нетерпеливо слушала. От звука болели уши.

— Ты перевел что-нибудь? — спросила она. Она знала, что если бы удалось перевести, ее немедленно известили бы, и задала свой вопрос единственно ради того, чтобы прекратить этот звук.

Но, к ее удивлению, Древний Предок ответил:

— О да! Многое! На Слуховом Посту семнадцать проходило то, что можно назвать политическим митингом. Митинг имел отношение к самому этому месту: оно либо священно, либо опасно загрязнено, и лежебоки решали, что с этим делать. Споры продолжаются…

— Шестьдесят один год?

— Ну, по их времени это всего около семи часов, Касательная.

— Хорошо, хорошо! — счастливо ответила Касательная. Это большая удача: трудно найти лучшее средство проникновения в культуру, чем способ решения общественных проблем. — Ты уверен в своем переводе?

— Относительно уверен, — с сомнением ответил Волосатый. — Я бы хотел, чтобы с нами был Связующая Сила. — Связующая Сила был партнером Волосатого в прошлых исследованиях. Они были прекрасной парой. И когда-нибудь, несомненно, будут снова. Но сейчас Связующая Сила

слишком стар, чтобы лететь в космос, и слишком здоров, чтобы умереть.

— Но что это значит — «относительно уверен»?

— Ну, по крайней мере, значение половины слов лежебок выведено из контекста. Я мог сделать неверный вывод.

— К несчастью для тебя, — вырвалось у Касательной, но тут же она взяла себя в руки. — Я уверена, ты выполнил отличную работу, — сказала она. И надеялась, что это правда.

Сияние не участвовала в первом полете Волосатого, но до вылета с Касательной она многое узнала о лежебоках. Кстати, это относится ко всем участникам экспедиции. Ведь лежебоки на самом деле были очень важны для хичи. Так же важны, как, скажем, диагноз «рак» для человека до появления Полной Медицины.

Лежебоки обладали древней цивилизацией. В смысле лет она была древнее даже цивилизации хичи, но это ничего не значит, потому что за это время у них мало что происходило. А то, что происходило, делало это очень медленно. Планета лежебок холодная. Сами лежебоки холодны и медлительны — поэтому они и получили такое название. Они медленно плавают в густом газе:

химизм их тел так же медлителен, как их движения. И то же самое относится к их речи.

И так же медленно движутся импульсы по их нервной системе, то есть их мысли.

Так что когда первые исследователи хичи убедились, что эти неторопливые ползучие существа обладают разумом, они были одновременно обрадованы и разочарованы. Какой смысл обнаруживать разумную расу, если простой обмен репликами типа:

— Отведите меня к вождю.

— К какому вождю? —

требует не менее шести месяцев.

Первый исследовательский корабль хичи находился на околопланетной орбите год. Волосатый и Связующая Сила опустили в густую атмосферу зонды и тщательно записывали медлительные звуки, чтобы получить первый доступ к словарю. Это было нелегко. И непросто. Зонды опускались наудачу, случайным образом, они были нацелены в места, где радары и сонары зафиксировали скопление существ. Но часто к тому времени, как зонды опускались, существ там уже не было. Наиболее удачно нацеленные приборы зарегистрировали медленные низкие стоны. Передатчики отправили эти звуки на орбиту,

специалисты по записям просеяли их и перевели в слышимый регистр. И вот спустя несколько недель работы исследователи услышали первое слово.

Но у специалистов хичи по семантике было множество ресурсов. И к концу года на орбите они накопили достаточный словарь, чтобы сделать простую запись. Затем изготовили гравированную табличку с изображением хичи, изображением лежебоки, изображением звукозаписывающего устройства и изображением самой таблички. Все эти изображения были нанесены на плоскую поверхность кристалла, чтобы лежебоки могли осязать их. Ко всему прочему они еще и слепы.

Затем хичи шестьдесят раз продублировали эту табличку и сбросили в шестидесяти населенных центрах.

Запись гласила:

Приветствуем!
Мы друзья.
Говорите с нами, и мы услышим.
И скоро ответим.

«Скоро» в данном контексте означало очень долгое время. Когда это было сделано, корабль хи-

чи улетел. Экипаж был настроен мрачно. Не было смысла дожидаться ответа. Лучше вернуться к тому времени, как лежебоки обнаружат таблички, преодолеют первоначальный шок и ответят. Даже в таком случае неизбежен длительный период тупых вопросов и забирающих время ответов, но для этого не требуются живые хичи. Экипаж выбрал наименее ценного Древнего Предка, женщину, ей объяснили, каких вопросов следует ожидать и какие ответы — советы и контрвопросы — нужно давать, и ее оставили на орбите в одиночестве на несколько десятилетий. Каждый хичи хотел бы оказаться здесь, чтобы услышать ответы, но мало кто надеялся на это: по самым оптимальным подсчетам, начало общения с лежебоками произойдет через полстолетия.

Так оно и получилось.

Через двадцать дней после прибытия на орбиту вокруг планеты лежебок Касательная была готова к работе.

Древний Предок, которую они оставили на орбите, к сожалению, больше не действовала, но свою задачу выполнила. Были заданы вопросы, на них получены ответы, а все данные записаны. Радар, вернее, тот прибор, который у хичи выполнял роль радара, зарегистрировал нынешнее

положение физических скоплений, обозначающих общины лежебок, а также другие прочные и значительные по размерам объекты, которые могли бы представлять опасность для навигации. С родной планетой связались по радио быстрее скорости звука, передали все данные, и престарелый Связующая Сила прислал ободряющее сообщение. В нем подтверждалась верность перевода и содержался совет продолжать в том же духе. Проверили и испытали особые устройства корабля Касательной, которые помогут ему выполнить свою миссию. Все было готово.

На корабле было приспособление, на которое хичи очень надеялись, но оно их разочаровало. Это было нечто вроде инструмента для коммуникации. Но передавало и получало оно особые сигналы — ну, можете назвать их «чувствами». Оно не передавало и не принимало «информацию» в классическом смысле, ее нельзя было использовать, для того чтобы заказать еще тысячу килотонн структурированного металла или приказать кораблю изменить курс. Но один хичи, надевая шлем из проволочной сетки, мог «слышать» чувства других, даже на планетарных расстояниях.

Именно такое устройство мы назвали кушет-

кой для сновидений.

Хичи его использовали главным образом для того, что можно назвать работой полиции. Хичи не раскрывают преступления. Они предупреждают их. Излучения мозга, настолько больного, что его обладатель способен на преступление, особенно на акты насилия, регистрировались на самых ранних стадиях. Специальная группа советников занималась таким индивидуумом, применяя коррективную терапию.

Кушетки для снов оказались очень полезны для решения вопроса о том, например, стоит ли следить за свиньями вуду и насколько они разумны, потому что их «чувства» гораздо сложнее, чем у низших животных. Таким образом, это был стандартный инструмент хичи в фундаментальных поисках межзвездного товарищества. Хичи надеялись, что корабль Касательной прямо с орбиты сможет «прослушивать» чувства лежебок и узнает их настроения, тревоги и радости.

Кушетка для снов сработала. Но ничего полезного это не дало. Так же как и все остальное, эмоции лежебок оказались невероятно медлительными. Кварк мрачно сказал, снимая наушники:

— Все равно что слушать мнение осадочной породы о метаморфозе.

— Продолжай попытки, — приказала Касательная. — Когда мы наконец поймем лежебок, эти материалы пригодятся.

Позже она припомнила свои слова и поразилась, как могла так заблуждаться.

Я уже много рассказал вам о Касательной и ее товарищах, но не сказал, почему это важно. Поверьте мне. Это действительно важно. Не только для Касательной и всего народа хичи, и не только для всего человечества, но и лично для меня.

Но добрый старый Альберт упрекает меня, что я слишком много говорю, и поэтому я постараюсь придерживаться только самого существенного. А существенно то, что Касательная со своим экипажем сделала то, что почти никогда не делают корабли хичи. Она взяла специально подготовленный бронированный аппарат и нырнула в густую холодную атмосферу планеты, чтобы навестить лежебок на их родной почве.

Слово «почва» не очень подходит. У меня вообще много сложностей с подыскиванием нужных слов, потому что словарь, который я усвоил, будучи плотским человеком, мне больше не годится. У лежебок нет почвы в смысле участков, на которых можно что-то построить. У них нет никакой земли. Их собственный вес близок к весу

газов, в которых они живут, так что они просто плавают вместе со всем своим добром, со своим хозяйством, с тем, что у лежебок соответствует фабрикам, фермам, офисам и школам. И конечно, ни человек, ни хичи не могут жить в их окружении без защиты. И хотя хичи очень хорошие инженеры, их все время тревожила мысль, что даже их корабль не выдержит страшного давления, при котором живут лежебоки.

Поэтому, прежде чем войти в атмосферу, хичи проверили, перепроверили и заново проверили все, что можно было проверить. Волосатый и остальные Древние Предки выполняли двойную работу. Они не только продолжали перевод, но и записывали все данные о состоянии корабля.

— Готовы? — спросила наконец Касательная, сидя на капитанском месте в пилотской рубке и пристегиваясь, как и все остальные. Один за другим главы секций подтвердили готовность, и она глубоко перевела дыхание. — Начинаем спуск, — сказала Касательная пилоту проникновения Сияние.

Сияние передала приказ курсовой машине:

— Начинаем спуск.

Корабль затормозил на орбите и соскользнул с нее в холодные плотные турбулентные ядовитые

газы, в которых плавают лежебоки.

Спуск получился неровным. Навигация велась вслепую, по крайней мере с точки зрения оптики; но у корабля были сонарные и электронные глаза, и на экранах экипаж видел при приближении очертания «домов» лежебок и других объектов.

— Я бы уменьшила скорость, — сказала Касательная. — Возможна кавитация.

Сияние согласилась.

— Медленнее, — приказала она, и огромный корабль осторожно двинулся к сооружениям лежебок.

Весь экипаж с благоговением и радостью смотрел на экраны. Начали появляться грязеобразные предметы. Сооружения, подобные облакам, и существа, как мягкие пластиковые игрушки, в виде амеб или медуз. Для лежебок они почти так же неподвижны, как их «здания». Все самки и большинство самцов движутся так медленно, что глаз хичи не замечает этого движения; только немногие самцы в состоянии, как они говорят, «высокого режима», проявляют видимые признаки подвижности. По мере приближения корабля все больше и больше самцов поступали так: их вялые чувства сообщали, что что-то происходит.

Именно тогда Касательная допустила первую

ошибку.

Она решила, что движения самцов объясняются испугом от внезапного появления корабля хичи. Небо знает, что именно их испугало. Представьте себе скоростной аппарат, приземляющийся в центре первобытной деревни, которая никогда не видела не только космический корабль, но даже самолет. Но не испуг заставил самцов корчиться быстро и разрушительно. Боль. Высокочастотный звук, сопровождавший полет корабля, причинял лежебокам страшную боль. Он сводил их с ума, и вскоре самые слабые из них погибли.

Могли ли хичи удовлетворить свое стремление ко встрече с космическими друзьями с помощью лежебок?

Не вижу такой возможности. Мой собственный опыт говорит — нет. Хичи так же трудно было установить коммуникацию с лежебоками, как нам, записанным машиной, трудно вступать в осмысленные отношения с плотскими людьми в реальном времени. Это не невозможно. Просто обычно при этом происходит больше неприятностей, чем пользы. К тому же когда я разговариваю с плотскими людьми на близком расстоянии, они обычно не умирают.

После этого корабль перестал быть счастливым

(рассказывая, Сияние пожала мышцами живота). Ожидание было таким радостным, разочарование — таким горьким.

И становилось еще хуже.

Вся экспедиция находилась на грани провала. Хотя зонды продолжали передавать слова в приемники, всякая попытка приблизиться к лежебокам в их домах заканчивалась катастрофически и разочаровывающе — разочаровывающе для хичи, катастрофически для их новых «друзей».

И тут на орбите были получены новости из Дома.

Пришло сообщение от Связующей Силы. В нем говорилось с раздражительностью старости и негодованием того, кто сам не смог присутствовать (в вольном переводе):

— Вы все испортили. Важнейшая часть записей — не обычаи лежебок и не политика. Это их поэзия.

Древние Предки на корабле распознали поэзию лежебок — подобную песням больших китов или старым норвежским эддам на Земле. Подобно эддам, эти песни воспевали великие битвы прошлого, и сами эти битвы оказались очень важны.

В песнях говорилось о существах, которые не

имели тела и вызывали огромные разрушения. Лежебоки называли их словом, которое обозначает «убийцы», и, по мнению Связующей Силы, они действительно были бестелесными — энергетическими существами; они действительно появились и вызвали огромные разрушения…

— То, что вы сочли легендами, — насмехался Связующая Сила, — на самом деле не рассказ о богах или дьяволах. Это просто рассказ о действительном посещении существ, враждебных всякой органической жизни. И есть все причины полагать, что существа эти по-прежнему рядом.

Так хичи впервые узнали о существовании Врага.

6. Любовь

К тому времени как Сияние кончила свой рассказ, вокруг собралось много народа. У всех были вопросы, но потребовалось какое-то время, чтобы они их сформулировали. Сияние сидела молча, потирая свою грудную клетку. Это движение производило легкий скрежещущий звук, словно пальцем по стиральной доске.

Невысокий чернокожий человек, которого я не знал, спросил:

— Простите, но я не понял. Откуда Касательная

узнала о Враге? — Говорил он по-английски, и я понял, что кто-то все время переводил рассказ Касательной. Этот кто-то был Альберт.

Пока Альберт переводил вопрос низенького чернокожего на хичи для Сияния, я бросил на него взгляд. В ответ он пожал плечами, показывая (я думаю), что тоже хотел услышать рассказ.

Сияние тоже пожимала плечами. Вернее, резко сократила мышцы живота, что у хичи является эквивалентом.

— Мы не знаем, — ответила она. — Это стало известно позже, когда Связующая Сила произвел анализ глубинной структуры эдд лежебок. Тогда стало известно, что эти вторгшиеся Убийцы происходят не с планеты. Конечно, было и много других данных.

— Конечно, — подхватил Альберт. — Например, недостающая масса.

— Да, — подтвердила Сияние. — Недостающая масса. Это была большая загадка для наших астрофизиков, и так, я думаю, продолжалось годы. — Она задумчиво потянулась к еще одному маленькому грибу, а Альберт тем временем объяснял остальным, как «недостающая масса» оказалась не естественным космическим феноменом, но артефактом Врага; и в этот момент

я перестал слушать. Мне Альберт все время говорит об этом. И я его не слушаю. Слушать, как Сияние рассказывает историю ужасного полета Касательной, одно дело. Этот рассказ я выслушал очень внимательно. Но когда Альберт начинает гадать «почему», я отвлекаюсь. Теперь он займется девятимерным пространством или гипотезой Маха.

Так и произошло. Сияние, казалось, заинтересовалась. Я нет. Я откинулся назад, знаком попросил официантку принести еще порцию «ракетного сока» — почти смертельного белого виски, которым старатели Врат в старину заливали свои тревоги — и позволил Альберту говорить.

Я не слушал. Думал о бедной, сексуально возбужденной Касательной много сотен тысяч лет назад и о ее злополучном полете.

У меня всегда была сердечная слабость к Касательной — ну, это, конечно, не совсем верно. Опять слова. Как неточно они передают смысл! У меня нет сердца, так что нет и его слабостей. И «всегда» тоже неточно, потому что о Касательной я знаю только тридцать — может, следовало бы сказать «тридцать миллионов» — лет. Но я часто думаю о ней, и всегда сочувственно, потому что меня тоже застрелили и я знаю, каково это.

Я сделал глоток ракетного сока, благожелательно глядя на собравшуюся у стола толпу. Все были захвачены тем, как Альберт обменивается с Сиянием космическими премудростями, но ведь Альберт не жил у них в кармане последние пятьдесят (или пятьдесят миллионов) лет. За это время можно хорошо узнать программу. Я подумал, что в общем знаю, что собирается сказать Альберт, еще до того, как он начнет говорить. Я понимаю даже смысл его взгляда искоса, который он время от времени бросает на меня. Он подсознательно упрекает меня за то, что я не позволяю ему что-то сказать, а он считает это что-то очень важным.

Я терпеливо улыбнулся ему, давая знать, что понимаю… а также напоминая, что здесь я решаю, кто будет говорить и когда.

И тут почувствовал мягкое прикосновение к шее. Это была рука Эсси. Я с удовольствием откинулся. В этот момент Альберт бросил на меня очередной взгляд и спросил у Сияния:

— Я полагаю, у вас была возможность познакомиться с Оди Уолтерсом Третьим на пути сюда?

Это разбудило меня. Я повернулся к Эсси и прошептал:

— Я не знал, что Оди здесь.

Эсси ответила мне на ухо:

— Похоже, ты многого не хочешь знать о плотских людях. — От ее тона у меня защекотало шею: это смесь любви и суровости. Таким тоном Эсси говорит, когда считает, что я необычно «gloopy» или упрям.

— О боже! — воскликнул я, вспомнив. — Дейн Мечников.

— Дейн Мечников, — согласилась она. — Он также присутствует здесь, на Скале, в плотском виде. Вместе с тем человеком, который его спас.

— О боже! — снова сказал я. Дейн Мечников! Он был в составе той экспедиции в черную дыру, которая полстолетия отягощала мою совесть. Я оставил там его вместе с остальными, а среди остальных была…

— Да, Джель-Клара Мойнлин, — прошептала Эсси. — В настоящий момент в Центральном парке.

Центральный парк не очень похож на парк. Когда мы с Кларой были старателями, здесь росло с десяток шелковиц и апельсиновых деревьев, да и те напоминали скорее кусты.

Он почти не изменился. Маленький пруд, который мы называли Верхним озером, по-прежнему изгибался, принимая форму астероида. Конечно, растительности стало больше, но я без труда за-

метил свыше десяти человек в кустах. Некоторые из них были престарелые ветераны, живущие на Сморщенной Скале, все плоть. Они, подобно статуям, стояли среди деревьев. Были и гости, подобно мне, только тоже плоть, и среди них я легко узнал еще одну неподвижную плотскую статую — Джель-Клару Мойнлин.

Она нисколько не изменилась, по крайней мере внешне.

Но в другом отношении изменилась почти невероятно. Она была не одна. В сущности, она стояла между двумя мужчинами; хуже того, с одним она держалась за руки, а другой обнимал ее за плечи. Само по себе это тяжелый удар, потому что, насколько мне было известно, единственный человек, с которым Клара могла держаться за руки, это я сам.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что этот держащий ее за руки человек — Дейн Мечников. В конце концов, я ведь очень давно его не видел. Второго я совсем не знал. Высокий, стройный, с приятной внешностью, он привычно и ласково обнимал Клару за плечи.

Когда-то, влюбляясь, я испытывал непреодолимое желание в совершенстве узнать ту, в которую влюбился. Полностью. Во всех отношениях. И

один из способов для этого — фантазия. Я фантазировал, что как-нибудь застану ее (кем бы «она» ни была) крепко спящей и ничто не сможет разбудить ее; и я прокрадусь к своей спящей возлюбленной и узнаю все ее тайны. Увижу, есть ли волосы у нее под мышками. Проверю, давно ли она убирала грязь из-под ногтей на пальцах ног. Загляну ей в ноздри и в уши — и все это я буду делать так, что она не заметит, потому что хоть мы провели много взаимных исследований, когда за тобой при этом наблюдают, это совсем другое дело. Как и на другие мои фантазии, на эту моя аналитическая программа Зигфрид фон Психоаналитик смотрела терпимо, но неодобрительно. Зигфрид видел в таком поведении смысл, который мне не нравился. И, когда предоставлялась возможность это все проделать, становилось совсем не так интересно. Как и в сходных случаях с другими фантазиями.

Теперь я могу это проделать. Вот Клара, словно вырубленная из вечного камня.

А вот и Эсси, рядом со мной. Она, конечно, смягчает мой исследовательский пыл, но если я захочу, она уйдет. Пока она не сказала еще ни слова, моя Эсси. Просто парила молча рядом со мной. А я стоял, невидимый в гигабитном пространстве,

глядя на женщину, которую оплакивал большую часть жизни.

Клара выглядела прекрасно. Трудно поверить, что она на самом деле старше меня — все равно что сказать, на шесть месяцев старше Бога. Мое рождение почти совпало с открытием Врат, столетие которого мы сейчас отмечаем. Клара родилась на пятнадцать лет раньше.

Но она не выглядела старой. Она не состарилась ни на день.

Разумеется, отчасти это объясняется Полной Медициной. Клара богата и могла позволить себе все восстановления и замены органов и тканей задолго до того, как это стало доступно всем. Больше того, она провела тридцать лет в ловушке времени черной дыры, где я бросил ее, чтобы спастись самому — мне потребовалось тридцать лет, чтобы избавиться от чувства вины, — так что за все эти долгие годы она состарилась только на минуты из-за замедления времени. По времени, прошедшему с рождения, ей гораздо больше ста лет. Но по времени часов ее тела — не больше пятидесяти. А по тому, как она выглядит…

А выглядела она так, как всегда, на мой взгляд. Выглядела прекрасно.

Она стояла, переплетя пальцы с пальцами

Дейна Мечникова. Голову повернула к мужчине, обнимавшему ее за плечи. Брови у нее, как всегда, темные и резко очерченные, а лицо — лицо Клары, то, из-за которого я проплакал тридцать лет.

— Не испугай ее, Робин, — сказала сзади Эсси. И вовремя. Я собирался появиться прямо перед ней, не подумав, что для нее эта встреча будет не легче, чем для меня, и что ей понадобится больше времени, гораздо больше, чтобы справиться с собой.

— Так что же? — спросил я, не отрывая взгляда от Клары.

— Вот что, — ответила Эсси, нахмурившись. — Веди себя как нормальный приличный человек. Дай женщине шанс! Покажись на краю зарослей, может быть, и иди к ней. Дай ей возможность увидеть тебя издали, подготовиться к этому травматическому испытанию, прежде чем заговоришь.

— Но на это потребуется целая вечность!

— Уже потребовалась, чучело! — твердо сказала Эсси. — К тому же у нас есть и другие дела. Ты забыл, что за тобой присматривает двойник Кассаты?

— К дьяволу его, — с отсутствующим видом ответил я. Я так внимательно разглядывал лицо и

фигуру своей давно утраченной любви, что меня не хватало ни на что иное. Мне потребовалось много микросекунд, чтобы сообразить, что чем дольше я оттягиваю свое появление, тем дольше не услышу ее голос.

— Ты права, — неохотно согласился я. — Можно тем временем повидаться с ублюдком. Сейчас только начну здесь.

Я создал собственного двойника за густой кроной лайма, увешанной золотисто-зелеными плодами, и двинул двойника по направлению к паре. А потом покорно пошел за Эсси назад в Веретено, где, как она сказала, меня ждет Кассата.

Моему двойнику потребуется много времени, чтобы дойти до Клары, заговорить с ней, подождать ее ответа — много, много миллисекунд. Я хотел бы, чтобы время это прошло быстрее. Как мне дождаться?

Но также я отчаянно хотел, чтобы это продолжалось подольше. Потому что не знал, что сказать.

Хулио Кассата сразу заставил меня забыть об этой — как ее называет Эсси — «глупой воркотне». Он это умеет. Похоже на укус комара, который на мгновение заставляет забыть о зубной боли. Конечно, такое отвлечение не бывает приятным,

но все равно это отвлечение.

Мы отыскали его в Голубом Аду. Эсси с улыбкой схватила меня за руку. Кассата сидел за маленьким столиком с выпивкой в руке, одновременно лапая молодую женщину, которую я никогда раньше не видел.

Но и в этот раз я ее не очень разглядел, потому что как только Кассата нас заметил, он тут же все изменил. Гости, девушка и Голубой Ад исчезли (мы находились в кабинете генерала на спутнике ЗУБов). Волосы у него коротко острижены, воротник плотно застегнут, и он сердито смотрел на нас из-за своего стального стола. Указал на два металлических стула.

— Садитесь, — приказал он.

Эсси спокойно ответила:

— Кончайте нести чепуху, Хулио. Вы хотели поговорить с нами. Отлично, давайте поговорим. Но не здесь. Здесь слишком уродливо.

Он бросил на нее взгляд, каким генерал-майор смотрит на младшего лейтенанта. Потом решил быть хорошим парнем.

— Как хотите, моя дорогая. Выбирайте сами.

Эсси фыркнула. Посмотрела на меня в нерешительности, потом убрала военный кабинет. Мы оказались в своей привычной «Истинной любви»,

в окружении диванов, бара и негромкой музыки.

— Да. — Кассата согласно кивнул, одобрительно оглядываясь. — Так гораздо лучше. У вас тут очень неплохо. Не возражаете, если я налью себе? — И он, не дожидаясь разрешения, направился к бару.

— Оставьте этот вздор, — сказала Эсси. — Выкладывайте, Хулио. Вы конфискуете корабль, верно? Почему?

— Только временное неудобство, моя дорогая. — Кассата подмигнул, наливая себе «Шивас»[22] без добавок. — Мне просто хотелось быть уверенным, что я смогу поговорить с вами.

Даже отвлечение может действовать раздражающе. Я сказал:

— Ну, так говорите.

Эсси бросила на меня быстрый предупредительный взгляд, потому что услышала мой тон. Я держал себя в руках. Но настроения для разговора с Хулио Кассатой у меня не было.

Некоторые считают, что записанные машиной никогда не бывают взвинчены или польщены, потому что мы всего лишь биты информации, организованные в программу. Это неправда. По

---

[22] Примечания: 22

Дорогое шотландское виски двенадцатилетней выдержки. — *Примеч. пер.*

крайней мере, по отношению ко мне, и особенно в такой момент. Я испытывал одновременно возбуждение и упадок духа. Прежде всего меня настроил сам прием. Слушая рассказ Сияния, я возбуждался и успокаивался. Встреча с Кларой вызвала во мне сотни противоречивых чувств. И поэтому мне совсем не нравилось разговаривать с Кассатой.

Конечно, мне всегда не нравится разговаривать с Кассатой. И не знаю того, кому бы это нравилось. Его обычные гамбиты в разговоре — приказы и оскорбления; он не говорит, он провозглашает решения. Он совсем не изменился. Сделав большой глоток шотландского, он посмотрел мне в глаза и заявил:

— Вы паразит, Броудхед.

Не очень ободряющее замечание. Эсси, готовившая мне майтай[23], дернулась и едва не пролила его. Она встревоженно посмотрела на меня. Политика Эсси заключается в том, чтобы принимать огонь на себя, когда ситуация этого требует. Она считает, что я слишком возбудим.

Но на этот раз я обманул ее ожидания. Я вежливо ответил:

---

[23] Примечания: 23

Коктейль из рома и ликера кюрасо с фруктовым соком. — *Примеч. пер.*

— Простите, если я причинил вам какие-то неудобства, Хулио. Не будете ли добры объяснить, почему вы это сказали?

Какой невероятный самоконтроль я продемонстрировал! Гораздо больше, чем заслуживает эта деревенщина. Гораздо больше, чем я проявил бы, если бы в самый последний момент не понял, что его стоит пожалеть.

Я понял, что над ним навис смертный приговор.

Мы давно знакомы с генерал-майором Хулио Кассатой. Нет смысла подсчитывать годы: арифметика подводит, когда речь идет о гигабитном времени. У нас было множество встреч, и далеко не все мне нравились.

Сам он не записанный разум. Вернее, обычно не записанный. Подобно многим другим плотским людям, которым приходится иметь с нами срочные дела, он создает двойника и посылает его разговаривать с нами. Это не совсем то же, что разговаривать лицом к лицу в реальном времени, но разница чисто психологическая. Ну, конечно, болезненно психологическая. Он вкладывает себя в записанный машиной разум и отправляется на поиски нас — того из нас, с кем хочет поговорить. Иногда это я. Он гово-

рит, выслушивает ответ, продолжает разговор в форме бестелесного существа в гигабитном пространстве, словно мы плотские люди, сидящие за столом. Нет, не совсем так. Гораздо лучше, во всяком случае, гораздо быстрее. Затем плотский Хулио вызывает своего двойника бестелесного Хулио и выслушивает его отчет.

Это достаточно просто и совсем не болезненно. И очень эффективно. Боль начинается позже.

Двойник спрашивает именно то, что спросил бы плотский Кассата, возражает там, где возразил бы он, говорит именно то, что сказал бы он. Конечно, он и не может по-другому: ведь он и есть Кассата. Это не то же самое, что отправить посла и ждать его возвращения, потому что даже лучший посол, даже считая, что он проделает работу не хуже двойника, потребует на это очень много времени. Двойник делает это за секунды, если встреча происходит на планетарных расстояниях. Конечно, если тот, с кем хочет поговорить плотский человек, на другом конце Галактики, времени потребуется больше. Прежде чем плотский человек успеет подумать, как проходит встреча, двойник уже явится и начнет докладывать.

Это все хорошо.

Потом начинается то, что нехорошо. Потому что — что вы станете делать с двойником, когда его работа кончена?

Конечно, его можно сохранить. В гигабитном пространстве достаточно места, и еще одна записанная личность ничего не меняет. Но некоторым не нравится то, что у них есть двойники. Особенно таким, как Кассата. Он военный, и у него военный мозг. Для него двойник, знающий все, что знает он сам, не просто раздражение. Это риск для безопасности. Кто-нибудь может отыскать его и допросить! Угрожать ему! (Каким образом?) Пытать его! (Как?) Поднести огонь к его ногам (если бы у него были ноги) — ну, не знаю точно, что происходит в сознании Хулио Кассаты, и слава богу, что не знаю.

Все это, конечно, очень глупо, но двойники принадлежат Кассате, а когда он думает, что какой-то воображаемый враг может узнать от них его служебные тайны, его ничто не остановит. Он сменный командующий ЗУБов, Звездного Управления Быстрого реагирования. Это означает, что он распоряжается всей оборонительной программой, созданной на случай выхода Убийц из кугельблитца. Ему необходимо проводить различные совещания и встречи на расстоянии,

он делает это ежедневно, что означает, что, если бы он оставлял своих двойников в записи, сейчас вокруг находились бы сотни и тысячи генерал-майоров Хулио Кассат.

Поэтому он их не сохраняет. Он убивает их.

Вот что должен испытывать сам Кассата. Уничтожая двойника, он чувствует себя так, словно убивает брата-близнеца.

А самое плохое в этом то, что двойник — он сам, черт побери! — знает, что произойдет.

Иногда это делает наши разговоры очень мрачными.

Вот почему я не разорвал Хулио Кассату на имитированные кровавые куски за его наглость. Он был удивлен не менее Эсси. Развернул свежую сигару, глядя на меня.

— С вами все в порядке? — требовательно спросил он.

«Все в порядке» даже близко не подходит к верному диагнозу, потому что я думал, насколько близко мой двойник подошел к Кларе и как она будет на него реагировать, но ничего подобного я Кассате не сказал. Просто ответил:

— Все будет в порядке, когда вы мне объясните, что происходит.

Я был очень вежлив, но Кассата никогда не

разделял мнения, что вежливость должна быть взаимной. Он зубами отгрыз кончик сигары и выплюнул отвратительный комок табака на пол, внимательно глядя на меня. Потом сказал:

— Вы не так уж важны, как вам кажется, Броудхед.

Я продолжал улыбаться, хотя температура начала подниматься.

— Вы считаете, что конфискация только из-за вас. Неверно. Как вы знаете, корабль хичи прибыл прямо из ядра.

Я не знал этого. Но не видел, какая разница, и так и сказал.

— Закрытый материал, Броудхед, — проворчал Кассата. — Эти Древние Предки хичи, они слишком много болтают. Их предварительно следовало допросить в ЗУБах.

— Да, — ответил я, кивая. — Это имеет смысл, потому что события полумиллионнолетней давности особенно важны для сохранения военной тайны.

— Не полмиллиона лет назад! Они знают все о нынешнем состоянии готовности ядра! К тому же тут плотские хичи и вдобавок этот парень Уолтерс, который там был и все сам видел.

Я глубоко вздохнул. Мне хотелось спросить его,

от кого он пытается сохранить эти тайны. Но это означало бы продолжение старого спора, а я уже устал от Кассаты. Поэтому я просто вежливо сказал:

— Вы говорите, что я паразит, но я не вижу, каким образом с этим связан корабль хичи.

К этому времени он уже зажег сигару. Выпустил в меня дым и ответил:

— Никаким. Это совсем другое дело. Я явился сюда из-за корабля, но хотел сказать вам, чтобы вы держались подальше.

— Подальше от чего и почему? — спросил я и почувствовал, как беспокойно заерзала Эсси. Она устала поражаться моему самообладанию и с трудом сохраняла свое.

— Потому что вы штатский, — объяснил он. — Вы вмешиваетесь в дела ЗУБов. Вы путаетесь под ногами, а дела развиваются таким образом, что мы больше не можем позволить штатским вмешиваться.

Я начинал догадываться, что его беспокоит. Улыбнулся Эсси, чтобы заверить ее, что не собираюсь убивать этого нахального генерала. И действительно не собирался — пока.

— Маневры прошли неудачно, — высказал я догадку.

Кассата подавился сигарным дымом.

— Кто вам это сказал?

Я пожал плечами.

— Это очевидно. Если бы они прошли успешно, ваши пресс-атташе были бы во всех новостях. Вы не хвастаетесь. Следовательно, вам нечем хвастаться. Таким образом, люди, от которых вы хотите сохранить тайну, это те, кто оплачивает ваши счета. Вроде меня.

— Задница! — рявкнул он. — Если вы еще что-нибудь подобное скажете, я лично займусь вами.

— А как вы собираетесь это сделать?

Он снова взял себя в руки, весь образцово военный, сплошная выправка и ограниченность.

— Для начала я отзываю ваше разрешение на полеты, выданное ЗУБами. Запрет вступает в действие немедленно, — сказал он.

Для Эсси это было слишком.

— Хулио, — выдохнула она, — вы что, спятили?

Я успокаивающе взял ее руку. И серьезно сказал:

— Хулио, у меня сейчас на уме множество дел, и среди них нет ЗУБов. По крайней мере, не в начале списка. Я не собирался в ближайшем будущем никого в ЗУБах тревожить. Пока вы не явились со своим высокомерным запретом. Теперь, конечно,

придется проверять, чем занимаются ЗУБы.

Он взревел:

— Я прикажу арестовать вас!

Я начинал наслаждаться ситуацией.

— Нет, не арестуете. Потому что у вас не хватит власти. И политического влияния. Потому что у меня Институт.

Это заставило его призадуматься. Институт Броудхеда для исследований за пределами Солнечной системы — одна из моих лучших идей. Я основал его очень-очень давно совсем по другим причинам. Говоря откровенно, я сделал это из-за налогов. Но я много вложил в него. Позволил ему заниматься чем угодно за пределами Солнечной системы и был достаточно предусмотрителен, подбирая совет директоров, так что теперь в нем люди, которые делают то, что я скажу.

Кассата оправился быстро.

— К дьяволу политическое влияние! Это приказ!

Я задумчиво улыбнулся. Потом позвал:

— Альберт!

Он возник, мигая в мою сторону поверх трубки.

— Передавай мое сообщение, — приказал я. — Начиная с этой минуты все отделы Института

должны прекратить всякое сотрудничество со Звездным Управлением Быстрого реагирования и отказывать персоналу ЗУБов в доступе к любой информации и базам данных. Укажи причину: прямой приказ Хулио Кассаты, генерал-майора, ЗУБы.

Кассата выпучил глаза.

— Минутку, Броудхед! — начал он.

Я вежливо повернулся к нему.

— У вас есть какие-то комментарии?

Он вспотел.

— Вы этого не сделаете. — Голос его звучал странно — наполовину просьба, наполовину рычание. — Мы ведь все в этом заинтересованы. Враг — это наш общий Враг.

— Ну разумеется, Хулио, — ответил я. — Я рад это слышать от вас. Мне казалось, что Враг — ваша личная собственность. Не волнуйтесь. Институт не перестанет действовать. Работа продолжится; разведывательные корабли будут собирать сведения; мы по-прежнему будем накапливать данные о Враге. Мы просто больше не будем делиться ими с ЗУБами. Начиная с этого момента. Ну что, отправлять Альберту сообщение или нет?

Генерал с ошеломленным видом стряхивал пепел с сигары.

— Не нужно, — пробормотал он.

— Простите. Я не расслышал, что вы сказали.

— Нет! — Он в отчаянии покачал головой. — Он обломает об меня палку.

Единственный «он», кого он мог иметь в виду, был плотский генерал Кассата. То есть, конечно, он сам.

— Он сказал «он», — обратился я к Эсси, когда Кассата мрачно удалился.

Она серьезно ответила:

— Это интересно, я согласна. Двойник Хулио начинает считать плотского Хулио отдельной личностью.

— Шизофрения?

— Страх, — поправила она. — Он осознал, что время его жизни ограничено. Жалкий маленький человек. — Потом сказала почтительно: — Дорогой Робин. Я понимаю, что твои мысли в другом месте…

Я не подтвердил, потому что это было бы невежливо; но и не стал отрицать, потому что это правда. Даже споря с Хулио Кассатой, я продолжал поглядывать на сцену в Центральном парке. Мой двойник наконец дошел до Клары и поздоровался, и она только начинала говорить:

— Робин! Как при…

— …но можно мне сделать предложение?

— Конечно, можно, — ответил я в замешательстве. Если бы у меня были кровеносные сосуды, от которых краснеет лицо (кстати, было бы и само лицо, которое может покраснеть), я, вероятно, вспыхнул бы. Может, я и так это сделал.

— Предложение успокоиться, — сказала она.

— Конечно, — ответил я, кивая. Я сказал бы «конечно» в ответ на любое ее предложение. — А теперь, если не возражаешь, я хотел бы…

— Я знаю, чего бы ты хотел. Но возникают проблемы в несовпадении временных шкал, верно? Так что тебе особенно торопиться некуда, дорогой Робин. Может, немного поговорим вначале?

Я сидел неподвижно. (Клара только что кончила «…ятно…», и губы ее начали складываться для произнесения «снова тебя увидеть».) К этому времени я испытывал сильное замешательство. Нелегко сказать одной женщине, что вы очень хотите поговорить с другой, когда совесть у вас нечиста. А мне всегда казалось, что у меня по отношению и к моей дорогой жене Эсси, и к давно утраченной возлюбленной Джель-Кларе Мойнлин нечиста совесть.

С другой стороны, Эсси абсолютно права. Торопиться некуда. Она с любовью и заботой смотрела

на меня.

— Трудная для тебя ситуация, дорогой Робин?

Я мог только ответить:

— Я очень люблю тебя, Эсси.

Она выглядела не любящей, а раздраженной.

— Да, конечно. — Пожала плечами. — Не меняй тему. Ты любишь меня. Я люблю тебя, мы оба в этом не сомневаемся; к настоящему обсуждению это не имеет отношения. Мы обсуждаем, что ты испытываешь по отношению к очень хорошей женщине, которую ты тоже любишь, — Джель-Кларе Мойнлин. Какие при этом возникают осложнения.

— Мы обсуждали это миллион раз! — простонал я.

— Почему бы тогда не обсудить миллион первый? Успокойся, дорогой Робин. У тебя еще пятнадцать, может быть, восемнадцать миллионов миллисекунд, прежде чем Клара кончит говорить, как ей приятно снова тебя увидеть. Так что мы вполне можем поговорить, конечно, если ты этого хочешь.

Я подумал и сдался. Сказал:

— Почему бы и нет? — И действительно, никакой причины, чтобы не поговорить, не было.

И не было причины беспокоиться. Как сказала

Эсси, мы обговаривали это много раз, однажды говорили целую ночь и закончили на следующий день. Это было очень давно — миллиарды секунд назад, и я говорил с реальной Эсси, той, что из плоти и крови. (Конечно, сам я тогда тоже был из плоти и крови.) Мы тогда недавно поженились. Сидели на веранде своего дома, прихлебывали чай со льдом, смотрели на лодки в Таппановом море, и это был по-настоящему приятный, полный любви разговор.

Очевидно, Эсси тоже вспомнила этот давний разговор плотских людей, потому что организовала такую же удобную обстановку. О, не «реально» в физическом смысле. Но что теперь значит для нас «реально»? Тем не менее я увидел парусные лодки, а вечерний ветерок с моря был приятным и теплым.

— Как хорошо, — сказал я одобрительно, чувствуя, что начинаю расслабляться. — У бестелесных баз данных есть свои преимущества.

Эсси удовлетворенно согласилась. С любовью взглянула на наш старый дом и сказала:

— В последний раз мы при этом пили чай. Хочешь сейчас чего-нибудь покрепче, Робин?

— Коньяк с имбирным элем, — сказал я, и мгновение спустя появилась наша верная старая

служанка Марчеза с подносом. Я сделал большой глоток, думая.

Думал я слишком долго для терпения Эсси. Она сказала:

— Выкладывай, дорогой Робин! Что тебя тревожит? Боишься говорить с Кларой?

— Нет! То есть… — Я подавил свое раздражение. — Нет. Дело не в этом. Мы уже разговаривали, когда она прилетела на корабле Вэна.

— Кажется, да, — уклончиво ответила Эсси.

— Нет, правда! С этим все в порядке. Мы обговорили самое плохое. Я не думаю сейчас, что она винит меня в том, что я бросил ее в дыре, если ты это имеешь в виду.

Эсси откинулась и серьезно взглянула на меня.

— То, что я имею в виду, Робин, — терпеливо сказала она, — совершенно не важно. Мы хотим выяснить, о чем ты думаешь. Дело не в противоречиях между тобой и Кларой, верно? Может, ты тревожишься, что мы с ней выцарапаем друг другу глаза? Этого не произойдет, Робин. К тому же тут возникает техническая трудность: она плоть, а я только душа.

— Нет, конечно, нет. Я тревожусь не из-за твоей встречи с Кларой.

— А из-за чьей же?

— Ну… что, если с ней встретится реальная Эсси?

Портативная Эсси некоторое время молча смотрела на меня, потом задумчиво сглотнула.

— Реальная Эсси?

— Ну, ведь это только мысль. — Я пошел на попятную.

— Я это понимаю. Хотела бы понять еще лучше. Ты спрашиваешь у меня, не появится ли реальная Эсси на Сморщенной Скале?

Я задумался. Это не совсем то, что я имел в виду. И совершенно не собирался говорить об этом… конечно, как обычно говорил мне старина Зигфрид фон Психоаналитик, то, о чем я не собираюсь говорить, обычно самое важное.

И конечно, есть здесь действительно щекотливое обстоятельство. Портативная Эсси — только двойник. По-прежнему жива и здорова настоящая, плотская Эсси.

Она к тому же человек. Конечно, ей уже много лет, но с Полной Медициной и всем остальным она по-прежнему очень красивая, сексуальная, нормальная женщина.

К тому же она моя жена (или была ею).

Жена мужа, который, выразимся так, не в состоянии предоставлять ей радости супружества.

Все это добавляется к другим моим тревогам, о которых Зигфрид (и Альберт, и портативная Эсси, и все прочие мои знакомые) говорит, что мне не стоит из-за них тревожиться. Их советы особого добра мне не приносят: по-видимому, я не могу по-другому. Но есть кое-что еще. Плотская Эсси — точный дубликат портативной Эсси, или, если сказать точнее, она оригинал того точного дубликата, каким является портативная Эсси, моя верная жена, возлюбленная, советчик, друг, доверенное лицо и такой же, как я, конструкт в гигабитном пространстве.

Так что я знаю ее очень хорошо. И что гораздо хуже, она тоже знает меня хорошо, лучше, чем я ее, потому что помимо всего того, о чем я только что упомянул, она еще мой создатель.

Поскольку в определенных кругах Эсси больше известна как доктор С. Я. Лаврова-Броудхед, один из ведущих мировых специалистов в области обработки информации, она сама написала большинство наших программ. Когда я говорю, что копия точна, я и имею в виду — *точна*. Эсси даже в себя вносит поправки, то есть реальная Эсси время от времени пересматривает портативную Эсси, чтобы та более точно ей соответствовала. Так что моя Эсси ничем не отличается от плот-

ской, или реальной, Эсси. Я таких отличий не обнаруживаю.

Но я никогда не вижусь с плотской Эсси. Не могу этого выдержать.

Назовите причину как угодно. Такт. Ревность. Глупость. Как хотите. Признаю тот жизненный факт, что никогда не вижусь с плотским оригиналом моей дорогой жены. Я не очень хорошо представляю себе, что мог бы узнать, если бы с нею увиделся. В данных обстоятельствах она либо имеет любовника, либо она не так нормальна, как я считал.

Я готов признать, что это происходит. Я даже готов согласиться, что это справедливо. Но я не хочу об этом знать.

Поэтому я сказал портативной Эсси:

— Нет. Не думаю, чтобы плотская Эсси ревновала, если бы оказалась здесь, да и Клара не стала бы. Во всяком случае, я не хочу знать, где Эсси и что она делает — даже в отрицательном смысле, — быстро добавил я, видя, что портативная Эсси открыла рот, — так что не говори мне, что она делает, даже если бы это мне и понравилось. Дело совсем не в этом.

Эсси с сомнением посмотрела на меня. Снова отхлебнула. Такой вид у нее бывает, когда она

пытается установить, какова сейчас архитектура моих мыслительных процессов.

Потом пожала плечами.

— Хорошо, примем твое утверждение, — решительно сказала она. — Не это сейчас делает тебя глупым. Так в чем же причина? Любопытство относительно Клары Мойнлин, что она делала все эти годы, почему с ней Дейн Мечников?

Я поднял голову.

— Ну, я думал…

— Не нужно думать. Все очень просто. Встретившись с тобой, Клара захотела куда-нибудь улететь. И долгое время блуждала повсюду, побывала во многих местах. Все в более далеких. Вернулась в черную дыру, из которой спаслась и спасла остальную группу, включая Мечникова.

Я сказал:

— О!

Почему-то это не удовлетворило Эсси. Она раздраженно взглянула на меня. Потом медленно сказала:

— Я думаю, ты говоришь правду, Робин. У тебя на уме не Клара. Но совершенно очевидно, что в последнее время ты расстроен. Не можешь ли сказать, в чем дело?

— Если ты не знаешь, откуда знать мне? — сер-

дито ответил я.

— Ты хочешь сказать, — вздохнула она, — что я, как автор программы, могу легче пересмотреть ее, убрать мусор, снова сделать тебя счастливым?

— Нет!

— Конечно, нет, — согласилась она. — Мы давно договорились оставить программу старого Робинетта Броудхеда в покое, вместе со всем ее мусором. Так что остается только старомодный метод избавления от него. Выговориться. Выговорись, Робин. Скажи первое, что приходит в голову, как в старину, с Зигфридом фон Аналитиком!

Я набрал полную грудь воздуха и посмотрел в лицо тому, на что очень долго избегал смотреть. И выдохнул:

— Смертность!

Несколько тысяч миллисекунд спустя я вернулся в Центральный парк, посмотрел, как Джель-Клара Мойнлин отпускает своих спутников и движется к моему двойнику.

Я не собираюсь описывать долгую беседу с Эсси после этого, потому что никакого удовольствия мне это не доставило. Разговор ни к чему не привел. И не мог привести. Мне нечего беспокоиться о смертности, потому что, как мудро заметила

Эсси, может ли беспокоиться о смерти тот, кто уже умер?

Странно, но это меня совсем не подбодрило.

Не подбодрил и вид Клары, так что, ожидая, пока Клара или мой двойник скажут что-то интересное в своем ледниково-медленном разговоре, я поискал других развлечений. Для меня было новым, что Оди Уолтерс Третий тоже на Скале, и я поискал его.

Это оказалось не лучше.

Он находился здесь, конечно, или почти находился. Будучи плотской личностью, он как раз прибывал. Выгружался. И было совсем неинтересно наблюдать, как он медленно, п-о-с-т-е-п-е-н-н-о вытаскивает себя из люка и опускается на пол причала.

Чтобы не молчать, я сказал Эсси:

— Он не изменился.

Он действительно не изменился. Все то же лягушачье лицо с доверчивыми глазами. Тот же самый, каким был тридцать или больше лет назад, когда я в последний раз видел его.

— Естественно. Он ведь был в ядре, — ответила Эсси. Она не смотрела на него. Смотрела на меня — вероятно, проверяла, не собираюсь ли я снова стать глупым. И несколько мгновений я сооб-

ражал, кого из нас она имеет в виду, когда она добавила: — Бедняга.

Я уклончиво хмыкнул. Здесь были не только мы; здесь собрались даже плотские люди, чтобы взглянуть на корабль, который побывал там, где бывали немногие. Я наблюдал за ними и за Оди. Это так же захватывает, как следить за ростом мха. И я начал нервничать. Оди меня совсем не интересовал. Интересовала меня Клара. И Эсси. И Хулио Кассата, а больше всего интересовали меня собственные тревожные внутренние беспокойства. И мне больше всего хотелось отвлечься от того, что меня тревожило. И то, что я стоял среди всех этих статуй, мне не помогало.

— Я хотел бы выслушать его рассказ, — сказал я.

— Давай, — одобрила Эсси.

— Что? Ты хочешь сказать, что мне нужно создать двойника и тот…

— Не двойника, глупый, — сказала Эсси. — Видишь? У Оди капсула. В ней, несомненно, Древний Предок. А Древний Предок — это не плоть, а записанный разум, почти такой же, как мы с тобой. Спроси у Предка.

Я с любовью посмотрел на свою любовь.

— Какая ты умница, Эсси, — ласково сказал

я. — Как ты восхитительна. — И я потянулся к капсуле. Потому что мне и на самом деле хотелось услышать, что происходило с Оди во время его отсутствия. Почти так же сильно, как хотелось узнать — узнать, чего же я на самом деле хочу.

7. Из ядра

Была важная причина, почему мне сразу захотелось услышать рассказ Оди о его полете к ядру Галактики.

Может быть, с линейной точки зрения плотского человека, это просто еще одно отступление. С линейной точки зрения, может быть. Но я не линеен. У меня процессы развиваются параллельно, в среднем за миллисекунду я проделываю десяток дел, а сейчас осуществлялась очень важная параллель.

Я уверен, Оди знал об этой параллели, когда добровольно согласился лететь на корабле хичи в ядро Галактики. Вероятно, обо всем он не подумал. Он мог лишь приблизительно представлять себе, во что ввязывается. Но вот эта параллель: что бы ни произошло, Оди считал, что это лучше, чем пытаться разобраться в собственной жизни. Жизнь Оди вся спуталась, почти как у меня, потому что у него тоже оказалось две возлюбленных.

И поэтому Оди рискнул и улетел. Прихватил с собой нашу подругу Джейни Джи-ксинг, одну из своих возлюбленных. Но это, как вы увидите, продолжалось недолго.

Оди по профессии пилот. Хороший пилот. Он водил воздушные корабли на Венере, сверхзвуковые самолеты на Земле, шаттлы к астероиду Врата, частные чартерные ракеты на планету Пегги и космические корабли по другим маршрутам Галактики. С точки зрения Оди, один корабль хичи похож на другой, и он не сомневался, что сможет летать на любом.

— Можно мне проложить курс? — спросил он у хичи Капитана, потому что с самого начала хотел создать о себе впечатление как о добросовестном работнике.

Капитан тоже хотел установить с самого начала нормальные отношения, поэтому он знаком приказал корабельному пилоту отойти, и Оди занял его место.

Сиденья хичи предназначены для тех, у кого между ног капсула. У людей капсул обычно не бывает, так что на кораблях хичи, используемых людьми, сиденья покрываются специальной сеткой. На этом, конечно, сетки не было.

Но Оди не желал начинать с жалоб. Постарался

устроиться получше. Опустил зад на V-образное сиденье, прочел показания приборов и с привычным усилием принялся поворачивать контрольное колесо. На это требовалось немало силы. Довольно давно уже Оди этого не делал: новые земные корабли устроены так, что пилоту легче управлять ими. Чтобы не молчать, он выдохнул:

— В старину много гадали об этих колесах.

— Да? — вежливо сказал Капитан. — А что с ними такое?

— Ну, почему их так трудно поворачивать?

Капитан удивленно взглянул на остальных членов экипажа, потом снова на Оди. Небрежно коснулся пальцем колеса. Оно легко повернулось.

— Неужели это трудно? — спросил он со свистом, который у хичи выражает раздражение или озабоченность.

Оди молча смотрел на тонкую легкую фигуру хичи. Потом снова занялся колесом, совместил линии, так что экран вспыхнул розовым. Как всегда, это потребовало больших усилий.

Протянув руку к вымени-стартеру, Оди подумал, что путешествие принесет с собой много сюрпризов.

Корабль слегка вздрогнул, и экран затянуло серой пленкой, которая появляется на скорости больше световой. Какое-то время больше от пилота никаких действий не требуется, но Оди не хотелось вставать: пока вы сидите на месте пилота, у вас сохраняется ощущение, что вы хоть немного контролируете происходящее… И он попытался поговорить.

— Мы всегда удивлялись этим приборам, — начал он. — Знаете почему? Потому что их пять. Некоторые большеголовые решили, что хичи верят в пятимерное пространство.

Капитан громко засвистел, и сухожилия на его плоской груди задергались. Он пытался понять. Он уже неплохо говорил по-английски, но оттенки значения иногда от него ускользали.

— «Верят», Оди Уолтерс? Но это не вопрос веры. Не требуется вера, как в концепции вашей религии.

— Ну конечно, — мрачно ответил Оди. — Но вы верите в это?

— Конечно, нет, — удивленно ответил Капитан. — У пространства нет пяти измерений.

Оди улыбнулся.

— Какое облегчение! Мне трудно было себе представить…

— Их девять, — объяснил Капитан.

Они ненадолго остановились в своем полете к ядру, потому что Капитан оставил некий корабль хичи на нестабильной орбите. Так не годится, объяснил он. За годы их пребывания в ядре машина погибнет, а хичи не любят, когда уничтожаются полезные вещи. Но Оди его не слушал.

— За годы? — спросил он. — Я думал, полет займет только несколько месяцев! Сколько лет?

— Немного, я думаю, — сказал Капитан. — Для нас это будут месяцы. Но Дом, понимаете, в черной дыре. — И поэтому, когда Капитан решил оставить одного из членов экипажа на брошенном на орбите корабле, этим членом экипажа решила быть Джейни Джи-ксинг. Она сказала, что полетит на нем на Землю, если Капитан не возражает: она ведь не собиралась улетать на годы.

Капитан не возражал. Как ни странно, не возражал и Оди. Он совсем запутался, не зная, кого на самом деле любит, и рад был тому, что несколько месяцев (или лет) об этом не нужно будет думать.

Ситуация, знакомая мне.

Для Оди, должно быть, путешествие казалось

странным и удивительным. Он неожиданно попал в корабль хичи с экипажем из хичи. Кстати, хичи тоже приходилось нелегко, но они, по крайней мере, и раньше встречали двуногих, очень толстых и волосатых, в то время как Оди никогда не делил корабль с живыми скелетами.

Но такие проблемы не уникальны для Оди и его хозяев. У нас они у всех, мы сталкивались с ними много раз, и история эта старая. Нет смысла перечислять трудности Оди с девятимерным пространством (они не хуже, чем у меня с Альбертом Эйнштейном) и с попытками понять смысл арифметики хичи. Естественно, на корабле все казалось ему странным и причудливым — «сиденья», предназначенные для капсул хичи, «кровать», представляющая собой мешок, набитый сухим шелестящим веществом, в него полагается зарываться… не стану даже упоминать туалеты.

Стало полегче, когда спустя какое-то время он стал думать о своих спутниках по полету как об отдельных «личностях», а не просто о пяти экземплярах категории «хичи».

Капитана узнать легче всего. Он самый темный, тот, у кого на черепе пушок, напоминающий волосы. Он лучше других говорит по-английски.

Белый Шум — маленькая самка, светло-золотистая, она приближается к половой зрелости, и это ее тревожит. У Дворняжки большие трудности с теми немногими английскими словами, которые он знает. У Взрыва хорошее чувство юмора; он любит обмениваться непристойными шутками — иногда даже с Оди, а Капитан выполняет роль переводчика.

Еще легче стало, когда Капитану пришла в голову хорошая идея — дать Оди капсулу хичи, разумеется модифицированную. Как объяснил Капитан Оди, одна часть капсулы ему бесполезна, если даже не опасна для его здоровья. Из-за крошечного генератора микроволнового излучения. Народ хичи вырос на приятной планете, звезда которой располагалась вблизи большого и активного газового облака; излучение Бремсстралунга на микроволновых частотах заливало планету с добиологических времен, и хичи привыкли переносить его; больше того, они нуждались в нем, как человек нуждается в солнце. Так что когда они устремились в места, куда радиация не могла идти за ними, они прихватывали с собой источник микроизлучения.

Немного позже в своей истории они научились сохранять сущность мертвых хичи и нашли еще

одно использование для своих капсул. В каждой капсуле находилась запись одного из Древних Предков.

Оди дали собственного Древнего Предка.

К удивлению Оди, Предок оказался совсем не древним. Это была женщина, умершая несколько недель назад. Возлюбленная самого Капитана. Звали ее Дважды.

Это был последний шаг на пути ассимиляции Оди и признания хичи «людьми».

Какая маленькая у нас вселенная, верно?

Оди привыкал к Капитану, а Капитан к Оди — настолько, чтобы начать обсуждение вопроса, сильно его занимавшего. Он получил такую возможность, когда Оди спросил о Враге.

В конце концов, это главная проблема, которую вселенная поставила и перед хичи, и перед людьми. Враг. Убийцы. Те самые приносящие смерть создания, само существование которых заставило хичи собраться и сбежать в безопасное убежище в галактическом ядре.

Оди заставлял Капитана снова и снова рассказывать эту историю, часто с участием других членов экипажа; но ему по-прежнему нелегко было понять ее до конца.

— Я понял все об экспедиции Касательной, —

сказал он, — и о том, что вы встретили немало признаков уничтоженных цивилизаций, но как это увязать с идеей сжимающейся вселенной?

Хичи переглянулись.

— Я думаю, все началось с величины замедления, — сказал Башмак.

Мышцы Капитана согласно заизвивались.

— Да, величина замедления. Конечно, вначале это был всего лишь вопрос теоретической астрофизики.

— Я понял бы лучше, если бы знал, что такое величина замедления, — простонал Оди.

— Ее можно также назвать аномальным тормозящим эффектом, — сказала Белый Шум.

Капитан согласно дернул своими узловатыми мышцами. Он продолжал:

— Это означает только, что, по наблюдениям астрономов, вселенная расширяется медленнее — на порядок, — чем должна была бы. Что-то замедляет ее расширение.

— И вы считаете, что это делает Враг?

Капитан серьезно ответил:

— В сочетании с другими данными и после того, как были отметены все другие возможности, стало очевидно, что здесь может быть только сознательное вмешательство в космических

масштабах. А других объяснений просто нет.

— Я понимаю, это может обескуражить, — сказал Оди.

— Обескуражить? — прохрипел Капитан. — Это меняет все. — Он задумчиво посмотрел на Оди своими розовыми глазами с черным зрачком посредине. Потом быстро оглянулся на других хичи, произвел фыркающий звук, который у хичи аналогичен откашливанию, что означает переход к серьезной теме. — Еще не поздно, — заявил Капитан.

Оди помигал.

— Не поздно — что?

— Не поздно твоему народу присоединиться к нам в ядре, — отчетливо сказал Капитан. Он говорил медленно, чтобы быть уверенным, что Оди понял. — Человечеству в ядре было бы очень удобно.

— Но кажется, там немного тесновато, — ответил Оди, стараясь перевести разговор на более легкий тон.

— Тесновато? Почему тесновато? — переспросил Капитан, дергая мышцами щеки — эквивалент нахмуривания. — Мы очень тщательно картографировали Галактику и, когда уходили, прихватили с собой лучшие планеты. Снаружи

таких удобных для вас — и для нас — планет осталось немного.

Оди увидел возможность чуточку прихвастнуть достижениями человечества.

— О, но мы делаем их удобными, — гордо провозгласил он. — Мы, например, обнаружили и исследовали целых шесть планет, которые вполне пригодны для человека, если не считать слишком низкой температуры. Это мы можем поправить. Мы насыщаем атмосферы этих планет хлорфлуорокарбонами. Они улавливают тепло — как двуокись углерода, — что вызывает тепличный эффект, который, в свою очередь, сможет…

— Я понимаю, как действует двуокись углерода, — скрипнул Капитан. — Я также знаю все о хлорфлуорокарбонах. Действительно, эти составляющие, будучи помещенными в атмосферу, могут находиться в ней сотни лет. Я согласен, что в некоторых случаях это на несколько градусов поднимет среднюю температуру планеты.

— Ну, на этих планетах нам и нужно только несколько градусов, — рассудительно сказал Оди. — А еще Венера. Она слишком жаркая. Но вскоре мы, вероятно, рассеем в ее верхней атмосфере отражающие частицы. Это сократит

излучение и сделает Венеру пригодной для обитания. То же самое мы можем сделать и на других планетах — две или три подходящие уже найдены. Мы можем поместить жизнь на планеты, где она не существовала, чтобы создать эффект Геи. Если понадобится, мы передвинем планеты на лучшие орбиты…

Капитан начинал нервничать.

— Но мы все это уже сделали в ядре, — убеждал он. — Знаешь ли ты, сколько у нас там пригодных к обитанию планет? Более восьмисот пятидесяти, и на большинстве нет даже исследовательских отрядов. Как видишь, мы планировали долгое пребывание.

— Да, — безучастно сказал Оди, — вижу.

Капитан еле слышно засвистел в изумлении. Он чувствовал что-то непонятное в тоне Оди, но не мог определить, что это. Снова фыркнул и продолжал:

— Вы можете присоединиться к нам! Некоторые планеты лучше других, конечно, и я уверен, что вам предоставят самые хорошие. Все человечество поместится на одну из них. Если понадобится, на две или три, — поправился он, подумав.

— И что там делать? — спросил Оди.

Капитан замигал.

— Как что? Ждать, конечно, — ответил он. — Вероятно, там мы в безопасности, Оди Уолтерс. Особенно если немедленно прекратим все передачи и начнем перемещать людей и энергоиспользующее оборудование в ядро как можно быстрее.

— Энергоиспользующее оборудование?

— Которое излучает энергию. Оно способно выдать наше присутствие, — объяснил Капитан.

— Ага, — сказал Оди, заметив промах. — Но вы ведь сами поставили автоматические сенсоры, — указал он. — Почему Враг не сделал то же самое?

— Может, и сделал, — мрачно ответил Капитан. — Я не сказал, что мы обязательно будем в безопасности. Я сказал только, что это возможно. И если Убийцы нас не заметят, мы сможем оставаться в ядре миллионы и миллиарды лет, если понадобится, и ждать.

— Но чего ждать, Капитан?

— Как чего? Ждать, пока не возникнет новая раса, которая сможет бросить Врагу вызов!

Оди внимательно и с удивлением разглядывал хичи. Совершенно очевидно, что между ними не только языковые трудности.

— Такая раса уже возникла, — мягко сказал он. — Мы.

* * *

Некоторое время Оди беспокоился, что обидел Капитана. Ведь он, в конце концов, весь народ хичи обвинил в трусости. Но Оди не знал, что Капитан воспринял это как комплимент.

Больше всего, представляя себе путешествие Оди, я завидую ему в той части, когда происходило проникновение в саму черную дыру. Оди оно не понравилось. Да и никому не понравилось бы: слишком страшно.

Когда корабль приблизился к сверкающей, кипящей, яростно излучающей печи, в которую втягивались газы — это первое приближение к убежищу хичи, — Капитан приказал всем привязаться ремнями к гамакам. Белый Шум пустила энергию в спираль, которую хичи называют «нарушителем порядка». Спираль ослепительно ярко вспыхнула. Температура начала подниматься. Корабль задрожал.

Капитан к этому времени научился понимать человеческий язык телодвижений, как Оди — жесты хичи, и не упустил бледность Оди.

— Ты, кажется, испугался, — заметил он.

По понятиям хичи, это нельзя считать невежливым замечанием. Оди не обиделся.

— Да, — ответил он, глядя на поражающую взгляд поверхность потока всасываемых газов. — Я ужасно, ужасно боюсь входить в черную дыру.

— Это интересно, — задумчиво заметил Капитан. — Мы проделывали это много раз, и никакой опасности для корабля нет. Скажи мне, чего ты боишься больше: проникновения или Врага?

Оди задумался. Эти два типа страха совсем не одинаковы.

— Вероятно, Врага, — медленно сказал он.

Мышцы щек Капитана одобрительно дернулись.

— Это разумно, — согласился он. — Это мудро. А теперь мы входим.

Бриллиантовый штопор взорвался потоками звезд; тысячи их обрушились на Оди и на всех остальных на борту, но экипаж не сгорел. Вообще ничего не произошло. Корабль словно погрузился в звезды и благополучно вышел по ту сторону. Толчки бросали Оди на ремни безопасности; защитный кокон построен с расчетом массы хичи, а не гораздо более массивного человеческого тела, и потому угрожающе поскрипывал.

Процесс продолжался долго. Оди не в состоянии был оценить его продолжительность. По крайней мере, много минут; может, час или даже больше.

И толчки не становились слабее. Оди слышал реплики хичи, приказы и смутно удивлялся, как они еще в состоянии действовать, когда все внутренности спутались… и гадал, есть ли у хичи внутренности… и думал, что ему предстоит умереть…

И вдруг, без всякого предупреждения, все кончилось.

Хичи начали отстегивать ремни. Капитан с любопытством взглянул на Оди и сказал:

— Хочешь взглянуть на наше ядро? — Он махнул костлявой рукой в сторону экрана… ядро было на нем.

Экран был залит ослепительно-ярким светом.

Ядро хичи плотно упаковано солнцами — их больше, чем в радиусе тысячи световых лет от Земли, и все они втиснуты в пространство диаметром всего в двадцать световых лет. Здесь есть золотые звезды и тускло-алые, есть ослепительно-белые. Вся радуга звезд диаграммы Герцшпрунга — Рассела освещает по ночам небо планет в ядре. Там слово «ночь» превращается в экзотическую абстракцию, потому что в ядре нет мест, где становилось бы темно.

Хотел бы я увидеть это.

Я мало чему завидую, но, услышав, что пови-

дал Оди Уолтерс, я ему позавидовал. Плотное нагромождение звезд, плотнее, чем в любом скоплении. Ну, оно должно быть очень плотным, верно? Иначе любое шаровое скопление превращалось бы в черную дыру. И созвездия, подобные рождественской елке! Я имею в виду цвета. Даже с Земли звезды имеют разный цвет, все это знают, но вряд ли кто-нибудь видел эти естественные цвета. Звезды так далеки и так слабы, что цвета теряются, и по большей части мы видим размытые белые пятнышки. Но в ядре…

В ядре красное — это рубин, зеленое — изумруд, голубое — сапфир, желтое — сверкающее золото, а белое, клянусь богом, ослепляет. И нет градации от звезд первой величины до почти полной невидимости. Яркие звезды гораздо ярче первой величины. И нет звезд на пороге видимости, потому что вообще нет далеких звезд.

Я завидую тому, что увидел Оди…

Но на самом деле он видел только экран на корабле хичи. Он так и не ступил на поверхность планеты хичи. У него на это не было времени.

Время, проведенное Оди в ядре, примерно равно продолжительности нормального ночного сна. Разумеется, он не спал. На это у него не было времени. У него едва хватало времени, чтобы

дышать, потому что слишком многое нужно было сделать.

Если бы не Древние Предки, все совершалось бы так медленно, что не важно, добрался бы Оди до ядра или нет. Но сообщение Капитана было получено — совсем недавно, по стандартам хичи. Их связь действует в машинном времени, и Древние Предки тоже.

Имея всего несколько минут, хичи могли только блеять и трястись, но они приходят в себя быстро. Именно для такой ситуации у них всегда стояла наготове флотилия с полными экипажами. И она немедленно вылетела. И за те четыре часа, что Оди провел в ядре, он видел старт шести больших кораблей хичи с торопливо собравшимися экипажами из механиков, историков, наблюдателей кушеток для сновидений и дипломатов — во всяком случае, у хичи они служили аналогом дипломатов. (Хичи никогда не заботились о взаимоотношениях с иностранными государствами, поскольку им так и не удалось обнаружить иностранные государства, с которыми можно было бы установить взаимоотношения.)

Эти первые группы специалистов хичи в готовности ожидали именно такого вызова.

Вероятно, ни один из них не думал, что именно

ему придется вылететь. «Не в мою смену!» — мог молиться каждый из них, если хичи молятся или, во всяком случае, обращаются к совокупности сознаний предков. Эти экипажи находились в готовности уже давно — сотни тысяч лет по галактическому времени. Даже по часам в самом ядре прошли десятилетия.

Ни один экипаж не дежурил так подолгу. Они менялись — продолжительность вахты в местном времени составляла от восьми до девяти месяцев. Затем возвращались домой к обычной жизни и привычкам. Как национальная гвардия в старину в Соединенных Штатах. И, подобно гвардейцам, испытали немалое удивление, когда тревога оказалась настоящей и нужно было действовать немедленно.

Половина хичи были семейными. Им позволено было прихватить с собой свою пару и потомство, как в мирное время американские солдаты переезжали вместе с женами и детьми. Но сходство здесь кончается. Солдаты, когда начинались военные действия, обычно успевали отослать семьи. Хичи этого не делали. Они жили в кораблях и вылетали в них, так что в экипажах первых шести кораблей были и беременные, и малыши, и немало детей хичи школьного возрас-

та. Большинство из них пришли в ужас. Мало кто хотел принимать участие в этой загадочной экскурсии в неизвестное… но это в основном было справедливо и по отношению ко всем экипажам.

Ничего этого Оди не видел собственными глазами, только на коммуникационных экранах корабля Капитана. Он прибыл в этом корабле и в нем остался.

К началу пятого часа его пребывания в ядре к ним присоединился другой корабль хичи.

Два корабля состыковались. Второй был гораздо больше. В нем находилось почти тридцать членов экипажа, и все они, как только предоставилась возможность, прошли в соединенные шлюзы, чтобы своими глазами взглянуть на странное животное — «человека».

Прежде всего трое новых хичи осторожно и мягко отобрали у него капсулу. И он сразу лишился успокаивающего присутствия Дважды. Оди понимал необходимость этого: никто из новых хичи не говорил по-английски, да к тому же от нее они могли получить всю ту информацию, что она тщательно извлекала из него неделями, гораздо быстрее, чем от него самого. Это объяснение не делало ощущение потери менее острым.

Во-вторых, знакомые хичи тут же растворились

в непрерывном потоке новых; новые толпами окружили каждого хичи с корабля, говоря и жестикулируя и, да, издавая запахи. Типичный для хичи слабый запах аммиака стал подавляющим, когда их так много набилось в корабль. Оди, привыкнув, почти забыл о существовании этого запаха; к тому же производившие его хичи были друзьями. А новые — незнакомцами.

В-третьих, с полдесятка новых хичи собрались вокруг него, они щебетали и скрипели так быстро, что он не мог разобрать ни слова. Наконец он понял, что они просят его стоять неподвижно. Он, насколько мог, извивался предплечьями — эквивалент пожатия плечами, в то же время думая, зачем ему быть неподвижным.

Оказалось, его ждет полный физический осмотр. Через мгновение он лишился одежды, и они начали заглядывать, подсматривать, проникать. Брали микрообразцы из ушей, ноздрей и ануса, выделений из глаз. Срезали незаметные кусочки кожи, волос, ногтей. Никакой боли он не испытывал, но все это было чертовски унизительно.

И к тому же Оди знал, что на Земле проходит очень много времени. Часы здесь, в ядре, идут медленно, а снаружи, в Галактике, непрерывно

отсчитывают дни и месяцы.

Последнее — или почти последнее, — что с ним случилось, оказалось самым загадочным.

Закончив самый тщательный осмотр, какому когда-либо подвергался человек за такое короткое время, они позволили ему одеться. Потом низкорослая светлокожая самка хичи успокоительно коснулась его плеча. Говоря медленно и тщательно, словно с кошкой, она сказала:

— Мы пообщались с твоим Древним Предком. Можешь получить его назад.

— Спасибо, — обрадовался Оди и выхватил у нее капсулу.

— Дважды скажет, что ты должен делать дальше. — Самка хичи улыбнулась — у нее задергались мышцы щек, конечно, что у хичи является аналогом улыбки.

— Да уж, — горько сказал Оди, пристегивая капсулу и наклоняясь к ней.

Дважды говорила возбужденно. Из нее извлекли всю информацию, и для нее это было тяжелое испытание; затем ее снабдили инструкциями — это тоже было нелегко.

— Ты должен произнести речь, — сразу объявила она. — Не пытайся говорить на нашем языке: ты еще им не владеешь достаточно…

— Но почему? — удивился Оди. Он считал, что сейчас у него уже очень хороший акцент — для человека.

— Ты знаешь только язык Дела, но не язык Чувств, — объяснила Дважды. — Поэтому говори по-английски; я переведу для аудитории.

Оди нахмурился.

— Для какой аудитории?

— Ну, для всех хичи, конечно. Ты должен сказать им собственными словами, что люди согласны помочь в решении проблемы Врага.

— О дьявольщина! — взорвался Оди, проклиная свою унизительную позу: он согнулся вдвое; проклиная и Врага, и — прежде всего — глупый порыв, который заставил его добровольно улететь. — Терпеть не могу говорить речи! Да и что я могу сказать им такого, чего они еще не знают?

— Ничего, конечно, — согласилась Дважды. — Но они хотят услышать тебя.

И вот примерно за следующие десять минут (а снаружи тем временем пролетели месяцы) Оди приготовил свою речь.

По-своему это было облегчение, потому что все хичи отошли от него, расчистив место; он видел, как некоторые нацелили на него предметы, и решил, что это какие-то камеры. С другой стороны,

это было худшее время, потому что он сообразил, что хичи всегда все понимают буквально, и когда Дважды сказала «все хичи», она, несомненно, имела в виду всех хичи. Миллиарды хичи! Все с ужасом зачарованно смотрят на этого пугающего чужака и делают решающее заключение о его роде!

Все действительно смотрели на него. Все они. Все миллиарды и миллиарды в ядре. Дети в школах и детских садах, рабочие, прекратившие работу, старики, молодежь — мертвые тоже, все сознания Древних Предков не могли пропустить такое происшествие. На покрытых куполами планетах, в поселках в космосе, на кораблях, летящих к барьеру Шварцшильда… все смотрели на него.

Оди испытал невероятный страх публичного выступления.

И все же он произнес речь. Он сказал:

— Я… хм… я… — Потом перевел дыхание и начал снова: — Я… хм… вот что… Я всего лишь один человек и не могу говорить обо всех. Но я знаю, каковы люди… человечество, хочу я сказать. И мы не собираемся убегать и прятаться, как вы, парни. Конечно, я не хочу вас обидеть. Я знаю, вы в этом не виноваты…

Он пожал плечами и покачал головой.

— Простите, если все-таки я задеваю ваши чувства, — сказал он, забыв о камерах, забыв о миллиардах и миллиардах слушателей. — Я только вот что хочу сказать. Понимаете, мы привыкли к борьбе. Мы расцветаем в борьбе. Мы быстро схватываем — посмотрите, мы уже научились всему, что умеете вы, и даже лучше. Может, мы не справимся с Врагом, но собираемся попробовать. Не хочу сказать, что я что-то обещаю — не имею права ничего обещать, я говорю только от своего имени. Но я хочу сказать, что знаю это. Вот и все, — закончил он, — и спасибо за внимание.

Он стоял, упрямо улыбаясь в тишине, пока хичи с камерами не принялись неохотно убирать их.

Послышался гул голосов; Оди не мог понять, что говорят, потому что никто не обращался к нему. Но тут самка, которая вернула ему Дважды, наклонилась на мгновение к своей капсуле и подошла к нему. Она сказала:

— Вот что я должна сказать тебе, Оди Уолтерс Третий. Я посоветовалась с Древними Предками о переводе. Они подтвердили его правильность, поэтому я скажу по-английски.

Она перевела дыхание, пошевелила тонкими, как лезвия, губами, готовясь, и потом, тряся запястьями, сказала:

— Храбрость — это не мудрость.

Мудрость — это соответствующее поведение.

Храбрость иногда равносильна самоубийству.

Вот что велели мне сказать Древние Предки и что хотела сказать я сама.

Оди немного подождал, но продолжения не последовало. Тогда он ответил:

— Спасибо. А теперь, если разрешите, я должен пройти в ванную.

Оди не торопился. Мало того, что к нему заглядывали во все отверстия. У него переполнился мочевой пузырь, но больше всего ему хотелось побыть одному. Он снял капсулу и оставил ее за дверью, потому что не хотел даже присутствия Дважды.

Заполняя мочой тюльпанообразный приемник в туалете, моя потом руки, глядя на свое отражение во вращающемся зеркале, он думал. В голове его все время звучал какой-то ритм. Ему потребовалось десять секунд, чтобы зайти внутрь и закрыть за собой дверь — снаружи тем временем прошло почти полмиллиона секунд — в соотношении примерно сорок тысяч к одному. Пять секунд на то, чтобы расстегнуть ширинку. Примерно минута на то, чтобы помочиться. Еще две минуты на мытье рук и разглядывание лица

в зеркале.

Он пытался подсчитать: сколько это всего времени? Сумма ускользала от него. Несколько недель он пытался привыкнуть к арифметике хичи и так и не смог. Но все же он сообразил, что снаружи прошло восемь-девять месяцев, пока он просто пописал.

Странно было ему думать, что, пока он облегчал мочевой пузырь, во внешнем мире мог быть зачат и рожден ребенок.

Оди открыл дверь и провозгласил:

— Я хочу домой.

Капитан пробился к нему сквозь толпу.

— Да, Оди? — спросил он, отрицательно покачивая запястьями; в данном случае это означало, что он не понимает, но Оди принял это за отказ.

— Нет, я серьезно, — твердо сказал Оди. — Я хочу вернуться, прежде чем все мои знакомые переселятся в дома для престарелых.

— Да, Оди? — снова сказал Капитан. Потом задумался. — О, понимаю, — сказал он. — Ты думаешь, мы хотим, чтобы ты остался здесь надолго. В этом нет необходимости. Тебя видели. Информация распространилась. Вскоре придут другие люди, они смогут задержаться подольше.

— Значит, я могу улететь? — спросил Оди.

— Конечно, можешь. Корабль готов к отлету. Даже целая флотилия, с припасами, персоналом и Древними Предками. Они вот-вот улетят наружу. Можешь лететь с ними. К тому времени, как они преодолеют эргосферу, в наружной Галактике пройдет… — он склонил голову, совещаясь со своим Древним Предком, — в терминах обращения вашей планеты вокруг центральной звезды сорок четыре с половиной года.

8. В Центральном парке

Пока я находился в разных местах, занимался разными делами — слушал историю Оди, нервничал из-за генерала Хулио Кассаты, бродил, встречался, — вот что все это время медленно происходило между Кларой и мной.

Я подошел к Джель-Кларе Мойнлин с широкой довольной улыбкой на своем (двойника) лице.

— Привет, Клара, — сказал я.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Робин! Как приятно снова тебя увидеть! — отделилась от мужчин, с которыми была, и подошла ко мне. И когда наклонилась, чтобы поцеловать меня, я вынужден был отстраниться. Есть и недостатки в положении записанной личности, когда плотская личность упрямо пытается продемон-

стрировать свою привязанность. Плотские люди могут нас любить. Но целовать не могут.

— Прости, — начал я, но у нее на лице появилось выражение сожаления, и она сказала:

— О дьявол, я забыла. Мы ведь не можем это сделать. Но ты отлично выглядишь, Робин.

Я ответил:

— Я выгляжу так, как хочу. Я умер, знаешь ли.

Ей потребовалась целая минута, чтобы улыбнуться в ответ на мою улыбку, но она с этим справилась.

— Тогда у тебя хороший вкус. Надеюсь, я буду такой же, когда подойдет мое время. — А из-за ее спины появился Дейн Мечников.

Он сказал:

— Здравствуй, Робин.

Сказал нейтрально. Не сердито и не возбужденно. Выглядел он так, как всегда выглядел Дейн Мечников, — не очень заинтересованно; вернее, заинтересованно в такой степени, в какой данный человек может помочь осуществлению планов самого Дейна Мечникова.

Я ответил:

— Жаль, что мы не можем пожать руки друг другу. — «Жаль», по-видимому, мое излюбленное слово, поэтому я снова им воспользовался. —

Жаль, что ты застрял в черной дыре. Я рад, что ты выбрался из нее. — И чтобы прояснить отношения, потому что Дейн Мечников всегда предпочитал ясные отношения, он ответил:

— Я не выбрался. Нас вытащила Клара.

И только тут я вспомнил, что Альберт говорил мне: Мечников советуется с адвокатами.

Вы должны помнить, что я на самом деле ничего этого не говорил. Говорил мой двойник.

Для того чтобы говорить через двойника, есть два способа. Первый: создать двойника и предоставить ему самому вести разговор — он сделает это не хуже вас. Второй — если вы нервничаете, ерзаете, вам не терпится услышать, что происходит. Именно в таком состоянии я находился. В таком случае вы суфлируете своему двойнику. Это означает, что я передаю текст двойнику за миллисекунды, а он озвучивает в темпе плотских людей. Поняли? Словно солируешь, а группа не знает слов, и кто-то должен ей их подсказывать:

В пещере, в каньоне…

В ПЕЩЕРЕ, В КАНЬОНЕ…

В глубокой шахте…

В ГЛУБОКОЙ ШАХТЕ…

Жил шахтер, старый минер… —

и так далее, только я не дирижировал толпой пьяниц у пианино, а передавал фразы своему двойнику.

И между фразами у меня оставалось много времени, чтобы думать и наблюдать.

Наблюдал я главным образом за Кларой, но уделял внимание и двоим мужчинам с нею.

Хотя двигались они медленнее улиток, я заметил, что Мечников протянул руку для пожатия. Это хороший знак. Значит, он не винит меня в том, что я оставил его вместе с Кларой и остальными в черной дыре… если бы не тот факт, что он обратился к адвокатам.

Второй мужчина, стоявший с Кларой, был мне совершенно незнаком. Взглянув на него, я не очень обрадовался увиденному. Сукин сын слишком хорошо выглядел. Высокий. С бронзовой кожей, улыбающийся, без намека на животик. Он в это время снова привычно клал руку на плечо Клары, пока она разговаривала со мной.

Я объяснил себе, что это не имеет значения. Клара держалась за руки и с Дейном Мечниковым, а почему бы и нет? Они старые друзья — к несчастью, чуть больше, чем просто друзья. Но это только естественно. Второй парень положил

руку ей на плечо? Ну, это ничего, в сущности, не означает. Всего лишь дружеский жест. Он может быть родственником, или, не знаю, психоаналитиком, или еще кем-то. Помогает ей преодолеть шок от новой встречи со мной.

Взгляд в лицо Кларе не прояснил этого вопроса, хотя я смотрел на нее с удовольствием и вспоминал все другие случаи, когда с любовью смотрел ей в лицо.

Она не изменилась. По-прежнему выглядела как моя вечная и глубоко любимая единственная (или, во всяком случае, одна из очень немногих) Истинная Любовь. Эта Джель-Клара Мойнлин неотличима от Клары, которую я оставил в пространстве вблизи кугельблитца непосредственно перед своей смертью, а та, в свою очередь, ни на волос не отличалась от Клары, которую я оставил в черной дыре десятилетия назад.

И внешность ее объясняется не просто Полной Медициной. Примером того, что может Полная Медицина, служит плотская Эсси. Выглядит она удивительно молодо и восхитительно. Но хотя с плотью могут проделывать невероятные вещи, часы все равно не останавливаются. Они все равно понемногу уходят. К тому же плотские люди, когда им обновляют органы, одновременно чуть

улучшают свою внешность — чуть более дерзкий нос, естественные (естественные!) завитки волос; даже Эсси это делает время от времени.

А Клара нет. Черные брови по-прежнему чуть густоваты, фигура плотнее, чем следует (насколько я помню, она всегда сожалела об этом). Она не поддерживает свою молодость. Она осталась молодой, и есть только один способ сделать это.

Она снова побывала в черной дыре. Добровольно вернулась туда, где я покинул ее, где время ползет медленно, где все мои десятилетия для нее были только неделями или месяцами.

Я не мог отвести от нее взгляда. Хотя прошло больше полстолетия с тех пор, как мы с Кларой были любовниками, мне никакого труда не составляло снова увидеть и ощутить это — естественно, только в памяти; я не сделал ничего грубого — текстуру кожи Клары, ямочки внизу ее спины, ее прикосновение и вкус. Странное ощущение. Я на самом деле не жаждал ее тела. Не собирался сорвать с нее одежду и свалить на пол прямо в Центральном парке, под цветущим вишневым деревом, на глазах у Мечникова и того другого парня. Ничего подобного. Я на самом деле не хотел заниматься с нею любовью, по крайней мере не срочно и не физически. И причина совсем

не в том, что это физически (конечно) невозможно. Невозможность никак не сказывается на сексуальных желаниях.

Дело вот в чем: хотел или не хотел я что-либо делать с Кларой, я решительно не хотел, чтобы это делали с нею Мечников и тот другой парень.

Я знаю, как это называется. Называется это «ревность», и вынужден признать, что в свое время у меня ее было с избытком.

Дейн Мечников тем временем умудрился закончить предложение.

— На мой взгляд, ты выглядишь по-другому, — сказал он.

Он не улыбался. Это ничего не значит, потому что даже в старину, на Вратах, Мечников никогда не был улыбчивым типом. И конечно, я для него выгляжу по-другому, потому что он не видел меня гораздо дольше Клары — с тех самых времен на Вратах.

Я понимал, что настало время заняться вопросом об адвокатах, поэтому сделал то, что всегда делаю, когда нуждаюсь в совете и информации. Я крикнул:

— Альберт!

Конечно, я не произнес это «вслух» — то есть та-

ким образом, чтобы Клара и двое мужчин смогли услышать. И когда он появился, им он виден был не лучше, чем я сам, — но реальный, не двойник.

Это хорошо. Альберт явно в игривом настроении.

Выглядел он забавно. В облегающем изношенном свитере, который можно натягивать на голову, как тюрбан. И со своей внешностью он обошелся свободно. Глаза у него сузились и как будто обведены темной краской. Лицо стало более смуглым. Волосы совершенно черные.

— Слушаю и повинуюсь, о господин, — пропел он. — Зачем ты призвал своего джинна из его прекрасной уютной бутылки?

С такой верной информационной программой, как Альберт Эйнштейн, вам не нужен придворный шут.

— Шут, — сказал я. — Попрошу Эсси перепрограммировать тебя, если ты не прекратишь. В чем причина всей этой комедии?

— О господин, — ответил он, склоняя голову, — твой скромный посыльный боится, что благородный гнев твоей особы обрушится на него, когда ты услышишь дурные новости.

Я сказал:

— Дерьмо. — Но вынужден признать, что он

меня рассмешил, а это единственный способ сделать дурные новости легче переносимыми. — Ну хорошо, — сказал я, кивая, чтобы показать, что знаю, какими будут эти дурные новости. — Расскажи мне о Мечникове. Он был в черной дыре и теперь вернулся. Я уже сообразил, что он собирается потребовать часть моей премии за полет к этой дыре.

Альберт с любопытством взглянул на меня. Потом сказал, стягивая свитер с головы:

— Верно, Робин. И дело не только в нем. Клара вернулась к черной дыре вместе с Харбином Эскладаром…

— Подожди! С кем?

— Вот это Харбин Эскладар, — сказал он, указывая на второго мужчину. — Вы сказали мне, что слышали о нем.

— Альберт. — Я вздохнул, разбираясь с предположениями и недоразумениями, чтобы получить новую картину. — Ты должен уже знать, что когда я говорю тебе, что знаю все, я лгу.

Он серьезно смотрел на меня.

— Этого я и опасался, — сказал он. — Боюсь, что это и есть дурная новость.

Он помолчал, как будто не решался продолжать, поэтому я поторопил его.

— Ты сказал, что они вдвоем отправились к черной дыре, где я их всех оставил.

Он покачал головой.

— О Робин, — вздохнул он, но, слава богу, не стал снова говорить со мной о чувстве вины. Просто сказал: — Да, верно. Они с Кларой вместе спасли остальных, весь экипаж: двоих Дэнни, Сузи Эрейру, девушек из Сьерра-Леоне…

— Я знаю, кто участвовал в полете, — прервал я. — Боже мой! Они все вернулись!

— Да, вернулись, Робин. — Он кивнул. — И все в некотором смысле рассчитывают на свою долю награды. Вот зачем Дейн Мечников обращался к адвокатам. А теперь, — сказал он задумчиво, сунув руку в карман и доставая трубку — незаметно внешность его стала обычной, волосы — снова седыми и растрепанными, — тут, конечно, возникает несколько необычных этических и юридических проблем. Как вы помните по предыдущим процессам, есть принцип, который юристы именуют «теленок следует за коровой». Что означает: все ваши последующие накопления и приобретения можно в известном смысле рассматривать как следствия первоначальной научной премии за этот полет. Если бы они вернулись вместе с вами, они бы все, конечно,

разделили эту премию.

— Итак, я должен отдать им деньги?

— «Должен» слишком сильно сказано, но такова главная мысль, Робин. Как вы поступили с Кларой, когда она появилась в первый раз? Вы тогда передали ей сто миллионов долларов за отказ от своих прав. Так как я предвидел, что подобная проблема возникнет, я взял на себя смелость связать вашу юридическую программу с юристами мистера Мечникова. Такая сумма кажется приемлемой. Я думаю, что с каждым вернувшимся придется заключить аналогичное соглашение. Конечно, они потребуют большего. Но не думаю, чтобы им удалось этого добиться; можно применить также закон о давности сроков, естественно.

— О, — сказал я облегченно. Я никогда точно не знал, насколько богат. Знал, что у меня несколько десятков миллиардов, так что одним миллиардом больше или меньше, особой разницы не составляет. — Я думал, ты мне расскажешь действительно дурные новости.

Он закурил трубку.

— Дурные новости я вам еще не сообщил, Робин, — сказал он.

Я посмотрел на него. Он попыхивал трубкой и

глядел на меня сквозь дым.

— Так сообщи, черт возьми!

Он сказал:

— Этот другой мужчина, Харбин Эскладар.

— А что с ним, черт тебя побери?

— Клара встретилась с ним, после того как покинула «Истинную любовь». Он тоже пилот. Они вдвоем решили вернуться в черную дыру. Так что Клара наняла корабль Хуана Генриетты Сантос-Шмитца, который способен совершить такой полет. И прежде чем они улетели… гм… дело в том, Робин, что Клара и Эскладар поженились.

Существуют сюрпризы, услышав о которых вы тут же понимаете, что были к ним готовы. Это приходит словно ниоткуда.

— Спасибо, Альберт, — опустошенно сказал я, отпуская его. Он вздыхал, уходя, но все же ушел. У меня не хватило решимости продолжать разговор с Кларой. Я сообщил двойнику, что сказать ей, Мечникову и даже Харбину Эскладару. Но не стал ждать, пока это произойдет. Вернулся в гигабитное пространство и закутался в него.

Я знаю, Альберт считает, что я слишком много времени провожу в размышлениях. Не стану отрицать этого. Это не означает, что я с ним согласен. Нет, не согласен. Я, конечно, не так умен,

как он считает, но и не настолько причудлив. Я, в сущности, всего лишь человек. Реально я запись человеческого существа, но когда меня записывали, записали все человеческое во мне, и я по-прежнему испытываю те же чувства, что испытывал во плоти. И хорошие, и плохие.

Я понимаю, что важно. Не хуже Альберта я знаю, что Враг страшен. Если бы я спал, мне снились бы кошмары (я сплю, вернее, делаю вид, что сплю, но это совсем другое дело) о вселенной, обрушивающейся нам на головы, и меня охватывает возбуждение или депрессия, когда я думаю об этой банде, которая сидит в своем кугельблитце, готовая в любую минуту выйти и сделать с нами то же, что она сделала с лежебоками, с существами с кораблей-парусов и с теми, что погребены подо льдом.

Это важно, но есть и другое важное. Я по-прежнему настолько человек, что считаю важными и межличностные отношения. Даже если они в прошлом и остается только позаботиться, чтобы не было никаких обид.

После того как Альберт ушел, куда уходит, когда он мне не нужен, я долго плавал в гигабитном пространстве, ничего не делая. Очень долго. Настолько долго, что, когда снова вернулся в

Центральный парк, Клара заканчивала фразу:

— Робин, познакомься с моим…

Забавно. Я не хотел слышать, как она произносит слово «муж». И поэтому сбежал.

То, что я сказал, не нужно понимать буквально. Я не сбежал. Я убежал к другой, а именно к Эсси. Она была на танцплощадке в Голубом Аду, плясала польку с кем-то бородатым, и когда я появился, она весело пропела:

— О, как приятно увидеть тебя, дорогой Робин! Ты слышал новость? Конфискация отменена!

— Прекрасно, — ответил я, спотыкаясь о собственную ногу. Она внимательней взглянула на меня, вздохнула и увела с танцплощадки.

— Плохо пошли дела с Джель-Кларой Мойнлин, — догадалась она.

Я пожал плечами.

— Они еще не окончены. Я оставил там двойника. — Позволил ей усадить себя. Она села напротив, облокотившись о стол и заботливо глядя на меня.

— Ага, — сказала она наконец, кивая в подтверждение своего диагноза. — Опять глупости. Боль. Распад. Весь этот вздор? И прежде всего Джель-Клара Мойнлин?

Я рассудительно ответил:

— Не весь, нет, потому что мне потребовалась бы целая вечность, чтобы рассказать, что меня тревожит, но, да, это в их числе. Она замужем, ты знаешь?

— Хм. — Она не добавила «Ты тоже женат», так что мне пришлось сделать это самому.

— Дело, конечно, не просто в том, что она замужем, потому что я тоже женат — и не хотел бы, чтобы было по-другому, честно, Эсси…

Она нахмурилась.

— О Робин! Никогда не думала, что слушать будет так скучно, но сколько раз можно это повторять?

— Я говорю так только потому, что это правда, — возразил я; чувствам моим нанесена легкая рана.

— Я и так знаю, что это правда.

— Ну, наверно, знаешь, — согласился я. И не ведал, что сказать дальше. Обнаружил, что держу выпивку, и сделал большой глоток.

Эсси вздохнула.

— Хороший прием. Я себя хорошо чувствовала, пока ты не появился.

— Прости, но честно, Эсси, мне не до приемов.

— Итак, еще одно глупое дело, — замученно сказала она. — Ну хорошо. Выкладывай, что у

тебя на бедном измученном уме. Что хуже всего?

Я сразу ответил:

— Все. — И когда она взглянула на меня так, словно этого объяснения недостаточно, добавил: — Просто одно за другим, верно?

— Ага, — сказала она и немного подумала. Потом вздохнула. — Какой ты глупый, дорогой Робин. Может, снова стоит поговорить с Зигфридом фон Психоаналитиком?

— Нет!

— Ага, — снова сказала она и опять подумала немного. Потом сказала: — Вот что я тебе скажу, мой дорогой старый глупец. Как насчет того, чтобы улизнуть с приема и посмотреть дома хорошее кино?

Этого я от нее не ожидал.

— Что за кино? — удивленно спросил я. Но она не ответила. И не стала дожидаться моего согласия. Начала показывать.

Стихли звуки Веретена, исчезли прилетевшие на прием старатели Врат. Мы больше не были там. Оказались совсем в другом месте и увидели скамью с ребенком на ней.

Разумеется, это не реальное кино. Ведь в гигабитном пространстве нет ничего «реального». Просто компьютерные имитации. Но подобно

всему другому, что каждый из нас в состоянии вообразить, внешне они совершенно «реальны» — зрение, слух, даже запах, даже холодок от прохладного ветерка и проникновение в (наши несуществующие) легкие полного сажи воздуха.

Все это мне очень знакомо. Мы смотрели на меня — ребенка меня, много-много десятилетий назад.

Я чувствовал, что дрожу, безотносительно к температуре воздуха. Ребенок Робинетт Броудхед по-прежнему, съежившись, сидел на парковой скамье. Так это место называлось — парк. На самом деле на парк не очень похоже. В другое время, может, зрелище было бы прекрасное, потому что за мной-ребенком расстилались холмы Вайоминга. Но они не были тогда прекрасны. Туманные серые груды в тусклом воздухе. Можно было даже увидеть взвешенные в воздухе частички гидроуглерода, а ветви всех деревьев были покрыты сажей и слизью. Я — ребенок, который был мной — одет по климату, достаточно суровому. На мне три свитера, шарф, перчатки и вязаная шапочка, натянутая на уши. Из носа у меня течет. Я читаю книгу. Мне… сколько? Примерно десять лет. Читая, я кашляю.

— Помнишь, дорогой Робин? Твои добрые ста-

рые дни, — сказала Эсси со своего невидимого места рядом со мной.

— Добрые старые дни, — фыркнул я. — Ты снова рылась в моих воспоминаниях, — упрекнул я — но беззлобно, потому что мы и раньше часто и без ограничений вторгались в память друг друга.

— Но ты только взгляни, дорогой Робин, — сказала она. — Посмотри, как тогда обстояли дела.

Мне не нужно было этого приглашения смотреть. Я и сам не мог оторваться. Без всякого труда узнал сцену. Пищевые шахты, где прошло все мое детство. Сланцевые шахты Вайоминга, где раздробляют породу, нагревают ее, превращая в кератоген, а затем скармливают дрожжам и бактериям, чтобы изготовить одноклеточный протеин, которым питается почти все слишком многочисленное и слишком голодное человечество. В шахтерских городках, пока живешь, невозможно избавиться от запаха нефти, а жили там обычно очень недолго.

— Я ведь никогда не говорил, что в прежние дни было хорошо, — добавил я.

— Верно, Робин! — торжествующе воскликнула Эсси. — Добрые старые дни были очень плохими. Гораздо хуже, чем сейчас, верно? Теперь детям не нужно дышать гидроуглеродным воздухом и

умирать потому, что нет соответствующей медицинской помощи.

— Конечно, это правда, — сказал я, — но все-таки…

— Ты хочешь поспорить, Робин! Нам еще кое-что предстоит увидеть. А какую книгу ты читаешь? Я думаю, это не «Гекльберри Финн» и не «Русалочка».

Я посмотрел внимательнее, чтобы угодить Эсси. Увидел название и ощутил шок.

Она права. Это совсем не детская книга. Это «Справочник пользователя страховых медицинских программ», и я вспомнил совершенно отчетливо, как взял книгу в доме, когда мать не видела, чтобы постараться понять, какая катастрофа нам грозит.

— Мама заболела, — простонал я. — У нас не хватало денег на обоих, и она… она…

— Она отказалась от операции, чтобы ты смог лечиться, Робин, — негромко сказала Эсси. — Да, но это было позже. На этот раз тебе нужна была только лучшая пища, а вы не могли себе этого позволить.

Мне стало больно.

— Ты только посмотри на мои выступающие зубы, — сказал я.

— И на то, что поправить их тоже не было денег, Робин. Плохое было время для детей, верно?

— Значит, ты играешь роль рождественского призрака из прошлого, — выпалил я, думая смутить ее упоминанием того, что она не поймет.

Но когда в твоем распоряжении гигабиты информации, можно понять многое.

— Ну, да и ты ведь не Скрудж[24], — сказала она, — но подумай. В те времена, совсем еще недавно, Земля была перенаселена. Голодна. Полна боли и гнева. Террористы, Робин. Вспомни все это насилие и бессмысленные убийства.

— Я все это помню.

— Конечно. Так что же случилось, Робин? Я скажу тебе. Ты случился. Ты и сотни других спятивших, впавших в отчаяние старателей с Врат. Вы находили технологию хичи и приносили ее на Землю. Находили отличные новые планеты, на которых можно жить. Это подобно открытию Америки, только в тысячи раз значительнее. Вы нашли способы перемещать туда людей. И больше нет перенаселения на Земле, Робин. Люди ушли в новые места, построили лучшие города.

---

[24] Примечания: 24

Персонаж из рассказа Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе», бездушный и скаредный делец. Преображается, увидев собственный призрак во сне. — *Примеч. пер.*

Им даже не пришлось причинять вред Земле, чтобы сделать это! Воздух больше не уничтожают бензиновые двигатели и выхлопы ракет; мы используем петлю, чтобы подняться на орбиту, а оттуда летим куда угодно! Теперь нет таких бедняков, чтобы им было недоступно лечение, Робин. Даже если нужна трансплантация органов. Органы теперь делают из материала CHON, и не нужно ждать, пока кто-нибудь умрет, чтобы расхватать труп на части. Верно, Робин? Пищевая фабрика хичи делает теперь органы; именно ты много сделал для того, чтобы это стало возможно. Плотская жизнь, в постоянном добром здравии, продлилась на десятилетия. А записанные сознания, как мы, живут еще гораздо дольше — и опять-таки это достижение ты финансировал, а я помогала развить, так что даже смерть теперь уже не фатальна. Разве ты не видишь прогресс? Дело не в отсутствии прогресса. Просто старый ворчун Робинетт Броудхед смотрит на блюдо на пиру жизни и видит только, что из всех этих деликатесов получится дерьмо.

— Но ведь остается Враг, — упрямо сказал я.

Эсси рассмеялась. Она как будто действительно находила это забавным. Картина исчезла. Мы снова оказались в Веретене, и она наклонилась и

поцеловала меня в щеку.

— Враг? — ласково сказала она. — О да, дорогой Робин. Враг — еще одно плохое, вслед за целым рядом другого. Но ты справишься и с этим, как всегда справлялся. Только нужно браться за одно дело зараз. А теперь вернемся к самому важному делу — будем танцевать!

Она удивительная женщина, моя Эсси. Реальная или нет.

Она совершенно права, права во всех смыслах, так что пришлось мне подчиниться ее логике. Не могу сказать, что мне по-настоящему стало весело, но новокаин, по крайней мере, притупил боль — насколько бы ни была она реальна, — притупил так, что я смог немного поразвлечься. Я так и поступил. Танцевал. Встречался со знакомыми. Переходил от одной группы записанных машиной друзей к другой, потом присоединился к Эсси и нескольким другим в Голубом Аду. Толпа медленно танцевала под музыку, которая нам не была слышна. Среди танцующих я увидел Кассату. Он, как зомби, двигался по танцплощадке, обнимая хорошенькую миниатюрную восточную девушку. Танцорам, по-видимому, не мешало то, что мы запели старые песни. Я пел с остальными, даже когда они переключились на старинные

русские баллады о ночных троллейбусах и дороге на Смоленск[25]. Не важно, что я не знал слов. В гигабитном пространстве вы знаете все, что вам нужно, и в тот момент, когда нужно. И даже если бы я не знал, мне бы подсказал Альберт Эйнштейн.

Я почувствовал, как он похлопал меня по плечу, когда я стоял, прислонившись к старому пианино. Подняв голову, я увидел его улыбающееся лицо.

— Прекрасный голос, Робин, — похвалил Альберт, — и по-русски вы стали говорить бегло.

— Присоединяйся к нам, — пригласил я.

— Не могу, — ответил он. — Робин. Кое-что происходит. Примерно пятнадцать сотен миллисекунд назад прервалась всякая связь.

— Да? — Мне потребовалось какое-то время, чтобы сообразить, о чем он говорит. — О! Раньше этого никогда не делали!

— Да, Робин. Я появился, потому что решил, что генерал Хулио Кассата должен кое-что знать об этом. — И он оглянулся в направлении Кассаты и его девушки, которые продолжали расслабленно двигаться.

— Спросить его?

---

[25] Примечания: 25

Можно предположить, что речь идет о песнях Б. Окуджавы. Очень приятно, что их будут петь и в далеком будущем. — *Примеч. пер.*

Альберт задумчиво нахмурился, но прежде чем он сумел ответить, Эсси кончила петь и подошла к нам.

— Что? — резко спросила она, а когда Альберт рассказал ей, пораженно сказала: — Это невозможно. Ведь множество линий не зависят друг от друга, перекрываются.

— Не думаю, чтобы это была поломка, миссис Броудхед, — сказал Альберт.

— Что же тогда? — спросила она. — Опять это вздор ЗУБов?

— Конечно, это приказ ЗУБов, но, мне кажется, этот приказ вызвало что-то происшедшее на Земле. Но не могу взять в толк, что это.

9. На Мооpеа

Пассажирами рейса со Сторожевого Колеса почти сплошь были дети, и рейс был плаксивым. Немного приободрились, выйдя на околоземную орбиту, но не очень. Навстречу с петель устремились шаттлы, присосались к транспортному кораблю, как поросята к свинье.

Детям не повезло, что первым добрался до них шаттл ЗУБов. В нем было полно аналитиков из спецслужб.

Так что следующие несколько часов прошли

для детей совсем не весело. Аналитики ЗУБов «опрашивали» каждого из них, упрямо задавая снова и снова одни и те же вопросы в надежде получить какие-нибудь новые данные и определить, насколько ложной была все-таки «ложная тревога».

Конечно, ни у кого из детей такой информации не оказалось. Потребовалось немало времени, чтобы агенты ЗУБов убедились в этом, но наконец они позволили заняться детьми более добрым людям и программам.

Новая смена занялась подыскиванием места для детей на Земле. Для некоторых это оказалось легко, потому что у них были семьи. Остальных распределили по школам всей планеты.

Места для Снизи, Гарольда и Онико нашлись чуть ли не в последнюю очередь. По старой дружбе они держались вместе. К тому же они не говорили по-русски или по-французски, что исключало школы в Париже или Ленинграде. И они совсем не были готовы к суматохе большого города. Это исключало Сидней, Нью-Йорк и Чикаго. И когда распределяющая программа подыскала места для всех детей, остались эти трое.

— Я бы хотела куда-нибудь в теплое место, недалеко от Японии, — сказала Онико. Снизи,

уже отказавшийся от надежды найти колонию хичи, присоединился к ее просьбе.

Распределяющая программа выглядела как учительница средних лет, с яркими глазами и ласковой речью. Хотя внешне она казалась человеком, Снизи чувствовал, как от нее исходит доброта. Она посмотрела на экран — который на самом деле не существовал, как и она сама, — немного подумала и довольно улыбнулась Снизи.

— У меня есть три вакансии на Моореа, Стернутейтор. Это совсем рядом с Таити.

— Спасибо, — вежливо ответил Снизи, глядя на карту и не узнавая ее. Название острова ничего не значило для него. Человеческие названия очень похожи, и для мальчика хичи все они экзотичны. Но Гарольд, мрачно примирившийся с тем фактом, что его не отправят немедленно на планету Пегги, закричал сзади:

— О, парень! Я с вами, ладно? И если тебе там понравится, может, ты купишь остров, как ты сказала, Онико?

Шаттл сквозь удары атмосферы опустил их на петлю в Новой Гвинее. Потом самый легкий участок пути — стратосферный реактивный самолет до Фаа-Фаа-Фаа, аэропорта на Папеэте. В качестве

особой заботы о вновь прибывших директриса школы, человек, встретила их и провезла мимо соседних островов на лодке.

— Смотрите, — сказала она, взяв Онико за руку. Дети вцепились в сиденья открытого вельбота с инерционным двигателем. — За этим мысом, внутри лагуны, видите белые здания на берегу? С одной стороны, на склоне горы, роща таро, а с другой — плантация папайи? Это ваша школа.

Она ничего не сказала о других, гораздо более мрачных зданиях, дальше по берегу в сторону гор. Гарольд был слишком занят — он перегнулся через борт вельбота, и его рвало, — чтобы спросить о них; Снизи слишком поглотила бесслезная тоска о далеком ядре, а Онико была слишком запугана мощным тяготением Земли, чтобы реагировать на что-нибудь.

Для Онико все это путешествие было чрезвычайно болезненным и даже угрожающим здоровью. Она была раздавлена. На земле ее хрупкое тело весило всего тридцать килограммов, но это в двадцать с лишним раз больше, чем привыкли нести ее нетренированные кости и мышцы.

Все дети, которые находились на Сторожевом Колесе, нуждались в подготовке к земному тяготению. Весь долгий полет к Земле их заставляли

пить содержащие кальций напитки вроде молока или горячего шоколада, и самый странный напиток — «сырный суп»; им приходилось ежедневно проводить по три часа, вращая педали или работая на пружинных механизмах. Для большинства детей это была просто разумная предосторожность. Для Онико — единственная альтернатива сломанных костей. Врачебная программа разработала для нее специальный план, и она ежедневно по многу часов проводила на столе, а в это время гудящие сонары укрепляли ее кости, а электрические разряды заставляли дергаться и сокращаться все мышцы. Когда корабль приблизился к земной орбите, машина-врач заверила Онико, что ее организм в достатке снабжен кальцием. И девочка в безопасности от переломов и трещин в костях, если проявит осторожность, будет ходить в специальном корсете-ходулях и не станет спрыгивать ни с какой высоты. Но если кости были подготовлены к испытанию, то для мышц подготовка оказалась недостаточной. И теперь каждый шаг утомлял Онико. Каждый раз, вставая, она испытывала боль в теле. И поэтому самым экзотическим занятием, дававшим ей наибольшее наслаждение в первые дни пребывания в Западно-Полинезийской подготовительной

школе, стало купание в лагуне.

Конечно, вода не только радовала ее, но и пугала. Под этими прекрасными зелеными волнами скрываются живые существа! Но Онико приняла заверения школьной машины, что они не могут повредить ей, и погружалась в теплую соленую лагуну, где ее уставшие кости переставали испытывать ощущение тяжести. И потому Онико с удовольствием плавала, когда только могла. Утром, до уроков, на переменах, даже в темноте, когда (тоже удивительная, хотя и пугающая) луна отражалась в ряби вокруг нее.

Снизи море не возбуждало и не веселило. Он видел моря на своей планете, в ядре. Почему бы и нет? Их не считали местом отдыха, потому что хичи не умеют плавать. Кости и мышцы не держатся на воде без достаточной прослойки жира, а у хичи нет никакого жира. Поэтому, чтобы составить компанию Онико, Снизи иногда садился в резиновую лодку.

Гарольд вначале чувствовал себя на Моореа как дома.

Земля очень похожа на планету Пегги, объяснил он одноклассникам. Нет, ответил один из соучеников, нужно говорить наоборот: планета Пегги очень похожа на Землю. И в самом

деле. Именно это заставило людей энергично приняться за колонизацию, когда плодовитость человечества превзошла возможности родной планеты прокормить людей. Ну, может быть, рассудительно ответил Гарольд, но любой придурок сразу поймет, что планета Пегги лучше.

Гарольд был разочарован, даже рассержен, когда остальные дети не проявили особого интереса к его рассказам.

У троих детей с Колеса был общий недостаток. Все они оказались чужаками. Поступили они в школу последними, когда учебный год уже давно начался. Уже сформировались дружеские отношения и союзы. Конечно, директриса попросила всех учеников проявлять особое внимание к пришельцам из межгалактического пространства. Какое-то время ученики это делали. Но недолго. Когда были заданы все вопросы («А Врага вы сами видели? Когда он собирается выйти?») и иссякли удовлетворительные ответы, мощные силы дружбы живущих в одной комнате или болеющих за одну футбольную команду взяли свое и вытеснили новичков. Не грубо, не насильно. Но вытеснили.

Труднее всего пришлось Снизи и Онико. Снизи оказался единственным хичи в школе, а Онико

— единственным ребенком, воспитанным по способам хичи. Они были просто слишком чуждыми, чтобы легко с кем-нибудь подружиться. У Гарольда вначале таких проблем не было. Он смотрел на великолепный центральный пик Моореа и говорил:

— И вы называете это горой? Да на планете Пегги есть гора высотой в четырнадцать километров!

Он видел на экране сцены Нью-Йорка и Бразилии и презрительно говорил, что на планете Пегги жители содержат свои города в чистоте. После обсуждения на уроке истории Помпей и Великой Китайской стены Гарольд на перемене заявил, что у жителей планеты Пегги хватило ума выбросить весь старый хлам. Поскольку в школе были дети из Катманду, Нью-Йорка, Бразилии, Пекина и Неаполя, пренебрежительное отношение к туристической привлекательности их родных городов не улучшило их отношения к Гарольду. Конечно, школьная машина просила их проявить выдержку, но ученики не обязаны были выполнять ее просьбы.

В конечном счете Гарольд оказался более чужд детям, чем Снизи и Онико. Эти двое старательно учились. В свободное время работали с информа-

ционными машинами, узнавали то, чего от них и не требовалось. Оба быстро оказались в числе лучших учеников класса, а Гарольд, которому с трудом удавалось добиваться респектабельных отметок, завидовал их успехам. И нередко приходил в ярость. Когда однажды машина-учительница начала раздавать результаты тестов за день, он вскочил и закричал:

— Директор! Это нечестно. У этих двоих лучше отметки, потому что они плутуют!

— Гарольд, — терпеливо сказала учительница — уже был конец дня, ученики устали и все становились беспокойны, если не раздражительны. — Стернутейтор и Онико не плутуют.

— А как еще это назвать? У них с собой все время информационные машины класса А, и они ими пользуются!

Школьная машина твердо ответила:

— Гарольд, ты знаешь, что Стернутейтор, как и все хичи, нуждается в постоянном источнике низковолнового излучения для своего здоровья…

— Онико не нуждается!

Машина покачала головой.

— Не нужно говорить о нечестности, если ученик просто носит с собой свою информационную систему. Ведь и у тебя есть собственная на столе.

А теперь, пожалуйста, вернись на место, и мы обсудим вечернее задание по концептуализации.

Днем на берегу лагуны Гарольд сидел неподвижно в стороне, Онико плескалась в мелкой воде, а Снизи искал куски коралла.

— Мне жаль, что мы тебе не нравимся, — сказал Снизи.

— О чем ты говоришь? Мы друзья! Конечно, вы мне нравитесь, — солгал Гарольд.

— Я думаю — нет, — откликнулась Онико. — Почему, Гарольд? Я чем-то навредила тебе?

— Нет, но ты человек. Почему же ты ведешь себя как хичи?

— А что плохого в поведении хичи? — раздраженно спросил Снизи.

— Ну, — рассудительно сказал Гарольд, — ты ведь ничего не можешь с этим поделать, раз ты такой, но вы, хичи, такие трусы. Убежали и спрятались от Врага. Я вас не виню, — сказал он с таким видом, что ясно было: он как раз винит всех хичи, — потому что мой папа сказал, что хичи естественно быть желтыми.

— Я скорее коричневый[26], — гордо ответил Снизи; его цвет менялся — признак взросления.

---

[26] Примечания: 26

Игра слов. По-английски yellow «желтый» имеет и значение «трусливый». — *Примеч. пер.*

— Я имею в виду не цвет. Я имею в виду трусость. Это потому, что вы не сексуальны, как мы, люди.

Онико подплыла ближе к берегу, шлепая по воде.

— Никогда не слышала таких странных слов! — сказала она.

— Это биологическая проблема, — объяснил Гарольд. — Папа мне все рассказал. Люди — самые сексуальные существа в Галактике, поэтому они такие сильные и умные. Если посмотришь на какое-нибудь низшее животное, например на льва, гориллу или волка…

— Я их никогда не видела.

— Но ведь картинки видела? И Снизи видел. Ну так вот. Видели вы у гориллы груди как у женщины? — Он перехватил взгляд Снизи, устремленный на плоскую грудь Онико, и раздраженно добавил: — О боже, я не имею в виду сейчас. Когда она вырастет. У женщин все время большие груди, а не только тогда, когда нужно кормить детей, как у глупых животных. Вы знаете, женщины могут заниматься сексом все время, а не только раз в году. Это все объясняет, понимаете? Это способ эволюции сделать нас лучше, потому что женщины заставляют мужчин все

время стараться ради них. Так началась цивилизация, сотни тысяч лет назад.

Онико, болезненно хмурясь, выбралась из воды. Пытаясь понять мысль Гарольда, она спросила:

— А какое отношение это имеет к храбрости?

— Именно поэтому люди всего добились! Папа мне все рассказал. Отцы все время остаются рядом, потому что они… ну… хотят заниматься любовью, понятно? И поэтому добывают еду и все прочее, а матери могут лучше заботиться о детях. А у хичи этого нет.

— Мои родители все время вместе, — принужденно сказал Снизи. Он не рассердился. Он еще не решил, стоит ли сердиться на Гарольда, но спор смутил его.

— Вероятно, потому, что хичи копируют поведение людей, — с сомнением ответил Гарольд, и Снизи задумчиво посмотрел на него. Он подозревал, что отчасти это правда. Он знал, что в ядре хичи живут общинами, а не отдельными семьями. — Ну, ведь они не занимаются сексом все время, как мои мама и папа, верно?

— Конечно, нет! — воскликнул Снизи, шокированный. Женщины хичи занимаются любовью, только когда биологически подготовлены к этому. Отец уже давно объяснил ему это. Само тело

подсказывает женщине, что пришло ее время, и она сообщает об этом мужчине. Тут как будто не нужны слова, но в этой части Бремсстралунг не все объяснил ясно.

— Вот видишь? — торжествующе воскликнул Гарольд. — Это заставляет людей-мужчин все время выставляться ради подружек! В старину мужчины охотились или воевали с соседним племенем. Теперь они делают другое, например играют в футбол или совершают научные открытия — или отправляются в полеты. Мы от этого такие храбрые.

Онико, растираясь полотенцем, с сомнением сказала:

— Папа говорил мне, что мой дедушка очень боялся, когда улетал с Врат.

— Ах, Онико, — раздраженно сказал Гарольд, — я говорю об общем законе, а не об индивидуальностях. Слушай, ты просто ничего не знаешь о человеческом мире, потому что никогда не жила в нем. Как на планете Пегги.

Онико выпрямилась в своем корсете.

— Не думаю, чтобы на Земле было так, Гарольд.

— Конечно, так! Я же тебе рассказал!

— Нет, не думаю. Когда мы оказались здесь, я

проделала кое-какие розыски. Снизи! Дай мне мою капсулу; мне кажется, это у меня в дневнике.

Она взяла капсулу и склонилась к ней. Потом, с трудом распрямившись, сказала:

— Да, вот оно. Слушай. «Старомодная «ядерная семья» теперь встречается на Земле редко. Часты бездетные пары. Когда у родителей есть дети, оба родителя работают; есть и большое количество семей с одним родителем». Так что не все так, как ты говоришь, Гарольд.

Гарольд презрительно фыркнул.

— Дневник — детское занятие, — сказал он. — Когда ты его начала?

Она задумчиво посмотрела на него.

— Точно не помню. Еще на Колесе.

— Я тоже веду дневник! — воскликнул Снизи. — Ты мне как-то рассказала о своем, и я решил, что это неплохая мысль.

Онико нахмурилась.

— А мне казалось, что это ты мне рассказал, — заметила она. Потом сморщилась. — А сейчас мне хочется вернуться в спальню и полежать немного до обеда.

Я чувствую себя слегка виноватым, потому что приходится все время вас дергать (хотя, вынуж-

ден сказать, позже это придется делать сильнее). Мне кажется, что пора немного разобраться со временем. Все это происходило не тогда, когда мы с Эсси находились на Сморщенной Скале. Гораздо раньше. Еще когда мы с Эсси начинали обсуждать, стоит ли отправляться на празднование сотой годовщины на Сморщенную Скалу. Моя жизнь тогда казалась почти безмятежной. Я не знал, что приближается.

Конечно, дети тоже не знали, что приближается. Они занимались своими делами, то есть были детьми. Когда Снизи явился на обычный двухмесячный осмотр, медицинская машина была довольна: ей нечасто приходилось осматривать здорового хичи, с его двойным сердцем, почти лишенными жира внутренними органами и подобными веревкам мышцами.

— Все в норме, — сказала машина, одобрительно разглядывая результаты тестов. — Но кажется, ты не очень хорошо спишь, Снизи.

Снизи неохотно ответил:

— Иногда мне трудно заснуть. А потом я вижу сны…

— Да? — Машина приняла внешность молодого человека. Он успокоительно улыбнулся и сказал: — Расскажи мне об этом.

Снизи колебался. Потом вынужденно сказал:

— Понимаете, у меня нет кокона.

— Ага, — сказала программа. Снизи не хотелось объяснять программе, каково для юного хичи спать на постели, когда нечего, кроме простыни, натянуть на голову. Хичи спят укутавшись, предпочтительно в какой-нибудь мягкий комковатый рассыпчатый материал, в который можно закопаться; именно так полагается спать, и одеяла и простыни этого никак не заменяют. Как правильно поступал отец, не разрешая ему спать на кровати, с тоской думал Снизи.

Ему не пришлось ничего объяснять: банк информации медицинской программы уже дал объяснение.

— Я уже заказал для тебя кокон, — благожелательно сказала программа. — А теперь об этих снах…

— Да? — жалобно спросил Снизи. Он не хотел говорить о снах. И никому не говорил, даже Онико; он вообще не желал вспоминать о них, проснувшись.

— Ну? Так что же тебе снится?

Снизи колебался. Что ему снится? А что не снится?

— Мне снятся родители, — начал он, — и Дом.

Настоящий дом, в ядре…

— Понятно, — с улыбкой сказал врач.

— Но есть и другие сны. Они… другие. — Снизи помолчал, задумавшись. — Они страшные. Они… Иногда это какие-то насекомые. Целые тучи их. Ползают, летят, прыгают… Они носятся вокруг, заползают в одежду, в рот, в кожу, жалят без боли… Они похожи на светлячков, — закончил он дрожащим голосом.

— А ты видел когда-нибудь светлячка? — терпеливо спросила программа.

— Нет. Только на картинках.

— Светлячки не жалят, Снизи, — заметила медицинская машина. — А те, что жалят, вызывают боль и зуд. Такое у тебя бывало?

— О нет. Ничего подобного… По крайней мере, не совсем так, — поправился Снизи. — Но начинается… не знаю, как сказать… что-то вроде зуда в голове. То есть я хочу сказать, что мне… мне хочется узнавать все новое.

— Что узнавать, Снизи?

— Все, — жалобно ответил мальчик. Снизи понимал, что плохо описывает свои сны. Но как это сделать, когда пытаешься передать сон словами? Сны туманные, расплывчатые, бесформенные. А слова жесткие и точные. Язык Чувства хичи

подошел бы лучше для этой цели, но программа говорит по-английски, а Снизи слишком воспитан, чтобы пожаловаться на это.

Но программа понимающе кивнула.

— Да, да, Снизи, — ласково сказала она, — эти сны символичны. Возможно, они отражают твой совершенно естественный детский интерес к сексуальности твоих родителей. Возможно, они свидетельствуют об испытанных тобой травмах. Ты можешь сам не осознавать это, Снизи, но за последние несколько дней ты испытал более сильный стресс, чем приходится взрослым испытывать за годы.

— О, — сказал Снизи. На самом деле он это прекрасно сознавал.

— К тому же, — вздохнула программа, — в наши дни все испытывают дурные предчувствия. Не только дети. Взрослые обеих рас и даже машинные сознания. Никто не является исключением. Ты понимаешь, что я имею в виду Врага.

— Да, он очень страшный, — согласился Снизи.

— Особенно для впечатлительного ребенка, у которого есть свой личный опыт на Сторожевом Колесе. — Машина откашлялась, объявляя о перемене темы. — А теперь расскажи о своем дневнике. — Она благожелательно улыбнулась.

Снизи еле слышно зашипел, приспосабливаясь к новой теме.

— Он не дает мне тосковать по дому, — сказал он. На самом деле это было не так, дневник не мешал тосковать. Просто Снизи уже понял то, что понимает любой ребенок, человеческий и хичи. Когда взрослые задают трудные вопросы, нужно давать на них самые легкие ответы. Такие ответы, каких они ожидают.

— Прекрасная терапия. — Медицинская машина кивнула. — Но такие подробности, Снизи! Так много страниц данных! Можно подумать, что ты пытаешься составить энциклопедию. Может, тебе все-таки стоит меньше времени тратить на это и больше играть с товарищами?

— Я постараюсь, — пообещал Снизи. И когда его наконец отпустили, по пути домой он пересматривал абзацы своего дневника. Теперь они часто должны начинаться словами «Человеческие программы не очень разбираются в детях хичи».

Но когда он снова занялся дневником, писал он совсем не об этом.

Что бы ни говорил Альберт, мне жаль Снизи. И Онико. И… о дьявольщина, жаль даже Гарольда Врочека. Гарольд, в сущности, не такой уж плохой. У него просто не хватает опыта быть

хорошим.

Втроем они продолжали много времени проводить друг с другом, а не с остальными тремястами учениками, хотя Гарольду не нравилось, что Снизи и Онико часами писали свои дневники.

— Боже мой, — жаловался он, — неужели вам правда нужно перенести на бумагу все?

— Нам это нравится, — просто ответила Онико. Гарольд, сдаваясь, развел руками. Но, так как делать было нечего, тащился за ними в классы и начинал заниматься, И, ко всеобщему удивлению, отметки его начали улучшаться.

Если не считать одиночества и тревожных снов, Снизи нравилось в школе. На пляже очень приятно, когда привыкаешь к близости воды; спортивная машина соорудила специально для Снизи устройство, которое позволяло ему плавать, и вскоре он уже плавал лучше многих. Уроки проходили интересно. Остальные ученики если и не были по-настоящему дружелюбны, то проявляли терпимость. А остров оказался прекрасен, он полон был удивительными и часто тревожащими вещами. Например, над школой располагался луг. Там паслись большие рогатые травоядные. Снизи поискал их в базе данных и обнаружил, что они называются «крупным

рогатым скотом». А когда узнал, для чего в основном выращивают скот, пришел в ужас. Все четыре года на Сторожевом Колесе Снизи предпочитал не думать, откуда черпают протеин его соученики. А теперь перед ним были мычащие и испражняющиеся источники всех бифштексов и гамбургеров. Отвратительно! Девяносто пять процентов пищи Снизи, как и у всякого нормального хичи, изготовлены из замороженных кометных газов — или любого другого подходящего источника четырех базовых элементов человеческого питания: углерода, водорода, кислорода и азота. Добавьте несколько микроэлементов, и CHON-пищу можно превратить во что угодно. И она очень дешева. Очень питательна и полезна, так как создана по всем рекомендациям диетологов. И не нужно убивать существо, способное ощущать боль.

Конечно, и в школе половина еды сделана из CHON. В мелком море вблизи соседнего острова Таити плавает Пищевая фабрика и втягивает из воды и воздуха основные материалы. Но дети, как и многие взрослые, как будто наслаждаются мыслью, что их «бифштексы с кровью» действительно получаются из живых существ — хотя, конечно, не из тех, кто пасется на лугу выше

школы. У этих совсем другая, особая цель.

Снизи не обсуждал этот вопрос с соучениками. И хорошо сделал, потому что выращивание скота на мясо (как он обнаружил бы) далеко не самое его отвратительное использование.

За второй месяц пребывания Снизи на острове Моореа произошли две хорошие вещи.

Во-первых, прибыл кокон и был установлен в спальне Снизи, так что он смог забираться в мягкие уютные комки пены, натягивать на голову крышку и спать, как всякий уважающий себя хичи. Конечно, это вызвало немало смеха и разговоров в спальне. Но Снизи терпеливо все их вынес. Сны, однако, не прекратились; но по сравнению со стерильной и неприветливой кроватью с ее одеялами и простынями, чем должны пользоваться несчастные человеческие дети, это огромное улучшение.

Во-вторых, директриса школы решила, что медицинская программа не приспособлена для заботы о ребенке хичи, и заказала новую, усовершенствованную. Новая программа приняла внешность красивого молодого хичи, с медного цвета кожей, с глубоко посаженными глазами. На гладком черепе пушок высотой в сантиметр. Сухожилия на плечах и шее программы радостно

дергались, когда она здоровалась со Снизи. А Снизи с первой же встречи понравилась новая медицинская программа, и вторую встречу он ждал с нетерпением. В то же самое время должна была проходить осмотр Онико. Снизи помог ей пройти узким коридором, хотя теперь с помощью костылей она довольно уверенно передвигалась сама. Они поздоровались с машиной-сестрой.

К их удивлению, сестра пригласила их в одну и ту же комнату. Молодой хичи, Снизи, и женщина средних лет, программа Онико, сидели вместе за столом. Были приготовлены два стула для детей.

— Мы решили, что нам стоит поговорить с вами вместе, — сказала медицинская программа Онико — сказала на хичи! — потому что у вас много общего.

— У вас обоих одинаковые сны, — вмешалась машина хичи. — Вокруг вас вьются светящиеся насекомые и иногда даже жалят. Но никогда не причиняют боль.

— И это все продолжается и продолжается, — сказала машина-женщина.

— Верно, — согласился Снизи, глядя на Онико. Та кивнула.

— К тому же вы оба не очень интересуетесь спортом, — добавила женщина. — Относитель-

но тебя, Онико, я это понимаю, потому что ты еще недостаточно сильна, чтобы напрягаться физически. Но ты, Стернутейтор, у тебя отличная физическая форма. И вы оба не смотрите соревнования по ПВ, верно? Ни футбол, ни бейсбол, ни джай алай, вообще ничего.

— Мне они кажутся очень скучными, — согласился Снизи.

— Прислушайся к себе, Стернутейтор, — сказала медицинская машина хичи. — Разве так говорит нормальный десятилетний мальчик?

— Мне он кажется нормальным, — заметила Онико. Женщина-машина кивнула.

— По твоим стандартам — да, — сказала она. — У вас обоих исключительно взрослые интересы. Мы проверили ваши приемники информации. Мы понимаем, почему каждый из вас провел много часов, узнавая все, что можно, о Враге. Конечно, всякий может сделать это — Враг имеет для всех нас огромное значение! Но все же очень немногие из ваших соучеников этим интересуются. Но почему тебя так заинтересовали передачи быстрее скорости света, Онико?

Девочка удивилась.

— Просто мне это интересно. Разве не все ими интересуются?

— Не в такой степени. И почему тебя интересуют чуждые расы: лежебоки, квейнисы, свиньи вуду?

— Но они такие забавные, — оправдываясь, сказала Онико.

— Да, — согласился врач хичи, беря разговор в свои руки. — И должен сказать, что вообще все темы, которые интересуют тебя, Стернутейтор, одновременно интересны и очень важны. Расположение постов и складов хичи; история исследований хичи; принципы, помогающие проникать в черные дыры. Но видишь ли, Стернутейтор, даже обычное любопытство, вышедшее за разумные пределы, может стать… прошу прощения, — неожиданно прервал он себя, взглянув на женщину. И женщина тут же сказала, резко сменив тон:

— Дети, идет очень важное сообщение. Директор хочет, чтобы все ученики увидели его, поэтому мы временно прекращаем разговор, чтобы показать передачу. — Оба врача повернулись и взглянули на стену за собой. Стена засветилась, затянулась сверкающей дымкой, и показалось мужское — человеческое — лицо, с очень серьезным выражением, гораздо больше натурального размера. Появляясь, лицо продолжало говорить:

— ...а вот другая часть расшифрованного сообщения.

Лицо замолчало, прислушиваясь, и другой голос, бестелесный, заговорил быстро и механически. Он произнес:

— Общее число видов в Галактике, которые либо обладают технологией, либо обещают позже развить ее, одиннадцать. Только три из них овладели космическими полетами, и один из них использует только ограниченные физикой Эйнштейна системы двигателей. Еще две могут достигнуть космической стадии в последующие несколько столетий. Есть и другие существа, пользующиеся инструментами, на различных стадиях эволюции.

Голос стих, а лицо, озабоченно сузив глаза, сказало:

— Все послание, пропущенное с нормальной скоростью речи, длится больше девяти часов. Только некоторые части его пока расшифрованы и перезаписаны в нормальном времени. Для тех, кто только что начал слушать, повторю, что все послание было отправлено единым импульсом за ноль целых восемьдесят семь десятитысячных секунды. Источник передачи пока не установлен. Известно только, что она велась с земной

поверхности в направлении кугельблитца, по-видимому через Токийский центр. Сейчас проходят проверку все линии, соединенные с Токийским центром. — Лицо помолчало, стальными глазами глядя на аудиторию. — Конечно, запрещены любые передачи со скоростью больше света в сторону кугельблитца и Сторожевого Колеса. Наряду с другими чрезвычайными мерами, этот запрет был сделан Звездным Управлением Быстрого реагирования свыше десяти недель назад.

Снизи почувствовал движение рядом с собой. Оно вывело его из транса. Он оглянулся. Онико встала со стула и ковыляла к двери.

— Прошу прощения, — пробормотал Снизи и пошел за ней. За дверью Онико со слезами прислонилась к стене.

— В чем дело? — в тревоге спросил Снизи. — Конечно, это страшно, но, может, это техническая ошибка, или розыгрыш, или…

— О Снизи, — плакала девочка. — Разве ты не понимаешь?

Он открыл рот, собираясь ответить, но она опередила его:

— Это послание, ты разве не понял, что это такое? Это часть моего дневника!

10. В глубинах времени

Кассата исполнял свой сонный медлительный ту-степ с закрытыми глазами, маленькая восточная женщина положила ему голову на плечо. Невероятно! Она выглядела абсолютно нормальным человеческим существом, с человеческим здравым смыслом, и тем не менее на самом деле жалась к этому человеку! Я рявкнул:

— Кассата, что за дьявольщина происходит?

Он бросил на меня странный взгляд. Не знаю, как еще описать его. Взгляд не виноватый и не высокомерный. Каким он был, не знаю — может, подойдет слово «обреченный». Конечно, он обречен. Вернувшись к своему плотскому прототипу, он будет уничтожен, но ведь он давно это знал и все-таки так не смотрел. Теперь он, казалось, ждет падения топора.

Он вежливо выпустил партнершу, поцеловал ее в лоб и повернулся ко мне.

— Вы хотите поговорить со мной, — сказал он.

— Черт возьми, я…

Он не дал мне закончить.

— Поговорить можно, — вздохнул он, — но не здесь. И не на вашем корабле. В каком-нибудь приятном месте. Где бы мне понравилось.

Я раскрыл рот, собираясь сказать ему, как я забочусь о том, чтобы ему понравилось, но Альберт опередил меня:

— Может быть, Рю де ла Пакс, генерал Кассата? Маленькое кафе на открытом воздухе на Левом Берегу?

— Что-нибудь такое подойдет, — согласился Кассата… и мы оказались там, сидели за металлическим столиком на солнечном бульваре под полосатым зонтиком, на котором рекламировался аперитив, а официантка в белом переднике принимала у нас заказ.

— Отличный выбор, Альберт, — одобрительно сказал Кассата, но мне это надоело.

— Прекратите нести вздор! — рявкнул я. — Почему вы прервали связь с Землей?

Кассата взял с подноса официантки кампари с содой и задумчиво принюхался.

— Не знаю, — ответил он и добавил: — Пока.

— Но вы знаете, почему конфисковали мой корабль?

— О да, Робин. Это был приказ.

— И приказ конфисковать корабль из ядра? — вмешалась Эсси. С меня было довольно Кассаты. Он пожал плечами. Это все, в чем нуждалась Эсси. Она бросила на него убийственный взгляд, потом

повернулась ко мне.

— Ты в это веришь? Даже Древние Предки хичи должны сначала докладывать ЗУБам! А потом уже ЗУБы решат, достаточно ли мы все взрослые, чтобы узнать полученные новые данные!

Кассата повторил:

— Приказ. — Потом внимательнее взглянул на Эсси и примирительно добавил: — Это только формальность, миссис Броудхед.

— Глупая формальность! Робин! Посылай приказ в Институт: некультурные шуты не заслуживают сотрудничества.

— Эй, подождите минутку, — торопливо сказал он, стараясь казаться сговорчивым. — Это ведь только мера на случай чрезвычайного положения. Я уверен, что если позже вы и Робин захотите получить доступ к информации, не будет никаких затруднений, я имею в виду — настоящих затруднений. Но конечно, предварительно вам придется пройти опрос в Звездном Управлении Быстрого реагирования.

— Никаких конечно! — Эсси повернулась ко мне, сверкая глазами. — Робин, скажи этому солдафону, что дело не в личных привилегиях для тебя и меня. Это информация, которая принадлежит всем!

Я сказал:

— Это информация, которая принадлежит всем.

Эсси не успокоилась на этом.

– *Скажи* ему, Робин! — рявкнула она так свирепо, что прохожие на Рю де ла Пакс с любопытством оглянулись на нее. Конечно, они не реальны, всего лишь часть окружения, но когда программа Эсси создает окружение, она делает это очень тщательно. Одну миниатюрную хорошенькую смуглую женщину мы словно зачаровали: больше, чем можно ожидать от детали декорации. Я посмотрел на нее внимательнее: это была женщина, с которой танцевал Кассата; очевидно, Кассата оставил, как в сказке, след из хлебных крошек, и она смогла проскользнуть в наше окружение.

Я решил повысить напряжение. И сказал ему:

— У вас нет выхода. Послушайте, Кассата, вопрос не о закрытых материалах, к которым может подобраться враг. Никаких врагов у нас нет, кроме самого Врага. Вы считаете, что Убийцы шпионят за нами?

— Нет, конечно нет, — с несчастным видом ответил он, стараясь быть приветливым. — Но это приказ с самого верха.

— Самый верх — это мы!

Он пожал плечами с видом «я здесь только работаю».

— Конечно, вы, только... — Он помолчал, уловив взгляд молодой женщины рядом с толпой. Покачал ей головой; она улыбнулась, послала ему воздушный поцелуй и нырнула в толпу.

— Простите, — сказал он. — Это моя знакомая; я ей сказал, что это частная встреча. Так что вы говорите?

Я рявкнул:

— Вы прекрасно помните, что я говорю! — И собрался продолжать, но выражение лица Кассаты неожиданно изменилось.

Он больше меня не слушал. Лицо его застыло. Глаза опустели. Он словно слушал кого-то неслышного всем остальным.

И действительно слушал. Я узнал этот взгляд. Так выглядит записанный машиной, когда общается с кем-то на частной волне. И я даже догадывался, что он собирается сказать. Он нахмурился, встряхнулся, непонимающе огляделся и потом сказал:

— О дерьмо!

Я почувствовал, как рука Эсси скользнула в мою. Она тоже знала, что приближается что-то

очень плохое.

— Говорите! — потребовал я.

Он глубоко вздохнул.

— Мне нужно вернуться в ЗУБы, — сказал он. — Подбросьте меня, пожалуйста.

На этот раз он меня удивил. Прежде всего я рефлекторно сказал:

— Что? — И только потом начал приводить себя в порядок. — Вы быстро меняете решения, Кассата! Сначала велите мне держаться подальше, потом конфискуете корабль…

— Забудьте об этом, — нетерпеливо сказал он. — Сейчас начинается новая игра. Мне нужно туда как можно быстрее, а у вас самый быстрый корабль. Подбросите меня?

— Ну… может быть, но… Но что…

Он сказал:

— Я получил сообщение. Прекращение связи не учебная тревога. Настоящая. Я думаю, у Врага есть база на Земле.

Для того чтобы подбросить записанное машиной сознание, как генерал Кассата (или я сам, кстати), много места не требуется. Нужно только взять чип, веер, ленту или куб с записью, поместить его на корабль, и можно лететь. Кассата очень торопился. Еще спрашивая разрешение,

он привел в действие машины, и как только машина открыла люк, мы забрались в него и отправились.

Полное время перемещения меньше трех минут.

Вполне достаточно времени.

Я не стал терять эти три минуты. Ожидая, пока машина перейдет из одного дока в другой, я нанес последний визит своей утраченной любви.

На это тоже не потребовалось много времени. Сейчас новость о перерыве связи достигла даже плотских людей, и эти каменные статуи перемещались к экранам ПВ, с которого программа новостей сообщала всему астероиду, что радиосвязь прервана.

Мой двойник с несчастным видом стоял в стороне от остальных. Я сразу увидел почему. Вот Клара, а вот ее… ее *муж*… и они еще крепче, чем всегда, держатся за руки.

Хотел бы я…

Больше всего я хотел (по крайней мере, это было самое разумное желание) получше узнать Харбина Эскладара. Странно, что Клара вышла замуж за бывшего террориста. Странно, что она вообще вышла замуж за кого-то, а не за меня, подумал я…

А потом я подумал: «Робин, старый содомит, убирайся-ка ты отсюда». И я вернулся на «Истинную любовь» и привязался, и мы улетели.

— Робин! Смотри! — воскликнула Эсси, и я устремился в контрольную рубку, выполняя ее приказ. Кассата перед экраном выглядел угнетенно и походил на висельника, а Эсси свирепо указывала на что-то. — Военные корабли! — восклицала она. — Смотри, Робин! ЗУБы счастливы уничтожить весь мир!

Кассата сердито посмотрел на меня.

— Ваша жена сводит меня с ума, — сказал он. Я не смотрел на него. Я смотрел на экран. Прежде чем мы перешли на полет быстрее скорости света, наши экраны засекли спутник ЗУБов в ста тысячах километров от нас; даже с нашей далекой орбиты его почти закрывала выпуклость Земли, но я видел, что спутник не один. Вокруг него множество мошек.

Корабли. Эсси права. Военные корабли.

И тут же мы перешли на полет быстрее скорости света. Экран затуманился, и Кассата заявил:

— Они не собираются ни на кого нападать. Это всего лишь предосторожность.

— Предосторожность — отправить весь флот с оружием наготове, — издевалась Эсси. — Из

таких предосторожностей рождаются войны!

— Вы предпочли бы, чтобы мы ничего не делали? — спросил он. — Ну, все равно вы там скоро будете. И сможете пожаловаться прямо ему, если захотите. Я имею в виду…

Он замолчал и снова помрачнел. Конечно, «он» — это он сам, плотский вариант.

Но он прав.

— Мы обязательно пожалуемся, — ответил я. — Начиная с того, почему это «сообщение» держалось в тайне от нас.

Альберт вежливо кашлянул.

— Это не так, Робин, — сказал он.

Кассата воинственно взревел:

— Видите! Вы спятили! Вся передача прошла импульсом, как и была получена вначале. Я уверен, Альберт записал ее.

Альберт виноватым тоном сказал:

— Это всего лишь краткое резюме сведений о хичи и людях, Робин. Нет ничего такого, чего нельзя было бы найти в «Британской энциклопедии» и других справочниках.

— Ха! — сказала Эсси по-прежнему раздраженно, но смолкла. Немного подумала. Потом пожала плечами. — Вы, друзья, наливайте себе и прочее, — сказала она, вспомнив свои обязанности

хозяйки. — А я собираюсь прослушать передачу сама.

Я собрался последовать за ней, потому что даже в худший день своей жизни Эсси предпочтительнее общества Кассаты, но он остановил меня.

— Робин, — сказал он, — я не хотел говорить, пока она здесь…

Я удивленно посмотрел на него. Не мог поверить, что у нас с ним могло быть нечто такое, что мы хотели бы сохранить в тайне. Тогда он добавил:

— Это относительно парня, за которого вышла ваша старая подружка.

— О, — сказал я. Похоже, это не удовлетворило Кассату, поэтому я добавил: — Я с ним никогда не встречался, но его зовут Харбин Эскладар, мне кажется.

— Да, его зовут Эскладар, — свирепо согласился Кассата, — я его знаю. И ненавижу его грязные кишки!

Не стану отрицать, что он меня заинтересовал. Разговор о том, какой отвратительный человек муж Клары, конечно, меня занимает.

— Выпьем, — сказал я.

Он выглядел нерешительно, потом пожал плечами.

— Только по-быстрому, — сказал он. — Вы его не помните? А меня помните? Я хочу сказать, тридцать-сорок лет назад, когда мы впервые встретились? Я в то время был бригадиром?

— Конечно, помню, — сказал я, наливая выпивку.

Он взял то, что я ему предложил, не глядя.

— Вам не приходило в голову, почему мне потребовалось столько лет, чтобы продвинуться на две вшивые ступени?

Мне на самом деле не приходило. Я вообще почти не думал о Кассате и о том, чем он занимается, потому что даже еще во времена Высокого Пентагона, когда я был плотью, а вооруженным силам приходилось бороться только с террористами, Кассата всегда был дурной новостью. Мое мнение о Кассате тогда сводилось к тому, что он уродливая бородавка на лице человечества. С тех пор ничего не изменилось, но я вежливо сказал:

— Мне кажется, я не знаю почему.

— Эскладар! Эскладар — вот почему! Он был моим адъютантом, и из-за него меня едва не уволили со службы! Сукин сын служил террористам и занимался этим после работы. Он был членом тайной группы генерала Берпа Хеймата в Высоком Пентагоне!

Немного погодя я снова сказал:

— О! — И на этот раз Кассата гневно кивнул, как будто я сказал все необходимое.

В каком-то смысле я так и сделал, потому что всякий, кто пережил дни несчастий и терроризма, не нуждается в обсуждении, что это такое. Такое не забывается. Больше двадцати лет на всей планете взрывались бомбы, планету насиловали, грабили и душили люди, ярость которых превышала здравый смысл. И они могли только одним способом выразить свое недовольство — убить кого-то. Сотни и тысячи были убиты тем или иным способом: отравившись ядовитой, насыщенной вирусами водой, в рухнувших зданиях или взорванных городах. И не выборочно, а подряд — террористы обрушивались на всех без разбора, на виновных (конечно, на тех, кого они считали такими) и невинных.

И хуже всего, что доверенные люди, высокопоставленные военные и даже главы правительств оказывались членами террористических групп. В самом Высоком Пентагоне была раскрыта организация террористов.

— Но Эскладар разорвал это кольцо, — сказал я, вспоминая.

Кассата попытался засмеяться. Смех его напо-

минал рычание.

— Он предал своих, чтобы спасти собственную шкуру, — сказал он. Потом неохотно добавил: — Ну, может, не только ради этого. Мне кажется, он был идеалистом. Но для меня-то это не имеет значения. Он был моим адъютантом, и из-за него мое продвижение по службе затормозилось на двадцать лет.

Он прикончил выпивку. И, просветлев, сказал:

— Ну, я не хотел бы заставлять ее ждать… — Тут же спохватился, но было уже поздно.

– *Кого* ждать? — спросил я, и он сморщился от моего тона.

— Ну, Робин, — жалобно сказал он, — я не думал, что вы станете возражать, если, кроме меня… ну…

— Женщина, — сказал я, проявив поразительную догадливость. — У нас на борту «заяц».

Он не выглядел раскаивающимся.

— Она, как и вы, всего лишь записанный Мертвец, — заметил он. Такт и дипломатия никогда не были сильными сторонами Кассаты. — Я просто поместил ее запись вместе со своей. Много места она не занимает, ради бога, а мне только нужно…

Он замолчал, не говоря, что ему нужно. Слиш-

ком горд, чтобы просить.

Но ему и не нужно этого.

— Как ее зовут? — спросил я.

— Алисия Ло. Та самая, с которой я танцевал.

— Ну что ж, — сказал я, — если только на один перелет. Хорошо. Не оставляйте свою подружку одну.

Я не стал добавлять: «Держитесь от меня подальше». Мне этого и не нужно было делать. Именно так он себя и поведет, а на его месте я поступил бы точно так же.

Теперь оставалось только проделать бесконечный полет.

«Истинной любви» требуется всего двадцать три минуты, чтобы быстрее скорости света преодолеть расстояние от Сморщенной Скалы до ЗУБов. Это на самом деле очень медленно. В сущности, полет даже не быстрее скорости света, потому что одиннадцать с половиной минут корабль ускоряется и одиннадцать с половиной минут тормозится (истинное время полета — всего лишь мгновение, ну, скажем, полтора мгновения). По плотским стандартам, двадцать три минуты — совсем немного.

Но ведь мы не в стандартном времени плоти. И как много миллисекунд содержит в себе одна-

единственная минута!

К тому времени как мы отошли от астероида и Альберт устанавливал курс на спутник, я (метафорически) уже грыз свои метафорические ногти. Обычно «Истинная любовь» не выходит за пределы Солнечной системы и держится возле самой Земли, поэтому я нахожусь в постоянном контакте со своими многочисленными проектами на Земле. Они не дают мне скучать. Конечно, и это медлительно, но секунды, а не вечность! Однако не на этот раз. На этот раз радиосвязи не было. Я, конечно, мог посылать сообщения (хотя Кассата яростно возражал), но ответов все равно не получал.

С другой стороны, присутствие Эсси всегда вознаграждает… или почти всегда. Единственный случай, когда оно не вознаграждает, это когда я погружаюсь в раздражение, или беспокойство, или несчастье, а боюсь, что в тот момент именно так и было. Эсси организовала джохорское окружение, прекрасный дворец, выходящий на проливы и Сингапур, а я мрачно сидел, не обращая внимания на малайзийскую пищу, которую она заказала. Эсси бросила на меня свой «о-боже-он-опять-в-этом-глупом-настроении» взгляд.

— Тебя что-то тревожит, — сказала она.

Я пожал плечами.

— Значит, ты не голоден, — продолжила она, скатывая рисовый шарик, смазывая его чем-то черным и с удовольствием положив в рот. Я сделал вид, что беру что-то с листа и жую.

— Робин, — сказала она, — у тебя два варианта. Поговори со мной. Или поговори с Альбертом-Зигфридом — с кем угодно, только поговори. Нет смысла мучить бедную старую голову в одиночестве.

— Наверно, ты права, — сказал я, потому что это правда. Я снова веду себя глупо.

Альберт отыскал меня на Сморщенной Скале, вернее, ее имитации, которую я создал, чтобы она соответствовала моему настроению. Я был на уровне Танго, где расположены посадочные доки кораблей, бродил и разглядывал места, откуда люди, которых я знал, улетали, чтобы никогда не вернуться.

— Вы, кажется, слегка угнетены, — виновато сказал Альберт. — Я решил посмотреть, нельзя ли нам чем-нибудь заняться.

— Нечем, — ответил я, но не велел ему уходить. Особенно потому, что, как я был уверен, его послала Эсси.

Он извлек трубку, раскурил ее, немного попых-

тел задумчиво и потом сказал:

— Не хотите ли сказать, что у вас сейчас на уме?

— Не хочу, — ответил я.

— Вы думаете, мне надоедает слышать одно и то же, Робин? — спросил он, и в этих якобы глазах было подлинное сочувствие.

Я поколебался, потом сделал прыжок. Сказал:

— У меня на уме все, Альберт. Подожди, я знаю, что ты собираешься сказать. Ты хочешь спросить, что в этом «все» самое главное. Хорошо. Это Враг. Он меня пугает.

Альберт миролюбиво ответил:

— Да, в этом контексте есть много пугающего, Робин. Враг, несомненно, угрожает всем нам.

— Нет, нет, — нетерпеливо сказал я. — Я не имею в виду угрозу. Просто то, что трудно понять.

— Ага, — ответил он, затягиваясь и глядя на меня.

— Я хочу сказать, что не представляю себе, что происходит во вселенной.

— Конечно, Робин, — дружелюбно согласился он. — Конечно, не представляете. Позвольте объяснить вам многомерное пространство и еще несколько концепций…

— Заткнись, — приказал я, сознавая, что совершаю ошибку. Все согласны, что у меня есть право на человеческие капризы, но иногда я захожу слишком далеко.

Видите ли, у меня есть доступ к бесконечным знаниям, потому что я расширился.

Я не люблю объяснять плотским людям, что произошло со мной, когда я «расширился», потому что они начинают думать, что я выше их. А я не хочу, чтобы они так считали, особенно потому, что я и на самом деле их превосхожу. И эти бесконечные запасы информации, доступные мне, только часть различий между мною и плотью.

Разумеется, доступные мне базы данных на самом деле не бесконечны. Альберт не разрешает мне пользоваться словом «бесконечный» для всего, что можно сосчитать, и поскольку всякие знания сосредоточены в чипах, веерах или тому подобном, безусловно, их кто-то может сосчитать. Кто-то. Не я. Я не собирался подсчитывать количество битов информации и не собирался поглотить ее всю, потому что испугался.

О боже, как я испугался! Чего именно? Не только Врага, хотя он страшен. Я боялся собственных размеров, которые не решался исследовать.

Я боялся, ужасно боялся, что, если начну

осваивать всю информацию, позволю себе расшириться еще больше, я перестану вообще быть Робинеттом Броудхедом. Боялся, что перестану быть человеком. Боялся, что та крохотная информация, которая есть я, просто потонет в огромной информации, накопленной всеми.

Когда вы становитесь машинной записью человеческой личности, вы изо всех сил стараетесь защитить свою человечность.

Альберт из-за этого часто теряет со мной терпение. Он говорит, что это недостаток нервной системы. Даже Эсси иногда меня бранит. Она говорит что-нибудь вроде:

— Дорогой глупый Робин, почему нельзя брать то, что принадлежит тебе?

И рассказывает истории из своего детства, чтобы подбодрить меня.

— Когда я была совсем молодой девушкой в академии, сидела в Ленинской библиотеке и забивала себе голову каким-нибудь очередным томом алгебры или тому подобным, я часто заглядывала в висевшее рядом зеркало. Какой ужас, дорогой Робин! Я видела десятки миллионов томов, и мне становилось тошно. На самом деле, Робин, тошно. Меня начинало тошнить чуть ли не физически. При мысли о том, что придется по-

глотить все эти серые, зеленые и желтые книги, меня выворачивало. Ведь это невозможно!

Я энергично ответил:

— Совершенно верно, Эсси. Я…

— Но для тебе теперь это возможно, Робин! — прервала она меня. — Жуй, Робин! Открывай рот! Глотай!

Но я не мог.

По крайней мере, не пытался. Прочно держался своей человеческой физической формы (пусть и воображаемой) и ограничений, которые с ней связаны. Пусть даже эти ограничения я сам себе устанавливаю.

Естественно, время от времени я черпаю из этих огромных запасов. Но только чуть-чуть. Только откусываю крошечный кусочек на пиру. Можно сказать, что, обращаясь к файлу, я беру только один том. Решительно смотрю только на него и стараюсь не замечать бесконечные ряды «книг» вокруг.

Или, еще лучше, я призываю свою свиту ученых.

Так поступали короли. У меня все преимущества короля. Я делаю, как они. Если им нужно было узнать что-нибудь о контрапункте, они посылали за Генделем или Сальери. Если их

ненадолго заинтересовало затмение, прибегал Тихо Браге. Они содержали свиту из философов, алхимиков, математиков и теологов. Двор Фридриха Великого, например, представлял собой перевернутый наизнанку университет. В нем были специалисты всех наук, каких он только сумел найти, а студенчество состояло из одного человека. Самого короля.

Я больше король, чем любой из настоящих королей, и могу позволить себе больше. Могу привлечь любой авторитет по любому предмету. Они мне обходятся дешево, потому что не нужно их кормить или платить их любовницам, и это даже не «они». Все они представлены моей многоцелевой информационной программой Альбертом Эйнштейном.

Поэтому, когда я пожаловался Эсси:

— Я хотел бы понять все эти разговоры о сжимающейся вселенной, — она просто посмотрела на меня.

Потом сказала:

— Ха.

— Нет, я серьезно, — сказал я. И действительно, я говорил серьезно.

— Спроси Альберта, — ответила она, сияя, как солнышко.

— О дьявольщина! Я знаю, что это значит. Он мне все расскажет, но будет говорить гораздо больше, чем мне нужно узнать.

— Дорогой Робин, — сказала она, — возможно, Альберт лучше тебя знает, что именно тебе нужно узнать.

— Дьявольщина, — сказал я.

Но когда я стоял рядом с Альбертом в мрачных металлических туннелях (имитации) корабельных доков, мне показалось, что настало время. Больше нельзя откладывать.

Я сказал:

— Ну хорошо, Альберт. Раскрой мне голову. Вали в нее все. Мне кажется, сейчас я это вынесу.

Он ослепительно улыбнулся.

— Будет совсем не так плохо, Робин, — пообещал он и тут же поправился: — Хотя чудесно не будет. Я согласен, что нам предстоит тяжелая работа. Может быть… — Он огляделся. — Может быть, начнем с того, что устроимся поудобнее, с вашего разрешения?

Конечно, он не стал ждать моего разрешения. Просто окружил нас моим кабинетом в доме на Таппановом море. Я слегка расслабился. Хлопнул в ладоши, чтобы машина-дворецкий принесла выпивку, и удобно сел. Альберт чуть насмешливо

смотрел на меня, но молчал, пока я не обратился к нему:

— Я готов.

Он сел и, попыхивая трубкой, принялся разглядывать меня.

— К чему именно?

— К тому, чтобы ты рассказал мне все, что хочешь рассказать уже миллион лет.

— Ах, Робин, — улыбнулся он, — но я так много хочу вам рассказать! Нельзя ли поточнее? Что именно вы хотите сейчас от меня услышать?

— Я хочу знать, какая выгода Врагу от сжимающейся вселенной.

Альберт немного подумал. Потом вздохнул.

— О Робин, — печально сказал он.

— Нет, — возразил я, — никаких «О Робин». Не нужно говорить мне, что я давно должен был сделать это, не нужно объяснять, что предварительно мне следует изучить квантовую механику или еще что-то. Я хочу знать немедленно.

— Вы задаете трудные задачи, Робин, — пожаловался он.

— Сделай это! Пожалуйста…

Он помолчал, размышляя, набивая табак в трубку.

— Вероятно, следует скормить вам всю энчи-

ладу[27], — сказал он, — как я пытался сделать раньше. Но вы отказывались слушать.

Я внутренне напрягся.

— Ты опять собираешься начать с девятимерного пространства?

— С этого и со многого другого, — твердо ответил он. — Все это связано. Ответ на ваш вопрос бессмыслен без всего этого.

— Постарайся сделать попроще, — попросил я.

Он с некоторым удивлением посмотрел на меня.

— На этот раз вы серьезны, не так ли? Конечно, я постараюсь, мой дорогой мальчик. Знаете, что я думаю? Я думаю, лучше всего начать не с рассказа. Я вам покажу картинки.

Я помигал.

— Картинки?

— Я покажу вам рождение и смерть вселенной, — довольный собой, сказал он. — Вы ведь на самом деле просили об этом.

— Правда?

— Да. Трудность в том, что вы просто отказывались понимать, насколько сложен этот вопрос. Потребуется некоторое время, не меньше

---

[27] Примечания: 27
Блинчик с острыми приправами. — *Примеч. пер.*

нескольких тысяч миллисекунд, даже если вы постараетесь не прерывать…

— Я прерву, когда мне понадобится, Альберт.

Он кивнул.

— Да, прервете. Это одна из причин того, что потребуется так много времени. Но если вы согласны потратить время…

— О, ради бога, начинай!

— Я уже начинаю, Робин. Минутку. Нужно подготовить картинку — готово, — с улыбкой заявил он.

И тут же исчез. Вместе со своей улыбкой.

Последнее, что я видел, была улыбка Альберта. Она задержалась на мгновение, потом не стало видно ничего.

— Ты играешь со мной в Алису в Стране Чудес, — упрекнул я его — упрекнул никого, потому что никого уже не было. Не было ни вкуса, ни зрения, ни осязания, ни запаха.

Но слышать можно было, и я услышал рассудительный голос Альберта:

— Немного забавы для начала, Робин, потому что отныне все становится очень серьезно. А теперь… Что вы видите?

— Ничего, — ответил я.

— Совершенно верно. Именно это вы и види-

те. Но то, на что вы смотрите, есть все. Это вся вселенная, Робин. Вся материя, энергия, время, пространство, которые когда-либо существовали или будут существовать. Это первичный атом, Робин, моноблок, то самое, из чего произошел Биг Бэнг, Большой взрыв.

— Я вообще ничего не вижу.

— Естественно. Невозможно видеть без света, а свет еще не изобретен.

— Альберт, — сказал я, — сделай мне одолжение. Мне ненавистно это чувство пребывания нигде. Нельзя ли увидеть хоть что-нибудь?

Недолгое молчание. Потом вернулось еле заметное улыбающееся лицо Альберта.

— Не думаю, что будет во вред делу, если мы сможем видеть друг друга, — признал он. — Так лучше?

— Гораздо лучше.

— Отлично. Но только помните, пожалуйста, что настоящего света еще нет. Света не бывает без фотонов, а все фотоны еще находятся в одной невидимой точке. Но это еще не все, — продолжал он, довольный собой, — даже если бы мы могли видеть, не существует места, откуда можно видеть, потому что вообще еще нет никакого пространства, в котором находилось бы это «место».

Пространство тоже еще не изобретено — или, если выразиться точнее, все пространство, и весь свет, и все остальное все еще находится в единой точке — вот здесь.

— В таком случае, — мрачно сказал я, — что ты имеешь в виду, говоря «здесь»?

— Ах, Робин! — благодарно воскликнул он. — Вы на самом деле не так уж тупы! Прекрасный вопрос — к несчастью, подобно большинству хороших вопросов, он бессмыслен. Ответ таков: вопрос поставлен неверно. Здесь нет никакого «здесь»; есть только видимость «здесь», потому что я стараюсь показать вам то, что по определению нельзя показать.

Я начинал терять терпение.

— Альберт, — сказал я, — если так будет продолжаться…

— Подождите, — приказал он. — Не сдавайтесь. Шоу еще не началось, Робин; я только устанавливаю декорации. Для того чтобы понять, как началась вселенная, вы должны отказаться от своих предубеждений относительно «времени», и «пространства», и «видения». В этот момент, примерно восемнадцать миллиардов лет назад, ничего подобного не существует.

— Если время еще не существует, — мудро заме-

тил я, — откуда ты знаешь, что это восемнадцать миллиардов лет назад?

— Еще один прекрасный вопрос! И такой же прекрасный ответ. Верно, что до Большого Бэнга такой вещи, как время, не существовало. Так что то, на что вы смотрите, могло существовать восемнадцать миллиардов лет назад. А могло и восемнадцать миллиардов триллионов квадрильонов квинтильонов и еще чего угодно лет назад. Вопрос задан неверно. Но этот… объект… он существовал, Робин. А потом взорвался.

Я отскочил. Он действительно взорвался, прямо у меня на глазах. Ничто неожиданно стало чем-то, точкой ослепительно-яркого света, и эта точка взорвалась.

Словно у меня на коленях взорвалась водородная бомба. Я почти чувствовал, как сморщиваюсь, испаряюсь, превращаюсь в плазму и рассеиваюсь. Раскаты грома ударили в мои несуществующие уши и забили по моему бестелесному телу.

— Боже мой! — закричал я.

Альберт задумчиво сказал:

— Возможно. — Эта мысль, казалось, доставила ему удовольствие. — Я хочу сказать, не в смысле персонифицированного божества — вы меня для этого слишком хорошо знаете. Но здесь, несо-

мненно, произошло Сотворение, вот и все.

— Что же произошло?

— Как «что»? Произошел Большой взрыв, — удивленно ответил Альберт. — Его вы и видите. Я думал, вы узнали его. Началась вселенная.

— И сразу остановилась, — заметил я, приходя в себя. — Потому что взрыв застыл.

— Я остановил его, да, потому что хочу, чтобы вы все хорошо разглядели. Вселенная еще молода, ее возраст приблизительно десять в степени минус тридцать секунд. О более раннем периоде не могу ничего сказать, потому что и сам не знаю. Не могу даже сказать, насколько велика была вселенная или то, что вы можете назвать то-что-существовало-до-вселенной. Вероятно, больше протона. Может быть, меньше шарика для пинг-понга. Могу сказать — мне кажется, — что преобладающей силой здесь были, вероятно, сильные ядерные взаимодействия или, возможно, тяготение. Так как здесь все компактно, сила тяготения, конечно, очень велика. Очень велика. И температура тоже. Точно не могу сказать насколько. Вероятно, так, как только возможно. Есть некие теоретические предпосылки, позволяющие считать, что максимально возможная температура достигает порядка десяти в две-

надцатой степени градусов Кельвина — могу привести аргументы, если хотите…

— Только если это абсолютно необходимо!

Он неохотно сказал:

— Не думаю, чтобы в данный момент это было абсолютно необходимо. Ну ладно. Не могу ничего особенного сказать о сцене, на которую вы сейчас смотрите, кроме некоторых моментов, которые вам и самому, по-видимому, очевидны. Например, этот фейерверк, на который вы смотрите, действительно содержит в себе *все*. Атомы и частицы, из которых в данный момент состоите вы, и я, и «Истинная любовь», и Сторожевое Колесо, и Земля, и Солнце, и планета Юпитер, и Магеллановы Облака, и все галактики в скоплении Девы, и…

— И все остальное, хорошо, — сказал я, чтобы остановить его. — Я понял. Это нечто огромное.

— Ах, — удовлетворенно сказал он, — но видите ли, вы не поняли. Оно не большое. Я позволил себе некоторые вольности, видите ли. Чуть преувеличил, потому что Биг Бэнг на самом деле был не такой уж большой. Насколько велик, по-вашему, этот огненный шар?

— Не могу сказать. Может, тысячу световых лет.

Он покачал головой и задумчиво сказал:

— Не думаю. Меньше. Может, у бэнга вообще нет размера, потому что пространство изобретено еще совсем недавно. Нет, он определенно маленький. Но содержит в себе все. Понятно?

Я только взглянул на него, и он сразу смягчился.

— Я знаю, вам очень трудно, Робин, но я хочу быть уверен, что вы поняли. Теперь относительно бэнга. Никакого «звука», конечно, не было. Не существовало среды для распространения звука. Кстати, не было для этого и места. Более важно то, что Большой Бэнг не походил на взрывы, которые начинаются от фейерверка и распространяются, потому что газы расширяются в воздухе, потому что…

— Потому что тут нет никакого воздуха, верно? Или даже пространства.

— Очень хорошо, Робин! Но есть и еще одно отличие этого бэнга от всех остальных бэнгов. Он не расширяется, как воздушный шарик или как химический или ядерный взрыв. Это нечто совершенно другое. Вы видели японские бумажные кораблики, когда их опускают в аквариум? Пропитываясь водой, они расширяются. Больше похоже на это. Но то, что пропитывало этот

первоначальный — назовите как угодно — атом, совсем не вода. А пространство. Вселенная не взорвалась. Она раздулась. Очень быстро и очень далеко. И продолжает делать это.

Я сказал:

— О!

Альберт некоторое время выжидательно смотрел на меня. Потом вздохнул, и взрыв продолжил взрываться.

Он окружил нас. Я думал, он поглотит нас. Нет. Но мы погрузились в море ослепительного света. И из него послышался голос Альберта.

— Я собираюсь передвинуть нас на несколько световых лет, — сказал он. — Не знаю насколько, просто хочу, чтобы мы посмотрели с некоторого удаления. — Большой огненный шар сократился и полетел от нас, пока не стал размером с полную Луну.

— Теперь вселенная уже состарилась, — сказал Альберт. — Ей примерно сотая доля секунды. Она горяча. Температура примерно десять в одиннадцатой степени градусов Кельвина. И она плотна. Я не имею в виду просто плотность материи. Материи еще нет. Вселенная слишком плотна для нее. Вселенная представляет собой массу электронов, позитронов, нейтрино и фото-

нов. Плотность ее примерно в четыре на десять в девятой степени раз плотнее воды. Вы знаете, что это означает?

— Мне кажется, я понимаю, как плотна плотность, но как горяча температура?

Альберт задумчиво сказал:

— Невозможно объяснить, потому что ничто не может быть таким горячим. Не с чем сравнивать. Мне придется воспользоваться одним из тех терминов, которые вы ненавидите. Вся вселенная находится в «термическом равновесии».

— Ну, Альберт… — начал я.

— Нет, выслушайте меня! — рявкнул он. — Это просто означает, что все частицы взаимодействуют и меняются. Представьте себе миллиарды триллионов выключателей, которые случайно срабатывают. В любой момент сколько их включается, примерно столько же и выключается, так что сохраняется общая сумма; это и есть равновесие. Конечно, там никаких выключателей нет. Электроны и позитроны взаимно аннигилируются, производя нейтрино и фотоны, и наоборот; но в одно и то же время количество разных событий уравновешивается. В результате равновесие. Хотя внутри этого равновесного состояния все мечется как сумасшедшее.

Я сказал:

— Вероятно, так и есть, Альберт, но тебе понадобилось дьявольски много времени, чтобы добраться до сотой доли секунды. А ведь нам предстоят восемнадцать миллиардов лет.

— О, — ответил он, — теперь мы двинемся гораздо быстрее. Не нужно выскакивать вперед, Робин. Идем дальше. — И отдаленный огненный шар расширился. — Десятая секунды — теперь температура упала до трех на десять в десятой градусов Кельвина. Одна секунда — она упала еще втрое. Теперь — позвольте на мгновение задержаться. Прошло четырнадцать секунд после Большого взрыва. Вселенная еще втрое похолодела; теперь ее температура всего три на десять в девятой степени градусов Кельвина. Это означает, что равновесие начинает нарушаться, потому что электроны и позитроны аннигилируются быстрее, чем производят противоположную реакцию. Мы остановились в этом пункте, Робин, потому что тут находится ответ на ваш вопрос.

— Ну, — как можно тактичнее сказал я, — если тебе не все равно, почему было сразу не дать мне ответ и не смотреть все это шоу?

— Потому что мне не все равно, — сердито ответил он, — а вы не понимаете. Но мы пойдем

еще быстрее. Теперь мы в нескольких минутах от бэнга. Температура уменьшилась еще втрое: она всего десять в девятой степени Кельвина. Становится так холодно, что возникают протоны и нейтроны. Они даже начинают объединяться в ядра водорода и гелия. Настоящая материя — и почти материя! Это пока только ядра, а не атомы. И вся эта так называемая материя сосредоточивает в себе лишь ничтожную долю массы вселенной. А все остальное — свет и нейтрино. Есть немного электронов, но вряд ли существуют позитроны.

— Как это? — удивленно спросил я. — А куда девались позитроны?

— С самого начала электронов было больше, чем позитронов. Так что когда они взаимно аннигилировались, остались лишние электроны.

— Почему?

— Ах, Робин, — серьезно ответил он, — это лучший из всех вопросов. Я дам вам ответ, который вы, вероятно, не поймете. Поскольку электроны и позитроны, как и все другие частицы, всего лишь колебания замкнутых струн, то число этих частиц в основном случайно. Вы хотите углубиться в теорию суперструн? Не думаю. Просто помните слово «случайно», и пойдемте дальше.

— Минутку, Альберт, — сказал я. — Где мы

сейчас?

— Примерно через двести секунд после Биг Бэнга.

— Гм, — сказал я. — Альберт. У нас впереди по-прежнему миллиарды и миллиарды лет…

— Больше, Робин. Гораздо больше.

— Замечательно. И если нам потребовалось столько времени на несколько минут, значит…

— Робин, — сказал Альберт, — вы можете отказаться в любую минуту, но тогда как я смогу ответить на вопросы, которые вы, конечно, будете продолжать задавать? Можем сделать небольшой перерыв, чтобы вы все это усвоили. Или, еще лучше, я могу ускорить движение.

— Да, — ответил я, без всякого удовольствия глядя на сверкающий шар, в котором все.

Я не хотел перерыва. Я хотел, чтобы все кончилось.

Признаю, что Альберт всегда знает, что хорошо для меня. Чего он не понимает, так это что «хорошо» — абстрактная концепция, и часто хорошо для меня то, чего я совсем не хочу. Я уже почти пожалел, что занялся всем этим делом, потому что мне оно не доставляло удовольствия.

Поэтому я хорошо знал, какая из трех альтернатив Альберта мне нужнее всего. Я предпочел

бы первый выход, потому что вся эта жара и давление меня уже утомили, а больше всего надоело сидеть неизвестно где в пустоте. Второй выход — сделать перерыв и, может быть, немного расслабиться с Эсси.

Так что я выбрал третий.

— Давай побыстрее, Альберт.

— Конечно, Робин. Идем дальше.

Шар угрожающе раздулся. Он по-прежнему представлял собой просто шар. Никаких звезд или планет, даже никаких комков в этом пудинге. Просто масса нерассортированного вещества, очень яркого. Впрочем, теперь она казалась несколько менее яркой, чем раньше.

— Мы шагнули далеко вперед, — счастливо сказал Альберт. — Прошло примерно с полмиллиона лет. Температура действительно сильно упала. Теперь она всего около четырех тысяч градусов Кельвина. Существует множество гораздо более горячих звезд, но, конечно, мы говорим не об отдельных точках, а о средней температуре всего. Вы заметили, что шар теперь не такой яркий? До сих пор вселенная была радиационно-доминировавшей. Преобладали в ней фотоны. Теперь начинает доминировать материя.

— Потому что больше не осталось фотонов,

верно?

— Нет, боюсь, неверно, — виновато сказал Альберт. — Фотонов по-прежнему много, но общая температура ниже, что означает, что в среднем на каждый фотон приходится меньше энергии. Отныне материя перевешивает во вселенной радиацию… вот так… — Шар еще больше раздулся и потемнел. — Миновало еще несколько сотен тысяч лет, и температура упала еще на тысячу градусов. В соответствии с законом Вайнберга: «Время, которое требуется вселенной, чтобы перейти от одной температуры к другой, более низкой, пропорционально разнице квадратов температур». Не думаю, чтобы вам нужно было понимать это, Робин, — печально добавил он, — хотя это прекрасное доказательство десятимерной суперсимметрии…

— Кончай, Альберт! Почему эта проклятая штука такая темная?

— Ах, — благодарно сказал он, — это интересный момент. Сейчас так много ядерных и электроноподобных частиц, что они закрывают свет. Так что вселенная становится непрозрачной. Но это изменится. До сих пор у нас были электроны и протоны, но вселенная была так горяча, что они и оставались в таком состоянии.

Как свободные частицы. Они не могли объединяться. Вернее, они непрерывно объединялись, образуя атомы, но температура тут же разрушала их. Теперь передвинем камеру, — шар снова увеличился и неожиданно стал ярче, — и внезапно — смотрите, Робин! Смесь прояснилась! Сквозь нее пробился свет. Электроны и протоны соединились, образовав атомы, и фотоны снова могут пролетать свободно!

Он помолчал. Его еле видное лицо довольно улыбалось.

Я напряженно думал, глядя на шар. Он начал демонстрировать — нет, не структуру, но по крайней мере намеки на то, что внутри что-то происходит, как на планете Уран, видимой издалека.

— Альберт, — сказал я. — Это все прекрасно, но смотри, тут еще очень много фотонов, верно? Так почему они не соединяются и не создают еще больше частиц, чтобы вселенная снова стала непрозрачной?

— О Робин, — страстно ответил он. — Иногда мне кажется, что вы вообще не тупы. Я отвечу вам. Помните мое знаменитое E равно mc в квадрате? У фотонов есть энергия — E. Если два фотона сталкиваются и их объединенная энергия равна

массе любой частицы, умноженной на квадрат скорости света, они при своем столкновении могут создать частицу. Когда вселенная была молода — пороговая величина температуры примерно десять в девятой степени градусов Кельвина, фотоны обладали огромной энергией и могли создавать дьявольское число частиц. Но вселенная остыла. И теперь они не могут. У них просто не хватает энергии, Робин.

— О, воув, — сказал я. — Знаешь что? У меня появилась иллюзия, что я почти понял!

— Не принижайте себя, — усмехнулся он. По-видимому, напомнил, что понимать полагается ему. Немного помолчал, потом раздраженно сказал: — Я еще не рассказал вам о создании кварков и адронов. Ничего не сказал даже об ускорении, а это очень важно. Видите ли, чтобы модель работала, нужно предположить, что в какое-то время после Биг Бэнга расширение шло быстрее. Я вам дам аналогию. У вас есть взрывчатка, которая продолжает взрываться, так что вначале взрыв не замедляется, а ускоряется. Настоящее объяснение гораздо сложнее, и…

— Альберт! Мне обязательно знать это?

— Нет, Робин, — сказал он немного погодя. Тон его был печален, но не настойчив.

— Почему бы нам тогда еще немного не передвинуть камеру?

— Хорошо.

Вероятно, все дети любят играть в железную дорогу. Смотреть, как разрастается созданная Альбертом модель вселенной, все равно что играть с огромной игрушечной железной дорогой, какую только может вообразить ребенок.

Конечно, тут нельзя заставить двигаться поезд. Но смотреть все равно интересно. Шар раскачивался и вертелся, потом начал раскалываться. Наша «камера» приблизилась к одному обломку, и я увидел, что он раскалывается на еще меньшие тела. Образовывались кластеры и метагалактики, в знакомых спиральных формах начали вращаться настоящие галактики. Вспыхивали и гасли отдельные точки света; в центрах газовых облаков возникали новые.

— Теперь у нас есть звезды, — объявил Альберт откуда-то рядом со мной. — Это первое поколение. Облака водорода и гелия сжимаются, в центре их начинается ядерная реакция. Здесь готовятся все тяжелые элементы, те самые, из которых сделано ваше плотское тело, — углерод, азот, кислород, железо, все элементы тяжелее гелия. Потом, когда взрываются сверхновые, — он указал на одну

звезду, которая послушно вспыхнула в потоке света, — все эти элементы расплываются в пространстве, пока не сожмутся в другую звезду и ее планеты. А потом из них образуются другие предметы. Как вы, Робин.

Я закричал:

— Ты хочешь сказать, что все атомы побывали в звездном ядре?

— Те, из которых состоит ваше плотское тело, — поправил он. — Да, Робин. В сущности, тут наша Галактика. Можете узнать ее?

Он остановил вращающееся облако, чтобы я смог вглядеться.

— Они все кажутся одинаковыми, — пожаловался я.

— Большинство действительно похожи, — согласился он. — Но вот это М-31, а вот это Магеллановы Облака. А вот эта спираль — это мы.

Он показывал на сверкающий водоворот светлячков, окруженный другими светлячковыми пятнами на фоне слабо искрящейся темноты.

— Не вижу, где здесь мы с тобой, — сказал я, пытаясь пошутить.

Он воспринял это серьезно. Кашлянул.

— Боюсь, я немного забежал за нынешнее время, — извинился он. — Вся человеческая история

вместе с образованием планет и превращением Солнца в красного гиганта — все это уже миновало. Вы все это пропустили.

Я повернулся и взглянул на его туманное лицо.

— Не знаю, хочу ли я слушать дальше, — сказал я, и сказал серьезно.

Он чуть насмешливо смотрел на меня.

— Но это только реальность, Робин, — сказал он. — Это правда, хотите ли вы ее слушать или нет. Вероятно, это способно изменить ваше мнение о собственном значении во вселенной…

— Еще бы!

— Ну что ж, — сказал он, — это не так уж плохо. Но не воспринимайте это слишком близко к сердцу. Помните, все это — абсолютно все — пытается изменить Враг.

— О, отлично! И поэтому я должен чувствовать себя лучше?

Он какое-то время разглядывал меня.

— Не лучше, нет. Но в более тесной связи с реальностью. Помните, что у вас, и у меня, и у остального человечества, и у хичи, и у машинных разумов есть только два выхода. Мы можем позволить Врагу делать то, что он делает. Или мы можем противостоять ему.

— А как?

Он задумчиво посмотрел на застывшую модель.

— Показать, что будет дальше?

— Ты меняешь тему!

— Я знаю, Робин. Я собираюсь запустить модель. Возможно, если вы поймете все, что это влечет за собой, вы сможете каким-то образом помочь в решении проблемы. А может, нет. Может, проблема не поддается решению; но в любом случае я не вижу для нас — или кого-то, кто будет после нас — другого выхода, кроме как попробовать. А эффективная попытка без знаний невозможна.

— Но я боюсь!

— Вы были бы сумасшедшим, если бы не боялись, Робин. Ну, так хотите увидеть, что будет дальше?

— Не знаю, хочу ли я!

Я говорил серьезно. Начинал по-настоящему нервничать. Смотрел на пятнистое сияние, которое некогда содержало в себе меня, и Эсси, и Клару, и всех фараонов и королей, всех святых и негодяев, и всех исследователей хичи, и певцов лежебок, и динозавров, и трилобитов — все было здесь и все исчезло, давно исчезло, теперь оно так же далеко от нас, как рождение Солнца.

Да, я испугался. Все это такое огромное.

Никогда в жизни я не чувствовал себя таким крошечным, беспомощным и нереальным. Все это вошло в мою жизнь. И оказалось хуже умирания, хуже даже, чем когда меня расширили. Конечно, то было ужасное испытание, но у него было будущее.

А теперь это будущее стало прошлым. Все равно что смотришь на собственную могилу.

Альберт нетерпеливо сказал:

— Вы хотите увидеть. Я продолжаю.

Галактика завертелась, как волчок. Я знал, что каждый оборот занимает четверть миллиарда лет, но она вращалась как бешеная, и происходило кое-что еще. Окружающие галактики-спутники расползались.

— Они расходятся! — воскликнул я.

— Да, — согласился Альберт. — Вселенная расширяется. Она не может сделать больше материи или энергии, но производит все новое пространство. Все стремится отойти подальше друг от друга.

— Но звезды в Галактике этого не делают.

— Пока нет. Пока еще незаметно. Просто смотрите: мы уходим в будущее на сто миллиардов лет.

Галактика начала вращаться еще быстрее, на-

столько быстро, что я уже не видел движения, все слилось. Но я заметил, что даже Местная Группа почти исчезла из виду.

— Я остановлю на мгновение, — сказал Альберт. — Вот. Вы видите что-нибудь необычное в нашей Галактике?

— Кто-то выключил множество звезд.

— Совершенно верно. Она стала темнее, да. Звезды выключило время. Они состарились. И умерли. Вы заметили, что Галактика стала красноватой по цвету, она больше не белая. Большие белые звезды умерли первыми; старые красные умирают медленнее. Даже маленькие звезды классов F и G, желтые карлики, не больше нашего Солнца, тоже сожгли все свое ядерное топливо. Скоро погаснут и тусклые красные. Смотрите.

Медленно, медленно Галактика… погасла.

Больше ничего не было видно, только туманные очертания наших воображаемых тел и воображаемое лицо Альберта. Улыбающееся. Задумчивое.

Печальное.

Что касается меня, то слово «печальный» ничего не описывает. Все остальное, что происходило со мной, все бесформенные страхи, которые не давали мне уснуть по ночам, — все это ничто.

Я увидел Конец.

Вернее, так я думал и так чувствовал, и все человеческие заботы показались мне ничтожными в сравнении с этим. Но когда я сказал:

— Значит, это конец вселенной? — Альберт удивленно посмотрел на меня.

— О нет, Робин, — ответил он. — Почему вы так подумали?

— Но ведь ничего не осталось!

Он покачал туманной головой.

— Неверно. Все по-прежнему здесь. Состарилось, и звезды умерли, да. Но они по-прежнему здесь. Планеты, конечно, мертвы. Температура их ненамного выше абсолютного нуля; жизни больше нет, если вы это имеете в виду.

— Именно это!

— Да, Робин, — терпеливо сказал он, — но это только ваш антропоморфический взгляд. Вселенная продолжает охлаждаться и создавать новое пространство, расширяясь. Но она мертва. И останется мертвой навсегда… если только…

— Если только что? — спросил я.

Альберт вздохнул.

— Давайте снова устроимся поудобней, — сказал он.

Я замигал, обнаружив, что снова нахожусь в

обычном мире.

Окружавшая нас ужасная чернота исчезла. Я сидел на веранде своего дома на Таппановом море, в руке полупустой стакан, а напротив в плетеном кресле спокойно посасывает трубку Альберт.

— Боже мой, — слабо сказал я.

Он только кивнул, глубоко задумавшись. Я одним глотком прикончил выпивку и позвонил, чтобы принесли еще.

Альберт, оторвавшись от своих мыслей, сказал:

— Вот так будет, если вселенная продолжит расширяться.

— Это страшно!

— Да, — согласился он, — это пугает даже меня, Робин. — Он чиркнул деревянной кухонной спичкой о подошву своего потертого башмака и затянулся. — Должен заметить, что демонстрация заняла гораздо больше времени, чем я планировал. Мы почти причаливаем к спутнику Звездного Управления. Если хотите взглянуть…

— Подождет! — выпалил я. — Ты завел меня так далеко, а как же остальное? Какое все это имеет отношение к Врагу?

— А, да, — задумчиво сказал он. — Враг.

Казалось, он опять ненадолго погрузился в мысли, потягивая трубку и глядя в пространство. А когда заговорил, казалось, обсуждает совершенно другую проблему.

— Знаете, — сказал он, — когда я был… живой… космологи оживленно спорили, будет ли вселенная продолжать расширяться, как я только что показал вам, или, дойдя до определенного пункта, начнет впадать в себя, как вода в фонтане. Вы ведь понимаете, что зависит это в основном от плотности вселенной?

— Да, кажется, — ответил я, стараясь не упустить его мысль.

— Пожалуйста, не сомневайтесь в этом, — резко сказал он. — Это ключевой пункт спора. Если во вселенной достаточно материи, ее объединенная сила тяжести остановит расширение, и вселенная начнет сжиматься. Если недостаточно, не остановит. В таком случае вселенная будет расширяться вечно, как вы и видели.

— Конечно, видел, Альберт.

— Да. Ну, критическая плотность — то есть общая масса всего во вселенной, деленная на общий объем вселенной, — равна примерно пяти на десять в минус тринадцатой степени грамма на кубический сантиметр. В более привычных

терминах это примерно равно одному атому водорода в пространстве, занимаемом вашим телом.

— Не очень много, верно?

— К несчастью, — вздохнул он, — это очень много. Вселенная не настолько плотна. Такого количества атомов в ней нет. Ученые давно искали массу, но никто не сумел отыскать достаточно звезд, пылевых облаков, планет, физических тел любого типа или фотонов энергии, чтобы намного увеличить массу. Чтобы вселенная сокращалась, массы должно быть в десять раз больше. Может, даже в сто раз. И еще больше. Мы не находим даже достаточно массы для объяснения нынешнего вращения галактик вокруг их центров. Это и есть знаменитая «недостающая масса». Хичи много думали об этом, и мои коллеги тоже… Но сейчас, — серьезно сказал он, — мне кажется, я знаю объяснение этой загадки, Робин. Измерения параметра замедления верны. Неверна оценка массы. Предоставленная самой себе, вселенная расширялась бы бесконечно. Это открытая вселенная. Но Враг закрыл ее.

Я барахтался, все еще под впечатлением ужасного зрелища. Машина-служанка принесла напитки, я сделал большой глоток, прежде чем

спросил:

— Но как он мог это сделать?

Альберт укоризненно пожал плечами.

— Не знаю. Могу догадаться, что каким-то образом он добавил массу, но это всего лишь отвлеченное рассуждение; во всяком случае, к вашему вопросу оно не имеет отношения. Я имею в виду первоначальный ваш вопрос. Вы помните его?

— Конечно. — Но тут же уточнил: — Он имеет какое-то отношение к… о, верно! Я хотел знать, что выиграет Враг от того, что вселенная снова сожмется. А ты, вместо того чтобы ответить, увел меня на миллиарды лет в будущее.

Он смотрел на меня виновато, но только слегка.

— Может, я излишне увлекся, — признал он, — но было ведь интересно, верно? И имеет прямое отношение к ответу. Давайте еще раз взглянем на вселенную примерно в возрасте одного триллиона лет…

— Дай мне прикончить выпивку, черт возьми!

— Конечно, — миролюбиво сказал он. — Я просто покажу вам; можете оставаться на месте, я не буду менять окружение. Вот!

Поперек Таппанова моря повисла большая

черная плоскость. Рыбаки и пловцы на парусных досках исчезли вместе с холмами противоположного берега, их заменил знакомый черный свод в слабых красноватых искрах.

— Мы видим вселенную примерно через миллион миллионов лет после нашего времени, — сказал он уютно, помахивая черенком трубки.

— А что это за маленькие прыщавые штуки? Попробую догадаться. Звезды красные карлики? — с умным видом сказал я. — А все большие уже выгорели. А зачем мы снова отправились в будущее?

Он объяснил:

— Потому что даже для Врага вселенная обладает огромной инерцией. Она не может мгновенно остановиться и повернуть движение назад. Она будет продолжать расширяться, пока тяготение «недостающей массы», которую Враг каким-то образом добавил, не начнет стягивать материю. А теперь смотрите. Мы на пределе расширения, и я собираюсь показать вам, что произойдет дальше. Мы увидим, как вселенная съеживается, и я ускорю картину, так что назад мы пойдем очень быстро. Смотрите, что произойдет.

Я кивнул, усаживаясь поудобнее и прихлебывая выпивку. Возможно, нереальный алкоголь

благотворно действует на мой нереальный обмен веществ, а может, дело в том, что я сидел в удобном кресле в приятной обстановке. Так или иначе, картина больше не казалась мне такой пугающей. Я вытянул босые ноги и пошевелил пальцами перед обширной черной кляксой, закрывшей море; галактики снова начали сползаться. Они не казались очень яркими.

— Нет больше ярких звезд? — разочарованно спросил я.

— Нет. Откуда им взяться? Они умерли. Но смотрите: я еще немного ускоряю картину.

Черная клякса начала сереть и светлеть, хотя сами галактики не светлели. Я закричал:

— Стало больше света! Что происходит? Есть звезды, которых я не могу видеть?

— Нет, нет. Это излучение, Робин. Оно делается ярче из-за голубого смещения. Во времена расширения вселенной излучение наиболее далеких объектов смещалось в красную часть спектра — старый эффект Допплера, вспомнили? Потому что тогда они уходили от нас. Теперь вселенная сокращается, и они приближаются к нам. Что происходит в этом случае?

— Свет смещается к синему концу спектра? — предположил я.

— Замечательно, Робин! Совершенно верно. Свет смещается в направлении голубого — смещается все, в том числе за видимыми пределами. Это означает, что фотоны получают большую энергию. Температура пространства — средняя температура вселенной — уже на много градусов превышает абсолютный нуль и быстро повышается. Видите, как сливаются эти черные комки?

— Похоже на изюм в «Джелло»[28].

— Да, верно, только на самом деле это то, что осталось от галактик. На самом деле это огромные черные дыры. Они слипаются и начинают светиться. Видите, Робин? Они поглощают друг друга.

— И вся штука становится намного ярче, — сказал я, заслоняя глаза. Теперь я не видел даже парусные яхты за краями картины: их поглотила яркость.

— О, гораздо ярче. Фоновая температура теперь составляет тысячи градусов, горячо, как на поверхности Солнца. И все эти старые мертвые звезды начинают нечто вроде новой жизни, как зомби, потому что внешнее тепло разогревает их. Большинство из них просто испарится, но другие

---

[28] Примечания: 28

Фирменное название концентрата желе. — *Примеч. пер.*

— вот! — Яркая точка устремилась к нам и мимо нас. — Это была большая старая звезда, такая большая, что в ней осталось немного горючей материи. И жара начала в ней новую ядерную реакцию.

Я отстранился от (нереальной) жары.

Альберт, снова в настроении лектора, указал на меня черенком трубки.

— Все, что осталось от всех звезд и галактик, теперь стекается друг к другу. Черные дыры сливаются, фотоны передвинулись в ультрафиолетовую область и дальше, температура достигает миллионов градусов — Himmelgott![29] — закричал он, и я закричал тоже, потому что вся сцена сморщилась, превратилась в одну невыносимо яркую точку.

И исчезла.

Виндсерферы по-прежнему плавали на Таппановом море. Легкий ветерок шевелил листья азалий. Зрение постепенно возвращалось ко мне.

Альберт вытер глаза.

— Наверно, в конце нужно было чуть замедлить, — задумчиво сказал он. — Можно пустить

---

[29] Примечания: 29
Силы небесные! (*нем.*) — *Примеч. пер.*

заново — нет, конечно, нет. Но вы поняли главное.

— Да, — потрясенно ответил я. — А что теперь?

— А теперь все сначала, Робин. Вселенная взрывается, снова загораются звезды, но теперь — по-другому! — Он с удивлением оглянулся на приятную сцену. Потом снова повернулся ко мне. — Знаете, — сказал он, — я бы тоже немного выпил. Может, темного пива, швейцарского или немецкого?

Я серьезно ответил:

— Ты никогда не перестанешь удивлять меня, Альберт. — Я хлопнул в ладоши. Конечно, в этом не было необходимости. Тут же появилась прислуга с высокой керамической пивной кружкой, через край ее переливалась золотистая пена.

— Значит, это хочет сделать Враг? Создать новую вселенную?

— Другую вселенную, — поправил Альберт, вытирая пену с губ. Он виновато посмотрел на меня. — Робин. Я забыл об остальных своих обязанностях по отношению к вам. Мы приближаемся к спутнику ЗУБов. Может, хотите присоединиться к своим друзьям на экране?

— Чего я хочу, — ответил я, — так это покончить к дьяволу со всем! Заканчивай! Что значит

«другую» вселенную?

Он наклонил голову.

— Вот здесь в дело вступает мой старый друг Эрнст Мах, — объяснил он. — Вы помните, я говорил вам о позитронах и электронах, взаимно уничтожающих друг друга? Остались только электроны, потому что с самого начала их было больше? Допустим, вселенная начнет с равного числа, так что в конце не останется и электронов. А также протонов и нейтронов. Что мы получим? Чистое излучение! Ничто не сможет мешать свободному потоку энергии — а также энергетическим существам!

— Этого и хочет Враг? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Альберт. — Это одна из возможностей. Но если Мах прав, существуют и другие, более серьезные возможности. В какой-то определенный момент истории вселенной, когда соотношение электронов и позитронов определялось случайными событиями…

— Какими случайными событиями? — спросил я.

— Я и этого не знаю. Но все частицы, в сущности, всего лишь колебания замкнутых струн. Вероятно, свойства струн могут производить колебания любого типа. Еще немного терпения, Робин,

потому что, знаете, у меня были затруднения с принципом неопределенности, или случайных событий, мне это всегда трудно давалось в моей плотской жизни. — Он подмигнул.

— Не подмигивай! Вообще не умничай!

— Ну хорошо. Но если Мах прав, эти случайные отклонения определяют не только соотношение частиц, но и многое другое, включая физические константы вселенной.

— Но как это может быть, Альберт? Я хочу сказать — ведь это законы!

— Законы основаны на фактах, а сами факты, как утверждает Мах, генерируются случайно. Я совсем не уверен, сколько так называемых «фундаментальных постоянных» на самом деле фундаментальны во вселенском смысле. Вероятно, следовало бы сказать, в мультивселенском смысле. Вам никогда не приходило в голову, например, спросить себя, почему постоянная Больцмана равна один точка три восемь ноль шесть шесть два на десять в минус двадцать третьей степени джоуля на один градус Кельвина, а не какой-то другой величине?

Я со всей откровенностью ответил:

— Такая мысль никогда не приходила мне в голову.

Он вздохнул.

— Но в мою приходила, Робин. Должна быть причина, почему величина именно такова. Мах говорит: да, такая причина существует, просто на какой-то ранней стадии случилось именно так. Итак, все физические константы могли бы быть совсем другими, если бы эти ранние случайные флуктуации случайно проходили бы по-другому.

Он сделал еще глоток пива.

— Пункт, когда это происходит, хичи называют «фазой местоположения», потому что он представляет смену фаз, как преобразование воды в лед. В этот момент прекращаются случайные флуктуации и определяются все «чертовы числа». Я не имею в виду тривиальные постоянные или установленные людьми. Я имею в виду фундаментальные законы, какими мы их знаем, но которые не можем вывести из базовых принципов. Основание натуральных логарифмов. Скорость света. Константа тонкой структуры. Постоянная Планка — не знаю, сколько их еще, Робин. Возможно, в другой вселенной арифметика будет неперестановочной и не будет закона обратных квадратов. Я не могу поверить в вероятность этого, но ведь и все это звучит невероятно, верно?

— И ты считаешь, что Враг будет переделывать

вселенную, пока не добьется своего?

— Не знаю, — ответил Альберт. — Может, он надеется сделать ее правильной — правильной для него, я хочу сказать. Изменить законы вселенной! Создать новые законы! Сконструировать вселенную, более удобную для его типа жизни…

Я долго молчал, стараясь ухватить все. И не сумел.

Я сказал:

— Ну, так какой будет их вселенная?

Альберт сделал большой глоток из кружки и осторожно поставил ее. Глаза его были устремлены в бесконечность. В левой руке он держал трубку; черенком медленно почесывал сморщенный лоб.

Я помигал и переменил позу.

— Это будет девятимерное пространство?

Никакого ответа. Ничего, кроме пустого взгляда, устремленного в пустоту.

Я встревожился. Сказал:

— Альберт! Я задал тебе вопрос! Какую вселенную хочет создать Враг?

Он посмотрел на меня, не узнавая. Потом вздохнул. Задумчиво почесал голую лодыжку и очень серьезно ответил:

— Робин, понятия не имею.

11. Хеймат

Я рассказывал вам о хороших людях и о людях с недостатками, пришла пора рассказать о по-настоящему плохом человеке. Он вам не понравится, но вам следует познакомиться с ним. Я кратко упоминал его, когда говорил о террористах, но не оценил по достоинству. Я хотел бы оценить его по достоинству, очень хотел, вероятно, вплоть до петли висельника, но этого не случилось. К несчастью.

Зовут его Берп Хеймат, и некогда он был двузвездным генералом в Высоком Пентагоне.

Именно Хеймат убедил нового супруга Клары, что единственный способ достичь мира и справедливости — взорвать как можно больше людей. Это одно из самых незначительных его преступлений.

Кроме всего прочего, однажды он пытался убить меня лично.

Возможно, и не однажды, потому что далеко не все обнаружилось на суде. Со мной он потерпел неудачу. Но с несколькими сотнями других — по крайней мере с несколькими сотнями — добился успеха. Хеймат на суде отказался признать себя виновным в убийствах. Он вообще не хотел на-

зывать это убийством. Называл революционной справедливостью, потому что он был террористом. Суд, с другой стороны, конечно, называл это убийством, каждый отдельный случай назвал убийством и за каждую смерть приговорил Хеймата к пожизненному заключению. И так как Хеймат был не просто свихнувшимся придурком, а доверенным генералом Американских космических сил, приговор вынесли по совокупности содеянного им. И вот, хотя в приговоре указано, что Хеймету предстоит провести в заключении 8750 лет, время шло, и теперь ему отбывать осталось только 8683 года.

У него были все основания считать, что он отбудет каждый день этого срока, потому что даже преступники имеют право на машинную запись. И поэтому срок его заключения не закончится со смертью.

Теперь мне даже нравится рассказывать о генерале Берпе Хеймате. После ошеломляющей демонстрации Альбертом бесконечности и вечности приятно поговорить просто о человеке, всего лишь презренном преступнике.

Каждый день Хеймата был таким же, как все остальные. Вот как начинается его день.

Когда он проснулся, постельная машина по-

прежнему лежала рядом с ним, свернувшись, но он знал, что она не спит. Он знал также, что она неживая, но так как другого общества у Хеймата почти не было, он перестал замечать это.

Когда Хеймат спустил ноги с кровати, она тоже начала подниматься, но он толкнул ее назад. Достаточно мягко после неистовства последней ночи. Но не очень мягко, потому что (к сожалению) она очень сильна.

Она некоторое время смотрела, как он одевается, потом спросила:

— Ты куда?

— Ну, — ответил Хеймат, — пройдусь до берега, потом переплыву пролив, сяду в самолет до Лос-Анджелеса. Там я предполагаю взорвать несколько зданий. — Он немного подождал ответа, но не получил его. Да и не ожидал получить. У нее нет никакого чувства юмора. Для Хеймата это постоянное разочарование. Хеймат гораздо больше был бы доволен жизнью, если бы ему хоть иногда удавалось заставить свои постельные машины рассмеяться. Конечно, гораздо большее удовольствие он получил бы, если бы они плакали от боли. Власти дали ему спутницу, которая выглядит и пахнет как женщина, которая на ощупь и на вкус неотличима от женщины.

Но почему не сделать так, чтобы она могла чувствовать?

Хеймату не приходило в голову, что он не заслуживает заботы со стороны властей или кого бы то ни было.

За дверью машина-охранник подмигнула и прошептала:

— Что скажешь, Хеймат? Хороша она была?

— Нет, — ответил Хеймат, не поворачивая головы. — Я тебе говорил, что мне нравятся блондинки. И маленькие. Хрупкие.

Охранник вслед ему сказал:

— Я посмотрю, что можно будет достать на следующую ночь, — но Хеймат не ответил. Он думал о слове, которое только что употребил. «Хрупкая». Миниатюрная хрупкая блондинка! Живая! Настоящая живая женщина, с хрупкими маленькими конечностями, которые можно выворачивать и ломать, с кричащим ртом и искаженным болью лицом…

В этом месте он заставил себя не думать. Не потому, что эта мысль причиняла ему стыд: Хеймат уже давно не знал стыда. Остановился, потому что мысль причиняла ему такую радость, он испытывал такое отчаянное желание, что испугался: лицо может выдать его чувства, а Хеймат

по-прежнему считал своей победой, что всегда держит свои чувства при себе.

Островная тюрьма Хеймата расположена очень далеко от всех континентов и крупных городов. Она построена в расчете на триста восемьдесят самых страшных преступников и должна была удержать их, что бы они ни затеяли.

Теперь все это лишнее, потому что единственным активным заключенным в тюрьме был Хеймат. Просто уже не нашлось трехсот восьмидесяти отчаянных заключенных. Во всем мире не осталось такого числа. Со страшных дней терроризма и голода поступления в тюрьму сильно сократились. О, конечно, время от времени снова подворачивались психопаты, но то, что Альберт (мы с ним обсуждали эту проблему) называет «предрасположенностью к преступлениям», встречается редко.

Дело в том, что условия жизни стали гораздо лучше. Нигде в человеческой Галактике не осталось мест, где новые поколения вырастали, чтобы грабить, убивать и разрушать, потому что у них нет другого способа облегчить свои несчастья. Большинство заключенных в тюрьмах — это ветераны дней терроризма и массовых преступлений, и их осталось немного. Заклю-

ченные почти все отправились в другие места, в колонии, где предстоит трудная работа. Остальные либо достаточно реабилитировались, либо благополучно умерли. Сам Хеймат был уже очень стар — старше даже меня, ему не меньше ста тридцати. Конечно, он получал Полную Медицину. И мог прожить во плоти еще пятьдесят лет, потому что заключенным предоставляются все запасные органы, как только в этом возникает необходимость. Когда они умирают, происходит это не от старости, болезни или несчастного случая. Почти всегда — просто от бесконечной скуки. Однажды утром, ничем не отличающимся от других, они просыпаются, оглядываются и решают, что машинная запись нисколько не хуже. И тогда отыскивают подходящую возможность и убивают себя.

Но не Хеймат.

Единственным другим плотским заключенным в тюрьме был бывший советский маршал по фамилии Пернецкий. Подобно Хеймату, он служил оплотом террористов, используя свое высокое положение в военной иерархии, чтобы помогать им убивать и разрушать. Эти двое были вначале коллегами в террористическом подполье, потом долгие годы заключенными. Конечно, не друзья-

ми. Ни у одного из них не было настоящих друзей. Но все же они были достаточно близки, и поэтому Хеймат искренне удивился, узнав однажды, что Пернецкий сжег себе всю пищеварительную систему каким-то чистящим средством.

Не очень удачная попытка самоубийства.

Охранники сразу ее заметили, и теперь Пернецкий находится в палате интенсивной терапии, в тюремной больнице.

Для человека, у которого нет никаких целей, любая цель так же хороша, как все остальные, поэтому Хеймат решил взглянуть на Пернецкого.

Тюремная больница размещалась на том же участке, что и остальные сооружения огромного тюремного комплекса. В больнице сто тридцать коек, и каждую можно изолировать при помощи звуконепроницаемых перегородок из стекла и стали. Пернецкий был единственным пациентом.

Хеймат через широкий теплый газон, поросший гибискусом и пальмами, прошел к больнице, не обращая внимания на машину-садовника, которая срывала цветы для его стола и убирала опавшие ветви. Но сестру в приемной он игнорировать не мог. Когда он вошел, она посмотрела на него и с профессиональной улыбкой сказала:

— Доброе утро, генерал Хеймат. Вы раскраснелись. Не хотите, чтобы я измерила вам давление крови?

— Ничего подобного, — фыркнул Хеймат, но остановился, чтобы поговорить. Он всегда был более вежлив с врачами, чем с остальным персоналом тюрьмы. У него была теория, которую он так никогда и не решился проверить, что среди врачей могут оказаться и живые люди. К тому же в присутствии врачей он мог думать о себе как о пациенте, а не заключенном. Жизненная роль всегда была важна для Хеймата. Он последовательно и очень хорошо исполнял роли кадета Вест-Пойнта, лейтенанта морской пехоты, командира роты, дивизионного генерала, двузвездного генерала — тайного солдата освободительных революционных сил! — заключенного. — Не хочу, чтобы вы измеряли мне кровяное давление, — сказал он, — потому что вы и так его прекрасно знаете и просто хотите дать мне лекарство, которое мне не нужно. Но вот что я вам скажу. Если бы вы были на шесть сантиметров ниже и на десять лет моложе, я помог бы немного поднять ваше давление. Особенно если бы вы были блондинкой. И хрупкой.

Профессиональная улыбка сестры оставалась

профессиональной.

— Вы слишком многого от меня хотите, — сказала она.

— Но вы должны давать мне все, в чем я нуждаюсь, — ответил он. Разговор уже наскучил ему. Он решил, что она все-таки не настоящий человек, и пошел дальше.

Никто его не останавливал. Какой в этом смысл? Но звуконепроницаемых стен вокруг постели Пернецкого не было. В них тоже нет смысла, потому что трансплантаты Пернецкого далеки от приживления и он привязан к своей системе жизнеобеспечения прочнее, чем цепями.

Хеймат взглянул на своего последнего живого единомышленника, лежащего с трубками в носу. Гудели крошечные насосы.

— Ну, Петр, — сказал он, — когда ты собираешься выходить отсюда? Или твоя следующая остановка — файл мертвецов?

Русский не ответил. Он уже несколько недель ни на что не отвечал. И только предательские приборы в ногах постели, с их синусоидальными графиками и редкими взрывами, свидетельствовали, что он не только жив, но иногда и бодрствует.

— Мне тебя почти не хватает, — задумчиво

сказал Хеймат и закурил сигарету, не обращая внимания на запрет — из-за присутствия кислорода и опасности для жизни. Охранник незаметно придвинулся поближе, но не стал вмешиваться.

Когда-то здесь располагалась военная охрана тюрьмы. За стеклянной дверью Хеймат видел стойки с мундирами. Голубые и хаки американские, белые и тускло-коричневые русские. Их больше никто никогда не наденет.

— Если встанешь, — попробовал подольститься Хеймат, — я сниму этот глупый больничный халат и надену мундир. Ты тоже. И у нас будет военная игра; помнишь, как ты разбомбил Нью-Йорк и Вашингтон, а я в ответ уничтожил весь твой ракетный комплекс?

Пациент ничего не ответил. Хеймат решил, что это тоже ему прискучило.

— Ну хорошо, — сказал он, посылая струю дыма в лицо Пернецкому, — мы все равно знаем, что победитель предает проигравшего суду. С нашей стороны, было глупо проигрывать.

Но когда он собрался уходить, голова советского маршала чуть шевельнулась и глаз мигнул.

— Ах, Петр! — воскликнул Хеймат. — Ты опять их дурачишь!

Губы маршала раскрылись.

— Вчера вечером, — прошептал он. — Грузовики. Узнай почему.

Потом он закрыл глаза и больше не открывал.

Естественно, никто из персонала тюрьмы не ответит на вопросы Хеймата. Придется пойти и самому разузнать, о чем говорил Пернецкий.

Хеймат побродил по территории тюрьмы — три квадратных километра ее расположены на склоне горы, с прекрасным видом на море, до которого не сумеет добраться ни один заключенный. Большинство камер пусты и закрыты. Служебные помещения — источники энергии, уборка мусора, прачечные — все это не закрыто, продолжает пыхтеть, но Хеймату туда нет доступа.

Все остальное открыто, но этого остального немного. Тюрьма представляет собой ферму. Первоначально она должна была предоставить работу заключенным, когда их было достаточно; теперь работают машины, потому что ферма производит большое количество ценных экзотических растений. Но все здесь такое же, как всегда. Ничего не изменилось ни у бассейна, ни в спортивном зале, ни в обширном пустом зале для развлечений с его играми, книгами и экранами.

Так что имел в виду Пернецкий, говоря о гру-

зовиках?

Хеймат думал, стоит ли заглядывать в файл мертвецов. Это здание далеко, выше по склону, у самой внешней ограды тюрьмы, и подниматься туда трудно. Уже довольно давно Хеймат таких усилий не предпринимал.

Вспомнив это, он сразу решил идти. Всегда полезно проверять периметр тюрьмы. Однажды как-нибудь удастся выскользнуть, и тогда появится возможность…

Возможность чего?

Хеймат мрачно хмыкнул, поднимаясь по тропе между цветов к файлу мертвецов. Конечно, возможность бегства. Даже после всех этих лет у него сохранялась надежда.

«Надежда» — слишком сильное слово. Настоящей надежды на бегство у Хеймата не было. Во всяком случае, даже если удастся уйти из тюрьмы, все равно скрыться невозможно. В этом мире, полном мудрых и бдительных компьютерных программ, очень скоро одна из них проникнет в его маскировку.

С другой стороны…

С другой стороны, думал Хеймат, стараясь сохранять на лице бесстрастное выражение, когда поблизости оказывались рабочие машины, с

другой стороны, человек, достаточно храбрый и решительный, прирожденный предводитель, наделенный харизмой и силой, короче, человек, подобный ему самому, может повернуть ход событий! Вспомни о Наполеоне, сбежавшем с Эльбы! Сторонники стекаются к нему! Ниоткуда возникают армии! Освободившись, он найдет последователей, и тогда к дьяволу их машины и шпионы, люди прикроют его. В этом Хеймат не сомневался. В глубине сердца он был уверен, что какими бы ни старались показаться люди, на самом деле они так же алчны и высокомерны, как он сам, и больше всего они хотят, чтобы вождь сказал им: алчность и высокомерие не только допустимы, но они диктуют лучшее поведение.

Но сначала нужно сбежать.

Хеймат остановился на развилке, чуть запыхавшись. Для человека старше ста лет подъем трудный, хотя Хеймат уже забыл, сколько у него новых органов. А солнце печет. Хеймат покорно осмотрел тюремную ограду. Ничего не изменилось. Это даже не стены: полоска кустов, очень красиво подрезанных, но полных сенсоров, потом промежуток и новая полоска, тоже красивая на глаз, но полная парализующих приспособлений. Ну и конечно, дальше третья линия. Эта смертель-

на. Покойный майор Адриан Винтеркуп доказал это всем остальным, потому что избрал ее для своего самоубийства. Эксперимент окончился вполне удачно. (Впрочем, его тут же отправили на запись в файл мертвецов.)

И в любом случае многочисленные машины-садовники, которые всегда на виду и поблизости, сразу становятся охранниками. Потому что от их взгляда спастись невозможно.

Хеймат вздохнул и пошел налево, к файлу мертвецов.

Он нечасто ходит сюда. Живому заключенному не по себе в таком месте, потому что живой заключенный знает, что рано или поздно станет мертвым заключенным и попадет сюда. Никому не нравится смотреть на собственную могилу.

Конечно, пять-шесть тысяч поистине неисправимых, заключенных в файл мертвецов, не были по-настоящему мертвы, они были только «мертвы». Например, здесь находится и майор Винтеркуп, вернее, его записанный машиной аналог, потому что стражники обнаружили его тело вовремя. Конечно, не для того, чтобы оживить. Но до того, как процессы разложения затронут его непокорный мозг. То, что он умер, не изменило Винтеркупа: он все так же неосто-

рожен и безрассуден, как в те славные дни, когда был адъютантом Хеймата, когда они использовали свое положение, чтобы путем убийств, бомб и разрушений создавать будущий прекрасный новый мир.

Вот он, мрачно думал Хеймат, этот новый мир, и ни для него, ни для майора Винтеркупа в нем не нашлось места.

Идя к низкому пастельному зданию, в котором размещается файл мертвецов, он какое-то время думал, не связаться ли с Винтеркупом или кем-нибудь из мертвых, просто чтобы поболтать для перемены. Но все они такие тупые! Заключение не прекращается со смертью. Ни один из них никогда не покинет файл мертвецов, и ни один из них после смерти ничуть не изменился…

Хеймат застыл, глядя на файл мертвецов.

Сразу за углом, почти не видный с тропы, главный грузовой вход, которым никогда не пользовались. Теперь пользуются. Рядом с ним опустились на брюхо два мощных грузовика, их пропеллеры замерли, и десяток рабочих выносили из машин стойки с базами данных и проводами внутри.

— Пожалуйста, генерал Хеймат, — послышался сзади голос охранника, — не подходите ближе.

Это запрещено.

— Они пришли прошлой ночью, когда я спал, — сказал Хеймат, глядя на грузовики. — Но в чем дело?

— Объединение, — виноватым тоном объяснил охранник. — Закрылась тюрьма в Пенсаколе, и всех заключенных переместили сюда.

Хеймат взял себя в руки. Первое правило тюремной жизни — не давать машинам знать, что он чувствует и о чем думает, поэтому он просто приятно улыбнулся.

— Нас, врагов общества, уже недостаточно, чтобы у всех у вас было занятие. Ты не боишься потерять работу?

— О нет, генерал Хеймат, — серьезно ответил охранник. — Мы просто получим другие задания. Но закрылась только Пенсакола. Сейчас принимают судебные дела оттуда.

— А, да, судебные дела, — сказал Хеймат, улыбаясь охраннику и думая, не уничтожить ли его. Охранник имел внешность молодого полинезийца, вполне убедительного, вплоть до капель пота на безволосой груди. — Значит, все дела из Пенсаколы теперь в файле мертвецов.

— О нет, генерал. Есть и один живой. Согласно вашему досье, вы его знаете. Сирил Бейсинг-

стоук.

На мгновение Хеймат утратил спокойствие.

— Бейсингстоук? — Он уставился на машину. Сирил Бейсингстоук был одним из высших руководителей террористов, единственным, кому подчинялась сеть, почти такая же разветвленная и смертоносная, как у самого Хеймата. — Но Бейсингстоук был освобожден под честное слово год назад, — сказал он. — Я видел это в новостях.

— Да, генерал Хеймат, да. — Охранник кивнул. — Но он рецидивист. На свободе он убил тридцать пять человек.

Говорят, понять значит простить, но я в это не верю.

Я думаю, что очень хорошо понимаю таких людей, как Хеймат и Бейсингстоук. Подобно всем другим террористам начиная с каменного века, они убивали и разрушали из принципа и убеждали себя, что принципы, ради которых они убивают, оправдывают пролитую кровь.

Но меня они не убедили. Я видел их жертвы. Мы с Эсси сами едва не стали их жертвами, когда группа Хеймата взорвала петлю Лофстрома. Он решил, что мы находимся в ней. И так как мы были свидетелями, мы попали и на суд над Хейматом, и я слышал все об остальных жертвах.

Больше всего я слушал Хеймата и видел его, прямого и очень военного, на скамье подсудимых. Он выглядел образцом современного генерал-майора в своем белом мундире, с сильным грубоватым лицом. Он вежливо слушал свидетелей, которые рассказывали, как он, в личине генерал-майора Оборонительных Сил Соединенных Штатов Америки, втайне создавал группы, которые взрывали петли запуска, сбивали спутники, отравляли воду и даже умудрились украсть кушетку для сновидений, чтобы поразить человечество болезненными фантазиями. Конечно, в конце концов его поймали. Но он дурачил всех почти десять лет, сидя с честным лицом на заседаниях штаба по обсуждению антитеррористической деятельности, прежде чем такие люди, как Эскладар, пришли в себя и благодаря им полицейским силам мира удалось связать Хеймата с убийствами и взрывами бомб. Для него все это не было преступлением. Простая стратегия.

Для меня суд над Хейматом был необычным испытанием. Незадолго до этого я умер и впервые появился на публике в голографическом изображении, в то время как суть моя находилась в гигабитном пространстве. Тогда это была необычная ситуация, и адвокаты Хеймата пыта-

лись помешать мне свидетельствовать, потому что я не «личность». Конечно, им это не удалось. Впрочем, даже если бы и удалось, особого значения это не имело бы, потому что было множество других свидетелей.

Хеймату, по-видимому, было все равно. Арест и осуждение он рассматривал как несчастную случайность. Цинично и уверенно он говорил об окончательном вердикте истории, потому что не сомневался в том, каков будет вердикт суда. Но когда показания давал я, он настоял на том, чтобы самому проводить перекрестный опрос, а его адвокаты кипели от негодования.

— Вы, Броудхед, — заявил он. — Вы смеете обвинять меня в измене, когда сами связались с врагами человечества! Мы не должны были договариваться с хичи! Убить их, взять в плен, окружить ядро, в котором они скрываются, расстрелять их…

Это было невероятное выступление. Когда суд наконец заставил его замолчать, Хеймат вежливо поклонился, улыбнулся и сказал:

— У меня больше нет вопросов к устройству, именующему себя Робинеттом Броудхедом, — и с гордым и уверенным видом стал слушать дальше.

Таков Хеймат. Но Сирил Бейсингстоук еще хуже, если это вообще возможно.

При первой встрече два отставных чудовища проявляли осторожность. Они знали друг друга.

Хеймат заторопился в зал отдыха и нашел там Бейсингстоука, который лениво смотрел, какие развлечения способно предоставить это новое место. Они серьезно пожали друг другу руки, потом отступили и осмотрели друг друга.

Сирил Бейсингстоук был кюрасаец, абсолютно черного цвета, такого же возраста, как Хеймат (и я), но настолько избалован Полной Медициной, что выглядел лет на сорок пять.

— Приятно снова встретиться, Берп, — сказал он глубоким, красивым и дружелюбным голосом. Бейсингстоук говорил без акцента — ну, может, самую чуточку с немецким или голландским. Его хорошо научили английскому фризские монахи в католической школе. Бейсингстоук родился на островах, но в его речи не было изъянов. Если его не видишь, невозможно догадаться, что говорит чернокожий, хотя говорит он не так, как американцы: гласные звучнее и округлее, более выражена интонация.

Бейсингстоук посмотрел в окно на лагуну.

— Неплохое место, Берп, — сказал он. — Когда

мне сказали, что переводят сюда, я ожидал гораздо худшего. Как на планете Афродита, той, что вращается вокруг яркой звезды и на ней можно жить только в туннелях.

Хеймат кивнул, хотя ему был все равно, где находиться. Вспомнив, что он в некотором смысле хозяин, он заказал у официанта выпивку.

— К несчастью, — улыбнулся он, — алкоголь здесь не разрешают.

— В Пенсаколе тоже, — ответил Бейсингстоук. — Поэтому я был так рад, когда меня освободили, хотя, если помнишь, я никогда особенно не пил.

Хеймат кивнул, разглядывая его.

— Сирил? — наконец начал он.

— Да, Берп?

— Ты был снаружи. Потом нарушил свое слово. Зачем ты убил этих людей?

— Ну, видишь ли, — сказал Бейсингстоук, вежливо принимая у официанта имбирный эль[30], — они меня рассердили.

— Я так и думал, — сухо сказал Хеймат. — Но ты должен был знать, что тебя снова посадят.

— Да, но у меня есть гордость. Или привычка?

---

[30] Примечания: 30

Безалкогольный газированный напиток. — *Примеч. пер.*

Я думаю, дело в привычке.

Хеймат сердито сказал:

— Так может говорить прокурор.

— Может, в каком-то смысле прокурор прав относительно таких, как мы с тобой, Берп. Мне не нужно было убивать этих людей. Понимаешь, я не привык к многолюдью. Все толпились и толкались, чтобы сесть в автобус. Я упал. И все стали смеяться. Рядом стоял полицейский с автоматом, он тоже смеялся. Я отобрал у него автомат и…

— И расстрелял тридцать пять человек?

— О нет, Берп. Около девяноста, но умерли только тридцать пять. Так мне сказали. — Он улыбнулся. — Я не считал трупы.

Он вежливо кивнул Хеймату, который сидел молча, прихлебывая свой напиток. Бейсингстоук принялся разглядывать виды Мартиники, Кюрасао и Виргинских островов.

— Какие прекрасные места, — вздохнул он. — Я почти жалею, что убил этих людей.

Хеймат вслух рассмеялся, качая головой.

— О Сирил! Неужели правда, что убивать стало для нас привычкой?

Бейсингстоук вежливо ответил:

— Из гордости или принципа — вероятно, так и есть.

— Значит, нас никогда не освободят?

— Ах, Берп, — ласково сказал Бейсингстоук, — никогда, ты и сам знаешь.

Хеймат пропустил его замечание мимо ушей.

— Но ты и правда считаешь, что мы неисправимы?

Бейсингстоук задумчиво ответил:

— Мне кажется, нет. Позволь показать тебе. — Он что-то шепнул приборам управления, и экран ПВ вспыхнул, на нем снова появилась сцена Кюрасао. — Понимаешь, Берп, — сказал он, устраиваясь поудобнее для долгого приятного разговора, — в моем случае это гордость. Мы были очень бедны, когда я был маленьким, но у нас всегда была гордость. Ничего другого у нас не было. Даже часто нечего было есть. Мы открыли закусочную для туристов, но у всех соседей тоже были закусочные, так что мы ничего не зарабатывали. У нас было только то, что бесплатно: прекрасное солнце, пляж, замечательные колибри, пальмы. Но башмаков не было. Ты знаешь, каково это — не иметь башмаков?

— Ну, на самом деле…

— Не знаешь. — Бейсингстоук улыбнулся. — Ты ведь американец и потому богат. Мост видишь?

Он указал на экран, на котором видны были

два моста.

— Не тот уродливый, высокий, а другой. Тот, что плавает на понтонах. Тут, в конце, моторы, которые открывают и закрывают его.

— И что же? — спросил Хеймат, который уже начал думать, может ли присутствие другого заключенного разогнать скуку или усилить ее.

— Дело в гордости без башмаков, Берп. Я усвоил это от деда…

Хеймат сказал:

— Послушай, Бейсил, я рад видеть тебя и все такое, но тебе не нужно…

— Терпение, Берп! Если у тебя есть гордость, должно быть и терпение. Так учил меня дед. Он тоже был descamicado — безбашмачник, босяк. Когда построили этот мост, установили плату за проход. Два цента… но только для богатых. Для тех, кто ходит в обуви. Босые проходили бесплатно. Но богатые в обуви, они ведь не глупцы; они снимали обувь, прятали ее, переходили и снова надевали на другой стороне.

Хеймат начинал сердиться.

— Но у твоего деда не было башмаков?

— Не было, зато была гордость. Как у тебя. Как у меня. Поэтому он поджидал у моста человека в обуви, одалживал у него обувь, чтобы пройти и

заплатить свои два цента. Так, чтобы сохранить гордость. Понимаешь, что я говорю, Берп? Гордость обходится дорого. Нам она стоила очень дорого.

Я хотел бы перейти к рассказу о детях, потому что это очень трогательно; но я не могу перестать рассказывать о Хеймате и Бейсингстоуке, однако по совсем другой причине. Если когда-либо мне были ненавистны два человека, то именно они. Это привлекательность ужасного.

Когда Сирил Бейсингстоук присоединился к Берпу Хеймату, дети на Колесе узнали, что их эвакуируют. Это сообщение появилось в новостях. И Бейсингстоук, и Хеймат заинтересовались. Возможно, их привлекал Враг, а может, просто конфликт. (Гордость за человеческую расу? Негодование, что она посадила их в тюрьму?) Но у них были и другие конфликты, в том числе друг с другом. Ибо и Хеймат, и Бейсингстоук не очень высоко ценили общество друг друга.

В сущности, им было скучно друг с другом. Когда Хеймат заставал Бейсингстоука дремлющим перед экраном ПВ с видами Кюрасао, Сан-Мартена или побережья Венесуэлы, он говорил:

— Почему ты позволяешь своему мозгу ржаветь? Я использую тюремное время! Учись

чему-нибудь. Изучай языки, как я.

И действительно, каждые несколько лет он изучал новый язык; с тем временем, что было в его распоряжении, он уже бегло говорил на китайском, хичи, русском, тамильском, древнегреческом и еще на восьми языках.

— А с кем ты на них будешь говорить? — спрашивал Бейсингстоук, не отрывая взгляда от тропической сцены.

— Дело не в этом! Нужно держать мозг готовым!

Наконец Бейсингстоук отрывался от экрана и спрашивал:

— К чему готовым?

Бейсингстоуку надоедали вечные приставания Хеймата, а Хеймат устал от бесконечных воспоминаний Бейсингстоука. Каждый раз, как чернокожий начинал говорить, генерал уже знал, чем он кончит.

— Когда я был маленьким… — начинал Бейсингстоук, и Хеймат насмешливо подхватывал:

— Вы были очень бедны.

— Да, Хеймат, очень. Мы продавали раковины туристам…

— Но это не приносило денег, потому что все соседи делали то же…

— Совершенно верно. Никаких денег. Поэтому мы, мальчишки, ловили игуану и искали туриста, чтобы продать ему. Конечно, никто из туристов не хотел игуану.

— Но иногда турист покупал, потому что ему становилось жаль вас.

— Да, покупал, и мы следили за ним, чтобы посмотреть, где он выпустит игуану, ловили ее и продавали снова.

— А потом вы ее съедали.

— Да, Берп. Игуана очень вкусная, как цыпленок. Я тебе уже рассказывал об этом?

Дело не просто в скуке. Каждый находил, что другой действует ему на нервы. Бейсингстоук считал сексуальные привычки Хеймата отвратительными.

— Почему ты должен причинять боль этим штукам, Берп? Они ведь не живые!

— Потому что это доставляет мне удовольствие. О наших потребностях должны заботиться: это одно из них. И это не твое дело. На тебя не действует то, что эти грязные помои, что ты ешь, провоняли всю тюрьму.

— Но это одна из моих потребностей, Берп, — ответил Бейсингстоук. Он дал повару специальные указания, и их, разумеется, выполнили. Хеймат

вынужден был признать, что кое-что из этих блюд совсем неплохо. Отвратительно выглядящий фрукт с великолепным вкусом. А моллюски — вообще божественные. Но кое-что просто ужасно. Особенно мерзкое зеленое желе из сушеной соленой трески с перцем и луком. У него вкус и запах точно как у баков для отбросов у ресторана с морскими блюдами, когда эти отбросы пролежали ночь. Называлось это блюдо *чики,* и если не было тухлой рыбы, его делали из чего-нибудь не менее отвратительного, вроде козлятины.

Хеймат пытался ослабить воздействие Бейсингстоука, познакомив его с Пернецким, но советский маршал даже не открыл глаза, тем более не заговорил с новеньким. Выйдя из тюремной больницы, Бейсингстоук сказал:

— Зачем он это делает, Берп? Он ведь явно в сознании.

— Я думаю, у него есть какой-то план бегства. Может, считает, что, если и дальше будет притворяться спящим, его переведут в какую-нибудь другую больницу, за пределами тюрьмы, и тогда он сможет попытаться.

— Не переведут.

— Знаю, — ответил Хеймат, оглядываясь. — Ну, Сирил? Не хочешь ли сегодня еще немного

осмотреться?

Бейсингстоук бросил взгляд вниз по холму на сверкающую отдаленную лагуну и широкий Тихий океан за ней, потом с тоской посмотрел на зал для отдыха. Но Хеймат решительно отказался смотреть вместе с ним картинки, а Хеймат — это по крайней мере аудитория.

— О, наверно, — ответил Бейсингстоук. — А что это за здания на берегу?

— Я думаю, школа. А там маленький причал. Лагуну углубили, и сюда могут заходить небольшие суда.

— Да, я вижу причал, — сказал Бейсингстоук. — У нас был такой на Кюрасао, в стороне от большого. Для рабов, Берп. В старину, когда привозили рабов, их не проводили парадом по городу; высаживали в нескольких километрах…

— На рабском причале, — закончил за него Хеймат, — где стоял аукционный блок. Да. Пошли к детской ферме.

— Мне такие вещи не нравятся! — надулся Бейсингстоук. Но когда Хеймат без него пошел по тропе, добавил: — Но я пойду с тобой.

Детская ферма находилась внутри периметра тюрьмы, но была отгорожена от нее. Это прекрасный луг, на котором пасутся красивые коровы, и

заключенным не разрешалось сюда заходить.

Хеймат забавлялся тем, как все это оскорбляет Бейсингстоука.

— Это разложение, Берп, — ворчал он. — О, как я жалею, что мы потерпели поражение! Мы заставили бы забыть о подобных вещах. Заставили бы их орать.

— Мы и так заставили, — сказал Хеймат.

— Надо было сделать больше. Мне отвратительно думать о человеческом ребенке в матке коровы. Когда я был ребенком…

— Может быть, — вмешался Хеймат, чтобы предупредить новый поток воспоминаний, — если бы ты был женщиной, мысль о внеутробном вынашивании детей не вызывала бы у тебя такое отвращение. Беременность причиняет страдания.

— Конечно, страдания! А почему они не должны страдать? Мы ведь страдали! Когда я был маленьким…

— Да, я знаю, каково это, когда ты маленький, — сказал Хеймат, но это не помешало Бейсингстоуку все рассказать заново.

Хеймат постарался не слушать его. На острове жарко, но с моря дует ветерок. С луга доносится слабый запах скота. Там движутся машины-пас-

тухи, измеряя температуру и проверяя состояние своих подопечных.

Хеймат считал, что такое детовынашивание — неплохая штука. Если, конечно, считать, что вообще вынашивание детей — это хорошо. Его собственные сексуальные удовольствия заключались совсем в другом, но для пары, которая хочет создать семью, это имеет смысл. Ребенка зачинают обычным способом, с игривостями и липкими добавками; Хеймат был достаточно терпим, чтобы признавать, что это увлекает большую часть человечества. Но если это доставляет удовольствие, то почему для одного из партнеров оно должно сменяться болью? Очень просто изъять оплодотворенное яйцо. Оно уже получило от своих родителей все необходимое. Спирали ДНК разделились и уже перестроились. Наследственность установлена. Шеф-повар, если можно так выразиться, уже приготовил свое главное блюдо — суфле. Теперь необходима теплая печь, чтобы суфле поднялось, а печь эта совсем не обязательно должна быть человеческой. Подойдет любое существо, млекопитающее, позвоночное, начиная с человеческого размера и крупнее. Коровы для этого подходят прекрасно.

На детской ферме немного коров, потому что

на острове мало семей, у которых есть в них потребность. Хеймат насчитал десять, двенадцать, пятнадцать — всего восемнадцать подменных матерей, мирно щиплющих траву, а пастухи совали в них термометры и заглядывали им в уши.

— Отвратительно! — прохрипел Бейсингстоук.

— Почему? — возразил Хеймат. — Они не принимают наркотики, не курят, не делают ничего другого, чем женщина может повредить ребенку. Нет. Если бы мы победили, я сам ввел бы эту систему.

— А я бы нет, — сказал с удовольствием Бейсингстоук.

Они улыбнулись друг другу, два старых гладиатора, понимающих, что последний бой так никогда и не произойдет. Старый дурак, думал Хеймат утешительно. Конечно, от него тоже пришлось бы избавиться… если бы революция победила.

— Берп, — сказал Бейсингстоук. — Смотри.

Одна из матерей замычала. У нее измеряли температуру, но пастух, по-видимому, держал термометр неудобно. Корова высвободилась, отошла на несколько шагов и снова начала пастись.

— Он не шевелится, — удивленно сказал Хеймат.

Бейсингстоук оглядел пастухов на детской ферме, потом посмотрел на садовников ниже по холму, на отдаленных рабочих на тропе. Все застыли неподвижно. Не слышно было даже шума винтов тележек на воздушных подушках.

Бейсингстоук сказал:

— Они не движутся, Берп. Все мертвы.

Пастбище детской фермы находилось на самом краю тюремной территории. Дальше начинался крутой спуск, и Хеймат посмотрел на него с отвращением. Если ты старик, то старик, несмотря на все замены тканей и костей.

— Если спустимся, — сказал он, — придется возвращаться.

— Неужели? — негромко спросил Бейсингстоук. — Ты только посмотри.

— Подача электроэнергии прекратилась, — пробормотал Хеймат. — Сейчас исправят.

— Да. И тогда мы упустим возможность.

— Но, Бейсил, — разумно заметил Хеймат, — допустим, подвижные машины перестали действовать, но ведь барьеры на месте.

Бейсингстоук внимательно посмотрел на него. Он молчал. Просто отвернулся, приподнял проволоку, удерживавшую скот на пастбище, и нырнул под нее.

Хеймат раздраженно смотрел ему вслед. Охранники, конечно, через несколько мгновений вернутся. И если даже эти мгновения продлятся достаточно, чтобы заключенные смогли пересечь луг, — то, что он сказал о барьерах, остается верным. Ведь не охранники удерживают заключенных в тюрьме, а сложные и непреодолимые электронные барьеры. Три последовательных состояния: боль, оцепенение, смерть. Трудно миновать первый барьер и почти невозможно — второй. И бессмысленно, потому что существует и третий. Он говорил себе, что Бейсингстоук просто не знает, у него нет опыта. А у Хеймата есть, он уже пытался. Ему удалось преодолеть линию ужасной, останавливающей сердце боли, но он тут же потерял сознание на второй линии и пришел в себя в постели. И увидел улыбающегося охранника.

То простое обстоятельство, что машины на короткое время лишись электроэнергии, ничего не говорит о барьерах, сказал он себе. Какой дурак этот Бейсингстоук!

Но, говоря это, Берп Хеймат уже поднимал проволоку, пролезал под ней и торопливо догонял Бейсингстоука, увертываясь от навозных куч. Он задержался, только чтобы пнуть пастуха и

убедиться, что тот не отвечает.

Пастух не ответил.

Хеймат, тяжело дыша, догнал Бейсингстоука на самом краю луга. Провода, причиняющие боль, здесь отчетливо видны — из-за скота, не заключенных. Они выделяются на фоне красивых гибискусов и коровяка.

Рядом с кустом коровяка неподвижно застыл садовник. Его поднятая рука с лопаткой торчала без движений. Хеймат задумчиво плюнул на него.

— Энергию отключили, парень, — негромко сказал Бейсингстоук.

Хеймат, глотнув, ответил:

— Иди первым, Сирил. Я вытащу тебя, если тебя схватит.

Бейсингстоук рассмеялся.

— О Берп, какой ты герой. Давай мы пройдем вместе!

12. ЗУБы

Всегда следует помнить, что все имеет конец — так обычно говорит мне Альберт. Я думаю, он находит в этом какое-то утешение.

Но это правда. Даже бесконечный полет от Сморщенной Скалы к ЗУБам наконец кончился.

ЗУБы расположены в геостационарном спутнике, вернее, в пяти спутниках, вращающихся друг вокруг друга по паразитическим орбитам в нескольких десятках тысяч километров над Конакри в Африке. Раньше они находились в другом месте, над Галапагосскими островами, и тому была своя причина. Тогда они назывались Высокий Пентагон.

Когда мы сошли с орбиты, я не смотрел на ЗУБы. Смотрел вниз на Землю, большую и широкую под нами. Восход затронул Гвинейский залив, но западный выступ Африки лежал еще в темноте. Это зрелище доставляло мне удовольствие. Я по-прежнему считаю Землю самой красивой планетой. Мне видно, как солнце касается горных вершин на западе, как удивительно блестит под нами Атлантический океан. Я испытывал страстное чувство к беспокойной старой планете, когда услышал возглас Эсси:

— Они все разрушили!

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что она говорит не о планете.

— Прости, — сказал я, — я не смотрел на экран.

Кстати, она тоже на него не смотрела. Мы пользуемся экраном только по привычке. Когда нам нужно хорошенько на что-то взглянуть, нам

легко непосредственно использовать сенсоры «Истинной любви». Так что я подключился к ним и увидел то, что увидела Эсси.

На общей орбите находилось гораздо больше пяти предметов, даже не считая флотилию крейсеров ЗУБов, которые все время беспокойно перестраивались. В ЗУБы стекались люди, а их корабли находились на причальных орбитах. Вероятно, тут было не менее десятка шаттлов, но Эсси говорила об огромной сморщенной пленке. Мне потребовалось какое-то время, чтобы узнать ее.

Когда-то это был двигатель межзвездного фотонного парусного корабля. Я видел такой в исправном состоянии, он переносил экипаж лежебок к какой-то другой звезде.

— Почему он в таком состоянии? — спросил я у Хулио Кассаты.

Он раздраженно посмотрел на меня. Кассата работал на каналах связи, и раздражал его не я — дежурный офицер ЗУБов. И не было смысла раздражаться, потому что он не человек. Кассата сказал:

— Повторяю, это двойник генерал-майора Хулио Кассаты. Я требую немедленного разрешения на посадку. Проклятые машины! — рявкнул он,

посмотрев вначале на Альберта, потом на меня. — Вы имеете в виду корабль-парусник? Но ведь ваш проклятый Институт привел его сюда для изучения. Что, по-вашему, мы должны сделать с парусом? Тащить его к себе, когда солнце отталкивает его от нас?.. Да, спасибо, — сказал он в микрофон и кивнул Алисии Ло, чтобы она вводила нас в док.

Это оказалось нелегко.

Мы направлялись к той части ЗУБов, которая называется Дельта. Это такая мыльница массой в сорок тысяч тонн. Сразу понятно: главный спутник. Для удобства военных шишек и вообще плотских людей он вращается быстрее остальных. Плотские получают лучшую возможность ориентироваться, но для Алисии Ло это совсем не преимущество.

Тем не менее она аккуратно втиснула нас в док. Виртуозное исполнение, и она заслужила лучшую аудиторию, чем мы с Эсси. Мы даже не смотрели на нее. Смотрели на флот акулоподобных крейсеров ЗУБов, явно готовых к действиям — к любым действиям. Я пробормотал:

— Надеюсь, они не предпримут ничего глупого.

— Все, что они предпримут, — серьезно ответи-

ла Эсси, — будет глупо. Не глупых действий с их стороны быть не может.

И мы оказались на борту спутника ЗУБов.

Мы с Эсси входим на борт космического корабля или спутника, просто подключаясь к его сетям; после этого мы можем проникнуть всюду, куда идут провода, и даже несколько дальше. На Дельте-ЗУБы мы проникли до шлюзовой камеры и здесь остановились. Здесь не было устройств связи, по крайней мере таких, куда мы бы имели доступ. Дежурный офицер, программа с внешностью неопытного молодого лейтенанта, сказал с военной вежливостью, но твердо:

— Генерал Кассата может пройти, сэры и медам, но остальные должны остаться в зоне безопасности.

Конечно, нам этого не хотелось, совсем не хотелось. Не для того я явился на спутник ЗУБов.

Если бы Кассата задержался бы хоть на мгновение, я бы попросил у него объяснений. Но так как он не задержался, пришлось объясняться самому. Лейтенант вежливо выслушал и затем предпринял необходимые действия. Обратился к высшему руководству.

Высшее руководство оказалось низкорослой плотной женщиной по имени Мохандан Дар Ха-

вандхи. Появившись, она так долго смотрела на нас, что я решил, будто она плотский человек, но это просто такие манеры. Когда она открыла рот, оказалось, что она так же записана машиной, как и все остальные, но открыла она рот, только чтобы сказать:

— Нет.

— Но, коммандант Хавандхи, — замурлыкала Эсси, — ведь это мистер Робинетт Броудхед.

— Я знаю это, — ответила коммандант.

— Тогда вы должны знать, что мистер Робинетт Броудхед возглавляет Фонд Броудхеда и имеет неограниченный доступ ко всем экстрасолнечным материалам.

— Это верно, — сказала коммандант, — но мы в Красном состоянии. Разрешения мирного времени ликвидированы. Конечно, — она улыбнулась, продемонстрировав золотые зубы — как мы верны бываем своим плотским оригиналам! — если хотите, вам не обязательно находиться в зоне безопасности.

— Ну что ж, — улыбнулся я, — в таком случае мы просто…

— Вы можете вернуться на свой корабль, — сказала она и больше не уступила нисколько.

Военные мозги! С ними невозможно спорить.

Конечно, мы попытались. Мы указали, что ограничения по причинам безопасности смехотворны, хоть сейчас и Красное состояние, потому что единственный враг, кого нужно опасаться, находится в пятидесяти тысячах световых лет отсюда, в кугельблитце. Она не позаботилась ответить нам, что это неправда, потому что передача шла из гораздо более близкого места. Она просто покачала головой. Мы пытались угрожать, сказали, что обратимся к маршалам и главам государств. Она ответила, что, конечно, мы можем это сделать, если хотим, как только будет снят запрет на штатские передачи. Она не уточнила, когда это может произойти. Мы пытались быть с нею дружелюбными. Спросили, что делают все эти космические корабли у ЗУБов. Она совсем не ответила; нет, от нее мы никаких военных тайн не узнаем.

Впрочем, все это длилось совсем не вечность — всего несколько тысяч миллисекунд, потому что вернулся Хулио Кассата, вернее, его двойник. Как ни удивительно, Кассата выглядел довольным.

— Мой плотский парень на совещании, — сказал он нам, — так что пройдет некоторое время, прежде чем я… гм… увижусь с ним. — Он одарил нас улыбкой, но не всех поровну: большая ее

часть досталась молодой женщине Алисии Ло. — Чем бы вы хотели заняться в ожидании? Хотите осмотреть ЗУБы?

— Мы не можем, — сказал я, указывая на коменданта.

— Очень даже можете, — ответил он, сознавая свой ранг. И обратился к ней: — Коммандант Хавандхи, я освобождаю вас от ответственности за этих гостей. Я лично проведу их по базе.

Пять спутников ЗУБов составляют почти двести тысяч тонн массы, и их населяют примерно тридцать тысяч человек, плотских и записанных. Два спутника представляют собой центры связи и обработки информации. Там смотреть нечего. Гамма — сплошное оборудование, военное оборудование. Там полно бомб и машин хичи для рытья туннелей, эти машины преобразованы для проделывания дыр в корпусах вражеских кораблей. Мы не думали, что нас пропустят туда, к тому же Альберт и так знал всю эту артиллерию. На Альфе помещаются квартиры сотрудников и помещения для отдыха, и у нас не было причин отправляться туда: их идеи об отдыхе и развлечениях нам не нужны.

Тем не менее, когда электронные барьеры, не допускающие на ЗУБы машинные разумы без

соответствующего разрешения, сняли, меня все равно раздражало, что мы вынуждены ограничиться Дельтой. Кассата пытался смягчить меня.

— Простите старушку, — сказал он, улыбаясь. — Она была еще сменным офицером здесь в Высоком Пентагоне и считает, что с тех пор все пришло в упадок. — Он взглянул на часы — такие же несуществующие, как и мои. — У нас не менее десяти тысяч миллисекунд, а тут масса интересного — лежебоки, квейнисы, свиньи вуду, не говоря уже об обычном штате. Ну, я имею в виду тех, с кем вам разрешено видеться. Что хотите посмотреть?

Я ответил:

— Ничего не хочу. Я сюда не для двухдолларового тура явился. Мне нужно поговорить с людьми! Я должен узнать, что происходит…

— В таком случае, — ответил Кассата, — вы захотите сами принять участие в действиях.

Я гневно пожал плечами. За время пребывания в «зоне безопасности» у меня в голове скопился под высоким давлением пар, и Кассата не способствовал тому, чтобы его выпустить. Я многое хотел сказать, но ограничился одним словом:

— Да.

Кассата и сам нервничал. Плотский оригинал

дал ему отсрочку, но и только. Он сказал:

— От вас одни неприятности, Броудхед.

— У меня есть для этого все возможности, — согласился я.

Сощурившись, он посмотрел на меня, потом пожал плечами.

— Не мне решать, — сказал он. — И никогда я этого не решал. Правила здесь устанавливает Объединенное Командование. Так чем займемся? Двухдолларовым туром? Или вернемся в зону безопасности?

Мы с Эсси бывали на спутнике ЗУБов, когда Объединенное Командование с несколько большим уважением относилось к главе Фонда Броудхеда. Альберт тоже бывал. Гораздо интереснее было Алисии Ло. Для нее это одно из тех тайных мест, о которых слышишь, но не надеешься сам побывать когда-нибудь, вроде Форта Нокс или храма мормонов в Солт-Лейк-Сити.

Понимаете, мы на самом деле никуда не «идем». Кассата подключает нас к коммуникационной системе ЗУБов, и мы видим то, что он хочет нам показать. Он оказался вежливым хозяином и поэтому сделал даже больше: создал для нас офицерскую гостиную, где в одном конце в очаге горел огонь и стоял стол, уставленный напитка-

ми и закуской. А в другом располагалось то, что он собирался нам показать.

Когда Кассата небрежно предложил взглянуть на гнездо лежебок, Алисия пришла в возбуждение. Конечно, он на это и рассчитывал.

Лежебоки исторически «первые» для человечества, потому что это первая чуждая разумная раса, представителя которой увидел человек. Точнее говоря, не «увидел». *Почувствовал.* Оди Уолтерс, дурачась с кушеткой для снов, несколько десятилетий назад обнаружил в межзвездном пространстве их огромный медлительный корабль-парусник.

Это было очень значительное событие, но привело оно к еще более значительным, потому что лежебоки тоже обнаружили Оди. И сообщили хичи, что мы вышли в Галактику, а это вывело хичи, пинающихся и орущих, из их убежища в черной дыре в центре Галактики.

— Я думала, хичи отправили корабль лежебок назад на их планету, — сказала Алисия.

— Да, — подтвердил Кассата, — но старина Броудхед вернул его сюда для изучения. Вернее, вернул его Институт. Впрочем, лежебокам все равно. Они должны были еще тысячу лет находиться в полете. Их парус на орбите возле

спутников ЗУБов…

— Видели. Он выглядит серьезно поврежденным, — свирепо сказала Эсси.

— Да, но что нам было с ним делать? Растянуть? Да в этой проклятой штуке сорок тысяч километров в длину! Ну, он им все равно больше не нужен. Хотите посмотреть на них или нет?

— О да! — сказала Алисия Ло, вмешиваясь в спор. Кассата махнул рукой, и они появились.

Лежебоки не очень привлекательны. Некоторые утверждают, что они похожи на какой-то тропический цветок. Другие считают их похожими на глубоководные существа со множеством щупалец; трудно сказать, что они напоминают на самом деле, потому что они не похожи ни на что на Земле. Самцы гораздо крупнее самок, но это не единственная проблема последних. У самок вообще ничего, кроме проблем, нет, потому что лежебоки не знают, что такое права женщин. Но самки лежебок об этом и не беспокоятся, потому что у них нет разума. Их жизнь целиком посвящена воспроизведению рода. Ребенок появляется каждый цикл — цикл занимает чуть меньше четырех месяцев. Если леди повезло и ее в нужное время навестил самец, у нее рождается самец. Если нет — самка. Самцы лежебоки не очень

сексуальны (глядя на самок лежебок, их нельзя в этом винить), и обычно самка не удостаивается сексуального внимания самца.

Поэтому рождается бесконечное количество самок.

Впрочем, они не пропадают зря. Время от времени самец выбирает особенно толстую и привлекательную самку. И съедает ее.

Можно предположить, что самкам это не нравится. Впрочем, ни одна самка лежебок еще не жаловалась. Они не могут жаловаться. Они вообще не умеют говорить.

Самцы, с другой стороны, болтают непрерывно — вернее, поют. Во всяком случае, всю жизнь они производят звуки. Впрочем, если вы сидите рядом с кричащим самцом, вы этого все равно можете не узнать. Да и сидеть рядом с ним вы не можете, потому что лежебоки живут в холодной плотной атмосфере, ядовитой для людей. Вы в состоянии уловить легкое пульсирование, словно тяжелый грузовик прошел рядом с вашим домом. Улитки медлительны. Это их голоса: самое высокое колоратурное сопрано у слизняков достигает от двадцати до двадцати пяти герц. Так что вы все равно не услышите, что они поют.

В грязном месиве внутри своего космического

корабля плавало несколько десятков лежебок, самцов и самок. Один самец находился в небольшом изолированном помещении. Остальные — в общей цистерне, окруженные разнообразными плавающими приспособлениями: мебелью и различными устройствами. Вероятно, по стандартам лежебок это уютное помещение, но я мог отличить лежебок от мебели только потому, что видел раньше их фотографии. Я не видел никаких движений. И в другом отношении они выглядели странно. Я точно не помнил, какова естественная окраска лежебок, но, похоже, их раскрасил кто-то, тоже этого не помнивший.

— Один движется! — воскликнула Эсси.

Как ей удалось это заметить? Тот, что в отдельном помещении, медленно вытягивал щупальце. Ужасно медленно даже по меркам плотских людей (не говоря о моих!). Но по мнению лежебок, он был очень возбужден и двигался стремительно; видна была легкая рябь вокруг него, он создавал волны давления.

— Это один из новых, — сказал Кассата. — Первоначальный экипаж кончили опрашивать, и с планеты слизняков несколько недель назад прилетели новые.

— А почему он один? — спросила Алисия Ло.

— Он в энергетически подвижном состоянии, чтобы его можно было опрашивать. Они при этом сильно бьются. И он мог бы все разрушить в их помещении.

Альберт профессорским тоном заметил:

— Я отмечаю, что мы наблюдаем за ними не в видимом свете.

— Конечно, нет. Это томография, потому что видимый свет не проходит через слизь, в которой они живут. Хотите услышать, о чем он поет?

Он не стал дожидаться ответа, но включил радио. Конечно, слышали мы не самого лежебоку, а машинный перевод. Радио провозгласило:

> *Огромные сверкающие обжигающие чудища*
>
> *Бились и причиняли вред сильной кавитацией*
>
> *И много вызвали смертей и болезненных ран…*

— Это его последняя строфа, — объяснил Кассата. — Он начал только час назад. Нам приходится предоставлять им отдых между сессиями. Они не выдерживают подвижное состояние очень долго, а в нормальном состоянии мы не можем с ними общаться. Хотите посмотреть на них немного?

Я сказал:

— Я хочу, генерал Кассата, поговорить с кем-нибудь из руководителей. Сколько нам еще ждать?

Но Эсси положила мне на губы свою мягкую сладкую руку.

— Генерал даст нам знать, как только это будет возможно, верно, Хулио? Так что ничего лучше у нас нет.

…а также самкам, —

закончился перевод, и я подумал о том, чтобы самому причинить смерть и болезненные раны.

И вот мы захвачены несоответствием между гигабитным и плотским временем.

Не думаю, чтобы я был особенно терпеливым человеком, но какому терпению научил меня мой машинный аналог! Особенно в делах с плотскими людьми. Не говоря уже о той особенно невыносимой и необыкновенно косной части плотских людей, которая называется военными.

Я изложил Хулио Кассате свои взгляды на этот вопрос. Он только снова улыбнулся. Ему нравилось положение. Конечно, с его точки зрения, чем дольше мы ждем, тем дольше он будет «жить» — то есть «жить» будет двойник, а этот двойник явно не торопился быть уничтоженным. Я только

удивился, что он не предложил хорошенькой Алисии Ло посмотреть что-нибудь отдельно от нас. Я хорошо представлял себе, какие зрелища он имеет в виду. Он, может быть, и добился бы своего, если бы не Альберт, предложивший новую идею.

Альберт вежливо кашлянул и сказал:

— Мне кажется, генерал Кассата, лежебоки не единственные представители чужаков здесь.

Кассата приподнял брови.

— Вы имеете в виду свиней вуду?

— Да, свиней вуду. А также квейнисов. Институт предоставил для изучения колонии тех и других. Может, заодно взглянуть и на них?

Если и есть что-то менее интересное, чем квейнисы, так это свиньи вуду, но, конечно, пока не познакомишься, не узнаешь.

— О Хулио, — воскликнула Алисия Ло, — можно?

Конечно, можно.

Кассата пожал плечами и сменил сцену. Мы увидели бассейн в скалах; вода серо-зеленого цвета, и в ней с десяток существ, похожих на больших рыб, греются в светло-оранжевом свете. Услышали и звук — хрюканье, каким квейнисы разговаривают друг с другом.

Так как я уже насмотрелся на квейнисов, я повернулся к столу с закусками. Дело не в голоде — я не был «голоден». Просто хотел побыстрее покончить с этим.

Плотский Кассата еще на совещании, а двойник Кассата старается быть гостеприимным хозяином — конечно, прежде всего по отношению к своей новой девушке. Но небо рушится, и сейчас не время прогуливаться по зоопарку.

Пока официант в белом переднике передавал мне сандвич с рубленой цыплячьей печенью и луком — все, разумеется, имитация, включая самого официанта, — Альберт присоединился ко мне.

— Доброе немецкое пиво, пожалуйста, — сказал он официанту и улыбнулся мне. — Не хотите послушать, о чем разговаривают квейнисы, Роб?

— Квейнисам нечего нам сказать. — Я откусил сандвич. Очень вкусно, но мне не это нужно.

— Да, вероятно, разговор с ними — напрасная трата сил, — согласился Альберт, принимая кружку с темным пивом. Приходится признать, что квейнисы более или менее разумны, потому что у них есть язык. Чего у них нет, так это рук. Живут они в море, и их крошечные плавники приносят им не больше пользы, чем тюленям.

Если бы они не дышали воздухом, мы бы, вероятно, никогда не узнали об их существовании, потому что у них нет городов, инструментов и, что особенно важно, письменности. Поэтому у них нет и письменной истории. У лежебок ее тоже нет; но продолжительность их жизни так велика (хоть сама жизнь и медленна), что эдды их бардов не менее достойны доверия, чем Гомеровы поэмы. — У меня есть новости, которые могут заинтересовать вас, — сказал Альберт, делая первый глоток пива.

Добрый старый Альберт!

— Кончай пиво, и я куплю тебе новое! — воскликнул я. — И рассказывай!

— Ничего особенного, — сказал он, — но, разумеется, у меня по-прежнему есть доступ к базам данных «Истинной любви». Там есть некоторое количество файлов, которые, по моему мнению, имеют отношение к нынешней ситуации. Мне потребовалось время, чтобы просмотреть их все, и в первых нескольких тысячах полезных данных почти не было. Но потом я проверил иммиграционные записи за последние несколько месяцев.

— Ты нашел что-то, — сказал я, чтобы помочь ему. Не только плотские люди научили меня терпению.

— Нашел, да, — согласился он. — Большая часть детей, эвакуированных со Сторожевого Колеса, вы помните, отправились на Землю. Согласно иммиграционным записям, по крайней мере семеро из них находятся в области, обслуживаемой западно-тихоокеанской коммуникационной сетью. Именно из этой сети было отправлено сообщение в кугельблитц.

Я пораженно и недоверчиво посмотрел на него.

— Зачем человеческому ребенку работать на Убийц?

— Не думаю, чтобы они это делали, — сказал Альберт, задумчиво принимая вторую кружку, — хотя совсем исключать такую возможность нельзя. Но мы знаем, что дети присутствовали на Колесе, когда наблюдателям показалось, что они что-то обнаружили, а теперь дети на Земле. По крайней мере, возможно, что Убийцы прибыли с ними.

Я почувствовал, что дрожу.

— Надо сообщить ЗУБам.

— Да, конечно, — кивнул Альберт. — Я уже сделал это. Боюсь, что это продлит совещание, которое сейчас завершает плотский генерал Кассата.

Я сказал:

— Дерьмо.

— Однако, — Альберт улыбнулся, — не думаю, чтобы задержка была очень длительной, потому что я уже подытожил все данные и представил их коммандантy Хавандхи для передачи на совещание.

— Так что мне делать? Смотреть на квейнисов?

— Я думаю, — сказал Альберт, — что остальные тоже утрачивают интерес к квейнисам и готовы перейти к свиньям вуду.

— Я видел свиней вуду!

— Но ничего лучше все равно нет. — Он поколебался. — Я хотел бы, чтобы вы осмотрели резьбу свиней вуду. Мне кажется, она представляет особый интерес.

Глядя на свиней вуду, я не мог решить, что в них Альберт считает особо интересным. Сам я испытывал только отвращение — конечно, не считая нетерпения, которое я с таким трудом сдерживал. Свиньи вуду живут в грязи. Никогда не мог понять, как они не тонут в собственных отходах, но им как будто все равно.

Они настоящие свиньи, эти свиньи вуду. И не в том дело, что они похожи на свиней, нет, больше всего они похожи на синекожих муравьедов;

спереди и сзади их тела заострены. И все же они настоящие свиньи. То, в чем они живут, нельзя назвать клеткой. Это свинарник.

Они живут в собственном дерьме. И окружает их не просто грязь пополам с дерьмом. В ней, как изюм в пудинге из гнилых фруктов и экскрементов, сидят украшения. Это и есть резьба, которую упомянул Альберт.

Так как Альберт заговорил об этом, я принялся внимательнее разглядывать резьбу свиней вуду. И не увидел, что так заинтересовало его. Эта резьба есть во всех музеях. Я даже сам держал ее в руках — держал неохотно, потому что вонь свинарника сохранилась, несмотря на кипячение и полировку. Просто кусочки обработанной древесины, или кости, или зуба. От десяти до двенадцати сантиметров в длину, и если статуэтки вырезаны из зуба, то это не зубы самих свиней вуду. У этих свиней вообще нет зубов. У них есть очень твердые режущие поверхности на кончике носа — или рыла, или хобота, зависит от того, как вы предпочтете их описать. А зубы принадлежат животным, которыми питаются свиньи вуду. Когда основали колонию, вместе со свиньями вуду привезли и несколько десятков таких животных. Они используют для резьбы их зубы, а также

кости, только кости эти принадлежат их убитым и съеденным дорогим усопшим близким. Да и «резьба» не совсем подходящее слово. Свиньи выгрызают свои статуэтки, потому что никаких инструментов для резьбы у них нет. И языка у них тоже нет.

В сущности, у них ай кью[31] суслика…

Но они создали и одержимо продолжают создавать множество предметов искусства.

«Искусство» тоже, может быть, слишком сильно сказано, потому что все эти статуэтки изображают одно и то же. Они похожи на кукол. Насколько могу описать, изображается шестиногое существо с телом льва и головой и торсом гориллы, и ничего даже отдаленно похожего на планете вуду нет.

— Так что в них особенного? — спросил я Альберта.

Он ответил:

— Как вы думаете, почему свиньи продолжают вырезать их?

Другие тоже приняли участие в игре в догадки.

— Религиозные объекты, — сказал Кассата.

— Куклы, — сказала Алисия Ло. — Им нужно

---

[31] Примечания: 31

IQ, так называемый коэффициент интеллекта. — *Примеч. пер.*

чем-то играть.

— Посетители, — сказала моя дорогая портативная Эсси.

И Альберт одобрительно улыбнулся ей.

Как это часто бывает у меня с Альбертом, я понятия не имел, что у него на уме. Было бы интересно проследить за его мыслью, но тут Кассата выпрямился.

— Сообщение, — сказал он. — Прошу прощения. — И тут же исчез.

Назад он не вернулся. А мы перестали видеть и слышать маленькое убежище, которое он для нас создал. И слышали только голос. Вначале не его голос. Вначале мы услышали продолжение перевода песни лежебоки:

> *Огромны были они и болезненно горячи,*
>
> *И все живое в страхе билось друг о друга.*

А потом возбужденный голос Кассаты:

— Идемте! Вы можете присутствовать на заседании штаба! — Тут появился сам Кассата, сияя от счастья, как солдат, увидевший перспективу схватки. — Они это сделали, друзья! — воскликнул он. — Проследили источник послания

Убийцам. И закрыли весь сектор, и мы движемся туда!

13. Дети в плену

Директриса школы была не только человеком, она умела обращаться с детьми. У нее было четыре диплома и девятнадцать лет практики. За это время она встретилась почти со всеми проблемами, какие способны представить дети, то есть примерно одна проблема на ребенка в семестр на все тысячи детей, за которыми она присматривала все эти годы.

Ничего из этого сейчас ей не помогло. Она была растеряна.

Появившись в комнате ожидания консультационной секции, она задыхалась и не верила себе самой.

— Но это фантастика, моя дорогая, — сказала она плачущей Онико. — Как они могли… Прочесть твой дневник… Но почему… — Она бросилась в кресло, по-прежнему удивляясь невероятности происходящего.

— Мэм? — сказал Снизи и, когда директриса бросила на него взгляд, продолжал: — Не только Онико. Я тоже веду дневник, и он тоже был частью передачи.

Директриса беспомощно покачала головой. Она махнула рукой в сторону экрана, и на нем сразу появился школьный пляж: рабочие занимались кострами для шашлыков, и уже начинали собираться ученики. Директриса перевела взгляд от детей на экран, потом снова посмотрела на детей.

— Я должна быть там, — раздраженно сказала она. — Сегодня пир на свежем воздухе, вы знаете.

— Да, мэм, — сказал Снизи, и Гарольд энергично кивнул.

— Жареная свинина, — сказал Гарольд. — Танцы!

Директриса выглядела мрачно. Она немного подумала, потом приняла решение.

— Вы должны все рассказать консультантам, — сказала она. — Все трое.

— Но я не веду дневник! — взвыл Гарольд.

— Но, видишь ли, мы не можем быть в этом уверены. Нет, — твердо сказала директриса, — пусть будет так. Вам все нужно рассказать. Я уверена, у машин будет немало вопросов. Просто рассказывайте правду и ничего не упускайте — боюсь, на пир вы не попадете, но я прикажу поварам оставить для вас что-нибудь. — Она встала и ушла.

Гарольд с каменным лицом взглянул на друзей.

— Это все из-за вас! — презрительно сказал он.

— Прошу прощения? — вежливо отозвался Снизи.

— Прощение! Лишить меня такого пира! Слушайте, — заговорил Гарольд, быстро соображая. — Вот что я вам скажу. Я пойду первым. Тогда, может быть, отделаюсь и успею на берег до начала танцев. По крайней мере хоть это вы можете для меня сделать? От вас ведь все неприятности!

Конечно, в тот момент никто из детей не знал, насколько велики будут эти неприятности. Они были просто дети. И не привыкли оказываться в центре событий, сотрясающих всю вселенную.

Снизи решил, что в словах Гарольда есть определенная доля справедливости, хотя существует и второй уровень, на котором все происходящее просто несправедливо. Ни он, ни Онико ничего не сделали! Никто не говорил, что им не следует изучать земные условия жизни. Никто даже не намекнул, что неправильно подводить итоги и систематизировать все изученное в дневнике — да и вообще это не «дневники», в том смысле, в каком вы описываете в блокнотах с позолочен-

ным обрезом свои увлечения и разочарования. Просто дети вводили всю собранную информацию в свои капсулы, как сделал бы всякий разумный хичи (или воспитанный хичи человек).

Они не сделали ничего предосудительного — и как ужасно, что их невинная деятельность была кем-то преобразована в самое запретное из всех возможных действий — в передачу Врагу! Для Снизи это была слишком страшная мысль. Онико рядом. Ей справиться легче. Снизи сказал:

— Есть еще одна кабинка, Онико. Хочешь войти в нее?

Она покачала головой. Ее темные глаза стали еще темнее от недавних слез, но она перестала всхлипывать.

— Иди ты, Стернутейтор.

Он поколебался, потом сказал:

— Хорошо, но я подожду, пока ты не закончишь. Мы пойдем на берег вместе.

— Нет, пожалуйста, Стернутейтор. Когда закончишь, уходи. Я все равно не хочу есть.

Снизи задумчиво зашипел. Ему не нравилась мысль о том, что Онико пропустит веселье на берегу, и еще меньше — о том, как она ковыляет в корсете и с костылями по песку. Онико трудно

передвигаться по ровной поверхности, ее мышцы все еще не привыкли к земному тяготению.

Потом ему пришло в голову, что он может ничего не обещать: просто подождет ее, если даже она об этом не просит.

— Хорошо, Онико… — начал он.

И тут вся проблема потеряла смысл.

Огни погасли.

Гостиная погрузилась в сумерки, единственное освещение исходило от окна, в которое открывался вид на горы; но горы уже скрывались в заходящем солнце.

Из кабинки с Гарольдом послышался рев:

— Какого дьявола?!

Дверь кабинки задрожала, потом чуть приоткрылась, и наружу протиснулся Гарольд. Ему пришлось отодвигать дверь вручную.

— Что происходит? — спросил он, сердито глядя на Снизи и Онико. — Глупая программа просто отключилась на середине вопроса.

Снизи сказал:

— Я думаю, отключилось электричество.

— О Допи, какой ты дурак! Электричество никогда не отключается!

Снизи посмотрел на экран на стене, ставший немым, на всю осветительную аппаратуру,

теперь не работающую, на дверь, больше не открывающуюся, когда к ней подходишь.

— Но оно отключилось, Гарольд, — рассудительно сказал он. — Так что же нам делать?

Когда отключилась энергия, коридоры школы стали темными и тревожными. Отключились и лифты, так что пришлось воспользоваться лестницей, чтобы добраться до главного здания, а оттуда на берег. Этой лестницей никогда не пользовались.

Но для слабых ног Онико это не выход.

— Придется идти, — мстительно сказал Гарольд, и Снизи согласился с ним.

— Но лучше двигаться по дороге, — заметил он. Гарольд мрачно посмотрел в окно на горы, потом в другое, откуда виден был берег. Школа умерла, но ее ученики нет. Почти все уже находились там, крошечные на расстоянии, они толпились на берегу. Сцена на берегу не выглядела пугающей. Скорее похоже на веселье, и Гарольд вздохнул.

— О боже, наверно, придется идти по дороге. Из-за Онико. Ну, давайте покончим с этим. — Он не сказал, что теперь, когда механизмы вышли из строя, единственная возможность — спускаться по откосу холма, и для него это будет не легче, чем для девочки. Он направился к двери. Но раньше

никогда не было такого — чтобы ты приблизился к двери, а она не открылась. И он чуть не расшиб нос. Потом остановился и сердито открыл ее.

Теперь уже почти совсем стемнело, а фонари снаружи, понятное дело, тоже не горели. Впрочем, это не имеет значения. Вскоре взойдет луна, и даже звездного света над Тихим океаном достаточно, чтобы видеть. Больше, чем отсутствие электричества, Снизи тревожила Онико. На Колесе она почти не плакала, даже когда старшие дети дразнили ее. Теперь она, казалось, не в состоянии остановиться. Слезы появились снова, медленные крупные капли возникали в углах ее глаз, одна покатилась по щеке к подбородку, другая готова была занять ее место.

— Пожалуйста, Онико, — взмолился Снизи, — ведь дело только в электричестве. Ничего серьезного.

— Не в электричестве, — всхлипывала она, — а в моем дневнике.

— Какая ты глупая, — в отчаянии сказал Снизи, желая убедить если не Онико, то хоть самого себя. — Должно быть, просто совпадение. Неужели ты думаешь, что Врага могут заинтересовать детские сочинения?

Она переместилась на костылях, чтобы посмот-

реть на него.

— Но они заинтересовались! — взвыла она. — Ведь это были мои слова. И твои тоже.

— Да, Допи, — грубо вмешался Гарольд. — Не пытайся отвертеться! Это все твоя вина — и ее тоже!

— Включая и то, что электричество отключилось? — спросил Снизи. Но от этого ему не стало легче. В каком-то смысле он и сам признавал, что все это его вина. Слишком мала вероятность простого совпадения. У хичи нет аналогии с образом сорока миллионов обезьян, печатающих на машинке сочинения Вильяма Шекспира, но он и не требовался, чтобы убедить Снизи. Такое совпадение просто невозможно…

Так же невозможно, как единственная альтернатива, а именно: Враг заглядывает из-за плеча, когда они делают свои записи.

Встретившись с двумя равно нелепыми предположениями, Снизи поступил так же, как поступил бы любой нормальный ребенок, человеческий и хичи. Он выбросил их из головы.

Он указал на извилистую дорогу, по которой ходили грузовики на воздушных подушках.

— Пойдем на берег здесь, — сказал он.

— Но тут километры, — простонал Гарольд.

— Хорошо, — ответил Снизи, — если хочешь, иди короткой дорогой. Мы с Онико пойдем здесь.

— О боже! — вздохнул Гарольд, добавляя еще одно обвинение к приговору Снизи и Онико, — наверно, нам лучше держаться вместе. Но это займет всю ночь.

Он повернулся и пошел впереди, Снизи и Онико — за ним. Девочка, с трагичным лицом, молча хромала, отказываясь принимать помощь Снизи. Через десять метров Гарольд оглянулся и сморщился. Он уже ушел далеко вперед.

— Вы не могли бы побыстрее? — спросил он.

— Иди без нас, — ответил Снизи. Ему не хотелось, чтобы Гарольд уходил. Он сам не мог бы объяснить причину, но он боялся. Когда Гарольд раздраженно вернулся и с выражением преувеличенного терпения пошел рядом, Снизи был рад его обществу.

Но чего здесь бояться?

Никакой реальной причины для страха нет. Правда, стемнело и их легко может раздавить какой-нибудь грузовик. Но на дороге нет никаких грузовиков, они ведь тоже работают на электричестве.

И все же Снизи боялся.

Раньше он никогда не испытывал здесь страха.

Конечно, остров человеческий, странный и потому не похожий на все, что привычно мальчику хичи, но Снизи и в голову не приходило бояться чего-нибудь. Конечно, не нескольких оставшихся туземцев полинезийцев. Все это старики, сохранившие свои дома и обычаи, а молодежь ушла в более интересные места, чем Моореа. Снизи не боялся даже тюрьмы, потому что детям объяснили, что живых заключенных в ней почти не осталось. И хоть двое заключенных совершали ужасные преступления, они не только надежно закрыты, но и очень стары. Снизи уверял себя, что бояться абсолютно нечего: только опоздания на шашлыки.

Рациональный, как все хичи, он позволил логике убедить себя.

И поэтому только вздрогнул от неожиданности, но не испугался, когда услышал возглас Гарольда и увидел вставших перед детьми двоих стариков.

— Ты хичи, — с приятной улыбкой узнавания сказал старик, который был пониже ростом.

— Ну да, он хичи, — ответил Гарольд. — А вы кто?

Старик улыбнулся и схватил его за руку. Похоже на ласковое похлопывание, но руку он не

выпустил.

И сказал:

— Я генерал Берп Хеймат, а это мой коллега Сирил Бейсингстоук. Какая приятная неожиданность, эта встреча с вами! Вероятно, вы ученики школы?

— Да, — ответил Снизи. — Мое имя Стернутейтор, но обычно меня зовут Снизи. — И он в соответствии со старательно изученным земным протоколом представил своих спутников. В то же время он пытался разгадать выражение лиц стариков. Генерал — высокий, хотя не такой рослый, как его товарищ, у него широкое лицо с улыбкой, внушавшей смутную тревогу. Снизи не очень знаком с мелкими этническими различиями, отделяющими одну земную расу от другой, но очевидно, что второй старик темнокожий. Они не очень страшные, хотя на лице чернокожего старика сердитое выражение. Когда генерал двинулся к Онико, Бейсингстоук обеспокоенно сказал:

— Нам пока везет. Не делай ничего, что могло бы обернуться неприятностями.

Хеймат пожал плечами.

— Неприятности? Я просто хотел сказать этой юной леди, как я рад ее видеть.

— Рано или поздно электричество снова включится.

— Сирил, — миролюбиво ответил Хеймат, — заткнись.

В его словах не было ощутимой угрозы, но глаза черного сузились.

Потом он повернулся к Снизи и взял его за руку. Хватка у Бейсингстоука была крепкая; под слоями человеческого жира и сухой черной кожей сохранилось немало силы.

— Ты первый хичи, которого я вижу непосредственно, — объявил он, меняя тему. — Твои родители здесь?

Гарольд избрал этот момент для вмешательства.

— Его родители — важные наблюдатели на Колесе! — похвастал он. — И мои, и Онико тоже. И еще ее родители очень богаты. Лучше не пытайтесь что-нибудь сделать с нами.

— Конечно, нет, — добродушно ответил Хеймат, но руку Гарольда не выпустил. Задумался ненадолго. — Тебе не нужны богатые родители, чтобы быть привлекательной, моя дорогая, — сказал он Онико, — и это большой плюс. Я рад познакомиться с тобой. Мы идем на берег. Почему бы нам не пойти вместе?

— Ничего не выйдет! — рявкнул Гарольд. — Нам не нужна — ух! — Не разжимая руки, старик другой рукой ударил его по лицу.

— Важно то, что нужно нам, — небрежно объяснил он, и это, казалось, решило вопрос. Хеймат огляделся, ориентируясь. — К той точке. Как ты думаешь, Сирил? — спросил он. — Я помню, там была дорога к плантации хлебных деревьев. Пошли. А по дороге, моя дорогая Онико, почему бы тебе не рассказать нам, как богаты твои родители?

Снизи показалось, что хоть старик и силен, все-таки можно вырваться и убежать.

Пока Онико тяжело отвечала на вопросы старого генерала, Снизи обдумывал, как это сделать. И решил, что делать этого не стоит. Хотя Бейсингстоук стар, он кажется очень быстрым, и Снизи подумал, что его реакция на попытку бегства будет неприятной.

И даже если он сможет убежать, как можно оставить Онико?

Хотя группа медленно шла по темной дороге, девочке ходьба давалась с трудом. Для нее бегство просто невозможно. Да и Гарольд вряд ли сможет убежать, потому что человеческого мальчика удар по лицу словно сломал. Он брел, не пово-

рачиваясь, но плечи его были согнуты, и Снизи решил, что Гарольд плачет.

Когда повернули с дороги-периметра на тропу, ведущую к берегу, Снизи увидел веселье на пляже. Ученики воткнули в песок импровизированные факелы, и, хотя до них был целый километр, Снизи слышал звуки пения. Он им очень завидовал. Хорошо бы они перестали петь — тогда могли бы услышать крик о помощи. Но в то же время, трезво подумал он, на это нелегко решиться.

Звезды закрывал большой конус центральной горы острова, но созвездия над головой горели ярко. Однако и при их свете идти было трудно. Онико споткнулась о костыль и едва не упала. Удержала ее рука Сирила Бейсингстоука, метнувшаяся стремительно, как змея. Он поставил девочку снова на ноги, а генерал Хеймат оглянулся.

— А, у молодой леди неприятности, — сочувственно сказал он. — Знаешь, Сирил, если бы ты присмотрел за Гарольдом, я бы понес Онико.

Бейсингстоук не ответил. Быстрым движением он поднял Онико себе на плечи, не отпуская при этом Снизи.

— Бери костыли, мальчик, — приказал он.

Генерал повернулся и молча посмотрел на него. Что-то по-человечески отвратительное повисло между ними в теплом тропическом воздухе. Очевидно, Онико тоже ощутила это, потому что сказала, пытаясь дрожащим голосом вести обычный разговор:

— О, посмотрите на воду. Видны огни Папеэте!

И верно: по другую сторону пролива ярко горели золотые огни главного города Таити. А то, что могло произойти между двумя стариками, по крайней мере на время было отложено.

— Там электричество есть, — задумчиво сказал Бейсингстоук, а Хеймат подхватил:

— Мы можем отправиться туда!

— Да, могли бы, если бы у нас был самолет или лодка. Но что потом?

— Там есть аэропорт, Сирил. Самолеты летают на Окленд, в Гонолулу, в Лос-Анджелес…

— Да, — согласился Бейсингстоук, — но они для тех, кто может заплатить за билеты. У тебя с собой кредитная карточка?

— Ну как же, Сирил, — укоризненно сказал Хеймат, — разве ты не слышал? Карточки есть у детей. Особенно, — он улыбнулся, — у юной Онико. Она ведь богата. Я уверен, она сделает приятное старику — так или иначе.

Бейсингстоук некоторое время стоял молча. Снизи чувствовал его напряжение. Потом человек сказал:

— Берп, не мое дело, чем ты занимаешься для собственного удовольствия. Но если твои удовольствия мешают мне убраться с острова, они становятся моим делом. Тогда я тебя убью. — Он помолчал, и слова его тяжело повисли в воздухе. Потом он сказал: — Пошли поищем лодку.

Лодки нашлись. На песке их лежало с десяток — небольшой школьный флот, — но четыре из них — каяки, остальные — доски для виндсерфинга. Единственная крупная — парусная яхта, но ею никто не умел управлять.

— Вы не посмеете, — сказал Гарольд. К нему вернулась смелость. — Отпустите нас! Мы никому не скажем…

Хеймат молча взглянул на него. Потом повернулся к Сирилу Бейсингстоуку.

— У них должно быть что-то, чем мы смогли бы воспользоваться, — сказал он. Дети старались делать вид, что ничего не понимают. Но конечно, у школы такие лодки были.

— Там пирс, — негромко сказал Бейсингстоук, указывая дальше по берегу, и дети покорно вздохнули. Они пошли по усеянному ракушка-

ми берегу, и Снизи думал: вдруг всю флотилию отправили на ремонт, вдруг она уплыла или затонула. Когда они добрались до причала, Хеймат в гневе заревел.

— Нет электричества! — рявкнул Хеймат. — Они мертвы!

Но Бейсингстоук приподнял подбородок, словно принюхивался к ветру. Поверх шума ветра, доносившегося со стороны горы, слышалось негромкое настойчивое гудение. Бейсингстоук подбежал к концу причала, у которого стояли лодки.

— Двигатель на маховом колесе! — воскликнул он. — Его не отключили на ночь, заряжают. Забирайтесь!

Сопротивляться было невозможно. Старые террористы сначала втолкнули мальчиков, потом Бейсингстоук передал Онико Хеймату, генерал погладил девочку по голове, прежде чем поставить ее на дно. Бейсингстоук сел за руль, Хеймат отдал концы, и маленькая лодка двинулась по спокойной поверхности лагуны.

Снизи и Онико держались за руки. Сидя на скамье за защитным стеклом, они с тоской смотрели на нависающую гору и темные здания школы. Нет, не совсем темно, заметил Снизи, ощутив

слабую надежду; но надежда тут же погасла, когда он увидел несколько едва освещенных окон. Кто-то заново открыл свечи. Большинство учеников по-прежнему на берегу: Снизи видел в свете факелов движущиеся фигуры. Но лодка со стеклянным днищем повернула в проход между рифами, держась подальше от берега.

И тут, именно тогда, когда нужна вся сила и решительность, Снизи ощутил, как тяжелеют глаза. Странно, подумал он, встряхиваясь, чтобы отогнать сон. Не время спать, да и причины для этого нет! Он сделал огромное усилие, чтобы взбодриться и привести мысли в порядок.

Первый вопрос: что можно сделать?

Прежде всего, подумал он, лодка все еще в нескольких сотнях метров от берега. Почти для любого ребенка проплыть эти несколько сотен метров в теплой мелкой лагуне — легкая забава. Почти для любого, с сожалением подумал он, но не для него и Онико. Ей не хватает силы, ему — плавучести. Жаль. Возможно, если бы они поплыли, старики не погнались бы за ними, печально думал Снизи, потому что им ведь хочется сбежать…

Он негромко зашипел, думая, что одному из стариков нужно, по-видимому, кое-что еще. От

Онико.

Снизи нелегко было сжиться с такой мыслью. Концепция насилия вообще чужда хичи, особенно насилия по отношению к незрелой физически самке. Предки, да это просто невозможно! Не говоря уже о том, что просто отвратительно. Он слышал теоретические обсуждения подобных проблем — конечно, по отношению к людям. И никогда в них не верил. Даже среди людей такие странные извращения кажутся совершенно невероятными.

Но он никогда не оказывался и в подобной ситуации.

Нет, сказал он себе, риск слишком велик. Это просто не может быть правдой! Им нужно сбежать. Может, Гарольд смог бы освободиться и доплыть до берега? Ему ведь нетрудно доплыть…

Но Гарольд плотно зажат между чернокожим стариком и рулем. Снизи не думал, что ему самому удастся застигнуть Хеймета врасплох. Слабость и депрессия снова охватили его, глаза Снизи опять начали слипаться.

Старый чернокожий негромко напевал, искусно ведя лодку к выходу из пролива.

— Знаешь, Берп, — сказал он второму старику, — мне кажется, нам удастся это предприятие!

К несчастью, не могу сказать, сколько энергии запасено в маховом колесе этого устройства. Возможно, у нас кончится энергия, прежде чем мы достигнем Таити.

— В таком случае, — ответил Хеймат, — просто сбросим детей за борт, чтобы они нам послужили двигателями. Они будут толкать лодку. Ну, только двое, — добавил он, гладя склоненную голову Онико.

Бейсингстоук усмехнулся. Возможность остаться без двигателя, по-видимому, не очень тревожила его. И больше его не занимают планы Хеймета относительно Онико, как раньше, вдруг понял Снизи. Он почувствовал, как мышцы живота извиваются в тревожном предчувствии. Если бы только не эта необъяснимая усталость! Как будто он дышит лишенным кислорода воздухом или наглотался какого-то лишающего сил наркотика. Даже как будто он сделал то, чего не сделает ни один хичи в здравом рассудке: забыл где-то свою капсулу, и теперь ему не хватает дающего жизнь излучения…

Снизи громко зашипел в тревоге.

Хеймет, который ласково смотрел на Онико, повернулся и сердито спросил:

— В чем дело?

Но Снизи не ответил. Слишком это страшно, чтобы говорить.

Его капсула ничего не излучает.

Конечно, хичи может прожить дни и недели без постоянного притока микроволнового излучения из капсулы. Дома это вообще не представляет проблемы, потому что там все пронизано этим излучением; хичи привыкли к нему, они эволюционировали в нем. Оно нужно им, как человеку солнце, а рыбе вода. Но выживание — еще не вся жизнь. Через час-два отсутствие излучения начинает сказываться. А сейчас уже прошло больше двух часов с тех пор, как отключилась энергия и капсула перестала излучать. И Снизи ощущает последствия этого. Ощущение такое — с чем бы его сравнить в человеческих терминах? Жажда? Истощение? Ощущение острой нехватки; так человек в пустыне спустя какое-то время начинает ощущать жажду. Конечно, он еще продержится без воды…

Но долго так продолжаться не может.

Лодка с плоским днищем миновала рифы и закачалась на волнах пролива.

Не очень большие волны, но теперь лодка в Тихом океане. Бури нет, но валы, на которых поднимается и опускается лодка, зародились как

легкая рябь в пяти тысячах километров отсюда, а в дороге выросли.

Онико ахнула и ухватилась за планшир, здесь ее начало сильно рвать в море. После короткой напряженной внутренней борьбы то же случилось и со Снизи. Он не подвержен морской болезни, как человеческий мальчик — строение внутреннего уха хичи совершенно иное, — но качка, стресс, а главное — отсутствие излучения из капсулы, все это вместе сделало его физически больным.

На носу раскачивающейся лодки Хеймат терпеливо рассмеялся.

— Бедные детишки! Обещаю, когда выйдем на берег, вы об этом забудете.

— Она всего лишь испугалась, Берп, — проворчал Бейсингстоук. — Пусть тебя вырвет, Онико. Это тебе не повредит. — Старик чернокожий явно был в приподнятом настроении. — Когда я был мальчишкой, — сказал он, начиная рассказ, как это делает путник — для того чтобы поскорее прошло время, — у нас на острове случались такие бури, что вы и не поверите, дети. Но нам все равно приходилось выходить в море на рыбалку, потому что мы были очень бедные. Мой отец был старик — не годами, но от гидроуглерода в

воздухе. Разные производные нефти. Мы все от них болели, а когда выходили в море на лодках…

Снизи, облегчившись, лег на дно лодки, почти не слушая. Он прижался лицом к прохладному днищу, чувствуя за ним воду; Онико лежала рядом. Снизи апатично взял ее за руку. Он знал, что должен говорить и думать, но это так трудно!

— …а в воде, — раскатывался голос Бейсингстоука, — были большие акулы, почти такие же огромные и свирепые, как здесь, в Тихом океане…

Даже в оцепенении усталости рука Снизи конвульсивно сжала руку Онико. Акулы? Еще один ужасный феномен человеческой планеты, о котором он знает только понаслышке. Снизи, напрягая свои большие глаза, всматривался в темную воду, но, конечно, ничего не увидел. Много раз видел он стайки небольших рыбок, которые исчезают мгновенно, видел морских моллюсков на песке. Конечно, они тоже страшные, но приятно страшные. Как бывает, когда ребенок, выскочив из укрытия, вспугивает другого.

Но акулы?

Снизи строго запретил себе думать об акулах. Вместо этого он стал слушать бесконечные воспоминания чернокожего старика:

— …за пять-десять лет всю нефть выкачали, и от этого провонял весь свежий сладкий воздух острова. Говорили, что нужно выращивать протеин, чтобы никто не умирал с голоду. Но мы умирали, знаете ли. И именно это заставило меня начать бороться, потому что другого пути к справедливости не было…

Справедливость, туманно подумал Снизи. Как странно, что этот террорист, убийца и похититель говорит о справедливости. Как это по-человечески.

Когда приблизился берег Таити, Снизи заставил себя сесть и оглядеться.

Впереди в воде виднелась огромная черная коробка, причаленная и освещенная, размером с футбольное поле. Снизи знал, что она будет здесь, но ему потребовалось какое-то время, чтобы узнать плавучую фабрику CHON-пищи. День и ночь она сосет кислород и азот из воздуха, водород из морской воды пролива, углерод из несчастливых обитателей пролива, чтобы кормить население Таити и окружающих островов. Снизи подумал, как это старый Бейсингстоук решился приблизиться к ней, но тут же понял, что фабрика, конечно, автоматическая; на ней нет ни одного человека, а машины вряд ли обратят

внимание на проплывающую мимо маленькую лодку.

Но потом Снизи осознал еще два обстоятельства.

Во-первых, Пищевая фабрика *освещена*. Здесь есть электричество! А во-вторых, у него в промежности распространяется мягкое приятное тепло.

Они вышли из зоны отключения электроэнергии, и его капсула снова действует.

У берега волны стали выше. Лагуны здесь нет, и никакой риф не защищает от Тихого океана, поэтому лодка со стеклянным дном беспокойно запрыгала.

— Не потопи нас, старый дурак! — рявкнул Хеймат товарищу, и Гарольд запищал от страха, потому что через борт хлынула вода. Снизи понимал страх людей. Голова его прочистилась, и он тоже ощутил страх. Маленькая лодка встала поперек волн, и велика опасность перевернуться. Но эта тревога не отразилась на его настроении. Излучение капсулы подействовало освежающе, как холодный напиток в жаркий день, — нет, гораздо лучше! Освежает, как ромовый пунш после холода: тепло и приятное онемение ликвидировали все желания. Сонная вялость длилась недолго, пока тело не пропиталось микровол-

новым излучением и не вернулось к норме. Но пока Снизи был слишком счастлив, чтобы тревожиться.

Он послушно сидел, пока Сирил Бейсингстоук осматривал берег в поисках убежища. Ни о чем не думая, слушал, как старики спорили. Послушно старался вычерпывать воду со дна лодки своими тощими голыми руками хичи, так плохо приспособленными для этой работы. Они направились к пляжному домику с плавучим причалом, и Бейсингстоук привязал к нему лодку.

Вышли из лодки, поднялись по берегу, остановились у закрытого сеткой входа в домик — Снизи десять раз мог вырваться и убежать. Старики устали, потому что ночь подходила к концу, а они затратили много усилий. Но Снизи не воспользовался возможностью. Гарольд тоже, хотя, возможно, шансы человеческого мальчика хуже: генерал Хеймат ни разу не выпускал его руку. И конечно, у Онико вообще не было шансов убежать, и поэтому Снизи покорно помогал Онико и терпеливо ждал, пока старики спорили.

— Здесь должна быть сигнализация, — предупредил Бейсингстоук.

Хеймат улыбнулся. Сказал только:

— Возьми мальчишку, — и занялся делом.

Мастерство, которое он испытал на десятках ненужных тюремных программ, не должно подвести здесь, у элементарного домашнего устройства против взлома.

Через две минуты они оказались в доме. Дверь за собой закрыли. Возможность бегства исчезла; Снизи с опозданием понял, какую возможность упустил.

— Ложитесь на животы, мои дорогие, — добродушно сказал Хеймат, — и положите руки на шею. Если двинетесь, вы мертвы. Конечно, к тебе это не относится, милая Онико.

Дети послушно легли на пол, и Снизи услышал, как старики обыскивают дом, негромко переговариваясь. Вялость прошла, но теперь уже поздно. Тем не менее Снизи начал осознавать кое-что еще. Он теперь почти не слышал, что делают и говорят похитители. Ему что-то нужно… Обязательно нужно…

Не задумываясь, он встал и направился к коммуникационной установке ПВ.

Так случилось, что первым увидел его Бейсингстоук. Вероятно, это спасло Снизи жизнь. Старик в ту же секунду оказался рядом и отбросил мальчика. Снизи пролетел через всю комнату, упал и, мигая, посмотрел на Бейсингстоука.

— Мальчик, мальчик, — укоризненно проворчал старик. — Что ты делаешь?

— Мне нужно позвонить, — объяснил Снизи, вставая. Ничего не сломано. И он снова двинулся к приемнику.

Бейсингстоук схватил его. Старик оказался сильнее, чем думал Снизи; мальчик посопротивлялся и расслабился.

— Тебе нужно делать, — бранил его Бейсингстоук, — только то, что тебе велят, парень, и больше ничего. Будешь сидеть спокойно или… Хеймат! Смотри за девчонкой!

Потому что Онико тоже встала и упрямо двигалась к приемнику с решительным выражением лица.

Хеймат остановил ее на первом же шаге.

— Что с вами такое? — рявкнул он. — Вы думаете, мы шутим с вами? Может, убить мальчишку хичи, чтобы убедить тебя?

— Мы просто свяжем их, Берп, — поправил Бейсингстоук. Потом, видя, с каким выражением Хеймат смотрит на девочку, вздохнул. — О, подожди немного, приятель! У тебя будет достаточно времени для этого потом!

Пляжный домик для старых террористов оказался сокровищем. Здесь нашлась пища, была

энергия, оказалось даже что-то вроде оружия — пружинное ружье для подводной охоты на акул и еще один плоский, мощный пистолет, созданный на тот случай, когда рыбак ловит слишком большую добычу, которая опасно бьется и может перевернуть лодку. Апатия Снизи окончательно прошла, и он с удивлением и некоторым ужасом смотрел на оружие. Это *оружие!* Оно предназначено для *убийства!* Какое типично *человеческое* изобретение!

Когда нашли еду, старики насытились первыми, негромко переговариваясь за столом, но, закончив, развязали Онико и позволили ей покормить остальных. Она кормила мальчиков с ложечки, словно они младенцы. Однажды неуклюже поднялась и направилась к приемнику, но Хеймат опередил ее. Больше она не пыталась. Неконтролируемое стремление Снизи сделать то же самое прошло, и он очень удивлялся, что это такое было. Конечно, позвонить. Но кому? В полицию? Да, конечно, это было бы логично, но он не думал, что именно это было у него на уме.

Когда все поели и детям по одному под охраной позволили посетить туалет, Хеймат подошел и ласково обнял Онико за плечи. Девочка задрожала, не глядя на него.

— Хеймат, приятель, — предупреждающе сказал Сирил Бейсингстоук.

Генерал удивленно взглянул на него.

— А что я сделал? — спросил он, играя коротко подстриженными волосами девочки. — Мы поели. Мы в отличном безопасном месте. Я заслужил… гм… небольшой отдых и развлечение.

Бейсингстоук терпеливо ответил:

— Мы по-прежнему на острове в середине Тихого океана, приятель. И пока мы здесь, мы не в безопасности. Рано или поздно владельцы этого дома вернутся или какой-нибудь сосед заглянет на огонек. И что мы будем делать?

Хеймат терпеливо вздохнул, встал и походил по комнате.

— У нас впереди почти вся ночь, а утром рейсов не будет, — заметил он.

— Утро совсем близко, — возразил Бейсингстоук. — И еще есть наша лодка. Если мы ее оставим, она привлечет к нам людей. Я думаю, мы с тобой, Берп, должны отправить ее в море, пока еще не рассвело.

— Да? — сказал Хеймат. — Но почему мы вдвоем, Сирил? — Он сел за стол в углу комнаты, глядя на товарища, и, хотя выражение его лица не изменилось, Снизи неожиданно ощутил напряжение.

Хеймат задумчиво продолжал:

— Посмотрим, правильно ли я тебя понял, старина. Ты считаешь, что двоим улететь труднее, чем одному. Затем ты считаешь, что если бы я и эти прекрасные молодые люди умерли, наши тела пролежали бы в доме незамеченными долго.

— О Берп, какое у тебя воображение, — терпеливо сказал Бейсингстоук.

— Да, — согласился Хеймет. — Воображение подсказывает мне, что ты взвешиваешь, что тебе полезнее: моя помощь или мое мертвое тело. Я даже думаю, что ты уже решил, каким образом наши обнаруженные четыре тела помогут тебе. Может, их найдут в лодке на плаву и все решат, что ты утонул, переплывая пролив. Я близок к твоим мыслям?

Бейсингстоук терпеливо улыбнулся.

— Ну, может, в общих чертах, — согласился он. — Время от времени всем приходят такие мысли. Но они ни к чему не обязывают, это всего лишь мысли, приятель.

— Тогда подумай и об этом. — Хеймат улыбнулся и поднял руку. В ней был мощный плоский пистолет для крупной добычи.

Онико закричала и упала рядом со Снизи. Он хотел бы, успокаивая, похлопать ее по плечу,

но руки связаны; поэтому он ограничился тем, что потерся жесткой кожей щеки о ее голову. Бейсингстоук некоторое время смотрел на детей, потом снова повернулся к Хеймату.

— Берп, — сказал он, — я думаю только о том, о чем думаешь ты сам. Но я не хочу, чтобы твое тело было найдено не на острове. Насколько нам известно, нас все еще считают находящимися на Моореа. Надеюсь, никто не подумает иначе, пока не станет уже поздно. Так что не будь дураком, приятель. Давай избавимся от лодки. Потом попробуем убраться отсюда…

Хеймат разглядывал его, почесывая ногтем подбородок. Но молчал.

— К тому же, — продолжал Бейсингстоук, — нужно еще кое о чем подумать. Ни один разумный человек не оставит в ящике заряженный пистолет, уходя. Неужели владелец дома настолько беззаботен? Откуда ты знаешь? Ты ведь не проверил, заряжен ли пистолет. Я этого, во всяком случае, не заметил.

Хеймат уважительно кивнул. Положил на мгновение руки на колени, глядя на пистолет. То, на что он смотрел, от остальных закрывал стол; послышался щелчок открывающегося и закрывающегося затвора. Выражение лица Хеймата не

изменилось. Он поднял голову.

— Теперь я знаю, заряжен он или нет, — заметил генерал, — а ты не знаешь.

— Ну и что? — вежливо спросил Бейсингстоук. Он не стал ждать ответа. — В любом случае пора прекратить этот бессмысленный спор. Пошли избавимся от лодки; дети здесь в безопасности. Потом вернемся и попытаемся найти способ убраться с острова. А когда будем ждать самолет, Берп, сможешь развлечься, как тебе нравится.

Связывал их генерал Берп Хеймат, и Снизи должен был признать, что старик знал, что делал. Несколько минут, когда старики вышли из дома, Снизи пытался освободиться. Жалобные вопли Гарольда не помогали ему:

— Что с тобой, Допи? Ты такой тощий, ты должен освободиться от этих штук! Потом ты развяжешь нас и…

Тут Гарольд замолчал, потому что не мог представить себе, что будет дальше. К тому же старики почти сразу вернулись и остановились у ПВ.

Они сразу связались с заказом билетов в аэропорту Фаа-Фаа-Фаа. На них смотрела красивая полинезийская девушка в саронге и с цветами в волосах. Она казалась дружелюбной и вполне реальной, глядя на них с экрана. Снизи хотел

позвать на помощь, но потом решил, что это слишком рискованно. Несомненно, это всего лишь имитация, к тому же весьма примитивная.

— Назовите рейсы, уходящие с этого момента и до полудня на дальность больше двух тысяч километров, — приказал Хеймат.

— Oui, m'sieur. — Девушка улыбнулась и исчезла. На экране показался список:

UA 495 Гонолулу 6.40
JA 350 Токио 8.00
AF 781 Лос-Анджелес 9.30
NZ 263 Окленд 11.10
QU819 Сидней 11.40
UT 311 Сан-Франциско 12.00[32]

Хеймат немедленно сказал:

— Мне нужен рейс на Лос-Анджелес.

Бейсингстоук вздохнул.

— Да, Берп. Мне тоже.

Хеймат недовольно посмотрел на него.

— Можешь лететь в Сан-Франциско, — заметил он. — Всего на пару часов позже, и нам лучше не лететь одним самолетом. Или можешь отправиться в Гонолулу, в Токио…

---

[32] Примечания: 32

Буквы перед рейсами обозначают сокращенные названия авиакомпаний. — *Примеч. пер.*

— Я не хочу оказаться снова на острове или в таком месте, где я не могу говорить на местном языке, и не хочу ждать несколько часов. Я полечу в Лос-Анджелес.

Хеймат вздохнул и сдался.

— Хорошо. Расстанемся там. Заказ!

На экране снова появилась девушка. Она вежливо сказала:

— M'sieur?

— Нам нужны два места на рейс 781 Эйр Франс сегодня утром. Мистер Дж. Смит и мистер Р. Джонс, — импровизировал Хеймат.

— Первый класс или туристский, сэр?

— О конечно, первый класс, — улыбнулся Хеймат. — Наша дорогая маленькая племянница пригласила нас в небольшой отпуск. И она очень щедра. Минутку, — сказал он и сделал знак Бейсингстоуку. Тот подвел Онико. Не показывая ее перед экраном, старик быстро развязал девочке руки. Потом кивнул Хеймату и приподнял девочку.

— Онико, дорогая, — продолжал Хеймат, — будь добра, дай этой милой компьютерной программе твое кредитное удостоверение.

Снизи затаил дыхание. Попытается ли Онико позвать на помощь? Она не стала этого делать.

Ясным голосом назвала номер своей кредитной карточки и приложила большой палец для подтверждения. Снизи испытал краткое разочарование. Где же хваленая человеческая храбрость, когда она необходима? И тут же устыдился: стоило Онико сказать не то, и ей было бы очень больно, как только старый террорист убрал бы ее от экрана.

Все на этом кончилось. Никаких вопросов. Программа, выглядящая как полинезийка, через секунду подтвердила верность счета и сказала:

— Мистер Дж. Смит и мистер Р. Джонс, вам отведены два места на беспосадочный перелет из аэропорта Фаа-Фаа-Фаа, отправление в девять тридцать, до Лос-Анджелеса Интерконтиненталь. Это все, или вам нужны обратные билеты или билеты на продолжение перелета?

— Не сейчас, — сказал Бейсингстоук и выключил приемник.

— Минутку, — возразил Хеймат. — Куда ты торопишься? Нам ведь нужно будет убираться из Лос-Анджелеса!

— Но не по ее кредиту, приятель. Это слишком рискованно. Тебе придется самому находить выход.

Глаза Хеймата опасно сузились.

— Ты много на себя берешь, Сирил, — негромко сказал он. — Забыл, что пистолет все еще у меня? — И вдруг закричал: — Что она делает? Останови ее, Сирил! — Потому что Онико, которую все еще держал Бейсингстоук, упрямо потянулась к приемнику.

Бейсингстоук оттащил ее.

— Ну, ну, — сказал он. — Это уже становится утомительным, девочка.

Онико не ответила. Она смотрела на приемник, до которого уже не могла дотянуться.

— Свяжи ее, — приказал Хеймат. Снизи беспокойно смотрел, как Бейсингстоук связал Онико и уложил рядом с остальными пленниками. Как только ее связали, Онико снова расслабилась, прижавшись к Снизи.

— Мне нужно было, — прошептала она, и он согласно зашипел. И она и он должны были добраться до приемника, как только оказались в доме. Снизи удивило это принуждение: он не помнил, почему это так важно, помнил только, что важно. Точно так же ему обязательно нужно вспомнить все, что он знает об истории и деятельности хичи, и внести в свой дневник. Казалось, эти потребности связаны, но как именно, он не понимал.

— Они скоро уйдут, — прошептал он Онико, утешая единственным способом, какой смог придумать.

Она молча посмотрела на него. Ей не нужно говорить; если бы она и сказала что-то, то только «Недостаточно скоро».

Старики занимались тем же, чем всегда. Они спорили.

Какие странные существа люди. Самые простые вопросы они решают в яростных спорах. На этот раз спорили, нужно ли спать и кто будет спать первым. Хеймат говорил:

— Мы должны отдохнуть, Сирил. Час или два каждый, чтобы быть начеку в аэропорту. Почему бы тебе не лечь первым? Я буду развлекать наших молодых гостей.

— Если ты будешь развлекать девочку, как тебе хочется, — ответил Бейсингстоук, — она, вероятно, умрет от этого.

Хеймат печально покачал головой.

— Старость ослабила тебя. Какая тебе разница, что будет с маленькой чаровницей?

— Это тебя старость сделала дураком! Тебя ждет целый мир маленьких девочек. Как только уберемся с острова, можешь хоть со всеми делать что угодно, мне все равно. Но у этой кредитная

карточка, которой мы можем воспользоваться. Мертвая сможет она оплатить наши счета?

— Какие счета? Билеты на самолет у нас уже есть.

— А как добраться до аэропорта? — спросил Бейсингстоук. — Пойдем пешком?

Хеймат вначале стал задумчив, потом мрачен.

— На этот раз ты, вероятно, прав, — неохотно согласился он. Потом лицо его прояснилось. — Давай сейчас же закажем машину, и тогда у нас будет время развлечься в ожидании.

Снизи не знал, что из этого слышала Онико. Она лежала неподвижно, с закрытыми глазами, но по щекам ее катились медленные слезы, одна за другой, и, казалось, источник их был неиссякаем.

Снизи тоже закрыл глаза. Не столько от усталости, хотя он и устал, сколько в попытке сосредоточиться. Есть ли возможность сбежать? Допустим, он скажет старикам, что ему снова нужно в туалет. Допустим, они развяжут его. Может он высвободиться, схватить Онико на руки и выбежать с ней из дома? Поможет ли Гарольд? Есть ли вероятность, что этот план — или любой другой — удастся?

Или старики просто решат проблему — ведь у него и Гарольда нет кредитных карточек, они

не обладают привлекательностью сексуальных жертв — и при первой же неприятности их просто убьют?

Впервые Снизи серьезно задумался над вероятностью, что эта жизнь может кончиться в следующие несколько часов. Для молодого хичи это очень страшно. Вопрос не просто в смерти — смерть рано или поздно приходит ко всем. Но смерть в таких обстоятельствах означает *абсолютную* смерть, потому что некому будет взять мертвый мозг Снизи и перелить его содержимое в машину; он боялся не смерти, а того, что мозг его безвозвратно разложится, прежде чем Снизи станет Предком…

Он понял, что старики опять спорят, на этот раз еще яростнее.

— Что с этой проклятой штукой? — раздраженно воскликнул Бейсингстоук, а Хеймат обрушился на него:

— Ты что-то сделал не так, старый дурак! Дай мне попробовать!

— Пробуй сколько хочешь, — проворчал Бейсингстоук. — Он просто не включается. — Он отошел, сердито глядя, как Хеймат склонился к приемнику. Наконец тот с мрачным выражением откинулся.

— Что ты с ним сделал?

— Ничего! Просто выключил! А когда потом попытался снова включить, он не работал!

На мгновение Снизи испытал прилив надежды. Если приемник действительно сломан, старикам придется изменить свои планы. Может, им нужно будет идти в аэропорт пешком! Снизи понятия не имел, далеко ли это, но, вероятно, и они тоже этого не знали. Значит, не решатся тратить время. Им нужно будет выходить немедленно, потому что начинается рассвет, небо в окнах светлеет.

А если они уйдут немедленно — и если почему-то им не удастся сразу убить свидетелей — и если они не решат опять прихватить детей с собой — и если…

Как много этих «если»!

Но все это не имеет значения. Снизи увидел, как засветился экран. Бейсингстоук тоже заметил это и воскликнул:

— Не нужно обвинять друг друга, Берп! Смотри, он включился!

И правда.

Приемник включился. Но с экрана смотрело совсем не лицо улыбающейся полинезийки с цветами гибискуса в волосах. Мужское лицо. Мужчина неопределенного возраста, приятной

внешности (мне хочется так думать), он улыбался по-дружески. Снизи не узнал его. Люди, на взгляд хичи, все похожи друг на друга, кроме тех, с кем хичи провел много времени.

Но Сирил Бейсингстоук и Берп Хеймат узнали это лицо сразу.

— Робинетт Броудхед! — воскликнул Бейсингстоук, а Хеймат рявкнул:

— Какого дьявола тут делает этот сукин сын?

Глядя на это из гигабитного пространства, Эсси нервно усмехнулась.

— У тебя широкая известность, Робин, — сказала она. — Даже злые старые террористы сразу узнали тебя.

Альберт сказал:

— Это неудивительно, миссис Броудхед. Генерал Хеймат по крайней мере дважды пытался убить Робинетта. И вероятно, каждый террорист на Земле поступил бы так же, если бы у него была возможность.

— Больше не давай им возможности сделать что-нибудь плохое, Робин, — попросила Эсси. — Давай. Действуй. И, дорогой Робин, будь очень осторожен. Злые старые террористы ничто по сравнению с другими опасностями, которые тебе угрожают!

14. Зайцы

Я думаю, мне стоит здесь вернуться немного назад.

Когда сообщение о передаче в кугельблитц достигло ЗУБов, там началась лихорадочная деятельность. Программы и люди в гигабитном пространстве определили источник передачи и установили, что это остров Моореа в Тихом океане. И произошло это так быстро, что удовлетворило даже меня.

Потом пришлось нажать на тормоза, потому что следующее решение предстояло принять плотским людям.

Они сделали это так быстро, как только могут плотские люди, нужно отдать им должное, но все же люди из плоти не годятся, когда нужна настоящая скорость. Прошло много-много миллисекунд, прежде чем был сделан следующий шаг, и еще очень много, пока этот шаг начал приносить последствия. Отключили остров Моореа от электроэнергии. Повсюду отключили все источники электромагнитной энергии на острове. Моореа оказался в карантине. Больше никаких сообщений отсюда не поступит.

Это был правильный поступок, и я с ним со-

гласен. Но на это ушло так много времени! А потом потребовалось еще много-много времени для следующего шага. Никто не знал, что делать. Альберт, Эсси и я сразу поняли, что происходит, но нам понадобилось *бесконечно* долгое время, чтобы убедить плотских людей, что мы правы, и заставить их совершать нужные шаги.

С самого начала было ясно, что Враг находится на Земле. Альберт и я снова и снова возвращались к этому на протяжении тысяч миллисекунд, и другого объяснения просто не было. Эти «ложные тревоги» на Сторожевом Колесе совсем не были ложными. Мы умудрились довести это — за много миллисекунд — до сознания плотских людей. Будь прокляты их души, они начали спорить!

— Вы не можете этого знать, — возразил генерал Халверссен, и я закричал (насколько я могу кричать на плотских людей. О, как это медленно!):

— Верно, генерал Халверссен, что мы не знаем этого точно. Но наука строится не на точности; это всего лишь вопрос вероятности, а вероятность того, что наше утверждение верно, подавляющая. Никакой другой гипотезы просто не существует.

Можете себе представить, сколько времени занимает такой разговор?

А потом нам потребовалось убедить их в другом: на Врага работают какие-то человеческие существа. Тут мы опять погрузились в долгий спор, потому что генералы ЗУБов застряли на том, что каким бы злобным и безумным ни был человек, он не может помогать врагам всякой органической жизни. Потребовалась новая вечность, чтобы объяснить: мы не имеем в виду *добровольное* сотрудничество. Но что тогда это значит? Мы не *знаем,* что это значит, но то, что передача велась на английском языке, пусть и ускоренно, неопровержимо свидетельствует, что в ней был занят какой-то человек. И конечно, содержание передачи подкрепило теорию, что она создана и отправлена Врагом.

— Если бы вы были разведчиком Врага на Земле, — вежливо спрашивал Альберт, — что бы вы сделали? Первая ваша задача — узнать, что возможно, о людях и хичи: какая у них технология и как она развивалась, узнать все, что может оказаться полезным в случае столкновения. Но именно это содержит передача, генералы. В этом нет никаких сомнений.

Спор занял не миллисекнуды. Он занял *минуты,* а минуты перешли в часы, потому что плотские генералы не все время проводят в

разговорах с нами. У них на уме были и другие дела. Они *действовали*. Мооpеа изолировали, так что сообщения не могли проходить ни в каких направлениях. И поэтому единственный способ установить там контроль заключался в том, чтобы отправить на остров теплые плотские тела с приказом захватить. «Что захватить?» — тщетно вопрошали мы. Остров, конечно, отвечали нам.

И вот в самолеты дальнего радиуса действия в Нанду и Оаху погрузились парашютисты и вылетели на Мооpеа. Храбрые мужчины и женщины летели в этих самолетах, гораздо храбрее, чем я был бы на их месте. Ведь звание «солдат» для большинства из них всю жизнь оставалось лишь почетным. Но они прилетели на остров и прыгнули в темноту — одни опустились на склоны большой центральной горы, другие в воды лагуны, а несколько счастливчиков — на плантации торо на берегу. Их задача состояла в том, чтобы арестовать всех, кого они увидят, а когда это будет сделано, подать зеркальцем сигнал на спутник над головой. Тогда Мооpеа снова подключат к электроэнергии и смогут приземлиться следователи.

Можете вообразить, сколько времени все это заняло?

Можете себе представить, сколько при этом произошло неприятностей? Двести солдат высадились на Мооpеа, семьдесят из них сломали себе руки, ноги или головы при посадке. Просто чудо, что ни один из них не умер. И все это из-за ничего.

Потому что пока это происходило, самые быстрые среди нас, такие как мы с Альбертом, проделали домашнюю работу, которая могла бы избавить от всех этих усилий. На это потребовалось много времени, потому что в записях самого острова Мооpеа мы не могли порыться из-за отключения. Пришлось добывать информацию из других источников. Так мы и поступили. Просмотрели все базы данных относительно приездов на остров и отъездов с него. Изучили данные о всех живущих на нем. Мы искали хоть какой-то ключ, какую-то связь с Врагом…

И тут в файлах возникли имена Онико, Снизи и Гарольда.

Как только мы узнали, кто они и где были, мы поняли, что нашли ответ. Кто еще был на Колесе во время последних «ложных» тревог?

Когда мы объяснили все это мясным головам, они согласились, что это важно. Но и бесполезно, потому что у них не было связи с парашютистами,

которые начали падать на остров, невозможно было указать им, на поимке кого именно сосредоточить усилия. Но генералы сделали нечто другое. Они дали нам доступ к записям спутников, и когда мы прокрутили запись, то увидели небольшую лодку со стеклянным дном, переплывавшую залив.

К несчастью, к тому времени, как мы это увидели, событие уже стало историческим. Но они были там. Трое детей оказались в домике, принадлежащем мистеру и миссис Генри Бекерель, которые в настоящий момент гостят у своих внуков на планете Пегги. А когда мы сделали следующий шаг и проверили все звонки из этого домика, нам не составило никакого труда опознать двух старых безумцев, которые были с детьми в лодке.

После этого мы задумались.

— Ага, — мудро сказал Альберт, попыхивая трубкой. — Только посмотрите на детей.

— У двоих из них капсулы, — провозгласил Хулио Кассата мгновением раньше меня.

— Совершенно верно, — улыбнулся Альберт. — А где может лучше укрыться энергетическое существо, если не в капсуле?

Я сказал:

— Но как они могут? То есть *как они могут*?

Пуф, пуф.

— Да, это, вероятно, для них нелегко, Робин, — задумчиво сказал Альберт, — потому что, конечно, они не привыкли к системе записи. Но ведь и Предки хичи, и мы в гигабитном пространстве вначале не ощущали себя свободно. Нам просто пришлось найти способ переходить от одной системы записи к другой. Не думаете же вы, Робин, что Враг глупее нас? — И прежде чем я смог ответить: — Лучшей гипотезы все равно нет. Ничего другого мы не смеем предположить. Враг в капсулах.

— Но капсулы на детях, — сказала Эсси, — а дети — пленники двух известных убийц. Робин! Что бы ты ни делал, нужно быть абсолютно уверенным в безопасности детей!

— Конечно, моя дорогая, — ответил я, думая, как же это сделать. Банки данных о Бейсингстоуке и Хеймате не внушали оптимизма, даже если забыть об известной одержимости Хеймата юными беспомощными девочками. Я сделал усилие. — Прежде всего, — сказал я, — нужно убедить ЗУБы изолировать дом. Мы не хотим, чтобы Враг вышел в гигабитное пространство и отправился бродить по нему.

— У него было достаточно времени, чтобы сделать это, — заметил Альберт.

— Но может, он еще не сделал. Может, он не в состоянии покинуть капсулы — или считает, что ему это не нужно. — Я покачал головой. — Твоя беда, Альберт, в том, что ты творение машины. Ты не знаешь, как ведут себя природные существа. Если бы я был одним из Врагов и оказался в таком странном и удивительном месте, я бы нашел дыру поглубже и оставался бы в ней, пока не убедился в безопасности.

Альберт вздохнул и закатил глаза.

— Вы сами никогда не были природным энергетическим существом и поэтому ничего не знаете о его поведении, — напомнил он мне.

— Но если я ошибаюсь, мы ничего не теряем, верно? Так что давай отрежем их.

— О, — сказал он, — я уже предложил это органическим руководителям ЗУБов. Через несколько тысяч миллисекунд дом будет полностью изолирован. Что тогда?

— О, — небрежно ответил я, — тогда я нанесу им визит.

На самом деле потребовалось много миллисекунд. Пришлось не только убеждать мясные головы из ЗУБов, что я лучше всего подхожу для

этого визита, но и доказывать им и Альберту, что я таким образом проведу переговоры, что ни старики, ни Враг не смогут уйти.

— Хорошо, — неохотно сказал двойник Кассаты, — я согласен. — Я подготовился к продолжению. Оно пришло. — Кто-нибудь другой должен это сделать, не вы, Броудхед. Вы штатский.

Я заорал:

— Слушай, ты, глупый… — Но Альберт поднял руку.

— Генерал Кассата, — терпеливо сказал он, — ситуация в доме нестабильна. Мы не можем ждать, пока туда явится плотский человек для переговоров.

— Конечно, нет, — напряженно ответил генерал, — но это совсем не означает, что должен идти Броудхед.

— Да? — спросил Альберт. — Тогда кто же? Должен быть кто-то подобный нам. Кто-то знающий, что происходит. То есть один из нас.

— Не обязательно, — уклонился Кассата, но Альберт стоял на своем.

— Я думаю, это так, — мягко продолжал он, — потому что время играет решающую роль. Единственный вопрос — кто именно из нас. Не думаю, чтобы идти должен был я: я всего лишь

механизм, в конце концов.

Эсси вмешалась:

— И конечно, не я!

— А что касается вас, генерал, — вежливо сказал Альберт, — то вы просто недостаточно подготовлены для такого дела. Боюсь, остается только Робинетт.

Он боится!

Кассата сдался.

— Но не собственной персоной, — приказал он. — Что-нибудь восполнимое, и это *окончательно*.

Так что не совсем «я» улыбался с экрана двум старым чудовищам и их пленникам. Это был мой двойник, потому что только с его кандидатурой согласились Альберт и люди ЗУБов. Но им пришлось позволить мне воспользоваться закрытым каналом для контакта с двойником. У них не было другого выхода, потому что иначе ни один из нас не знал, что происходит, и не мог бы воздействовать на происходящее в маленьком домике на берегу острова Таити.

И вот я смотрел с ПВ на старых чудовищ. И сказал — вернее, сказал мой двойник:

— Генерал Хеймат, мистер Бейсингстоук, вы опять пойманы. Не делайте ничего плохого. Мы

отпустим вас на свободу — на определенных условиях, если вы будете сотрудничать с нами. Начните с того, что развяжите детей.

В то же самое время другой «я», находящийся в безопасности в ста тысячах километров на борту «Истинной любви», горько пожаловался:

— Но это так *долго*!

Эсси ответила:

— Ничего не поделаешь, дорогой Робин.

А Альберт откашлялся и сказал:

— Будьте осторожны. Генерал Хеймат, несомненно, попытается совершить какой-нибудь насильственный поступок, но Бейсингстоук более стабилен. Внимательней следите за ними, пожалуйста.

— Разве у меня есть выбор? — проворчал я. Выбора не было. Пока мой двойник произносил эту неимоверно долгую речь — она заняла целых шесть тысяч миллисекунд! — я осматривал всех в домике, всю мебель, все, что висит на стенах, окна, частицы песка и пыли в этой приятной небольшой комнате. Потребовалась целая вечность, чтобы активировать мое изображение и произнести приветствие, а ответ Хеймата вообще длился бесконечно.

Видите ли, я не имел при себе быстрых воспри-

нимающих и действующих устройств, которые у меня есть на «Истинной любви». В моем распоряжении было только простейшее пьезовизиофонное устройство связи, какие помещают в гостиных. Эти устройства приспособлены для использования плотскими людьми. Поэтому они и медлительны, как люди во плоти. Им не нужно быть быстрыми, потому что плотские люди медлительны. Сканирующая система устройства по очереди осматривала все в домике, пункт за пунктом. Осматривала эти пункты и отмечала их свойства — такая-то светимость, такие-то длины волн, потом один за другим помещала эти свойства в память и передавала.

Конечно, мы не позволили системе передавать. Единственную передачу из этого помещения вел мой двойник, и направлена она была на сто тысяч километров в пространстве.

По человеческим стандартам, сканеры системы были достаточно быстры. Они двадцать четыре раза в секунду подавали сигналы, а свойства человеческого зрения восполняли остальное. И плотские люди получали иллюзию присутствия в реальном времени.

Но для меня этого недостаточно. Мы — я двойник и реальный я — видели, как медленно,

болезненно, точка за точкой, возникают изображения. Мы жили в гигабитном времени, а это на много порядков быстрее. Словно кто-то рисует мазками, каждую двадцать четвертую долю секунды случайно нанося мазок то там, то тут: то красное пятно, то рядом более темное, алое, еще одно алое, и вот так болезненно медленно, точка за точкой, появляется линия красной юбки Онико. Потом тысяча точек в следующей линии, в следующей, и еще, а я и я-двойник нервничаем и метафорически грызем свои метафорические ногти, ожидая, пока проявится вся картина.

Со звуками дело обстояло не лучше. Средняя частота человеческой речи — 440 герц. Поэтому я слышал (точнее, воспринимал как усиления давления) легкие удары — патт — патт — патт — звука, и каждый отдельный удар приходил после нескольких миллисекунд после предыдущего. Мне приходилось отмечать частоту каждого удара, отмечать время между ударами, более или менее обращать внимание на повышение или понижение тона, переводить в слоги и наконец составлять слова. О, я, конечно, понимал их. Но, боже мой, как это *скучно*!

Раздражительно во всех отношениях, и особенно потому, что дело срочное.

Срочность, конечно, связана с Врагом, но у меня были и личные причины для срочности. Например, любопытство. Я хорошо знал, что этот старый безумец Хеймат очень старался убить меня и мою жену. И мне хотелось поговорить с ним об этом. Далее, дети. Тут особая срочность, потому что я ясно видел, что́ они пережили и какой ужас испытали. Теперь они истощены и деморализованы. Мне хотелось освободить их, избавить от этого испытания в следующие несколько миллисекунд, мне некогда было договариваться со старыми убийцами, но ничего сделать я не мог.

Но и ждать я не мог, поэтому пока Хеймат и Бейсингстоук раскрывали рты и выражали свое изумление, я сказал, обращаясь непосредственно к детям:

— Онико, Снизи, Гарольд, вы в безопасности. Эти два человека не могут причинить вам вред.

Там, где мы все сидели в контрольной рубке «Истинной любви», Альберт задумчиво пососал трубку и сказал:

— Я не виню вас за это, Робин, но, пожалуйста, не забывайте, что первоочередное наше дело — Враг.

У меня не было возможности ответить. Эсси негодующе воскликнула:

— Альберт! Неужели ты действительно только машина? Бедные дети безумно испугались!

— Однако он прав, — возразил Кассата. — С детьми будет все в порядке. Полиция Папеэте уже в пути…

— И когда она прибудет? — спросила Эсси. Вопрос риторический: мы все знали ответ. Эсси сама его дала: — Примерно через миллион миллисекунд, верно? Что может случиться за это время, даже во времени плотских людей?

Мой двойник заканчивал произносить:

— …з-о-п-а-с-н-о-с-т-и, — так что времени для спора у нас было предостаточно. Я сказал Альберту:

— Что, по-твоему, сделает Хеймат?

— У него пистолет, — рассудительно ответил Альберт. — Вероятно, он попробует использовать Онико как заложницу.

— Об этом мы позаботимся, — мрачно сказал Кассата.

— Ни в коем случае, Хулио! — сказал я. — Вы с ума сошли? Если вы примените в этой маленькой комнатке лучевое оружие, кто-нибудь будет ранен.

— Только тот, в кого мы целимся!

Альберт неодобрительно кашлянул.

— Никто не сомневается в точности вашего оружия, генерал. Однако возникает вопрос о целости клетки Фарадея. Это пространство полностью изолировано, за исключением единственного канала между мистером Броудхедом и его двойником. Что произойдет с зайцами, если вы пронзите клетку?

Кассата колебался. Все мы колебались, потому что именно в этом была главная опасность. Зайцы. Враг!

Глядя на троих детей, ставших заложниками головорезов, можно было почти забыть о том, в чем подлинный ужас. Хеймат и Бейсингстоук — жалкие любители! Вдвоем они убили, может, несколько десятков тысяч невинных мужчин, женщин и детей, уничтожили имущества на несколько миллиардов долларов… Но насколько они банальны, если сравнить их с народом, перемещающим звезды, аннигилирующим планеты, смеющим вмешиваться в законы самой вселенной! Ужас! Любой террорист — всего лишь надоедливое ничтожество сравнительно с Врагом. Не эти двое, нет. Даже Гитлер, Чингисхан, Ашшурбанипал!

А ведь Враг в этой комнате, и я должен противостоять ему…

Мой двойник наконец кончил успокаивать детей. Сирил Бейсингстоук открыл рот, собираясь сказать что-то. Через двойника я видел его выражение. Он смотрел на меня с любопытством и своеобразным уважением. С таким уважением один гладиатор смотрит на другого, когда они встречаются на арене, гладиатор, видящий разницу в своем оружии и оружии противника, но надеющийся, что его трезубец окажется лучше сети другого.

Совсем не такой взгляд ожидаешь от человека, признающего свое поражение.

По медленным стандартам плотских людей дальнейшее происходило очень быстро. Конечно, двое древних преступников миновали пик своей формы, но в их организмах было множество новых органов и мышц, а злобный старый мозг не потерял остроты.

— Берп! — крикнул Бейсингстоук. — Прикрой девчонку! — А сам прыгнул к столу, на котором все это время лежало пружинное ружье.

Я с экрана беспокойно сказал:

— Подождите! Мы можем договориться!

Хеймат, одной рукой схвативший Онико за волосы, а другой прижавший к ее виску пистолет, торжествующе ответил:

— Конечно, договоритесь! Хотите услышать наши условия? Свобода! Полная свобода, перевозка на планету по нашему выбору и… и миллион долларов каждому!

— И оружие, приятель, — практично добавил Бейсингстоук. С невольным восхищением я подумал, что из них двоих он всегда был умнее. Меня всегда восхищали быстрота, сообразительность и точность действий двух старых чудовищ. Подумайте только! Их захватило врасплох мое внезапное появление на экране ПВ; но им потребовалось не больше десяти секунд для того, чтобы ответить, составить план и привести его в действие. И вот дети под прицелом, а требования преступников уже высказаны.

Однако десять секунд — это десять тысяч миллисекунд.

Я с экрана сказал:

— Вы оба получите свободу. То есть вас выпустят из тюрьмы и вы можете выбрать любую планету — не Землю и не Пегги, но хорошую планету. Только вы на ней будете единственными людьми. — Предложение кажется справедливым. У меня даже была планета на уме, ее подобрал Альберт. Правда, она в ядре, одна из тех лишних планет, которые благоразумно прихватили с со-

бой хичи для возможного заселения, но планета прекрасная. Они могут идти там куда угодно — особенно если учесть, что в ядре они будут делать это в сорок тысяч раз медленнее, чем на Земле.

— К дьяволу это! — выпалил Хеймат. — Мы выберем планету сами! И не забудьте о деньгах!

— Я вам дам деньги, — вежливо сказал я. — Миллион на каждого. Сможете купить себе для компании программы. Подумайте об этом, парни. Вы ведь понимаете: мы не можем больше позволить вам бомбить города. — Я увидел, как сузились глаза Хеймата: он услышал звуки в соседней комнате — и поэтому быстро добавил: — Выбора у вас нет. В противном случае вы умрете. Посмотрите, что мы для вас приготовили. — И я показал на экране орбитальное оружие, стреляющее нацеленными частицами.

Они посмотрели. Им потребовалась одна-две секунды (но это больше тысячи миллисекунд!), чтобы зарегистрировать увиденное на экране, но к тому времени было уже поздно. Потому что Альберт обнаружил для меня кое-что в доме. Домашняя машина, которую он обнаружил и которую я подчинил себе, показалась в дверях, подняв очистительные шланги. Конечно, такая рабочая машина не оружие. Она предназначена

для домашних работ, может чистить, чинить, выскабливать, прибираться, может даже мыть окна и выносить мусор, но не убивать. Однако у нее есть сопла, которые направляют моющие средства в трещины, и насосы, создающие давление в этих струях. А когда давление достигает максимума и очистительные резаки появляются на краях сопел — именно это я приказал сделать, — машина применяет эти резаки с большой силой и точностью.

Я не убил стариков, по крайней мере не навсегда. Но прежде чем они успели оглянуться, у Хеймата был нож в горле, а у Бейсингстоука — в сердце, и для детей они больше не представляли угрозы. Теперь это проблемы техников, которым предстоит перекачать их сознание в файл мертвецов.

— Я думаю, — сказал я Альберту, глядя, как второй нож погружается в грудь Бейсингстоука, — не следовало ли этого сделать сразу. В виде записанных машиной они доставили бы гораздо меньше хлопот.

— Конечно, — улыбнулся Альберт. — Вы ведь не доставляете. Но пожалуйста, позаботьтесь о детях.

— Дети! — воскликнул Кассата. — Там у вас

Враг. Им нужно заняться в первую очередь!

— Но в данном случае, — вежливо заметил Альберт, — это одно и то же, видите ли.

Мне не нужно было напоминать об этом. Я и так был испуган.

Домашняя машина не предназначена ни для борьбы с преступниками, ни для освобождения заложников. Тем не менее у нее есть резцы и ножи, она просто пережевала веревки. Первой она освободила Онико, потом Снизи и Гарольда, а я разговаривал с ними, пока она это делала.

Я успокаивающе сказал:

— Все в порядке, дети. Только еще одна важная вещь. Я хочу, чтобы вы двое сняли свои капсулы, без всяких споров и обсуждений, потому что это очень важно. Сделайте это *немедленно*.

Они были хорошими детьми. После всего пережитого ничто не далось бы им легко, особенно Онико, измученной и испуганной. Но еще труднее, я думаю, для Снизи, потому что хичи с трехлетнего возраста почти никогда не расстается с капсулой. Тем не менее они послушались, и послушались без споров и обсуждений. Но — как много миллисекунд им для этого понадобилось, а я тем временем напряженно ожидал следующего шага. Именно его я боялся!

Но выбора не было.

Я сказал:

— Теперь я хочу, чтобы вы подошли к экрану и включили капсулы в приемник информации.

Это нелегко: капсулы для этого не предназначены, но мы с Альбертом уже подобрали способы и средства. Так что Снизи сообразил, как пристроить адаптер, а Гарольд пробормотал, что есть детали в ящиках с хламом в доме, и с помощью машины они все-таки подключили капсулы, тщательно обходя два страшных тела на полу.

И вот все эти миллисекунды я наблюдал, как они делают то, что даст мне возможность совершить поступок, которого я ужасно боялся и хотел больше всего в мире.

Стать лицом к лицу — пусть метафорически, потому что у меня лица нет и, я думаю, у Врага его никогда не было, — с существом, которое нарушило спокойствие и так не очень спокойной вселенной.

Но вот Онико тоже присоединила терминал своей капсулы…

Не могу вам сказать, на что похож Враг. Как описать в терминах физических свойств то, что этих свойств не имеет?

Не могу вам сказать, как велики размеры Вра-

га, какого он цвета или формы: у него ничего подобного нет. Если отдельные существа чем-то отличаются друг от друга, я этого не заметил. Я даже не был уверен, что существ двое. Больше, чем одно, это да. Вероятно, меньше, чем много. Я предполагаю, что их было двое, потому что в то время (очень большое время по стандартам моим и их), пока Онико подключала свою капсулу вслед за Снизи, мне казалось, что только одно существо находится в гигабитном пространстве вместе со мною, а потом стало казаться, что не одно.

Я пытался говорить с ними.

Это было нелегко. Я не знал, с чего начать.

Вначале задал вопрос:

— Кто вы?

Конечно, я не так сказал, потому что не выражал мысль в словах. Больше похоже на обширное беззвучное «Хм-м-м-м?».

Ответа не было.

Я попытался снова, на этот раз в картинках. Припомнил изображение кугельблитца, десяток пятен цвета дерьма, которые непрерывно толкутся в межгалактическом пространстве.

Никакой реакции.

Я изобразил Колесо и поместил в одну рамку с кугельблитцем. Потом стер изображение и пока-

зал Снизи и Онико с их капсулами.

Потом попробовал еще одно «Хм-м-м-м?».

Никакого ответа. Ничего. Просто сознание того, что кто-то разделяет со мной гигабитное пространство.

Нет! Ответ пришел! Потому что я показывал капсулы непрозрачными тусклыми металлическими предметами с заостренными вершинами; и вот на моей картине они засветились. Они излучали.

Хотя мое внимание полностью привлекал двойник, все же другой я находился в полусекунде от него на «Истинной любви» вместе с Эсси, Альбертом и генералом Кассатой. Я чувствовал, что они волнуются, слышал их вопросы и комментарии; но «реальный» я всегда несколько отставал от двойника, и к тому времени, когда Альберт воскликнул:

— Они говорят, что они в капсулах, — они уже сказали мне это.

Это действительно было нечто вроде ответа. Коммуникация началась.

Я старался создать изображение. Попытался показать всю вселенную — снаружи; с места, которое никогда не существовало, потому что никакого «снаружи» не может быть по опреде-

лению. И получился у меня только огромный, сверкающий, лишенный каких-то деталей шар; я не мог сказать, означает ли он что-нибудь для Врага, но это самое большое приближение к тому, что показал мне Альберт в глубинах времени. И потом, как тогда Альберт, я стал приближаться. Шар увеличился, растянулся и показал часть вселенной, несколько тысяч галактик, эллиптических и спиральных, старые пары сталкиваются, а одиночки вытягивают рукава из газа и звезд.

Верно ли это? Что-то грызло меня, словно я поступаю неправильно.

Конечно, подумал я: я делаю предположение, на которое не имею права. Я показываю вселенную, какой она предстала бы перед глазами человека, в оптических полосах длины световой волны. Неправильное предположение! У меня нет причин считать, что Враг обладает зрением. И даже если обладает, это совсем не значит, что он видит тот же радужный участок от фиолетового до красного, что человек.

Поэтому я добавил к картине ореолы и газовые облака, которые видны только в инфракрасном излучении или в микроволнах, и даже облака частиц, которые, как мы полагаем, есть вклад самого Врага во вселенную, в которой мы живем.

В сущности, я показывал моей невидимой (и, боюсь, незаинтересованной) аудитории ту самую картину, что показывал мне Альберт в глубинах времени. Я заставил ее повисеть неподвижно мгновение, потом привел в движение.

В обратном порядке. Как это сделал Альберт.

Я сократил изображение. Галактики подошли ближе друг к другу. Приближаясь, они сжимались, и я показывал все более и более плотно спрессованную материю.

Еще более сжал. Катастрофически. Свел вселенную в одну ослепительно-яркую точку.

Потом снова произвел Биг Бэнг и остановил изображение в тот момент, когда возможен любой выбор. И попытался задать еще один немой вопрос: «Хм-м-м-м?»

И получил ответ.

Конечно, ответ пришел не в словах.

Конечно, ответ вообще не казался ответом. Я и не ожидал иного. Ничего не ожидал, потому что понятия не имел, чего можно ожидать.

В ответ я получил изображение, и из всех возможных ответов этот был наименее вероятен. Картина была изображением меня самого. Я улыбался самому себе. Мое лицо, нелепо угловатое, но узнаваемое; может, именно таким я был, когда

смотрел на Онико и Снизи с экрана.

Казалось, это абсолютно неподходящий ответ на настоятельный вопрос, который я задавал.

Вероятно, причина в том, сказал я себе, что я не сумел правильно задать вопрос. Вероятно, мое изображение того, что пытается сделать Враг — или по крайней мере что, по нашему мнению, пытается сделать Враг, — лишено некоторых существенных, на их взгляд, особенностей («их взгляд!»). Все наши догадки о Враге основаны на том, что мы считали: они как чисто энергетические существа находят нашу вселенную негостеприимной, и поэтому они решили добавить «недостающую массу», чтобы повернуть назад развитие вселенной, снова сжать ее в первичный атом… и произойдет второй, или третий, или энный Биг Бэнг, и новая вселенная будет больше им подходить. Преобразовать вселенную. Мы говорим — «терраформировать планеты», сделать их подобными Земле. Может, нужно говорить «врагоформировать» вселенную.

Именно *это* я хотел им передать, но не знал, как это сделать в их терминах.

Но похоже, я все-таки это сделал.

Не могу сказать, долго ли висел так, глядя на собственную карикатуру и думая, что предпри-

нять дальше.

Долго. Даже по стандартам людей во плоти, потому что я заметил ледниковые движения находящихся в комнате. Здесь теперь стало больше народу. Появились новые люди и много машин. Когда я сумел задать вопрос Альберту и Эсси на борту «Истинной любви», Альберт успокоительно ответил:

— Это полиция, Робин, и физики, проверяющие капсулы, и команда, которая призвана не допустить, чтобы смерть генерала Хеймата и Бейсингстоука стала безвозвратной; не волнуйтесь; вы действуете прекрасно.

Прекрасно?

Да, может быть. Потому что изображение изменилось. Вначале я не понял, что вижу. Странный, болезненно огненный шар раскрылся и показал внутри звезды и планеты, теснящиеся друг возле друга, потом приблизилась одна планета, а на ней уродливые фигуры, которые должны напоминать хичи. Их убежище в ядре? Конечно.

И как только я это понял, появилось другое изображение. Как документальный фильм или фильм о путешествиях — «Жизнь среди хичи». Я увидел миры-корабли хичи, висящие за барьером Шварцшильда, и города хичи под стеклянными

куполами; я увидел фабрики хичи, производящие разнообразные нужные им вещи; видел самих хичи, они работали, женились, рождались и росли; я больше узнал в это гигабитное время о хичи, чем за всю свою долгую жизнь.

Мягко выражаясь, я был удивлен и находился в смятении. Я понятия не имел, зачем мне это показывают. Потом изображение снова изменилось.

Опять фильм о путешествиях. Но не о хичи. О нас.

Не знаю, может, в этом кратком и долгом, как вечность, фильме я увидел всех людей, когда-либо живших на Земле. Некоторых я узнавал. Я видел, как на артефакте хичи родилась Онико и как умерли ее дедушка и бабушка. Я видел, как была спасена вся их маленькая колония, видел, как ее привезли на Сторожевое Колесо. Я видел все человечество, все его сотни миллиардов членов — на двадцати планетах и в кораблях между ними. Я даже видел историю. Видел армии, космические флоты и учебные стрельбы, видел, как поднимаются корабли, предназначенные для убийства. Видел бомбардировки и разрушение городов. Видел, как старатель с Врат в пятиместнике украдкой перерезывает горло своим четверым товарищам. Видел мою дорогую

жену Эсси с трубками в горле и в носу, с машинами жизнеобеспечения, деловито гудящими рядом, — я помнил эту картину, потому что все так и было.

Я видел, как Бейсингстоук в трико и маске плывет в теплой тропической воде, чтобы прикрепить магнитную мину к корпусу пассажирского корабля. Видел, как генерал Берп Хеймат, нажимая кнопку, уничтожает космический корабль, видел его же — он проделывал ужасные, неописуемые вещи с маленькой девочкой, и облегчение от сознания, что это только робот, было недолгим.

Поток картин продолжался бесконечно.

Но вот эта бесконечность кончилась.

Я больше ничего не видел. Не видел комнату, не видел Онико и других детей, не видел занимающихся своими делами вновь прибывших. Ничего не видел: все мои чувства замкнуло.

И тогда я понял, что получил ответ на свои вопросы. Только ответили мне не «что», а «почему».

Другой «я» на борту «Истинной любви» наблюдал за этим, но я не мог его (меня) видеть. Ничего не мог видеть.

А потом увидел все — и сразу. Все картины, кото-

рые я видел перед этим, пронеслись передо мной, как буря конфетти. Они плясали и сливались, хичи наполовину становились людьми, люди выглядели как хичи, потом они становились компьютерными конструктами, и лежебоками, и свиньями вуду, и вообще существами, которые ни на что во вселенной не походят… и потом все начало растворяться в многоцветном потоке искр, абсолютно все.

Даже я.

Я *чувствовал*, как растворяюсь. Чувствовал, как тает моя личность и, разлетаясь искрами, превращается в ничто.

Мне потребовалось много времени, чтобы понять, что происходит.

— Я умираю, ради Господа! — закричал я в пустое гигабитное пространство…

И я умер.

* * *

— Я умер! — в ужасе закричал я Альберту, и моей дорогой портативной Эсси, и офицерам ЗУБов, которые заботливо собрались вокруг меня на борту «Истинной любви».

Почувствовал теплые (пусть виртуально) обнимающие меня руки Эсси.

— Тише, тише, дорогой Робин, — успокаивала она. — Все в порядке. Ты больше не мертв, не здесь.

Кассата возбужденно воскликнул:

— Вы выполнили работу, Робин! Вы *говорили* с ними! Теперь мы можем отправиться на Сторожевое Колесо и…

— Генерал Кассата, — вежливо сказал Альберт, — пожалуйста, помолчите. Как вы себя чувствуете, Робин? В некотором смысле вы действительно умерли. По крайней мере, ваш двойник ушел навсегда, а может, и Враг с ним; я думаю, они нейтрализовали вас, Робин, хотя при этом и сами погибли. Мне жаль, что это было для вас так болезненно.

— Тебе жаль! — закричал я. — Ты знаешь, каково это — умирать? Знать, что ты исчезаешь и тебя больше никогда не будет?

Эсси еще крепче обняла меня и утешительно зашептала на ухо:

— Но это по-прежнему ты, Робин. Ты здесь, со мной. Только твой двойник ушел в гигабит-изоляцию вместе с Врагом.

Я вырвался (метафорически) и сердито посмотрел на двоих своих самых близких: офицеров ЗУБов я не замечал.

— Вам легко говорить, — сказал я. — Вы сами этого не чувствовали. Я *умер*. И не в первый раз, напоминаю вам обоим. У меня уже был такой опыт, и я *ужасно* устал умирать. Если и есть что-то во вселенной, чего я больше всего хочу, так это снова проделать то же самое.

Я замолчал, потому что они странно посмотрели на меня.

— О, — сказал я, умудрившись даже улыбнуться, — то есть я бы не хотел этого. — Но что на самом деле правда, я не смог определить.

15. Испуганные крысы разбегаются

Когда у записанной личности в гигабитном пространстве случается сильный шок, этой личности не дают выпить, не укладывают в тихом месте. Но иногда помогает, если сделать вид, что все это происходит.

— Вам нужно немного отдохнуть, Робин, — сказал Альберт.

— Позволь, я устрою тебя поудобней, голубчик, — сказала Эсси, и чуть позже мне действительно стало удобнее. Эсси сделала это. Я лежал в (метафорическом) гамаке на (нереальной) веранде возле своего (из базы данных) дома, выходящего на Таппаново море, а моя дорогая

портативная Эсси склонилась ко мне и вкладывала мне в руку (несуществующую) выпивку. Это была маргарита со льдом, с солью на краешке стакана, и вкус у нее был такой же хороший, как если бы она была реальной.

Я находился в центре внимания.

Эсси сидела рядом с моим гамаком, с любовью гладила меня по голове и выглядела встревоженной. Альберт сидел на краю кресла, задумчиво почесывал ухо черенком трубки и смотрел мне в лицо. Все это знакомо и очень по-домашнему, но были здесь и другие. Я не удивился, увидев Хулио Кассату, который расхаживал взад и вперед у ступенек, ведущих на лужайку. В конце каждого обхода он останавливался и вопросительно смотрел в моем направлении. Даже Алисия Ло, тихо сидевшая в кресле-качалке на краю веранды, меня не удивила. Но был еще некто.

Этот некто был хичи.

Я еще не был готов к сюрпризам. Сел и сказал:

— Какого дьявола? — У меня получилось это не зло. Скорее просительно.

Эсси правильно меня поняла; она произнесла:

— Не знаю, помнишь ли ты Двойную Связь. — Я не помнил. — Он представитель хичи в ЗУБах, — добавила Эсси, и тогда я смутно припомнил.

Действительно, был там один хичи или два, и у одного Древний Предок именно такой, и редкий пушок на голове, и глубоко посаженные старческие глаза, как у этого.

— Рад снова встретить вас, — сказал я, допил текилу и огляделся. И тут снова воскликнул: — Какого дьявола? — Но на этот раз совсем в другом тоне, потому что посмотрел за имитацию дружественного окружения Таппанова моря. Я ожидал увидеть, что нахожусь на борту «Истинной любви». Так оно и было. Но на экранах видна была только пятнистая серость. А когда я присоединился к сканерам «Истинной любви», то увидел, что мы летим быстрее света. Заглянув в ретрожурнал, я увидел, как уменьшается сзади спутник ЗУБов. И мне показалось, что выглядит он необычно. Но у меня не было времени разбираться, что изменилось. Гораздо важнее, что делает «Истинная любовь». Мы куда-то движемся, а я этого никак не ожидал.

— Куда мы летим? — воскликнул я.

Альберт кашлянул.

— Пока вы работали через своего двойника, кое-что произошло, — сказал он.

— Мы не хотели нарушать твою сосредоточенность, — торопливо сказала Эсси. — Прости. Но

честно, все в порядке, дражайший Робин, ты в безопасности на «Истинной любви», как видишь.

— Ты не ответила на мой вопрос!

Руку, которой гладила волосы, она прижала к моей щеке. Я ощутил ее тепло и заботу.

— Мы идем к источнику, — серьезно сказала она. — К кугельблитцу. К дому Врага. Идем быстро, как можем.

Я позволил вернуться приятному окружению Таппанова моря, но чувствовал себя растерянным. Эсси держала наготове новую маргариту, и я автоматически потянулся за ней. Взял коктейль, стараясь понять, что случилось. Мы покинули ЗУБы…

Потом я вспомнил, что именно было отличным в спутнике, когда мы его покидали.

— Флот ушел! — воскликнул я.

— Совершенно верно, — сказал Альберт. — Мы идем за ним.

— Вопреки приказу, — добавил Хулио Кассата.

— Вы не можете отдавать нам приказы! — выпалила Эсси.

— Но мне были отданы приказы, — ответил Кассата, — и мы их не выполняем. Движение флота — это, в конце концов, военная операция.

— Военная! — Я недоверчиво смотрел на него,

стараясь понять, действительно ли он думает то, что, как я считаю, он думает. Он пожал плечами. Я легко перевел его жест: да, он именно так думает.

— Это безумие! — закричал я.

Он снова пожал плечами.

— Но… — начал я. — Но… Но я не готов к долгому полету!

Эсси наклонилась и поцеловала меня.

— Дорогой Робин, — сказала она, — у нас нет выбора. Правда? Нельзя оставлять флот ЗУБов. Ты знаешь, на какой идиотизм способны военные.

— Но… Но на Сморщенной Скале…

Она с любовью сказала:

— Больше на Сморщенной Скале у тебя ничего нет, дорогой Робин. Ты со всеми попрощался. Да к тому же прием уже закончился.

16. Долгое путешествие

Все время, которое я провел с детьми и их похитителями на острове Таити, было плотское время. Это было время делать дела плотским людям. И они их делали.

Плотские люди, руководившие ЗУБами, решили, что угроза Земле не требует присутствия тут флота, и поэтому отправили крейсера к Стороже-

вому Колесу. Плотский Кассата не позаботился уничтожить двойника Кассату, чья база данных по-прежнему находилась на борту «Истинной любви», вместе с записью Алисии Ло. Альберт настоял на том, чтобы мы прихватили «молитвенный веер» с записью Древнего Предка хичи Двойной Связи. Это была единственная запись, которую он прихватил; когда я понял, чем он руководствовался, я только одобрил.

И конечно, очень доволен был двойник Кассата. Он не был уничтожен! Больше того, пока «Истинная любовь» в полете, его невозможно уничтожить, потому что некому это сделать. Для Кассаты это не только отсрочка — это буквально вечность, недели и недели пути, для него это эквивалентно десяткам лет нормальной жизни.

Вот каково это было для Хулио Кассаты.

Для меня же — совершенно иначе.

Прежде всего нужно было избавиться от ужасного шока, вызванного тем, что мое сознание смешалось с сознанием Врага, что Враг вошел в мое сознание, а также от шока новой смерти.

Одно из (многих) преимуществ записанной личности заключается в том, что вы по желанию можете изменять запись. Если что-то причиняет боль, вы можете изъять это, закрыть, поместить

на полку с этикеткой «Предупреждение. Не открывать без крайней необходимости» и заниматься своими делами свободным от боли.

Но, как и многие преимущества, оно несет в себе свое наказание.

Я знаю, потому что пытался. Давным-давно — примерно десять в одиннадцатой степени миллисекунд назад — я был совершенно, совершенно измучен. Тогда я тоже только что умер, вернее, умерло мое плотское тело, и Альберт с Эсси перелили меня в машину. Вот это была настоящая встряска! Больше того. Я только что встретился с Кларой, женщиной, которую я любил до того, как полюбил женщину, ставшую моей женой, Эсси, и теперь их в моей жизни оказалось двое; и не только это: я на самом деле считал, что убил ту, другую, женщину — Джель-Клару Мойнлин; да, и еще я только что впервые встретился с живым хичи.

Если взять вместе, все это действовало поразительно.

И вот, чтобы я прошел через самое плохое, Альберт и Эсси переделали программу того, что оставалось от меня. Они изолировали базы данных, имевшие отношение к Кларе и ужасному чувству вины, которая стоила мне годов разгово-

ров с психоаналитиком. Они заключили эти базы данных в особый файл и отдали его мне, чтобы я смог открыть, когда буду готов.

Не думаю, чтобы я когда-нибудь был готов по-настоящему, но спустя какое-то время я все равно открыл файл.

Видите ли, наша память устроена ассоциативно. Некоторые ассоциации я утратил. Я помнил, что у меня в сознании было еще что-то, но что именно, не мог вспомнить. Я мог сказать:

— Тогда я был действительно потрясен, потому что…

Но никак не мог вспомнить почему.

И в конце концов решил, что так хуже, чем носить с собой все, потому что если я тогда буду нервничать и раздражаться, то, по крайней мере, буду знать, из-за чего.

Чтобы дать вам понять, что я испытывал после встречи с Врагом на Моореа, скажу, что я серьезно подумывал, не попросить ли Эсси пересыпать все эти воспоминания нафталиновыми шариками.

Но не смог.

Приходилось жить с этим, и, о бог мой, как это было страшно!

Я снова и снова переживал эту долгую бессловную встречу в сознании, и чем больше думал,

тем страшнее мне становилось. Я, маленький Робинетт Броудхед, находился в присутствии этих созданий, этих чудовищ, этих, можно сказать, разумных существ, которые ради собственного удовольствия переворачивали вселенную вверх тормашками.

Что неразумный хрупкий маленький ребенок, подобный мне, делает в лиге этих супергигантов?

Мне необходимо кое-что представить в перспективе.

Это будет нелегко. Вообще говоря, это даже невозможно, потому что перспектива необыкновенно велика… Альберт, вероятно, сказал бы «несопоставима», имея в виду, что не все можно измерять по одной и той же шкале. Это как… как… предположим, вы возьмете одного из ранних австралопитеков с полмиллиона лет назад или около того. Вы, вероятно, сумеете объяснить ему, что то место, откуда вы пришли (допустим, где-нибудь в Европе), очень далеко от того, где он родился — скажем, где-то в Африке. Вы, возможно, даже сумеете показать ему, что Аляска и Австралия еще дальше. И он, возможно, вас поймет.

Но есть ли способ показать ему места, кото-

рые расположены еще гораздо дальше, скажем в центре Галактики или в Магеллановом Облаке? Невозможно! После некоторого предела — для австралопитека, или современного человека, или даже машинной записи сознания, как моя, — большое становится просто непостижимо большим.

Поэтому я просто не знаю, как вам объяснить, какое это было долгое и скучное путешествие со скоростью больше света от ЗУБов до Сторожевого Колеса.

Это была вечность. Я могу указать числа. В гигабитном времени это чуть больше десяти в девятой степени миллисекунд, что почти равно продолжительности моей плотской жизни, до того как я расширился.

Но это не передаст на самом деле, как медленно и тягуче проходило время. На «долгом» пути от Сморщенной Скалы до ЗУБов Альберт показал мне всю историю вселенной.

Теперь я начинал полет в тысячу раз дольше, а можно ли повторить то же самое на бис?

Мне нужно было многое, чтобы быть занятым. Первое я нашел без труда.

Альберт убедил генерала Кассату убедить ЗУБы дать нам доступ ко всей информации, которая

есть у них о Враге. Информации было чертовски много. Но беда в том, что почти вся она была негативной. Она не отвечала на вопросы, на которые мне нужен был ответ, то есть такие, для ответа на которые мне не хватало базовых знаний.

Старый оптимист Альберт отрицал это.

— Мы многое узнали, Робин, — лекторским тоном говорил он, стоя с мелом в руке перед черной доской. — Например, мы знаем, что Галактика — это лошадь, это собака, которая не лает, и кошка среди голубей.

— Альберт, — ровно сказала Эсси. Она говорила с ним, но смотрела на меня. По-видимому, меня смутила неожиданная игривость Альберта, но в этом не было ничего странного. После всех стрессов и беспокойств общее самочувствие у меня было вообще немного несчастным.

Альберт выглядел упрямым.

— Да, миссис Броудхед?

— Я подумала, что некоторые программы нуждаются в пересмотре, Альберт. Необходимо ли это?

— Думаю, нет, — неуверенно ответил он.

— Прихоти полезны и даже желательны в программе Альберта Эйнштейна, — продолжала Эсси, — потому что так желает Робин. Однако…

Он неловко ответил:

— Я вас понял, миссис Броудхед. Вам нужно простое и ясное резюме. Очень хорошо. Известно следующее. Во-первых, нет никаких доказательств, что в Галактике существуют другие осколки, куски, псевдоподы или наросты Врага, помимо тех, с которыми Робин встретился на Таити. Во-вторых, у нас нет доказательств, что все еще существуют и эти. В-третьих, что касается все тех же единиц, у нас нет никаких доказательств, что они хоть чем-то отличаются от нас самих, то есть принявших определенную форму, организованных и записанных электромагнитных зарядов в некоем подходящем субстрате, в данном случае в капсулах Онико и Снизи. — Он посмотрел прямо на меня. — Вы следите за моей мыслью, Робин?

— Конечно, — ответил я, делая усилие. — Ты хочешь сказать, что они просто электроны, как ты и я. Просто другой вид мертвецов. А не какие-нибудь субатомные частицы вроде… Ты знаешь, что я имею в виду, — добавил я, стараясь не нервничать и еще более нервничая от этих усилий.

Альберт вздохнул.

— Конечно, знаю. Хорошо, я все выскажу. При помощи всех инструментов, которые мы смогли

использовать — вероятно, это все, какие могли быть полезны, — мы не смогли обнаружить ни поля, ни луча, ни энергетической эмиссии, ни других физических явлений, связанных с Врагом, которые не подтверждали бы предположения, что да, Враг состоит из электромагнитной энергии, как и мы.

— Даже никаких гамма-лучей?

— Определенно никаких гамма-лучей, — раздраженно ответил он. — Также никаких рентгеновских лучей, космических лучей, потоков кварков или нейтрино; нет и других категорий — полтергейста, икс-лучей, психических аур, фей в саду или указаний на аделедикандендерские силы.

— Альберт! — воскликнула Эсси.

— Ты мне потакаешь, Альберт, — пожаловался я.

Он долго молча смотрел на меня.

Потом встал. Волосы его стали курчавыми, кожа потемнела. Держа в руке соломенную шляпу (я такой у него не помнил), он протанцевал несколько па кекуока и пропел:

— Диди а из са, я, са, юк, юк, юк!

— Черт побери, Альберт! — закричал я.

Он вернул себе нормальную внешность.

— У вас больше нет чувства юмора, Робин, — пожаловался он.

Эсси открыла рот, собираясь заговорить. Потом снова закрыла, вопросительно глядя на меня. Покачала головой и, к моему удивлению, сказала только:

— Продолжай, Альберт.

— Спасибо, — ответил он, как будто именно этого и ожидал от нее, несмотря на предыдущие угрозы. — Выражаясь прозаически, коль уж вы решили всех расхолаживать, позвольте мне вернуться к предыдущим положениям, если вы их помните. Я представил их в полуюмористической форме, чтобы сделать более доходчивыми. Это своего рода мнемонический прием. «Галактика — лошадь». Да. Троянский конь. Вся внешность свидетельствует, что Галактика такова, какой была всю нашу жизнь, но я полагаю, что в ней полно вражеских войск. Или, выражаясь еще проще, вокруг нас полно представителей Врага, Робин, но мы не можем их обнаружить.

— Но ведь нет никаких доказательств! — воскликнул я и, так как он продолжал смотреть на меня, добавил: — Ну да, я понимаю, о чем ты говоришь. Если мы не видим их, то потому, что они прячутся. Хорошо. Это я понял. Но откуда ты зна-

ешь, что они прячутся? Была одна-единственная передача, в которой мы можем винить Врага…

Он качал головой.

— Мы обнаружили одну. Нам удалось это только потому, что Враг использовал стандартное земное оборудование и передача, шедшая из капсул детей на Моореа, была зафиксирована как аномалия. Но ведь мы не следим за всем, Робин. Если бы Враг обосновался, скажем, на планете Пегги, где порядки намного свободней, разве кто-нибудь заметил бы одну лишнюю передачу? Или с корабля в космосе? Или, кстати, с самого Сторожевого Колеса несколько месяцев назад, прежде чем ужесточили контроль? Не думаю, Робин. Мне кажется, нужно согласиться, что все так называемые ложные тревоги на Колесе были совсем не ложными, что Враг проник в него некоторое время назад, что он распространился повсюду в нашем пространстве и увидел все, что хотел. И несомненно, сообщил в кугельблитц. Именно это я имел в виду, — добавил он, весело улыбаясь, — когда сказал про кошку среди голубей. Да меня нисколько не удивило бы, — заключил он, оглядываясь с легким любопытством, — если бы несколько их не оказалось прямо здесь, с нами, на борту «Истинной любви».

Я подпрыгнул.

Не мог сдержаться. Все еще испытывал боль и потрясение от своей ужасной встречи. Дико огляделся. А Альберт сказал:

— О, вы не увидите их, Робин.

— И не думаю увидеть, — огрызнулся я. — Но где они могут прятаться?

Он пожал плечами.

— Если меня вынудят рассуждать, — сказал он, — что ж, я попытался бы поставить себя на их место. Где бы я спрятался, если бы хотел оставаться на борту «Истинной любви» необнаруженным? Это нетрудно. У нас здесь большое количество записанной информации. Тысячи файлов, которые мы еще не открывали. В каждом из них может скрываться парочка зайцев — или целая тысяча. Конечно, если понятие количества индивидуальностей имеет смысл для коллективного разума скорее всего. Робин, — серьезно сказал он, — не думаю, чтобы с существами, которые способны повернуть ход развития вселенной, было бы легко справиться. Если я могу придумать место, где они способны спрятаться — допустим, программа проникновения в черные дыры, например, или подпрограмма перевода, скажем, с польского на хичи, — поверьте мне, они, несомненно, найдут

тысячи таких мест. Я даже допускаю, что они допустили свое уничтожение на Таити просто потому, что вы… — Он остановился и откашлялся, виновато глядя на меня.

— Продолжай, — проворчал я. — Не бойся напоминать мне, что я умер. Я не забыл.

Он пожал плечами.

— Во всяком случае, что касается того, не наблюдают ли они за нами прямо сейчас, мы просто не знаем, — закончил он.

— Мы обыщем корабль! — закричал генерал Кассата, который довольно давно уже слушал молча. — Миссис Броудхед, большая часть этих программ ваши, верно? Отлично! Вы скажете нам, что делать, и…

Эсси, глядя на Альберта, сказала:

— Минутку, генерал. Я думаю, эта хитрая программа еще не кончила свой дурацкий отчет.

— Спасибо, миссис Броудхед, — улыбнулся Альберт. — Вы, вероятно, забыли еще одну фразу в моем кратком резюме. «Собака не лает».

Я не мог не рассмеяться.

— Дьявольщина, Альберт, — сказал я, — ты меня убьешь своими глупыми литературными потугами. Ну, в чем дело, Шерлок Холмс? Хочешь сказать: важно, что что-то не происходит? И что

именно?

— Ну, просто то, что мы еще здесь, — сказал он, одобрительно улыбаясь моей проницательности.

Я перестал смеяться. Не думал, что понял его правильно, но боялся, что понял.

— То есть, — уточнил он, уютно посасывая трубку, — мы должны предположить, что Враг уже какое-то время расположился в нашей Галактике, и хотя он, несомненно, в состоянии стереть всю цивилизацию, что не раз проделывал в прошлом, а мы никак не могли бы помешать этому, даже если бы и знали, что он собирается совершить это, тем не менее мы еще не уничтожены.

К этому времени я уже сидел прямо и мне было не до смеха.

— Продолжай! — рявкнул я.

Он казался слегка удивленным.

— Ну, Боб, — сказал он миролюбиво, — мне кажется, из этого следуют неоспоримые заключения.

— Может, они еще просто не подобрались к нам, — сказал я — или прохныкал; потому что, если говорить правду, я больше не чувствовал себя так хорошо, как в начале разговора.

— Да, это возможно, — серьезно сказал он, по-

сасывая трубку.

— Тогда, ради бога, — заорал я, — какого дьявола ты выглядишь таким довольным?

Он мягко ответил:

— Робин, я знаю, это вас расстраивает, но постарайтесь рассуждать логично. Если они собираются нас уничтожить, а мы никак этого предотвратить не можем, что же нам делать? Ничего: это бесплодная гипотеза, потому что не ведет ни к какому полезному курсу действий. Я предпочитаю противоположное предположение.

— А именно?

— Что они, по крайней мере, воздержались от решения, — сказал он. — Что в каком-то будущем мы сможем предпринять действия, о которых еще не знаем. А до тех пор мы можем расслабиться и наслаждаться жизнью, верно, миссис Броудхед?

— Подожди! — завопил я. — О каких будущих действиях ты говоришь? И почему мы направляемся к кугельблитцу? Неужели ты хоть на секунду допускаешь, что кто-то из нас пойдет в кугельблитц и попытается разговаривать с этими…

Я остановился. Все смотрели на меня с выражением, которое мне хорошо знакомо.

Я видел его давным-давно, на астероиде Врата. Так смотрят на вас другие старатели, когда вы

записались на полет, который может сделать вас богатым, но гораздо вероятнее убьет вас. Но я не помнил, чтобы вызывался добровольцем.

К этому времени мы, вероятно, около часа находились в пути; и путешествие уже казалось долгим-долгим.

Хотя это путешествие было… было… пожалуй, я бы сравнил с зубной болью, но в истории человечества случай не уникальный.

Люди давно отучились проводить много времени в пути, вот и все. Теперь нам приходилось заново учиться этому.

У наших предков несколько столетий назад вообще не возникло бы такой проблемы. Они знали о взаимоотношениях времени и пространства задолго до Альберта Эйнштейна. Чтобы преодолеть большое пространство, нужно длительное время. Таково правило. И только когда появились реактивные самолеты, люди начали забывать его. (Им пришлось снова его вспомнить, когда они вышли в космос.) Подумайте об адмирале Нельсоне, в последний раз играющем в кегли перед тем, как сесть на корабль и отправиться навстречу ис-

панской армаде[33]. О Наполеоне, вторгающемся в Россию, как будто отправляющемся в туристическое путешествие с удобствами, с обедами, балами и развлечениями каждый вечер. Вот это способ ведения войн! Старые способы лучше всех. Когда Александр Великий вышел из Македонии, чтобы завоевать мир, это был не блицкриг. На это потребовалось время. Он останавливался, чтобы провести зиму, там установить марионеточное правительство, тут сделать беременной прелестную местную леди — и часто дожидался рождения ребенка. Если вы участвуете в битве, а потом бездельничаете у транспорта в ожидании следующей, вас ожидает странное, нереальное время.

Мы, строго говоря, не вели войну. По крайней мере, надеялись на это. Но находились на пути к чему-то не менее решающему и опасному. О, как много на это ушло времени! Знаете ли вы, сколько длятся пятьдесят дней? Примерно четыре миллиарда миллисекунд, и мы провели их так, как наши почтенные предки. Мы пировали, праздновали и занимались сексом на всем пути

[33] Примечания: 33

По-видимому, ошибка. Испанская армада была разбита англичанами в 1588 году, а адмирал Нельсон воевал с французским флотом в начале XIX века. — *Примеч. пер.*

по Галактике.

И делали мы это в стиле Наполеона или Александра Великого, потому что Альберт располагал огромными возможностями. Такого окружения, какое он предоставлял нам, я никогда не видел. Часами мы с Эсси прятались от своих спутников, купались и плавали с аквалангами на Большом Барьерном рифе. Выходили из теплой мелкой воды на песчаный островок размером в четверть гектара и любили друг друга в тени шелкового навеса, который трепетал на легком ветерке. Тут же бар и стол для пикника и горячий пресный душ, и так мы провели свой первый «день». После этого мы могли смотреть в лицо своим спутникам и реальности — недолго. А когда снова становилось скучно, Альберт появлялся с виноградной беседкой в оазисе на Больших Песках планеты Пегги. Оазис рядом с горной стеной, с нее стекают ледяные ручейки. Вокруг нас белый виноград, черный и красный виноград, сливы и ягоды, дыни и персики. Мы лежали рядом в тени листвы, касались друг друга, разговаривали, и так прошел второй «день».

Мы едва ли думали, куда летим… в тот момент.

Бесконечная изобретательность Альберта непрерывно снабжала нас новой обстановкой.

Хижина на огромном дереве в африканском тропическом лесу, внизу по ночам молча скользят слоны и львы. Дом-лодка в индийском озере, со слугами в тюрбанах, которые приносят свежие цветочные шербеты, телятину с острыми приправами и разнообразное печенье среди водяных лилий. Пентхаус на сотом этаже над Чикаго, выходящий на широкое озеро под освещенными молниями грозовыми облаками. Ночь в Рио во время карнавала, и другой карнавал — Марди Грас — в Новом Орлеане. Платформа на воздушной подушке, непрерывно вибрирующая на краю кратера на горе Ад планеты Персефона, с потоками лавы, почти доходящими до того места, где мы сидим. У Альберта были их миллионы, и все превосходные.

Но мне все равно было не очень хорошо.

Эсси, запыхавшись, усаживалась на краю Большого каньона. Взглянула на меня изучающе и сказала:

— Все в порядке, мой Робин?

— Все отлично, — ответил я голосом таким же твердым, как и лживым.

— Ага, — сказала она, кивая. — Ха, — добавила, внимательно разглядывая меня. — Я думаю, хватит с нас туризма. В целом Робин все же не тупой

мальчик. Альберт! Где ты?

— Здесь, миссис Броудхед, — сказал Альберт, заглядывая рядом с нами в каньон.

Эсси искоса посмотрела на его дружелюбное лицо на фоне яркой имитации аризонского неба.

— Как ты думаешь, — спросила она, — можно ли найти окружение… скажем, менее сибаритское для моего дорогого мужа, который способен на все, не может только ничего не делать.

— Конечно, — ответил Альберт. — В сущности, я как раз собирался предложить, чтобы мы на время отказались от имитированных пейзажей. Наверно, интереснее будет провести какое-то время с гостями «Истинной любви». Боюсь, они уже несколько соскучились.

За многие миллионы миллисекунд своего опыта я знаком был с разными существами, среди них были и хичи. Но Двойная Связь — совсем особое дело.

Особое было то, что в нем очень много этого особого. Успокоенный долгими днями лежания на пляже (и подъема на горы, и подводной охоты, и даже участия в автомобильных гонках) вместе с Эсси, я готов был стать серьезным.

Двойная Связь тоже.

— Надеюсь, — сказал он вежливо, виновато

подергивая мышцами на тыльной стороне ладоней, — вы меня простите за то, что я пробрался на ваш корабль, Робинетт Броудхед. Это было предложение Температурного Скачка. Он очень мудр.

— Конечно, — сказал я, отвечая вежливостью на вежливость, — но кто такой этот Температурный Скачок?

— Он второй представитель хичи в совете Звездного Управления Быстрого реагирования, — сказал Двойная Связь, а Кассата добавил:

— И к тому же настоящая заноза в заду. — Говоря это, он улыбался, и я с любопытством взглянул на него. Для Кассаты такие слова очень характерны, но сказал он их как-то не по-кассатовски. И даже вел себя не по-кассатовски. Сидел рядом с Алисией Ло, и они держались за руки.

Двойная Связь воспринял эту реплику по-дружески.

— Да, у нас были разногласия. Особенно часто с вами, генерал Кассата, вернее, с вашим органическим оригиналом.

— Старик Кассата Кровь-и-Смерть, — с улыбкой сказала копия. — Вам, хичи, не нравится, когда мы говорим о взрыве кугельблитца.

И правда. Мышцы шеи Двойной Связи сразу напряглись — это эквивалентно человеческой

дрожи. Альберт откашлялся и миролюбиво сказал:

— Двойная Связь, я уже давно хочу кое-что обсудить с вами. Может, вы поможете мне прояснить дело.

— С большим удовольствием, — ответил хичи.

— Были ли вы еще органическим, когда стали одним из главных специалистов по планете лежебок? Мне интересно. Не можете ли визуально показать нам некоторые материалы о лежебоках?

— Не помню, — ответил Двойная Связь, улыбаясь. Улыбка хичи — когда мышцы начинают извиваться вокруг огромных розовых шаров-глаз. — Но мы связали свои веера с вашей информационной системой, и у меня готовы такие материалы.

— Я так и думал, — сказал Альберт, имея в виду готовность материалов. — Позвольте мне сначала кое-что показать вам. Находясь на спутнике ЗУБов, мы заглядывали к свиньям вуду. У миссис Броудхед и у меня появилась одна и та же мысль. Помните? — спросил он, глядя на меня.

— Конечно, — ответил я, потому что Альберт много раз показывал нам свиней, воспроизводил всю их грязь, за исключением запаха. Одна из

свиней старательно выгрызала очередную куклу вуду, а на заднем плане — сама такая маленькая фигурка, отмытая от грязи и слизи. — Эсси сказала, что они интересны. Алисия — что они похожи на кукол, просто игрушки, а потом ты сказала — что ты сказала, Эсси?

Она ответила:

— Посетители.

Сказала отчасти вызывающим голосом, словно ожидала, что с ней будут спорить, отчасти… ну, голос звучал испуганно. Альберт кивнул.

— Совершенно верно, миссис Броудхед. Посетители. Чужаки для этой планеты. Логичное заключение, поскольку фигурки все одинаковые, изображение очень детализированное и на планете нет ничего, что могло бы послужить для него моделью.

— Наверно, просто исчезли, — небрежно заметил я. — Свиньи вуду просто их съели.

Альберт бросил на меня один из своих отцовских, полных терпимости взглядов.

— Судя по внешности, было бы вероятнее, если бы они съели свиней вуду. И в сущности, я даже подозреваю это, но сейчас клоню не к тому. Поверьте, Робин, эти существа никогда не были туземными обитателями планеты свиней вуду.

Мне кажется, Двойная Связь согласен со мной.

— Это верно, — вежливо отозвался Двойная Связь. — Мы провели обширные палеонтологические исследования. Это не местные существа.

— Следовательно… — начал Альберт.

Эсси закончила за него:

— Следовательно, я была права. Посетители. Существа с другой планеты, которые произвели на свиней вуду такое впечатление, что они до сих пор вырезают их фигуры.

— Да, — сказал Альберт, кивая, — что-то в этом роде. А теперь, Двойная Связь…

Но хичи тоже опередил его:

— Я думаю, теперь вы хотите увидеть существа, нападавшие на лежебок. — Он вежливо подождал, пока Альберт уберет свое изображение, потом заместил его новым. Показался город лежебок. Существа огромные, размером с голубых китов, но с осьминожьими щупальцами, в которых они держали оружие, систематично уничтожали город.

— Имитация весьма приблизительная, — виновато сказал Двойная Связь, — но в основных чертах верная. Весьма вероятно отсутствие иных конечностей, помимо щупалец: лежебоки обязательно заметили бы руки или ноги, так как сами

они их имеют.

— А размер? — спросил Альберт.

— О да, — ответил Двойная Связь, утвердительно тряся запястьями, — это совершенно определенно. Относительные размеры убийц и лежебок надежно обоснованы.

— И они гораздо больше свиней вуду, — сказал Альберт.

Алисия Ло шевельнулась.

— Я думала… — Она заколебалась. — Я думала, Враг — единственная другая раса, способная к космическим полетам.

— Да, — кивнул Альберт.

Я выжидательно смотрел на него. Но он молчал. Я сказал:

— Давай, Альберт! Да, единственная, так все считали, кроме тебя, потому что ты всех умнее.

Он ответил:

— Я на самом деле не знаю, Робин. Но скажу вам, что думаю. Я думаю, что ни существа, едва не уничтожившие лежебок, ни создания, которых продолжают изображать свиньи вуду, на самом деле не были космическими путешественниками. Я думаю, их привезли туда.

Двойная Связь сказал:

— Я тоже так считаю, Альберт. Я считаю, что эти

убийцы на самом деле не Убийцы. Сами Убийцы физически не нападали на других, хотя, вероятно, перевозили существа, которые это делали. Поэтому мне больше нравится ваше их название — Враг. Я считаю его более точным, — сказал он, глядя на Альберта.

Но Альберт не ответил.

Гости не доставляют никаких забот, если их не нужно кормить и менять им постельное белье. К своему удивлению, я обнаружил, что мне нравится присутствие Алисии Ло на корабле, как ни казалась она увлеченной человеком, которого я считал совсем бесполезным. Еще больше удивило меня, что сам Кассата стал почти паинькой. Прежде всего он больше не надевал мундир. Так мне кажется. Большую часть времени я понятия не имел, во что он одет, потому что они с Алисией находились в каком-нибудь своем уединении. Но когда мы были вместе, на нем бывало что-нибудь обычное: шорты и рубашка, костюм для сафари с элегантным белым галстуком (на Алисии все время — сверкающее вечернее платье).

Но, как мог бы сказать Альберт, термальное равновесие было достигнуто. Потому что Хулио Кассата стал более переносим, а я все больше нервничал, беспокоился… да, был глупым.

Я пытался скрыть это. Напрасная трата времени: разве можно что-нибудь скрыть от моей дорогой портативной Эсси? Наконец она прижала меня.

— Хочешь поговорить об этом? — спросила она. Я попытался ответить ей широкой улыбкой. Но вместо этого выдал лишь мрачное пожатие плечами. — Не со мной, черт побери! С Альбертом!

— Но, милая, — возразил я, — о чем поговорить?

— Не знаю о чем. Может, Альберт знает. Но ты ведь ничего не потеряешь.

— Конечно, ничего, — ответил я, собираясь согласиться… намереваясь также сделать так, чтобы мое согласие было сардоническим. Может, с дерганьем бровью. Но заметив ее взгляд, я торопливо сказал: — Конечно. Альберт!

Но когда Альберт появился, я просто сидел и смотрел на него.

Он терпеливо смотрел на меня в ответ, попыхивая трубкой, ожидая, пока я заговорю. Эсси из вежливости удалилась — мне хотелось думать, что из вежливости, а не от презрения и скуки. Так мы сидели некоторое время, потом мне пришло в голову, что я действительно хочу кое о чем поговорить с Альбертом.

— Альберт, — сказал я, довольный, что нашел тему для разговора, — на что это похоже?

— Что именно, Робин?

— То, где ты был до того, как появился здесь, — сказал я. — Каково это — ну, ты знаешь — растворяться? Когда я велю тебе уйти? Когда ты ничего не делаешь. Когда становишься частью гигабитного запаса информации. Когда перестаешь существовать, быть… ну… собою, а становишься пучком кусочков и частей, плавающих в огромном электронном амбаре, становишься строительными блоками для создания чего-то нового.

Альберт не застонал. Он только посмотрел так, словно ему очень хочется застонать. И сказал, весь пропитанный терпением:

— Мне кажется, я вам уже говорил, что когда я не запрограммирован быть вашей активной информационной программой, различные биты памяти, которая и есть «Альберт Эйнштейн», используются в общем запасе. Конечно, общий запас памяти на «Истинной любви» гораздо меньше существующей всемирной гигабитной сети, хотя тоже достаточно велик и пригоден для решения множества задач. Об этом вы спрашиваете?

— Да, Альберт. Так каково это испытывать? Что

ты чувствуешь?

Он вытащил трубку — знак, что он обдумывает мой вопрос.

— Не знаю, сумею ли я объяснить это, Робин.

— Почему?

— Потому что вопрос неверно сформулирован. Вы предполагаете существование «меня», способного «чувствовать». Но когда мои части распределены по другим задачам, «меня» не существует. Кстати, и сейчас «меня» тоже нет.

— Но я тебя вижу, — сказал я.

— О Робин, — вздохнул он, — мы ведь уже много раз это обсуждали. Мы просто уклоняемся от той реальной проблемы, которая вас беспокоит. Будь я вашей психоаналитической программой, я бы спросил вас…

— Но ты не моя психоаналитическая программа, — сказал я, улыбаясь и чувствуя, что улыбка получилась напряженной, — поэтому и не спрашивай. Ты знаешь. Вернемся к тому месту, где я сказал «Но я тебя вижу», и ты расскажешь мне о Ниагарском водопаде.

Он бросил на меня взгляд, отчасти раздраженный, отчасти озабоченный. Оба эти выражения я понимал очень хорошо. Я знаю, что часто раздражаю Альберта, но знаю также, что он очень

беспокоится обо мне. Он сказал:

— Ну хорошо, поиграем снова в вашу игру. Вы видите «меня» в том смысле, в каком видите водопад. Если вы посмотрите на Ниагарский водопад сегодня, а потом придете через неделю и снова посмотрите, вы решите, что видите тот же самый водопад. На самом деле ни одного атома прежнего водопада не осталось. Водопад существует только потому, что подчиняется законам гидравлики, поверхностного натяжения и законам Ньютона, и все основано на том факте, что один объем воды расположен выше другого. Я появляюсь перед вами только потому, что таковы правила программы, написанной вашей супругой С. Я. Лавровой-Броудхед. Молекулы воды не Ниагарский водопад. Они только материал, из которого сделан Ниагарский водопад. Байты и биты, которые позволяют мне действовать, когда моя программа активизирована, это не я. Вы поняли это? Но если поняли, то поняли также, что бессмысленно спрашивать, как я себя чувствую, когда я не «я», потому что тогда нет никакого «я», способного чувствовать. А теперь, — сказал он, энергично наклоняясь вперед, — теперь скажите, что вы сами чувствуете и что привело вас к этому разговору, Робин.

Я обдумал его слова. Его спокойная, с легким акцентом речь действовала успокаивающе, и мне понадобилось время, чтобы вспомнить ответ на его вопрос.

Но я вспомнил и больше не ощущал спокойствия. Я сказал:

— Я боюсь.

Он поджал губы, глядя на меня.

— Боитесь. Понятно. Робин, вы можете сказать, что вас пугает?

— Ну, из всех четырех или пяти сотен…

— Нет, нет, Робин. Самое главное…

Я сказал:

— Я ведь тоже только программа.

— Ага, — сказал он. — Понятно. — Набил трубку, глядя на меня. — Кажется, я понял, — сказал он. — Вы тоже записаны машиной и считаете, что то, что происходит со мной, может произойти и с вами.

— Или еще хуже.

— О Робин, — сказал он, качая головой, — вы слишком о многом беспокоитесь. Вы боитесь, я думаю, что как-нибудь забудетесь и сами отключите себя. Верно? И потом никогда снова не сможете собраться? Но, Робин, этого не может произойти.

— Я тебе не верю, — сказал я.

Это его остановило, по крайней мере на время.

Медленно и методично Альберт снова набил трубку, чиркнул спичкой о подошву, закурил и задумчиво затянулся, не отрывая от меня взгляда. И не отвечал.

Потом он пожал плечами.

Альберт никогда не уходит, пока я ему не прикажу, но сейчас он выглядел так, будто хочет уйти.

— Не уходи, — сказал я.

— Конечно, Робин, — удивленно ответил он.

— Поговори со мной еще. Полет долгий, и я, кажется, становлюсь раздражителен.

— Правда? — спросил он, выгнув брови: Альберт в такие моменты становится похожим на судью. Потом он сказал: — Знаете, Робин, вам совсем не обязательно все время бодрствовать. Может, хотите отключиться на время полета?

— Нет!

— Но, Робин, тут не о чем беспокоиться. Когда вы в состоянии готовности к действиям, время просто не ощущается. Спросите у своей жены.

— Нет! — повторил я. Я даже не хотел обсуждать этот вопрос: состояние готовности очень похоже на другое состояние — состояние смерти. — Нет, просто я хочу немного поговорить. Я думаю… я

правда думаю, — сказал я, обдумывая только что пришедшую мне в голову мысль, — что неплохо бы тебе рассказать мне о девятимерном пространстве.

Вторично за несколько миллисекунд Альберт бросил на меня такой взгляд — не удивленный, а скорее скептический.

— Вы хотите, чтобы я объяснил вам девятимерное пространство, — повторил он.

— Конечно, Альберт.

Он внимательно разглядывал меня сквозь табачный дым.

— Что ж, — сказал он наконец, — вижу, что эта мысль немного подбодрила вас. Вероятно, вы решили, что вам доставит удовольствие возможность немного посмеяться надо мной…

— Кому? Мне, Альберт? — с улыбкой спросил я.

— О, я не возражаю. Просто стараюсь сообразить, каковы основные условия.

— Основное условие таково, — ответил я. — Ты рассказываешь мне все. Если мне надоест, я тебе скажу. Так что начинай: «Девятимерное пространство — это…» А потом заполнишь пробелы.

Он выглядел довольным, хотя и слегка скептически настроенным.

— Нам следовало бы совершать долгие переле-

ты почаще, — заметил он. — Во всяком случае, начинать надо не с этого. А вот с чего. Вначале мы обсудим нормальное трехмерное пространство, то, в каком вы выросли или, вернее, считали, что выросли, когда были еще плотью — в чем дело?

Я поднял руку. И сказал:

— Я думал, пространство четырехмерное. А как же время?

— Четырехмерное пространство-время, Робин. Я пытаюсь упростить для вас объяснение, поэтому говорю сначала о трех измерениях. Приведу пример. Предположим, вы молодой человек, сидящий с подружкой перед экраном ПВ. Вы обняли ее за плечи. Вначале вы вытянули руку вдоль спинки дивана — это первое измерение, назовем его шириной. Потом вы согнули руку в локте под прямым углом, так что ваше предплечье устремлено вперед и опирается на ее плечо — это второе измерение, которое мы назовем длиной. А дальше вы опускаете руку девушке на грудь. Это глубина. Третье измерение.

— Да уж, глубина, — сказал я с улыбкой, — потому что тут я очень углублюсь.

Он вздохнул и пропустил мое замечание.

— Подумайте об этом примере. Вы продемонстрировали три пространственных измерения.

Существует также, как вы верно заметили, четвертое измерение — время. Пять минут назад вашей руки здесь не было, сейчас она здесь, какое-то время спустя ее снова здесь не будет. Так что если вы хотите точно указать координаты какой-то системы, вы должны добавить и это измерение. Трехмерное «где» плюс четвертое «когда» — таково пространство-время.

Я терпеливо сказал:

— Я жду, когда все это изменится и ты скажешь, что все не так.

— Конечно, Робин, но прежде чем переходить к этой трудной части, я должен был убедиться, что вы усвоили легкую. Теперь переходим к трудной. Она связана с суперсимметрией.

— Отлично. У меня уже начали стекленеть глаза?

Он вопросительно посмотрел на меня, так серьезно, словно у меня действительно есть глаза и ему есть на что смотреть. Он хороший парень, Альберт.

— Еще нет, — довольно сказал он. — Постараюсь, чтобы они не остекленели. Я знаю, «суперсимметрия» звучит ужасно, но это всего лишь название математической модели, которая чисто статистически описывает основные особенности

вселенной. Она включает в себя такие понятия, как «супергравитация», «теория струн» и «археокосмология». — Он снова посмотрел на меня. — Все еще не остекленели? Хорошо. Сейчас начнем разбираться в значении этих терминов. Их смысл гораздо легче самих слов. Это прекрасные области для изучения. Взятые вместе, они объясняют поведение материи и энергии во всех их проявлениях. Больше того. Они не просто объясняют их. Законы суперсимметрии и остальные буквально управляют поведением всего. Я хочу сказать, что из них логично вытекает наблюдаемое поведение всего, что составляет вселенную. Вытекает даже неизбежно.

— Но…

Он шел на всех парах; взмахом руки заставил меня замолчать.

— Оставайтесь с нами, — приказал он. — Это основы. Если бы древние греки понимали суперсимметрию и все относящиеся к этому понятия, они могли бы дедуктивно вывести законы Ньютона — законы движения и всемирного тяготения, могли бы вывести квантовые правила Планка и Гейзенберга и даже, — он подмигнул, — мою собственную теорию относительности, и общую, и специальную. Им не пришлось бы для этого

экспериментировать и наблюдать. Они знали бы, что все это истинно, потому что вытекает из общих законов, точно так же, как Евклид знал, что его геометрия истинна по той же причине.

— Но она не истинна! — удивленно воскликнул я. — То есть я хочу сказать — ты же сам рассказывал мне о неевклидовой геометрии…

Он помолчал и задумался.

— В этом вся штука! — признал он наконец. Посмотрел на свою трубку, обнаружил, что она погасла, и начал снова методично набивать ее, продолжая говорить: — Евклидова геометрия не неверна, она просто истинна для одного особого случая плоской двухмерной поверхности. В реальном мире таковых не существует. Есть своя штука и в суперсимметрии. Штука в том, что она тоже неверна для реального мира — по крайней мере, для воспринимаемого нами трехмерного мира. Для того чтобы действовала суперсимметрия, требуется девять измерений, а мы можем наблюдать только три. Что происходит с остальными шестью?

Я с удовольствием сказал:

— Не имею ни малейшего представления, но ты действуешь гораздо лучше, чем обычно. Я еще не заблудился.

— У меня большая практика, — сухо ответил он. — У меня есть для вас и хорошая новость. Я могу математически продемонстрировать вам, почему необходимы девять измерений…

— О нет!

— Конечно, нет, — согласился он. — Хорошая новость в том, что это не обязательно для вашего понимания.

— Признателен.

— Понятно. — Он снова зажег трубку. — Теперь относительно недостающих шести измерений… — Он задумчиво попыхтел немного. — Если необходимы девять пространственных измерений для объяснения поведения вселенной, почему мы можем воспринимать только три?

— Это имеет какое-то отношение к энтропии? — предположил я.

Альберт выглядел ошеломленным.

— Энтропия? Конечно, нет. Зачем?

— Ну, тогда к гипотезе Маха? Или еще к чему-то такому, о чем ты говорил в глубинах времени?

Он укоризненно сказал:

— Не гадайте, Робин. Вы только усложняете мою задачу. Что произошло с другими измерениями? Они просто исчезли.

Альберт счастливо пыхтел трубкой и смотрел

на меня с таким удовлетворением, словно объяснил что-то важное.

Я ждал продолжения. Так как он молчал, я почувствовал раздражение.

— Альберт, я знаю, тебе нравится время от времени щипать меня, просто чтобы поддержать интерес, но какого дьявола должно значить «они просто исчезли»?

Он усмехнулся. Я видел, что он доволен.

— Они исчезли из нашего восприятия. Это не означает, что они уничтожены. Вероятно, это просто значит, что они очень малы. Сморщились до такой степени, что перестали быть видимыми.

Я гневно посмотрел на него.

— Объясни мне, как измерение может сморщиться!

Он улыбнулся.

— К счастью, не могу. Я говорю «к счастью», потому что, если бы мог, объяснение было бы чисто математическое и вы сразу остановили бы меня. Однако я могу пролить некоторый свет на случившееся. Говоря «сморщились», я имел в виду, что они больше не регистрируются. Позвольте привести иллюстрацию. Подумайте о точке — скажем, кончике вашего носа…

— Послушай, Альберт! Мы уже обсудили трех-

мерное пространство!

— Кончик вашего носа, — повторил он. — Соотнесите эту точку с какой-нибудь другой, скажем с вашим кадыком. Кончик вашего носа на столько миллиметров выше, дальше по ширине и дальше по длине — таким образом вы обозначаете точки x, y и z на оси координат. Можете обозначить их какими угодно буквами, но… — Он перевел дыхание. — Но для любых нормальных целей вам не нужно точно определять эти координаты, потому что расстояния настолько невелики, что мало что означают. Вот так, Робин! Поняли?

Я счастливо ответил:

— Мне кажется, что почти.

— Отлично, — сказал он, — потому что это почти верно. Но конечно, не так просто. Эти недостающие шесть измерений — они не только малы, они еще и изогнуты. Они подобны маленьким кругам. Маленьким свернутым спиралям. Они никуда не уходят. Они просто сворачиваются.

Он замолчал, посасывая трубку и одобрительно глядя на меня.

Он снова меня щиплет. Было в этих невинных глазах нечто такое, что заставило меня спросить:

— Альберт, один вопрос. Правда ли то, что ты мне рассказываешь?

Он колебался. Потом пожал плечами.

— Правда, — веско сказал он, — это очень тяжелое слово. Я еще не готов говорить о реальности, а вы именно ее имеете в виду под правдой. Эта модель очень, очень хорошо помогает объяснить положение. Она вполне может считаться правдой, по крайней мере до тех пор, пока не появится новая модель. Но к несчастью, если вы помните, — сказал он, вскидывая голову, как всегда поступает, цитируя самого себя, — как однажды сказал мой плотский оригинал, математика «истинна», когда она «реальна», и наоборот. Существует еще много элементов, которые я здесь не охарактеризовал. Мы еще не коснулись теории струн, или принципа неопределенности Гейзенберга, или…

— Дай отдохнуть, пожалуйста, — взмолился я.

— С радостью, Робин, — сказал он, — потому что вы очень старательно пытались разобраться. Я ценю ваше внимание. Теперь есть некоторая надежда, что вы поймете Врага и, что еще важнее, поймете основное строение вселенной.

— Еще важнее! — воскликнул я.

Он улыбнулся.

— В объективном смысле о да, Робин. Гораздо важнее знать, чем делать, и не имеет особенного

значения, кто знает.

Я встал и прошелся. Мне казалось, мы говорим очень давно, и я решил, что это хорошо, потому что именно этого я и хотел. Я сказал:

— Альберт? Сколько времени длилась эта твоя лекция?

— Вы имеете в виду галактическое время? Посмотрим. Да, чуть меньше четырех минут. — Он увидел мое лицо и торопливо добавил: — Но мы уже проделали почти треть пути, Робин! Еще пару недель, и мы будем у Сторожевого Колеса!

— Пару недель!

Он озабоченно посмотрел на меня.

— Мы все еще можем остановиться… Нет, конечно нет, — сказал он, наблюдая за мной. Какое-то время он выглядел нерешительным, потом принял решение. И совсем другим тоном сказал: — Робин. В разговоре обо «мне» — что я собой представляю, когда не являюсь вашей программой, вы сказали, что не верите мне. Боюсь, вы были правы. Я был не совсем откровенен с вами.

Никакие другие слова не могли больше поразить меня.

— Альберт! — завопил я. — Ты мне лгал? Но это невозможно!

Он виновато ответил:

— Совершенно верно, Робин, я вас никогда не обманывал. Но говорил не все.

— То есть ты что-то испытываешь, когда тебя выключают?

— Нет. Я вам уже говорил. Нет «меня», который мог бы испытывать.

— Тогда что, ради бога?

— Кое-что я… ощущаю… кое-что такое, что вам совершенно неизвестно, Робин. Когда я сливаюсь с другой программой, я становлюсь ею. Или им. — Он подмигнул. — Или ими.

— И ты больше не такой, как прежде?

— Да, это верно. Не такой. Но… может быть… лучше.

17. Перед троном

И время шло, и время шло, и бесконечный перелет продолжался.

Я делал все, что можно было.

Потом делал все это повторно. Потом еще кое-что. Потом даже начал серьезно думать о предложении Альберта побыть пару недель «в готовности», и это так меня напугало, что даже Эсси заметила.

Они выписала мне рецепт.

— У нас будет пирушка, — провозгласила Эсси, а когда Эсси говорит, что будет пирушка, можно расслабиться и наслаждаться.

Это, конечно, не значит, что я именно так и поступил. Во всяком случае, не сразу. Я был не в настроении для пирушки. Еще не успел отойти от шока своей «смерти» в доме на Таити. Не перестал нервничать от перспективы снова встретиться с Убийцами — с миллионами их, — и у них дома. Дьявольщина, я еще даже не разобрался со всем, что произошло в моей жизни, начиная от отвратительного умственного срыва, когда я был ребенком, смерти матери, катастрофы в черной дыре и вплоть до настоящего. Жизнь у каждого полна трагедий, катастроф и срывов. Продолжаешь жить, потому что временами бывает и хорошее, которое возмещает плохое, или по крайней мере ты надеешься, что возместит, но, боже мой, через какую прорву несчастий мы проходим! А когда живешь долго, и не только долго, но и быстро, эти несчастья только умножаются.

— Старый брюзга, — рассмеялась Эсси, поцеловав меня в губы, — подбодрись, просыпайся, развлекайся, какого дьявола, потому что завтра мы умрем, верно? А может, и нет.

Она очень энергичная женщина, моя Эсси. И

плотская, которая послужила моделью, и портативная, которая сейчас делит со мной жизнь, и не будем углубляться в споры по поводу того, что означает «энергичная».

Поэтому я постарался улыбнуться, и, к моему изумлению, это мне удалось. А потом огляделся.

Что бы ни говорила Эсси Альберту о роскошных окружениях, которые он нам предоставлял, она не собиралась отказываться от собственного стиля. Ее представление о вечеринке сильно изменилось с тех пор, как мы были записаны машиной. В старину мы могли делать все, что хотим, потому что были богаты. Теперь еще лучше. Нет ничего такого, что доставляет нам удовольствие и что было бы для нас недоступно. И нам нет нужды садиться в самолет или космический корабль, чтобы куда-нибудь добраться. Когда мы приглашаем в гости, нам не нужно ждать. То, что нам нужно, возникает сразу, и нам даже незачем беспокоиться о похмелье, о том, как бы не обидеть других и не потолстеть.

Итак, для начала Эсси создала помещение для пирушки.

Ничего экстравагантного. Если бы мы такое захотели еще людьми во плоти, легко могли бы получить. Вероятно, стоило бы не больше

миллиона долларов. Ни у Эсси, ни у меня никогда не было лыжного домика, но несколько раз мы в таких бывали. И нам нравилось сочетание огромного, до потолка, очага в одном конце, медвежьих и лосиных трофеев на стене, десятка окон, в которые видны горы в резком солнечном свете, удобных стульев, диванов и столов со свежими цветами и… И, как я вдруг осознал, множества других предметов, которые мы никогда не видели в лыжных домиках. На столе у окна винный фонтан, в нем пузырилось шампанское. (Единственным признаком того, что это не «реальное» шампанское, было то, что у него никогда не кончались пузырьки.) Рядом с фонтаном шампанского длинный буфетный стол с официантами в белых жакетах, готовыми заполнить вам тарелку. Я видел вырезку индейки и ветчину, апельсины, заполненные внутри киви и вишнями. Посмотрел на все это, потом на Эсси.

— Копченые устрицы? — предложил я.

— Боже, Робин, — с отвращением сказала она, — конечно, копченые устрицы! Не говоря уже об икре для меня и Альберта, ребрышек для старого Хулио и чего-нибудь для его девушки, а еще большое ведро месива, которое ты так любишь. Я имею в виду салат с тунцом. — Она хлопнула в ла-

доши. Дирижер небольшого оркестра на помосте в дальнем конце помещения кивнул, и оркестр заиграл мягкую ностальгическую музыку, из-за которой сходили с ума наши деды. — Сначала закусим или потанцуем? — спросила Эсси.

Я сделал усилие. Подыграл ей.

— А ты как думаешь? — спросил я своим самым сексуальным, самым глубоким кинозвездным голосом, глядя ей прямо в глаза, рукой твердо сжимая ее обнаженное плечо, потому что, разумеется, на ней было вечернее платье с глубоким вырезом.

— Я думаю, мы сначала поедим, дорогой Робин, — вздохнула она, — но не забудь: мы будем танцевать, и много.

И знаете, оказалось, для этого требуется не так уж много усилий. Действительно, салата с тунцом было столько, сколько я никогда не надеялся съесть, и официант накладывал его на куски ржаного хлеба и приминал, чтобы получился сандвич: именно так, как я люблю. Шампанское прекрасно охлаждено, и пузырьки (хоть и несуществующие) приятно щекотали мой (несуществующий) нос. Пока мы ели, Альберт доблестно убрал оркестр с площадки, достал скрипку и развлекал нас Бахом без аккомпане-

мента, маленьким соло Крейслера, а позже, когда к нему присоединились оркестранты, парочкой струнных квартетов Бетховена.

Понимаете, ни один из музыкантов, составлявших этот небольшой камерный оркестр, не был «реален» — даже в том смысле, в каком реальны мы. Это всего лишь весьма ограниченные программы, взятые Альбертом из его бесконечного запаса окружений, но то, что умели, делали они очень хорошо. Отличная пища и шампанское тоже не были реальны. Но вкус их от этого не страдал. Лук в тунцовом салате время от времени доставлял мне удовольствие, и нереальный алкоголь в имитированном шампанском активировал мои двигательные и сенсорные центры точно так же, как сделал бы реальный алкоголь в реальном теле. То есть я хочу вам сказать, что еда, питье, танцы делали свое дело, и я становился все более возбужденным сексуально. А когда мы с Эсси сонно кружились в танце (нереальное «солнце» село, и нереальные «звезды» ярко горели над нереальными «горами»), ее голова лежала у меня на плече, а я пальцами гладил ее обнаженную спину, я почувствовал, что она в таком же состоянии.

И я увел ее с танцев в общем направлении, где,

я был уверен, нас ждет спальня. Альберт с доброй прощальной улыбкой посмотрел нам вслед. Они с генералом Кассатой болтали у очага, и я слышал, как Альберт сказал:

— Это просто мое небольшое импровизированное музыкальное шоу, генерал. Понимаете, я всего лишь старался приободрить Робина. Надеюсь, я вас не обидел.

Генерал Кассата удивленно посмотрел на него. Он почесал шоколадного цвета щеку, рядом с коротко подстриженными пушистыми бакенбардами, и ответил:

— Не понимаю, о чем вы говорите, Альберт. Почему я должен обидеться?

У меня нет реального тела, мне не нужно есть реальную пищу и не нужен реальный стул, чтобы сесть. У меня нет и тех приспособлений, которые обычно нужны, чтобы заниматься любовью, и тем не менее мы делали то, что делали, со страстью и удовольствием. Имитация? Конечно. Но чувствовал я себя хорошо, как никогда, и когда все кончилось, мое сымитированное сердце билось чуть быстрее обычного, а мое дыхание выходило имитированными рывками, и я обнимал свою любовь и прижимал ее к себе, чтобы впитать имитированный запах, и ощущение, и тепло.

— Я так рада, — сказала сонно моя дорогая, — что сделала наши программы взаимодействующими.

Она пощекотала мне ухо своим дыханием. Я повернул голову, чтобы пощекотать ее.

— Моя дорогая Эсси, — сказал я, — одна из твоих программ чертовски хороша.

— Я бы не могла этого сделать без тебя, — ответила она и сонно зевнула в атласную подушку. (Знаете, мы иногда спим. Нам это не нужно. Нам не нужно также есть или заниматься любовью, но это доставляет столько удовольствия, что мы это делаем, а я больше всего всегда ценил последние минуты, когда голова ваша на подушке и вы вот-вот уплывете в теплый безопасный сон, где ничто во вселенной вас не тревожит.)

Мне хотелось спать, потому что это часть подпрограммы. Но я знал, что, если нужно, я могу стряхнуть сонливость, потому что это тоже часть подпрограммы.

Я так и сделал. На время. Я подумал, что все-таки кое-что еще осталось у меня на уме.

— Я узнаю кровать, милая.

Она хихикнула.

— Хорошая кровать, — прокомментировала она. Она не стала отрицать, что это точная, а

может, даже усовершенствованная копия анизокинетической кровати, которая годы и годы назад была у нас в Роттердаме.

Но я хотел поговорить не об этом и потому начал снова:

— Милая? Как ты думаешь, там было только двое Врагов со мной? Я имею в виду — на Таити?

Эсси какое-то время лежала молча. Потом осторожно высвободилась из моих объятий, приподнялась на локте и посмотрела на меня.

Молча какое-то время разглядывала меня, потом сказала:

— Мы ведь не можем этого сказать. Альберт говорит, что, может быть, это коллективный разум; так что на Таити, возможно, был лишь небольшой кусочек вещества Врага и говорить о числе в таком случае бессмысленно.

— У-гум.

Эсси вздохнула и повернулась. Сквозь закрытую дверь я слышал музыку в соседнем помещении. Теперь там играли старомодный рок, вероятно, ради генерала Кассаты. Эсси села, обнаженная, как в первый день, когда мы занимались любовью, и щелкнула пальцами. Загорелся неяркий янтарный свет, он исходил из скрытой в потолке арматуры. Эсси ничего не оставляет без внима-

ния в оснащении нашего маленького убежища.

— Ты по-прежнему встревожен, дорогой Робин, — нейтральным тоном сказала она.

Я подумал над ее словами.

— Наверно, — сказал я. Можно было употребить выражение гораздо более энергичное, но я не захотел.

— Хочешь поговорить?

— Хочу, — ответил я. Неожиданно вся моя сонливость пропала. — Я хочу быть счастлив. Почему это так трудно?

Эсси наклонилась и коснулась моего лба губами.

— Понятно, — сказала она. И замолчала.

— Ну, я хотел сказать, — продолжал я спустя несколько мгновений, — что не знаю, что нас ожидает.

— Но мы ведь никогда этого не знали, верно?

— Может, именно поэтому, — продолжал я гораздо громче, чем собирался, — я никогда не бываю *счастлив*.

В ответ — молчание. Когда говоришь в мегабитном режиме, даже двадцатая доля миллисекунды — значительная пауза, а эта была значительно дольше. Потом Эсси встала, подобрала с пола у кровати платье и оделась.

— Дорогой Робин, — сказала она, садясь на кровать и глядя на меня. — Я думаю, долгий полет плохо на тебе отразился. У тебя слишком много времени для глупости.

— Но у нас ведь нет выбора. Вот в том-то и дело: у меня никогда не бывает выбора!

— Ага, — сказала она, кивнув. — Мы подошли к самому сердцу вопроса. Откройся. Скажи мне, в чем дело.

Я не ответил. Вернее, ответил электронным эквивалентом раздраженного фырканья. Конечно, она этого не заслужила. Она постаралась быть любящей и доброй, и я не должен становиться вредным.

Но именно так я себя чувствовал.

— Говори, черт возьми! — прикрикнула она.

Я рявкнул в ответ:

— Дьявольщина! Ты задаешь глупые вопросы! То есть я хочу сказать, что ты — сама любовь и я тобой восхищаюсь, но… но… но, боже, Эсси, как ты можешь задавать такие вопросы? В чем дело? Ты хочешь сказать, что хоть в опасности вся вселенная, хоть я недавно умер — снова! — и, очень вероятно, скоро умру навсегда, потому что мне придется выступить против того, о чем я и думать не хочу, хотя у меня было две жены,

хотя я реально не существую и все прочее… я не должен думать? Как вам нравится пьеса, миссис Линкольн?[34]

— О Робин, — в отчаянии сказала она, — ты даже выразиться не можешь правильно!

Я запнулся на полуслове.

— Что?

— Пункт первый, — заговорила она резко и деловито. — У тебя не было двух жен, конечно, если суд не решит, что мой оригинал и я, которая только что с таким удовольствием занималась с тобой любовью, это разные жены.

— Я хотел…

— Я отлично знаю, что ты хотел, Робин, — твердо сказала она. — Хотел сказать, что любишь меня и любишь Джель-Клару Мойнлин, которая время от времени снова показывается, чтобы напомнить тебе о себе. Мы с тобой это уже обсуждали. Это не проблема. У тебя только одна жена, которая имеет значение, Робинетт Броудхед, а именно я, портативная Эсси, С. Я. Лаврова-Броудхед, которая ни в малейшей степени не ревнует тебя к этой женщине Мойнлин.

— Это не реаль… — начал я, но она махнула

---

[34] Примечания: 34

Намек на театральный спектакль, во время которого в присутствии жены застрелили президента Линкольна. — *Примеч. пер.*

рукой, чтобы я замолчал.

— Во-вторых, — твердо продолжала она, — беря в обратном порядке… нет, на самом деле беря первый пункт как второй в настоящем обсуждении…

— Эсси! Ты меня позабыла…

— Нет, — ответила она, — я тебя никогда не забываю, ты меня тоже. Это подпункт первого пункта, которым мы займемся в третьем. Обрати внимание! Что касается угрозы всей звездной вселенной, то да, такая проблема существует. Это серьезная проблема. Но мы стараемся справиться с ней, как можем. Далее. Остается один пункт, может, пятый или шестой в первоначальной последовательности, я забыла…

Я начал улавливать ее ритм.

— Ты имеешь в виду тот факт, что мы на самом деле не существуем, — с надеждой сказал я.

— Совершенно верно. Рада, что ты не отстал, Робин. Мы не мертвы, ты знаешь; не забывай об этом. Мы просто лишены тел, а это совсем другое дело. Мы больше не плоть, но мы очень-очень живы. И ты только что продемонстрировал это, черт возьми!

Я тактично ответил:

— Это было замечательно, и я знаю, что ты

говоришь правду…

— Нет! Ты этого не знаешь!

— Что ж, знаю с точки зрения логики. Cogito ergo sum[35], верно?

— Совершенно верно!

— Трудность в том, — с жалким видом сказал я, — что я никак не могу этого интернализировать.

— Ага! — воскликнула она. — О! Понимаю! «Интернализировать», вот как? Конечно, интернализировать. Вначале у нас Декарт, а теперь этот психоаналитический вздор. Это дымовая завеса, Робин, за которой настоящая тревога.

— Но разве ты не понимаешь…

Я не закончил, потому что она рукой зажала мне рот.

Потом встала и направилась к двери.

— Дорогой Робин, даю тебе слово, я понимаю. — Взяла мою одежду, лежавшую на кресле у двери, и повертела в руках. — Видишь ли, тебе сейчас нужно говорить не со мной, а с ним.

— С ним? С кем это?

— С психоаналитиком, Робин. Вот. Надевай.

Она бросила мне одежду, и пока я ошеломлен-

---

[35] Примечания: 35

Я мыслю, следовательно, существую (*лат.*). Выражение французского философа Рене Декарта. — *Примеч. пер.*

но выполнял ее распоряжение, вышла, оставив дверь открытой, и чуть позже в ней показался пожилой мужчина с печальным лицом.

— Здравствуйте, Робин. Давно мы с вами не виделись, — сказала моя старая медицинская программа Зигфрид фон Психоаналитик.

— Зигфрид, — сказал я, — я тебя не вызывал.

Он кивнул, с улыбкой идя по комнате. Опустил шторы, пригасил свет, превращая спальню из любовного гнездышка в некое подобие его старого помещения для консультаций.

— Ты мне даже не нужен! — закричал я. — К тому же мне нравилось помещение в прежнем виде!

Он сел на стул у постели, глядя на меня. Как будто ничего не изменилось. Да и кровать больше не предназначена для любовной игры, теперь это была кушетка боли, на которой я провел столько мучительных часов. Зигфрид невозмутимо сказал:

— Поскольку вы совершенно очевидно нуждаетесь в освобождении от напряжения, Робби, я подумал, что стоит убрать новейшие отвлечения. Это не очень важно. Я все могу вернуть, если хотите, Роб, но поверьте, Роб, будет гораздо полезнее, если вы просто расскажете мне о своем

ощущении тревоги или беспокойства, а не станете обсуждать убранство комнаты.

И я рассмеялся.

Не мог сдержаться. Смеялся вслух, громкий животный смех длился долго — много миллисекунд, а кончив смеяться, я вытер слезящиеся глаза (смех беззвучный, слезы нематериальные, но дело не в этом) и сказал:

— Ты меня убиваешь, Зигфрид. Знаешь что? Ты ничуточки не изменился.

Он улыбнулся и ответил:

— А вы, с другой стороны, изменились. Очень. Вы совсем не тот неуверенный, полный сомнений и чувства вины молодой человек, который пытался превратить наши сеансы в салонные игры. Вы прошли большой путь, Робин. Я очень доволен вами.

— Вздор, — ответил я, улыбаясь — бдительно и осторожно.

— С другой стороны, — продолжал он, — во многих отношениях вы совсем не изменились. Хотите провести время в пустой беседе и салонных играх? Или расскажете мне, что вас беспокоит?

— И ты еще говоришь об играх! Ты сейчас играешь в одну из них. Ты хорошо знаешь все, что я сказал. Ты, наверно, даже знаешь все мои

мысли!

Он серьезно ответил:

— То, что я знаю или не знаю, не имеет значения. И вы это понимаете. Важно то, что знаете вы, особенно то, о чем вы не хотите признаться даже самому себе. Но вам нужно все это вынести на поверхность. Начните с того, что вас тревожит.

Я сказал:

— Меня тревожит то, что я трус.

Он посмотрел на меня с улыбкой.

— Вы ведь и сами в это не верите.

— Ну, я определенно не герой!

— Откуда вы знаете, Робин? — спросил он.

— Не увиливай! Герои не сидят, мрачно рассуждая. Герои не думают о том, предстоит ли им умереть! Герои не бродят, полные тревог и чувства вины!

— Верно, герои ничего подобного не делают, — согласился Зигфрид, — но вы упустили еще одну отсутствующую у героев черту. Герои вообще ничего не делают. Они просто не существуют. Неужели вы на самом деле верите, что люди, которых вы именуете «героями», лучше вас?

— Не знаю, верю ли я в это. Надеюсь.

— Но, Робин, — рассудительно сказал он, — вы не так уж плохо действовали. Вы добились того,

чего не мог никто, даже хичи. Вы разговаривали с двумя Врагами.

— И все испортил, — с горечью сказал я.

— Вы так думаете? — Зигфрид вздохнул. — Робби, вы часто придерживаетесь прямо противоположных взглядов на самого себя. Но с течением времени всегда принимаете наименее лестный для вас взгляд. Почему? Помните, в течение многих сеансов, когда мы впервые встретились, вы мне рассказывали, какой вы трус?

— Но я и был трусом! Боже, Зигфрид, я целую вечность бродил по Вратам, прежде чем решился вылететь.

— Да, это можно назвать трусостью, — сказал Зигфрид. — Верно, таково было ваше поведение. Но бывали случаи, когда вы вели себя так, что это можно назвать необыкновенной храбростью. Когда вы бросились в космический корабль и устремились на Небо Хичи, вы страшно рисковали. Вы подвергали опасности свою жизнь — в сущности, вы едва не погибли.

— Ну, тогда была возможность заработать большие деньги. Этот полет обогатил меня.

— Но вы и так были богаты, Роб. — Он покачал головой. Потом задумчиво добавил: — Интересно, что когда вы совершаете нечто достойное,

вы приписываете себе корыстные мотивы, а когда делаете что-то, что кажется плохим, тут же соглашаетесь с такой трактовкой. А когда вы побеждаете, Робин?

Я не ответил. У меня не было ответа. Может, я даже не хотел искать ответ. Зигфрид вздохнул и изменил позу.

— Ну хорошо, — сказал он. — Вернемся к основному. Расскажите, что вас тревожит.

— Что меня тревожит? — воскликнул я. — Ты думаешь, что мне не о чем тревожиться? Если ты считаешь, что в этой вселенной, которой угрожает опасность, отдельной личности не о чем тревожиться, ты просто ничего не понял!

Он терпеливо ответил:

— Враг, несомненно, достаточная причина для тревоги, однако…

— Однако ее недостаточно, учитывая мою личную ситуацию? Я люблю двух женщин, даже трех, — поправился я, вспомнив арифметику Эсси.

Он поджал губы.

— Так в чем же тревога, Робби? Я имею в виду в практическом смысле? Например, нужно ли вам что-то предпринимать в связи с этим — делать между ними выбор? Я думаю, нет. В сущности,

никаких причин для конфликтов не существует.

Я взорвался:

— Да, ты чертовски прав, и знаешь почему не существует причин для конфликтов? Потому что я сам не существую! Я просто база данных в гигабитном пространстве. Я не более реален, чем ты!

Он спокойно спросил:

— Вы на самом деле считаете, что я не существую?

— Черт побери, конечно нет! Тебя сделала какая-то компьютерная программа!

Зигфрид разглядывал ноготь на большом пальце. Последовала еще одна долгая, в миллисекунды, пауза, и потом он сказал:

— Скажите мне, Робинетт, что вы понимаете под словом «существовать»?

— Ты прекрасно знаешь, что это значит. Это значит быть реальным.

— Понятно. А Враг реален?

— Конечно, реален, — с отвращением ответил я. — Иначе не может быть. Они ведь не копии чего-то реально существовавшего.

— Ага. Хорошо. А закон обратных квадратов реален, Робби?

— Называй меня «Робинетт», черт возьми! — вспыхнул я. Он приподнял брови, но кивнул. И

продолжал сидеть, ожидая ответа. Я собрался с мыслями. — Да, закон обратных квадратов реален. Не в материальном смысле, но в своей способности описывать материальные события. Можно предсказать его действие. Можно видеть его последствия.

— Но я вижу последствия ваших действий, Робин… Робинетт, — торопливо поправился он.

— Одна иллюзия признает другую иллюзию! — усмехнулся я.

— Да, — согласился он, — можно сказать и так. Но и другие видят последствия ваших действий. Разве генерал Берп Хеймат был иллюзией? Однако вы двое взаимодействовали, чего он никак не смог бы отрицать. А ваши банки — иллюзия? В них хранятся ваши деньги. Люди, которых вы наняли и которые работают на вас, корпорации, которые платят вам дивиденды, — все они реальны, не так ли?

Он дал мне время собраться с мыслями. Я улыбнулся.

— Я думаю, что сейчас играешь в игры ты, Зигфрид. Или ты просто не понял. Видишь ли, твоя беда в том, — покровительственно сказал я, — что ты никогда не был реален и потому не понимаешь разницы. У реальных людей реальные

проблемы. Физические проблемы. Небольшие проблемы, но люди знают, что они реальны. Я же нет! За все годы, что я прожил… бестелесным, мне ни разу не пришлось кряхтеть и напрягаться в туалете по причине запора. У меня никогда не было похмелья, насморка, солнечных ожогов или всех тех болезней, какие случаются у плоти.

Он раздраженно сказал:

— Вы не блюете? Об этом вы стонете?

Я в шоке посмотрел на него.

— Зигфрид, ты раньше никогда так со мной не разговаривал.

— Раньше вы никогда не были таким здоровым! Робинетт, я начинаю думать, что дальнейший разговор нам обоим не принесет пользы. Вероятно, вам следует говорить не со мной.

— Ну что ж, — сказал я, почти наслаждаясь ситуацией, — по крайней мере, я услышал… Боже, что это? — закончил я, потому что говорил уже не с Зигфридом фон Психоаналитиком. — Какого дьявола ты тут делаешь?

Альберт Эйнштейн повозился с трубкой, наклонившись, почесал голую лодыжку и сказал:

— Видите ли, Робин, кажется, ваша проблема совсем не психоаналитическая. Так что я с ней лучше справлюсь.

Я снова лег на кровать и закрыл глаза.

В старину, когда мы с Зигфридом встречались по средам в четыре, я никогда не думал, что мне удалось набрать несколько очков в игре, которую, как я считал, мы ведем, но никогда раньше он просто не сдавался. Это настоящая победа, такой я и не ожидал — и мне стало еще хуже, чем раньше. Я был словно в аду. Если моя проблема не психоаналитическая, значит, она реальна; а «реальная», я думал, переводится как «неразрешимая».

Я открыл глаза.

Альберт был занят. Мы больше не находились в помещении для двухчасового адюльтера, мы оказались в старом принстонском кабинете Альберта, на столе бутылка виски, а за столом доска с непонятными математическими формулами.

— Отличный у тебя был кабинет, — мрачно сказал я. — Мы опять принимаемся за игры?

— Игры тоже реальны, — серьезно сказал он. — Надеюсь, вы не возражаете против моего вмешательства. Если бы вы продолжали говорить о слезах и травмах, доктор фон Психоаналитик был бы наилучшей программой, но метафизика — это моя область.

— Метафизика!

— Но именно об этом вы говорили, Робин, — удивленно сказал он. — Разве вы не знаете? Природа реальности. Смысл жизни. Это, конечно, не моя главная специальность, но, как бы то ни было, и в этих областях я пользуюсь известностью и думаю, что смогу вам помочь, если вы не возражаете.

— А если возражаю?

— Вы можете отослать меня, когда захотите, — спокойно сказал он. — Давайте хотя бы попытаемся.

Я встал с постели — она превратилась в изношенный кожаный диван, с набивкой, выбивающейся из одной подушки, — и прошелся по кабинету, пожав плечами, что должно было означать «Ну ладно, какого дьявола?».

— Видите ли, — сказал он, — вы можете быть настолько реальны, насколько хотите, Робин.

Я сбросил со стула пачку журналов и сел лицом к Альберту.

— Ты хочешь сказать, что я могу быть такой хорошей имитацией, какой захочу?

— Мы, кажется, подошли к тесту Тюринга. Если вы такая хорошая имитация, что можете обмануть даже себя, разве это не разновидность реальности? Например, если вы действительно

хотите иметь вещи типа запора или простуды, это легко устроить. Доктор С. Я. Лаврова и я можем ввести в вашу программу легкие заболевания и распределить их так, что они будут возникать случайно. Сегодня, может быть, геморрой, завтра — прыщ на носу. Не думаю, чтобы вы на самом деле этого хотели.

— Но это все равно будет иллюзия!

Альберт подумал, потом согласился:

— В определенном смысле — да. Вероятно, вы правы. Но вспомните тест Тюринга. Простите мою нескромность, но когда вы с доктором Лавровой остаетесь вдвоем, разве вы не занимаетесь любовью?

— Ты отлично знаешь, что занимаемся! Только что занимались!

— Это доставляет вам меньше удовольствия, потому что, как вы говорите, является иллюзией?

— Удовольствие предельное. Может, это-то и плохо. Потому что, черт возьми, Эсси не может забеременеть.

— Ага, — сказал он точно так же, как Эсси. — О! Неужели вы этого хотите?

Я подумал немного.

— Точно не знаю, но иногда мне кажется, что хочу.

— Но ведь на самом деле это не невозможно, Робин. И даже не очень трудно запрограммировать. Доктор Лаврова, если захочет, может написать программу, в которой будет испытывать все физические аспекты беременности, включая роды. И будет настоящий ребенок — настоящий в том смысле, в каком и вы сами настоящий, Робин, — торопливо добавил он. — Точно так же это может быть ваш и ее ребенок. Включая унаследованные черты, личность, которая будет развиваться по мере роста. Это будет, подобно всем людям, продукт природы плюс воспитание, с некоторой ролью случайности.

— А когда он дорастет до нашего возраста, мы будем в прежнем возрасте!

— Ага, — кивнул Альберт удовлетворенно. — Мы теперь переходим к старости. Вы этого хотите? Должен вам сказать, Робин, — продолжал он серьезно, — что вы будете стареть. Не потому, что вас так запрограммировали, но потому, что должны. Будут ошибки при передаче. Они начнут накапливаться, вы изменитесь, возможно, начнете распадаться. О, разумеется, ваша программа создана с огромной избыточностью, так что ошибки будут накапливаться не быстро, тут никакие числа не помогут. Но в бесконечное

время — о да, Робин. Робинетт Броудхед через десять в двадцатой степени миллисекунд будет не совсем таким, как Броудхед наших дней.

— Замечательно! — воскликнул я. — Я не могу умереть, но могу стать старым, слабым и глупым!

— Вы хотите умереть?

— Я… не… знаю!

— Понятно, — задумчиво сказал Альберт, но на этот раз не голосом Альберта Эйнштейна. Голос глубже и ниже, и еще не успев посмотреть, я понял, чей это голос.

— О боже, — прошептал я.

— Совершенно верно, — улыбнулся Бог.

Если вам никогда не случалось появляться перед троном Судного дня, вы не знаете, каково это.

Я не знал. У меня были только смутные представления о великолепии, но великолепие вокруг оказалось гораздо грандиознее того, что мне снилось. Я ожидал… не знаю чего. Чего-то внушающего благоговение? Прекрасного? Даже пугающего?

Да, это пугало, но одновременно было и всем остальным. Огромный золотой трон. Я не имею в виду липкое обычное повседневное золото.

Это золото светящееся, теплое, почти прозрачное; не металл, а сама сущность золота, ставшая реальной. Невероятный трон возвышался надо мной, окруженный занавесями из жемчужного мрамора. Словно Фидий и Пракситель вместе изваяли эти занавеси. Стул, на котором я сидел, был из теплой резной слоновой кости, на мне белая тюремная рубашка, и я смотрю прямо во всевидящие глаза Всемогущего.

Как я сказал, было не страшно. Я встал и потянулся.

— Отличная иллюзия, — похвалил я. — Скажи мне, Господь, который Ты из Них? Иегова? Аллах? Тор? Чей Ты Бог?

— Твой, Робин, — раскатился величественный голос.

Я улыбнулся Ему.

— Но у меня нет Бога. Я всегда был атеистом. Идея личного Бога кажется детской, как указал мой друг — и, несомненно, Твой друг тоже — Альберт Эйнштейн.

— Не важно, Робин. Я Бог даже для атеиста. Видишь ли, Я судья. У меня есть все божественные атрибуты. Я Создатель и Спаситель. Я не просто добро. Я образец, по которому отмеряется добро.

— Ты судишь меня?

— Разве не для этого существуют боги?

Без какой-либо причины я начал ощущать напряжение.

— Но… что я должен сделать? Исповедаться в грехах, рассмотреть всю свою жизнь?

— Нет, Робин, — рассудительно сказал Бог. — В сущности, последние сто лет ты только и делаешь, что исповедуешься и признаешься в грехах. Не нужно проходить через это снова.

— А если я не хочу, чтобы меня судили?

— Видишь ли, это тоже не важно. Я все равно это делаю. Это Мой суд.

Он наклонился вперед, глядя на меня своими печальными, добрыми, величественными, любящими глазами. На меня напали какая-то суетливость, беспокойство.

— Я нахожу, что ты, Робинетт Броудхед, — сказал Он, — упрям, подвержен чувству вины, легко отвлекаешься, ты тщеславен, несовершенен, часто глуп, и Я очень доволен тобой. Я не хотел бы, чтобы ты был другим. Ты можешь позорно провалиться в стычке с Врагом, как не раз проваливался в прошлом. Но Я знаю, что ты сделаешь все, на что способен.

— И… и что же? — спросил я, запинаясь.

— Как что? Если ты сделаешь все, на что спосо-

бен, могу ли Я просить большего? Иди, Робин, и с тобой Мое благословение. — Он величественно поднял руки. Потом выражение его изменилось, и он всмотрелся в меня. Бог не может выглядеть «раздраженным», но этот Бог, по крайней мере, был недоволен. — В чем дело? — спросил он.

Я упрямо сказал:

— Я не удовлетворен.

— Конечно, ты не удовлетворен, — загремел Бог. — Я сделал тебя таким, потому что если бы ты не испытывал неудовлетворенности, ты не старался бы стать лучше.

— Лучше, чем что? — спросил я, дрожа вопреки своему желанию.

— Лучше, чем Я! — воскликнул Бог.

18. Конец пути

Даже самая длинная река приходит к морю, и наконец — о, как долго пришлось этого ждать! — Альберт появился на палубе прогулочного имитированного ледокола, где мы с Эсси играли в шафлборд[36], промахиваясь даже в элементарных положениях, потому что неожиданные

[36] Примечания: 36

Игра, в которой плоские деревянные диски загоняют на твердой поверхности в гнезда. — *Примеч. пер.*

водопады с айсбергов и ледяные поля в воде были великолепны, — Альберт появился, извлек изо рта трубку и сказал:

— Одна минута до прибытия. Я решил, что вам интересно будет это знать.

Конечно, интересно.

— Идем немедленно! — воскликнула Эсси и исчезла. Я немного задержался, разглядывая Альберта. На нем были синий блейзер с медными пуговицами и шапочка яхтсмена, и он улыбался мне.

— У меня по-прежнему немало вопросов, знаешь ли, — сказал я ему.

— К несчастью, у меня нет такого количества ответов, Робин, — ответил он добродушно. — Но это хорошо.

— Что хорошо?

— Иметь много вопросов. Пока у вас есть вопросы, есть и надежда получить на них ответ. — Он одобрительно кивнул. Помолчал немного, ожидая, не займусь ли я снова метафизикой, потом добавил: — Присоединимся к миссис Броудхед, генералу, его леди и остальным?

— У нас еще много времени!

— Несомненно, Робин. Времени много. — Он улыбнулся. Я, разрешая, пожал плечами, и фиорд

Аляски исчез. Мы снова находились в контрольной рубке «Истинной любви». Исчезла шапочка Альберта вместе с безупречным синим блейзером. Приглаженные волосы снова растрепались, он опять был в свитере и мешковатых брюках, и мы были одни.

— А где остальные? — спросил я и тут же сам ответил: — Не могли подождать? Сканируют с помощью инструментов корабля? Но пока еще нечего видеть.

Он добродушно пожал плечами, глядя на меня и пыхтя трубкой.

Альберт знает, что мне не нравится смотреть непосредственно через корабельные сенсоры. Добрый старый экран в контрольной рубке обычно бывает для меня достаточен. Когда подсоединяешься к приборам «Истинной любви» и смотришь одновременно во всех направлениях, это лишает ориентации, особенно для тех, кто держится за плотские привычки, как я. Поэтому я нечасто так поступаю. Альберт говорит, что это один из многих моих «плотских» пунктиков. Это верно. Я вырос как плотский человек, а человек во плоти может одновременно смотреть только в одном направлении, конечно если он не косоглазый. Альберт говорит, что мне следует

преодолеть это, но я не хочу.

На этот раз я преодолел, но не сразу. Минута — все-таки очень большая протяженность гигабитного времени… и к тому же я еще кое-что хотел спросить у него.

Однажды Альберт рассказал мне историю.

Об одном его старом плотском приятеле, математике, по имени Бертран Рассел, который всю жизнь, как и сам Альберт, был атеистом.

Конечно, мой Альберт на самом деле не тот Альберт, так что они не были приятелями, но Альберт (мой Альберт) часто говорит так, будто они были. Однажды некий религиозный человек встретился с Расселом на приеме и сказал:

— Профессор Рассел, разве вы не понимаете, какому серьезному риску подвергаете вашу бессмертную душу? Допустим, ваше предположение неверно. Что вы будете делать, если после смерти обнаружите, что Бог существует и судит вас? И когда вы предстанете пред троном суда, Он посмотрит на вас и скажет: «Бертран Рассел, почему ты не верил в Меня?» Что вы тогда скажете?

По версии Альберта, Рассел и глазом не моргнул. Он просто ответил:

— Я скажу: «Господи, Тебе следовало дать мне более убедительные доказательства».

Поэтому, когда я спросил у Альберта:

— Ты считаешь, что дал мне достаточно убедительные доказательства? — он просто кивнул, понимая мой намек, наклонился, чтобы почесать лодыжку, и сказал:

— Я так и думал, что мы к этому вернемся, Робин. Нет. Я совсем не давал вам доказательства. Единственное доказательство — это сама вселенная.

— Значит, ты не Бог? — выпалил я, наконец решившись.

Он серьезно ответил:

— Я все время думал, когда вы спросите об этом.

— А я думаю, когда ты мне ответишь.

— Прямо сейчас, Робин, — терпеливо сказал он. — Если вы спрашиваете, пришла ли та сцена, в которой вы участвовали, из тех же баз данных, которыми я обычно пользуюсь, то да. Но если вы задаете более общий вопрос, ответить труднее. Что есть Бог? Еще точнее, каков ваш Бог, Робин?

— Нет, нет, — огрызнулся я. — Вопросы здесь задаю я.

— Тогда я должен попытаться ответить на ваш вопрос. Хорошо. — Он указал на меня черенком трубки. — На вашем месте я считал бы Богом сум-

му векторов всех качеств, которые вы считаете «справедливыми», «моральными» и «достойными любви». И я полагаю, что среди всех разумных существ — людей, хичи, машинных разумов и всех остальных — существует некий консенсус относительно того, что такое добродетель. И вот сумма всех этих векторов и будет Богом. Отвечает ли это на ваш вопрос?

— Нисколько!

Он снова улыбнулся и посмотрел на экран. На нем по-прежнему видна только серость, какая бывает в полете быстрее скорости света.

— Я этого и ожидал, Робин. Меня этот ответ тоже не удовлетворяет, но знаете ли, Робин, вселенная не обязательно должна делать нас счастливыми.

Я открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но мне потребовалось время, чтобы сформулировать его, и тут он опередил меня.

— С вашего разрешения, Робин, — сказал он. — Мы уже снова в нормальном пространстве, и я уверен, вы захотите взглянуть.

И он не стал ждать моего разрешения. Исчез, но сначала улыбнулся мне своей печальной сочувственной улыбкой, которой мой дорогой друг Альберт Эйнштейн часто выводит меня из себя.

Но конечно, он прав.

Однако я показал ему, кто хозяин. Не последовал сразу за ним. Восемь-девять миллисекунд делал то, что Эсси называет… «быть глупым», но что сам я иногда называю «размышлять». Я размышлял над словами Альберта.

Подумать нужно было о многом. Еще точнее, об очень многом, но не хватало данных. Этот старый Альберт сводит меня с ума! Если он собрался играть Бога — или, как сам признал, имитацию Бога, — мог, по крайней мере, выражаться точнее. Мог бы сообщить правила игры! Когда Иегова разговаривал с Моисеем из горящего куста, когда ангел протягивал ему гравированные таблички, они, по крайней мере, сообщали, чего ожидают от него.

Я чувствовал, что имею право на более точные указания от собственного источника мудрости.

Но очевидно, я эти указания не получу, и потому мрачно последовал за Альбертом… и как раз вовремя.

Когда я соединялся с сенсорами корабля, серость на экране начала превращаться в пятна, еще одна-две миллисекунды — и эти пятна сменились подробной и отчетливой картиной.

Я почувствовал, как Эсси просунула свою руку в мою. Мы смотрели во всех направлениях одно-

временно. Меня застигло старое головокружение, но я преодолел его.

А посмотреть было на что. Зрелище, более великолепное, чем аляскинский фиорд, вызывающее благоговение, какого я никогда не испытывал.

Мы находились далеко за пределами нашей доброй старой Галактики — не только вышли из напоминающего яичницу галактического диска с желтком-ядром в центре, но даже из разреженного ореола. «Под нами» виднелись редкие звезды этого ореола, как отдельные пузырьки в галактическом вине. «Над нами» черный бархат, на который кто-то положил маленькие мазки светящейся краски. Почти рядом яркие линии Сторожевого Колеса, а еще дальше — десяток черно-желтых пятен кугельблитца.

Они не выглядели опасными. Выглядели отвратительными, как какая-то грязь на полу гостиной, которую давно следовало убрать.

Я хотел бы знать, кто это может сделать.

Эсси торжествующе воскликнула:

— Смотри, дорогой Робин! Никаких хулиганов из ЗУБов на Колесе! Мы их обогнали!

Когда я взглянул на Колесо, мне показалось, что она права. Колесо молча вертелось в одиночестве, и рядом не было видно ни одного крейсера ЗУБов.

Но Альберт вздохнул.

— Боюсь, что нет, миссис Броудхед.

— О чем это вы говорите? — спросил Кассата. Я его не видел, никто из нас не позаботился о видимых изображениях, но чувствовал, как он ощетинился.

— Только о том, что мы их не обогнали, генерал Кассата, — ответил Альберт. — Да и не могли, знаете ли. «Истинная любовь» — прекрасный космический корабль, но у нее нет скорости военных крейсеров. Если они не здесь, то это вовсе не значит, что они еще не прилетели; просто они уже были здесь и ушли.

— Куда ушли? — рявкнул я.

Он немного помолчал. Потом вид перед нами начал меняться. Альберт регулировал приборы корабля. То, что «внизу», становилось тенью. То, что «вверху» — в направлении кугельблитца, — приближалось.

— Скажите, — спросил Альберт, — вы когда-нибудь думали, как будет выглядеть, если Враг выйдет? Я не имею в виду рациональные предположения. Я говорю о фантазиях в полусне, какие бывают у каждого человека.

— Альберт!

Он не обратил на меня внимания.

— Я думаю, — сказал он, — что где-то в глубине сознания существует представление, что Враг появится из кугельблитца в виде огромных невероятных космических военных кораблей, уничтожающих все перед собой. Непобедимых. Лучи сверкают, снаряды вылетают…

— Черт тебя побери, Альберт! — закричал я.

Он серьезно ответил:

— Но, Робин. Взгляните сами…

Он еще увеличил изображение… и мы увидели.

19. Последний космический бой

Бывает так, что видишь собственными глазами и не веришь увиденному. Я не поверил. Это безумие.

Но они были здесь. Корабли ЗУБов на скорости меньше скорости света летели к кугельблитцу; а от кугельблитца навстречу им устремилось нечто в тусклых вращающихся тонах. Это нечто не расплывалось. Это были металлические предметы.

И они были очень похожи на космические корабли.

В этом не было никакого сомнения. Мы находились на предельной дальности для таких

крошечных объектов, но у «Истинной любви» прекрасные инструменты. Мы видели изображение в оптических, инфракрасных, рентгеновских лучах, на всех остальных фотонных частотах, «видели» также через магнитометры и детекторы гравитации, и все это безоговорочно подтверждало ужасный факт:

Кугельблитц выпустил армаду.

Я ожидал чего угодно, но только не этого. Какой смысл Врагу в космических кораблях? На этот вопрос я не мог ответить, но корабли были здесь. Огромные! Бронированные! Больше тысячи, все похожие друг на друга, все в едином строю конусом, они неслись прямо на добычу — крохотную, безнадежно уступающую по численности эскадру ЗУБов.

— Разобьем им башку! — кричал генерал Кассата, и я тоже что-то кричал вместе с ним.

Не мог сдержаться. Это сражение, и я на одной стороне. Не было сомнений, что битва уже началась. Видны были лучи в космосе, и не только лучи хичи, предназначенные для копания, но приспособленные в качестве оружия, — главное вооружение флота ЗУБов, но и яркие вспышки химических взрывов и разрывы вторичных снарядов с крейсеров.

Мириады кораблей Врага продолжали приближаться. Они оставались нетронутыми.

Если рассматривать все это просто как зрелище — Бог мой, оно было великолепно! Хоть и приводило в то же время в ужас. Даже если бы я не знал точно, что происходит.

Это была моя первая космическая битва. Кстати, для всех остальных она тоже первая, потому что последний бой в космосе проходил между кораблями Бразилии и Китайской Народной Республики больше ста лет назад. Это было последнее кровопролитное сражение, послужившее непосредственным поводом для создания Корпорации «Врата». Так что я не специалист, чтобы предсказать дальнейшее, но того, что случилось, я совершенно не ожидал. Корабли могли взорваться или еще что-то. Могли разлететься на куски и обломки.

Ничего подобного не произошло.

Конус Врага раскрылся и окружил крейсеры ЗУБов. А после этого корабли Врага просто исчезли, оставив крейсеры одни в пространстве.

А потом исчезли и крейсеры.

Потом непосредственно под нами мигнуло и исчезло Сторожевое Колесо. Пространство вокруг нас опустело. Ничего не было видно, кроме жем-

чужного сверкания Галактики снизу, светлячков внешних далеких галактик и желто-зеленого шара кугельблитца.

Мы стали видимы друг другу: слишком одиноко все себя почувствовали. Ничего не понимая, переглядывались.

— Я думал, что нечто такое может произойти, — сказал Альберт Эйнштейн, серьезно посасывая трубку.

Кассата взревел:

— Черт вас побери! Если вы понимаете, что произошло, скажите нам!

Альберт пожал плечами.

— Я полагаю, вы все увидите сами, — сказал он, — потому что, мне кажется, следующая очередь наша.

Так и случилось. Мы посмотрели друг на друга, и вдруг не на что стало смотреть. Ничего снаружи корабля, я хочу сказать. Нас окружила серая пелена полета быстрее скорости звука. Словно смотришь в окно самолета в густой туман.

А потом и этого не стало.

Туман исчез. Сенсоры корабля снова смогли видеть.

И мы без всякого предупреждения снова увидели знакомое черное пространство, полное звезд…

и я сразу узнал, где мы находимся. Эта планета и этот спутник те самые, на которые глаза людей (или почти людей) смотрят уже больше полумиллиона лет.

Мы были на орбите вокруг Земли, а вместе с нами также и множество других артефактов. Я узнал крейсеры ЗУБов и даже огромное Сторожевое Колесо.

Этого я вынести не мог.

Однако что делать, я знал. Когда положение становится для меня непереносимым, я знаю, где мне получить помощь.

— Альберт! — воскликнул я.

Но Альберт продолжал смотреть на Землю и Луну, на остальные объекты за корпусом «Истинной любви», сосал трубку и не отвечал.

20. Снова дома

Альберт Эйнштейн оказался не единственным устройством, которое, по-видимому, перестало функционировать. На кораблях ЗУБов тоже возникли проблемы. Все системы контроля оружия просто перегорели. Не работали.

Все остальное действовало совершенно исправно. Связь работала хорошо — и была перегружена: все спрашивали друг у друга, что же произошло.

Никакого непоправимого ущерба нанесено не было. На Колесе горели огни, работали компенсаторы массы. Машины готовили пищу и прибирались. Койки в каюте коммодора на флагмане ЗУБов продолжали заправляться, мусоросборщики исправно принимали отходы.

«Истинная любовь», на которой никогда не было вооружения, оставалась как новенькая. Мы могли немедленно лететь куда угодно.

Но куда?

Мы никуда не полетели. Алисия Ло села за приборы и вывела нас на безопасную орбиту. Меня это не тревожило. Я на все сто процентов сосредоточился на своей информационной системе и дорогом друге Альберте Эйнштейне.

— Альберт, пожалуйста!

Он достал изо рта трубку и с отсутствующим видом посмотрел на меня.

— Робин, — сказал он, — я должен попросить вас проявить терпение.

— Но, Альберт! Я тебя умоляю! Что будет дальше?

Он бросил на меня непостижимый взгляд — во всяком случае, я его не понял.

— Пожалуйста! Мы в опасности? Враг собирается убить нас?

Он изумился.

— Убить нас? Что за нелепая мысль, Робин! После того как они познакомились со мной, и с миссис Броудхед, и мисс Ло, и генералом Кассатой? Нет, конечно нет, Робин, но вы должны меня простить: я сейчас очень занят.

И это было все, что он сказал.

Немного погодя со стартовых петель прилетели шаттлы, мы отправили свои базы данных назад, на добрую старую Землю, и попытались — о, как долго мы пытались! — разобраться.

21. Окончание

Я не знал, как начать рассказ, а теперь не знаю, как кончить.

Видите ли, это и есть конец. Больше рассказывать не о чем.

Я понимаю, что для линейного плотского слуха это звучит странно (не говоря уже о том, что слишком умно), как и многое другое, что я здесь говорил. Ничего не могу поделать. Странное не может быть выражено не странно, а мне нужно рассказывать, как было. Что «случилось» дальше, не имеет значения, потому что все важное уже случилось.

Конечно, даже мы, расширенные, иногда бы-

ваем линейными… поэтому нам потребовалось какое-то время, чтобы разобраться в случившемся.

Мы с Эсси согласились, что больше всего нам нужна передышка — нужно отдохнуть, попытаться понять, что произошло, собраться с мыслями. Мы на самом деле приказали доставить наши базы данных в старый дом на Таппановом море, впервые за бесчисленное количество лет, и осели там, чтобы прояснить головы.

База данных Альберта была с нами.

Сам Альберт — совсем другое дело. Альберт больше не отвечал на мои призывы. Если он еще оставался в базе данных, то не показывался.

Эсси не собиралась признавать поражение от одной из собственных программ. Прежде всего она занялась проверками и избавлением от вирусов. Потом все-таки сдалась.

— Не могу найти ничего неисправного в программе Альберта Эйнштейна, — сказала она, — однако программа не работает. — Эсси гневно посмотрела на веер, в котором находилась база данных Альберта. — Это всего лишь труп! — раздраженно сказала она. — Тело, из которого ушла жизнь.

— Что мы можем сделать? — спросил я. Вопрос

риторический. Я просто не привык к тому, что мои машины подводят меня.

Эсси пожала плечами. И предложила утешительный приз.

— Я могу написать для тебя новую программу Альберта, — сказала она.

Я покачал головой. Мне не нужна новая программа. Мне нужен Альберт.

— Тогда, — сказала Эсси практично, — будем отдыхать и ухаживать за своим садом[37]. Как насчет того, чтобы поплавать и съесть огромный плотный великолепный ленч?

— Кто сейчас в состоянии есть? Эсси, помоги мне! Я хочу знать, — пожаловался я. — Я должен знать, о чем он говорил, когда просил нас не беспокоиться. Какое отношение к этому имеешь ты, и Кассата, и Алисия Ло? Что у вас троих общего?

Она поджала губы. Потом лицо ее прояснилось.

— А что, если спросить их?

— О чем спросить?

— О них самих. Пригласить их сюда — и тогда мы вместе поедим.

Все произошло не так быстро.

---

[37] Примечания: 37

«Нужно ухаживать за своим садом» — слова Вольтера. — *Примеч. пер.*

Прежде всего они физически (я имею в виду базы данных) не были на Земле. Оба еще были на орбите. Мне не хотелось обходиться двойниками, потому что даже незначительная задержка в ответе мешает, так что пришлось их переместить на Таппаново море, а это заняло много времени. Гораздо дольше, чем обычно, потому что Кассата вначале не мог прийти.

Я не терял времени.

Конечно, без Альберта мне стало труднее. Впрочем, особой разницы не составило, потому что я могу сделать почти все то же, что делает Альберт (но, конечно, не ответить на его загадку), если придется. Сейчас пришлось. Так что это я, а не Альберт, смотрел, что происходит в мире.

А происходило многое, хотя мне это и не помогало.

Вначале паника. ЗУБы выпустили тревожный неясный бюллетень о повреждении флота, а потом еще более тревожное требование строительства нового флота, большего и лучше прежнего — по принципу: если что-то не работает, нужно сделать его лучше, и так без конца.

Но это второе требование звучало уже нормальнее. После первой паники население поняло, что не погиб ни один человек. Корабли Врага

не появились в небе над Сан-Франциско или Пекином, чтобы превратить их в пепел. Люди вернулись к нормальной жизни, как крестьяне на склонах вулкана. Гора не взорвалась, никто не пострадал. Конечно, она взорвется — но еще не сейчас, слава Богу.

В Институте работала сотня новых лабораторий, занимаясь событиями у Сторожевого Колеса. Половина из них анализировала снова и снова «битву» между кораблями ЗУБов и Врагом. Но особенно анализировать было нечего. Мы знали то, что видели. Никакого ключа не было. Никаких противоречий в сенсорных записях, никаких отличий от увиденного зрением. Корабли Врага появились и нейтрализовали наши крейсеры; потом Враг осторожно подобрал нас и вернул назад, в наш детский манеж. Вот и все.

В лабораториях обсуждался сам Враг, но ничего нового не возникло. Видные ученые соглашались, что, вероятно, их предыдущие предположения справедливы: Враг родился вскоре после Биг Бэнга. Климат вселенной показался ему подходящим. А когда погода ухудшилась — когда в уютный суп из пространства и энергии вторглась материя, Враг решил изменить положение. Он привел в действие механизм поворота и закрылся в ку-

гельблитце в ожидании хорошего дня.

А что касается короткой стычки у Сторожевого Колеса — что ж, если вы разбудите от спячки медведя, он, вероятно, раздраженно отмахнется от вас. Но потом снова впадет в спячку; а это отмахивание рассерженного медведя было необыкновенно нежным.

О да, было множество рассуждений… Боже, сколько их было! Но никаких фактов. Не было даже никаких правдоподобных теорий, по крайней мере ни одна не доходила до стадии экспериментов, которые позволили бы ее проверить. Все (за пределами ЗУБов, разумеется) соглашались, что план постройки нового флота просто глуп, но так как лучшего плана ни у кого не было, казалось, что его будут осуществлять.

Когда должны были прибыть Кассата и Алисия Ло, я отправился к базам памяти, положил руку (конечно, так называемую руку) на базу данных Альберта и сказал:

— Пожалуйста, Альберт, как личное одолжение мне, скажи, что происходит.

Альберт не ответил.

Но когда я пошел в гостиную, чтобы подготовиться к встрече гостей, на моем любимом кресле лежал листок бумаги. На нем было написано:

«Робин, мне искренне жаль, но я не могу прервать то, чем сейчас занимаюсь. Вы действуете хорошо. Продолжайте в том же духе. С любовью, Альберт».

* * *

Хулио Кассата снова был не в мундире — рубашка, шорты, сандалии — и был явно доволен встречей со мной. Когда я спросил его об этом, он сказал:

— О, дело не в вас, Броудхед… — конечно, он совсем не изменился, — а в том, что этот ублюдок решил наконец уничтожить меня. Какой ублюдок? Разумеется, я — плотский я. Он не любит свои копии. Давно бы это сделал, но был очень занят программой нового строительства. Ему очень не хочется оставлять меня, потому что он боится, как бы ваш Институт не объявил меня нужным или ценным…

Я намеки понимаю сразу и потому сказал, правда с некоторыми опасениями:

— Институт это уже сделал.

В конце концов, Институт ведь может изменить свое мнение, если захочет… но когда я так сказал, Кассата как будто стал более человечным.

— Спасибо, — сказал он, а Эсси сказала:

— Идемте на веранду, — а я сказал:

— Что хотите выпить? — И происходящее стало напоминать пирушку, а не работу группы по теме «что-за-чертовщина-происходит-со-вселенной».

Потом я все-таки перешел к главному:

— Согласно словам Альберта Эйнштейна, Враг не убил нас, потому что встретил вас троих плюс меня и самого Альберта. — Кассата и Алисия Ло выглядели удивленными и слегка польщенными. — Есть идеи почему? — спросил я. Все молча смотрели на меня.

Начала Эсси.

— Я об этом думала, — объявила она. — Вопрос в том, что у нас троих общего. Начнем с того, что мы все записаны машиной, но, как заметил Робин, таких еще бесчисленные миллиарды. Второе. Лично я машинный дубликат существующей плотской личности. Хулио тоже.

— А я нет, — сказала Алисия.

— Верно, — с сожалением согласилась Эсси, — я это знаю. Проверила в первую очередь. Ваше плотское тело умерло от перитонита восемь лет назад, так что дело не в этом. Третье. Мы все достаточно умны по стандартным представлениям, все обладаем определенными умениями, например пилотажем, навигацией и тому подобное — но

этим обладают и многие другие. Очевидные связи я давно исключила, так что нужно копать глубже. Например. Я лично русского происхождения.

— Я американо-испанского черного, — сказал Кассата, качая головой, — а Алисия китайского; ничего не выходит. И я мужчина, а вы женщины.

— Мы с Хулио когда-то играли в гандбол, — вспомнила Алисия Ло, но Эсси, в свою очередь, покачала головой.

— Я в Ленинграде в такие игры не играла. Во всяком случае, не думаю, чтобы Врага интересовали спортивные достижения.

Я сказал:

— Беда в том, что мы не знаем, что его интересует.

— Ты, как всегда, прав, дорогой Робин, — вздохнула Эсси. — Дьявол! Подождите. Можно это сделать не таким скучным.

— Я не очень тороплюсь, — быстро сказал Кассата, боясь представить ситуацию, когда он станет не нужен.

— Я не сказала быстрее, только менее скучно. Ну как, друзья? Выпьете еще? Может, немного виндсерфинга? Я пока проведу быстрое перекрестное сопоставление всех трех баз данных.

Это легко и не помешает другим занятиям. — Она улыбнулась. — Может, будет чуть щекотно, — добавила Эсси и отправилась в свой кабинет программирования.

А мне предоставила играть роль хозяина.

Для меня это подходящее занятие. Я угостил их выпивкой. Предложил все возможности дома для развлечений, а эти возможности значительны, включая отдельную спальню; именно ее я прежде всего и имел в виду. Но тогда они, казалось, в ней не нуждались. Просто сидели и разговаривали. Приятно было оказаться дома и просто сидеть и разговаривать на веранде, с видом на море и холмы на другом берегу. Так мы и сделали.

Подтвердилась снова проницательность Эсси в оценке характеров. Двойник-Кассата оказался гораздо обходительнее своего плотского оригинала, и я даже с интересом слушал его анекдоты и смеялся его шуткам. Алисия Ло была просто отличной женщиной. Я не упустил отметить, что она хороша собой, стройна, миниатюрна и быстра и что у нее приятный характер. К тому же я понял, что она многое знает. Как один из последних старателей Врат, она участвовала в четырех научных полетах, а после расширения бродила по всей Галактике. Бывала в местах, о

которых я только слышал, а о некоторых даже и не слышал. Я только-только начинал понимать, что она нашла в Хулио Кассате, но легко понял, почему Кассата влюбился в нее.

Он даже начинал ревновать. Когда она рассказывала о своих спутниках по полетам, он особое внимание обращал на ее рассказы о мужчинах.

— Бьюсь об заклад, ты здорово с ними трахалась! — кисло сказал он.

Она рассмеялась.

— Я бы рада!

Это меня удивило.

— Что это за парни? У них что, глаз не было?

Она ответила, скромно поблагодарив меня за скрытый комплимент:

— Вы не знаете, как я тогда выглядела. До того как лопнул мой аппендикс, я было высокой и тощей и… ну, у меня было прозвище Человек-хичи. Так что я родилась не такой, какой вы меня сейчас видите, мистер Броудхед, — сказала она, говоря со мной, но глядя на Кассату, чтобы проверить, как он это воспримет.

Он воспринял хорошо.

— Ты выглядишь великолепно, — сказал он. — Как получилось, что ты умерла от аппендицита? Не оказалось врачей поблизости?

— Конечно, была Полная Медицина, и меня хотели привести в порядок. Даже с косметической обработкой, предлагали убрать кое-какие кости в позвоночнике, изменить лицо. Я не захотела, Хулио. Я хотела выглядеть по-настоящему хорошо. И был только один способ. Машина для записи уже ждала. И я воспользовалась.

И с угла веранды, где она изгибается, открывая вид на цветы Эсси, с улыбкой навстречу нам поднялась фигура.

— Теперь вы знаете причину, — сказала она.

— Эсси! — заорал я. — Иди быстрей!

Потому что этой фигурой был Альберт Эйнштейн.

— Боже мой, Альберт, — сказал я, — где ты был?

— О Робин, — с улыбкой ответил он, — мы возвращаемся к метафизике?

— Не специально. — Я опустился в кресло, глядя на него. Он не изменился. Трубка, как всегда, не зажжена, носки спущены, волосы развеваются во всех направлениях.

И манеры у него по-прежнему уклончивые. Он поплотнее сел в кресло-качалку напротив нас.

— Но, видите ли, Робин, существуют только метафизические ответы на ваш вопрос. Я не был

ни в каком «где». И сейчас здесь не просто «я».

— Не думаю, чтобы я понял, — сказал я. Это не совсем верно. Я надеялся, что не понял.

Он терпеливо сказал:

— Я связался с Врагом, Робин. Точнее, он связался со мной. Еще точнее, — виноватым тоном продолжил он, — тот «я», что сейчас разговаривает с вами, совсем не ваша информационная программа Альберт Эйнштейн.

— Но кто тогда? — спросил я.

Он улыбнулся, и по этой улыбке я понял, что понял его правильно.

22. Конца нет

Когда я был трехлетним ребенком в Вайоминге, меня не отучали от веры в Санта-Клауса. Мама мне не говорила, что Санта Клаус реален, но не говорила и обратного.

Во всей последующей жизни не было вопроса, на который я хотел бы так ответить, как тогда на этот вопрос. Я очень серьезно размышлял над ним, особенно во второй половине декабря. Я сгорал от желания узнать. Не мог дождаться, когда вырасту — скажем, до десяти лет, потому что тогда, рассуждал я, я буду достаточно умен, чтобы знать ответ на этот вопрос.

Когда я был подростком в психиатрической лечебнице пищевой шахты, врачи говорили, что со временем я вырасту. Смогу справиться со своими страхами и смятениями, буду уверен в себе — настолько, пообещали они мне, что смогу работать и даже самостоятельно переходить улицу. И этого я не мог дождаться.

Когда я был испуганным старателем на Вратах… Когда я был доведенным до ужаса единственным выжившим после полета к черной дыре… Когда я был слезливой массой желе на кушетке Зигфрида фон Психоаналитика… Когда я был всем этим, я пообещал себе, что рано или поздно стану мудрее и увереннее. Когда мне было тридцать, я думал, что это произойдет в пятьдесят. Когда стукнуло пятьдесят, я был уверен, что это случится в шестьдесят пять. Когда мне исполнилось семьдесят, я подумал, что уж когда умру, тогда-то избавлюсь от всех тревог, неуверенностей и сомнений.

А потом я стал старше того, что считал для себя возможным (не говоря уже о том, что стал мертвее), и все базы данных мира доступны мне… но у меня сохранились тревоги и сомнения.

А потом вернулся от Врага Альберт со всем знанием, которое получил, и предложил поделиться со мной; и теперь мне хочется узнать, сколько

еще лет мне стареть, прежде чем я стану окончательно взрослым. И много ли еще мне предстоит узнать, прежде чем стану мудрым?

Но теперь я, по крайней мере, знаю, чем вызваны мои затруднения с окончаниями: у бесконечности не может быть конца. У таких, как я, конца нет. Нам он не нужен.

Галактика — наша Сморщенная Скала, и прием по случаю встречи продолжается вечно. Бывают и у нас перемены. Бывают промежутки, иногда очень длительные, когда мы занимаемся чем-то другим. Бывают окончания разговоров, но каждый конец — это начало нового, и эти начала никогда не кончаются, потому что именно это и означает «вечность».

Могу вам кое-что рассказать об этих окончаниях (которые одновременно есть начала), например о разговоре Альберта с Эсси.

— Прошу прощения, миссис Броудхед, — сказал Альберт, — потому что я знаю: вас очень расстроило, что ваша собственная программа вам не отвечает.

— Чертовски верно, — возмущенно сказала она.

— Но, видите ли, я больше не ваша программа. Часть меня создана другими.

— Другими?

— Теми, кого вы называете Врагом, — объяснил он. — Теми, кого хичи называют Убийцами. Они определенно не убийцы, во всяком случае…

— Да? — прервала Эсси. — Ты можешь убедить в этом лежебок? Не говоря уже о других цивилизациях. Разве не Убийцы уничтожили их?

— Миссис Броудхед, — мягко сказал он, — я хочу сказать, что они не сознательные убийцы. Лежебоки состоят из материи. Мы — или эти Другие — не в состоянии оказались понять, что связанные протоны и электроны могут обладать разумом. Подумайте, пожалуйста. Предположим, ваш дедушка обнаружил, что один из его примитивных компьютеров совершает нечто, что может со временем помешать планам самого дедушки. Как бы он поступил?

— Расколотил бы его, — согласилась Эсси. — У дедушки был горячий характер.

— Он не стал бы, я уверен, — улыбнулся Альберт, — думать о том, что у машины возможно наличие… как бы это назвать? Души? Во всяком случае, что машина обладает разумом. Так что эти Другие… «расколотили», как вы выразились, то, что могло им помешать. Это не составило для них проблемы: они видели, что материальные

создания больше всего любят уничтожать друг друга, и потому просто помогли им это делать.

Я вмешался.

— Ты хочешь сказать, что теперь Убийцы нас любят?

— У них нет такого термина, — вежливо ответил Альберт. — И вообще все мы — включая меня, к сожалению, — сравнительно с ними исключительно примитивные создания. Но когда в порядке обычной проверки было установлено, что на Сторожевом Колесе есть машинный разум, была назначена более основательная проверка. — Он снова улыбнулся. — Вы прошли испытание. И поэтому они не хотят быть вашим Врагом, хотят только, чтобы никто не вмешивался в их планы, и, — серьезно добавил он, — я настоятельно советую, Робин, чтобы вы сделали для этого все возможное.

— В их планы вернуть вселенную к началу?

— Планы создать лучшую вселенную, — поправил Альберт.

— Ха, — сказала Эсси, качая головой. — Лучшую для них, хочешь ты сказать.

— Я хочу сказать — лучшую для нас всех. — Альберт улыбнулся. — Потому что к тому времени, как прекратится расширение и начнется сжатие,

мы будем подобны им. Мы уже похожи на них — те, кто записан машиной. Именно поэтому они смогли общаться со мной.

— Святой дым небесный! — прошептала моя дорогая жена Эсси.

Могу рассказать вам о разговоре Альберта с Хулио Кассатой.

— Вы, конечно, знаете, — будничным тоном сказал ему Альберт, — что оружие не может повредить Другим.

— Врагу! И это мы еще посмотрим, Эйнштейн!

Альберт серьезно попыхтел трубкой. Покачал головой.

— Вы разве не поняли, что обязательно потерпите поражение? Единственная ваша надежда — каким-то образом уничтожить кугельблитц, который охраняет Сторожевое Колесо сразу за нашей Галактикой. Скажите мне, генерал Кассата, у вас есть причины считать нашу Галактику какой-то особенной?

— В ней живем мы! — рявкнул Кассата.

— Да, — согласился Альберт, — для нас она уникальна. Но что заставляет вас считать, что она уникальная для Врага? Вы считаете нашу Галактику какой-то особой?

— О боже, Альберт, — начал Кассата, — если вы

пытаетесь сказать мне то, что, как я думаю, вы пытаетесь сказать…

— Именно это я и говорю вам, генерал Кассата. Других не интересует отдельная Галактика. Они намерены перестроить всю вселенную. Вселенную с сотнями миллиардов галактик, о большинстве из которых мы ничего не знаем.

— Да, конечно, — в отчаянии сказал Кассата, — но мы знаем, что Враг здесь, потому что он вмешался в дела нашей Галактики.

— Но вы не можете быть уверены, — серьезно сказал Альберт, — что в других местах его нет. Вы не можете считать, что только наша Галактика в состоянии создать разумную жизнь. Любая галактика может! Вероятно, могут даже газовые облака в межгалактическом пространстве! И если Другие не хотят, чтобы органический разум вмешивался в их проект, они организуют свои базы повсюду.

— Так что даже если мы сумеем уничтожить кугельблитц…

— Вы не сможете. Но если бы смогли, — сказал Альберт, — это все равно что раздавить одну муху цеце и считать, что с эпидемией покончено.

Он молча какое-то время курил, глядя на Хулио Кассату. Потом улыбнулся.

— Это плохая новость, — сказал он. — А хорошая в том, что вы лишились работы.

— Лишился чего?

— Вы безработный, да. — Альберт кивнул. — Нет больше никакой надобности в Звездном Управлении Быстрого реагирования. А это означает, что оно больше не может отдавать приказы. Следовательно, вам не нужно возвращаться, чтобы быть уничтоженным. Следовательно, вы можете, как и все мы, оставаться бесконечно в своем нынешнем состоянии.

Глаза Кассаты широко распахнулись.

— О, воув, — сказал он, глядя на Алисию Ло.

Могу рассказать о разговоре Альберта с Алисией Ло.

— Простите, если выразился не совсем ясно, мисс Ло, — начал Альберт, — но когда Другие изучали вас на Сторожевом Колесе…

— Доктор Эйнштейн! Я не знала, что Вра… что Другие были с нами в полете!

Он улыбнулся.

— Я тоже тогда не знал, хотя, конечно, сейчас понимаю, что должен был догадаться. Они были здесь. Они и сейчас здесь, в моей программе; они повсюду, где хотят быть, мисс Ло, и полагаю, они будут с нами всегда, потому что мы их очень

интересуем. И вы больше всех остальных.

— Я? Почему я?

— Потому что вы доброволец, — объяснил Альберт. — У меня не было выбора; я был создан как компьютерная программа и таким всегда был. Робинетт умер. Его единственной возможностью была машинная запись. И генерал Кассата, и миссис Броудхед — двойники живых личностей, но вы — вы сами выбрали машинную запись! Вы сознательно отказались от своего материального тела.

— Только потому, что мое материальное тело болело и было отвратительно внешне, и…

— Потому что вы решили, что в машинном виде вам будет лучше, — сказал Альберт, кивая. — И Другие находят это очень обнадеживающим, потому что не сомневаются: задолго до того, как положение станет критическим, все люди и хичи последуют вашему примеру.

Алисия Ло посмотрела на Хулио Кассату. И повторила то, что он сказал только что:

— Воув!

И могу рассказать вам о разговоре Альберта со мной — по крайней мере, о его последней части. Это окончание, которое стало началом, потому что в нем было кое-что для меня.

— Мне жаль, что я не мог ответить на ваш вопрос, когда вы меня просили, Робин, — сказал Альберт, — но это было невозможно, пока я учился.

Я снисходительно ответил:

— Тебе, наверно, потребовалось много времени, чтобы научиться всему, что они знают.

— Всему? О Робин! Да я почти ничего не узнал. Вы представляете себе, каков их возраст? И как много они узнали? Нет, — сказал он, качая головой, — я не узнал всю историю их расы, не узнал, как именно они собираются заставить вселенную сжиматься. В сущности, я получил только некоторые практически нужные сведения.

— Дьявольщина! — сказал я. — А почему не больше?

— Я не спрашивал, — просто ответил он.

Я обдумал его слова. И сказал:

— Ну, я думаю, когда настанет время, они многое смогут рассказать нам…

— Очень в этом сомневаюсь, — ответил Альберт. — Зачем им это? Будете ли вы учить космической навигации кошку? Может, когда-нибудь, когда все перейдут на следующую ступень эволюции…

— Станут как ты?

— Станут как мы, Робин, — мягко сказал он. — Когда все живые люди и живые хичи решат стать более живыми, стать вечно живыми… как мы… тогда, может быть, у нас появится шанс на настоящий диалог… Но я считаю, что на следующие несколько миллионов лет они оставят нас одних. Если мы оставим их в покое.

Я вздрогнул.

— Я с удовольствием это сделаю.

— Я рад, — сказал Альберт.

Что-то в его голосе заставило меня повернуться и посмотреть на него. Голос был другой, я уже слышал его раньше. И говорил со мной не Альберт.

Кто-то совсем другой.

— В конце концов, — улыбаясь, сказал Он, — Другие — тоже Мои дети.

Так что, вероятно, я никогда не достигну удивительного возраста зрелости, когда известны ответы на все вопросы, которые продолжают тревожить меня.

Но может быть, достаточно просто задать их.